E 71⁹/90

1913

НЕ КОПИРОВАТЬ

НЕ КОПИРОВАТИ

Андрей Сиротининъ

$\frac{71^a}{90}$ 6

РОССІЯ и СЛАВЯНЕ

A vždy, voláš-li „slovan“, necht' se ti ozve člověk.

Когда позовутъ „славянинъ“, — пусть въ тебѣ всегда откликнется человѣкъ.

Jan Kollár.

Всероссийская Публичная Библиотека

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. Остр., 5 лин., д. 28.
1913

Андрей Сиротининъ

РОССІЯ и СЛАВЯНЕ

A vždy, voláš-li „slovan“, nechť se ti ozve člověk.

Когда позовутъ „славянинъ“, — пусть въ тебѣ всегда откликнется человѣкъ.

Jan Kollár.

Московскій Публичный и Румянцовскій Музей
XIII-29313

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. Остр., 5 лин., д. 28.
1913

ТИПОГРАФІЯ
М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 5 Л. 28

4502

2011143316

Памяти отца моего, Николая Сергѣевича Сиротинина, и матери, Θеодосіи Егоровны Сиротининой, посвящается книга эта.

8

КНИГА ИМЕЕТ стр. все

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	197 9 г.
38							600	

м 55

Всероссийская Публичная Библиотека

Настоящая книга составилась изъ отдѣльныхъ очерковъ, написанныхъ въ разное время, но объединенныхъ одною мыслью, однимъ чувствомъ. Всѣ вмѣстѣ обнимаютъ они собою и одинъ предметъ—славянство.

Но существуетъ ли единое, органически цѣльное славянство? Антропологи утверждаютъ, что нѣтъ единой славянской расы, а современная жизнь какъ будто подкрѣпляетъ ихъ теоретическіе доводы зрѣлищемъ только что разыгравшейся на Балканахъ кровавой бойни между сербами и болгарами. Но не шла ли когда-то Москва на Тверь и Тверь на Москву, не боролся ли Новгородъ съ москвичами и не нападали ли москвичи на развернутое широко знамя новгородской святой Софіи? Однако, и въ самомъ пылу борьбы русскій народъ не переставалъ быть единымъ, какъ не такъ давно еще не пересталъ имъ быть и народъ нѣмецкій, несмотря на войну нѣмецкой Пруссіи съ нѣмецкой же Австріей. Что касается антропологіи, то для нея нѣтъ и единой чистой расы русской, польской, чешской, французской. Однако и сами антропологи не усомнятся въ томъ, что каждая изъ этихъ народностей является отдѣльною народною личностью.

Славянство, пока о немъ спорятъ ученые, давно уже засвидѣтельствовано живымъ и непосредственнымъ чувствомъ народа. Кто путешествовалъ въ зарубежныхъ славянскихъ краяхъ, помнитъ довольную улыбку привѣта, которая искрится въ глазахъ какого-нибудь славянскаго матроса на пароходахъ австрійскаго Ллойда, когда услышитъ онъ не свою и какъ будто чу-

жую, но въ то же время и свою и родную, разомъ для него далекую и близкую славянскую рѣчь. Прочная, живая и кровная связь, соединяющая славянскіе народы въ единый организмъ, ощущается даже тамъ, гдѣ наиболѣе сильны междувѣдомственныя противоборства. Мицкевичъ часто говаривалъ, что полякъ, когда забудетъ о ранахъ прошлаго, ни съ кѣмъ на свѣтѣ не чувствуетъ себя столь близкимъ и роднымъ, какъ съ русскимъ, и кто же, какъ не полька, Элиза Оржешкова, изобразила наше западнорусское крестьянство съ такою любовью, съ такимъ теплымъ и родственнымъ чувствомъ, съ какимъ можетъ быть описанъ только свой, близкій, родной человѣкъ? Живое, реальное чувство родства, не молкнетъ въ простой славянской душѣ. Оно брало и всегда будетъ брать верхъ надъ ученой казуистикой.

При крайней разрозненности историческихъ и географическихъ условій органическое единство славянъ долгое время сказывалось главнымъ образомъ въ языкѣ, который даже и отрицатели цѣлокупнаго славянства признаютъ „цементомъ, связывающимъ отдѣльныя славянскія группы человѣчества въ единое, обособленное цѣлое“. Но языкъ не случайное собраніе словъ и ихъ взаимоотношеній. Народъ слагаетъ въ хранительныя грани родного слова

Всю жизнь свою, свои мечты,
Геройскій мечъ питомца брани,
Понятій нити, мыслей ткани
И чувства свѣжіе цвѣты.

Языкъ—это выраженіе глубокой внутренней жизни народа и потому сходство въ языкѣ несомнительно свидѣтельствуетъ и о сходствѣ въ глубочайшихъ стихійныхъ основахъ народной жизни. Въ XIX вѣкѣ, когда и у самыхъ маленькихъ народовъ проснулось народное самосознаніе, когда вмѣстѣ съ тѣмъ желѣзнодорожныя рельсы прорѣзали самыя недоступныя горы, а сѣть телеграфныхъ и телефонныхъ проволокъ соединила отдаленнѣйшіе концы міра, славянское единство стало воочію для всѣхъ проявляться и въ дѣйствіи. И какою же красотою нравственнаго подвига озарило оно міръ! Освободительныя войны Россіи въ XIX вѣкѣ и осо-

бенно единственная и несравненная война 1877—1878 г. призвавъ къ вольной жизни цѣлый народъ, показала, какъ много можетъ дать человѣчеству объединенное въ дѣйствіи славянство. Не будь Россіи, а въ сердцахъ русскихъ людей славянскаго чувства, которое заставило когда-то юношу Хомякова, засунувъ ножъ за голенище, бѣжать изъ дому для освобожденія славянъ, не было бы теперь ни свободной Болгаріи ни независимой Сербіи. Освободительной была и только что прошедшая балканская война противъ Турціи. Побѣдоносный маршъ сербовъ, подвиги болгаръ подъ Адріанополемъ и Киркъ-Килиссе горячимъ сочувствіемъ отзывались въ каждомъ, кто не утратилъ въ себѣ человѣка: они снимали многовѣковыя цѣпи съ рабовъ. Казалось уже, что всходитъ надъ широкими равнинами славянства солнце, и мы не жалѣемъ, что отблески его и теперь, когда тучи вновь заволокли славянское небо, остались горѣть на нѣсколькихъ страницахъ нашей книги и въ ея заключительныхъ словахъ. Что было самоотверженнаго въ первой балканской войнѣ не останется безъ плода, и кто видѣлъ побѣдный свѣтъ солнечныхъ лучей, и во тьмѣ ихъ не забудетъ. Кто же сталъ бы, смотря на покрытое темными облаками сѣрое небо, увѣрять, что солнца вовсе не существуетъ?

Источникъ свѣта, которымъ горитъ славянская идея, заключается однако отнюдь не въ *одной только* кровной связи, существующей между отдѣльными народами славянскаго племени. Каждый народъ, какъ и отдѣльный человѣкъ, силенъ и цѣненъ лишь постольку, поскольку онъ свое дѣло связываетъ съ дѣломъ Высшей Правды, ибо въ конечномъ счетѣ политическая мощь народа зиждется не на количествѣ штыковъ, а на силѣ нравственныхъ подвиговъ. Содержаніе славянской идеи съ этой точки зрѣнія давно уже опредѣлено сознаніемъ лучшихъ людей и писателей славянства, его исторіей и даже современнымъ положеніемъ большинства славянскихъ народовъ. Хомяковъ звалъ Россію „обнять любовію своей всѣ народы, всѣмъ имъ сказать таинство свободы". О томъ же въ примѣненіи ко всему славянству училъ въ своихъ парижскихъ лекціяхъ и Мицкевичъ, и наконецъ въ наши дни,

уже не пожеланія высказывая, а закрѣпляя въ словѣ факты, писалъ о Россіи и русскомъ языкѣ Ашкерцъ:

О, нѣтъ! ты не орудье силы темной:
Ты свѣта властелинъ, ты гонишь ложь!
Глашатай истины ты и свободы,
Изъ тьмы ты къ солнцу правды насъ ведешь!
Да свѣтитъ же твой яркій, мощный свѣточъ
Отъ дальнихъ Балта синяго бреговъ
Чрезъ горы, долъ, чрезъ тундры и чрезъ рѣки
До океана Тихаго валовъ!
Отъ солнца Индіи до странъ полночи
Простертыхъ въ прахѣ къ счастью да зоветъ,
Народы къ жизни воздвигаетъ новой
И всѣмъ имъ вѣсть спасенія несетъ!

Жестомъ вольнымъ и къ волѣ зовущимъ обрисовалось въ исторіи славянство и, если у него были и есть минуты паденія, то не ими, а взлетами ввысь мѣряется сила человѣка и народа. Славянская идея есть идея свободнаго развитія силъ человѣческихъ и народныхъ и потому она идея высокочеловѣчная и, кто служитъ ей, тотъ служитъ человѣчеству. Авторъ этихъ строкъ не славянофилъ и не панславистъ. Онъ далеко стоялъ и стоитъ отъ общеславянскаго дѣланія послѣдняго времени. Но не надо быть славянофиломъ, чтобы подписаться подъ памятными словами Хомякова, давно опредѣлившими для Россіи нравственный долгъ, составляющій весь смыслъ и задачу существованія ея и всего славянства: „Мы будемъ, писалъ Хомяковъ, какъ и всегда были, демократами между прочихъ семей Европы; мы будемъ представителями чисто человѣческаго начала, благословляющаго всякое племя на жизнь вольную и развитіе самобытное“.

Чужую бѣду лучше и живѣе чувствуетъ тотъ, кто самъ шелъ дорогой горя. Какъ мы уже сказали, самыя условія современной жизни толкаютъ славянъ къ осуществленію только что указанной задачи. Нѣтъ въ Европѣ Западной народа болѣе униженнаго и обездоленнаго, чѣмъ славяне. Правда, на нашихъ глазахъ пали теперь съ христіанско-славянской райи оковы турецкаго ига, но еще во всей силѣ давитъ славянъ еще худшее иго мадьярско-нѣмецкое. Мы всего менѣе склонны уменьшать великія заслуги

передъ человѣчествомъ благороднаго нѣмецкаго народа. Но нельзя же не видѣть, какое одностороннее и извращенное развитіе приняли его силы за послѣднее столѣтіе. Съ Шиллеромъ и мечтами маркиза Позы вступали нѣмцы въ XIX-ый вѣкъ, а кончили Бисмаркомъ и преклоненіемъ предъ грубою силой. Идеалъ порядка и дисциплины превратили они въ идола чисто внѣшней принудительности и узаконеннаго насилія надъ живой человѣческой и народной личностью. Высоко воздвигнутъ ими алтарь матеріальной культуры, но, какъ бы ни цѣнить ея блага, за высшее начало никогда не признаетъ ее славянское чувство и здѣсь скрыто, но постоянно совершается борьба между двумя мірами славянскимъ и нѣмецкимъ. Было бы непростительнымъ заблужденіемъ закрывать на это глаза. Надменно и увѣренно стоитъ на старыхъ крѣпостныхъ окопахъ Познани статуя Бисмарка. Давно уже попраны желѣзнымъ канцлеромъ всѣ права польскаго народа, но все еще не снимаетъ онъ руки съ рукоятки стараго нѣмецкаго меча, а взоръ его обращенъ не на Познань, что, хоть и не сдавшаяся, но сдавленная и безсильная, лежитъ у его ногъ, но туда, на востокъ, гдѣ за голубою гладью Гопла разстилаются урожайныя поля Куявіи, и еще далѣе, за Вислу, гдѣ уже думаетъ свою вѣковую думу бѣлорусское Полѣсье. Знаетъ канцлеръ, что *только оттуда*, съ далекихъ равнинъ Россіи можетъ придти ему отпоръ. Но чтобы во *имя* человѣчества, во имя пользы славянства и самого нѣмецкаго народа отпоръ этотъ былъ дѣйствительный, славянство и Россія должны сознать свое предназначеніе, должны освободиться отъ гипноза нѣмецкой мысли, порождающей такія уродливыя явленія, какъ польское, да отчасти и русское политическое германофильство, должны перестать жалѣть о томъ, что у славянъ не было своего Бисмарка и выявить скорѣе особенности своего народнаго идеала. Хотя Россія тѣснѣйшимъ образомъ связана со славянскимъ вопросомъ со стороны Польши и Руси Галицкой и Угорской, все, что мы дѣлали до сихъ поръ для славянства, было всегда скорѣе порывомъ чувства и невольнымъ влеченіемъ вѣрнаго народнаго инстинкта, чѣмъ плодомъ строго обдуманнаго, систематическаго государственнаго дѣйствія.

Сила наша удесятерилась бы, если бы мы дали себѣ ясный отчетъ въ предстоящей намъ задачѣ, если бы съ ясными цѣлями мы соразмѣряли опредѣленныя и послѣдовательныя дѣйствія. Тогда и безъ вооруженной борьбы измѣнилось бы къ лучшему положеніе подневольнаго западнаго славянства.

Но чтобы славянство и Россія стали такою одухотворенною мощью, дѣйствительнымъ „глашатаемъ истины и свободы“, какъ назвалъ Россію Ашкерцъ, нужно славянамъ не одно только знаніе другъ друга и пониманіе общихъ цѣлей славянства. Нуженъ еще внутренній подъемъ народа, нужно, чтобы широко, сильно и всесторонне развернулись всѣ его силы. Тутъ славянскій вопросъ соприкасается съ вопросомъ о внутреннемъ развитіи каждаго славянскаго народа. Было бы ошибкою соединять славянскую идею съ какою бы то ни было политической партіей. Ей служили и служатъ люди самыхъ разныхъ политическихъ направленій, Хомяковъ и Герценъ, Пыпинъ и Аксаковъ, лѣвые и правые. Это идея общенародная. Каждая новая школа, каждый приростъ знаній и практическаго опыта, каждое завоеваніе общественной самодѣятельности укрѣпляетъ ея силу. Здѣсь каждый камешекъ нуженъ, потому что сложно и многотрудно возводимое славянствомъ зданіе и только объединенными силами всего народа можетъ оно быть создано.

У болгарскаго поэта, Кирилла Христова есть стихотвореніе „Славянское солнце“. Утро. Заря уже занимается. Ударилъ первый колоколъ. На высокихъ Татрахъ и Карпатахъ, на Шаръпланинѣ и зеленомъ Балканѣ, на Чешскихъ горахъ и царственныхъ вершинахъ Кавказа давно уже собрались славянскіе народы и ждутъ, когда же наконецъ покажется солнце. А его все нѣтъ и нѣтъ. Очевидно, что съ той высоты, на которой мы стоимъ, его и нельзя увидѣть.

Небото руменѣй. Въ безмълвие дълбоко
Стоимъ и чакаме отъ модри висини
Туй чудно слънце ний.—Славяни! по-високо!
Не можемъ го видѣ отъ тия планини!
Алѣютъ небеса. Въ безмолвіи глубокомъ
Стоимъ и ждемъ мы съ неба солнца своего.
Славяне! Вы еще поднялись не высоко.
Взоидите вверхъ,—и вы увидите его!

Подъ силу ли будетъ славянству этотъ новый подъемъ? Осуществитъ ли оно свой подвигъ? Исполнитъ ли его Россія? Не вѣрить въ это значитъ не вѣрить въ торжество правды. О чемъ же съ дѣтства шумѣлъ намъ нашъ могучій полѣсскій боръ? Что сулилъ намъ гулъ широколиственной русской дубравы, ласкающей и всѣхъ манящей въ свою привольную тѣнь? Мы выросли на нескончаемомъ просторѣ русскихъ равнинъ, гдѣ взоръ летитъ въ даль и не находитъ ей конца. Намъ напѣвала пѣсни наша Волга, „это знаменье воли для вольныхъ, для раздольныхъ умовъ, тѣснотой недовольныхъ“. И это все было напрасно? Не можетъ быть! Мы не были бы русскими, если бы не любили Россіи, не вѣрили въ нее.

И пусть вокругъ въ предѣлахъ даже самого славянства бушуетъ море вражды, мы и тогда не отчаемся въ побѣдѣ и надъ бушующимъ потокомъ ненависти смѣло поднимемъ масличную вѣтку міра, потому что знаемъ, что несемъ всѣмъ враждующимъ одно, что на землѣ вѣчно и никогда не умираетъ,—любовь.

24 іюля. Влоцлавскъ.

ПУШКИНЪ и СЛАВЯНЕ.

Людевитъ Штуръ. Элегія на смерть Пушкина. (Съ чешскаго).

Андрей Сладковичъ. Духу Пушкина, пер. Берга. (Со словацкаго).

Свѣтозаръ Гурбанъ-Ваянскій. Передъ памятникомъ Пушкина. (Со словацкаго).

Ярославъ Врхлицкій. Пушкинъ у моря. (Съ чешскаго).

Петръ II Нѣгошъ. Сѣни Алекс. Пушкина. (По сербски).

Иванъ Вазовъ. Столѣтіе Пушкина. (Съ болгарскаго).

Антонъ Ашкерцъ. Царскосельскій памятникъ юношѣ-Пушкину. (Со словенскаго).

Адамъ Мицкевичъ. Отрывокъ о Пушкинѣ изъ 3-ей части «Дзядовъ». (Съ польскаго).

Всероссійская Публичная Библіотека

I.

Самыми основными, самыми глубокими стремленіями человѣка и народа обыкновенно бываютъ тѣ, въ которыхъ мы сами не даемъ себѣ отчета. Властно, неодолимо, иногда наперекоръ уму и видимой пользѣ, влечетъ насъ въ извѣстную сторону, а потомъ оказывается, что вопреки всѣмъ видимостямъ именно тамъ и крылась наша выгода и въ стремленіи туда и заключалась одна изъ основныхъ задачъ нашей жизни. Такими безотчетными, но прочными и, несмотря на всѣ отклоненія, постоянными влеченіями были въ жизни русскаго народа его племенныя, славянскія тяготѣнія. Взаимодѣйствіе между русскимъ народомъ и западнымъ и южнымъ славянствомъ въ сущности не прекращалось вполнѣ никогда, но опредѣленной и сознательно проводимой славянской политики у насъ не было и прежде, нѣтъ и теперь. Однако съ тѣхъ поръ, какъ герцеговинскій полковникъ Михаилъ Милорадовичъ и черногорскій капитанъ Лукашевичъ передъ прутскимъ походомъ разсказали Петру, что тамъ далеко, на славянскомъ югѣ, есть „соколиное сербовъ гнѣздо", готовое всегда прійти на помощь русскому оружію,—русская политика мимовольно стала играть передовую роль въ славянскомъ вопросѣ. Русскіе дипломаты, вродѣ князя А. М. Горчакова, открещивались отъ славянъ, предостерегали отъ „славянскихъ авантюръ". И однако все, что было самаго лучшаго, самаго благороднаго, самаго яркаго въ исторіи Россіи за послѣдніе два вѣка, связано со славянской идеей. Съ чувствомъ глубочайшаго удовлетворенія можетъ читать русскій стихи сербскаго поэта, Змая Іована Іовановича, на памятникъ у Алексинца:

Кад бојна труба Србију диже,
Да Српство одбрани,
Пођоше гинут', ал' брат повика:
„Не ћете сами!"
И чак са дальних северних страна

Русадија с'диже,
И љубав братска и љубав славска
У помоћ стиже.
Ох, сви су они бесмртно име
Задобити знали.
Многи су, многи за народ српски
Свој живот дали.
Дали су живот, који се никад
Не може да врати,—
Може ли ико, може ли иком
Што више дати! [1]).

Каждая страница въ исторіи славянскаго возрожденія въ XIX вѣкѣ запечатлѣна русскою кровью, и во всей нашей внѣшней жизни развѣ есть жемчужина драгоцѣннѣе освободительной войны 1877—1878 года? Не было бы на Руси славянскихъ влеченій, не существовала бы свободная Болгарія.

Россія, если хочетъ быть вѣрною себѣ самой, не можетъ не быть славянскою. Этому учитъ исторія наша, объ этомъ твердитъ каждое явленіе въ нашей жизни, отразившее въ себѣ русскій складъ ума и сочувствій, и на первомъ мѣстѣ наша литература. До сихъ поръ у насъ есть только одинъ поэтъ, который далъ полный и цѣльный образъ нашей народности. Это—Пушкинъ. Онъ—„наше все": магическимъ жезломъ поэзіи онъ очертилъ кругъ нашихъ сочувствій; въ его стихахъ вылилось все наше душевное, особенное, и кто хочетъ изучать русскую душу, пусть читаетъ Пушкина. Прочтетъ,—и увидитъ тамъ чистѣйшій обликъ славянина.

Пушкинъ сравнительно мало соприкасался съ инославянскимъ міромъ. Его дѣтство лелѣяли сказки няни и разсказы бабушки, а искажалъ и грязнилъ Вольтеръ, Парни, Шаплэнъ. Не дядѣ же, Василію Львовичу, было знакомить его со славянствомъ, да и кто тогда, кромѣ развѣ Шишкова да еще двухъ-трехъ человѣкъ, зналъ о славянствѣ? Въ 1816 году пріѣзжалъ въ Петербургъ мрачный и зловѣщимъ свѣтомъ мести озаренный сербскій гайдукъ Кара-Георгій, а черезъ три года посѣтилъ Россію Вукъ Ка-

[1]) Когда по зову военной трубы встала Сербія на защиту сербства, пошли сербы на гибель, но братъ имъ кликнулъ: „Вы не останетесь одни!" И съ дальнихъ сѣверныхъ сторонъ поднялась Русь, и любовь братская и любовь славянская пришли намъ на помощь. О, всѣ они заслужили себѣ безсмертное имя. Много ихъ, много за сербскій народъ положило жизнь свою. Положило жизнь, которую уже никогда нельзя воротить. Можетъ ли кто-нибудь дать другому что-нибудь большее!

раджичъ, но Пушкинъ едва ли встрѣчался съ ними. Въ лучшемъ случаѣ до него могли долетать только вѣсти о геройскомъ поединкѣ сербскихъ пастуховъ съ могущественной турецкой имперіей. Его славянскія знакомства начались позднѣе, на югѣ, въ Бессарабіи. Въ Кишиневѣ жили тогда сербскіе воеводы Вуличъ, Ненадовичъ, Живковичъ. Съ ними сходился Пушкинъ у Липранди и, можетъ быть, отъ нихъ записалъ сербскія пѣсни, сохранившіяся въ его черновыхъ тетрадяхъ. Въ домѣ Инзова, попечителя южно-русскихъ болгарскихъ колоній и основателя Болграда, могъ онъ также встрѣтить не одного южнаго славянина. Въ Одессѣ его плѣнила красота г-жи Ризничъ, жены далматинскаго сербо-хорвата. Наконецъ въ Петербургѣ пріязнь связала Пушкина съ Мицкевичемъ. Еще раньше зналъ онъ графа Олизара, семью графа Собанскаго, и, конечно, встрѣчался со многими поляками, но ни съ кѣмъ не сходился близко.

Вотъ и всѣ точки соприкосновенія нашего поэта со славянствомъ. По пальцамъ можно перечесть и тѣ произведенія Пушкина, въ которыхъ затронулъ онъ славянство. Три перевода съ польскаго изъ Мицкевича, два стихотворенія о Кара-Георгіи, одно о Милошѣ, три перевода изъ Вука Караджича и 11 переводовъ изъ книги Мериме „La Guzla", среди которыхъ есть одно чешское сказаніе „Янышъ королевичъ", легшее въ основу „Русалки". Вотъ все. Но не въ сюжетахъ дѣло. Въ каждой строкѣ Пушкина видны черты славянскаго генія, съ его безпечнымъ и глубокимъ добродушіемъ, свѣтлостью взгляда и несравненной легкостью, подъ которою кроется глубина мысли. Пушкинъ роняетъ жемчужины мыслей, кажется, самъ того не сознавая. А потомъ этотъ полетъ славянскаго чувства, широкій взмахъ уносящихся въ высь орлиныхъ крыльевъ, голосъ, „шуму водъ подобный"!

П. А. Кулаковскій, сличивъ пушкинскіе переводы изъ Вука Караджича съ подлиннымъ текстомъ сербскихъ пѣсенъ, указалъ на любопытную подробность. Переводя пѣсню „Соловей" съ невѣрно записаннаго текста, Пушкинъ внесъ въ нее какъ разъ тѣ измѣненія, которыя передаютъ духъ и настроеніе подлинной пѣсни. Чутье народной славянской жизни подсказало ему истину.

И славянство отвѣтило ему такимъ же вниманіемъ къ его поэзіи. Правда, по счету П. Д. Драганова, первое мѣсто по количеству переводовъ изъ Пушкина занимаютъ французы (246 №№), второе нѣмцы (224 №№) и только потомъ идутъ славяне—чехи (203 №№), сербо-хорваты (86 №№), поляки (57 №№), болгары

(55 №№), словенцы (36 №№) и словаки (24 №№). Но если взять эти цифры въ процентномъ отношеніи къ общему количеству выпущенныхъ каждымъ народомъ переводовъ, то славянскіе народы займутъ здѣсь безспорно первое мѣсто. Пушкина переводили на многіе языки, но дѣйствовалъ онъ на сердца только въ славянскомъ мірѣ. Цѣлый рядъ первостепенныхъ славянскихъ поэтовъ принесъ ему въ даръ дань любви и уваженія. Соберемъ эти отдѣльные, разрозненные цвѣты въ одну пышную гирлянду. Пусть увидятъ всѣ, какой поэтическій вѣнокъ сплели русскому пѣвцу „гордые внуки славянъ". Пушкинъ—повторимъ здѣсь слова Аполлона Григорьева—„наше все", и все, что его касается, намъ дорого. Слава, воздания его генію, есть слава русскаго народа.

II.

Имя Пушкина становится извѣстнымъ въ славянствѣ уже въ двадцатыхъ годахъ. Первыми познакомились съ нимъ, кажется, сербы. Въ журналѣ „Сербске Летописи" за 1825 годъ уже упоминается его имя: „А. С. Пушкин, род. 1799, кол. секретар, писао е многа лирическа сочиненія, „Руслан и Людмила, Спб. 1820". Годъ спустя тотъ же журналъ, редактировавшійся Юріемъ Магарашевичемъ, помѣщая обзоръ содержанія поэмы „Источник Бакчисарая", предпослалъ ему замѣтку о Пушкинѣ, изъ которой видно, что автору извѣстны „Воспоминанія о Царскомъ Селѣ", „Кавказскій плѣнникъ" и „Русланъ и Людмила", поэма, которой „планъ добро расположенъ, обдѣланіе художественно, а повѣсть жива и пріятна". Знали сербы и объ отношеніи поэта къ императору Николаю и, хотя величали Пушкина графомъ („Руси имаю у графу Александру Пушкину прѣпрославленогъ поету"), но уже читали и перепечатывали у себя въ подлинникѣ стихотворенія этого „графа": „Дочери Карагеоргія", „Муза", „Гркинји", „Подражаніе Байрону", а съ 1840 года, когда въ журналѣ „Срп. Далмат. Магазинъ" было напечатано переведенное Петрановичемъ стихотвореніе „Черный Георгій", стали и переводить ихъ.

На годъ позднѣе, чѣмъ у сербовъ, имя Пушкина появляется у поляковъ. Въ „Польской Библіографіи" Карла Эстрейхера подъ словомъ „Пушкинъ" читаемъ:

Fontanna w Bakczyseraju (A. Rogalski). Wilno. 1826.

Fontanna w Bakczyseraju przekład N. F. Ż (aby). W. 1826.

Въ томъ же 1828 году былъ переведенъ и „Кавказскій

плѣнникъ". „Прекрасныя произведенія Пушкина,—говорилось въ предисловіи къ этому послѣднему переводу,—поставили его въ ряду первыхъ поэтовъ. Его произведенія будутъ читаться въ самыя отдаленныя времена. „Цыганы", „Братья-Разбойники", „Кавказскій плѣнникъ", особенно же полный красотъ „Бахчисарайскій фонтанъ" доставили ему безсмертную славу".

Чешскіе переводы появились позднѣе. Первыми были переведены „Цыганы". Переводъ принадлежитъ Яну Славоміру Томичку и напечатанъ въ № 8 журнала „Чехославъ" за 1830 годъ. Въ тридцатыхъ годахъ нѣсколько мелкихъ стихотвореній—„Делибашъ", „Гусаръ", „Два ворона", „Утопленникъ", „Зимній вечеръ" и др. перевелъ знаменитый чешскій поэтъ Ф. Л. Челяковскій. Въ 1835 году Томичекъ въ журналѣ Kwěty" напечаталъ отрывки изъ Бориса Годунова.

Болгарской литературы при жизни Пушкина не было и въ поминѣ, а словенская и словацкая только зарождались или, вѣрнѣе, только начали возрождаться послѣ полнаго почти омертвѣнія. Старыя словенскія и словацкія изданія—болѣе всего календари да двѣ-три газеты—еще недостаточно изслѣдованы, но, думается, мы не ошибемся, сказавъ, что едва ли былъ въ славянствѣ образованный человѣкъ, который не зналъ бы, хотя по имени, Пушкина. Иллирійскій соловей, Станко Вразъ, хорватъ по языку своихъ стихотвореній, но словенецъ по рожденію, часто бралъ для своихъ вдохновеній motto изъ Пушкина. Онъ же перевелъ на хорватскій языкъ, кромѣ „Бахчисарайскаго фонтана" (Česma Bačisarajska), которому какъ-то особенно посчастливилось въ западномъ и южномъ славянствѣ, стихотворенія „Птичка", „Черная шаль", „Бородинская годовщина", „Клеветникамъ Россіи" и др.

Годъ смерти Пушкина показалъ, насколько онъ близокъ былъ славянству. Почти во всѣхъ дѣйствовавшихъ тогда славянскихъ литературахъ русская потеря нашла себѣ сочувственный откликъ.

Наиболѣе оффиціальный отзывъ находимъ въ литературѣ сербской. Хотя сербы писали еще въ то время на такъ называемомъ славяно-сербскомъ языкѣ, столь близкомъ къ русскому, что произведенія Державина сходили въ перепечаткѣ за чисто сербскія, тѣмъ не менѣе Россія, кажется, не столько интересовала ихъ своей литературой и наукой, сколько импонировала имъ государственной мощью. Въ жизнеописаніи Пушкина особенно занимали ихъ отношенія поэта къ императору Николаю.

Можетъ быть, не безъ вліянія этихъ воззрѣній авторъ статьи о Пушкинѣ въ журналѣ „Сербски Народни Листъ“ дѣлитъ всю дѣятельность поэта на два періода: первый, когда „Пушкинъ у стихотвореніама своима, тако речи, беснити почео“ и, играя своимъ поэтическимъ даромъ, „какъ дитя съ ножемъ“, писалъ „Свободу“, „Ножъ“ и „Русланъ и Людмилу“—робеспірско-республиканске стихове, какви се нè у самимъ республиканскимъ државама по простомъ народу разносити не смаду (не смѣютъ)“, и второй, когда онъ своіой верховной власти, своміъ народу, своміъ отечеству сасвимъ прилюбіо“. Сравнивая Пушкина съ Байрономъ, Мериме и Гейне, авторъ сербской статьи называлъ его русскимъ Гете и считалъ въ то же время подражателемъ Жуковскаго по „езыкоизображеніи“. „Найвыспреніе Пушкина сочиненіе“ критикъ видѣлъ въ „Пророкѣ“; въ „Полтавѣ“ же, по его мнѣнію, поэтъ „найвышій степень историческо-поэтическаго израженія достигао“. Почти одновременно съ этой статьей появилось и хорватское извѣстіе о Пушкинѣ въ иллирійской газетѣ знаменитаго Людевита Гая „Danica“ (№ 22, 1837 г. отъ 3 іюня).

Несравненно сердечнѣе, безконечно глубже и вѣрнѣе былъ сочувственный голосъ польскаго народа. Неудивительно: за Польшу говорилъ Мицкевичъ. Оплакивая среди вѣчной суеты

Парижскихъ мостовыхъ, лжи, грязи и проклятій,
Неистощимыхъ слезъ и воплей меньшихъ братій

свою утраченную родину, онъ не забылъ про дни молодости, когда на Тверской въ салонахъ княгини Зинаиды Волконской встрѣчался онъ съ Пушкинымъ, слушалъ у Веневитиновыхъ его „Бориса Годунова“ и дышалъ той свѣжей и чистой атмосферой искусства, пріязни и дружбы, которая выше всякихъ политическихъ перегородокъ. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ извѣстія о смерти поэта онъ написалъ и 25 мая 1837 г. напечаталъ въ журналѣ „Le Globe“ біографическую и литературную о немъ статью за подписью „Другъ Пушкина“. Дань дружбы, она была свидѣтельствомъ глубокаго проникновенія польскаго поэта въ самую суть пушкинской поэзіи, по крайней мѣрѣ до 1828 года, когда событія навѣкъ отдалили Мицкевича отъ Россіи. Мицкевичъ между прочимъ писалъ: „Пушкинъ не былъ фанатическимъ байронистомъ. Если не существовали бы творенія англійскаго поэта, Пушкинъ былъ бы провозглашенъ первымъ поэтомъ своей эпохи. „Борисъ Годуновъ,—читаемъ въ другомъ мѣстѣ,—доказываетъ, до чего могъ бы достигнуть Пушкинъ со временемъ: et tu Scha-

kespeare eris, si fata sinant“. Мицкевичъ вѣрно отмѣтилъ совершившуюся въ Пушкинѣ къ тридцатымъ годамъ перемѣну, его углубленіе въ народную поэзію и исторію. Онъ видѣлъ, какъ „ветхой чешуей“ спадали съ его генія наносныя краски и уже показывалось изъ-подъ нихъ русское лицо поэта: „Только однажды,— заканчивалъ онъ свои наблюденія,—дается странѣ произвести человѣка, который въ такой высокой степени соединяетъ въ себѣ столь различныя повидимому, другъ друга исключающія качества. Пуля, сразившая Пушкина, нанесла ужасный ударъ умственной Россіи“.

Но Мицкевичъ былъ другомъ Пушкина. При оцѣнкѣ поэта имъ могло руководить чувство давней пріязни. Тѣмъ цѣннѣе для насъ отзывы чехо-словаковъ. Мы уже знаемъ, что въ Чехіи переводы изъ Пушкина стали появляться только съ 1830 года; личныхъ связей съ чешскими писателями у Пушкина не было, но, очевидно, уже тогда въ Чехіи и на Словачинѣ были люди, которые читали Пушкина въ подлинникѣ. Читали и цѣнили высоко:

Мало на Вагъ долетѣло къ намъ съ сѣвера Пушкина пѣсенъ,
Но заронились тѣ пѣсни глубоко въ славянскія души.
Умеръ поэтъ, но живъ его духъ, и жить будетъ вѣчно
Сладостный звукъ его лютни на вольныхъ просторахъ славянства.
Съ горныхъ вершинъ будетъ парить, какъ орелъ, онъ надъ нами,
И далеко его пѣсни пройдутъ по славянскимъ долинамъ.

Это стихи Людевита Штура, чей мужественный и отважный духъ въ безпрестанной борьбѣ съ чуждымъ ему мадьярствомъ и роднымъ отщепенствомъ отвоевалъ для словацкаго народа права на жизнь и самобытное развитіе. Болѣе политикъ, чѣмъ поэтъ, Штуръ, казалось бы, менѣе другихъ способенъ былъ оцѣнить художественный геній Пушкина и, однако, онъ отдалъ ему сердечную, искреннюю дань въ особой „Элегіи на смерть Пушкина“. Это первое звено, первый цвѣтокъ въ славянскомъ вѣнкѣ на гробъ русскаго поэта.

За нимъ вскорѣ послѣдовали и другіе.

Первое мѣсто заняли здѣсь наши непосредственные сосѣди— словаки. Неудивительно: безъ дворянства, безъ третьяго сословія, безъ капиталовъ, безъ фабрикъ, безъ торговли, болѣе, чѣмъ слабый экономически, съ ускользающей изъ рукъ церковью и народной школой, при полномъ отсутствіи гимназій и университетовъ, вотъ уже болѣе полвѣка, какъ, отдавая весь свой приростъ на пополненіе вражескихъ рядовъ, словацкій народъ изнемогаетъ подъ неслыханнымъ игомъ мадьярства и, не находя себѣ под-

держки ни въ комъ внутри страны, поневолѣ долженъ искать опоры извнѣ, а здѣсь ему ближе всего славяне и среди нихъ послѣ Чехіи особенно Россія.

Россія для словака это „центральное солнце“, но, соприкасаясь съ русскимъ народомъ непосредственно только въ Угріи и Галиціи, гдѣ народъ нашъ почти лишенъ самосознанія, любовь свою къ Россіи словакъ черпаетъ почти исключительно изъ русской литературы. Отсюда его привязанность къ русскому слову. Въ Жилинѣ, Ружомберкѣ, Турчанскомъ Святомъ Мартинѣ, Липтовскомъ Святомъ Микулашѣ есть люди, у которыхъ вы всегда найдете на столѣ русскую книгу. Новыхъ русскихъ писателей переводятъ мало, но и въ Россіи немного найдется такихъ самоотверженныхъ поклонниковъ и учениковъ Толстого, какъ уроженецъ Татръ, Д. П. Маковицкій. А среди прежнихъ писателей первое мѣсто занимаетъ и теперь по вліянію Пушкинъ: „Евгеній Онѣгинъ“ въ переводѣ Само Бодицкаго, „Капитанская дочка“ въ переводѣ Маро—и доселѣ одно изъ лучшихъ украшеній небольшой переводной литературы словаковъ.

Нагляднымъ доказательствомъ популярности Пушкина служитъ романъ лучшаго изъ словацкихъ художниковъ слова, Свѣтозара Гурбана-Ваянскаго „Kotlin“, гдѣ широкою кистью обрисована жизнь современнаго словацкаго образованнаго общества. Дѣйствующія лица не разъ посреди рѣчи поминаютъ здѣсь русскаго поэта. Когда одинъ изъ героевъ возвращается домой сумрачный и разстроенный, друзья, чтобы измѣнить печальное его настроеніе, начинаютъ говорить съ нимъ на „языкѣ его любимца, Пушкина“. Въ обществѣ декламируютъ пушкинскіе стихи. „Ваша сестра—сокровище,—говоритъ одно изъ лицъ романа другому.— Что за огонь, что за воодушевленіе! Она насъ учитъ познавать великихъ славянскихъ писателей. Съ какимъ огнемъ читаетъ она Пушкина! Какъ мило звучитъ его стихъ въ ея устахъ!“ Русское для словака — „наше“. „Мама, — сказала Юлія, — за меня, не бойся. А мальчики. Развѣ передъ ними не лежитъ весь громадный славянскій міръ? Пусть только учатся, какъ слѣдуетъ. Не въ тѣсномъ гнѣздѣ они выросли. Есть у нихъ много простору для вольнаго лёту, по самую Камчатку“. „Нѣтъ границъ побѣдному лету славянскаго слова,—читаемъ въ одномъ изъ стихотвореній того же автора.—Чего же ты боишься, сынъ Татры? И твое слово — славянское“. Читаешь, — и въ каждомъ словѣ слышишь духъ того народа, который далъ всеславянству его лучшихъ борцовъ, Коллара, Палацкаго, Шафарика, Штура.

Вышеприведенное стихотвореніе Штура на смерть Пушкина написано еще по-чешски, но едва только словацкое народное сознаніе подъ вліяніемъ даннаго позднѣе Штуромъ толчка заговорило на родномъ языкѣ рѣшительно и громко, оно устами ксендза Андрея Браксаториса-Сладковича перваго словацкаго лирика, добавило къ штуровскому „Плачу надъ Пушкинымъ“ новые, чисто словацкіе тоны въ стихотвореніи „Духу Пушкина“ которое перевелъ на русскій языкъ Бергъ:

Пѣвецъ Полуночи! ты братъ души моей.
О, геній, намъ родной и милый!
Зачѣмъ безвременно покинулъ кругъ друзей?
Зачѣмъ такъ рано взятъ могилой?
Пѣвецъ Полуночи! люблю твой вѣщій гласъ,
Гарема игры и забавы,
Люблю пылающій войною твой Кавказъ,
Люблю я громъ твоей Полтавы;
Люблю черкешенку прелестную твою;
Мнѣ милъ и сумрачный Евгеній,
И грустный Ленскій твой; надъ нимъ я слезы лью.
Во всемъ, во всемъ ты—дивный геній!
Угасъ—и сколько слезъ повсюду пролилось,
Печальное настало время...
Судьба! зачѣмъ, скажи, ты насъ разбила врозь,
Наславъ на чеховъ вражье племя?..

Стихи Сладковича были напечатаны въ сборникѣ „Orol Tatranski“ за 1844 годъ. Приблизительно къ этому времени относится и начало словацкихъ переводовъ Пушкина. По крайней мѣрѣ А. С. Будиловичъ свидѣтельствуетъ, что онъ видѣлъ „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ“ въ переводѣ Янко Краля, а въ 1849 году этотъ поэтъ уже безслѣдно пропалъ въ будапештской тюрьмѣ. Мѣстный библіографъ Ризнеръ относитъ первые переводы изъ Пушкина значительно позднѣе, къ 1864 году, когда появились на словацкомъ языкѣ „Мятель“ и „Барышня-крестьянка“. Съ тѣхъ поръ не перестаютъ переводить Пушкина и понынѣ. Не проходитъ года, чтобы въ главномъ литературномъ органѣ словаковъ, Slovenské Pohl'ady Шкультетаго не появлялось переводовъ изъ Пушкина и еще не далѣе, какъ въ прошломъ году тамъ напечаталъ „Бориса Годунова“ въ своемъ переводѣ Гвѣздославъ (Павелъ Орсагъ), одна изъ наиболѣе яркихъ звѣздъ на фонѣ словацкой поэзіи. Другой поэтъ, упомянутый выше Гурбанъ-Ваянскій, посвятилъ Пушкину особый сонетъ „Передъ памятникомъ Пушкина въ Москвѣ“:

Онѣгинъ твой мои волнуетъ ночи,
Меня плѣнила нѣжность твоей Тани,
Журча бѣжитъ струя въ твоемъ Фонтанѣ,
Полтавскій бой грозой глядитъ мнѣ въ очи.

Петра въ огнѣ я вижу на равнинѣ,
Морозовъ русскихъ чую дуновенье,
Водъ невскихъ слышу властное движенье,
Люблю Кремля священныя твердыни.

Міръ новый предо мною оживаетъ.
Тамъ творчества огонь пылаетъ вѣчный,
Небесной музыки струится лучъ...

Волненьемъ сладкимъ сердце замираетъ,
Не молкнетъ чувство въ глубинѣ сердечной.
А ты стоишь, недвиженъ и могучъ...

Правъ оказался Людевитъ Штуръ, сказавъ, что духъ поэта еще долго будетъ живъ и тамъ, гдѣ высокій Кривань поднимаетъ въ небо свою сѣдую голову, и тамъ, гдѣ въ уютныхъ татранскихъ долинахъ пріютились бѣлые одноэтажные домики словаковъ. Возрастая, культъ Пушкина вмѣстѣ съ тѣмъ очищается отъ всякихъ постороннихъ примѣсей, и когда теперь въ какой-нибудь глухой словацкой деревушкѣ молодая дѣвушка-учительница вродѣ Людмилы Подъяворинской послѣ занятій съ ребятишками раскроетъ Пушкина и перелагаетъ на мягкую словацкую рѣчь его „голосъ, шуму водъ подобный", то ужъ здѣсь, конечно, играетъ роль не политика, а любовь къ поэзіи, удовлетворенное чувство красоты, а потомъ, можетъ быть, и то другое, тоже имѣющее мало общаго съ политикой чувство, которое заставляетъ словаковъ въ Турчанскомъ Святомъ Мартинѣ на памятникахъ близкихъ и дорогихъ людей ставить рядомъ со словацкой надписью и русскую: „Вѣчная память".

Чехо-словацкій штуровскій привѣтъ Пушкину не остался безъ дальнѣйшаго отклика и у чеховъ. Въ пятидесятыхъ годахъ одинъ за другимъ начинаютъ появляться всѣ выдающіяся поэмы Пушкина въ переводѣ Вацлава Бендля—„Кавказскій плѣнникъ" (1854), „Бахчисарайскій фонтанъ„ (1855), „Братья Разбойники" (1856), „Цыганы" (1856), „Полтава" (1856), „Графъ Нулинъ" (1857), „Борисъ Годуновъ" (1859), „Евгеній Онѣгинъ" (1860). Вмѣстѣ съ другими, болѣе мелкими сочиненіями они составили два тома „Стихотвореній Пушкина", изданныхъ въ Пискѣ въ 1859—1860 г. Позднѣе Пушкина переводили Юнгъ и Елиза Красногорская. Пе-

реводили лучше Бендля, но заслуга его отъ этого не уменьшилась: „со времени появленія переводовъ Бендля,—пишутъ чехи,—Пушкинъ для насъ сдѣлался роднымъ поэтомъ". Подъ непосредственнымъ вліяніемъ „Евгенія Онѣгина" въ 1858 г. былъ написанъ стихотворный романъ Пфлегра-Моравскаго „Панъ Вышинскій". Геній Пушкина далъ толчокъ чешской музыкѣ. Въ 1871 году была представлена на слова „Бахчисарайскаго фонтана" опера Леоп. Евг. Мѣхуры „Марія Потоцкая". Наконецъ и геній чешской поэзіи привѣтствовалъ русскаго поэта. Въ 1888 году въ журналѣ „Světozor" было напечатано посвященное Пушкину стихотвореніе чешскаго поэта-лауреата Ярослава Врхлицкаго, вошедшее позднѣе въ его книгу, „Různé masky". Поводъ къ нему дала извѣстная картина Рѣпина и Айвазовскаго. Только художники выбрали моментъ прощанія Пушкина съ моремъ, а Врхлицкій изобразилъ Пушкина въ ту минуту, когда впервые увидалъ онъ Черное море. Стихи носятъ названіе: „Пушкинъ у моря".

Гдѣ надъ пучиной голубой
Нависнулъ берегъ темной кручей,
Гдѣ волнъ морскихъ живой прибой
Шумитъ гармоніей пѣвучей,—
Остановился онъ,—а съ моря
Къ нему летѣлъ за валомъ валъ.
Онъ взоромъ утонулъ въ просторѣ
И рокоту валовъ внималъ.

„Благословенно, море, будь!"
Казалось, говорило око
И чистый вздохъ, которымъ грудь
Пѣвца вздымалася глубоко,
И восклицанья звукъ невнятный,
Что вырвался и полетѣлъ
Въ просторъ пучины необъятной,
Гдѣ бѣгъ валовъ сѣдыхъ шумѣлъ.

Знакомый гулъ, знакомый шумъ!
Взоръ въ первый разъ съ пучиной слился,
Но летъ ей окрыленныхъ думъ
Давно, давно съ душой сроднился.
Такъ! Сердца глубь—то зыбь морская,
Гдѣ чувства падаетъ волна
И вновь подъемлется сверкая,
Грядущей пѣснею полна.

И моремъ упивался онъ,
Хотѣлъ обнять онъ безконечность,

Хотѣлъ летѣть за небосклонъ,
А въ сердцѣ пѣсню пѣла—вѣчность.
Но пѣнный валъ, съ глухимъ роптаньемъ
Ударясь объ утесъ, плеснулъ
Въ лицо ему живымъ лобзаньемъ
И къ жизни вновь его вернулъ.

Все прошлое онъ вспомнилъ вдругъ,
И музы первое лобзанье,
И первый сладостный недугъ,
И вѣщихъ сновъ очарованье,
Боль страсти и любви волненья,
И свѣтской жизни вихрь пустой,
Гдѣ средь напраснаго томленья
Души утратилъ онъ покой.

А здѣсь—здѣсь тихо все кругомъ.
Шумятъ лишь волны голубыя,
И подъ весеннимъ ихъ тепломъ
Вновь чувства ожили былыя.
Что въ сердца глубинѣ таилось,
То обликъ приняло живой,
Въ гармонію созвучій слилось,
Пахнуло на душу весной.

И вновь герой давнишнихъ сновъ,
Представъ, повелъ его къ пучинѣ,
Гдѣ въ бурномъ рокотѣ валовъ
Забылъ онъ о своей кручинѣ,
И въ сердцѣ только бѣдной Тани
Еще звенѣла ласково печаль,
Но гасла въ отблескѣ рыданій
И, тая, уносилась въ даль.

Шуми-жъ, о, море, вѣрный другъ!
Душа вся счастіемъ объята,
Свободна мысль, свободенъ духъ.
Въ тебѣ поэтъ почуялъ брата:
Глубокою сверкая бездной,
Ты все объяло безъ конца—
Глубь тьмы и свѣтлость ночи звѣздной,
И гимнъ ликующій пѣвца.

Не остался чуждъ Пушкинъ и остаткамъ полабскихъ славянъ, маленькому 150-тысячному славянскому народу лужицкихъ сербовъ, которые въ борьбѣ съ нѣмецкимъ наплывомъ еще защищаютъ свое существованіе въ Саксоніи около Будишина и въ Пруссіи вокругъ Хотебуза. Въ 1857 году каноникъ Михаилъ

Горникъ перевелъ „Утопленника“, а въ 1896 году въ журналѣ „Лужица“ былъ помѣщенъ переводъ „Сказки о рыбакѣ и рыбкѣ“ подъ названіемъ „Złota ryba“. Ту же сказку на поморскій языкъ перевелъ родоначальникъ кашубской литературы Флоріанъ Цейнова въ 60-хъ годахъ въ одной изъ первыхъ книжекъ на кашубскомъ языкѣ.

Еще раньше, чѣмъ чехи, отдали дань красотѣ пушкинской поэзіи сербо-хорваты. Полуоффиціальныя и сухія извѣстія двадцатыхъ годовъ, смѣнившись, какъ мы видѣли, перепечаткою въ сербскихъ журналахъ стихотвореній Пушкина въ подлинникѣ, вскорѣ провели къ восторженному преклоненію передъ поэтомъ. Одинъ изъ лучшихъ поэтовъ сербства, владыка черногорскій Петръ II Нѣгошъ, издавая въ 1845 году свой сборникъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ „Огледало Србско“, посвятилъ его „Сѣни (тѣни) Александра Пушкина“. Это, кажется, самый восторженный отзывъ о нашемъ поэтѣ:

Над звѣзданым многостручным сводом
Над домахом умнога погледа,
Под врховным небосклоном неба,
Гдѣ се млада непрестано сунца,
Искресана руком магическом,
Обштег Творца сиплю роевима—
Тамо се е твой Геній зачео,
И пѣваня муром помазао.
Откуд зора сине над природом,
Одонуд си къ нама долетио,
Сретный пѣвче великог народа!

„Въ областяхъ надзвѣздныхъ, куда не достигаетъ умственный взоръ человѣка, на вершинахъ небеснаго свода, гдѣ возженныя рукою Создателя безпрестанно новыя и новыя солнца осыпаютъ роемъ созвѣдій пологъ небесный, — тамъ зародился твой геній и далъ печать помазанія твоимъ пѣснопѣніямъ. Гдѣ зори восходятъ надъ природой, оттуда прилетѣлъ ты къ намъ, о, счастливый пѣвецъ великаго народа!“ Мы уже говорили, что приблизительно въ то же самое время, какъ писалъ Петръ II вышеприведенныя строки, Пушкина переводилъ хорватскій поэтъ Вразъ. Съ тѣхъ поръ ни хорваты ни сербы не переставали искать себѣ вдохновеній у русскаго поэта. Между прочимъ одинъ „Евгеній Онѣгинъ“ переведенъ былъ на хорватскій языкъ дважды въ 1860 и въ 1888 г.; въ 1893 г. былъ онъ изданъ Одавичемъ и въ Бѣлградѣ кириллицей. „Повѣсти Бѣлкина“ извѣстны каждая въ четырехъ

или даже пяти переводахъ. У хорватовъ „Барышня-крестьянка“ подъ именемъ „Lizanka“ дала Зайцу матеріалъ для одной изъ его оперъ. У сербовъ самъ Пушкинъ выведенъ въ драмѣ Поповича „Смрт цара Николе“. Словомъ весь сербо-хорватскій народъ на всемъ пространствѣ его земель откликнулся на творчество нашего поэта. Въ бѣломъ Загребѣ переводили его, кромѣ Враза, Иванъ Трнскій, Спиро Димитровичъ Которанинъ, Томиславъ Маретичъ, Иса Великановичъ, Анте Радичъ, Богомиръ Брлековичъ, Огнѣславъ Утѣшеновичъ, Августъ Гарамбашичъ и др., въ Новомъ Садѣ Писаревичъ и Деспотовичъ, въ Бѣлградѣ Стоянъ Новаковичъ и Одавичъ, въ Босніи Драгутинъ Иличъ, въ горахъ Герцеговины, въ Мостарѣ Душанъ Радовичъ и Іованъ Дучичъ. Переводилъ Пушкина и кн. Николай Черногорскій и недавно умершій талантливѣйшій изъ поэтовъ Сербіи Змай Іованъ Іовановичъ, которымъ переведенъ между прочимъ большой отрывокъ изъ Полтавы: „Была та смутная пора“:

> То је мутна доба био,
> Кад се она Руска млада,
> Опируħ се против сила,
> Своим Петром соколила.

По блеску, силѣ и гибкости языка сербскій поэтъ здѣсь споритъ съ русскимъ. Къ столѣтней годовщинѣ Пушкина Матица Хорватская издала даже особую антологію его сочиненій: „Puškinova izabrana djela u hrvatskoj knjizi“. „Великіе геніи—пишетъ профессоръ Загребскаго университета Миливой Шрепель—не живутъ только для себя и для своего народа. Они снабжаютъ богатствомъ своихъ сочиненій всѣ народы. Пушкинъ дарилъ и еще долго будетъ дарить все человѣчество. Мы, хорваты, преклоняясь передъ тѣнью его, почитаемъ въ немъ не только великаго поэта, но и великаго славянина. Имя Пушкина—каждому славянину святыня“.

Вліяніе Пушкина на молодую литературу сосѣднихъ съ сербами болгаръ внѣ сомнѣнія. Первые переводы изъ Пушкина на болгарскій языкъ появились поздно. Это были два стихотворенія: „Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума“ и „Воронъ къ ворону летитъ“, переведенные въ 1861 г. Жинзифовымъ на македонское нарѣчіе болгарскаго языка. Но тѣснѣйшія связи, соединяющія болгарскую культуру съ русской, существовали уже давно. Издавна болгарскія поколѣнія воспитывались на русскихъ книгахъ и въ какомъ-нибудь Калоферѣ, Старой Загорѣ, а то и въ глухой болгарской

деревушкѣ можно было встрѣтить учителей, воспитанниковъ кіевской духовной семинаріи, которые на ряду съ хомяковскимъ „Орломъ“ декламировали своимъ питомцамъ и стихотворенія Пушкина. Въ 1875 г. во время Ѳракійскаго возстанія изъ-за Пушкина чуть не былъ обвиненъ въ государственной измѣнѣ одинъ изъ дѣятелей болгарскаго просвѣщенія Груевъ. Пушка значитъ по-болгарски ружье и, найдя у Груева во время обыска сочиненія Пушкина, турецкія власти перевели имя Пушкина буквально и долго допрашивали Груева: „А зачѣмъ тебѣ была книга Тюфекчи, т.-е. оружейнаго мастера (тюфекъ—ружье). Изъ всѣхъ болгарскихъ поэтовъ одинъ только Христо Ботевъ, хотя и училъ стихи Пушкина въ одесской гимназіи, остался ему чуждъ, но его гайдуцкая поэзія—всего какихъ-нибудь двадцать стихотвореній—относится болѣе къ области народной политики, чѣмъ искусства. А затѣмъ даже выросшій въ русскихъ радикальныхъ кругахъ 60-хъ годовъ Каравеловъ перевелъ „Капитанскую дочку“ и „Кирджали“. Оба Славейкова, Чинтуловъ, Величковъ и Алеко Константиновъ, переводчикъ „Бахчисарайскаго фонтана“, „Цыганъ“ и „Полтавы“, не обошлись безъ вліянія Пушкина, а лучшій изъ современныхъ поэтовъ Болгаріи, Иванъ Вазовъ, даже началъ свое поэтическое поприще между прочимъ переводомъ пушкинскаго стихотворенія „Поэтъ и чернь“.—Напечатанный въ „Періодическомъ Списаніи“ за 1870 г. переводъ этотъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ первымъ печатнымъ переводомъ Пушкина на современный литературный болгарскій языкъ. Послѣ того Пушкина переводили, кромѣ выше упомянутыхъ писателей, Трифоновъ, Юрдановъ, Андрейчинъ, Ангевъ, Кръстевъ, Московъ. Переводовъ сравнительно немного и переведенъ Пушкинъ далеко не весь, но большинству образованныхъ болгаръ онъ извѣстенъ въ подлинникѣ, а какъ сильно дѣйствовалъ онъ на перваго народнаго болгарскаго поэта Вазова, объ этомъ говоритъ онъ самъ. 29-го іюня 1899 г., въ день юбилейнаго пушкинскаго торжества въ Софійской Славянской Бесѣдѣ, тотъ же Вазовъ, уже увѣнчанный славою перваго болгарскаго поэта, въ стихотвореніи „Стогодишнината на Пушкина“ прекрасно выразилъ значеніе Пушкина и для всей Болгаріи. По теплотѣ чувства это одинъ изъ лучшихъ цвѣтковъ въ пушкинскомъ вѣнкѣ:

И мы съ Россіею великой воедино
Сегодня Пушкина справляемъ юбилей.
Русь славою любимаго вѣнчаетъ сына.
Ея тріумфъ, ея мы гордость дѣлимъ съ ней.

Прими же нашъ привѣтъ, о, генiй нашъ славянскiй!
И мы плетемъ тебѣ признательный вѣнецъ.
Плѣнилъ, очаровалъ и насъ, народъ балканскiй,
Твоей волшебной лиры звукъ, о, братскiй нашъ пѣвецъ.

Сердцами нашими ты правишь полновластно.
Ты добрыхъ чувствъ, любви и красоты поэтъ.
Славянской нѣжной рѣчи далъ ты голосъ властный.
Волшебные мiры ты бросилъ въ свѣтъ.

Ты царь. Столѣтье за столѣтьемъ быстро минетъ.
А славою расти все громче будешь ты;
Тебя во вѣкъ любовь народа не покинетъ
За пѣсни чудныя, за сладкiя мечты.

О, Русь! могуча ты. Неистощима сила
И мощь твоихъ сыновъ. Ихъ велико число,
Но никогда еще вѣнкомъ ты не дарила
Чела достойнѣе, чѣмъ Пушкина чело!

Всего дальше отъ русскаго влiянiя долгое время были отодвинутые на самый крайнiй славянскiй западъ словенцы. Только въ 1846 г. въ журналѣ „Novice“ появился первый словенскiй переводъ съ русскаго—стихи М. Деларю „Вдова—сиротѣ“. Честь почина принадлежитъ здѣсь Антону Жакелю, писавшему подъ псевдонимомъ Родолюба Ледницкаго. Спустя 6 лѣтъ тотъ же Жакель перевелъ въ тѣхъ же „Новицахъ“ „Проклятiе“ барона Розена, а въ 1855 г. и первое стихотворенiе изъ Пушкина „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“. Рука Жакеля оказалась легкой, и съ тѣхъ поръ, благодаря цѣлому ряду переводовъ, Пушкинъ становится прочнымъ достоянiемъ и молодой словенской литературы. Его переводятъ Терновецъ-Ламурскiй, Менцингеръ, Медведъ, Симонъ Грегорчичъ, Драготинъ Кетте, I. Весель-Косескiй, Фр. Левстикъ, Юрчичъ, Пинтарь, Штифтарь, Гостникъ, Доклеръ и другiе.

Но особенная заслуга въ ознакомленiи съ русскимъ поэтомъ словенскаго общества принадлежитъ тремъ лицамъ: католическому священнику Ивану Веселю, Антону Ашкерцу и доктору Ивану Прiятелю. Послѣднiй, большой знатокъ русскаго языка, далъ словенцамъ, кромѣ „Капитанской дочки“ и „Цыганъ“, переводъ „Евгенiя Онѣгина“, по точности и близости къ подлиннику образцовый. Отъ Прiятеля мы въ правѣ ожидать полнаго перевода пушкинскихъ поэмъ. Что касается до Ивана Веселя, то онъ первый, по выраженiю Прiятеля, открылъ словенцамъ Пушкина. Другой словенскiй поэтъ, теперь тоже покойный и тоже священ-

никъ, Грегорчичъ посвятилъ памяти Веселя стихи, оканчивающіеся слѣдующими характерными строками: „Не было у Веселя ни сына ни дочерей, но послѣ него осталась семья иная: его русскія дѣти! Кругозоръ его былъ глубокъ и широкъ, какъ родина русскихъ пѣвцовъ. Онъ понялъ сердцемъ ихъ душевную красоту и открылъ намъ очи на этотъ чудный міръ“.

Странной и непонятной можетъ показаться русскому читателю фигура католическаго священника съ томикомъ Пушкина въ рукахъ, но у словенцевъ, какъ еще недавно въ Сербіи и Болгаріи, духовенство занимаетъ и теперь передовое мѣсто въ ряду культурныхъ работниковъ, а политическое положеніе народа лишь немногимъ лучше положенія словаковъ. Расчетвертованный между Штиріей, Хорутаніей, Крайной и Истріей, не говоря уже о словенцахъ итальянскихъ и мадьярскихъ, полуторамилліонный словенскій народъ вынужденъ бороться на три фронта: съ нѣмцами, итальянцами и мадьярами и потому, естественно, всѣ культурныя силы ищутъ себѣ хотя бы нравственной опоры въ сознаніи своего единства съ цѣлымъ славянскимъ племенемъ. „Мы должны заботиться о распространеніи среди насъ русской литературы,—пишетъ одинъ изъ словенскихъ писателей.—Вѣдь русская литература это и *наша* литература и русскіе поэты—*наши* поэты“. (Saj ruska književnost je tudi naša književnost in ruski pesniki so tudi naši pesniki).

Переведя самъ много стихотвореній изъ Пушкина, Лермонтова, Хомякова, Крылова, Козлова, графа А. Толстого, Полонскаго и другихъ и собравъ чужіе переводы, Весель подъ конецъ жизни рѣшилъ издать ихъ отдѣльной книжечкой подъ названіемъ „Русская антологія“. Смерть помѣшала ему довести до конца печатаніе этого изданія, но за него докончилъ книгу Ашкерцъ, дополнивъ ее 130-ью своими собственными переводами изъ новѣйшихъ русскихъ поэтовъ. Тутъ нашли себѣ мѣсто даже такіе малоизвѣстные поэты, какъ Медвѣдевъ или Филимоновъ. „Русская антологія“ дѣлаетъ великую честь словенской литературѣ, а особенно Веселю и Ашкерцу, который послѣ Веселя всего болѣе потрудился для ознакомленія своего народа съ Россіей. Не разъ бралъ онъ сюжеты для своихъ произведеній изъ русской жизни, дважды самъ посѣтилъ Россію, написалъ о ней книгу „Dva izleta na Rusko“ и, кромѣ прекрасныхъ переводовъ съ русскаго, оставилъ намъ рядъ поэтическихъ картинокъ изъ русской жизни, навѣянныхъ его поѣздкой по Руси. Одно среди нихъ посвящено Пушкину. Оно помѣчено Царскимъ Селомъ и называется „Царско-

сельскій памятникъ юношѣ Пушкину". Это небольшая лиро-эпическая картинка изъ лицейской жизни поэта:

Туда, туда, въ зеленый темный паркъ,
Изъ спертой комнаты на воздухъ чистый,
Свободный, утренній, весенній воздухъ!
Заря ужъ брезжится... Уходитъ ночь.
И вышелъ ты... Поспѣшными шагами,
Въ лицейскій завернувшись плащъ, ты шелъ
Дорожкой бѣлой межъ деревьевъ темныхъ
Туда, туда, въ пріютъ уединенья,
Въ ту рощу дальнюю, гдѣ тишь кругомъ...
Хотѣлъ ты быть одинъ съ самимъ собой.
И сѣлъ на лавку низкую... О, ночь,
О, эта ночь порывовъ вдохновенья,
Налетовъ творчества! Какъ ихъ назвать?
Благословеньемъ Божьимъ иль проклятьемъ?
Придутъ они,—и нѣтъ душѣ покоя;
Встаютъ за мыслью мысли, точно волны,
Морскимъ подъемлемыя вѣтромъ;
Въ сердечной глубинѣ, не уставая,
Кипитъ и страстно рвется чувствъ потокъ,
На волю просится, ласкъ солнца жаждетъ
И хочетъ вылиться наружу въ словѣ,
И въ пѣсняхъ огненныхъ, и въ строфахъ звучныхъ...
О, эти чувства, образы и мысли!
Какъ тѣсно имъ въ объемѣ груди нашей...
Священны вы, минуты вдохновенья,
Счастливый часъ восторговъ творческихъ,
Когда сама собою льется пѣсня,
И подъ незримой Божьею рукой
Дрожатъ, звенятъ и стонутъ струны сердца...
Тотъ мигъ--онъ твой теперь, не правда-ль, Пушкинъ?
Мечтой объятъ, сидишь ты предо мною,
Слегка склонившись на руку главой,
И въ даль глядятъ задумчивыя очи.
Куда младые сны тебя уводятъ?
Какая пѣснь невѣдомая зрѣетъ
Въ душевной глубинѣ? Младая ль дѣва
Играетъ тамъ симфонію любви,
Иль пестрый міръ народныхъ русскихъ сказокъ,
Преданья старины тебя влекутъ?
Какъ знать? какъ угадать? Ты самъ не знаешь,
Какой мотивъ изъ сердца первымъ встанетъ,
Какія первыми сегодня строфы
Изъ-подъ пера польются на бумагу...
Въ даль смотрятъ заглядѣвшіяся очи,
Надеждой молодою грудь полна,
И самъ ты молодъ этимъ утромъ свѣжимъ,

И родина твоя, какъ утро, молода!
Сквозь тьму вѣтвей пробился солнца лучъ,
И точно генiй, съ высоты слетѣвшiй,
Чело твое привѣтливо цѣлуетъ.
Его ты чуешь ласковый привѣтъ,
Ты чувствуешь: надъ Русью утро встало.

Этимъ стихотворенiемъ, которое заглядываетъ уже въ будущее Россiи, мы могли бы окончить нашу поэтическую гирлянду въ честь Пушкина, но въ ней не хватаетъ еще одного звена—польскаго. Это не значитъ, чтобъ его не существовало вовсе. Уже первый переводчикъ Пушкина на польскiй языкъ, А. В. Рогальскiй въ стихотворномъ посвященiи „Бахчисарайскаго фонтана" въ самыхъ восторженныхъ выраженiяхъ отзывался о „чарующей лютнѣ" Пушкина, называя его „чувствительнымъ поэтомъ великаго народа" (tkliwy poeta wielkiego narodu) и жалѣя, что онъ не въ силахъ передать всѣхъ „прелестей и славы его творчества" (wdzięków i sławy twórczego Puszkina). Еще ни словенцы ни болгары не знали даже по имени нашего поэта, еще молчалъ Штуръ, а Мицкевичъ уже въ самомъ началѣ 30-хъ годовъ посвятилъ Пушкину цѣлый отрывокъ въ послѣсловiи къ 3-ей части своихъ „Дзядовъ". Мы разумѣемъ извѣстные стихи „Памятникъ Петру Великому":

Ненастнымъ вечеромъ, когда кругомъ
Лилъ дождь и бушевала непогода,
Укрывшись оба подъ однимъ плащомъ,
Два юноши стояли подъ дождемъ.
Одинъ пѣвецъ былъ русскаго народа,
Чью славу пѣсни вѣщiя несли
По всѣмъ краямъ полуночной земли;
Другой, невольный съ Запада пришлецъ,
Невѣдомый былъ въ томъ краю пѣвецъ.
Вчера чужiе, силою чудесной
Они соединены ужъ дружбой тѣсной.
Ихъ души выше всѣхъ земныхъ преградъ.
Такъ Альпъ двѣ родственныхъ скалы стоятъ.
Навѣкъ разъединилъ ихъ бѣгъ потока,
Но имъ воды чуть слышенъ вражiй шумъ.
Сочувственныхъ исполненныя думъ,
Вершины къ небу вознося высоко,
Онѣ склоняются одна къ другой
И тихо рѣчь ведутъ между собой...

Другой корифей польской романтической поэзiи, Юлiй Словацкiй восхищался Пушкинымъ, не зная его лично. Говоря въ

одной изъ своихъ поэмъ о красотѣ русскаго языка, онъ выражается между прочимъ такъ:

. język piękny, pełny dyamentów
W Puszkinie [1]).

„Языкъ прекрасный, полный брильянтовъ у Пушкина". Какъ чистой воды алмазъ, не теряющій своего блеска отъ времени, поэзія Пушкина продолжаетъ привлекать къ себѣ сердца и теперь. Не должно быть забыто чествованіе памяти Пушкина краковскими литераторами въ день его столѣтняго юбилея. То же празднество въ Вѣнѣ объединило польское студенческое Ognisko съ остальными славянами. Наконецъ въ 1902 г. появился новый, превосходный переводъ на польскій языкъ „Евгенія Онѣгина", сдѣланный варшавскимъ литераторомъ Л. Бельмонтомъ.

Поляки не только чтили и понимали дарованіе Пушкина; они его и изучали. Почти во всѣхъ славянскихъ литературахъ есть статьи о Пушкинѣ. У сербовъ о немъ писали Петровичъ, Петрановичъ, Миличевичъ, у чеховъ—Бендль, Грубый, Дурдикъ, Квапиль, Врзалъ и многіе другіе; у болгаръ—Груевъ, Неновъ, Теодоровъ; у словаковъ Франциски; но все это—компилятивныя статьи, для изученія поэта не имѣющія значенія. Только одни поляки дали о Пушкинѣ дѣйствительно цѣнныя изслѣдованія, безъ знанія которыхъ нельзя обойтись при изученіи Пушкина. Таковы, минуя статьи Юліана Клячко, гр. Ст. Тарновскаго, Солтыка и другихъ, польско-русскія статьи В. Д. Спасовича, этюдъ о Пушкинѣ профессора Ягеллонскаго университета Маріана Здзѣховскаго и въ особенности книги профессора того же университета Іосифа Третяка: Mickiewicz i Puszkin (1906) и Miedziany Jeździec Puszkina, Studyum polemiczne (Kraków 1900). Здѣсь читатель встрѣтится съ обстоятельнымъ разборомъ источниковъ и очень интересными и своеобразными наблюденіями.

Закончимъ лучшей изъ славянскихъ характеристикъ Пушкина. Она принадлежитъ перу Маріана Здзѣховскаго.

„Имя Пушкина, говорятъ, это „синонимъ свѣта, красоты и высшей прелести", но оно не было бы такимъ, если бы самое существо этой прелести не заключалось въ свѣтлой ясности и благородствѣ творческихъ вдохновеній поэта. Есть художники-субъективисты: Байронъ, Шелли, Шиллеръ, Мицкевичъ, Красинскій. Полные святого преклоненія передъ идеаломъ, горя не-

[1]) Swiat Słowiański. 1908, t. I, str. 551.

угасимою жаждою правды, они уносятъ насъ съ собою на вершины человѣческихъ порывовъ, самыхъ высокихъ и самыхъ сладостныхъ, потому что вытекающихъ изъ живительныхъ источниковъ любви и самопожертвованія. Но послѣ оргій натуры, послѣ зноя и ураганов въ душѣ подымается тоска по тихимъ и яснымъ днямъ; послѣ бурнаго плаванія по морю заманчивъ и свѣтелъ улыбающійся издали, оживленный берегъ. Такъ и послѣ экстатическихъ вдохновеній Байроновъ и Мицкевичей истиннымъ отдыхомъ становится поэзія Пушкина. Подобная тихому озеру, она отражаетъ въ себѣ одинаково и веселую зелень, и свѣтлую лазурь весны, и пасмурное небо осени съ ея полураздѣтымъ лѣсомъ. Но подъ чарующимъ дѣйствіемъ весеннихъ налетовъ безъ слѣда улетучивается осенняя мгла, и озеро врѣзывается въ память нашу, какъ широкая, чистая, прозрачная, голубая бездна. Такъ и поэзія Пушкина, отражая въ себѣ боли и радости людскія, умѣла, однако, стать на рубежѣ между холоднымъ объективизмомъ Гете и страстной порывистостью романтиковъ, и потому печаль жизни облита въ ней какимъ-то особенно милымъ тепломъ; въ этомъ ея очарованіе, ея ясность, ея благородство. Очень отзывчивый, съ очень широкими сочувствіями Пушкинъ сумѣлъ проникнуть въ чужія души, забыть о себѣ и создать въ послѣдніе годы своей жизни цѣлый рядъ драматическихъ поэмъ, въ которыхъ, какъ Шекспиръ, совершенно загладилъ слѣды своихъ личныхъ чувствъ, но, натура живая и страстная, не могъ онъ навсегда замкнуться въ такого рода настроеніи. Принимая близко къ сердцу всѣ жизненныя впечатлѣнія, въ виду обидъ, которыя „наноситъ душѣ хладный свѣтъ", силился онъ въ страстномъ и порывистомъ протестѣ стать рядомъ съ Байрономъ. Ему не хватило для этого мощи чувства и постоянства. Зато, когда послѣ мимолетныхъ и страстныхъ порывовъ входилъ онъ снова въ себя, онъ становился чарующимъ, какъ геній яснаго и свѣтлаго спокойствія; память безумствъ и прожитыхъ страданій овѣвала его поэзію тихою грустью, ибо изъ мрачныхъ безднъ, въ которыя удалось ему заглянуть, онъ сумѣлъ вынесть на свѣтъ Божій нѣсколько очаровательныхъ цвѣтовъ и ими разъяснялъ свои думы. Природа, вѣчно юная и неизмѣнная въ своей красотѣ, творческіе помыслы и любовь—вотъ что мирило поэта съ жизнью, и отсюда струится то очарованіе, которое, по выраженію Страхова, дѣлаетъ его имя однимъ изъ обольстительнѣйшихъ въ исторіи человѣчества" [1]).

[1]) M. Zdziechowski. Byron i jego wiek, cz. II, str. 206—207.

III.

Въ пору разъединенія и несогласій, когда ожесточенно борются и враждують, повидимому, исключающіе другъ друга интересы, пріятно хоть на мигъ очутиться въ той области, гдѣ молкнетъ вражда, гдѣ передъ чистой красотой, передъ свыше вдохновеннымъ геніемъ объединяются всѣ люди. Это—одно изъ наглядныхъ проявленій побѣды добра надъ темнымъ и злобнымъ духомъ вражды. Бодрѣе при видѣ этой побѣды дѣлается духъ человѣка, крѣпнетъ его вѣра въ правду. Кто учтетъ облагораживающее и плодотворное для польско-русскихъ отношеній дѣйствіе того прекраснаго образа, который далъ намъ Мицкевичъ, изобразивъ у памятника Петру Великому двухъ юношей, укрывшихся подъ однимъ плащомъ отъ бушующей вокругъ непогоды? Во сколько же разъ выше и плѣнительнѣе долженъ быть образъ Пушкина, вокругъ котораго во имя преклоненія передъ высшей красотою собрались всѣ лучшіе люди славянства!

Пушкинъ—наше все, говорилъ Аполлонъ Григорьевъ. Пушкинъ—явленіе пророческое,—вторя Григорьеву, дополнялъ его Достоевскій. Не знаемъ, можетъ быть, дѣйствительно въ образѣ Пушкина, собравшаго около себя геніевъ славянства, есть нѣчто вѣщее. Можетъ быть, здѣсь уже видно начало новаго, русскаго и славянскаго дня, первый лучъ котораго замѣтилъ Ашкерцъ въ Царскомъ Селѣ на челѣ юноши-Пушкина. Но пусть все это только иллюзія. Самый образъ не потеряетъ отъ этого ни въ красотѣ ни въ смыслѣ и значеніи. Людей разъединяетъ только мелкое. Великое ихъ единитъ. Таковъ былъ и нашъ Пушкинъ.

РУСЬ и ПОЛЬША.

1. «Вы помните-ль меня?..» Стих. *Ор-ота* (Артура Оппмана) на картину Мясоѣдова: «Мицкевичъ въ салонѣ княгини Зинаиды Волконской». (Съ польскаго).
2. «Мѣдный Всадникъ» и «Дзяды».
3. Мицкевичъ, Хомяковъ и декабристы.
4. Рылѣевъ и Нѣмцевичъ.

„Вы помните-ль меня?“

Стихотвореніе Ор-Ота (Артура Оппмана) на картину Мясоѣдова: „Мицкевичъ въ салонѣ княгини Зинаиды Волконской въ Москвѣ въ 1826 г.

Съ польскаго.

Звукъ давнихъ лѣтъ, мелодія былого!..
Сквозь слезы, боль и кровь родной страны
Опять встаетъ тотъ дальній край суровый,
Весеннихъ дней чарующіе сны...
Какъ пышенъ былъ расцвѣтъ ихъ дружбы нѣжной!
Повѣялъ холодъ, завязь порвалась...
Но давній звукъ вновь ловитъ слухъ прилежный...
Гдѣ Музы, тамъ безсмертна духа связь!

Ихъ кости спятъ давно въ землѣ могильной,
Почіетъ онъ въ гробницахъ королей.
Тамъ грезитъ онъ о старомъ, давнемъ Вильно,
О незабвенной родинѣ своей!..
И если дней весеннихъ вереница
Вновь оживитъ на мигъ въ немъ жизни май,—
И ихъ знакомыя онъ видитъ лица,
И тотъ далекій вспоминаетъ край...

О, какъ сердца въ нихъ правдою горѣли!
Какъ соколы, рвалися къ солнцу, въ высь...
Но безпощадны Сѣвера метели,—
Сновъ золотыя нити порвались,
Погасли звѣзды въ безнадежно сѣрой
Пустынѣ жизни, въ злыхъ осеннихъ мглахъ...
О, юноши! Что сталось съ вашей вѣрой?
Всѣ ваши сны, всѣ ваши грезы—прахъ...

Но взоръ, въ былые устремленный годы,
Опору и доселѣ видитъ въ мѣстѣ томъ,
Гдѣ двое юношей отъ непогоды
Укрылись оба подъ однимъ плащомъ.
Куда ихъ мысль, сверкая, улетаетъ?
Куда готовы крылья ихъ умчать?
Какъ угадать? Никто, никто не знаетъ.
Здѣсь тайны, здѣсь безмолвія печать.

Но вѣримъ мы: прекрасное не сгинетъ!
Пусть тучи хмурыя закрыли свѣтъ...
Теперь ужъ насъ сознанье не покинетъ,
Что имъ грядущій виденъ былъ разсвѣтъ.
Друзья! За ними-жъ, вопреки теченью!
Надеждѣ вопреки впередъ, впередъ!
Пѣвцовъ покорны будемъ вдохновенью...

За мглой осеннею тамъ май цвѣтетъ...
О, вѣрьте мнѣ! Что̀ скрыто подъ могилой,
То жизнью лучшей, высшею полно.
Изъ мглы временъ подъемлясь съ гордой силой,
Клеймитъ позоръ, бичуетъ гнетъ оно!
Вы помните могучее ихъ слово?
Оно все будетъ надъ землей нестись,
Покуда Богъ не сжалится и снова
Не молвитъ солнцу: „Встань и засвѣтись!“

„Мѣдный всадникъ“ и „Дзяды“.

I.

Въ книгѣ хорватскаго писателя Бранко Водника о Франьо Марковичѣ, авторѣ поэмы „Kohan i Vlasta“, на которую оказали большое вліяніе Пушкинъ и Мицкевичъ, находимъ своеобразное объясненіе пушкинскому „Мѣдному Всаднику“: „Не захотѣлъ ли здѣсь Пушкинъ изобразить несчастье своего друга Мицкевича? Евгеній, это — польскій поэтъ, и бокъ-о-бокъ съ символической идеей гиганта на бронзовомъ конѣ идетъ въ „Мѣдномъ Всадникѣ“ и символика любовнаго содержанія поэмы: разрушенный домъ, мать и дочь. Домъ и мать — это Польша, а дочь — Литва, которую такъ страстно любилъ Мицкевичъ. Только при такомъ толкованіи сглаживается бросающееся въ глаза несоотвѣтствіе между незначительностью любовнаго содержанія повѣсти и ея концомъ“.

Наивность этого предположенія такова, что на немъ не стоило бы и останавливаться. Хорватскій критикъ мѣряетъ Пушкина аршиномъ, пригоднымъ развѣ для какого-нибудь третьестепеннаго поэта стараго времени. Но при всей своей художественной близорукости онъ мѣстами мимовольно касается истины. Дѣло въ томъ, что „Мѣдный Всадникъ“ несомнѣнно сложился подъ вліяніемъ Мицкевича. Повѣсть Пушкина больше, чѣмъ поэма. Это — живой отголосокъ „стариннаго спора славянъ между собою“. Это — одинъ изъ документовъ, которые можно бы пришить къ „Дѣлу“ съ надписью: „Польско-русскій вопросъ“.

Съ тѣхъ поръ, какъ имп. Екатерина II согласилась на отдачу Пруссіи польскихъ земель, а Австріи даже и коренныхъ русскихъ, какова Восточная Галиція, польско-русскія „недоразумѣнія“ приняли особенно болѣзненное теченіе. Императрица любила говорить, что въ своей внѣшней политикѣ она только завязываетъ

узелки, которые предоставляетъ развязывать своимъ сосѣдямъ, чтобы самой имѣть руки свободными. Но одинъ узелокъ завязала она и для своихъ потомковъ, и много еще подвиговъ сердца придется затратить и намъ, и нашимъ дѣтямъ и внукамъ, а можетъ быть и правнукамъ, чтобы вмѣстѣ съ поляками распутать безконечныя сѣти опутавшихъ оба наши народа взаимныхъ обидъ. Слѣдъ ихъ чуется въ „Мѣдномъ Всадникѣ", и потому вопросъ о смыслѣ этой поэмы, оставаясь даже въ предѣлахъ чисто литературной критики, получаетъ особый, болѣе широкій интересъ.

II.

Повѣсть Пушкина дошла до насъ, повидимому, не въ полномъ видѣ. Аполлонъ Григорьевъ называетъ ее „удивительнымъ *отрывкомъ*". Извѣстно, что послѣ словъ Евгенія передъ памятникомъ Петру: „Ужо тебѣ!" въ первоначальной редакціи шелъ цѣлый монологъ стиховъ въ 30, теперь утраченный. По словамъ князя П. П. Вяземскаго, этотъ монологъ, отличавшійся необыкновенной силой ненависти, былъ направленъ противъ христіанской цивилизаціи и, конечно, какъ это видно изъ контекста, противъ Петра и его дѣла, созданія Всероссійской самодержавной монархіи. С. Н. Браиловскій высказалъ предположеніе, что этого монолога не существовало вовсе. Но на самомъ дѣлѣ онъ сохранился и существуетъ и доселѣ. Это—„Дзяды" Мицкевича, или, вѣрнѣе, добавленіе къ 3-ьей части поэмы, такъ называемый Ustęp, гдѣ описывается Петербургъ. Только въ свѣтѣ „Дзядовъ" можетъ быть вполнѣ понятъ „Мѣдный Всадникъ" и уяснено его значѣніе и смыслъ. А что въ немъ не все ясно, доказательство этому производимое имъ двойственное впечатлѣніе.

„Мѣдный всадникъ" — пишетъ Бѣлинскій — это апоѳеоза Петра Великаго, самая смѣлая, самая грандіозная, какая могла только придти въ голову поэту, вполнѣ достойному быть пѣвцомъ великаго преобразователя Россіи... Александръ Македонскій завидовалъ Ахиллу, имѣвшему Гомера своимъ пѣвцомъ; въ глазахъ насъ, русскихъ, Петру некому завидовать въ этомъ отношеніи. Пушкинъ не написалъ ни одной эпической поэмы ни одной Петріады; но его „Стансы", многія мѣста въ „Полтавѣ", „Пиръ Петра Великаго" и наконецъ „Мѣдный Всадникъ" образуютъ собою самую дивную, самую великую Петріаду, какую только въ состояніи создать геній великаго національнаго поэта".

„Мѣдный Всадникъ“—пишетъ Спасовичъ, а ему въ послѣднее время вторитъ отчасти и Мережковскій—это отрицаніе прежняго пушкинскаго идола. Поэтъ всмотрѣлся пристально въ лицо Петра и содрогнулся: до того вдругъ показалось ему это лицо зловѣщимъ, обрызганнымъ кровью, смертоноснымъ. Какъ будто знакомое, оно получило неожиданное, совсѣмъ новое выраженіе, явилось воспроизведеніемъ „восточнаго типа бича Божія—Аттилы“. Пушкинъ намѣренно затушевалъ это, прикрылъ, напустилъ туману; но какъ ни охорашивалъ Петра Пушкинъ, какъ ни занавѣшивалъ основную мысль поэмы, эти громкіе бубны и литавры не спасли ее отъ цензуры; появившись въ посмертныхъ изданіяхъ, они лишь сбили съ толку публику. Ослѣпленные красотою картины, изображающей галюцинацію помѣшаннаго канцеляриста, читатели не вникли въ основу, въ содержаніе, въ нравоученіе поэмы“ (Соч. VIII, 61; II, 257, 285, 286).

Не можетъ быть дыму безъ огня. Двойственность впечатлѣнія есть только отблескъ, хотя бы и искусственно усиленный, двойственности чувствъ. Въ „Мѣдномъ Всадникѣ“ разыгрывается столкновеніе между мѣднымъ гигантомъ, „мощнымъ властелиномъ судьбы“, воплощеніемъ силы государственной, и ничтожнымъ канцеляристомъ, „червякомъ раздавленнымъ судьбою“. И вотъ Пушкинъ мѣстами, кажется, самъ колебался, кому сочувствовать въ этомъ неравномъ поединкѣ. По крайней мѣрѣ, если бы въ минуту созданія поэмы Достоевскій предложилъ ему свой знаменитый вопросъ, считаетъ ли онъ возможнымъ основать личное и народное счастье на загубленной жизни слабаго ребенка, авторъ Тазита, думается намъ, не отвѣтилъ бы на него вполнѣ увѣренно. Въ „Мѣдномъ Всадникѣ“ бурливая влага вдохновенія, очевидно, еще не успѣла устояться. Стихи вылились наружу раньше, чѣмъ поэтъ успѣлъ отойти отъ изображаемой жизни на извѣстное разстояніе, взглянуть на нее „съ высоты“. Обыкновенно кристально-ясный и прозрачный въ „Мѣдномъ Всадникѣ“ Пушкинъ мѣстами (мы разумѣемъ описаніе статуи Петра) точно преднамѣренно неясенъ. Поэтъ, который, какъ никто, во всемъ умѣлъ найти правильную мѣрку, здѣсь какъ будто лишился ея: въ трактовкѣ сюжета пьесы, въ отношеніи автора къ лицамъ чувствуется неуравновѣшенность, колебаніе. Точно „Мѣдный Всадникъ“ появился на свѣтъ раньше, чѣмъ творческій замыселъ вполнѣ созрѣлъ и окристаллизовался. Что же вывело поэта изъ равновѣсія и замутило мысль его, всегда ясную и прозрачную? На это можетъ быть только одинъ отвѣтъ: „Дзяды“ Мицкевича,

которые какъ разъ въ это время онъ читалъ и отрывки изъ которыхъ переписалъ для себя въ подлинникѣ.

III.

„Дзяды“, это—вулканическій взлетъ чувства, это экстатическій порывъ любви къ народу, не знающей себѣ границъ. Говорятъ, что во время вдохновеннѣйшей изъ импровизацій Мицкевича, когда на вызовъ Словацкаго, озаренный высшею силой, говорилъ онъ въ Парижѣ о призваніи художника, о томъ, что „для поэта есть только одна дорога—отъ сердца къ Богу“, нѣкоторые изъ его собесѣдниковъ видѣли надъ вѣщей головой поэта сіяніе. Дитя вѣры, Мицкевичъ самое паденіе Польши объяснялъ не тѣмъ, что у ней не было ни войскъ, ни денегъ, ни союзниковъ, но тѣмъ, что, усомнившись въ правотѣ своего дѣла, она хотѣла найти опору въ помощи извнѣ, искала себѣ союзниковъ. Личную свою жизнь Мицкевичъ старался достроить до той ступени, на которой вѣра двигаетъ горы и высшія минуты жизни былъ онъ дѣйствительно воплощеніемъ геніальной силы экстаза, той силы, благодаря которой въ 1849 году, пройдя пѣшкомъ черезъ всю Италію, онъ, сѣдымъ старикомъ, безъ всякихъ средствъ, безъ всякой помощи собралъ вокругъ себя цѣлый легіонъ и повелъ его сражаться за свободу народовъ. Сила такого же экстаза создала и „Дзяды“. Нѣтъ, кажется, произведенія, авторъ котораго съ большимъ правомъ могъ бы сказать о себѣ: „я милліонъ, потому что любилъ и страдалъ за милліонъ“. Но пѣснь безграничной любви къ родному народу, „Дзяды“—это и пѣснь ненависти. Тысячами змѣй обвилась она вокругъ поэта, и колетъ, и жалитъ почти въ каждой сценѣ драмы. „Крови, крови, крови! Месть, месть на врага съ Богомъ и даже противъ Бога!“ восклицаетъ заключенный Новосильцевымъ въ келью Базиліанскаго Виленскаго монастыря герой „Дзядовъ“ Конрадъ, прямое продолженіе Валленрода.

Мицкевичъ — и въ этомъ большая заслуга поэта, какъ человѣка, одна изъ самыхъ тяжелыхъ побѣдъ его надъ самимъ собой—въ сознаніи осудилъ своими „Дзядами“ валленродизмъ. Въ ту самую минуту, когда Конрадъ, пропѣвъ свою пѣсню мести, готовился произнести высшее кощунство и злые духи уже окружаютъ его, какъ свою жертву, онъ падаетъ въ обморокъ. Является отецъ Петръ, простой монахъ, и смиренная молитва вѣры спа-

саетъ „молодую и благородную, но гордую и нежелающую смириться передъ Богомъ душу грѣшника“. Сцена заканчивается хоромъ ангеловъ, которые поютъ: „Миръ, миръ дѣтской простотѣ, миръ покорной и тихой добродѣтели. Слуга кроткій и смиренный, ты внесъ миръ въ домъ гордости. Миръ одинокому грѣшнику“. Таковъ смыслъ „Дзядовъ“. По отношенію къ Конраду это призывъ къ покаянію; это тотъ же голосъ, что слышенъ въ „Книгахъ пилигримства“: „улучшайте свои души, расширяйте сердца, и вы улучшите свои права, расширите границы“. Тутъ Пушкинъ былъ совершенно неправъ, сказавъ, что Мицкевичъ— „угодникъ черни буйной“, что онъ „поетъ ненависть“.

И тѣмъ не менѣе, по признанію самихъ польскихъ критиковъ“, ненависть звучитъ тамъ грозно и ни на минуту не умолкаетъ на протяженіи всей поэмы“. И въ этомъ глубокій трагизмъ всей многострадальной жизни Мицкевича, трагизмъ его, какъ человѣка, какъ поэта, наконецъ, какъ политическаго дѣятеля. Онъ, который звалъ за собою все человѣчество на созданіе общаго, всечеловѣческаго счастья, онъ, въ чьихъ вдохновенныхъ мечтахъ такъ ярко и такъ мощно засвѣтился христіанскій идеалъ великой и свободной семьи народовъ, кончилъ жизнь, собираясь въ 1854 г. сражаться въ однихъ рядахъ съ исконными притѣснителями славянъ, турками, и искренне думая при этомъ, что служитъ дѣлу славянскаго освобожденія! Обиды изстрадавшейся души, накипь горькихъ чувствъ замутили его душевный миръ, и въ ихъ клокочущей пѣнѣ затерялась и свѣтлая мысль „Дзядовъ“. Хоръ ангеловъ не послѣдняя ихъ нота. Мицкевичъ въ дальнѣйшемъ мимовольно самъ разрушаетъ то, что хотѣлъ построить въ центральной сценѣ „Дзядовъ“, импровизаціи. Спасенный молитвами Петра Конрадъ отправляется искупать свой грѣхъ передъ Богомъ въ ссылку, въ Петербургъ. Но въ петербургскомъ дневникѣ Конрада нѣтъ и признаковъ перерожденія: встрѣтившись въ Петербургѣ лицомъ къ лицу съ тою силою, которую онъ считалъ враждебной своему народу, Конрадъ — Мицкевичъ, по собственному признанію, „выливаетъ па свѣтъ кубокъ яду, высосаннаго изъ слезъ и крови своей родины“:

Wylewam na swiat ten kielich trucizny,
Wyssany z łez i z krwi mej ojczyzny.

Польская критика обыкновенно замѣчаетъ, что при оцѣнкѣ „Дзядовъ“ необходимо помнить разницу между государствомъ и народомъ. Она любитъ указывать на конецъ отрывка „Смотръ

войскамъ“, гдѣ описывается смерть деньщика, которому баринъ-офицеръ приказалъ держать свою шубу, да и забылъ про него, а онъ, вѣрный приказанію, сидѣлъ, не трогаясь съ мѣста, и замерзъ, даже не прикрывшись шубой:

Бѣднякъ! Зачѣмъ слеза невольно льется
При мысли о тебѣ, и сердце бьется?
Ахъ, жаль тебя мнѣ, бѣдный славянинъ!
Народъ несчастный! Жаль твоей мнѣ доли.
Одинъ ты знаешь героизмъ—неволи.

Но общій тонъ „Дзядовъ“ таковъ, что невольно начинаешь думать, что и въ этомъ мѣстѣ деньщикъ и представляемый имъ народъ не столько цѣль сама по себѣ, сколько средство для укора тому порядку, который созданъ былъ однако не помимо народа, а волею его самого, его собственнымъ духовнымъ подвигомъ. Этого послѣдняго Мицкевичъ никогда не могъ понять, и здѣсь источникъ одной изъ самыхъ основныхъ ошибокъ въ его сужденіяхъ о Россіи.

Во всякомъ случаѣ въ „Дзядахъ“ заключено все, что можно было бы вообще сказать противъ исторически сложившейся формы русскаго государственнаго строительства и вмѣстѣ съ тѣмъ все, что могъ бы сказать пушкинскій Евгеній, грозя статуѣ Петра. „Ненавистью къ христіанской цивилизаціи“, по словамъ кн. Вяземскаго, звучала его рѣчь. Но не позабудемъ, что для князя Вяземскаго христіанская цивилизація равнозначила европейской; Мицкевичъ же во имя христіанства отрицалъ направленіе всей европейской жизни послѣ Вестфальскаго міра, находя, что съ этихъ поръ Европа, забывъ о свободномъ развитіи души человѣческой и народной, поклонилась идоламъ государственной мощи, силы, богатства и матеріальнаго благосостоянія. При этомъ Петръ былъ для него одной изъ главныхъ силъ, дѣйствовавшихъ въ этомъ направленіи. Такимъ образомъ Пушкину оставалось только сжать сказанное въ „Дзядахъ“ въ тридцать строкъ, чтобы получился монологъ Евгенія. И замѣчательно, что самая оправа этого монолога напоминаетъ „Дзядовъ“. У Пушкина Евгеній, „обойдя кругомъ подножія кумира“,

. мрачно сталъ
Предъ горделивымъ истуканомъ,
И, зубы стиснувъ, *пальцы сжавъ*,
Какъ обуянный силой черной,
„Добро, строитель чудотворный!“
Шепнулъ онъ, *злобно* задрожавъ,
„Ужо тебѣ!“

У Мицкевича Конрадъ, обходя Петербургъ съ товарищами и „впиваясь глазами въ фундаменты, стѣны, крыши, чугунныя ограды, гранитъ, точно пробовалъ, прочно ли сидитъ каждый камень и въ отчаяніи опустилъ руки: нѣтъ, человѣку этихъ камней не повалить! А когда всѣ разошлись, онъ остался одинъ

И съ страшной *злобою* захохоталъ,
И, руку поднявъ вверхъ, онъ *пальцы сжалъ*
И мстительнымъ ударилъ кулакомъ
О камень
Такъ въ храмѣ филистимскомъ средь колоннъ
Стоялъ, пылая местію, Самсонъ.

Разница здѣсь заключается только въ отношеніи обоихъ поэтовъ къ монологу Евгенія. У Пушкина, для котораго созданіе русскаго государства было великимъ внутреннимъ подвигомъ народа, Евгеній, выливъ свой гнѣвъ на Мѣднаго Всадника, безсильный бѣжалъ отъ него въ страхѣ; Мицкевичъ же, видя въ мѣдномъ гигантѣ только внѣшнюю силу тяготѣющаго надъ народомъ гнета и вѣря въ свою побѣду надъ нимъ, написалъ ему въ „Олешкевичѣ“ свое „мане, факелъ, фаресъ“, задѣвъ при этомъ невольно и создавшій русское государство народъ.

IV.

Написалъ—и самъ смутился вылитою имъ на свѣтъ „чашею яду“, и какъ бы въ оправданіе себѣ, какъ бы смягчая впечатлѣніе, добавилъ въ самомъ концѣ „Дзядовъ“ посвященіе „Друзьямъ-москалямъ (Do przyjaciół moskali)“:

Вы помните-ль меня? Когда друзей въ могилахъ
И въ глубинѣ темницъ хочу я перечесть,
Считаю я и васъ. Въ моихъ мечтахъ унылыхъ
Для вашихъ блѣдныхъ лицъ гражданства право есть...
Пускай къ вамъ рѣчь моя изъ странъ свободы дальной
Домчится на рубежъ пустыни ледяной
И въ край изгнанія далекій и печальный
Приноситъ съ воли вѣсть, какъ журавли весной.
Узнайте мой призывъ! Подъ бременемъ неволи
Я прятался, какъ змѣй, и голосъ свой таилъ,
Но молча я дѣлилъ страданье вашей боли
И кротость голубя для васъ въ душѣ хранилъ.
Теперь я перелилъ всю горечь скорбной чаши,
Все пламя тайныхъ слезъ въ крылатой пѣсни звукъ;
Пусть васъ щадитъ она, но жжетъ оковы ваши:
То кровь моей страны, то вопли долгихъ мукъ...

(Переводъ Тана).

Эти стихи, затаенно-страстные, какъ скрытый глубоко въ душѣ пламень, тоскующе задушевные, какъ ищущее себѣ выхода изъ-подъ препятствій чувство, останутся навсегда памятью тѣхъ рѣдкихъ и свѣтлыхъ минутъ, когда геній польскаго народа искалъ и находилъ себѣ точки соприкосновенія съ народомъ русскимъ. Удивлялись, что это „посвященіе“ Мицкевичъ напечаталъ не передъ поэмой, а послѣ нея, въ самомъ концѣ; но ничего не могло быть естественнѣе. Увертюра даетъ тонъ всему произведенію, но въ стихахъ „Друзьямъ-Москалямъ“ тонъ нѣсколько иной, чѣмъ во всѣхъ „Дзядахъ“. Тамъ поэтъ даетъ волю накипи горькихъ чувствъ, тамъ „кубокъ яду“; здѣсь шагъ навстрѣчу, здѣсь память о свѣтлыхъ дняхъ молодости, о дружбѣ и безкорыстной пріязни, о минутахъ соединеній. Это рука, протянутая вновь къ прежнимъ друзьямъ, первое движеніе къ примиренію. Это какъ бы начало новой мелодіи. Молкнетъ ненависть—а гдѣ ненависть, тамъ и рабство—и слышатся первые звуки пѣсни свободы, пѣсни будущаго. И вотъ почему, когда люди доброй воли начинаютъ работать надъ созданіемъ будущаго русско-польскаго единенія, наравнѣ съ дружбой Пушкина и Мицкевича, наравнѣ съ плѣнительнымъ образомъ двухъ юношей, укрывшихся отъ непогоды подъ однимъ плащомъ, вспоминаются и эти стихи „Друзьямъ-Москалямъ“. И доселѣ еще слышатся ихъ отклики, выливаясь то въ картинѣ Мясоѣдова „Импровизація Мицкевича“, то въ стихахъ Ор—ота: „Wy czy mnie pamiętacie?“... Доброе не умираетъ.

Горькій и ѣдкій осадокъ слышенъ однако мѣстами и въ нихъ. Есть строфы, въ которыхъ хотѣли видѣть упрекъ Пушкину и Жуковскому за изданіе стиховъ „На взятіе Варшавы“. Изученіе рукописей поэта разсѣяло эти предположенія. Стихотвореніе „Друзьямъ-Москалямъ“ относится къ 1830 году, а стихи Пушкина и Жуковскаго къ концу 1831 г. Это не могло, конечно, помѣшать Пушкину принять укоры Мицкевича на свой счетъ, и чѣмъ бы онъ на нихъ отвѣчалъ, это тайна безвозвратно утеряннаго прошлаго. Но на всѣ „Дзяды“ въ ихъ цѣломъ съ русской стороны по отношенію лично къ Мицкевичу могъ быть только одинъ правильный отвѣтъ, тотъ, который далъ Пушкинъ въ стихотвореніи „Мицкевичу“:

О, Боже, возврати
Твой миръ въ его озлобленную душу.

И опять-таки чрезвычайно знаменательно, что эта молитва трогательная и, можно бы сказать, высоко-человѣчная, если бы

вмѣсто „озлобленную“ стояло „страдающую“ душу, почти буквально совпала съ горячей молитвой отца Петра надъ страдальческой душою Конрада. Заканчивая сцену въ кельѣ, хоръ ангеловъ поетъ:

Pokój, pokój prostocie,
Pokornej, cichej cnocie!
Sługo, sługo pokorny, cichy,
Wniosłeś pokój w dom pychy,
Pokój grzesznemu sierocie!

Вслушайтесь: это говоръ двухъ родственныхъ альпійскихъ вершинъ. Шумитъ и не молкнетъ разъединяющій ихъ бѣгъ потока; но въ самомъ основномъ, въ самомъ важномъ, въ сокровенныхъ глубинахъ чувства, на высотахъ человѣческой мысли, голоса ихъ сливаются въ одинъ согласный тонъ.

Внизу однако, гдѣ жизнь настроила разнаго рода перегородокъ, царитъ еще разногласіе. Споръ польско-русскій всегда былъ, да и теперь есть по преимуществу политическій. Относя мысль Пушкина къ старымъ московскимъ и петербургскимъ впечатлѣніямъ, къ днямъ соединенія, „Дзяды“ затрогивали въ то же время область, которая уже выходила за предѣлы личныхъ отношеній. Чертя свое „мане, факелъ, фаресъ“ русскому государству, Мицкевичъ, можетъ-быть, и не безъ вины самого Пушкина, привлекъ его сюда же: непосредственно передъ отрывкомъ „Олешкевичъ“ въ „Дзядахъ“ помѣщенъ „Памятникъ Петра Великаго“, гдѣ въ уста Пушкина вложено почти буквально повторенное потомъ въ „Мѣдномъ Всадникѣ“ описаніе памятника Фальконета съ упоминаніемъ о „каскадѣ тиранства“. Аріонъ декабристовъ, когда-то вмѣстѣ съ Чаадаевымъ мечтавшій написать свои имена „на обломкахъ самовластья“, могъ сказать эти слова, но смыслъ ихъ былъ понятъ Мицкевичемъ невѣрно. Онъ упустилъ изъ виду, а, можетъ быть, и не зналъ, что рука, писавшая оду „Вольность“, одновременно слагала и гимнъ „Боже царя храни“, что авторъ „Посланія въ Сибирь“, славя въ декабристахъ ихъ „думъ высокое стремленіе“, въ то же время посвящалъ стансы имп. Николаю и что настоящій „Протей“ и менѣе всего политикъ, вмѣщая въ своей богатой и всесторонней натурѣ всю широкую гамму русскихъ сочувствій, Пушкинъ спаивалъ и самыя противоположныя изъ нихъ любовью къ Россіи, вѣрою въ нее, вѣрою въ народъ русскій, который недаромъ столько лѣтъ жертвовалъ рѣшительно всѣмъ для созданія могучаго государства. Результатъ этихъ усилій и жертвъ Пушкинъ всегда цѣнилъ высоко, и вотъ

почему онъ не могъ оставить „Дзяды“ безъ отвѣта. Какъ разъ въ это время у него бродила мысль о поэмѣ, которой слѣды остались въ „Родословной моего героя“. Что изъ нея вышло бы, вопросъ праздный. „Дзяды“ дали новый толчокъ“ творческой мысли поэта, и подъ ихъ вліяніемъ явился „Мѣдный Всадникъ“. Годами, можетъ быть, накоплялись для него мысли, факты, впечатлѣнія. Но „Дзяды“ были той послѣдней электрической искрой, которая, внезапно загораясь, спаиваетъ въ огнѣ творчества всѣ доселѣ разрозненныя звенья въ одну цѣпь, въ одно твореніе. „Дзяды“ вызвали на свѣтъ „Мѣднаго Всадника“.

V.

Польская критика—и въ этомъ ея заслуга—первая указала на связь Пушкинской поэмы съ творчествомъ Мицкевича. Но, указавъ на самый фактъ воздѣйствія, она невѣрно опредѣлила его характеръ. Третякъ, важное изслѣдованіе котораго „Medziany Jeździec Puszkina“ недостаточно еще учтено нашими учеными, думалъ, что въ „Мѣдномъ Всадникѣ“ Пушкинъ сталъ на точку зрѣнія Мицкевича. Введенный въ заблужденіе именемъ героя поэмы „Евгеній“, онъ отождествилъ его съ поэтомъ и въ поэмѣ усмотрѣлъ порицаніе Петра. Но уже по поводу другого своего Евгенія поэтъ замѣтилъ:

Есть же разность
Между Евгеніемъ и мной.

Въ „Мѣдномъ Всадникѣ“ разницы этой несравненно больше. Это прямой отвѣтъ на третью часть „Дзядовъ“, но отвѣтъ-возраженіе. Третякъ услышалъ въ немъ „вѣчевой колоколъ Великаго Новгорода, перелитый въ новыя формы“; но вѣрнѣе это звонъ московскаго государственнаго строительства, который перенесся потомъ въ Петербургъ, гдѣ Петръ началъ строить уже не Русь, а Всероссійскую Имперію. „Мѣдный Всадникъ“ и „Дзяды“—это перекличка двухъ величайшихъ славянскихъ геніевъ по одному изъ основныхъ вопросовъ человѣческаго общежитія—о непозволительности жертвы чужимъ счастьемъ для общаго блага. Въ „Мѣдномъ Всадникѣ“ вопросъ этотъ разбирается въ плоскости „спора славянъ между собой“, и особенностями спора объясняются всѣ вышеуказанныя свойства пушкинской поэмы, ея характеръ и настроеніе.

Не было и нѣтъ на Петербургъ сатиры болѣе ѣдкой и злой, чѣмъ эпилогъ къ „Дзядамъ“ Мицкевича. Не было и нѣтъ Петербургу гимна болѣе свѣтлаго, чѣмъ вступленіе къ „Мѣдному Всаднику“ Пушкина. Для Мицкевича Петербургъ — „исчадіе темныхъ силъ“, для Пушкина — „полнощныхъ странъ краса и диво“. Въ созданіи Петербурга польскій поэтъ видѣлъ одинъ безсмысленный капризъ. „Съ чего вдругъ захотѣлось славянскимъ массамъ лѣзть въ эти послѣдніе закоулки своихъ владѣній, только что вырванные у моря и чухонцевъ? Тутъ земля не даетъ ни плодовъ ни хлѣба. Вѣтры приносятъ только снѣгъ и непогоду. Тутъ климатъ, то слишкомъ жаркій, то слишкомъ холодный, суровый и измѣнчивый, какъ настроеніе деспота. Не хотѣли люди, но топкіе берега царь облюбилъ и приказалъ здѣсь ставить не городъ людямъ, но себѣ столицу: здѣсь показалъ онъ всемогущество своей воли“. У Пушкина тѣ же „мшистые, топкіе берега“, тѣ же избы, „пріютъ убогаго чухонца“, но на всю картину легло озареніе новой, яркой красоты: что Мицкевичу представлялось дѣломъ безразсуднаго произвола, у Пушкина, какъ „думъ великихъ“ плодъ, засвѣтилось мыслью, получило смыслъ. На отвоеванныхъ у моря и чухонцевъ „низкихъ берегахъ“, „юный градъ изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ вознесся пышно, горделиво“, неся съ собою для всей страны культуру, открывая настежъ окна европейскому просвѣщенію, и ожили, и закипѣли радушною жизнью раньше „невѣдомыя воды“. Антитеза Мицкевичу, продолжаясь, какъ справедливо замѣтилъ Третякъ, на всемъ протяженіи вступленія, проникаетъ даже подробности картины. У Мицкевича „отъ петербургскаго мороза слипаются глаза; каждый потираетъ руки и стучитъ зубами: у каждаго изъ устъ столбомъ выходитъ паръ. Посмотришь на этотъ дымомъ дышащій народъ, и подумаешь, что это ходятъ по улицамъ печныя трубы“. У Пушкина: „люблю зимы твоей жестокой недвижный воздухъ и морозъ“. У Мицкевича русскія дамы „бѣлы, какъ снѣгъ, и румяны, какъ раки“. У Пушкина: „дѣвичьи лица ярче розъ“. У Мицкевича въ описаніи военнаго парада цѣлый рядъ ироническихъ отзывовъ объ однообразіи воинскаго строя. У Пушкина „воинственная живость потѣшныхъ Марсовыхъ полей, пѣхотныхъ ратей и коней однообразная красивость“. Словомъ, противоположность полная. Какъ будто Пушкинъ взялся намѣренно и во всемъ перечить Мицкевичу. Но это не перекоры и развѣ только въ самомъ концѣ, по вѣрному замѣчанію Третяка, въ пожеланіяхъ Петербургу слышится намекъ, обращенный къ Мицкевичу:

Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія!
Да умирится же съ тобой
И побѣжденная стихія:
Вражду и плѣнъ старинный свой
Пусть волны финскія забудутъ
И тщетной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра.

Въ остальномъ не о Мицкевичѣ, а о Петербургѣ думаетъ Пушкинъ. Мицкевичъ далъ ему только толчокъ для одного изъ задушевнѣйшихъ его произведеній, которое ужъ, конечно, писано не для отвода глазъ цензурѣ, какъ это утверждалъ Спасовичъ. Пушкинскій „Петербургъ"—это невольный откликъ души, затронутой въ томъ, что̀ она привыкла любить съ дѣтства: отъ нападокъ крѣпнетъ любовь, и дороже и ближе становятся намъ черты любимаго предмета. Пусть сыплятся укоры: сердце не устанетъ, какъ и въ пушкинскомъ „Петербургѣ", твердить одно: „люблю". Вотъ психологія „Мѣднаго Всадника". А такъ какъ за Петербургомъ и гигантомъ на бронзовомъ конѣ и для Мицкевича и для Пушкина стояло русское государство, то поэтому предисловіе къ „Мѣдному Всаднику" уже самою задушевностью и искренностью своего тона является отвѣтомъ Мицкевичу и въ другомъ, болѣе широкомъ смыслѣ слова. Не „героизмъ неволи", не духъ слѣпой и рабской покорности создалъ русское государство, а вѣрный государственный инстинктъ народа, оправданный разумнымъ сознаніемъ его лучшихъ представителей и, значитъ, свободный подвигъ самопожертвованія. И не фетишъ силы воздвигъ себѣ въ немъ русскій народъ, не самодовлѣющую себѣ цѣль, а могучее средство для разумной и свѣтлой жизни:

О, нѣтъ, ты не орудье силы темной:
Ты—свѣта властелинъ, ты гонишь ложь!
Глашатай истины ты и свободы,
Изъ тьмы ты къ солнцу правды насъ ведешь.
Да свѣтитъ же твой яркій, лучезарный свѣточъ
Отъ дальнихъ Балта сѣняго бреговъ
Чрезъ горы, долъ, чрезъ тундры и чрезъ рѣки
До океана Тихаго валовъ.
Отъ солнца Индіи до странъ полночи
Простертыхъ въ прахѣ къ счастью да зоветъ,
Народы къ жизни воздвигаетъ новой
И всѣмъ имъ вѣсть спасенія несетъ!

Это слова современнаго словенскаго поэта Ашкерца о русскомъ народѣ. Но не такой ли идеалъ Россіи носилъ въ сердцѣ и Пушкинъ, когда писалъ о Наполеонѣ и своей родинѣ:

Хвала! Онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

Не случайность это, что такъ безслѣдно пропалъ слышанный кн. Вяземскимъ монологъ Евгенія передъ памятникомъ Петра. Чѣмъ онъ былъ сильнѣе, тѣмъ меньше отъ него должно было остаться слѣдовъ. Пушкинъ уничтожилъ его самъ, потому что замѣтилъ, что онъ можетъ затемнить основную мысль поэмы, можетъ ослабить апоѳеозъ Петра и Россіи.

VI.

Но, уничтоживъ монологъ Евгенія, Пушкинъ не устранилъ неуравновѣшенности „Мѣднаго Всадника", коренящейся въ вышеуказанныхъ условіяхъ возникновенія поэмы. Въ „Мѣдномъ Всадникѣ" иногда какъ будто уже слишкомъ громко слышится топотъ бронзоваго коня,

Какъ будто грома грохотанье,
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой.

За этимъ грохотомъ мѣстами почти не слышно той простой истины, что смыслъ и оправданіе даются государству только лежащей въ его основаніи идеею жалости, идеей защищенной частной свободы. Это произошло отъ того, что въ постановкѣ основного вопроса о жертвѣ Пушкинъ, хотя и мимовольно, но послѣдовалъ за Мицкевичемъ и поставилъ на счетъ Петру и воплощаемой имъ идеѣ русскаго государства наводненіе, забывъ, что такая постановка вопроса вовсе не неизбѣжна. Являлась возможность другого взгляда и иного освѣщенія, къ которому былъ близокъ Пушкинъ, когда писалъ:

Царь молвилъ—изъ конца въ конецъ
По ближнимъ улицамъ и дальнымъ
Въ опасный путь средь бурныхъ водъ
Его пустились генералы
Спасать и страхомъ обуялый
И дома тонущій народъ.

Но „съ *Божіей* стихіей царямъ не совладать“. Эта мысль не повліяла однако на художественный укладъ поэмы. Къ счастью, топоту „Мѣднаго Всадника“ не удалось все-таки заглушить одной изъ самыхъ важныхъ и цѣнныхъ чертъ поэмы: ясно выраженнаго, вполнѣ несомнѣннаго сочувствія автора къ судьбѣ Евгенія. И здѣсь въ наибольшую, казалось бы, минуту разъединенія опять внезапно загораются точки соприкосновенія между русскимъ и польскимъ поэтомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ и крѣпнетъ надежда, что когда-нибудь удастся таки засыпать пропасть, раздѣляющую два главныхъ славянскихъ народа.

Велика она, и много есть съ обѣихъ сторонъ добровольцевъ, которые еще глубже разрываютъ то, что и безъ того углублено исторіей. Но на то данъ человѣку свѣтлый разумъ, добрая воля и сердце, умѣющее прощать, чтобы, поборовъ всѣ преграды, идти впередъ къ новому, свѣтлому будущему. Подготовка для него почвы должна стать общимъ дѣломъ столько же для поляковъ, сколько и для русскихъ.

Хомяковъ, Мицкевичъ и декабристы.

I.

Когда высланный изъ Литвы Мицкевичъ пріѣхалъ впервые въ Петербургъ—это было на другой день послѣ знаменитаго наводненія 1824 года—онъ прежде всего познакомился съ кружкомъ будущихъ декабристовъ. Ничего не могло быть естественнѣе. Съ высокаго и блѣднаго чела Мицкевича еще не сошелъ отблескъ яркаго весенняго солнца, что озаряло виленскія маевки, когда веселой юношеской гурьбой собирались филареты въ подгородныхъ лѣсахъ и приносили другъ другу клятвы въ вѣчной преданности родинѣ, человѣчеству, Богу. „О, молодость! надъ доломъ возлетай, хватай, чего взглядъ не емлетъ, ломи, чего разумъ не сломитъ. Орлиная—сила твоего полета и молніеносна твоя рука. Друзья, рука въ руку! Опояшемъ земной шаръ, соединимъ мысли и духъ въ одинъ фокусъ. Счастливъ и падшій, если своимъ тѣломъ онъ воздвигнетъ новую ступень къ граду славы“.

Земля! содвинься съ основанья!
На новые пути тебя мы поведемъ,
И, плѣсень сбросивши дряхлѣющей природы,
Зеленые ты вспомнишь годы.

Молодость тѣмъ и хороша, что, ища отзыва своимъ весеннимъ порывамъ, щедрая, она зоветъ на свой благородный пиръ всѣхъ, въ комъ не погасъ еще огонь высокихъ стремленій. Свѣтлый, звонкій, увѣренный, голосъ ея одинаковъ повсюду. Когда въ Литвѣ Мицкевичъ писалъ свою „пѣсню юности“, въ мглистомъ, слякотномъ и вѣчно осеннемъ Петербургѣ, гдѣ темно-сѣрое небо такъ низко, что можно, кажется, ухватить его рукою, а пронизывающая сырость способна убить всѣ микробы восторга и увлеченій, у Синяго моста, въ скромной квартирѣ Рылѣева

шли такіе же пылкіе разговоры и, жаждая перемѣнъ, мечтала безумная юность однимъ взмахомъ перестроить, если не міръ, то всю Россію. И уже слышалась ясно жажда самопожертвованія:

Не тотъ отчизны вѣрный сынъ,
Не тотъ въ странѣ самодержавья
Царю полезный гражданинъ,
Кто рабъ презрѣннаго тщеславья!
Но тотъ, кто съ сильными въ борьбѣ
За край родной, иль за свободу
Готовъ всѣмъ жертвовать народу.
И пусть падетъ! Но будетъ живъ
Въ сердцахъ и памяти народной
И онъ, и пламенный порывъ
Души прекрасной и свободной!

Это звуки изъ мицкевичевской „марсельезы юности“.

Загадочный, странный и даже страшный взглядъ черныхъ глазъ Рылѣева, отъ которыхъ и на портретѣ трудно оторваться, вмѣстѣ съ петербургской молодежью вовлекъ въ свой кругъ и Мицкевича. Но онъ вошелъ туда не какъ неопытный юноша, увлекшійся горячей проповѣдью агитатора: онъ уже и тогда стоялъ безконечно выше Рылѣева и по глубинѣ своихъ идей и по широтѣ кругозора. Это было даже не согласіе въ политическихъ убѣжденіяхъ, а простое движеніе сочувственныхъ душъ на встрѣчу одна другой. Ко всему прочему Рылѣевъ хорошо зналъ по-польски. Еще въ корпусѣ онъ научился этому языку отъ кадета Зыгмунтовича, а потомъ въ 1817-мъ году, стоя со своимъ полкомъ въ Несвижѣ, имѣлъ онъ случай и ближе сойтись съ польскимъ обществомъ. До насъ дошло его польское письмо къ автору „Историческихъ пѣсенъ“ Юліану Урсынъ-Нѣмцевичу. Можетъ быть, Мицкевичъ еще въ Вильнѣ получилъ къ нему рекомендацію отъ его старыхъ минскихъ знакомыхъ, а потомъ декабристы и сами, какъ извѣстно, пытались войти въ сношенія съ виленскими филоматами.

Впрочемъ тайное общество было и безъ того довольно открытымъ. Привыкнувъ къ таинственности виленскихъ сходокъ, Мицкевичъ былъ пораженъ русской откровенностью. Леонардъ Реттель разсказываетъ, что разъ, проходя мимо квартиры одного изъ своихъ новыхъ друзей, Мицкевичъ услышалъ такіе рѣзкіе возгласы, что вошелъ и сталъ упрекать ихъ за неосторожность, чѣмъ вызвалъ противъ себя неудовольствіе. Другой разъ на одномъ изъ тѣхъ собраній, о которыхъ сказалъ Пушкинъ:

Другъ Марса, Вакха и Венеры,
Тамъ Лунинъ дерзко предлагалъ
Свои рѣшительныя мѣры,

Мицкевичъ не только не захотѣлъ присоединиться къ тосту своихъ пріятелей, но и сумѣлъ двумя-тремя трезвыми словами вернуть ихъ отъ плановъ, затѣваемыхъ „между Лафитомъ и Клико", къ дѣйствительности. Такъ своими мѣткими замѣчаніями охлаждалъ онъ революціонный пылъ, обливая своихъ пріятелей ушатомъ холодной воды.

Эти разсказы, указывая, какъ близко сошелся съ декабристами польскій поэтъ, вмѣстѣ съ тѣмъ намѣчаютъ намъ и тонъ ихъ разговоровъ. Главное мѣсто занимали здѣсь политическіе интересы. Атмосфера жизни тогдашняго высшаго русскаго общества въ его молодыхъ слояхъ, особенно у гвардейскихъ офицеровъ, была насыщена политикой съ приправой туманныхъ идеалистическихъ мечтаній „о благѣ общемъ".

У Рылѣева какъ разъ въ это время бывалъ и Хомяковъ. Въ 1823 году девятнадцатилѣтнимъ юношей перешелъ онъ на службу въ лейбъ-гвардіи конный полкъ, стоявшій въ Петербургѣ. Его товарищемъ по полку былъ декабристъ, князь Одоевскій. Съ Рылѣевымъ у него былъ и еще одинъ общій знакомый Мухановъ. Наконецъ ихъ вязала золотая нить поэзіи: Хомяковъ сотрудничалъ въ „Полярной Звѣздѣ". У Рылѣева Хомяковъ могъ встрѣтиться и съ Мицкевичемъ, и здѣсь, вѣроятно, и началось ихъ знакомство на указанной выше почвѣ.

II.

У насъ обыкновенно принято смотрѣть на декабристовъ, какъ на западниковъ, и отдѣлять отъ нихъ славянофиловъ китайскою стѣною благонамѣренности. Но этотъ взглядъ ни въ какомъ случаѣ нельзя признать историческимъ. Исторія, да и жизнь сама, давно уже показали, что эти выцвѣтшіе ярлычки хромаютъ на обѣ ноги. Декабристы вовсе не были западниками, а что касается Хомякова, то петербургская цензура, наложившая опалу на его имя и сочиненія, и графъ Закревскій, воспретившій ему читать стихотвореніе „Россія" даже матери родной, съ своей точки зрѣнія были, конечно, правы. Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Москву графъ С. С. Уваровъ, присутствуя на засѣданіи университетскаго совѣта, обратился къ Надеждину со внушеніемъ:

„Политическая религія, какъ и богооткровенная, имѣетъ свои догматы. У насъ одинъ изъ нихъ—крѣпостное право. Оно утверждено прочно и незыблемо и незачѣмъ его колебать“. Но Хомякову этотъ „незыблемый“ догматъ былъ чуждъ не менѣе, чѣмъ Рылѣеву и его друзьямъ. Трудно ставить извнѣ какія бы то ни было границы искренней любви къ родинѣ.

Хомякова отдѣляли отъ декабристовъ ихъ политическіе идеалы. „Хомяковъ—(это—свидѣтельство Кошелева)—былъ душою преданъ свободѣ, всегда имѣлъ ее въ виду и крѣпко за нее ратовалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отстаивалъ самодержавіе. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что господствующая на Западѣ система противовѣсовъ совершенно непримѣнима къ Россіи, что у насъ должна быть иная, болѣе полная, болѣе человѣчная свобода и иная, болѣе сильная, болѣе дѣйствительная власть и что мы сумѣемъ согласовать самодержавіе съ широкою гласностью и со всенароднымъ представительствомъ“. Но изъ этихъ же словъ видно, что Хомяковъ вовсе не удовлетворялся и тѣмъ міросозерцаніемъ, которое, вычеркивая изъ обихода слова „гражданинъ“ и „отечество“, какъ это сдѣлалъ въ 1799 г. имп. Павелъ, губило „вѣчныя права человѣка“:

Слово, Божій даръ святой,
Разумъ, лучъ отъ Божества.
(Стих. „Навуходоносоръ“).

Помня о томъ, какъ дѣдъ его получилъ свои имѣнія, Хомяковъ глубоко цѣнилъ высокое происхожденіе царской власти въ Россіи и дорогъ ему былъ голосъ воли народной. Здѣсь лежала та точка, отъ которой шло его расхожденіе какъ съ оффиціальнымъ символомъ политической вѣры, такъ и съ мечтаніями декабристовъ. Когда въ ноябрѣ 1824 г. у Рылѣева зашелъ споръ о законности насильственнаго переворота, Хомяковъ горячо доказывалъ, что вооруженное меньшинство не имѣетъ права измѣнять законное государственное устройство, что вообще никто изъ частныхъ людей не вправѣ навязывать народу своихъ воззрѣній, не спросясь его желаній. Рылѣевъ, по словамъ Шипова, былъ такъ смущенъ діалектикой Хомякова, что въ осеннюю ночь убѣжалъ изъ дому безъ шапки, оставивъ гостей своихъ въ недоумѣніи. Когда разразился бунтъ 14-го декабря, Хомяковъ, конечно, не могъ не отнестись къ нему отрицательно: для оцѣнки заговора, писалъ онъ роднымъ, „достаточно было бы перечислить возрастъ всѣхъ заговорщиковъ“.

Но расходясь съ декабристами въ вопросѣ о томъ, какая форма политической жизни можетъ лучше обезпечить свободу народной и личной самодѣятельности, онъ не только въ самомъ требованiи этой свободы, но и въ программѣ общественныхъ преобразованiй былъ съ ними заодно. Давно видѣлъ онъ миражъ нашего оффицiальнаго могущества и когда въ 1854 г. ударъ за ударомъ обнаружилъ грозную русскую дѣйствительность, изъ сердца Хомякова вылились знаменитыя строки по адресу Россiи:

Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна,
О, недостойная избранья,
Ты избрана...

„Измѣнникъ!“—обозвала тогда Хомякова графиня Е. Растопчина тѣмъ же словомъ, которымъ раньше заклеймены были декабристы, и даже умный и добрый князь Вяземскiй писалъ: „Подобаетъ быть почтительнѣе и вѣжливѣе съ матерью своею; добрый сынъ Ноя прикрылъ плащаницею слабость и стыдъ своего отца“. Оба не хотѣли понять, что святость и неприкосновенность идеи отечества отнюдь не оправдываетъ его неустройствъ. Напротивъ чѣмъ выше и святѣе идея, тѣмъ очевиднѣе и глубже пропасть между идеаломъ и дѣйствительностью и тѣмъ сильнѣе желанiе засыпать эту пропасть. Если бы свести въ одно все, что̀ говорится въ показанiяхъ декабристовъ о неустройствахъ русской жизни, получилась бы характеристика Россiи, вышедшая изъ подъ пера Хомякова въ вышеприведенномъ стихотворенiи. Это конспектъ взгляда декабристовъ на современную имъ жизнь.

Съ другой стороны, если бы по хомяковскому стихотворенiю путемъ противоположенiя попытаться возстановить положительныя его требованiя отъ жизни, въ результатѣ оказалась бы та программа общественныхъ преобразованiй, которую поэтически обрисовалъ Рылѣевъ въ своемъ „Видѣнiи“, когда, извѣрившись въ либерализмѣ имп. Александра, онъ перенесъ свои виды въ будущее и, обращаясь къ великому князю Александру Николаевичу, тогда шестилѣтнему ребенку, пророчески предугадалъ все, что̀ выпало на долю совершить будущему императору Александру II-му. Теперь, когда вскрыты всѣ показанiя декабристовъ, нельзя уже упрекать ихъ въ безпочвенности и полномъ незнакомствѣ съ русской жизнью. При всемъ неумѣнiи считаться съ дѣйстви-

тельностью, при всемъ ихъ романтизмѣ ни у кого тогда личная боль не сросталась такъ крѣпко съ живой болью русскаго народа, какъ у нихъ, никто не отличался такой чуткостью къ запросамъ жизни, пока полное отсутствіе какой-бы то ни было поддержки не загнало ихъ на безразсудный путь дворцовой революціи, какою въ сущности было возстаніе 14-го декабря.

Двадцать пятый годъ на 30 лѣтъ похоронилъ общественную програму декабристовъ, но общественныя идеи ихъ не умерли. Онѣ сохранились въ студенческихъ кружкахъ и тѣхъ немногихъ московскихъ гостиныхъ, гдѣ всегда блисталъ умомъ и чувствомъ Хомяковъ. А когда съ новымъ царствованіемъ занялась и заря новаго дня, кто же сталъ въ первыхъ рядахъ бойцовъ за освобожденіе крестьянъ, гласный судъ, свободу слова, т.-е. за все то, чего желали Рылѣевъ и его товарищи, кто, какъ не Хомяковъ и его друзья? Даже самое обоснованіе этихъ реформъ у Хомякова и Рылѣева выходило изъ однихъ началъ. „Будь человѣкъ для человѣка", говорилъ въ 1823 году Рылѣевъ будущему императору Александру II-му. А Хомяковъ, перефразируя эти слова, въ стихотвореніи „26-го августа 1856 г."—день коронаціи того же Александра II—молилъ Бога, да дастъ онъ государю „даръ,—вѣнецъ дарамъ.—даръ братолюбья къ братьямъ-людямъ". И тамъ и здѣсь одна подкладка—гуманитарно-нравственная.

Сходство между общественными идеалами декабристовъ и Хомякова настолько несомнительно, что противъ него можно развѣ только возразить, что стихи Хомякова отъ стихотворенія Рылѣева дѣлятъ 30 лѣтъ. Но біографы и друзья Хомякова рѣшительно утверждаютъ, что его воззрѣнія сложились уже во времена ранней юности и затѣмъ не мѣнялись. Въ Крымскую войну, когда всѣ язвы нашего дореформеннаго строя были выворочены наружу и всѣми овладѣло уныніе, въ московскихъ гостиныхъ раздавался только одинъ дѣтски-добродушный, чистый смѣхъ Хомякова. „Какъ можете вы смѣяться въ такое время?" замѣтилъ ему кто-то съ укоромъ.—„Я плакалъ 30 лѣтъ, пока вы смѣялись; позвольте же теперь посмѣяться и мнѣ", отвѣтилъ Хомяковъ. Онъ видѣлъ давно уже, къ чему идетъ Россія, и давно зналъ, что единственное лекарство противъ ея болѣзней—общественныя реформы, которыя написали на своемъ знамени между прочимъ и декабристы.

III.

Если старые славянофилы въ насущныхъ практическихъ вопросахъ народной жизни далеко не были такъ чужды западникамъ, какъ это принято думать, то декабристы во многихъ отношеніяхъ могутъ быть прямо названы предшественниками славянофильства, по крайней мѣрѣ тѣхъ его формацій, которыя представлены Хомяковымъ, Кирѣевскими и молодой редакціей „Москвитянина".

У насъ почему-то принято вести славянофильское родословіе отъ Шишкова и его ретроградныхъ чудачествъ. На самомъ дѣлѣ славянофильство возникло гораздо раньше. Еще въ XVIII вѣкѣ мы имѣли свое „народничество", и Плавильщиковъ посѣщалъ невскія баржи и толкался среди петербургскихъ рабочихъ и крестьянъ, ища здѣсь матеріала для своего „Бобыля", первой дѣйствительно народной нашей комедіи. Онъ же въ „Зрителѣ" создалъ и первую славянофильскую теорію. Хранимое въ театральныхъ кругахъ, „народное" направленіе черезъ кн. А. А. Шаховского передалось Грибоѣдову, и онъ не случайно вложилъ въ уста Чацкому желаніе занять у китайцевъ „премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ". Чацкій—наилучшее въ нашей литературѣ изображеніе человѣка 20-хъ годовъ.

Кажущаяся намъ теперь смѣшной „борьба" за русское платье Аксаковыхъ и Хомякова была начата декабристами. „Въ преобразованіи Россіи—пишетъ Александръ Бестужевъ въ запискѣ, поданной государю,—насъ болѣе всего прельщало русское платье и русскія названія чиновъ". Мечтою Кюхельбекера было, по словамъ Глинки, носить хоть въ деревнѣ русскій народный костюмъ. Своему слугѣ онъ приказывалъ ходить всегда въ русскомъ кафтанѣ. Рылѣевъ, собирая къ себѣ по понедѣльникамъ гостей, называлъ свои завтраки „русскими": на нихъ подавались только квасъ и кислая капуста.

Декабристы одни изъ первыхъ подняли вопросъ и объ очищеніи русскаго языка отъ иноземныхъ налетовъ, не уступая здѣсь ни на іоту Шишкову. „Мы всосали съ молокомъ матери безнародность и удивленіе только къ чужому", возмущался въ славянофильскомъ духѣ Бестужевъ и, переводя слова въ дѣло, употреблялъ вмѣсто слова „пейзажъ"—видопись, вмѣсто карниза—прилѣпъ, вмѣсто антикварія—старинарь. Кюхельбекеръ, несмотря на свою нѣмецкую фамилію, а, можетъ быть, и благодаря ей,

былъ самымъ заклятымъ врагомъ германизмовъ и заботился о чистотѣ славянскихъ нарѣчій. Даже Пестель, составляя свою „Русскую Правду“—самое названіе это характерно—занимался попутно переложеніемъ техническихъ терминовъ на русскій языкъ, передѣлывая корпусной штабъ въ „ротную управу“, квартирмейстерскую часть въ „размыслъ“, часть инженерскую въ „кремельскую“, инспекторскую въ „версташную“, коммиссаріатскую въ „бронную“. Какъ грибоѣдовскій Чацкій, декабристы, очевидно, хотѣли, чтобъ „умный, добрый нашъ народъ, хотя по языку, насъ не считалъ за нѣмцевъ“.

Народъ русскій, какъ особую духовную личность, цѣнили они чрезвычайно высоко. „Народъ нашъ, пишетъ Кюхельбекеръ, первый въ свѣтѣ по славѣ и могуществу своему, по своему звучному, богатому, мощному языку, коему въ Европѣ нѣтъ подобнаго, наконецъ, по радушію, мягкосердію, остроумію и непамятозлобію, ему передъ всѣми свойственному“, и авторъ скорбитъ только, что все это безъ свободы, „быть можетъ, опадетъ, не принесши никакого плода въ нравственномъ мірѣ“. Отсюда одинъ шагъ до вѣры Хомякова въ призваніе Россіи ввести въ европейскую жизнь начала христіанства, водворить въ соціальныхъ отношеніяхъ „правду и безкровный судъ“, въ народныхъ—„племенъ святое братство“.

Думы о высокомъ развитіи, предстоящемъ русскому народу, не растворялись у декабристовъ въ платоническихъ изліяніяхъ. Никто охотнѣе ихъ не откликнулся на призывъ, съ которымъ позднѣе Хомяковъ обратился къ Россіи:

О, вспомни свой удѣлъ высокій,
Былое въ сердцѣ воскреси
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!

Всякое новое общественное теченіе въ силу человѣческой природы ищетъ себѣ опоры въ прошломъ народа. Мечтая о грядущей Россіи, декабристы серьезно, безпристрастно и добросовѣстно изучали русскую жизнь въ ея настоящемъ и прошедшемъ. Князь А. И. Одоевскій, стараясь уловить тонъ народной поэзіи, пишетъ стихотвореніе Ивашевой. А. Бестужевъ обличаетъ несомнѣнное знаніе народныхъ мотивовъ въ пѣснѣ о битвѣ передъ Бѣлой Церковью:

Что не вѣтеръ шумитъ во сыромъ бору—
Муравьевъ идетъ на кровавый пиръ

Съ нимъ черниговцы идутъ грудью стать
Голову сложить за Россію мать.

Онъ былъ однимъ изъ первыхъ нашихъ писателей-этнографовъ. Въ то время, какъ Жуковскій уносилъ русское воображеніе въ туманный міръ средневѣковыхъ сказаній, Рылѣевъ въ своихъ думахъ обращался мыслью къ русской старинѣ и „воспламенялъ“ юношей на служеніе родинѣ, „сѣдую вызывая древность“. Въ средѣ декабристовъ возникнулъ первый журналъ, посвященный у насъ научной разработкѣ родного прошлаго—„Русская Старина“ Корниловича. Наконецъ декабристы же въ лицѣ Фонъ-Визина дали въ его запискѣ о развитіи политической жизни въ Россіи первое прагматическое обозрѣніе русской исторіи.

Отношеніе декабристовъ къ русскому прошлому было чуждо односторонности. Совѣтуя Пушкину воспѣть Псковъ, край, гдѣ „были задушены послѣдніе остатки русской свободы“, Рылѣевъ самъ наряду съ Хмѣльницкимъ и Наливайко воспѣлъ и Сусанина. Тѣмъ болѣе любопытно, что декабристы въ своихъ историческихъ изысканіяхъ сошлись съ славянофилами въ оцѣнкѣ одного изъ важнѣйшихъ явленій русской исторіи: обѣ стороны одинаково отрицательно отнеслись къ петровской реформѣ. Петръ, по мнѣнію Каховскаго, убилъ въ Россіи все народное и уничтожилъ ея свободу: „съ тѣхъ поръ она сокрылась наружно, а жива внутри сердецъ гражданъ добрыхъ“. „Геніальный царь—читаемъ у другого декабриста—не столько обращалъ вниманіе на внутреннее благосостояніе народа, сколько на развитіе исполинскаго могущества своей имперіи. Духъ европейской цивилизаціи—духъ законной свободы и гражданственности—былъ ему, деспоту, чуждъ и даже противенъ. Мечтая перевоспитать своихъ подданныхъ, онъ не думалъ вдохнуть въ нихъ высокое чувство человѣческаго достоинства. Ему нужны были особыя орудія для матеріальныхъ улучшеній. Онъ особенно и дорожилъ людьми спеціальными, но люди истинно образованные, осмысленные, дѣйствующіе не изъ рабскаго страха, а по чувству долга—такіе люди не могли нравиться Петру: они были опасны для его желѣзнаго самовластія... Петръ унизилъ церковь и ея архипастырей...“ [1]). Не будь подъ этими строками подписано имя Фонъ-Визина, можно было бы подумать, что ихъ писалъ Аксаковъ.

[1]) Общ. движ. въ Россіи, т. I, стр. 109—112. Замѣчательно, что почти въ тѣхъ же словахъ отозвался о Петрѣ и Мицкевичъ. „Петръ—доказывалъ онъ—старался стереть въ русскомъ народѣ всякій слѣдъ независимости, убить

Но этого мало. Декабристы дѣлили съ славянофилами не только народныя, но и племенныя сочувствія. Очень многіе изъ нихъ вѣрили въ славянское призваніе Россіи, ждали, какъ и Хомяковъ, что „рѣка свой край перебѣжитъ“, что „славянъ полунощныхъ орелъ“ соберетъ подъ свои крылья „окованныхъ братьевъ“ и они „цѣпь насилья желѣзнымъ клювомъ расклюютъ“. Въ проэктѣ конституціи князя Сергѣя Трубецкого Россія называется „Славяно-Русской имперіей“, и авторъ, дѣля всю страну на области, главную, нижегородскую, переименовываетъ въ славянскую, а главный городъ ея, предполагаемую столицу имперіи, Нижній-Новгородъ, въ Славянскъ. Пестель Петербургъ называетъ Петроградомъ, а главную область страны подобно Трубецкому передѣлываетъ тоже въ Славянскую. „Славянскія дѣвы! —восклицаетъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній кн. Александръ Одоевскій:—въ голосъ единый зачѣмъ вы не сольете всѣхъ голосовъ славянскихъ племенъ?

Боже, когда же сольются потоки
Въ рѣку одну, какъ источникъ одинъ!
Да потечетъ сей потокъ исполинъ
Ясный, какъ небо, какъ море, широкій
И, увлажая полміра собой,
Землю украситъ могучей красой!

И Фонъ-Визинъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ выступая противъ славянофиловъ, самъ однако раздѣляетъ съ ними цѣликомъ ихъ вѣру въ освободительную миссію Россіи среди славянскихъ племенъ. „Если философская мысль Гегеля,—пишетъ онъ,—что всякій историческій народъ есть представитель міровой идеи и въ свою эпоху долженъ развить ее для блага человѣчества, не есть пустая фикція, то и русскій народъ призванъ когда-нибудь стать въ этомъ смыслѣ народомъ историческимъ и изъ своихъ родныхъ стихій развить новую міровую идею. Будучи по могуществу своему поставлена во главѣ разъединенныхъ племенъ, Россія рано или поздно должна увлечь ихъ въ свою политическую сферу въ силу общаго естественнаго закона, по которому малыя толщи всегда тяготѣютъ къ самой большой массѣ, съ ними однородной, и при-

окончательно нравственную жизнь. Онъ давалъ своему народу государственную мощь, богатство, матеріальное благосостояніе, но въ замѣнъ хотѣлъ взять у него его душу“. (Literatura Słowiańska. Poznań, 1865, II, 77). Такимъ образомъ славянофилы, декабристы и Мицкевичъ подавали другъ другу руку во взглядѣ на одно изъ самыхъ важныхъ явленій въ нашей исторіи.

тягиваются ею. Можетъ быть, такъ называемый панславизмъ, о которомъ съ такимъ пренебреженіемъ отзываются нѣмцы и французы, не есть порожденіе фантазіи и не пустая мечта". Если мы теперь прибавимъ, что, по мнѣнію Фонъ-Визина, „общинаволость есть начало чисто славянское, мы поймемъ, что онъ разумѣлъ подъ тѣми „родными стихіями", изъ которыхъ предстоитъ Россіи „развить новую міровую идею". Это — хомяковское племенъ святое братство и переустройство всѣхъ общественныхъ и народныхъ отношеній на общинныхъ началахъ. Мицкевичъ, оттѣняя другую сторону того же идеала, сказалъ бы: свобода народная и свобода народовъ.

Наивно и подѣтски, но славянофилы и декабристы первые же одинаково пошли и на встрѣчу этому идеалу. 16-лѣтнимъ мальчикомъ во время борьбы грековъ за независимость Хомяковъ, добывъ себѣ паспортъ и собравъ 50 рублей денегъ, въ одной ваточной шинели бѣжалъ изъ дому отца, чтобы „сражаться за грековъ и поднимать славянъ". Приблизительно въ то же время, въ 1823 году, офицеры южной арміи, два брата Борисовы вмѣстѣ съ волынскимъ шляхтичемъ Люблинскимъ, можетъ быть, не безъ вліянія существовавшей въ 1818 году массонской ложи Соединенныхъ Славянъ, основали подъ тѣмъ же „характернымъ названіемъ тайное общество. Въ составленномъ ими краткомъ „катехизисѣ славянина" излагалась ясно и опредѣленно цѣль общества: „соединить общимъ союзомъ и единообразнымъ правленіемъ, но безъ нарушенія независимости каждаго, восемь славянскихъ колѣнъ, означенныхъ на осьмиугольной печати ихъ—Россію, Польшу, Богемію, Моравію, Далмацію, Кроацію, Венгрію съ Трансильванiей (sic), Сербію съ Молдавіей и Валахіей". Много здѣсь было наивности и слишкомъ мало знанія, но главная идея свободнаго единства славянскихъ племенъ была подчеркнута рѣзко и, учреждая для осуществленія ея общество, Борисовы впервые, кажется, ввели ее въ сферу реальной политики.

Итакъ декабристы были такими же русскими народниками, какъ Хомяковъ и его друзья, вплоть до увлеченія славянофильствомъ. Славянская идея была вторымъ послѣ общечеловѣческихъ идеаловъ звеномъ, соединившимъ Хомякова и Рылѣева съ Мицкевичемъ.

IV.

Ни одинъ изъ біографовъ Мицкевича—ни Хмѣлёвскій, ни Калленбахъ, ни даже сынъ поэта, Владиславъ Мицкевичъ—не

выяснили намъ возникновенія и роста его славянофильскихъ идей, но существованіе ихъ во всякомъ случаѣ нельзя оспаривать. Въ 1829 году, Погодинъ, посѣтивъ въ Москвѣ Мицкевича, записалъ въ дневникѣ свой разговоръ съ нимъ: „Россія непремѣнно должна покровительствовать всѣ славянскія партіи и этой мѣрой она привлечетъ къ себѣ болѣе, чѣмъ войсками". Въ 1834 году мы находимъ Мицкевича въ числѣ основателей возникшаго среди эмиграціи Славянскаго Общества. На каѳедру свою въ Collége de France онъ смотрѣлъ, какъ на „эмблематическій ковчегъ будущаго соединенія славянскихъ народовъ" и первую же лекцію закончилъ знаменательными въ этомъ смыслѣ словами: „Литература, это—поле, куда всѣ славянскіе народы безъ раздоровъ и ненависти сносятъ плоды своей дѣятельности духовной и умственной. О, если бы встрѣча на этомъ прекрасномъ полѣ стала залогомъ ихъ соединенія и на иномъ поприщѣ!" О какомъ поприщѣ думалъ здѣсь великій польскій поэтъ? Безъ сомнѣнія, о свободномъ политическомъ единствѣ всѣхъ славянскихъ народовъ:

Единство—возвѣстилъ оракулъ нашихъ дней—
Быть можетъ спаяно желѣзомъ лишь и кровью.
А мы попробуемъ связать его любовью.

И справедливостью, могли бы прибавить къ этимъ словамъ Тютчева наши петербургскіе собесѣдники.

Но славянская идея, хотя и теперь еще является почти единственной почвой, гдѣ полякъ и русскій чувствуютъ, что они—одно, таитъ въ себѣ для нихъ и коренной пунктъ расхожденія—польско-русскій вопросъ. Мицкевичъ въ одномъ изъ писемъ къ Товянскому (Współudział Mickiewicza w sprawie Towiańskiego, II, 131) однажды замѣтилъ, что „полякъ и русскій легко сходятся, когда дѣло идетъ о благихъ пожеланіяхъ для всего рода человѣческаго, но другъ для друга каждый изъ нихъ желаетъ взаимно возможно скорой гибели". Оставляя эти слова на отвѣтственности польскаго поэта, нельзя однако не видѣть, что вопросъ о Польшѣ останется еще надолго роковымъ не только для поляка, но и для русскаго. Въ частныхъ отношеніяхъ это пробный камень взаимной искренности и доброжелательства; въ народныхъ имъ испытывается широта и благородство народныхъ идеаловъ, вѣра въ мощь и высокое призваніе своего народа. Обозначить здѣсь точки сходства и расхожденія у Мицкевича и его русскихъ друзей важно.

Народно-политическій идеалъ Мицкевича опредѣлился еще въ годы ранняго дѣтства.

Сынъ средней шляхетской семьи, выросшій подъ шумъ тогда еще дѣвственныхъ лѣсовъ литовско-бѣлорусскаго полѣсья, Мицкевичъ воспитался въ старинной мирной и патріархальной обстановкѣ, гдѣ въ сердцахъ простыхъ и добрыхъ людей искренне святилось въ мѣру разумѣнія имя Божіе, а рядомъ съ нимъ и другое имя — святое и дорогое для каждаго поляка—имя Польши. Рѣчь Посполитая перестала существовать политически, но польская культура и съ присоединеніемъ прежнихъ польскихъ областей къ Россіи царила въ нихъ безвозбранно, и старая Польша жила въ сердцахъ, овѣянная тою поэзіей, которая всегда украшаетъ минувшее. Въ одноэтажномъ тихомъ помѣщичьемъ домикѣ Мицкевичей

Въ гостиной на стѣнѣ висѣлъ еще портретъ,
Изображающій Тадеуша Костюшку
Въ чамаркѣ и плащѣ; ногою ставъ на пушку
И очи вверхъ поднявъ, клянется небесамъ
Спасти отечество или погибнуть самъ,
А далѣе Корсакъ и съ нимъ Ясинскій рядомъ
Дружины польскія окидываютъ взглядомъ;
Кипитъ горячій бой, валятся москали,
А Прага занялась ужъ пламенемъ вдали...

На дѣтскую головку Мицкевича навсегда легъ кровавый отблескъ этого пожара, а въ слухъ его вторгался, какъ предчувствіе радостной мелодіи грядущаго, маршъ Домбровскаго,

...... тотъ маршъ завѣтный, тріумфальный
„Не сгинетъ Польша ввѣкъ, покуда мы живемъ“,
Что всѣхъ невѣдомой переполняя силой,
Во всѣхъ любовь воспламенялъ къ отчизнѣ милой.

Годы отрочества только укрѣпили эти чувства. Мицкевичу минуло 14 лѣтъ, когда надъ Литвой пронеслась гроза двѣнадцатаго года и раздался знаменитый кличъ Наполеона: „Вторая польская война начата“. Припавъ къ землѣ, сквозь увитыя плющомъ палисадины своего сада Мицкевичъ смотрѣлъ на короля Вестфальскаго и его штабъ, въ которомъ выдѣлялась стройная и красивая фигура Іосифа Понятовскаго, онъ видѣлъ, какъ „родимые орлы,

Маня къ себѣ сердца и радостные взоры,
Покрыли все собой—равнины, долы, горы—

и въ юношеской груди восторженно трепетало сердце приливомъ надежды на свободу. Подъ Москвою погибли французскіе полки и оборванные потянулись побѣду сулившіе орлы назадъ, но разъ извѣданныхъ чувствъ восторга и радостнаго трепета нельзя было изгладить изъ души: Мицкевичъ до конца дней своихъ не переставалъ страстно тосковать, что „не пробилъ еще великій часъ

И польскіе орлы у Храбраго границы
Побѣдной стаею еще не собрались
И кровію враговъ еще не напились.

У Храбраго границы. Иначе говоря, у Кіева. Для Мицкевича границы Польши 1772 года были священны и неприкосновенны. Писатель, обыкновенно такъ далеко глядѣвшій впередъ, онъ въ вопросѣ о Польшѣ былъ настолько ретроградомъ, что даже конституцію 3-го мая упрекалъ за признаніе границъ, установленныхъ первымъ раздѣломъ, и замѣну выборной королевской власти наслѣдственной (Lit. Słow. II, 170—178). Онъ зналъ, что Западный край по народонаселенію русскій. Мало того: онъ не скрывалъ отъ себя, что „историческое прошлое бѣлоруссовъ прошло подъ гнетомъ ужасной нужды и притѣсненій“ (Żywot A. Mickiewicza, III, 455). Въ другомъ мѣстѣ онъ писалъ: „во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, во всѣхъ краяхъ свѣта надо жить съ угнетенными; половины мыслей, половины чувствъ не хватаетъ счастливымъ и богатымъ“ (Ibidem, IV 266). И тѣмъ не менѣе писатель-демократъ, онъ такъ далекъ былъ отъ бѣлорусскаго крестьянства, что въ „Панѣ Тадеушѣ“, этой слезами выплаканной эпопеѣ старопольскаго житья, почти ни словомъ не обмолвился о бѣлоруссахъ, не вывелъ ни одного изъ представителей этого коренного населенія края—упущеніе примѣчательное. Въ лучшемъ случаѣ оно можетъ быть объяснено развѣ увѣренностью поэта, что несчастный народъ Литвы и Бѣлоруссіи любилъ Польшу и ея идеалы, какъ мелкая застѣнковая шляхта, что по происхожденію русскій, онъ политически чувствовалъ себя частью не русскаго, а польскаго племени — gente ruthenus, natione polonus.

Какъ бы то ни было, вся забрызганная кровью казацкихъ возстаній, когда-то свѣтлая страница польской исторіи, „обрученіе Литвы съ Польшей“, для Мицкевича навсегда осталась свѣтлой. Отдѣляя неизмѣнно Бѣлую и Малую Русь отъ Великороссіи, когда дѣло шло о Россіи, Мицкевичъ въ своемъ идеалѣ Польши считалъ ихъ какъ бы составною частью польскаго на-

рода. Болѣе: онѣ были для него „сердцемъ Польши" (Ib., II, 305), той единой нераздѣльной Польши, что простерлась въ мечтахъ поэта отъ убогихъ песковъ кашубскаго поморья до тучныхъ черноморскихъ степей, отъ Одры до кіевскихъ столбовъ Болеслава Храбраго. Съ вѣрой въ эту Польшу, „Польшу-мученицу, а вмѣстѣ и спасительницу народовъ, хоругвеносицу грядущаго всечеловѣческаго счастья", пріѣхалъ Мицкевичъ въ Петербургъ, а въ Петербургѣ жалѣлъ объ одномъ только, отчего онъ обладаетъ только чувствами, а не силой Сампсона, и съ этими чувствами онъ не таился отъ своихъ русскихъ друзей. „Вы узнаете меня по голосу,—писалъ онъ позднѣе, посвящая имъ „Дзяды"; когда я былъ въ оковахъ, я притворялся и ползалъ молча, какъ змѣя, но вамъ я раскрылъ тайны моихъ чувствъ и передъ вами былъ чистъ и простъ, какъ голубь".

Какъ же могли они, русскіе, отнестись къ его завѣтнымъ мечтамъ и желаніямъ?

V.

Прежде всего необходимо помнить, что положеніе польскаго вопроса въ то время было совершенно иное, чѣмъ теперь. Польскій народъ въ границахъ Царства Польскаго пользовался тогда полной свободой народнаго самоопредѣленія: фактически Польша представляла особую политическую единицу, связанную съ Россіей только единствомъ династіи.

Отношеніе къ этому факту не у всѣхъ декабристовъ было одинаково. Любопытно между прочимъ, что толчкомъ къ основанію одного изъ первыхъ русскихъ тайныхъ обществъ—общества М. Ѳ. Орлова—послужило не что иное, какъ вѣсть о возрожденіи Польши въ видѣ Царства Польскаго: „сія вѣсть—разсказывалъ Орловъ—горестно меня поразила, ибо я всегда почиталъ, что сіе возстановленіе будетъ истиннымъ несчастьемъ для Россіи". Въ общемъ однако декабристы, не исключая и тѣхъ, которые, какъ кн. Волконскій, не скрывали своихъ антипатій къ полякамъ, высказывались вполнѣ опредѣленно за самостоятельное развитіе польскаго народа въ его этнографическихъ границахъ.

Особенно подробно изложенъ этотъ взглядъ въ „Русской Правдѣ" Пестеля. Въ дѣлѣ государственнаго строительства политикъ, по мнѣнію Пестеля, встрѣчается съ двумя взаимно другъ друга исключающими факторами—правомъ народности, которое

требуетъ для каждаго народа, и самаго маленькаго, самоопредѣленія и независимости и „правомъ благоудобства“, по которому большое государство въ видахъ безопасности стремится вобрать въ себя окружающіе его маленькіе народы и расшириться до естественныхъ своихъ границъ. Оба права естественны, но дѣйствіе ихъ должно быть ограничено третьимъ. Хотя теоретически всѣ народы имѣютъ право на отдѣльное политическое существованіе, но фактически сохранить его и пользоваться имъ могутъ только нѣкоторые; остальные играютъ роль привѣска къ большимъ государствамъ и должны подчиниться праву благоудобства. Но это послѣднее въ свою очередь сохраняетъ силу только до тѣхъ поръ, пока государство не служитъ тщеславію и заботится о томъ, чтобы присоединенные къ нему народы были не „худоприлѣпленными частями“, а слились бы съ нимъ въ одинъ великій народъ, „забывъ про свою прежнюю безсильную народность“. Примѣняя эти общія положенія къ Россіи, Пестель находилъ, что всѣ ея части, кромѣ Польши, „подлежатъ праву благоудобства“. Въ отношеніи же къ Польшѣ, пользовавшейся въ теченіе многихъ вѣковъ полной политической независимостью, „право народности, по чистой справедливости, должно брать верхъ надъ правомъ благоудобства: великодушію славнаго Россійскаго народа прилично и свойственно даровать самостоятельность низверженному народу въ то самое время, когда Россія и для себя стяжаетъ новую жизнь. Но окончательное опредѣленіе границъ между Россіей и Польшей должно быть предоставлено праву благоудобства для Россіи“. (Рус. Правда, Спб. 1906, стр. 13—18).

Выводы, къ которымъ пришелъ Пестель, отправляясь отъ положеній политическихъ, раздѣлялъ и Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ. Но устами Муравьева говорилъ уже не холодный и теоретическій умъ политическаго мыслителя, а идеалистическій энтузіазмъ молодости. „Чувства народной ненависти, заявилъ Муравьевъ польскому делегату Крыжановскому, родившіяся во времена варварства, должны исчезнуть въ просвѣщенномъ вѣкѣ, когда извѣстно, что пользы всѣхъ народовъ однѣ и тѣ же; на семъ основаніи русское общество предлагаетъ Польшѣ возвращеніе прежней ея независимости и готово всѣми средствами способствовать къ искорененію взаимной нелюбви двухъ націй“. Противорѣчіе народныхъ интересовъ, по этому взгляду, есть фикція, основанная на простомъ непониманіи полезнаго. Что полезно для одного народа, то выгодно и для другого. Не борьба, а взаимное согласіе—законъ жизни.

Еще далѣе пошли въ этомъ направленіи члены Общества Соединенныхъ Славянъ. Они только тогда и согласились соединиться съ южнымъ обществомъ, когда Муравьевъ-Апостолъ и Бестужевъ-Рюминъ обѣщали Борисову Петру, что свободная Россія займется тотчасъ же освобожденіемъ Польши, Чехіи и Моравіи и устроитъ Славянскій Союзъ: „пройдя тысячи смертей, тысячи препятствій, пойду и посвящу послѣдній вздохъ свободѣ и братскому союзу благородныхъ славянъ“—такъ клялись „славяне“. Тутъ уже въ самомъ выборѣ словъ и въ стилѣ слышится приподнятый польско-славянскій тонъ. Подъ этими словами могъ бы свободно подписаться Мицкевичъ.

Члены Сѣвернаго Общества были значительно сдержаннѣе, но и конституціи Никиты Муравьева и князя Сергѣя Трубецкого разсматривали Польшу, какъ особое самостоятельное цѣлое, хотя Россія и передѣлывалась здѣсь въ Славяно-Россійскую имперію.

Такимъ образомъ мысль о самостоятельности этнографической Польши пользовалась среди декабристовъ общимъ признаніемъ. Однихъ, какъ Муравьева-Апостола, приводила къ ней философская идеологія и этическія соображенія, другихъ, какъ Пестеля, политическій расчетъ, третьихъ, какъ Никиту Муравьева, простое признаніе факта, четвертыхъ—„славянъ“—голосъ родственнаго чувства и смутное сознаніе далекой будущности славянскаго міра. Съ этимъ хоромъ различныхъ, но ударяющихъ въ одну точку голосовъ сливался и голосъ Хомякова.

Свои воззрѣнія на польскій вопросъ онъ высказалъ значительно позднѣе, когда „отбунтовала вновь Варшава“ и отъ политической автономіи Царства Польскаго осталось очень мало слѣдовъ; тѣмъ не менѣе положеніе Польши онъ и тогда считалъ только „временнымъ интердиктомъ, совершенно ненужнымъ для Россіи, которому не для чего продолжаться“. „Пусть возстановится Польша—пишетъ онъ въ 1848 году Смирновой—во сколько можетъ: Познань съ Гданскомъ, княжество Галицкое и Краковъ, герцогство Варшавское и часть Литвы, не говорящія по-русски. Но такъ какъ это дѣло не административное и не правительственное, а народное и историческое въ высшемъ значеніи слова, то въ немъ не должно быть признаваемо никакое случайное различіе между людьми, и голоса должны быть собираемы поголовно: дворяне единицами въ счетъ крестьянскихъ единицъ, города причислены къ деревнямъ. Всякая область должна имѣть право приписаться или къ новой Польшѣ, или къ сосѣдней дер-

жавѣ, или составить отдѣльную общину. То же право можетъ быть распространено на славянъ Лузаціи и Шлезіи и венгерскихъ. Такимъ образомъ будущая суть славянскихъ народовъ будетъ опредѣлена ими самими, а кажется роду Романовыхъ нечего бояться народнаго голоса“ (Соч. Хомякова, т. VIII, 412).

Неустанный сѣятель сѣмянъ, которыхъ полнаго всхода едва ли дождемся и мы, Хомяковъ и здѣсь, какъ всегда, указывалъ не столько непосредственно приложимое практическое средство для рѣшенія вопроса, сколько направляющее начало, свѣтящійся вдали, но уже сердцемъ распознанный маякъ идеала. Корни этого идеала таились въ преклоненіи Хомякова передъ народной волей. А это послѣднее обусловливалось съ одной стороны основнымъ убѣжденіемъ Хомякова, что всѣ проявленія исторической жизни, это—потокъ, выливающійся изъ сокровенныхъ глубинъ народнаго духа и ими, а не отдѣльными личностями направляемый, а съ другой глубокой вѣрой его, что полнота истины, недоступная отдѣльному человѣку, открывается только соборному разуму и чувству. Истина соборной церкви Христовой гласитъ, что выше всѣхъ сокровищъ міра душа человѣка, ибо она есть храмъ Духа Святого. Этимъ освящена и душа народная, какъ совокупность нравственныхъ личностей. Христіанствомъ указана и конечная цѣль жизни человѣка и народовъ, да всѣ они едино будутъ. Итакъ „свобода въ единствѣ и единство въ свободѣ, свобода въ гармоніи ея проявленій, братство полноправныхъ людей и народовъ, живущихъ свободною, самобытною жизнью“—вотъ идеалъ, къ которому стремился душой Хомяковъ, въ который онъ вѣровалъ и который съ благородной послѣдовательностью русскаго ума примѣнялъ и къ славянскому вопросу, а въ частности къ польскому:

Не гордись, кто силой длани
Въ грозной битвѣ устоялъ.
Не скорби, кто въ долгой брани
Подъ грозой судьбины палъ.
Испытанья время строго,
Тотъ, кто палъ, возстанетъ вновь!
Много милостей у Бога,
Велика его любовь!
Пронесется мракъ ненастный
И ожиданный давно
Возсіяетъ день прекрасный,
Братья станутъ заодно.
Всѣ велики, всѣ свободны,

На враговъ побѣдный строй,
Полны мыслью благородной,
Крѣпки вѣрою одной!

Стоя у самаго начала пути, Хомяковъ не могъ указать, въ какую форму отольется это единеніе духа: организація прочная и жизненная создается не политическими теоріями и расчетомъ, а самою жизнью, творящею свободно и непринужденно. Но, повидимому, будущее славянскихъ народовъ представлялось ему въ тѣсномъ союзѣ съ народомъ русскимъ, который призванъ помочь имъ возродиться къ новой, лучшей жизни. По крайней мѣрѣ, и въ стихотвореніи „Орелъ“ и въ „Одѣ на польское возстаніе 1830 г.“, переносясь въ „новый вѣкъ чудесъ“, Хомяковъ уже видитъ, какъ славянскіе орлы, свободные и вольные, широкимъ, дерзостнымъ крыломъ взлетая до самаго синяго неба, склоняютъ однако свои мощныя главы по собственному изволенію „предъ старшимъ Сѣвернымъ Орломъ“:

Ихъ твердъ союзъ, горятъ перуны
Законъ ихъ властенъ надъ землей
И будущихъ Баяновъ струны
Поютъ согласье и покой!

Это не фальшиво-сентиментальная идиллія. Хомяковъ видѣлъ ясно пропасть вражды, зіявшую между народами польскимъ и русскимъ. Онъ сердцемъ прочелъ „повѣсть мщенья и страданья, вѣковъ исчезнувшихъ обманъ“. Прочелъ и понялъ, что эта переходящая изъ поколѣнья въ поколѣнье безсмысленная вражда—позоръ. Понялъ, что чѣмъ пышнѣе разростъ сорныхъ травъ, тѣмъ сильнѣе должно быть противоядіе. Не время учитывать, на чьей сторонѣ больше винъ. Надо изъ справедливости и любви выковать орудіе противъ братьевъ-враговъ, такъ, чтобы „сама совѣсть ихъ стала на нашу сторону“. И, глубоко вѣря въ нравственную силу родины, Хомяковъ призываетъ ее къ этому новому великому подвигу духа:

Питай ихъ пищей силъ духовныхъ,
Питай надеждой лучшихъ дней,
И хладъ сердецъ единокровныхъ
Любовью жаркою согрѣй!

Свою долю этого народнаго подвига Хомяковъ выполнилъ съ честью. Даже въ 1830 году, въ годъ брани и раздора, онъ сумѣлъ взглянуть на давній споръ славянъ между собою съ вы-

соты и, ни въ чемъ не поступаясь русскими интересами, найти въ своей лирѣ ноты, вызвавшія сочувственный откликъ въ польскихъ сердцахъ. Позднѣе, когда въ Вильнѣ производилось слѣдствіе надъ Конарскимъ, онъ написалъ свой знаменитый „Richterspruch—Ritterspruch“. Наконецъ всюду, гдѣ только могъ, онъ не уставалъ съ искреннимъ и сильнымъ воодушевленіемъ открыто высказывать свое убѣжденіе, что „польскій народъ, стряхнувъ съ себя все недоброе, все чуждое его славянской природѣ, разрушившее его государство, вступитъ въ родную ему семью славянъ, какъ полноправный, высокодаровитый, любящій и любимый братъ“. Какая статистика учтетъ силу дѣйствія идущаго отъ сердца, убѣжденнаго слова? Рѣчи Хомякова, юношей слышалъ между прочими С. А. Юрьевъ и еще сѣдовласымъ старцемъ помнилъ ихъ и засвидѣтельствовалъ намъ, какъ они глубоко западали въ сердце.

Братское чувство Хомякова къ польскому народу перекинуло мостъ между нимъ и Мицкевичемъ.

VI.

Но жгучесть польскаго вопроса въ то время, какъ мы уже сказали, сосредоточивалась не въ этнографической Польшѣ. Дѣло шло о границахъ польской культуры, объ историческихъ правахъ Польши на литовско-русскія земли. Вопросу этому суждено было стать такимъ образомъ термомѣромъ народнаго чувства въ тогдашнемъ обществѣ, у декабристовъ и Хомякова.

Не было бы ничего удивительнаго, если бы оно опустилось здѣсь до нуля. Еще и теперь весь нашъ Западный край есть край, не только забитый въ прошломъ поляками, но и забытый въ настоящемъ русскими. Еще и до сихъ поръ ни одинъ русскій поэтъ, ни одинъ русскій писатель не полюбилъ скудной, но своеобразно-красивой природы литовско-бѣлорусскаго полѣсья и не усвоилъ ее русской литературѣ, не связалъ Бѣлоруссіи съ Великороссіей нитями сердца. Еще и до сихъ поръ въ нашихъ школахъ изъ учебниковъ русской исторіи тщательно вычеркиваются тѣ двѣ-три жалкія страницы, гдѣ рѣчь идетъ о Западной Руси, какъ будто бы и не была она Русью. Что же говорить о тѣхъ далекихъ временахъ, когда край и оффиціально чуть ли не считался польскимъ. Въ 1803-мъ году, путешествуя по Бѣлоруссіи, академикъ Севергинъ иначе не называлъ тамошнее пра-

вославное населеніе, какъ съ польскаго голоса: „шисматики"; въ бѣлорусской рѣчи не дослышался онъ родныхъ звуковъ и удивлялся, какъ „эти шисматики, не умѣя ни слова по-россійски, совершаютъ свое богослуженіе по россійскимъ церковнымъ книгамъ". При такихъ проявленіяхъ академической учености гвардейскимъ офицерамъ позволительно было не знать настоящаго положенія дѣлъ. Но ученость замѣнило имъ непосредственное чувство народности, и они показали, что, воздавая каждому свое, можно горячо защищать народные и государственные интересы. Впрочемъ показали далеко не всѣ.

Ближе другихъ къ польской точкѣ зрѣнія стали изъ декабристовъ Лунинъ и, къ удивленію, Пестель. Лунинъ въ письмѣ къ своей сестрѣ гр. Уваровой отъ 9 дек. 1834 г. смѣялся надъ „выдуманнымъ правительствомъ наименованіемъ: области, отобранныя отъ Польши: земли эти, писалъ онъ, никогда Россіи не принадлежали, напримѣръ Литва" (Wl. Mickiewicz. Żyw. Ad. M. t. I, 198). Пестель же на кіевскихъ контрактахъ 1825 г. въ совѣщаніи съ кн. Яблоновскимъ соглашался на границы 1772 года, а, когда его товарищи (вѣроятно, кн. Волконскій) возражали ему, онъ, по словамъ Мохнацкаго, доказывалъ польскія права такого рода удивительными аргументами: „Какъ долго Россія владѣла этимъ краемъ? Отъ Владимира до завоеванія его Литвою и Польшей, т.-е. 300 лѣтъ. А Польша и Литва? 500 лѣтъ. Кто раньше владѣлъ ими, Россія или Польша? Россія.—Значитъ разъ Польша и позже овладѣла и дольше владѣла этими землями, то онѣ не русскія, ибо, если кто-нибудь захочетъ отобрать у Россіи ея пріобрѣтенія за послѣднія 500 лѣтъ, что же отъ нея останется?" (Mochnacki. Powstanie narodu Polskiego, t. I, str. 148). Въ „Русской Правдѣ" уступчивость Пестеля не заходила такъ далеко, но и здѣсь онъ оставлялъ за Россіей только незначительную часть бывшаго литовско-русскаго государства, отдавая полякамъ всю теперешнюю Гродненскую губернію, почти всю Минскую и значительныя части Ковенской, Виленской, Волынской и Витебской губерній. Такимъ образомъ въ теоріи завзятый централистъ, искренне думавшій, что путемъ искусно проведеннаго обрусенія можно и должно слить всѣ сто народовъ имперіи въ одинъ не только политическій, но и этнографическій народъ, Пестель на практикѣ измѣнялъ своимъ собственнымъ началамъ: признавая за русскимъ народомъ въ его цѣломъ „право народности", онъ въ то же время всѣхъ почти бѣлоруссовъ и часть малороссовъ для „благоудобства" поляковъ

лишалъ этого права, сводя ихъ къ роли этнографическаго матеріала. Мы уже не говоримъ о той политической эквилибристикѣ, по которой остріе русскихъ историческихъ правъ было обращено Пестелемъ противъ Россіи же.

Планы Пестеля вызвали однако сильный отпоръ въ кругу его товарищей. „Я первый буду противиться тому, чтобы Польша разыграла въ кости судьбу моей родины“, горячо заявилъ, услышавъ о нихъ, Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ. „Сношенія съ польскими обществами—писалъ въ своихъ показаніяхъ Никита Муравьевъ—весьма огорчили членовъ Сѣвернаго Общества, полагавшихъ, что не должно уступать пріобрѣтеній и собственности Россіи и входить въ сношенія съ иноплеменниками, хотя бы они подъ однимъ управленіемъ съ нами находились, тѣмъ болѣе, что уступка сія произошла бы совершенно чуждой, а впослѣдствіи, вѣроятно, и враждебной Россіи державѣ. Члены Сѣверной Думы доказывали, сколь мѣра сія противна духу и самолюбію народа, привыкшаго въ продолженіе двухъ вѣковъ пріобрѣтать, а не отдавать области“. Доводы Муравьева мелочны, политическій кругозоръ его очень ограниченъ, но сравнительно съ тѣмъ, что было всего только 20 лѣтъ тому назадъ, когда путешествовалъ по Бѣлоруссіи Севергинъ, въ словахъ его виденъ уже несомнѣнный ростъ чувства народности.

Полное и яркое выраженіе нашло себѣ это чувство у того изъ декабристовъ, къ которому всего ближе стоялъ Мицкевичъ— у Рылѣева. Пѣвцу Войнаровскаго и Наливайки, Палѣя и Хмѣльницкаго подсказала его точку зрѣнія на польско-русскія отношенія въ Западномъ краѣ его любовь къ Малороссіи и ея народу: отъ его описаній малорусской природы и до сихъ поръ вѣетъ свѣжестью и ароматомъ вольной Украины.

Планы Пестеля были чужды Рылѣеву уже по тому способу, которымъ думало Южное Общество рѣшить дѣло. Для Пестеля народъ былъ безразличной массой, глиной, изъ которой позволительно лѣпить все, что угодно. „La masse n'est rien, говорилъ Пестель; elle ne sera ce que voudront les individus, qui sont tout“. „Солдаты и офицеры, это только средства для достиженія цѣли“, вторилъ ему Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ. Простые армейскіе офицеры, „Соединенные Славяне“ много копій поломали за свою вѣру въ „здравый смыслъ простого русскаго народа“ противъ аристократическихъ замашекъ Пестеля и Муравьева-Апостола. Но среди декабристовъ никто въ такой мѣрѣ не былъ народникомъ, какъ Рылѣевъ. И, можетъ быть, тутъ не обошлось

безъ вліянія Хомякова: вспомнимъ ту петербургскую ночь, когда въ смущеніи убѣжалъ Рылѣевъ изъ дому отъ доводовъ Хомякова, доказывавшаго будущимъ заговорщикамъ, что никто безъ полномочія народа не въ правѣ дѣйствовать отъ его имени. „Заодно попеняйте ему—писалъ позднѣе Хомяковъ Попову о Тютчевѣ—за нападеніе на souveraineté du peuple. Въ немъ дѣйствительно souveraineté suprême. Иначе что же 1612 годъ? И что дѣлать Мадегасамъ, если волею Божіей холера унесетъ семью короля Раваны. Я имѣю право это говорить потому именно, что я антиреспубликанецъ, антиконституціоналистъ и проч.“ На близкой Хомякову точкѣ зрѣнія сталъ Рылѣевъ и въ вопросѣ о западно-русскомъ краѣ. „Никакое общество—говорилъ онъ, узнавъ о переговорахъ Пестеля съ поляками—не въ правѣ возвратить Польшѣ отъ Россіи завоеванныя ею провинціи: подобныя дѣла должны быть рѣшены на Великомъ Соборѣ“.

Предположенія Пестеля нашли въ немъ противника и по существу дѣла. Онъ находилъ, что правительство „дѣлаетъ великую погрѣшность, называя Литву, Подолію и Волынь въ актахъ своихъ польскими или вновь присоединенными отъ Польши и въ продолженіе 50 лѣтъ ничего не сдѣлавъ, дабы нравственно присоединить оныя къ Россіи. Границы Польши—говорилъ онъ—собственно начинаются тамъ, гдѣ кончаются нарѣчія малороссійское, русское, или, по-польски, хлопское; гдѣ же большая часть народа говоритъ упомянутыми нарѣчіями и исповѣдуетъ греко-россійскую или уніатскую религію, тамъ Русь, древнее достояніе наше“. (Бороздинъ. Изъ писемъ и показаній декабристовъ, стр. 181).

Въ этихъ послѣднихъ словахъ впервые вопросъ о народности поставленъ на надлежащую и здѣсь единственно правильную этнографическую точку зрѣнія. Историческія права годятся въ видѣ подвѣска къ доказательствамъ иного сорта. Рылѣевъ не отвергаетъ ихъ, указывая, что Бѣлоруссія, Подолія, Волынь—древнее русское достояніе, но сила его аргументаціи не въ этомъ: онъ опирается на голосъ живого народа, который звучитъ громче и властительнѣе пожелтѣлаго списка запыленныхъ грамотъ. Въ западно-русскихъ областяхъ большинство народа русское. Значитъ тамъ не Польша, а Русь.

Это было убѣжденіемъ и Хомякова, и свой взглядъ онъ высказывалъ не разъ и опредѣленно, между прочимъ въ письмѣ къ Смирновой, а также и въ своихъ стихотвореніяхъ. Когда въ 1839 г.—годъ возсоединенія уніатовъ—Максимовичъ задумалъ

издавать „Кіевлянина“, онъ прислалъ ему для первой книжки свой знаменитый „Кіевъ“. Здѣсь богомольцы, со всѣхъ концовъ русской земли собравшись у древнихъ святынь Кіева, зовутъ къ себѣ „отторженныхъ братьевъ—сыновъ Волыни и Галича“, которыхъ „плѣнили Польши шумные пиры, спалили Польши дикіе костры“, и поэтъ уже видитъ, какъ они, услышавъ зовъ Кіева, „гласъ отца родного“, приходятъ на его „святое лоно“, чтобы вмѣстѣ съ нимъ и со всею Русью подъ знаменами отчизны идти впередъ „къ жизни духа, къ духу жизни“.

Стихи эти въ свое время не увидѣли свѣта, несмотря даже на заступничество всесильнаго тогда въ Кіевѣ Бибикова: цензура боялась раздражить поляковъ-помѣщиковъ юго-западнаго края. И дѣйствительно въ нихъ затрогивался самый важный пунктъ польско-русскаго спора, особенно жгучій въ то время, когда еще освобожденіе крестьянъ и возстаніе 1863 года не показали всѣмъ воочію, что западный край—русскій. Но Хомяковъ никогда не скрывалъ своихъ мнѣній, и тѣмъ не менѣе опасныя съ точки зрѣнія цензуры для спокойствія края мысли и чувства его „Кіева“, исповѣдуемыя имъ издавна, не помѣшали его пріязни съ Мицкевичемъ. Отчего это?

Оттого, что опираясь на прошлое, обѣ стороны—и Хомяковъ и Мицкевичъ—смотрѣли однако впередъ, въ грядущее, а тамъ у нихъ былъ одинъ и тотъ же идеалъ мирнаго сожительства народовъ, такъ прекрасно выраженный Мицкевичемъ въ письмѣ къ Лелевелю: „солнце правды равно сіяетъ для всѣхъ народовъ“:

Słońce prawdy równie chętne każdego plemionom narodu
I dzień lubiące każdej rozszerzać ojczyźnie·
Wszystkie ziemie i ludy poczyta za bliźnie.

По Хомякову: „Богъ съ тѣмъ, кто *всѣ* зоветъ народы въ духовный миръ, въ Господень храмъ“. А затѣмъ, какъ ни высоко цѣнилъ Мицкевичъ подобно Хомякову преданія прошлаго, и для него однако историческія права тогда только были подлиннымъ доводомъ владѣнія, когда подъ ихъ средневѣковой броней и опущеннымъ забраломъ скрывался не сухой и безжизненный костякъ, а живой витязь. „Źródłem prawdy historycznej nie swiadectwa pisane, lecz dusza ludzka—источникъ исторической правды не въ писанныхъ свидѣтельствахъ, а въ живой человѣческой душѣ“, говорилъ онъ (Żyw. Ad. Mickiewicza, IV 287). Онъ расходился съ Хомяковымъ во взглядѣ на сущность западнорусскаго народа

и его сочувствія, но оба они подходили къ ихъ оцѣнкѣ съ однѣхъ и тѣхъ же высотъ разума и чувства. Оба понимали, что въ такого рода разногласіи рѣшающее значеніе можетъ имѣть только голосъ самого этого народа. Чтобы, безмолвный и забитый, подалъ онъ наконецъ свой голосъ, ему необходимо было дать свободу отъ крѣпостной зависимости и просвѣщеніе, чего, конечно, одинаково желали обѣ стороны. Людей и разныхъ убѣжденій можетъ роднить благородство побужденій и безкорыстіе конечныхъ цѣлей. Вотъ почему даже позднѣе, когда жизнь окончательно вскрыла противорѣчія русско-польскихъ воззрѣній, Мицкевичъ и его русскіе друзья, несмотря на всю разницу въ конкретныхъ политическихъ идеалахъ, могли питать другъ къ другу самое искреннее уваженіе и пріязнь. Какъ мы увидимъ, такъ на самомъ дѣлѣ и было.

VII.

Время политическихъ сходокъ въ Петербургѣ продолжалось не долго, а для Мицкевича оно прекратилось гораздо раньше, чѣмъ для его петербургскихъ друзей. Уже въ январѣ 1825 года Рылѣевъ писалъ Туманскому въ Одессу: „Къ вамъ ѣдетъ Мицкевичъ. Примите его радушно: онъ хорошій малый“. Но и въ Одессѣ, куда Мицкевича назначили учителемъ Ришельевскаго лицея, ему не пришлось жить долго: по настоянію виленскихъ недруговъ ему приказано было отправиться на службу въ Москву, куда онъ и выѣхалъ 12 ноября 1825 года.

Въ Москвѣ его, какъ громомъ, поразило извѣстіе о бунтѣ 14-го декабря, объ арестѣ Рылѣева, Бестужева и многихъ другихъ, кому еще такъ недавно жалъ онъ дружески руку въ Петербургѣ. „Мрачныя тучи, пишетъ о томъ времени Герценъ, заволокли небо. Никто не смѣлъ показать участія, произнести теплаго слова о родныхъ, о друзьяхъ. Напротивъ являлись дикіе фанатики рабства. Пошли аресты, только и слышно было: того-то взяли, того-то схватили, того-то привезли изъ деревни“.

Хомяковъ въ это время жилъ заграницей. Всегда отрицательно относился онъ къ политическимъ идеаламъ декабристовъ и потому, узнавъ о 14 декабря, въ полномъ согласіи съ собою осудилъ заговоръ безпощадно. Мицкевичъ по своимъ политическимъ воззрѣніямъ ближе стоялъ къ Рылѣеву и его товарищамъ, но и онъ много лѣтъ спустя, въ 1842 г., коснувшись въ своихъ парижскихъ лекціяхъ заговора 14-го декабря, осудилъ дѣло друзей

своей молодости. „Тайныя русскія общества — говорилъ онъ — состояли изъ самой благородной, самой отважной, самой пылкой и чистой по чувствамъ русской молодежи. Никто тамъ не зналъ ни соображеній корысти ни видовъ личной мести. Но начатое по благороднымъ побужденіямъ для улучшенія быта славянскихъ народовъ, дѣло это не сумѣло опереться ни на какую положительную идею. Въ основаніи его легла ложная мысль, что достаточно ненавидѣть правительство, чтобы на его мѣсто поставить новое. Ненависть погубила декабристовъ. Ихъ пѣсни были проникнуты такой жестокостью, что даже поляки, несмотря на всѣ страданія, вынесенныя отъ русскаго правительства, не могли слышать ихъ безъ отвращенія“ (Lit. Słow., II, 311—314). Авторъ „Валленрода“ и „Дзядовъ“, когда высказывалъ эту послѣднюю мысль, забылъ про свои пѣсни виленскихъ студентовъ, узниковъ Базиліанскаго монастыря.

Но дружбѣ съ Рылѣевымъ и его товарищами онъ остался вѣренъ до конца. Первое время по пріѣздѣ въ Москву его связи съ декабристами могли вызывать въ немъ самыя серьезныя опасенія, а тутъ какъ нарочно какой-то шутникъ вздумалъ оставить у него визитную карточку Рылѣева. Мицкевичъ, какъ улитка, вобрался въ себя, замкнулся, ушелъ отъ общества, но со стихами, написанными ему въ альбомъ Рылѣевымъ и Бестужевымъ, — альбомъ этомъ потомъ пропалъ — онъ не разстался, хранилъ ихъ долго и увезъ съ собою заграницу: ему дорого было воспоминаніе о пламенныхъ бесѣдахъ юности. Позднѣе въ прочувствованныхъ строфахъ стихотворенія „Do przyjaciół Moskali“ онъ вспомнилъ, какъ обнималъ „благородную шею Рылѣева“ и въ своихъ „мечтахъ унылыхъ“ навсегда отвелъ для своихъ петербургскихъ друзей „права гражданства“. Но ни одного изъ тѣхъ, кто былъ замѣшанъ въ заговорѣ, видѣть ему уже не пришлось. Только Николай Тургеневъ, котораго гроза 14-го декабря застигла за границей, заходилъ въ Collége de France послушать Мицкевича и, кажется, у него бывалъ иногда петербургскій пріятель Рылѣева.

Зато съ Хомяковымъ встрѣчи Мицкевича возобновились уже въ половинѣ 1826 года, когда Хомяковъ вернулся изъ заграничнаго путешествія въ Москву. Москва хлѣбосольна и радушна и, какъ ни сторонился Мицкевичъ, по крайней мѣрѣ первое время, отъ новыхъ знакомствъ, его скоро нашли и оцѣнили — какъ поэта, лучше и вѣрнѣе, чѣмъ въ Варшавѣ, а какъ человѣка не хуже, чѣмъ въ Вильнѣ. Первымъ познакомился съ нимъ

Полевой, черезъ него князь П. А. Вяземскій, а потомъ и вся тогдашняя литературная Москва. Онъ бывалъ на Тверской въ знаменитомъ домѣ княгини Зинаиды Волконской, гостилъ въ Остафьевѣ, являлся гостемъ на Спиридоновкѣ у старика Дмитріева, который перевелъ одинъ изъ его сонетовъ, былъ частымъ посѣтителемъ Елагиной, гдѣ жили тогда оба Кирѣевскихъ. Веневитиновъ, Баратынскій, Пушкинъ, Погодинъ, Шевыревъ, Сергѣй Соболевскій — вотъ кругъ его тогдашнихъ собесѣдниковъ, вотъ кто любилъ и ласкалъ поэта. Напрасно одинъ изъ его виленскихъ пріятелей, натура узкая и ограниченная, въ своей завзятости противъ всего русскаго доходившій до того, что не хотѣлъ читать Валленрода только потому, что онъ былъ напечатанъ въ Москвѣ, слалъ Мицкевичу упреки за упреками, укоряя его, что онъ забылъ про родину, дружась съ „москалями". Передъ силою русской ласки, дружеской и почти братней, не могли устоять и обвалились всѣ преграды народныхъ предубѣжденій. Сердце Мицкевича открылось на сердечный зовъ пріязни, и можетъ быть никогда, кромѣ развѣ Вильны, не жилось ему такъ счастливо, какъ въ эти „золотые молодости годы".

Память о тогдашнихъ дружескихъ сходкахъ всего лучше и вѣрнѣе сохранилась въ отрывочныхъ замѣткахъ Погодина.

„24 окт. 1826 г. праздновали рожденіе „Московскаго Вѣстника". Собрались въ домѣ бывшемъ Хомякова на Кузнецкомъ мосту: Пушкинъ, Мицкевичъ, Баратынскій, два брата Веневитиновыхъ, два брата Хомяковыхъ, два брата Кирѣевскихъ, Шевыревъ, Титовъ, Мальцевъ, Рожалинъ, Раичъ, Рихтеръ, Оболенскій, Соболевскій. Нечего описывать, какъ веселъ былъ этотъ обѣдъ. Сколько тутъ было шуму, смѣху, сколько разсказано анекдотовъ, плановъ, предположеній" (Жизнь и труды Погодина, II, 48). „Вечера живые и веселые слѣдовали одинъ за другимъ" (ibidem, 69). „Вотъ гдѣ болталось, смѣялось, вралось и говорилось умно" (ib., 63). „2 февраля 1828 года завтракали очень весело человѣкъ 20: Мицкевичъ, Вяземскій, Хомяковъ, Веневитиновъ, Раичъ, Полевые, Томашевскій и пр. Игралъ съ Мицкевичемъ въ ладоши и мы такъ нахлопали себѣ руки, что всѣ раскраснѣлися" (ib. 186). Политическій пылъ бесѣдъ, ведшихся когда-то у Рылѣева, испарился, укрывшись въ укромныхъ студенческихъ комнатахъ, гдѣ уже подростали Герценъ и Огаревъ. На первый планъ выступили иные интересы и среди нихъ крѣпкой нитью вязала всѣхъ въ одно поэзія. Пушкинъ читалъ друзьямъ своего Бориса, Хомяковъ Ермака, Мицкевичъ — онъ писалъ тогда Вал-

ленрода — Альпухару. Тогда-то поразилъ онъ своихъ русскихъ друзей необыкновеннымъ даромъ импровизаціи. Ему задавали тему и, подумавъ минутъ пять, онъ вдругъ на глазахъ у всѣхъ внезапно охваченный вьюгой вдохновенія, начиналъ декламировать, обыкновенно прозой, по-французски. Поблѣднѣвшее лицо его преображалось, озаряясь неземнымъ свѣтомъ, и вдохновенный потокъ мыслей и образовъ лился, какъ огненная, все затопляющая лава. Quel génie, quel feu sacré, воскликнулъ Пушкинъ, когда впервые услышалъ эту импровизацію. Можетъ быть, образъ импровизирующаго Мицкевича стоялъ передъ нимъ, когда онъ позднѣе писалъ свои „Египетскія ночи". Тогда же и Баратынскій, укоряя Мицкевича за подражанія Байрону, взывалъ къ нему: „возстань, возстань, поклонникъ униженный, и вспомни — самъ ты богъ". А назавтра сегодняшній „богъ" въ шутливо- и задушевно-дружеской бесѣдѣ превращался въ „Адама Адамовича Вральмана". Очевидно, вспоминая старое прозвище, писалъ позднѣе за границей Соболевскій Шевыреву: „Прибавь мнѣ слова два о Мицкевичѣ... Я хочу устроить прогулку по Швейцаріи гурьбою и выписать на сей конецъ Адама Адамовича Вральмана" (Р. Арх. 1909 г. № 2, 842). И въ другомъ мѣстѣ: „Какъ бы завербовать Мицкевича. Гдѣ Адамъ Адамовичъ?"

Такъ весело и шумно праздновался тогда въ Москвѣ пиръ юности. Какъ вода съ горнаго ската, лились остроты и шутки, покрывая заботы и усыпляя печаль.

Посреди звонкаго шума стакановъ и гармоничнаго паденія стиховъ велись, конечно, и другія бесѣды. Тогда уже въ московскихъ гостиныхъ начинались философскіе споры, въ которыхъ потомъ будетъ блистать тонкой діалектикой Хомяковъ. Приводимъ здѣсь двѣ относящихся къ тому времени и еще ненапечатанныхъ у насъ записочки: „Ваше приглашеніе—пишетъ сожитель Мицкевича Малевскій Полевому — застало насъ въ минуту перемирія послѣ страшной богословско-философской битвы. Не только мы, существа негативныя (т.-е. поэтъ и я), но и существо позитивное (Росбергъ) были обрадованы вашимъ трансцедентальнымъ билетикомъ. Явимся съ нашими ісh въ вашъ домъ, гдѣ идеализмъ поэзіи въ соединеніи съ реализмомъ жаркого и рейнвейна обѣщаетъ намъ заманчивый пиръ". „Споримъ еще, добавляетъ къ этой записочкѣ Мицкевичъ, но я заключилъ перемиріе, чтобы увѣдомить васъ о результатѣ нашихъ разсужденій. Оказывается, что онъ, Росбергъ, и я, Мицкевичъ, ни болѣе ни менѣе, какъ дробныя частицы божества, или, лучше сказать, оба

мы входимъ въ составъ микстуры, называемой богомъ. Можете себя поздравить: вы будете ужинать съ ихъ божественными величествами. Просимъ только отнестись къ намъ, какъ къ обыкновеннымъ смертнымъ и не угостить насъ ужиномъ Менекрата". (Żyw. A. Mickewicza, I, 241—242). Иногда говорили и о дѣлахъ текущихъ, de rebus publicis. Подъ 21 марта 1829 г. Погодинъ записалъ: „Къ Мицкевичу. Свиданіе съ удовольствіемъ. О нашемъ просвѣщеніи. Россія непремѣнно должна покровительствовать всѣ славянскія партіи и этою мѣрою она привлечетъ къ себѣ болѣе, чѣмъ войсками". (Жизнь и труды Погодина, II, 304). Наконецъ дѣлились другъ съ другомъ и „чистыми мечтами" и тогда Мицкевичъ, вдохновенный, говорилъ о временахъ грядущихъ,

Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся,

а его друзья, „жадно слушая поэта", уже жали ему руку, какъ любимому брату. „Недавнее было ихъ знакомство, но короткое. Души ихъ возносились выше земныхъ преградъ". Такъ начатая за веселой бесѣдой дружба закалилась потомъ въ огнѣ высокихъ идеаловъ, а кто разъ вмѣстѣ пилъ изъ этого чистаго источника, тотъ этого не забудетъ.

Въ 1828 году Мицкевичъ и Хомяковъ почти одновременно покинули Москву. Хомяковъ уѣхалъ въ армію: исполнялась его отроческая мечта сразиться за славянъ. Мицкевичъ переѣзжалъ въ Петербургъ. Москва проводила его, какъ близкаго и родного человѣка. Въ февралѣ былъ устроенъ для него прощальный пиръ, и друзья поднесли ему на память золотой кубокъ съ вырѣзанными на немъ сердечными стихами Ивана Кирѣевскаго.

Въ Петербургѣ Мицкевичъ еще расширилъ свои русскія знакомства. Бывалъ онъ у Шишкова, у Жуковскаго, у Козлова, которому посвятилъ своего „Фариса", встрѣчался и съ московскими друзьями. Всюду его окружала атмосфера радушія и сердечнаго гостепріимства. Но и въ самый разгаръ дружескихъ бесѣдъ забыть о Польшѣ онъ, конечно, не могъ, и тоскующій взоръ его улеталъ туда на западъ, гдѣ среди золота полей растетъ на межѣ тихая польская груша; жадно прислушивался онъ, не услышитъ ли голосъ изъ родимой Литвы, а, придя домой послѣ дружеской бесѣды, раскрывалъ Фіеско Шиллера, Маккіавели и писалъ въ Москвѣ Валленрода. Чувства Валленрода привезъ онъ съ собою изъ Литвы. Въ отдаленіи, окристаллизовавшись,

они вылились въ стихи и вмѣстѣ съ тѣмъ стали утрачивать свою силу надъ сердцемъ поэта. „Жизнь моя, писалъ онъ 3-го апрѣля 1828 года въ Оренбургъ, идетъ однообразно и почти, могу сказать, счастливо, такъ счастливо, что начинаю бояться, что завистливая Немезида готовитъ мнѣ какія-нибудь особыя несчастья". „Безспорно, перенесись я въ Литву—читаемъ въ другомъ письмѣ—можетъ быть, какъ натянутая пружина, я вернулся бы къ исходной точкѣ и, если бы не было никакихъ дѣйствительныхъ непріятностей извнѣ, я бы отыскалъ ихъ въ самомъ себѣ. Во время моего пребыванія здѣсь характеръ мой выровнялся и я совершенно успокоился". (Ист. Вѣст. 1880, т. II, 32—34). Москва и Петербургъ заставили его узнать и оцѣнить русское сердце. Старыхъ чувствъ, выраженныхъ въ Валленродѣ, вырвать изъ души онъ не могъ, но рядомъ съ ними вошло въ душу и властительно заняло свое мѣсто новое: пробивался ростокъ уваженія и пріязни къ русскимъ людямъ, которыхъ раньше зналъ онъ только по блестящему мундиру.

Когда въ 1829 г. ему удалось наконецъ получить давно желанный паспортъ на выѣздъ за границу, онъ уже не захотѣлъ уѣхать, не простившись со своими московскими друзьями, и въ мартѣ 1829 г. мы вновь застаемъ его въ Москвѣ. Тогда же въ отпускъ изъ арміи явился туда и Хомяковъ. Это была, кажется, послѣдняя ихъ встрѣча. Выше мы привели замѣтку Погодина о посѣщеніи имъ Мицкевича 9-го марта. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого у Погодина состоялся завтракъ, и онъ записалъ въ дневникѣ: „Завтракъ у меня. Представители русской образованности и просвѣщенія: Пушкинъ, Мицкевичъ, Хомяковъ, Щепкинъ, Венелинъ, Аксаковъ, Верстовскій, Веневитиновъ" (Ж. и т. Погодина, II, 304). Вспоминая объ этихъ послѣднихъ свиданіяхъ, Пушкинъ писалъ потомъ о Мицкевичѣ: „благословеньемъ его мы проводили".

Полтора мѣсяца спустя, 15-го мая 1829 г. корабль увозилъ Мицкевича навсегда изъ Россіи. Онъ стоялъ на палубѣ и, смотря, какъ терялись у него изъ виду туманныя очертанія русскихъ береговъ, бросалъ въ воду мелкія монеты съ изображеніемъ двуглаваго русскаго орла, а въ чемоданѣ его былъ тщательно уложенъ кубокъ, подаренный ему московскими друзьями, а вмѣстѣ съ нимъ и маленькая дружеская записочка княгини Вѣры Вяземской, съ которой она послала когда-то „польскому изгнаннику" кофе. Эту простую записочку Мицкевичъ долго хранилъ у себя на память дорогого ему русскаго радушія и сердечности.

Этой борьбою старой ненависти съ зарей новаго чувства отнынѣ безсознательно для самого Мицкевича наполнится вся его жизнь. Первой ему такъ и не вырвать до конца изъ своего сердца. Она скажется то въ прибавленіяхъ къ 3-й части „Дзядовъ“, то въ одѣ на честь Наполеона III и страстной жаждѣ гибели русскаго могущества, жаждѣ, которая вѣчно, какъ тяжелая гиря, будетъ къ землѣ притягивать высокій полетъ его всечеловѣческихъ идеаловъ. Вторая, навлекая на него со стороны эмиграціи страстные укоры въ москалефильствѣ и чуть ли не обвиненія въ шпіонствѣ и роли русскаго агента, запечатлѣетъ лучшія страницы его лекцій о славянской литературѣ. Онъ вспомнитъ дружескія московскія бесѣды, когда будетъ говорить о будущемъ великомъ и всечеловѣческомъ призваніи славянскаго племени. Въ Москву и Петербургъ Мицкевичъ прибылъ полякомъ. Не переставъ быть полякомъ, онъ, по собственнымъ словамъ, выѣхалъ оттуда славяниномъ.

VIII.

Минули годы. Между русскимъ и польскимъ народомъ легъ новою широкою полосой крови 1830-й годъ. Мицкевичъ, котораго буря застала за границей, добровольно присоединился къ шеренгѣ польскихъ „рыцарей свободы“, этихъ „пилигримовъ“, что, унося въ своей груди родину, потянулись въ Парижъ, надѣясь вскорѣ въ тріумфальномъ шествіи вмѣстѣ со всей Европой вернуться назадъ и отвоевать себѣ отечество. Но годъ за годомъ уходилъ въ вѣчность, вымирали сеймовые послы и генералы революціи, гробъ за гробомъ прибавлялся въ узенькой Avenue Polonaise на Монмартрскомъ кладбищѣ, а надежды не сбывались, и единственнымъ утѣшеніемъ для изгнанниковъ оставалась неизмѣнная надгробная надпись, въ которой вылились всѣ завѣтныя чаянія польской эмиграціи: Orietur ex ossibus nostris ultor. Сколько страданій перекипѣло въ душѣ поэта, который чувствовалъ и страдалъ за „милліонъ“ — кто это исчислитъ! Засеребрились сѣдиною еще недавно черные волосы Мицкевича. Одинъ „похоронный звонъ“, рѣдкій и протяжный, долеталъ до него изъ Польши, вокругъ кипѣла взаимная травля мелкихъ партій, не брезговавшая даже доносить другъ на друга французской полиціи, а ко всему этому въ двери стучалась нужда. Въ дѣлѣ матеріальныхъ расчетовъ Мицкевичъ до конца жизни остался ребенкомъ. Заботы о „завтрашнемъ днѣ“ для него не существо-

вало, но жена, дѣти настойчиво напоминали ему о существованіи дня сегодняшняго и поневолѣ пришлось искать себѣ „мѣста“. Вспомнивъ о временахъ своего учительства въ Ковнѣ, онъ пристроился было въ Лозаннѣ на каѳедрѣ латинской словесности, но судьбѣ неугодно было позволить генію заглохнуть въ тиши провинціальнаго городка. Въ Парижѣ въ это время учредили каѳедру славянскихъ литературъ и предложили ее польскому поэту. Поднять передъ аудиторіей, въ которой собиралась „вся Европа“, польскій вопросъ во всей его величинѣ, привлечь всеобщее вниманіе къ судьбѣ польскаго народа—вотъ горизонты, открывшіеся передъ Мицкевичемъ. Родина звала его на службу, а гдѣ подымался ея властный голосъ, раздумью не было у Мицкевича мѣста, и 22 дек. 1840 г. онъ началъ свои лекціи въ Collège de France. Здѣсь произошелъ послѣдній извѣстный намъ обмѣнъ его мыслей съ Хомяковымъ. Свиданіе не было личнымъ, но для людей науки и литературы нѣтъ разстоянія. Точка соприкосновенія Мицкевича и Хомякова затронула на этотъ разъ, несмотря на свою мимолетность, самые глубокіе и основные вопросы человѣческой жизни.

Это находилось въ связи съ общимъ характеромъ курса Мицкевича. Мицкевичъ не былъ ученымъ славистомъ и о каѳедрѣ славяновѣдѣнія еще накунѣ своихъ лекцій, вѣроятно, и не думалъ. На славянскомъ югѣ онъ никогда не бывалъ и южнославянскихъ языковъ не зналъ. Кратковременное соприкосновеніе съ чешскими учеными въ 1829 г. въ Прагѣ едва ли могло доставить ему основательныя знанія чешской словесности. О русской литературѣ онъ судилъ только по воспоминаніямъ, вывезеннымъ изъ Россіи. Зналъ онъ хорошо только польскую жизнь и польскую литературу. Но зато у него было нѣчто, что для общественнаго дѣятеля выше и дороже мертвой учености,—это строго продуманный, сердцемъ прочувствованный, на личномъ опытѣ провѣренный взглядъ на жизнь, стройное, цѣльное миросозерцаніе, вытекающее логически изъ основного начала — вѣры въ живого Бога. И тутъ-то и произошла его встрѣча съ Хомяковымъ.

Какъ Хомяковъ, Мицкевичъ вѣрилъ, что весь смыслъ личной, народной и міровой жизни заключается въ полномъ осуществленіи на землѣ Божеской воли. Какъ живая, дѣйственная сила, христіанство должно проникнуть и въ корнѣ преобразовать не только личную жизнь, но и всѣ общественныя и народныя отношенія, а къ окончательному воплощенію христіанскихъ началъ во всечеловѣческой жизни призвано славянское племя, отъ природы „благочестивое, простое, добродушое и доблестное“.

Ты и могучая,
Ты и безсильная,
Ты и убогая,
Ты и обильная,
Матушка Русь,

скажетъ потомъ Некрасовъ. Убогое, бѣдное и патріархальное, славянское племя сохранило, по убѣжденію Мицкевича, во всей чистотѣ завѣтъ Христовъ и самую первую основу всякаго положительнаго дѣйствованія—способность и волю къ самопожертвованію. Но надъ крестомъ, у котораго преклоняетъ колѣна полякъ, онъ всегда слышитъ шумъ отъ крыльевъ бѣлаго польскаго орла. И у Мицкевича идея всечеловѣческаго призванія славянства тѣсно переплелась съ патріотической польской идеей: во главѣ славянства, по его убѣжденію, долженъ стать польскій народъ, какъ всѣхъ болѣе страдавшій, какъ всѣхъ болѣе служившій другимъ. Здѣсь колыбель славянскаго духа. Польша, это— новый Мессія, загубленный во имя Интереса, Политическаго Равновѣсія, Заокругленности границъ и Матеріальнаго Благосостоянія — новыя названія, подъ которыми скрываются старые языческіе идолы Ваала, Мамона и Молоха. Но Мессія еще придетъ, и возрожденная Польша во главѣ всѣхъ славянскихъ народовъ продолжитъ дѣло Христово, расширивъ совершенное имъ въ мірѣ личныхъ отношеній преобразованіе до предѣловъ всемірныхъ. Но и этимъ еще не ограничивается историческая концепція Мицкевича. Славяне, по его мнѣнію, хотя и глубоко почувствовали потребность всечеловѣческаго единенія въ религіи, политикѣ, общественности, но сами по себѣ не имѣютъ достаточной силы для его осуществленія. Они могутъ дать только опору для дѣйствія; дѣйствіе же, активный починъ долженъ придти извнѣ, и тутъ будущее славянскаго міра связывается съ міромъ Запада и особенно съ Франціей, которой геній есть олицетвореніе всякаго почина и движенія, сила живой активности. Отсюда уже одинъ только шагъ до мицкевическаго культа Наполеона, „который, какъ вихрь, очищающій воздухъ, пронесся изъ одного конца Европы въ другой, написавъ на своихъ знаменахъ завѣтныя слова: свобода народовъ“. Пусть онъ погибъ, но идея, представленная имъ, не погибла: придетъ новый Служитель Слова и осуществитъ съ славянскою ратью самыя смѣлыя вожделѣнія народовъ.

И вотъ какъ разъ въ то время, когда Мицкевичъ подготовлялъ въ Collége de France своихъ слушателей къ проповѣди

наполеоновской идеи, въ Revue de deux mondes появился переводъ написаннаго Хомяковымъ еще въ 1841 г. стихотворенія о Наполеонѣ: „Еще о немъ".

Не сила народовъ тебя подняла,
Не воля чужая вѣнчала:
Ты мыслилъ и властвовалъ, жилъ, побѣждалъ,
Ты землю желѣзной стопой попиралъ,
Главу самозданнымъ вѣнцомъ увѣнчалъ,
Помазанникъ собственной силы!

Не сила народовъ повергла тебя,
Не всталъ тебѣ равный соперникъ;
Но Тотъ, Кто предѣлы морямъ положилъ,
Въ побѣдномъ бою твой булатъ сокрушилъ,
Въ пожарѣ святомъ твой вѣнецъ растопилъ
И снѣгомъ засыпалъ дружины.

Скатилась звѣзда съ омраченныхъ небесъ,
Величье земное во прахѣ!...
Скажите, не утро-ль съ Востока встаетъ?
Не новая-ль жатва надъ прахомъ растетъ?
Скажите!.. Міръ жадно и трепетно ждетъ
Властительной мысли и слова!..

Мицкевичъ не могъ не замѣтить этихъ стиховъ. Онъ коснулся ихъ тотчасъ же, на лекціи 10 января 1843 года, поставивъ ихъ въ связь съ современною ему славянскою жизнью, въ которой, по его мнѣнію, какъ разъ въ то время совершался переломъ. Все славянство какъ бы повернулось лицомъ впередъ, къ будущему, полное ожиданія новаго слова и новаго дѣла. Предвѣстіе этого будущаго Мицкевичъ увидѣлъ въ стихахъ Хомякова. Сравнивъ ихъ съ одой Пушкина о Наполеонѣ, онъ отдалъ предпочтеніе Хомякову. „У Пушкина,—говорилъ онъ,—на первомъ планѣ еще стоитъ чувство русской народности, еще припоминается тонъ Державинской поэзіи, хотя и тамъ уже въ словахъ о завѣщанной Наполеономъ міру свободѣ можно замѣтить мысль, устремленную въ грядущее. Хомяковъ понялъ дѣло далеко глубже, возвышеннѣе: онъ обнялъ въ своихъ стихахъ все человѣчество. Русская поэзія дрогнула въ нихъ новою жизнью". (Literatura Słowiańska. Poznań 1865, rok trzeci, 46—47). Послѣднихъ четырехъ строчекъ, изъ которыхъ въ Revue de deux mondes было сдѣлано обращеніе къ Наполеону, Мицкевичъ, благодаря невѣрному переводу, не понялъ. „Властительной мысли и

слова“ Хомяковъ ждалъ не отъ Наполеона, а отъ Россіи: утро вставало для него съ Востока и въ прямомъ и въ переносномъ значеніи этого слова. Но Мицкевичъ живо почувствовалъ главное, что было въ стихахъ Хомякова:—жажду нравственнаго возрожденія міра, глубокую вѣру въ религіозное начало, какъ основу жизни. Едва только долетѣлъ до него въ Парижѣ слабый отголосокъ ученія Хомякова, какъ онъ уже откликнулся своимъ: слышу.

На разныхъ широтахъ выросли оба поэта, при разныхъ историческихъ условіяхъ они воспитались, но для обоихъ съ раннихъ лѣтъ сознательной жизни „вѣра и чувство стали краснорѣчивѣе мертвыхъ правдъ науки“. Если это не обнаружилось еще въ Петербургѣ, то это потому, что большинство декабристовъ, хотя и не вышло за предѣлы религіознаго міросозерцанія, но въ политической горячкѣ того времени уже утратило живую связь между стремленіями къ свободѣ и высшими запросами человѣческаго духа. „Когда я спрашивалъ Рылѣева—пишетъ Завалишинъ — неужели онъ вѣритъ, что дѣйствительная свобода можетъ быть инымъ чѣмъ, какъ не проявленіемъ нравственной силы, а эта можетъ быть прочна безъ религіи, онъ отвѣчалъ мнѣ, что относительно высшаго существа онъ мало размышлялъ, хотя и думаетъ, что есть что-то такое“ (Зап. Декабриста. München, 1904, I, 285). Въ Москвѣ уже картина мѣняется, и Погодинъ, описывая устроенный имъ для Мицкевича прощальный завтракъ, мимоходомъ роняетъ лаконическое замѣчаніе: „нечего было сказать о разговорѣ Пушкина съ Мицкевичемъ: предразсудокъ холоденъ, а вѣра горяча“. Послѣднія два слова относились въ то время не къ Пушкину, а къ Мицкевичу. Къ „горячей“ рѣчи Мицкевича прислушивался Хомяковъ и между ними спаивалась все крѣпче и крѣпче цѣпь взаимнаго уваженія. У обоихъ въ основу всего было положено религіозное чувство. Только у Мицкевича оно было страстнымъ, жгучимъ, доходившимъ до экстаза; у Хомякова свѣтлымъ, тихимъ, спокойнымъ и ровнымъ, хотя не менѣе глубокимъ.

Годы, протекшіе со времени московскихъ бесѣдъ, лишь углубили у обоихъ вѣру: оба поэта, совершенно независимо другъ отъ друга, на религіозной основѣ развили свои мысли въ особую философію жизни и исторіи. Основы этой философіи, преломленныя въ призмѣ народныхъ сочувствій и антипатій, дали разныя по окраскѣ историческія оцѣнки. Страдальческая жизнь оторваннаго отъ родины скитальца, страстное желаніе видѣть

свои надежды немедленно осуществленными и полное безсиліе осуществить ихъ сколько-нибудь въ связи съ обусловленной этимъ длительностью мистическаго экстаза надломили свѣтлый умъ Мицкевича, и онъ не безъ вліянія новогрудскихъ воспоминаній объ „единственной, неповторяемой веснѣ 1812 года", когда ребенкомъ увидѣлъ онъ впервые развѣвающихся надъ войскомъ Наполеона польскихъ орловъ, провозгласилъ императора французовъ чуть ли не вторымъ Христомъ для человѣчества. Конечно, сюда не могъ пойти за нимъ Хомяковъ. Не могъ онъ согласиться и на мицкевичевское построеніе славянской и европейской исторіи, которую Мицкевичъ свелъ къ противоположности двухъ идей:— идеи христіанско-идеалистической, воплощенной, по Мицкевичу, въ Польшѣ, гдѣ онъ видитъ сочетаніе полной свободы индивидуальнаго и народнаго развитія съ нравственнымъ началомъ добровольнаго самоограниченія и самопожертвованія для пользы общей, и идеи языческо-матеріалистической, или, по Мицкевичу, русской, причемъ на долю Россіи Мицкевичъ отводитъ деспотически-безпощадное уничтоженіе личности въ желѣзныхъ тискахъ государственности и, какъ основу жизни, слѣпое, а потому унизительное для человѣка повиновеніе внѣшней силѣ, словомъ обоготвореніе физической мощи и матеріальнаго благоденствія. Хомяковъ наоборотъ, обращаясь къ Россіи, говорилъ:

Твое все то, чѣмъ духъ святится,
Въ чемъ сердцу слышенъ гласъ небесъ,
Въ чемъ жизнь грядущихъ дней таится,
Начало славы и чудесъ...

Государственное могущество Россіи было для него результатомъ не слѣпого повиновенія, а сознательнаго и разумно-самоотверженнаго нравственнаго подвига народа. Но какъ ни велики, повидимому, эти различія въ воззрѣніяхъ Хомякова и Мицкевича, не надо даже перекидывать моста, чтобы ихъ соединить. Прежде всего то, что Мицкевичъ называетъ „русской идеей", и у него самого не покрываетъ всей жизни русскаго народа и, когда приходится ему говорить о русскихъ мужикахъ и солдатахъ, онъ находитъ въ нихъ тѣ же „христіанскія свойства славянской души", что и въ своемъ народѣ. А затѣмъ что изъ того, что историческія оцѣнки одного и того же явленія у обоихъ писателей неодинаковы! Безконечно важнѣе, что они оба въ своихъ народахъ хотѣли найти, а отчасти и находили одно и то же. Это указываетъ на общность основъ въ ихъ міровоззрѣніи, на

общность ихъ идеаловъ. И дѣйствительно, если взглянуть на ихъ философію жизни и исторіи съ этой точки зрѣнія, то она оказывается настолько схожей, что, читая статьи Хомякова и его „Семирамиду“ и лекціи Мицкевича или его „Книги польскаго пилигримства“, точно слышишь антифонное пѣніе съ двухъ крылосовъ всемірнаго храма—одного на крайнемъ востокѣ Европы, въ Москвѣ, другого на крайнемъ западѣ ея, въ Парижѣ. Тутъ мы взбираемся на тѣ высоты, гдѣ, по слову кн. Вяземскаго, дышать становится легче, гдѣ падаютъ воздвигнутыя жизнью перегородки, смолкаютъ политическія страсти, и люди, забывъ о личныхъ и народныхъ счетахъ, встрѣчаются другъ съ другомъ, какъ человѣкъ съ человѣкомъ и съ уваженіемъ жмутъ другъ другу руки.

Отрадно взойти на эти высоты. Отрадно тамъ, гдѣ кипѣла и кипитъ вражда, искать и находить минуты соединеній. Тѣмъ не менѣе освѣтить всесторонне сходство въ міровоззрѣніяхъ Хомякова и Мицкевича выходитъ за предѣлы данной работы. Эта задача требовала бы особаго изслѣдованія. Мы коснемся здѣсь только самаго важнаго, намѣтимъ лишь главнѣйшія точки сходства. Но и этотъ короткій перекрестный допросъ обнаружитъ, думается намъ, близость идеаловъ Хомякова и Мицкевича и еще нѣчто болѣе важное—единство славянскаго духа, который у самыхъ противоположныхъ по темпераменту и личнымъ симпатіямъ людей остается неизмѣннымъ.

IX.

Начнемъ съ самаго основного изъ вопросовъ, какой законъ управляетъ человѣческой и народной жизнью. *Хомяковъ* отвѣтитъ намъ: религія. „Вѣра есть высшая точка помысловъ человѣка, тайное условіе его желаній и дѣйствій, крайняя черта его знаній. Въ ней его будущность личная и общественная. Она проникаетъ все существо человѣка и всѣ отношенія его къ ближнему. Она какъ бы невидимыми корнями охватываетъ и переплетаетъ всѣ чувства, всѣ убѣжденія, всѣ стремленія его; она какъ бы совершеннѣйшій свѣтъ, озаряющій всѣ его нравственныя понятія и всѣ его взгляды на другихъ людей и на внутренніе законы, связующіе его съ ними. Поэтому вѣра есть также высшее общественное начало, ибо само общество есть не что иное, какъ видимое проявленіе нашихъ внутреннихъ отношеній къ другимъ людямъ и нашего союза съ ними. Таково значеніе вѣры

во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ съ самыхъ первыхъ ступеней человѣчества". (Соч. Хомякова, 2-е изд., III, 8). *Мицкевичъ* вторитъ Хомякову: „Богъ каждую минуту говоритъ намъ черезъ духъ народный, и это дѣйствіе Божіе составляетъ наше настоящее". (Kurs L. Sł. III, 10)". „Слѣдя за развитіемъ какого-угодно народа, необходимо какъ можно точнѣе ознакомиться съ его религіозными воззрѣніями. Вѣра открываетъ намъ суть минувшей жизни народовъ, она объясняетъ намъ ихъ настоящее и даетъ ключъ къ познанію будущаго". „Вѣра, это—путеводная звѣзда народовъ" (Pisma Ad. Mickiewicza, t. VI, 258).

Указывая намъ крайніе предѣлы, къ которымъ стремится жизнь человѣческая, вѣра открываетъ для народнаго пониманія то единое и всеобщее, что стоитъ надъ жизнью всѣхъ народовъ, но путь къ нему лишь одинъ—черезъ народность. Народность, это—стебель, на которомъ выростаетъ всечеловѣческое и потому она—вторая основная сила жизни. *Хомяковъ* училъ: „Человѣчество есть только идея отвлеченная или числительное скопленіе личностей. Человѣчество дѣлается намъ доступнымъ единственно черезъ живую личность народа". (Соч., I, 77). „Народность есть начало общечеловѣческое, облеченное въ живыя формы народа. Съ одной стороны, какъ общечеловѣческое, она собою богатитъ все человѣчество, выражаясь то въ Платонѣ, то въ Рафаэлѣ, то въ Бэконѣ, то въ Гегелѣ и Гете. Съ другой стороны, какъ живое, а не отвлеченное проявленіе человѣчества, она живитъ и строитъ умъ человѣка. Народность лучшій воспитатель личному пониманію. Она служитъ единственною основой всего его развитія, источникомъ его силы" (ib. 578). *Мицкевичъ* повторяетъ ту же мысль: „Что такое народность? Какъ обрядовая сторона религіи помогаетъ намъ почувствовать и воспринять правду, такъ и народныя учрежденія не что иное, какъ совокупность пособій, данныхъ человѣку для того, чтобы легче ему было замѣнить чувство въ дѣло и осуществить на землѣ правду. Человѣкъ безъ народности существо неполное, способное къ познаванію, но не къ дѣйствію (K. L. Sł, III, 275—6). „Народы призваны принять правду и осуществить ее на дѣлѣ" (6). „Міръ, это—отчизна; народы, это—отдѣльные люди. Надежды міра почіютъ на народахъ, исполненныхъ вѣры, любви и надежды".

Высшій законъ правды данъ людямъ въ христіанскомъ ученіи любви, гдѣ сочетается единство цѣлаго и свобода личности. Задача народовъ—воплощеніе въ своей жизни правды Христовой, и отъ бо̀льшей или меньшей полноты ея воплощенія

зависитъ сила народная. *Хомяковъ* говорилъ: „Участь общества гражданскаго зависитъ отъ того, какой духовный законъ признается его членами и какъ высока нравственная область, изъ которой они черпаютъ уроки для своей жизни въ отношеніи къ праву положительному. Такова причина, почему всѣ государства нехристіанскія, какъ ни были они грозны и могущи въ свое время, исчезаютъ передъ міромъ христіанскимъ и почему въ самомъ христіанствѣ тѣмъ державамъ опредѣляется высшій удѣлъ, которыя полнѣе исполняютъ его святой законъ". (Соч. I, 240). *Мицкевичъ*, признавая осуществленіе христіанскихъ задачъ въ жизни главной задачей народовъ, учитъ: „Народы крѣпнутъ и растутъ лишь тогда и лишь постольку имѣютъ право на существованіе, поскольку служатъ всему роду человѣческому, ратуя за какую-нибудь великую мысль или великое чувство". „Минули тѣ времена, когда народы говорили: каждый у себя, каждый для себя. Въ чемъ же бы заключалось движеніе народовъ, впередъ, если бы они не стремились къ взаимному единенію?"

Говоря объ иранской семьѣ народовъ, *Хомяковъ* училъ: „Сила внѣшняя есть плодъ силы внутренней; пространство владѣній и вещественное могущество суть проявленія могучаго умственнаго начала; въ многолюдствѣ племени (математическомъ превосходствѣ надъ другими) живетъ свидѣтельство о духѣ братства общенія и любви. (Соч., III, 527). У *Мицкевича* та же мысль и даже въ тѣхъ же самыхъ словахъ: „Сила народа (język̇a) зависитъ отъ количества правдъ, въ немъ заключенныхъ; сила его внѣшняго вліянія отвѣчаетъ той массѣ свѣта и тепла, которую онъ отъ себя отдѣляетъ". (4-ая лекція 1-го курса).

Отсюда у обоихъ одно и то же обращеніе къ своему народу. *Хомяковъ* писалъ: „Дай Богъ, чтобы мы познали навсегда, что любовь, правда и смиреніе одни только могутъ доставить народу такъ же, какъ и человѣку, милость отъ Бога и благоволеніе отъ людей". *Мицкевичъ* говорилъ: „Расширяйте и улучшайте души ваши и, поскольку вы улучшите ихъ, постольку улучшите законы ваши и расширите границы" (Księgi Pielgrz., XX). Изъ двухъ двигателей прогресса—внѣшняго, улучшенной системы учрежденій, и внутренняго, личнаго совершенствованія—оба писателя, какъ впрочемъ и большинство дѣятелей славянства, одинаково придавали наибольшее значеніе второму. Въ связи съ этимъ находилась и ихъ вѣра въ особое призваніе славянства.

Истина многосторонняя: ее не объѣхать и не окинуть взоромъ сразу. Поэтому общечеловѣческое дѣло раздѣлено по наро-

дамъ: каждый разрабатываетъ свою дѣлянку, а выборъ ея обусловленъ особенностями духовной организаціи народа. „Разумное развитіе народа, пишетъ Хомяковъ, есть возведеніе до общечеловѣческаго значенія того типа, который скрывается въ самомъ корнѣ народнаго бытія“. (Соч. I, 632). Какъ слѣдствіе всего этого, являются различія въ призваніи народовъ. Одни болѣе способны къ культурѣ умственной, другіе къ матеріальной. Славянское племя, простое, добродушное, открытое, младенчески-веселое и свѣтлое съ одной стороны, а съ другой наиболѣе униженное вѣками долгаго рабства и такъ много перестрадавшее, больше всѣхъ способно къ осуществленію стоящей передъ всѣмъ человѣчествомъ задачи воплощенія въ народную и общественную жизнь христіанскихъ началъ. Его призваніе нравственное по преимуществу и не за кѣмъ другимъ, какъ за нимъ, по убѣжденію и Хомякова и Мицкевича, стоитъ теперь очередь во всемірномъ дѣйствованіи. Оно скажетъ новое слово міру. По Мицкевичу, сказать это новое слово призвана Польша, по Хомякову—Русь, но основанія, по которымъ оба предназначаютъ своей родинѣ задачу нравственаго обновленія міра, у обоихъ одинаковы. Ихъ можно было бы передать словами Тютчева:

Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
Исходилъ благословляя.

Высокая задача дана славянству не за силу и могущество, не за богатство и науку, но за то что оно сохранило сокровище, растраченное старшими братьями—простую и сердечную вѣру въ живого Бога, „духъ братолюбія къ братьямъ-людямъ“ и твердое упованіе на милость Божью. Вѣковыми страданіями народа и самоотверженностью подвиговъ куплено это призваніе.

Мицкевичъ, обращаясь къ польскимъ пилигримамъ, писалъ: „За что дана народу вашему сила воскреснуть къ новой жизни, унаслѣдовать и осуществить для міра грядущую свободу? Не потому, что народъ вашъ былъ могущественнымъ: Римляне были могучѣе васъ и однако умерли и не встанутъ. Не потому, что ваша Рѣчь Посполитая была древнею и именитою: Венеція и Генуя были древнѣе и знаменитѣе васъ, и однако умерли и не встанутъ. Не потому, что народъ вашъ былъ просвѣщенъ наукою: просвѣщенною была мать философовъ Греція, но умерла и лежала во гробѣ, пока, забывъ обо всѣхъ наукахъ, не стала она дѣтски-простою, и вотъ мы видимъ уже въ ней признаки жизни. Вы

встанете изъ гроба потому, что вѣрили, любили и надѣялись. Не гетмана, не философа, не купца воскресилъ Христосъ, но Лазаря. А кто же теперь является Лазаремъ между народами? Пилигримъ польскій, ты былъ богатъ, а теперь терпишь нужду и горе, чтобы, познавъ ихъ, вернуться на родину и сказать: бѣдные и нищіе, будьте моими сонаслѣдниками. Пилигримъ! Когда-то ты устанавливалъ законы для другихъ, а теперь на землѣ изгнанія самъ лишенъ покровительства законовъ, чтобы, познавъ всю глубину безправія, вернуться домой и сказать: чужеземцы! устанавливайте права и законы вмѣстѣ со мною. Пилигримъ! ты былъ ученъ и вотъ теперь ты увидѣлъ всю суету наукъ, чтобы, познавъ истину, вернуться на родину и сказать: люди простые (prostaczkowie), будьте моими товарищами (Księgi Pielgrz., II, III).

Хомяковъ въ 1840 г. съ тѣми же словами обращался къ Россіи: „Грознѣй тебя былъ Римъ великій, царь семихолмнаго хребта... И гдѣ-же Римъ и гдѣ монголы?...

Безплоденъ всякій духъ гордыни,
Невѣрно злато, сталь хрупка,
Но крѣпокъ ясный міръ святыни,
Сильна молящихся рука.

И вотъ за то, что Русь „смиренна“, за то, что „глаголъ Творца пріяла она въ чувствѣ дѣтской простоты“, Господь, вѣритъ поэтъ, и далъ ей ея призванье:—

Хранить для міра достоянье
Высокихъ жертвъ и чистыхъ дѣлъ;
Хранить племенъ святое братство,
Любви живительный сосудъ,
И вѣры пламенной богатство,
И правду, и безкровный судъ:
О, вспомни свой удѣлъ высокій.
Внимай ему—и всѣ народы
Обнявъ любовію своей,
Скажи имъ таинство свободы,
Сіянье вѣры имъ пролей!

Памятны и другія слова Хомякова о Россіи: „Все, что благородно и возвышенно; все, что исполнено любви и сочувствія къ ближнему, все, что основано на самоотреченіи и самопожертвованіи,—все это заключается въ одномъ словѣ: христіанство. Для Россіи возможна одна только задача: сдѣлаться самымъ христіанскимъ изъ человѣческихъ обществъ. И всякій частный

вопросъ сводится къ этой общей нашей задачѣ. Она не легка. Но отрекаться отъ нея мы не можемъ, потому что это отреченіе не обошлось бы безъ наказанія. Вздумали бы мы быть самымъ могущимъ, самымъ матеріально-сильнымъ обществомъ? Испробовано. Или самымъ богатымъ, или самымъ грамотнымъ, или даже самымъ умственно развитымъ? Все равно: успѣха бы не было, потому что никакая низшая задача не привлечетъ всенароднаго сочувствія, а безъ того успѣхъ невозможенъ. Нечего дѣлать: Россіи надо быть или самымъ нравственнымъ, т.-е. самымъ христіанскимъ изъ всѣхъ человѣческихъ обществъ, или ничѣмъ; но ей легче вовсе не быть, чѣмъ быть ничѣмъ. Итакъ всякъ да приложитъ свой частный трудъ къ разрѣшенію общей задачи. Братолюбія не забывайте". (Соч., I, 685).

Хомякова и славянофиловъ упрекали за ихъ отношеніе къ западной культурѣ, хотя для Хомякова западъ никогда не переставалъ быть „страною святыхъ чудесъ". *Мицкевичъ*, раздѣляя съ славянофилами ихъ критическій взглядъ на матеріальную культуру Запада, предостерегалъ польскихъ пилигримовъ: „Вамъ говорятъ не разъ, что вы живете среди народовъ цивилизованныхъ и отъ нихъ должны учиться цивилизаціи, но говорящіе такъ сами не знаютъ, о чемъ говорятъ. Слово цивилизація происходитъ отъ *civis*, гражданинъ, а гражданиномъ называли человѣка, который, какъ Сцевола или Децій, жертвовалъ собой для блага родины. Это была добродѣтель язычника, ибо добродѣтель христіанина выше: онъ долженъ жертвовать собою не для родины только, но и для всѣхъ людей. Но и это была добродѣтель. Потомъ въ идолопоклонническомъ смѣшеніи языковъ стали называть цивилизаціей модные и изысканные наряды, утонченную кухню, хорошіе трактиры, прекрасные театры и широкія дороги. Но не только христіанинъ, но и язычникъ, если бы онъ всталъ изъ гроба, могъ бы съ негодованіемъ спросить такъ называемыхъ цивилизованныхъ людей, по какому праву они себя такъ называютъ. Не дивитесь же и не завидуйте народамъ, которые достигли высокаго матеріальнаго достатка, которые умѣютъ устраивать свои дѣла и наводить порядокъ. Если бы уважали того, кому лучше всѣхъ живется, кто хорошо ѣстъ и пьетъ, то наиболѣе уважаемыми людьми оказались бы самые тучные и здоровые. Но для человѣка этого недостаточно. А если бы считать лучшими наиболѣе хозяйственныхъ и распорядительныхъ, то не превышаютъ ли всѣхъ хозяйственностью муравьи а распорядительностью пчелы? Но для человѣка этого недостаточно. Ибо есть только

одна достойная человѣка цивилизація—это цивилизація христіанская (Księgi Pielgrz. V).

Мы могли бы продолжить это сличеніе и дальше, перейдя отъ общаго къ болѣе частнымъ вопросамъ, но не довольно-ли? Мы уже взошли на тѣ высоты, съ которыхъ смотрѣли на міръ русскій и польскій поэты. Они были точно два путника, которые, не зная другъ о другѣ, вышли одновременно въ путь съ двухъ разныхъ точекъ востока и запада, но одна и та же звѣзда свѣтила имъ съ темнаго небосклона жизни, и, слѣдуя ея руководительству, они шли впередъ, пока не встрѣтились. А встрѣтившись, эти сыны двухъ издавна враждующихъ, хоть и братскихъ, народовъ пожали другъ другу руки. И это пожатіе сказало, что жизнь русскаго и польскаго народа бьетъ изъ глубинъ одного и того же источника:

На западъ съ польскаго костра
Родное пламя взметено.

Съ тѣхъ поръ минуло уже много лѣтъ, и широкій разбѣгъ сдѣлала за это время и русская и польская жизнь. Теперь уже не говорятъ такимъ языкомъ, какимъ писалъ Мицкевичъ „Книги пилигримства", — и въ иныхъ, совсѣмъ иныхъ плоскостяхъ берется для рѣшенія польско-русскій, вопросъ. Но съ какихъ бы сторонъ ни подходить къ правдѣ, вѣковѣчная сущность ея всегда останется одна и та же. Народъ, какъ и отдѣльный человѣкъ, не можетъ достойно жить, не служа высшей идеѣ: не въ немъ самомъ а въ его отношеніи къ высшему началу заключается оправданіе и смыслъ его жизни. А высшими идеями для обоихъ нашихъ народовъ какъ во времена Хомякова и Мицкевича, такъ и теперь, являются идея славянскаго единства, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ естественное расширеніе ея, и идея устроенія достойной всечеловѣческой жизни. Пойдутъ-ли когда-нибудь русскій и польскій народъ вмѣстѣ къ осуществленію этихъ цѣлей? Это будетъ зависѣть отъ того, удастся ли имъ отбросить со своей дороги наросшія на ней за вѣка безсмысленной вражды предубѣжденія. Очевидно, что подвигъ этого, и вообще нелегкій, особенно труденъ для польскаго народа въ виду особенныхъ условій его жизни.

X.

Въ дневникѣ епископа Порфирія Успенскаго записанъ разсказъ о томъ, какъ попечитель Кіевскаго учебнаго округа фонъ-Брадке

обозрѣвалъ гимназію въ Ровнѣ. Желая узнать настроеніе учениковъ-поляковъ, онъ послѣ обѣда у законоучителя приказалъ позвать къ себѣ лучшаго изъ учениковъ 3-го класса и сталъ задавать ему вопросъ:

— Любишь ли ты Бога?—Люблю.

— Любишь ли ты всѣхъ людей?—Люблю.

— Любишь-ли ты христіанъ?—Люблю.

— Любишь ли ты православныхъ русскихъ?—Ни, ни, ни. Боже упаси меня отъ нихъ!

— Любишь ли ты протестантовъ?—Еще болѣе не люблю ихъ.

— А я протестантъ.

Мальчикъ испугался, заплакалъ и сквозь слезы проговорилъ: „простите меня; я не зналъ, что вы протестантъ".

Дѣтски-простодушная исповѣдь польскаго мальчикъ безсознательно для него самого вскрываетъ передъ нами вѣковую драму польской народной души, глубокія противорѣчія между высокимъ взлетомъ польскаго духа къ всечеловѣческому счастію и безсиліемъ его вырваться изъ тенетъ народной вражды.

Мицкевичъ не разъ пытался прорвать эти пути. Вотъ что между прочимъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ А. О. Смирнова. Когда умеръ Пушкинъ, Мицкевичъ, узнавъ, что жившіе тогда въ Парижѣ Смирновы—друзья покойнаго, явился къ нимъ одѣтый весь въ черное, и приказалъ доложить о себѣ: „Мицкевичъ, другъ Пушкина". Этимъ визитомъ къ совершенно незнакомымъ ему людямъ въ которыхъ онъ видѣлъ однако представителей русскаго мыслящаго общества, онъ хотѣлъ выразить свое сочувствіе горю русскаго народа. Разговоръ велся по-французски. „Я узналъ, сказалъ Мицкевичъ, что вы были его друзьями и пришелъ оплакать съ вами великаго славянскаго поэта". Смирнова разсказала ему, что покойный часто говорилъ ей о немъ. Мицкевичъ отвѣтилъ: „Онъ прислалъ мнѣ стихи, которые я храню, какъ драгоцѣнность. Политика разъединила насъ, но поэзія сблизила. Кончина его составляетъ огромное несчастье для русской литературы, для русской мысли. Мнѣ передавали, что императоръ горячо чувствуетъ это и сожалѣетъ о немъ". Упомянувъ затѣмъ, что вскорѣ появится въ „Le Globe" его статья о Пушкинѣ, онъ выразилъ желаніе, чтобы она дошла до Россіи: „повѣрьте, сударыня, что славянскій польскій поэтъ оплакиваетъ славянскаго русскаго поэта". Прощаясь, онъ еще разъ— все еще въ нѣсколько приподнятомъ тонѣ—заявилъ: „Смерть Пушкина является утратой для всѣхъ славянскихъ народовъ, а

я представляю ихъ въ эту минуту“. Несмотря на нѣкоторую театральность въ манерахъ—заканчиваетъ Смирнова—его красивое, грустное лицо, въ которомъ сквозило что-то болѣзненное, показывало, что онъ искренне тронутъ.

„Мы должны—говорилъ тотъ самый человѣкъ, который написалъ Валленрода и стихотвореніе „Do matki Polki“—проникнуться любовью Христовой къ братьямъ-славянамъ, — любовью чистою, искренною, правдивою, безрасчетною, безкорыстною. Мы должны полюбить чистое и доброе въ Россіи, какъ любимъ друзей, и въ духѣ этой любви дѣйствовать вмѣстѣ съ русскими. Если они не почувствуютъ этой любви, то не почувствуютъ и силы и будутъ насъ угнетать“. (Współudział A. Mickiewicza w sprawie Towiańskiego, 200—204; цитата по Макушеву). И далѣе: „Я чувствую, какой теперь тонъ поляка къ русскому. Когда бы кто говорилъ въ этомъ тонѣ къ русскому императору и съ любовью и силой предсталъ передъ нимъ, я призналъ бы въ немъ орудіе Божіе. Слѣдуетъ предстать въ тонѣ правды, а не ненависти, показать себя мужемъ, а не червякомъ. Червяка, ползущаго съ затаеннымъ ядомъ, каждый имѣетъ право растереть“. (Ibidem).

Но великій поэтъ не нашелъ въ себѣ силы воплотить этотъ новый „тонъ“ поляка къ русскому въ жизни, поставить на этой новой и единственно прочной основѣ польское дѣло. Почти накунуне смерти, во время крымской войны, мы застаемъ его въ Константинополѣ: онъ, потомокъ Собѣскаго, собираетъ для турокъ славянскій отрядъ. Только смерть помѣшала этому дѣлу: 14-го ноября 1855 года Мицкевича не стало. Замолкло сердце, такъ много страдавшее и все-таки, несмотря на всѣ страданія, до конца не нашедшее себѣ міра. Трагедія Мицкевича передалась и послѣдующимъ поколѣніямъ: и они за единичными исключеніями не сумѣли добыть изъ себя „новый тонъ“ жизни: новымъ кровавымъ потокомъ въ 1863 г. была углублена бездна между польскимъ и русскимъ народами. И чѣмъ сжатѣе тонкія и непреклонно-энергичныя губы поляка, чѣмъ ярче огонь негодованія на судьбу въ его глазахъ, устремленныхъ въ одну завѣтную точку, чѣмъ убѣжденнѣе вѣра въ справедливость своего дѣла, тѣмъ глубже трагизмъ его духа, ибо, несмотря на всю объективную правду польскихъ идеаловъ, препятствія къ ихъ осуществленію лежатъ прежде всего въ самомъ польскомъ народѣ, въ его безсиліи преодолѣть страшное и роковое противорѣчіе въ своемъ собственномъ душевномъ мірѣ.

Но, говоря такъ, нельзя не оглянуться и на себя. Сдѣлали-ли мы хоть что-нибудь, чтобы вырвать почву изъ подъ простодушнаго отвѣта, который далъ о насъ польскій мальчикъ кіевскому попечителю. Въ прошломъ у насъ — 28-е мая 1815 г., когда начальникъ русскаго гарнизона, полковникъ Николаевъ, отворивъ прусскому генералу Тюмену ворота Познани, вторично отдалъ великопольскія земли исконному врагу слявянства, кому еще раньше не безъ русскаго участія было отдано на вѣрную гибель торунско-гданское повисле А настоящее..... Но что говорить! Едва-ли за послѣднее полустолѣтіе мы не сдѣлали шагу назадъ. Во всякомъ случаѣ намъ всѣмъ могли бы служить теперь идеаломъ русскіе друзья Мицкевича: они несмотря на все, остались до конца неизмѣнно вѣрными, преданными, доброжелательными. Когда Мицкевичъ, уже авторъ „Дзядовъ", съ семьею бѣдствовалъ въ Парижѣ и вѣсть объ этомъ дошла до Москвы, близкіе къ нему когда-то люди, — а въ числѣ ихъ и Хомяковъ — собрали для него 5000 р. Ихъ отвезъ Мицкевичу Поповъ. Онъ разсказывалъ П. И. Бартеневу, что Мицкевичъ долго не хотѣлъ брать этихъ денегъ, но потомъ заплакалъ и взялъ: онъ понялъ, что отказаться значило бы оскорбить въ друзьяхъ не только друга, но еще нѣчто большее: человѣка.

Умѣли русскіе друзья почтить въ Мицкевичѣ и вдохновеннаго служителя слова. Во времена императора Николая, когда имя Мицкевича находилось подъ строжайшимъ запретомъ, на публичномъ обѣдѣ, устроенномъ въ 1843 г. въ честь Грановскаго, Хомяковъ всталъ — разсказываетъ Герценъ — и, поднявъ бокалъ, провозгласилъ тостъ: „За здоровье неприсутствующаго здѣсь великаго славянскаго поэта!" Имени изгнанника не смѣли произнести, но всѣ поняли, о комъ идетъ рѣчь, встали и тихо выпили здоровье. Это была безмолвная честь, возданная генію польскаго народа.

Наконецъ дружеское сочувствіе не оставило Мицкевича и за гробомъ. Когда дошла до Москвы вѣсть о его смерти, Погодинъ, одинъ изъ тѣхъ, съ кѣмъ польскій поэтъ дѣлилъ когда-то утѣхи юности, со своего Дѣвичьяго поля написалъ о немъ письмо государю: „Мицкевичъ, нашъ славный врагъ, поэтъ и любимецъ всего польскаго народа, скончался. Послѣ него остались вдова [1]) и шестеро малолѣтнихъ дѣтей въ бѣдности: вели принять ихъ

[1]) Погодинъ не зналъ, что жена Мицкевича скончалась незадолго до смерти мужа.

подъ твое покровительство, т. е. выдавать ежегодно матери извѣстную сумму денегъ, напр. 3000 р. с. для ихъ воспитанія и принять ихъ, если она того пожелаетъ, въ какое-угодно русское учебное заведеніе. Такое благодѣяніе (будетъ-ли оно принято, или нѣтъ, ибо враги могутъ не допустить) отзовется не только между всѣми поляками, но и вообще въ Европѣ и привлечетъ къ тебѣ много сердецъ. Предложеніе должно быть сдѣлано не оффиціальнымъ, мертвеннымъ образомъ, а черезъ родныхъ или друзей покойнаго Мицкевича. Въ Харьковѣ есть родной его братъ профессоръ; въ Петербургѣ школьный товарищъ. Могу и я, какъ старый знакомый, сообщить великодушное предложеніе". (Ж. и тр. Погодина, XIV, 448).

Не знаемъ послалъ ли Погодинъ это письмо по назначенію, но искреннее движеніе сердца, его вызвавшее, исполнено правды и высокой душевной красоты. Здѣсь слышится знакомая музыка стиховъ Хомякова:

И хладъ сердецъ единокровныхъ
Любовью жаркою согрѣй...

Тутъ истина, тутъ путь, тутъ начало новый жизни „Miłość rządzi plemieniem człowieczem, училъ Мицкевичъ. Любовь управляетъ судьбами человѣчества. Объ этомъ не слѣдуетъ забывать никому изъ насъ.

Рылѣевъ и Нѣмцевичъ.

Развитіе литературъ русской и польской шло и теперь идетъ почти одинаковымъ путемъ; но въ этомъ сходствѣ играетъ роль болѣе племенное родство, чѣмъ взаимодѣйствіе обѣихъ литературъ. Тѣмъ болѣе любопытны рѣдкіе случаи прямого вліянія одной литературы на другую. Едва ли многимъ извѣстно, что толчокъ къ совершенному Мицкевичемъ повороту польской поэзіи отъ классицизма къ новой романтической школѣ былъ данъ балладой Жуковскаго „Людмила" Однажды въ Вильнѣ (разсказываетъ въ своей книгѣ о Мицкевичѣ Хмѣлевскій) сынъ профессора Русскаго языка, исторіи и словесности Чернявскій, живой и веселый малый, всеобщій любимецъ, товарищъ Мицкевича по Виленскому университету, вбѣжалъ на одну изъ студенческихъ сходокъ весь взволнованный и съ сіяющими глазами, находясь подъ вліяніемъ только-что прочитанной „Людмилы". По просьбѣ товарищей онъ продекламировалъ ее предъ ними, и всѣ раздѣлили его восторгъ (uniesienie). Ѳома Занъ назавтра же написалъ балладу „Нерина", явившуюся новой переработкой Леноры Бюргера. Вслѣдъ за нимъ тотчасъ же или немного позднѣе началъ писать свои баллады и Мицкевичъ.

Почти одновременно съ этимъ и въ Русской литературѣ произошло подобное же явленіе: подъ вліяніемъ толчка, даннаго „Историческими Пѣснями" польскаго поэта Нѣмцевича, Рылѣевъ выступилъ со своими Думами — видъ произведеній, котораго до сихъ поръ еще не было въ нашей словесности.

Рылѣевъ научился по-польски еще съ дѣтства отъ своего корпуснаго товарища Зыгмунтовича. О дальнѣйшихъ его занятіяхъ въ этомъ направленіи мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній; но извѣстно, что послѣ похода въ 1814 г. его роту расположили въ Минской губерніи, и поэтъ жилъ въ городѣ Несвижѣ. И

послѣ 1815 года онъ квартировалъ съ своей ротой тамъ же и перешелъ въ Воронежскую губернію только въ 1817 году. Несвижъ— старинная вотчина Радзивилловъ. Въ былыя времена польскаго господства туда, ко двору Радзивилловъ, собирался весь цвѣтъ мѣстнаго польскаго общества. Въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ многіе разсѣялись, и самого князя Радзивилла уже не было въ Несвижѣ; но жизнь, вообще говоря, мало измѣнилась сравнительно со временами Рѣчи Посполитой: польская культура царила вокругъ и все, что уцѣлѣло отъ военныхъ погромовъ, по старой памяти съѣзжалось въ Несвижъ, какъ центръ мѣстной жизни. Хорошо зная по-польски, Рылѣевъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ не разъ случай бывать въ польскомъ обществѣ, всмотрѣться въ его жизнь и заинтересоваться тогдашней польской литературой. Какъ разъ въ то время (въ 1816 г.) вышли въ Варшавѣ „Историческія Пѣсни" Нѣмцевича. Вѣроятно, тогда же Рылѣевъ впервые прочелъ ихъ, и тогда же зародилась у него мысль написать по образцу польскихъ пѣсенъ свои Русскія „Думы".

Нѣмцевичъ въ глазахъ Рылѣева былъ „однимъ изъ лучшихъ поэтовъ Польши"; но чтобы вѣрно оцѣнить значеніе этихъ словъ, надо вспомнить, что такое представляла собою тогдашняя польская словесность. Это были послѣдніе годы доживавшаго свой вѣкъ сухого и педантичнаго, но все еще высокомѣрнаго, надутаго и увѣреннаго въ себѣ лжеклассицизма. Литераторы того времени, (говоритъ одинъ изъ историковъ польской словесности) большею частью разсудительные, систематическіе люди, притомъ горячіе патріоты, лишенные возможности устраивать государство, обратились всецѣло на устраиваніе области прекраснаго, которую стали обдѣлывать и превращать въ садъ на подобіе Версальскаго съ цвѣтниками и клумбами, съ прямыми аллеями, соблюдая законъ дѣленія труда и дисциплину политическихъ партій и заводя строгіе полицейскіе порядки, не допускающіе никакихъ произвольныхъ уклоненій отъ правилъ искусства, разъ навсегда преподанныхъ Аристотелемъ и Буало, Горацiемъ и Лагарпомъ. Работа была коллективная. Общество любителей наукъ поставило себѣ задачею не оставить втунѣ въ этомъ саду ни одного уголка и озаботиться, чтобы каждый родъ литературы имѣлъ своего представителя: „одни компилировали исторію, другіе воздѣлывали эпосъ, драму или романъ. Между прочимъ подумали и о популяризаціи исторіи посредствомъ прославленія въ „Историческихъ Пѣсняхъ" славнѣйшихъ событій и знаменитѣйшихъ подвиговъ и побѣдъ польскихъ королей и государственныхъ дѣятелей. Осо-

бенно тутъ имѣлось въ виду воспитательное вліяніе такихъ пѣсенъ на подроставшее поколѣніе. Сочетанія риѳмъ, а особенно прелесть пѣнія и музыки должны были сдѣлать знаніе отечественной исторіи привлекательнымъ для молодости и доступнымъ для всѣхъ. Осуществленіе этой воспитательно-поэтической задачи было поручено обществомъ Юліану-Урсину Нѣмцевичу.

Мысль общества была вполнѣ вѣрная. Нѣмцевичъ справедливо замѣчаетъ: „Напоминать юношеству о подвигахъ предковъ, знакомить его съ свѣтлѣйшими эпохами народной исторіи, сдружить любовь къ отечеству съ первыми впечатлѣніями памяти— вотъ вѣрный способъ для привитія народу сильной привязанности къ родинѣ: ничто уже тогда сихъ первыхъ впечатлѣній, сихъ раннихъ понятій не въ состояніи изгладить. Они крѣпнутъ съ лѣтами и творятъ храбрыхъ для бою ратниковъ, мужей доблестныхъ для совѣта“. Но для удачнаго выполненія этой мысли надо совмѣстить въ себѣ писателю большой поэтическій даръ съ знаніемъ и вѣрнымъ пониманіемъ исторіи, осторожную осмотрительность педагога съ пыломъ патріотическаго чувства. Нѣмцевичъ, нѣкогда Лифляндскій сеймовый посолъ, затѣмъ адъютантъ Костюшки, бившійся съ нимъ вмѣстѣ подъ Мацѣевицами, вмѣстѣ взятый въ плѣнъ, вмѣстѣ просидѣвшій въ заключеніи въ Петербургѣ и вмѣстѣ выпущенный на честное слово императоромъ Павломъ, доказалъ свою любовь къ родинѣ и на полѣ брани и на поприщѣ искусства Еще во время короля Станислава-Августа прославился онъ слабой съ художественной точки зрѣнія, но патріотической комедіей „Возвращеніе посла“. Въ молодости же началъ онъ воспѣвать и подвиги польскихъ героевъ, написавъ двѣ думы о Жолкевскомъ и о Стефанѣ Потоцкомъ. Но хотя Рылѣевъ и говоритъ, что „тотъ, въ комъ кипитъ любовь къ общественному благу, завсегда поэтъ“, одно патріотическое чувство еще не достаточное ручательство за поэтическій даръ. Нѣмцевичъ добросовѣстно взялся за работу; семь лѣтъ изучалъ онъ историческіе памятники, семь лѣтъ корпѣлъ въ книгахъ; но никакое изученіе не замѣнитъ живого полета чувства: пѣсни его вышли вялы, сухи и однообразны и позднѣйшая литературная критика назвала ихъ „лишенными всякой правды и таланта“ (слова Спасовича).

Что же могло понравиться въ нихъ Рылѣеву? Не позабудемъ, что пѣсни эти въ свое время пользовались большой извѣстностью и очевидно пришлись по вкусу тогдашнему польскому обществу; не позабудемъ, что и наши литературные вкусы не далеко ушли

тогда отъ польскихъ: и у насъ, какъ у поляковъ, все еще оставались въ силѣ лжеклассическія преданія, и Рылѣевъ выросъ подъ ихъ прямымъ вліяніемъ. Не даромъ онъ произнесъ строгій судъ надъ Жуковскимъ за „слишкомъ пагубное его вліяніе на духъ нашей словесности“. „Мистицизмъ Жуковскаго, писалъ онъ Пушкину, мечтательность, неопредѣленность и какая-то туманность растлили многихъ и много зла надѣлали“. Не романтикъ Жуковскій, а Державинъ и классически-правильный Батюшковъ были любимцами нашего поэта. Разверните книжку его стихотвореній, и на васъ повѣетъ знакомыми пріемами и духомъ лжеклассицизма. „Дорида“, „Лила“, „Парнасъ“, „Служитель Аполлона“, „Дамонъ-ругатель“, „Клитъ-стихокропатель“ пестрятъ всѣ раннія произведенія Рылѣева. Такимъ образомъ то, что было у Нѣмцевича недостатками ложноклассической системы, очевидно, не было недостаткомъ въ глазахъ Рылѣева; а недостатки собственно Нѣмцевича закрывались для него достоинствомъ общей мысли, лежащей въ основаніи Историческихъ Пѣсенъ. Она пришлась Рылѣеву какъ нельзя болѣе по душѣ, и вотъ готовое побужденіе къ заимствованію, толчокъ къ перенесенію Историческихъ Пѣсенъ на Русскую почву.

Но какая разница между пѣснями польскаго поэта и Думами русскаго! Одинаковы ихъ цѣли и задачи, у обоихъ нравственныя, но различно содержаніе нравственнаго идеала. Одинаковы формы, въ которыя оно облекается, но различна сила вложеннаго въ нихъ чувства. Довольно и бѣглаго взгляда, чтобы замѣтить, что русскій поэтъ беретъ верхъ надъ своимъ польскимъ образцомъ и по силѣ дарованія, и по степени педагогическаго такта.

Нѣмцевичъ — кровный польскій магнатъ, истинный сынъ народа-шляхты, аристократическаго по преимуществу завоевательнаго въ душѣ. Naród nasz z natury waleczny (Народъ нашъ по природѣ воинственный), говоритъ о немъ самъ Нѣмцевичъ. Правда, въ одномъ мѣстѣ онъ устами Пяста заклинаетъ своихъ соотечественниковъ уважать земледѣліе, ибо „въ мечѣ и плугѣ заключаются силы Поляковъ“, а въ другомъ, повидимому, ставитъ военную доблесть наравнѣ съ гражданской дѣятельностью, но на самомъ дѣлѣ всѣ его сочувствія лежатъ на сторонѣ военной доблести. Открываясь съ религіознаго гимна св. Войцѣха Boga rodzica dziewica, который пѣло нѣкогда старинное польское воинство, идя на бой, его пѣсни начинаются съ предвѣщанія Польшѣ громкой военной славы въ думѣ „Пястъ“ и кончаются апоѳеозой князя Іосифа Понятовскаго, этого, по выраженію Нѣм-

цевича, „рыцаря безъ упрека, воина безъ страха“. Всѣ пѣсни (за исключеніемъ думъ о Пястѣ, Казимирѣ Великомъ и Лешкѣ Бѣломъ) представляютъ какъ бы одинъ сплошной гимнъ военной доблести предковъ. Вглядитесь въ эпитеты, которыми поэтъ украшаетъ своихъ любимыхъ героевъ. Храбрый, воинственный, смѣлый, отважный, мужественный (dzielny, waleczny, mężny, odważny, bitny) — вотъ слова, которыя всего чаще попадаются на страницахъ Историческихъ Пѣсенъ. Это не случайность. Co Polak to rycerz (что ни полякъ, то рыцарь) гласитъ старинная польская пословица. Нѣмцевичъ самъ былъ такимъ рыцаремъ, и его мысленному взору постоянно предносились блестящія картины старопольскаго рыцарства, эта изысканность королевскаго двора, эти блистательные турниры, шумъ военной сѣчи и эти стремительнымъ вихремъ влетающія въ грудь непріятельскаго войска летучіе отряды крылатой польской гусаріи, о подвигахъ которой съ увлеченіемъ разсказывали въ долгіе зимніе вечера, оттачивая свои сабли, и рыцари въ зипунахъ, мелкая застѣнковая шляхта. Рыцарь — вотъ идеалъ Нѣмцевича; вотъ что ставитъ онъ какъ образецъ молодежи. Передъ вами проходитъ длинный рядъ польскихъ героевъ, Собѣсскіе, Чарнецкіе, Баторіи, Владиславы, Тарновскій, Замойскій и многіе, многіе другіе; но всмотритесь во всѣхъ нихъ, и вы увидите, что подъ разными именами всѣ они (и короли, и вельможи) являютъ одинъ излюбленный образъ блестящей отваги и неустрашимаго мужества, образъ рыцаря.

Kto kraj swój kocha, kto Boga się boi
Ma szablę, konia, o resztę nie stoi,

(кто край свой любитъ, кто Бога боится, у кого есть конь да сабля, тому все ни почемъ) — вотъ завѣщаніе умирающаго Чарнецкаго своему внуку. „Защищай родину, будь вѣрнымъ возлюбленной“ (Broń twej ojczyzny, bądź kochance wierny), говоритъ старый Завиша, посвящая своего сына въ рыцари. И всѣ герои Нѣмцевича вѣрно исполняютъ этотъ рыцарскій завѣтъ. Они храбро служатъ родинѣ, совершая геройскіе подвиги личной храбрости, и обыкновенно ихъ храбрость вѣнчаетъ въ пѣсняхъ награда женской любви. Даже стараго Карла Ходкевича, „не смотря на его лѣта“, за мужество, завоеванія и побѣды награждаетъ своей „прекрасной“ рукой Анна Острожская.

Нельзя отказать этому строго-выдержанному образу рыцаря въ извѣстнаго рода поэзіи и привлекательности. Но нравственный идеалъ долженъ быть одинаковъ для всѣхъ, широкъ и всеобъ-

емлющъ. Тутъ именно и открывается слабая сторона Нѣмцевичевской морали. Рыцарство—съ этимъ именемъ у насъ связано понятіе о высокой доблести, о безупречной чести; но чтобы стать ихъ представителями въ полной мѣрѣ, надо было стать рыцаремъ, надо было посвященіе въ рыцари. Высшая доблесть считалась какъ бы принадлежностью только рыцарства. Это была своего рода нравственная привилегія, вполнѣ согласовавшаяся съ общимъ строемъ среднихъ вѣковъ, строемъ привилегій, но и порождавшая особаго рода недостатокъ—гордость своимъ превосходствомъ. Пѣвецъ рыцарства и самъ рыцарь, Нѣмцевичъ не могъ, конечно, его избѣгнуть. Онъ поэтъ шляхты и для шляхты, и лишь мимоходомъ въ двухъ-трехъ мѣстахъ упоминаетъ онъ объ „убогихъ кметяхъ". Это, въ связи съ воинской окраской его сочувствій, существенно ограничиваетъ его нравственный идеалъ. Есть и еще одно ограниченіе, почти неосязаемое, но несомнѣнно чувствуемое: Нѣмцевичъ болѣе патріотъ, чѣмъ моралистъ. „Кто край свой любитъ, кто Бога боится, тому не о чемъ больше заботиться", говоритъ у него Чарнецкій. „Край" стоитъ здѣсь на первомъ мѣстѣ, служеніе отечеству не входитъ въ болѣе общее понятіе нравственнной дѣятельности, но какъ бы отожествляется съ нимъ. Это, помимо воли Нѣмцевича, можетъ дать поводъ къ искаженіямъ въ обще-нравственномъ идеалѣ: высшей инстанціей, къ которой все апеллируетъ, нечувствительно можетъ явиться только Польша, польскій народъ.

Идеалъ Рылѣева шире и глубже. Въ „Думахъ" виденъ человѣкъ, промѣнявшій красивый военный мундиръ на скромное мѣсто засѣдателя въ Петербугскомъ судѣ; виденъ сынъ того времени, когда вознесенная на верхъ славы блескомъ военныхъ побѣдъ Россія обратилась внутрь себя, и всѣ сознали, что

. для полуночной державы
Довольно лавровъ и побѣдъ;
Довольно громозвучной славы
Протекшихъ незабвенныхъ лѣтъ.

Въ противность Нѣмцевичу, поэту военной доблести, Рылѣевъ является пѣвцомъ мужества гражданскаго. Онъ прямо говоритъ:

Великъ, кто честь въ бояхъ снискалъ
И, страхомъ ставъ для чуждыхъ воевъ,
Къ своимъ знаменамъ приковалъ
Побѣду, спутницу героевъ...
Но подвигъ воина гигантскій

И стыдъ сраженныхъ имъ враговъ
Въ судѣ ума, въ судѣ вѣковъ
Ничто предъ доблестью гражданской.

Идеалъ Нѣмцевича—рыцарь; идеалъ Рылѣева—„прямой гражданинъ своей родины“: понятіе болѣе общее, въ которое воинская доблесть входитъ, какъ одно изъ частныхъ его свойствъ. И какъ всѣ герои Нѣмцевича представляютъ лишь незначительныя измѣненія одного основного излюбленнаго имъ типа, такъ и герои Рылѣева являются лишь видоизмѣненіями одного образа идеальнаго гражданина. Но нигдѣ этотъ образъ не обрисованъ имъ съ такой полнотой и законченностью, какъ въ Думахъ „Волынскій“ и „Державинъ“. Требованія поэта отъ его гражданина строги и высоки. Ему мало славныхъ дѣлъ; онъ требуетъ чистыхъ и безкорыстныхъ побужденій безъ малѣйшей примѣси тщеславія:

Не тотъ отчизны вѣрный сынъ,
Не тотъ въ странѣ самодержавья
Царю полезный гражданинъ,
Кто рабъ презрѣннаго тщеславья!
Пусть будетъ мужъ совѣта онъ
И мученикъ позорной казни
Стоять за правду и законъ,
Какъ Долгорукій безъ боязни;
Пусть будетъ онъ, дыша войной,
Врагамъ въ часы кровавой брани
Неотразимою грозой,
Какъ покорители Казани;
Пусть удивляетъ... Но когда
Онъ все творитъ то изъ тщеславья:
Бѣда несчастному, бѣда!
Онъ сынъ не славы, а безславья!

Не таковъ у Рылѣева Волынскій. „Забывши вовсе о себѣ“, онъ служитъ одной правдѣ, жертвуя жизнью только для того, чтобы исполнить свой нравственный долгъ. Въ думѣ „Державинъ“, гдѣ въ лицѣ пѣвца Фелицы Рылѣевъ выставляетъ идеалъ поэта, этотъ возвышенный образъ гражданина пополняется новыми чертами.

Къ неправдѣ онъ кипитъ враждой,
Какъ вольный Славянинъ душой,
Онъ раболѣпствовать не можетъ.
Повсюду твердъ, гдѣ-бъ ни былъ онъ,
Наперекоръ судьбѣ и року;
Повсюду честь ему законъ.
Вездѣ онъ явный врагъ пороку.

Греметь грозою противъ зла
Онъ чтитъ святымъ себѣ закономъ,
Съ спокойной важностью чела
На эшафотѣ и предъ трономъ.
Надъ нимъ и рокъ не властелинъ!
Онъ истину достойно цѣнитъ,
И ей нигдѣ, какъ вѣрный сынъ,
И въ тайныхъ думахъ не измѣнитъ!

Въ связи съ образомъ идеальнаго гражданина, вѣрнаго служителя правды, стоитъ и идеальный образъ царя, въ сущности являющійся лишь повтореніемъ перваго, только въ иной обстановкѣ. Идеалъ Рылѣева—не храбрый воинъ и не искусный полководецъ, но правитель кроткій, миролюбивый, „истинный покровъ подданныхъ, проливающій съ высотъ трона рѣки благъ народу", водворитель въ странѣ мира и спокойствія (Дума „Борисъ Годуновъ"). Въ примыкающей по содержанію къ Думамъ пророческой одѣ „Видѣніе", въ словахъ императрицы Екатерины къ будущему Царю-Освободителю высказана самая суть нравственныхъ идеаловъ поэта:

Люби народъ, чти власть закона,
Учись заранѣ быть царемъ.
Твой долгъ благотворить народу,
Его любви въ дѣлахъ искать;
Не блескъ пустой и не породу,
А дарованья возвышать.
Дай просвѣщенные уставы
Въ обширныхъ сѣверныхъ странахъ,
Науками очисти нравы
И вѣру укрѣпи въ сердцахъ.
Люби гласъ истины свободной,
Для пользы собственной люби,
И рабства духъ неблагородный,
Неправосудье истреби.
Будь блага подданныхъ ревнитель:
Оно есть первый долгъ царей.
Будь просвѣщенья покровитель:
Оно надежный другъ властей.
Старайся духъ постигнуть вѣка,
Узнать потребность русскихъ странъ;
Будь человѣкъ для человѣка,
Будь гражданинъ для сограждань.
Будь Антониномъ на престолѣ,
Въ чертогахъ мудрость водвори,—
И ты себя прославишь болѣ,
Чѣмъ всѣ народы и цари.

Всероссийская ... библиотека

Будь человѣкъ для человѣка. Человѣкъ — вотъ что прежде всего привлекаетъ Рылѣева. Истинно-человѣческое есть для него и истинно-нравственное, и онъ ищетъ его не въ одномъ какомъ-нибудь кругу, но вездѣ и повсюду, и гдѣ ни находитъ, въ само-отверженномъ ли поступкѣ отважной жены, ради мужа идущей въ добровольную ссылку (Наталья Долгорукова), въ идеальномъ-ли образѣ поэта-гражданина, „съ улыбкой говорящаго царямъ правду“ (Державинъ), или въ героическомъ подвигѣ домнинскаго крестьянина, полагающаго животъ свой за царя и отечество (Иванъ Сусанинъ), онъ повсюду воспѣваетъ его въ исполненныхъ воодушевленія стихахъ, воспитывая въ читателяхъ убѣжденіе въ торжествѣ нравственнаго закона, въ томъ, что правда не пропадаетъ, что рано или поздно „злодѣйство приметъ возданье“. Обще-нравственныя требованія Рылѣевъ имѣетъ въ виду прежде всего, но онъ освѣщаетъ ихъ не примѣрами и случаями изъ частной жизни, а на широкомъ полѣ общественныхъ отношеній; думы поэтому не только воспитываютъ въ дѣтяхъ понятіе о долгѣ, но и вкореняютъ въ нихъ любовь къ отечеству, убѣжденіе, что они сыны одной великой народной семьи и что обязаны всецѣло посвящать себя благу отчизны. Рылѣевъ однако не забываетъ, что, хотя истинно-нравственный человѣкъ не можетъ не любить родины, но любящій родину можетъ любить ее неразумно и не быть человѣкомъ нравственнымъ. И потому народное у Рылѣева поставлено въ надлежащія границы. У Нѣмцевича раскаявшійся измѣнникъ Глинскій думаетъ прежде всего о томъ, что онъ покрылъ трауромъ Польшу. Рылѣевъ въ своемъ переводѣ этой думы слово: „Польша“ замѣняетъ инымъ словомъ: совѣсть. Это характерно.

Идеалы Рылѣева шире, глубже, всестороннѣе. Подводя итоги, можемъ сказать, что Нѣмцевичъ всею совокупностью своихъ Пѣсенъ какъ бы обращается къ юношеству съ начальными словами Думы о Стефанѣ Потоцкомъ: „Внемлите, юные рыцари, стонамъ жалобной любви, и память давняго мужества да родитъ въ васъ жажду славы“. Взывая къ тѣни павшаго вождя, онъ восклицаетъ надъ его могилой: „Если когда-нибудь отважный рыцарь, остановившись здѣсь, взглянетъ на твою могилу, да вдохновится онъ ею на бой и пусть борется и гибнетъ, какъ ты, со славой“.

Рылѣевъ приглашаетъ отца семейства привести къ могилѣ Волынскаго сына,

Да закипитъ въ его груди
Святая ревность гражданина!

Любовью къ родинѣ дыша,
Да все для ней онъ переноситъ--
И, благородная душа,
Пусть личность всякую отброситъ.
Пусть будетъ чести образцомъ,
За страждущихъ—желѣзной грудью,
И вѣчно заклятымъ врагомъ
Постыдному неправосудью.

Преимущество явно стоитъ за русскимъ поэтомъ. Рылѣевъ выше Нѣмцевича, какъ моралистъ. Онъ выше его и какъ поэтъ.

У обоихъ нечего было бы искать художественнаго воспроизведенія прошлаго въ истинномъ смыслѣ этого слова. Оба они дѣти французскаго классицизма, и потому оба стоятъ на ложной дорогѣ, витая почти исключительно въ области общихъ чувствъ и мыслей и не имѣя понятія о личной и народной окраскѣ своихъ героевъ. Ихъ лица даже не типы, а скорѣе схемы типовъ. Изъ-за всѣхъ Замойскихъ, Жолкѣвскихъ и Тарновскихъ у Нѣмцевича глядитъ на насъ средневѣковый рыцарь вообще. Замѣните у Рылѣева имена Долгоруковыхъ, Матвѣевыхъ, Волынскихъ чужеземными, и вы увидите, что всѣ ихъ мысли, чувства, убѣжденія по большей части столь же могутъ быть присущи нѣмцамъ, французамъ, англичанамъ и т. п., сколько русскимъ. Не говоримъ уже о томъ, что всѣ они на одно лицо: передъ нами не разные образы народныхъ героевъ, съ своеобразною окраской каждый, а общій, отвлеченный типъ гражданина. Помимо дурной школы здѣсь безспорно имѣлъ значеніе и недостатокъ эпическаго таланта. Но если у Рылѣева дѣло идетъ о недостаткѣ такого творчества, то у Нѣмцевича замѣчается полное его отсутствіе. У Рылѣева то тамъ то сямъ промелькнетъ удачная черточка, живая картинка; у Нѣмцевича ихъ нѣтъ и въ поминѣ. Онъ слабъ даже тамъ, гдѣ, казалось бы, само народное чувство должно было придти ему на помощь, какъ напр. въ думѣ Ягелло. Описывая Грюнвальдскую битву, когда на равнинѣ между Танненбергомъ и Грюнвальдомъ единственный разъ въ исторіи собралось въ единодушномъ порывѣ чуть ли не цѣлое славянство, чтобы дать отпоръ напирающему на него тевтонизму, какъ было не проникнуться этимъ общимъ народнымъ чувствомъ, какъ было не отмѣтить его? Но вмѣсто того, чтобы достойно воспѣть это, почти безпримѣрное, славянское движеніе, Нѣмцевичъ, вѣрный любимому своему идеалу рыцаря, послѣ банальнаго описанія самой битвы, заставляетъ полудикаря Ягелло проливать сентиментальныя слезы, надъ кѣмъ бы вы думали? Надъ трупомъ великаго магистра крестоносцевъ!

Król, patrząc na tak ciężką losów zmianę,
Zapłakał rzewnie; „Zgon—rzekł—tego męża
Zagładza pamięć na krzywdy zadane,
Winien czcić męztwa ten, który zwycięża“ [1]).

Но чтить мужество не значитъ еще плакать. Трудно придумать что-нибудь болѣе лживое съ исторической и народной точки зрѣнія, чѣмъ эти сентиментальныя слезы. Рылѣеву въ Думахъ пришлось также затронуть одну изъ тѣхъ великихъ минутъ въ жизни народовъ, когда они становятся какъ одинъ человѣкъ, когда сердца всѣхъ охватываетъ одно чувство, одна мысль—это смутное время безурядицы предъ избраніемъ Михаила. Онъ понялъ, онъ почувствовалъ сердцемъ, что тогда долженъ былъ переживать русскій человѣкъ, и общее народное чувство, спасшее Россію отъ иноземнаго владычества, вылилось у него во вдохновенныхъ, и истинно-народныхъ, и истинно-человѣческихъ словахъ Сусанина:

Предателя, мнили, во мнѣ вы нашли:
Ихъ нѣтъ и не будетъ на русской земли!
Въ ней каждый отчизну съ младенчества любитъ
И душу измѣной свою не погубитъ!
. Не страшенъ вашъ гнѣвъ!
Кто Русскій по сердцу, тотъ бодро и смѣло,
И радостно гибнетъ за правое дѣло!
Ни казни ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнувъ умру за царя и за Русь!

Сусанинъ, конечно, не такъ выражался; но чувства, двигавшія имъ, были таковы. Слабый эпикъ, Рылѣевъ обладалъ безспорнымъ и горячимъ лиризмомъ. Въ его груди дѣйствительно „порой тѣснился цѣлый свѣтъ“; его дѣйствительно „уносилъ въ поэтическую высь восторгъ души“, и эта „кипящая отвага высокихъ думъ“ дѣйствовала на читателя увлекательно даже въ слабыхъ и безцвѣтныхъ рамкахъ его эпической поэзіи. Нѣмцевичъ не зналъ, что такое высокій полетъ творческаго чувства.

Пушкинъ сказалъ гдѣ-то о Думахъ Рылѣева, что „всѣ онѣ слабы изобрѣтеніемъ и изложеніемъ, всѣ на одинъ покрой, составлены изъ общихъ мѣстъ: описаніе мѣста дѣйствія, рѣчь героя и нравоученіе“. Къ Пѣснямъ Нѣмцевича можно отнести этотъ упрекъ съ еще большей основательностью. Отъ изобрѣтенія самъ авторъ уволилъ себя вовсе. По его мнѣнію, „само названіе Исто-

[1]) Взирая на столь тяжкую превратность судьбы, король горько заплакалъ. Смерть этого мужа—сказалъ онъ—заставляетъ забыть о старыхъ обидахъ. Побѣдитель обязанъ чтить мужество.

рическихъ Пѣсенъ, обозначая родъ стихотворства высшій сравнительно съ пѣснями обыкновенными и возлагая на автора обязанность держаться правды, отнимаетъ у него первѣйшую пружину поэзіи, отнимаетъ воображеніе". „Поэтъ-дѣеписатель, говоритъ онъ, описываетъ только то, что было, а человѣческая исторія рѣдко когда бываетъ поэтичною". Въ результатѣ наряду съ воображеніемъ онъ отрекается и отъ чувства, предоставляя все, „что трогаетъ, увлекаетъ и восторгаетъ, слагателю пѣсенъ романтическихъ" [1]). Этимъ онъ обезкрылилъ свое творчество. Но иногда и факты могутъ быть краснорѣчивы. Искусно подобранные, удачно расположенные, они своею вѣскостью поражаютъ умъ читателя и производятъ впечатлѣніе не меньшее, чѣмъ какая-нибудь поэтическая картина. Къ несчастью, Нѣмцевичъ не искупаетъ недостатковъ изобрѣтенія и достоинствами изложенія. Его губитъ его собственная добросовѣстность. Семилѣтній трудъ, положенный имъ на подготовительную работу изученія источниковъ, пріучилъ его слишкомъ дорожить добытыми результатами. Онъ не господствуетъ надъ своимъ матеріаломъ, а самъ всецѣло находится подъ властью фактовъ. Каждая мелочь, отысканная имъ въ старыхъ актахъ, разрослась въ его представленіи въ крупные размѣры, вызывая въ немъ желаніе сохранить ее и вотъ вся его забота сводится только къ тому, чтобы въ предѣлахъ коротенькой пѣсни умѣстить какъ можно болѣе фактовъ. Пусть „кокошья война" вовсе не вяжется съ „золотымъ вѣкомъ" Сигизмунда Стараго, а многочисленность Казимирова потомства съ открытіемъ Коперника,—ему все равно, лишь бы только втиснуть ихъ какъ-нибудь вмѣстѣ въ узкую рамку одной Пѣсни. Понятны слѣдствія такого нагроможденія фактовъ. Говоря о многомъ сразу, Нѣмцевичъ не можетъ ничего освѣтить, какъ должно. Гоняясь за мелочными подробностями, Нѣмцевичъ упускаетъ сущность дѣла. У него нѣтъ руководящей мысли. Каждая мелочь выростаетъ до степени важнаго явленія, а важное нисходитъ въ разрядъ мелочей. При такомъ положеніи дѣла не можетъ быть и рѣчи о силѣ и сосредоточенности впечатлѣнія. Вниманіе читателя растрачивается, какъ и самъ поэтъ, на мелочи, оставляя въ сторонѣ смыслъ эпохи. Вмѣсто живыхъ, врѣзывающихся въ память образовъ народныхъ героевъ или историческихъ картинъ получается сухой стихотворный перечень дурно между собою связанныхъ событій; вмѣсто художественнаго творчества—стихослагательство.

[1]) Spiewy Historyczne, str. XIII.

Какъ бы строго ни судить Думы Рылѣева, на нихъ несомнѣнно лежитъ печать дара Божьяго. Несмотря на всю ихъ слабость съ художественной точки зрѣнія, повсюду свѣтятся задатки истиннаго поэтическаго дарованія. Педантъ-Нѣмцевичъ изъ любви къ полнотѣ фактовъ воспѣваетъ безъ разбору чуть ли не всѣхъ польскихъ государей до Собѣсскаго, не дѣлая исключеній даже для плачевной памяти Генриха Валуа. Рылѣевъ выбираетъ изъ исторіи лишь то, что соотвѣтствуетъ нравственной цѣли его Думъ, и, выбравъ, старается не о количествѣ подробностей, а объ уясненіи общаго смысла того или другого явленія. Онъ знаетъ, чѣмъ достигается сила впечатлѣнія; въ его Думахъ не свалены въ одну кучу какіе ни попало факты, а выбрано наиболѣе характерное; каждая Дума представляетъ собою одно цѣлое съ основною мыслью, нерѣдко замыкающею все стихотвореніе въ красивой и сжатой формѣ какого-нибудь нравственнаго правила, которое такимъ образомъ невольно врѣзывается въ память читателя. Описанія Нѣмцевича скучны и томительно однообразны; всѣ эти безчисленныя битвы разнятся одна отъ другой только названіями мѣстностей да количествомъ взятыхъ знаменъ, о которомъ Нѣмцевичъ не упускаетъ сообщить съ протокольной точностью военной реляціи. Въ жизнеописаніи Рылѣева (Рус. Архивъ 1890, кн. 5) мы приводили образчики однотонныхъ и прямолинейныхъ, какъ у Нѣмцевича, описаній Рылѣева; но у нашего поэта то тамъ то сямъ прорываются по крайней мѣрѣ живая черта, удачно схваченный эпитетъ, картинный оборотъ, а иногда, позабывъ о стѣснительныхъ рамкахъ Думы, заимствованныхъ у польскаго поэта, Рылѣевъ неожиданно даетъ цѣлую живописную картину, какъ въ заключительныхъ стихахъ думы „Петръ Великій въ Острогожскѣ“ въ которой, описавъ свиданіе Петра съ Мазепой, поэтъ внезапно задаетъ вопросъ:

Гдѣ-жъ свиданіе съ Мазепой
Дивный свѣту царь имѣлъ?
Гдѣ герою вождь свирѣпый
Клясться въ искренности смѣлъ?

И отвѣчаетъ исполненнымъ поэтическихъ чертъ описаніемъ:

Тамъ, гдѣ волны Острогощи
Въ Сосну тихую влились;
Гдѣ дубовъ сѣнистыхъ рощи
Надъ потокомъ разрослись;
Гдѣ съ отвагой молодецкой
Русскій Крымцевъ поражалъ;

Гдѣ напрасно Брюховецкій
Добрыхъ гражданъ возмущалъ;
Гдѣ плѣненный славы звукомъ,
Посѣдѣвшій въ битвахъ дѣдъ
Завѣщалъ кипящимъ внукамъ
Жажду воли и побѣдъ;
Тамъ, гдѣ съ щедростью обычной,
За ничтожный, легкій трудъ
Плодъ оратаю сторичный
Нивы тучныя даютъ;
Гдѣ въ лугахъ необозримыхъ,
При журчаніи волны,
Кобылицъ неукротимыхъ
Гордо бродятъ табуны;
Гдѣ въ странѣ благословенной
Потонулъ въ глуши садовъ
Городокъ уединенный
Острогожскихъ казаковъ.

Въ трехъ звучныхъ строфахъ какъ вѣрно здѣсь обрисованы и исторія, и природа Украйны! Рылѣевъ безспорно обѣщалъ въ будущемъ многое, и при появленіи „Палѣя" Пушкинъ недаромъ писалъ: „Если Палѣй пойдетъ такъ дальше, Рылѣевъ будетъ министромъ на нашемъ Парнассѣ". Въ объективномъ творчествѣ Рылѣевъ подавалъ только надежды на будущее; зато, какъ лирикъ, онъ заявилъ себя и въ настоящемъ. Онъ взялъ отъ Нѣмцевича для своихъ Думъ не обыкновенную форму пѣсенъ польскаго поэта, а ту, которою тотъ воспользовался только въ двухъ-трехъ своихъ раннихъ стихотвореніяхъ (о Стефанѣ Потоцкомъ, Жолкѣвскомъ и др.),—форму, гдѣ въ рамку разсказа вставлено лирическое воспоминаніе. И тутъ Рылѣевъ могъ проявить себя достойнымъ образомъ. „Не краснорѣчивый, онъ (по словамъ Н. Бестужева) и въ жизни овладѣвалъ другими не тонкостями риторики, не силою силлогизмовъ, но жаромъ разговора, который изображалъ всю силу мысли, всегда прекрасной, всегда привлекательной. Тогда и некрасивое лицо его преображалось. Оно походило на гипсовую вазу, снаружи которой нѣтъ никакихъ украшеній, но какъ скоро въ ней загорится огонь, то изображенія, изваянныя внутри хитрою рукою художника, обнаруживаются сами собой" [1]). Этотъ внутренній огонь, эта сила чувства, этотъ жаръ душевный то и дѣло проявляютъ себя и въ Думахъ. Тогда вялый и слабый стихъ ихъ внезапно становится звучнымъ и крѣп-

[1]) „Девятнадцатый Вѣкъ", кн. 1, стр. 347.

кимъ, дышитъ непоколебимою силой нравственнаго убѣжденія, всѣмъ пыломъ и энергіей молодости. И въ этомъ заключается главная разница между Нѣмцевичемъ и Рылѣевымъ. Взявъ у Нѣмцевича общую мысль Думъ, Рылѣевъ вложилъ въ нихъ свое собственное содержаніе; взявъ форму, онъ оживилъ ее силою собственнаго чувства. Подражатель по виду, онъ на самомъ дѣлѣ является въ Думахъ поэтомъ самостоятельнымъ.

Сводя все сказанное къ одному, можемъ сказать, что Нѣмцевичъ—старецъ съ обезкрыленной фантазіей, воспѣвающій подвиги минувшаго и самъ всецѣло обращенный мыслью въ прошлое, тамъ ищущій своего нравственнаго идеала. Рылѣевъ—пылкій и восторженный юноша съ рѣчью не довольно обработанной, недостаточно искусной, но живою и горячей. Онъ весь смотритъ въ будущее, поётъ, глубоко вѣря въ свои общенравственные идеалы, и горячее слово его невольно западаетъ въ молодыя сердца.

Этой разницей между обоими поэтами опредѣляется и разница въ судьбѣ ихъ произведеній. Воспѣвающія рыцарскіе идеалы прошедшаго Пѣсни Нѣмцевича были встрѣчены всеобщимъ одобреніемъ. Тогда еще не кончился для польскаго народа его „рыцарскій періодъ", и послѣдніе польскіе рыцари, скитаясь вслѣдъ за знаменами Наполеона, гибли подъ стѣнами Сарагоссы. Но вотъ прошло 100 лѣтъ, прошла пора мечтаній, наступило время тихаго, скромнаго труда; рыцарскіе идеалы, ставшіе анахронизмомъ для всей Европы, стали имъ и для поляковъ, и въ Пѣсняхъ Нѣмцевича современный полякъ едва ли можетъ найти для себя жизненное руководство. Слабыя художественно, онѣ осуждены и критикой литературной. Думы Рылѣева не вѣнчалъ громкій успѣхъ при ихъ появленіи. Печальныя обстоятельства послѣдующей жизни поэта надолго положили на нихъ veto. Но вотъ, спустя полвѣка, онѣ вновь извлекаются на свѣтъ со страницъ забытыхъ старинныхъ журналовъ и подъ скромнымъ обозначеніемъ тремя звѣздочками находятъ себѣ мѣсто въ народныхъ хрестоматіяхъ. Слабыя, какъ художественныя произведенія, онѣ надолго еще останутся прекрасной дѣтской книжкой, воспитывая въ дѣтяхъ чувства, съ такой энергіей выраженныя въ вышеприведенныхъ отрывкахъ изъ Думъ „Сусанинъ", „Державинъ" и „Волынскій".

Нѣмцевичъ не былъ единственнымъ польскимъ поэтомъ, вдохновившимъ музу Рылѣева. Къ 1822 году относится ненапечатанный при его жизни переводъ изъ стихотворенія Мицкевича „Lilie": „Жена грѣхъ сотворила". Но это подражаніе слѣдуетъ считать неудачнымъ; слишкомъ велика была разница между даро-

ваніями обоихъ поэтовъ. Это, кажется, единственная точка соприкосновенія Рылѣева съ Мицкевичемъ. Въ то время его уже увлекалъ своимъ властнымъ и чарующимъ стихомъ иной „чародѣй“. „Знаю, что я его учитель въ языкѣ стихотворномъ“ писалъ Пушкинъ о Рылѣевѣ.

Какъ бы то ни было, случай, давшій Рылѣеву ознакомиться съ Пѣснями Нѣмцевича, слѣдуетъ считать благопріятнымъ для нашей словесности. Да и не для одной только словесности.

Литература есть высшій цвѣтъ народной жизни, гдѣ наиболѣе проявляются духовныя силы и идеалы народа. И въ этомъ случаѣ она является безспорно лучшимъ пособникомъ къ взаимному сближенію. Много вражды, много печальнаго въ жизни братскихъ славянскихъ народовъ записала на свои страницы исторія. Но припомнимъ благородные стихи Хомякова о согласіи и покоѣ. Кто вѣритъ въ Бога, тотъ не можетъ не вѣрить въ силу Божію, въ силу добра, не можетъ не вѣрить, что „будетъ просторъ всѣмъ свободнымъ волнамъ“. Какъ ни ярится вражда, а рано или поздно миръ восторжествуетъ, и свѣтлая радуга братской любви, по прекрасному выраженію Жуковскаго, соединитъ враждующіе народы.

Наше время можетъ быть счастливо, что въ помощь литературѣ оно выдвинуло здѣсь впередъ цѣлый рядъ новыхъ двигателей, а среди нихъ и такой могучій, какъ экономическіе интересы. Земли наши давно уже прорѣзали, уничтожая разстояніе, желѣзнодорожные рельсы; на высокихъ столбахъ протянулись телеграфныя и телефонныя проволоки; ежедневно въ самые отдаленные углы разлетаются сотни тысячъ газетныхъ листовъ. Далекое стало близкимъ, замкнутое и недоступное для постороннихъ открылось настежь, и тысячи новыхъ нитей связали и чѣмъ дальше, тѣмъ больше мимовольно вяжутъ людей, которые еще вчера враждебно сторонились другъ отъ друга. Распалась и замкнутость сословная. Послѣ 1863 года, не находя себѣ въ краѣ казенной службы, польскій шляхтичъ, окончивъ курсъ въ университетѣ, по неволѣ сталъ за торговый прилавокъ, и на нашихъ глазахъ вмѣсто шляхетской создалась новая, торговая и промышленная Польша. Не безъ косвеннаго вліянія Россіи заполнилась и пропасть, дѣлившая еще недавно польскаго помѣщика отъ крестьянина. Отмѣченное выше на примѣрѣ Рылѣева и Нѣмцевича различіе польскихъ и русскихъ идеаловъ почти уже сгладилось. Польское общество уже демократизировалось, и, какъ выраженіе этого, въ литературѣ появились „Placówka“ Пруса, „Хлопы“

Реймонта, „Пѣснь о бандосѣ“ Жеромскаго, „Панъ Бальцеръ“ Конопницкой.

Чего не хотятъ люди, то дѣлается мимо ихъ воли въ силу чисто внѣшней необходимости. Но пора уже наконецъ вмѣшаться въ этотъ процессъ мимовольнаго сближенія братскому чувству и сознанію человѣческаго долга. Этого требуетъ и достоинство и интересъ нашихъ народовъ. Если насъ не любятъ, это еще полъбѣды; но если мы сами даемъ въ себѣ волю чувству вражды, тогда мы сами роемъ подъ собой яму, особенно если за нами власть и руководительство. И здѣсь не можетъ быть никакихъ отговорокъ, никакихъ ссылокъ на образъ дѣйствій другой стороны. Людямъ доброй воли, русскимъ и полякамъ, которые въ той или иной мѣрѣ могутъ содѣйствовать уничтоженію польско-русской распри, да будутъ памятны слова Вл. С. Соловьева: „Заставить другихъ выполнить ихъ долгъ мы не въ силахъ, но исполнить свой долгъ всегда въ нашей власти“.

КАШУБЫ и ЛУЖИЧАНЕ.

1. Кашубы и ихъ литература. Въ текстѣ:

Янъ Колларъ: Поморскіе послы передъ аварскимъ ханомъ. (Съ чешскаго).

Іеронимъ Дердовскій: 1. Кашубская колыбельная пѣсня. 2. Кашубскій гимнъ. 3. Предисловіе къ поэмѣ: «Kaszuba pod Widnem».

Александръ Майковскій: 1. Прологъ къ поэмѣ: «Jak v Koscérznie koscelnygo obrele». 2. Предисловіе къ «Пѣснямъ и Франтувкамъ». 3. Кашубско-поморскій языкъ. 4. Надпись къ колоннѣ Бисмарка.

Вось Будзышъ: 1. Цейнова. 2. Помощь изъ Варшавы.

2. Самый маленькій славянскій народъ и его поэзія. Въ текстѣ:

Яковъ Бартъ-Тишинскій: 14 верхнелужицкихъ стихотвореній.

Мато Косыкъ: Тоска. (Съ нижнелужицкаго).

Кашубы и ихъ литература.

I.

На сѣверной границѣ великаго княжества Познанскаго самый значительный городъ—Быдгощъ (Bromberg). Онъ лежитъ на вытекающей изъ кашубскихъ озеръ рѣкѣ Брдѣ, почти у самаго впаденія ея въ Вислу, гдѣ при помощи цѣлой системы шлюзовъ Брда становится судоходной, чтобы передать Вислѣ запасы разнаго рода хлѣбовъ и муки, которые та несетъ въ скудную и убогую землю кашубовъ, а еще больше въ свѣтъ далекій, за предѣлы славянскаго міра.

Вся эта неширокая полоса земли по обѣимъ сторонамъ Вислы отъ Быдгоща и Торуня вплоть до самаго Гданска называется Западной Пруссіей. По ней во времена Рѣчи Посполитой пролегала главная торговая артерія Польши, и она сыграла роковую роль въ судьбахъ польскаго народа: раздѣливъ съ памятнаго 1657 года, когда Польша отдала нѣмцамъ Восточную Пруссію, Королевецъ отъ Берлина, она внесла черезполосицу въ нѣмецкія владѣнія и такимъ образомъ за полтора вѣка до раздѣла Польши уже предрѣшила ея судьбу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и участь живущаго отъ нея на западѣ кашубскаго племени.

Полоса эта, довольно узкая въ ширину, невелика и въ длину. Скорый поѣздъ изъ Быдгоща выходитъ въ десятомъ часу утра; въ полдень, перебѣжавъ чуть не всю Западную Пруссію, онъ уже съ грохотомъ проносится по мосту черезъ Вислу около города Тчева, который нѣмцы называютъ Диршау, а черезъ полчаса уже вбѣгаетъ въ старый Гданскъ, что когда-то, какъ вѣрный ключникъ, сторожилъ у устьевъ Вислы польское богатство, а теперь является главнымъ оплотомъ нѣмецкаго Ostmarkverein'а.

Впрочемъ Гданскъ еще и въ польскія времена былъ горо-

домъ скорѣе нѣмецкимъ, чѣмъ польскимъ. Co polak to rycerz— что ни полякъ, то рыцарь, — говоритъ старая польская пословица. Народъ-шляхта считалъ для себя низкимъ заниматься торговлей,—и всѣ эти громадные амбары, что̀ тѣсной толпою стоятъ надъ самой Мотлавой, съ черными переплетами по бѣлой штукатуркѣ и темному кирпичу, и знаменитая грузоподъемная башня, что̀ и теперь еще далеко высунула надъ рѣкою свой жадный товаровъ крюкъ, и поросшія мхомъ стародавности, посреди самаго города въ тѣнь деревьевъ укрывшіяся гигантскія мельницы на островахъ, къ которымъ черезъ темнозеленую отъ старости воду перекинуты полусгнившіе деревянные мостики — все это выстроено аккуратными руками нѣмцевъ. Но недаромъ цѣлыя 339 лѣтъ польскій государственный орелъ рѣялъ надъ городомъ и недаромъ на главной гданской улицѣ, блестя позолотой, и теперь еще далеко виднѣется надъ ратушей статуя польскаго короля Сигизмунда. Въ темно-кирпичныхъ стѣнахъ старыхъ костеловъ, въ характерѣ построекъ, въ грязи улицъ, въ вывѣскахъ, на которыхъ то и дѣло пестрѣютъ фамиліи нѣмцевъ въ родѣ Ludwig Stanislavsky, Otto Below, Burow, Klosovsky, Gonschiorovsky и т. п.—во всемъ этомъ сохранился неизгладимый слѣдъ славянскаго происхожденія города, и пусть изъ устъ людскихъ не слышится уже на его улицахъ польская, или, вѣрнѣе, славянская рѣчь—по-польски говорятъ въ этой Венеціи сѣвера самые камни. Такъ въ главной гданской церкви, великолѣпной Mariakirche, первый камень которой былъ положенъ еще поморскими князьями, тамъ, гдѣ когда-то, съ обнаженными головами, въ благоговѣйномъ молчаніи склонялись передъ Богородицей католики Гданска, теперь, на самомъ видномъ мѣстѣ съ шапкой на головѣ стоитъ и властно и увѣренно громадная бѣлая статуя Лютера. Статуя Богородицы вынесена въ боковую коморку у входа и хранится тамъ подъ ключомъ; праздными, безъ употребленія лежатъ въ одной изъ каплицъ католическіе мшалы и утварь. Но каждый камень въ этомъ лютеранскомъ теперь храмѣ говоритъ объ его создателяхъ и о Той, въ честь которой онъ былъ сооруженъ. А выйдите на улицу,—и откуда-то, съ высоты, о быломъ Гданска пропоютъ вамъ пѣсню старые куранты;

„Дзен-дзынъ! мы битвы помнимъ звуки...
Дзын-дзенъ!.. рядъ страшныхъ сценъ и лязгъ оковъ...
Дзен-дзынъ!.. рѣзню дѣтей и братьевъ муки...
Дзен-дзонъ!.. мать вновь зоветъ своихъ сыновъ!

Дзен-дзынъ, дзон-дзенъ, дзен-дзонъ!..“
И старецъ вновь впадаетъ въ сонъ [1]).

Да! Много бурь пронеслось надъ старымъ Гданскомъ, и темной плѣсенью осѣли онѣ на его влажныхъ отъ вѣчныхъ тумановъ стѣнахъ. Много англійскихъ, нѣмецкихъ и голландскихъ кораблей за это время заходило въ его пристань, много золота пересыпали въ свои рѣзные сундуки богатые гданцане, и много ужасовъ видѣли и слышали стѣны города. Два раза были въ его стѣнахъ русскія войска, грабилъ и разорялъ его Наполеонъ и герцогъ Данцигскій Лефевръ, а еще раньше не разъ бились изъ-за него поляки съ нѣмцами. Но въ сущности, по происхожденію, не былъ онъ ни нѣмецкимъ ни польскимъ, а кашубскимъ, ибо поморянами-кашубами былъ заложенъ этотъ городъ и долгое время былъ столицею поморскихъ кашубскихъ князей. Еще и до сихъ поръ на концѣ города сохранились кашубскія улицы, такъ называемые „кашубскіе окопы“ (Kaschubische Graben), а рано утромъ на базарѣ и теперь еще можно встрѣтить въ простомъ черномъ платьѣ продавщицу-кашубку и кашуба съ сосредоточенно-угрюмымъ выраженіемъ лица. Это — самые старые, коренные обитатели Гданска. Въ Гданскѣ ихъ теперь уже очень мало, но въ окрестныхъ лѣсахъ и болотахъ, какъ много вѣковъ тому назадъ, еще ютятся остатки этого нѣкогда сильнаго, по крайней мѣрѣ численно, славянскаго племени.

II.

Вопросъ о томъ, какое мѣсто занимаютъ кашубы въ общей семьѣ славянскихъ народовъ, до сихъ поръ еще не считается поконченнымъ. Большинство польскихъ ученыхъ — Карловичъ, Крынскій, Калина, — а вмѣстѣ съ ними между прочимъ и Миклошичъ и даже нѣкоторые кашубы по происхожденію, какъ напр. авторъ кашубскаго словаря кс. Густавъ Поблоцкій, считаютъ кашубскій языкъ такимъ же нарѣчіемъ польскаго, какимъ, напримѣръ, безспорно является нарѣчіе мазурское. Для нихъ кашубъ это тотъ же полякъ. Но уже давно Гильфердингомъ высказано было другое мнѣніе: кашубы — родные братья поляковъ, но не поляки; они—послѣдній остатокъ поморскихъ славянъ, и между ними и поляками приблизительно то же отношеніе, что между

[1]) Стихи Виктора Гомулицкаго изъ его поэмы „Pieśń o Gdańsku“.

чехами и словаками. Отдѣльный отъ поляковъ народъ видѣлъ въ кашубахъ и знаменитый родоначальникъ кашубскаго возрожденія, самъ кашубъ, Флоріанъ Цейнова. Спустя много лѣтъ, это мнѣніе повторилъ львовскій ученый Стефанъ Рамултъ, замѣчательныя наблюденія котораго были тѣмъ болѣе важны, что онъ ихъ черпалъ непосредственно изъ живого источника устной народной рѣчи: исходивъ пѣшкомъ чуть не всю кашубскую землю, онъ изъ самыхъ устъ народа записалъ до 14.000 кашубскихъ словъ. Собранный имъ матеріалъ былъ подвергнутъ ученому анализу Бодуэномъ де Куртенэ, но и здѣсь въ результатѣ оказалась необходимость признать, что „вся кашубская языковая область во всемъ свойственномъ ей діалектическомъ разнообразіи должна быть разсматриваема, какъ одно цѣлое, и противопоставлена всей польской языковой области". Въ самое послѣднее время самостоятельность кашубскаго языка, а слѣдовательно и народа, была подтверждена наконецъ изслѣдованіями нѣмецкаго ученаго Лоренца.

Въ ближайшемъ родствѣ съ кашубами находились, повидимому, еще въ XVIII вѣкѣ окончательно вымершіе полабскіе славяне. Сохранившіеся, весьма впрочемъ немногочисленные, остатки ихъ языка позволяютъ думать, что когда-то отъ Лабы до Вислы звучала приблизительно одна и та же славянская рѣчь, а если она особенно близка къ польскому языку, то это потому, во-первыхъ, что сохранилась она только на этнографической границѣ славянскаго Поморья съ Польшей, т.-е. въ области переходныхъ говоровъ, а во-вторыхъ потому, можетъ быть, что и поморскій (кашубскій) и польскій языкъ, какъ замѣтилъ Гильфердингъ, принадлежатъ къ одной группѣ западно-славянскихъ языковъ, которую Гильфердингъ назвалъ ляшскою. Если это такъ, то наукѣ пришлось бы только удостовѣрить тотъ фактъ, о которомъ уже давно сообщилъ намъ нашъ первый лѣтописецъ Несторъ: „Словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашеся Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашеся Поляне, Ляхове друзіи Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне". Иначе говоря, поляки и славяне поморскіе были двумя равносильными вѣтвями одного и того же народа—ляшскаго.

Историческая судьба была особенно неблагопріятна къ поморской отрасли ляховъ. Прижатые къ волнамъ Балтійскаго моря, они съ другой стороны должны были выдерживать натискъ германцевъ, подъ которымъ и изнемогли, сохранившись только на самомъ крайнемъ востокѣ поморства, тамъ, гдѣ оно опиралось

о братскій польскій народъ. На долю ихъ осталось теперь всего какихъ-нибудь двѣсти кв. миль, да и тѣ по большей части разорваны и раздѣлены вкрапленными въ нихъ нѣмецкими, а частью и польскими, поселеніями.

Весь этотъ кашубскій край лежитъ на западъ отъ линіи желѣзной дороги, соединяющей Быдгощъ съ Гданскомъ. Семь городовъ—Гданскъ, Картузы, Вейрово, Леморкъ, Бытово, Косцержина и Пуцкъ—спорятъ, говорятъ, о томъ, кому изъ нихъ быть столицей Кашубіи:

Siedm miast [1]) od dawna kłócą sie [2]) z sobą,
Które to jest z nich wszech Kaszub głową:
Gdańsk miasto liczne [3]),
Kartuzy śliczne [4]),
Święte [5]) Wejrowo,
Lębork, Bytowo,
Cna [6]) Kościerzyna
I Puck perzyna *).

Но, если перейти отъ поэзіи къ прозѣ, то окажется, что лишь въ одной Косцержинѣ (Berent) большинство населенія говоритъ по-кашубски или по-польски, хотя и здѣсь, войдя въ лавку, вы то и дѣло рискуете на вашъ польскій вопросъ услышать презрительно-негодующее нѣмецкое „wie?“ Кашубы сохранились и живутъ въ деревняхъ, да и то по большей части въ тѣхъ, что лежатъ вдали отъ шоссейныхъ дорогъ, помежду топей и болотъ, въ глухой чащѣ лѣсовъ.

Если ѣхать отъ Быдгоща, то первыя поселенія кашубовъ вы встрѣтите въ Квидзынскомъ (Marienwerder) округѣ въ уѣздѣ Хойницкомъ (Konitz) и сѣверо-восточномъ углу уѣзда Члуховскаго (Schlochau). Но здѣсь, какъ и въ сосѣднемъ уѣздѣ Гданскаго округа Косцерскомъ, соприкасаясь непосредственно съ поляками, кашубы утратили уже многое изъ своеобразія родной рѣчи и часто только по ударенію можно здѣсь отличить, кто полякъ, а кто кашубъ. Далѣе на сѣверъ—въ уѣздахъ Картузскомъ (Karthaus), Верхнемъ Гданскомъ, Гданскомъ городскомъ, Вейеровскомъ (Neustadt) и Пуцкомъ (Putzig)—языкъ кашубовъ становится уже чище. Наиболѣе своеобразія достигаетъ онъ однако за предѣлами Западной Пруссіи, въ сосѣдней Помераніи, въ уѣздахъ Бытовскомъ

*) Стихи одной изъ представительницъ младокашубскаго движенія, Маріи Вольской: 1) городовъ, 2) спорятъ, 3) людный, 4) красивые, 5) святое, 6) достойная.

(Bütow) и на крайнемъ сѣверѣ, гдѣ около озеръ Лэбскаго и Гардненскаго въ Лемборскомъ (Lauenborg) и Слупскомъ (Stolpe) уѣздахъ Кошалинскаго (Köslin) округа ютятся жалкія поселенія поморовъ, которые уже называютъ себя не кашубами, а кабатками и словинцами. Еще въ 1856 году Гильфердингъ чуть не во всѣхъ деревняхъ слышалъ здѣсь славянскую рѣчь, но онъ же предсказалъ и ея скорое исчезновеніе. Дѣйствительно, теперь въ Слупскомъ уѣздѣ по исчисленію Лоренца живетъ всего только 400 кашубовъ. Но все еще не сдалась и звучитъ у своей родимой Балтики славянская рѣчь. По статистикѣ Рамулта, разрозненными поселеніями кашубы живутъ еще въ Штеттинскомъ и Штральзундскомъ округахъ Помераніи; есть ихъ сравнительно немало и въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, куда стали они было выселяться за послѣднюю четверть прошлаго вѣка [1]).

Сколько же ихъ всего на свѣтѣ? Этотъ вопросъ затруднителенъ не менѣе вопроса о поморскомъ языкѣ. Дѣло въ томъ, что оффиціальной прусской статистикѣ нельзя довѣрять: многіе кашубы изъ соображеній политическихъ выдаютъ себя за нѣмцевъ или поляковъ и даже приблизительно трудно опредѣлить ихъ численность. Съ другой стороны перепись по частному почину представляетъ вообще неодолимыя трудности. Въ девяностыхъ годахъ Рамултъ на свою руку сосчиталъ кашубское населеніе, но какъ бы добросовѣстенъ ни былъ счетчикъ, едва ли счетъ его вѣренъ. Только ошибка идетъ здѣсь ad majorem Caschubiae gloriam, въ сторону противоположную свѣдѣніямъ оффиціальнымъ. По счету Рамулта (Statystyka ludności kaszubskiej, Kr., 1899) кашубовъ было въ 90-хъ годахъ въ Европѣ 200.217 (въ томъ числѣ въ Германіи 199.217), а въ Америкѣ 130.700 челов.; слѣдовательно всего было ихъ 330.917. Флоринскій („Славянское племя“), принимая приростъ населенія за годъ въ 1,5%, насчиталъ ихъ для 1906 года всего 365.672 человѣка, причемъ на долю Германіи приходится 219.322 человѣка, а между тѣмъ оффиціальная статистика 1905 года для Западной Пруссіи даетъ цифру въ 70.786 человѣкъ. Предполагая даже, что въ остальной Германіи кашубовъ насчитано нѣмцами 30.000, что̀ невозможно, мы получили бы всего только 100.786 человѣкъ. Разница слиш-

[1]) Этнографическая карта кашубовъ приложена къ сочиненію Рамулта: „Statystyka ludności kaszubskiej. Kraków. 1899“. См. еще карты Нидерле и Флоринскаго. У Риттиха границы кашубскаго населенія означены неправильно.

комъ большая! Вѣрнѣе всего будетъ взять серединную цифру и опредѣлить общее число кашубовъ и въ Европѣ и въ Америкѣ круглымъ счетомъ въ 200.000 человѣкъ. Эта цифра подходила бы всего ближе и къ свѣдѣніямъ самихъ кашубскихъ писателей, по исчисленіямъ которыхъ кашубовъ въ Помераніи и Западной Пруссіи было въ 1905 году 135.199 человѣкъ.

Двѣсти тысячъ! Вотъ все, что осталось отъ народа, который когда-то, могущественный и сильный, господствовалъ по всему Балтійскому Поморью отъ Вислы до Одры, а съ Лютичами, Бодричами и Полабянами заходилъ и за Лабу. Что же было причиной такой почти безпримѣрной въ исторіи катастрофы? Когда-то вопросъ этотъ рѣшался очень просто, и въ самой своеобразной постановкѣ его заключался на него и отвѣтъ. Колларъ, изъ поэта превратившійся подъ конецъ жизни въ профессора, говоря объ уничтоженіи балтійскихъ славянъ и спросивъ:

A kdo se loupeže té, volající vzhůru dopustil?

не колеблясь отвѣчалъ:

Zardi se, závistná Tevtonie, sousedko Slávy,
tvé vin těchto počet zpáchaly někdy ruce.

„Краснѣй, завистливая Тевтонія, сосѣдка Славы! Это твои руки совершили вопіющій къ небу грабежъ“. Для него всѣ славянскіе народы были только образцомъ всякихъ доблестей: milé národy, Srbu větve tiché. Но народы, какъ и отдѣльные люди, не гибнутъ, если сами не приложатъ къ этой гибели своей руки. „Сосѣдей злыхъ набѣгъ хищливый“ былъ бы безсиленъ погубить балтійское славянство, если бы ему не помогъ ихъ собственный душевный міръ, ихъ собственная, вѣками исторіи выработанная психологія.

III.

Если пѣвцу изъ славянской страны ты скажешь, что умъ есть мѣрило,
Онъ улыбнется и молвитъ, что сладко вино и пѣсни во славу Ярила.

Такъ характеризуетъ славянъ современный поэтъ, но не такими ли являются они и въ самыхъ древнѣйшихъ о нихъ свидѣтельствахъ, между прочимъ у греческаго писателя Ѳеофилакта, разсказъ котораго о послахъ поморскихъ славянъ къ аварамъ въ 6-мъ вѣкѣ переложилъ въ стихи Колларъ:

Предъ аварскимъ ханомъ разъ предстали
Три посла изъ дальнихъ Балта странъ.
За плечомъ высокимъ не колчанъ—
Чутко гусли звонкія дрожали.
„Кто вы? гдѣ вы лукъ и мечъ дѣвали?“
Ихъ спросилъ надменно грозный ханъ.
„Мы съ Поморья, мы—сыны славянъ“,
Не смутясь послы ему сказали.
„Безъ мечей и войска мы живемъ.
Вольной пѣснью сильны, не мечомъ,
Мы лишь ей служить тебѣ готовы!“
И раздался гуслей сладкій звонъ.
Но тирану чуждъ и страненъ онъ,
И пѣвцамъ наградою—оковы.

Вотъ въ миніатюрѣ исторія поморскихъ славянъ. Круглолицыя и голубоглазыя дѣти радости и веселья, они погибли— не потому, конечно, что дали перевѣсъ чувству надъ умомъ, но потому, что благодаря врожденному имъ, какъ славянамъ, упорству, не захотѣли прислушаться къ требованіямъ жизни и склонить передъ ними свою волю. Все вокругъ нихъ мѣнялось; они одни не захотѣли поступиться въ укладѣ своей жизни ничѣмъ и, упорно стоя за невозможное, за отживающую старину, получили въ удѣлъ сперва оковы, а потомъ медленную и безславную смерть. На нихъ исполнился вѣковѣчный и таинственный законъ жизни: человѣческое и народное *я* находитъ для себя силу и охрану лишь въ связи съ жизнью общаго.

Но нельзя не жалѣть объ ихъ судьбѣ. Много превосходныхъ чертъ ихъ свѣтлаго добродушія сохранили для насъ даже нѣмецкіе лѣтописцы, Адамъ Бременскій, Саксонъ Грамматикъ, Эббо, Гельмольдъ и другіе. Присмотритесь къ первой ихъ встрѣчѣ съ нѣмцами, о которой запомнила исторія. Ѣхалъ св. Стурми, апостолъ Тюрингіи, въ Майнцъ и при переѣздѣ черезъ Фульду встрѣтился съ великимъ множествомъ славянскихъ переселенцевъ съ Балтійскаго Поморья: они купались и плавали въ рѣкѣ. „Передъ этимъ множествомъ голыхъ людей—говоритъ житіе святого — оселъ, на которомъ сидѣлъ мужъ Божій, задрожалъ отъ испуга, и смрадъ ихъ возбудилъ отвращеніе въ самомъ проповѣдникѣ. Они же, какъ язычники, стали насмѣхаться надъ рабомъ Господнимъ и вздумали было бить его; но сила Божія удержала ихъ. Одинъ же изъ нихъ, который былъ у нихъ толмачомъ, спросилъ святого, куда онъ ѣдетъ, и онъ отвѣчалъ ему, что отправляется далѣе, въ пустыню. Такъ онъ проѣхалъ мимо“, не перенеся славянскаго „духа“, а славяне мирно его пропустили.

Что бы сдѣлалъ народъ въ Варшавѣ или въ Москвѣ, если бы какой-нибудь нищій и оборванный чужеземецъ, войдя въ церковь, вздумалъ поносить наши святыни? Я не поручусь, что его не разорвали бы на куски. А когда къ предкамъ теперешнихъ кашубовъ пришелъ въ Волынъ проповѣдникъ христіанства нищій испанецъ Бернардъ и въ пылу восторженной ревности съ топоромъ въ рукѣ вздумалъ было рубить священный столбъ волынцевъ, съ которымъ сопряжено было, по ихъ вѣрованію, благосостояніе города и побѣда надъ врагами, его, хотя и поколотили, но потомъ, принявъ за сумасшедшаго, посадили на корабль и по Одрѣ отправили по добру по здорову обратно въ Польшу, посмѣиваясь: „Если ужъ напала на тебя такая охота проповѣдывать, то ступай, проповѣдывай рыбамъ и птицамъ, а насъ оставь въ покоѣ“.

Вы помните у Толстого яснополянскихъ мужиковъ, которые на предложеніе Дерулэда нажать на нѣмцевъ, отвѣчали: „Зачѣмъ? У Бога простора много. Всѣмъ найдется“. Не напоминаютъ ли ихъ живо славяне Раны, жители Арконы, которые въ ноябрѣ, когда на Балтикѣ подымаются сильные вѣтры и начинается ходъ сельди, свободно позволяли каждому ловить у себя рыбу, источникъ столькаго богатства? „Удивительное дѣло—пишетъ нѣмецкій лѣтописецъ — у поморянъ не снимается никогда со стола кушанье; у каждаго хозяина есть отдѣльная изба, чистая и нарядная, которая служитъ только для угощенія; въ ней стоитъ столъ со всякой ѣдой и питьемъ, всегда накрытый; кушанье всегда ждетъ гостей. Что ни пріобрѣтетъ славянинъ своимъ трудомъ, хлѣбъ-ли, рыбу-ли, дичь-ли, онъ все израсходуетъ на угощеніе и считаетъ лучшимъ человѣкомъ того, кто щедрѣе“. Нищихъ Поморье не знало, потому что бѣднѣйшій находилъ себѣ немедленно помощь, да къ тому же „народъ крѣпкій и сносливый на трудъ, эти славяне—пишетъ Адамъ Бременскій—привыкли къ самому скудному образу жизни, и что нѣмцу приходится въ тягость, то славянамъ еще кажется роскошью“. Не знало Поморье и воровства, и когда увидѣли предки нашихъ кашубовъ на сундукахъ Оттона, епископа Бамбергскаго, замки, они съ любопытствомъ спрашивали, зачѣмъ это ему понадобились диковинныя штучки.

Съ ясными глазами, привѣтливые, простодушные и веселые, были поморскіе славяне и отмѣнно даровиты, богаты смѣтливостью и умомъ. Нѣмецкій Pflug на вѣки вѣчные останется памятью того, что славяне научили нѣмцевъ пахать землю плугомъ. Съ незапамятныхъ поръ все славянское побережье Балтики

усѣяли важные торговые города: у устьевъ Одры Щетинъ, Волынъ, Дыминъ, невдалекѣ отъ нихъ Камень, на устьѣ Персанты уже тогда славившійся своею солью Колобрегъ, и даже на далекой Вислѣ, у самыхъ границъ поморской земли, всегда открытыхъ для непрекращающихся нападеній пруссовъ и поляковъ уже въ X вѣкѣ высился старый кашубскій Гданскъ. Мы не говоримъ уже о лежавшихъ внутри страны Пырицѣ, двухъ Старгардахъ, Бѣлгардѣ, Славнѣ, Столпѣ, Наклѣ и другихъ. И все это только на востокѣ Поморья! Славянъ заслуженно называли градостроителями. Особенно далеко слылъ богатствомъ и торговымъ значеніемъ „великолѣпный городъ“ Волынъ, куда съѣзжались со всѣхъ сторонъ „и варвары и греки“, а среди нихъ и наши русскіе купцы, которые „сѣвъ въ Остроградѣ на Руси на парусныя суда“, на 14-й день уже выходили на берегъ въ Волынѣ, а „въ Волынѣ, чего ни спросишь дорогого и рѣдкаго, все есть“. Читаешь и начинаешь вѣрить сентиментально-романтической идилліи Коллара: milé národy. Но стоитъ только выйти за предѣлы очерченнаго вокругъ каждаго изъ многочисленныхъ славянскихъ народцевъ круга и заглянуть дальше, — и куда дѣвалась тишь и благодать свѣтлаго патріархальнаго добродушія и мирной семейственности нравовъ! Такъ на картинѣ Выспянскаго Luczniсу сколько мягкости въ чертахъ лица этихъ юношей съ лукомъ, нашихъ далекихъ предковъ, но эти юноши посылаютъ во врага напоенныя ядомъ стрѣлы.

Датчане, да и нѣмцы, хотя бы съ нижней Лабы, изъ дальней Нордальбингіи, могли бы намъ многое разсказать о кротости этихъ „милыхъ“ народовъ. „Опытные въ войнѣ на сушѣ и на морѣ, народъ всегда буйный и безпокойный, ищущій добычи въ морскомъ разбоѣ, славяне каждую минуту готовы были бросить свои поля и убогія хаты изъ хвороста и на легкихъ парусныхъ лодкахъ пуститься въ Данію. Скрываясь въ многочисленныхъ изгибахъ датскихъ береговъ, они внезапнымъ вихремъ налетали на датскія поселенія, грабили и жгли, что попало. Въ XII вѣкѣ, когда и вагры и бодричи, потерявъ свою независимость, должны были поневолѣ сидѣть смирно, стоило Генриху Льву кликнуть среди нихъ военный кличъ противъ датчанъ, какъ со всѣхъ сторонъ раздались крики: „мы здѣсь, готовы“. Словно сорвавшаяся съ цѣпи стая голодныхъ борзыхъ, словно прорвавшая плотину вода, ринулись славяне на датчанъ и снесли все кругомъ. Кашубы изъ Щетина и Гданска не отставали отъ своихъ западныхъ сородичей. Съ устьевъ Одры и Вислы постоянно вы-

сылались смѣльчаки грабить датскіе берега. И прозвища для народовъ характерны. Поморскіе славяне—все это бодричи—бодрые, лютичи—лютые, вагры—отважные, ратаре—люди ратные, рароги—соколы, варны—черные вороны. Дѣти отваги, вагры—первые удальцы. „Лютичи свирѣпѣе всякой свирѣпости". А до какого изступленія дошла ихъ „ненасытная жестокость" въ послѣдніе годы борьбы, когда въ глаза имъ глянула неминуемая смерть, „и разсказать трудно", пишетъ Гельмольдъ. Плѣнныхъ они и раньше, когда нельзя было продать, убивали; теперь однимъ изъ христіанъ „они вытягивали кишки, наматывая ихъ на колъ, другихъ распинали на крестѣ, а кого сажали подъ стражу, ожидая денежнаго выкупа, тѣхъ мучили столькими пытками и сковывали столькими цѣпями, что незнающему и не повѣрить". „Saxonum voce slavi canes vocantur". „Славяне—народъ мерзѣйшій и самый дурной", говорилъ св. Бонифацій. И это были тѣ самые люди, что отпустили отъ себя съ миромъ Бернарда!..

Что можетъ объяснить эту двойственность душевнаго міра? Ожесточеніе, говоритъ Гильфердингъ. Но не съ одними нѣмцами, а и со своими же родичами были жестоки славяне балтійскаго Поморья. Лютичи уводили въ рабство бодричей, поморяне лютичей, разлучали женъ съ мужьями, отрывали дѣтей отъ родителей. Однажды, убѣгая отъ нѣмцевъ и постигшаго ихъ страну голода, бодричи бросились къ поморянамъ: тѣ, не задумываясь, продали ихъ въ рабство полякамъ, лужичанамъ и чехамъ. Не знаемъ, какъ доброта, привѣтливость, радушіе можетъ уживаться съ крайней жестокостью, но такъ бываетъ, и несомнѣнно, что именно въ этомъ „второмъ лицѣ" поморскаго славянства таился одинъ изъ источниковъ его гибели. Умѣя быть въ своемъ кругу свѣтлыми и добрыми, ни разу въ теченіе всей своей жизни не сумѣли поморскіе славяне перенести свои сочувствія по ту сторону сосѣдней межи. Въ вѣчной грызнѣ, въ вѣчныхъ раздорахъ другъ съ другомъ, не сумѣли они, несмотря на общность происхожденія и языка, сплотиться въ одно цѣлое. И погибли...

Погибли своею силой. Пали жертвой славянскаго завзятаго упорства, которое не хочетъ сдѣлать ни одного шагу впередъ отъ затхлыхъ идеаловъ племенного консерватизма. Есть въ этой упрямой гордости своего рода красота, которую такъ живо чувствовалъ воронежскій родичъ поморскихъ славянъ, Кольцовъ:

Подъ грозой роковой
Не дать шагу назадъ,

Идти смерти навстрѣчу
Пѣсни пѣть соловьемъ!

Но чего же стоитъ упорство, если оно не связано съ дѣломъ правды! Вокругъ совершала свои завоеванія жизнь духа. Тѣ самые германцы, которые когда-то въ страхѣ бѣжали предъ славянской силой, создавали у себя новыя, высшія формы общежитія. Солнце вселенской религіи уже бросало свои первые лучи на сѣверную равнину Европы, а ни щетинскій Триглавъ, „властитель неба, земли и ада", ни смотрѣвшій сразу на всѣ 4 стороны арконскій Святовитъ не замѣтили изъ своихъ „кутинъ", что дѣлается у нихъ передъ глазами, да и какъ имъ было замѣтить, когда надъ ними низко повисла крыша ихъ святилища, отдѣленнаго стѣнами отъ всего міра и носившаго характерное названіе контины, отъ слова кутъ (kąt)—уголъ. И чѣмъ упорнѣе жители славянскаго Поморья защищали отъ притока свѣжаго воздуха затхлый уютъ своего родного угла, тѣмъ глубже рыли они сами подъ собою яму. Они думали, что бѣлый конь Святовита съ длинной, не знавшей ножницъ, по вѣтру развѣвающейся гривой и хвостомъ носится ночью по равнинѣ и топчетъ ихъ враговъ: не нѣмцевъ, а ихъ самихъ потоптали эти кони.

Надо сказать впрочемъ, что сами условія жизни толкали ихъ на дорогу обособленности и раздѣльности, на путь гибельнаго для нихъ индивидуализма. Непролазныя топи славянскаго Поморья, безчисленныя озера, сыпучіе пески, перерѣзываемые множествомъ змѣистыхъ рѣчекъ и рѣкъ, лучше всякихъ горъ отдѣляли одно племя отъ другого. А гдѣ не мѣшали рѣки и болота, тамъ подымались живой стѣною дремучія дебри. Казалось,

Неподвижная синѣющая мгла
На вѣки вѣчные тамъ тяжко залегла.

Еще въ XII столѣтіи между Польшей и Поморьемъ тянулась такая бездорожная пуща, что Болеславъ Кривоустый, идя походомъ на поморянъ, долженъ былъ дѣлать на деревьяхъ насѣчки, чтобы не заблудиться въ лѣсу. Въ этихъ лѣсныхъ трущобахъ, посреди топучихъ болотъ, города славянскіе стояли, какъ недоступныя твердыни. Къ Кореницѣ на Ранѣ можно было добраться только по одной узенькой тропинкѣ. Что же удивительнаго, если вся жизнь поморскихъ славянъ пошла въ разбродъ, разбилась на множество маленькихъ дѣленій, жупъ, изъ которыхъ каждая, совмѣщая въ себѣ нѣсколько окрестныхъ деревень.

создала себѣ и особый городъ, обнесенное деревяннымъ заборомъ мѣсто съ храмомъ и княжимъ дворомъ, въ ратное время служившее оплотомъ отъ враговъ, а во время мира стоявшее обыкновенно пустымъ и безлюднымъ, куда только два раза въ недѣлю, какъ въ сборное мѣсто, сходились изъ окрестныхъ селъ люди на вѣче, на судъ, на торгъ, да на богослуженіе.

Ни къ кому больше не подходила пословица „что городъ, то норовъ", какъ къ этимъ городамъ. Щетинъ и Волынъ были торговыми республиками съ патріархально-аристократическимъ устройствомъ, гдѣ князь и „народъ" не играли никакой роли, а всѣмъ правила „знать щетинская". Дыминъ сохранилъ еще первобытное вѣчевое устройство, гдѣ изъ народной сходки не успѣлъ еще выдѣлиться совѣтъ старшинъ. Камень, повидимому, былъ общиной монархическаго характера. И, хотя въ предѣлахъ каждой жупы славяне поморскіе остались вѣрными началамъ своего племени и, не желая насиловать ничьей воли, требовали для рѣшенія всякаго дѣла единогласія,—однако надъ границами своихъ жупъ они даже въ минуты величайшей опасности не сумѣли достичь единодушія.

Единственной спайкой между ними могъ бы быть великій князь да общій культъ арконскаго Святовита, друга людей, подателя всяческаго плодородія и побѣды на войнѣ. Но князь—даже въ XII вѣкѣ, когда на княжескомъ столѣ сидѣлъ энергичный Вратиславъ — игралъ только роль безсильнаго пламеннаго владыки и, разъѣзжая съ дружиною по своимъ городамъ, пользовался всеобщимъ почетомъ, но даже на войнѣ не предводительствовалъ, а на его совѣты „знать и народъ" не обращали никакого вниманія и словно нарочно поступали почти всегда наперекоръ. Что касается общихъ культовъ, то прежде всего, чѣмъ выработаннѣе была миѳологія поморскихъ славянъ, тѣмъ было хуже для нихъ, потому что тѣмъ больше было у нихъ преградъ къ принятію христіанства, а затѣмъ общее уживалось у нихъ и здѣсь, въ области религіозной, съ крайнимъ индивидуализмомъ: „сколько у этихъ славянъ волостей (жупъ)—пишетъ Титмаръ—столько существуетъ у нихъ храмовъ и особыхъ истукановъ"... Арконскіе жрецы охотно получали со всѣхъ сторонъ Поморья дань Святовиту, но довольно равнодушно смотрѣли, какъ его поклонники грызлись другъ съ другомъ. Теократическій — впрочемъ оченъ слабый—союзъ не вдохнулъ въ Балтійскихъ славянъ сознанія народнаго единства. Каждая жупа продолжала тянуть

въ свою сторону, а въ результатѣ получился полнѣйшій хаосъ и безпорядокъ.

Другихъ славянъ сплотила одна сила, пришедшая извнѣ. Чеховъ организовалъ Само, болгаръ — орда Аспаруха; русскіе, не умѣя сами завести у себя порядка, по крайней мѣрѣ желали его завести и призвали для этого варяговъ. Но славяне поморскіе совершенно удовлетворялись своей жизнью и упорно чурались новыхъ формъ. Разъ только, казалось, замерцала въ ихъ исторіи, хотя и противъ ихъ воли, возможность лучшаго будущаго. Мы говоримъ о великихъ славянскихъ планахъ польскаго Болеслава Храбраго, который, повидимому, думалъ о созданіи изъ всего западнаго славянства одной великой державы и, присоединивъ къ Польшѣ все Поморье отъ Вислы до Персанты, въ 1000 году заложилъ въ Колобрегѣ даже христіанское епископство для кашубовъ. Если бы удался планъ Болеслава, всѣ племена балтійскихъ ляховъ слились бы въ одинъ народъ съ польскимъ и создаласъ бы Польша, равная Германіи, „wielka a wspaniała“. Не пришлось бы ей позднѣе тратить свои силы въ безплодной борьбѣ съ Москвою и казаками, а стала бы она грознымъ оплотомъ всего, и восточнаго, славянства противъ германскаго напора. Но слишкомъ уже широкъ былъ размахъ Болеслава и слишкомъ мало способны были современники понять грандіозный замыселъ великаго государя, и уже черезъ какой-нибудь десятокъ лѣтъ послѣ смерти Храбраго отъ его дѣла на Поморьѣ не осталось и слѣда.

И вотъ, когда темныя дебри поморскихъ лѣсовъ раскрылись, чтобы пропустить къ прибалтійскимъ славянамъ вражеское войско, они, предоставленные самимъ себѣ, безъ вождей, безъ власти, безъ скрѣпляющаго всѣхъ въ одно чувства народности, не нашли ничего лучше, какъ по старому обычаю скрыться за деревяннымъ заборомъ своихъ городовъ и оттуда выжидать, пока врагъ, разоривъ страну, не уйдетъ обратно. А когда выходили въ поле, какъ жалки они были своей дѣтски-наивной неумѣлостью: встрѣтивши при Наклѣ въ 1108 г. Болеслава Кривоустаго, воткнули свои копья древками въ землю и, огородившись частоколомъ копій, вообразили, что это спасетъ ихъ отъ польскаго войска! Ограда была разнесена въ мигъ, и изъ 40 тысячъ поморскаго войска 27 тысячъ полегло на полѣ.

Жестоко обошелся съ Поморьемъ Кривоустый. 18000 поморянъ погибло въ бояхъ, 8000 было силою переселено въ Польшу. Спустя 3 года Оттонъ, епископъ Бамбергскій, по дорогѣ

изъ Волына въ Колобрегъ натолкнулся еще на городъ, въ которомъ только и было, что сгорѣвшія балки домовъ да кучи скелетовъ. По желанію Кривоустаго поморяне приняли крещеніе въ 1124 г., но, слыша слово Божіе на чужомъ языкѣ, они такъ же мало его понимали, какъ тѣ ихъ западные сородичи, которые, по словамъ Титмара, вмѣсто Kyrie eleison молились w kri wolsa, что значитъ: „въ кустахъ стоитъ ольха", прибавляя еще при этомъ: „такъ говорилъ епископъ". Впрочемъ было уже поздно.

Въ результатѣ походовъ Кривоустаго Поморье—теперь уже до самаго Щетина — опять, хотя и ненадолго, признало надъ собой власть Польши. Но связь сохранила съ ней только восточная его часть, которая папской буллой 1148 г. была подчинена куявскимъ епископамъ. Западная досталась въ добычу тѣмъ самымъ нѣмцамъ, отъ которыхъ, по словамъ Вильгельма Богуславскаго, спасалъ его своимъ походомъ Кривоустый. Досталась, конечно, не безъ помощи восточныхъ сосѣдей. Если еще можно объяснять союзъ Кривоустаго противъ поморянъ съ датскимъ королемъ и саксонцами, то уже политика его сыновей несомнѣнна. Роднились сыновья Кривоустаго съ самыми отъявленными врагами славянства, кормили и угощали въ Крушвицѣ Альбрехта Медвѣдя, унижались, ища милостей Барбароссы, участвовалъ Мешко Старый въ крестовомъ походѣ 1147 года противъ славянъ-язычниковъ, а тѣмъ временемъ Альбрехтъ 11 іюня 1157 года отнялъ у славянскаго князя Яцка Бранный Боръ и заложилъ основаніе будущаго прусскаго могущества, основавъ Бранденбургскую марку и Берлинъ. Тѣмъ временемъ нѣмечилась и отпадала отъ Польши Силезія. А между тѣмъ Генрихъ Левъ въ 1164 году доконалъ бодричей, и пала отъ руки датчанъ въ 1168 году твердыня Арконы. Поморскіе князья Казимиръ и Богуславъ, оставленные на произволъ судьбы Польшей, не зная, что дѣлать, еще раньше, въ 1166 г., признали надъ собой сюзеренную власть Генриха Льва. Когда гибла Аркона, они соединились съ его союзниками датчанами и audacissima urbis oppugnatione singulare virtutis specimen ediderunt. Такъ самая отвага и военная доблесть славянъ шла имъ на гибель. Ни разу не давъ дружнаго отпора германцамъ, они вмѣсто того неизмѣнно имъ помогали, губя для нихъ другъ друга. Годъ спустя послѣ взятія датчанами Арконы тѣ же самые Казимиръ и Богуславъ поморскіе, по приказанію Генриха Льва, вновь отбирали ту же Аркону отъ датскаго Вальдемара, съ которымъ Генрихъ не подѣлилъ добычи. Еще не попавъ въ рабство, они уже стали невольниками и рабами чужой воли.

Ядъ чужевластья сталъ понемногу проникать и во внутреннюю жизнь поморскихъ славянъ. Завидуя нѣмецкому аристократическому строю и тяготясь своей зависимостью отъ князя и народа, первою онѣмечилась знать и скоро сама стала надежнымъ проводникомъ германизацiи. Когда послѣднiй независимый князь бодричей Никлотъ жизнь свою положилъ, сражаясь съ германцами, его сынъ Приславъ, узнавъ въ Данiи за пирушкой о смерти отца, цинично сказалъ: „подѣломъ ему!“ и продолжалъ пировать, а на просьбы брата Пребыслава не дружить по крайней мѣрѣ съ убiйцей отца отвѣтилъ: „Бернардъ мнѣ благодѣтель, потому что освободилъ меня отъ идолопоклонника отца“. Такъ народился типъ измѣнника родному народу и распространился съ тѣмъ большей легкостью, что, кромѣ отжившаго уже язычества и безсильной племенной связи, у славянъ поморскихъ не было никакой общей идеи, способной оживить и поддержать частное бытiе: у нихъ не было отечества.

Гибло славянство. Какъ загнаннаго звѣря, травили славянъ, оцѣпляя ихъ кольцомъ, съ сѣвера датчане, съ запада саксы съ Генрихомъ Львомъ, съ юга Альбрехтъ Медвѣдь, съ востока свои же братья, поляки. И все у́же и у́же смыкалось кольцо. Приближался къ концу первый актъ исторической трагедiи, носящей названiе нѣмецкаго Drang nach Osten. Все кровавѣе становилось зарево отъ пожара деревень и городовъ. И, какъ звѣрь въ клѣткѣ, метались славяне изъ угла въ уголъ въ своей родной странѣ. Одни, какъ Никлотъ, гибли геройски, другiе измѣняли и предавались врагамъ, а народъ уходилъ въ глубь лѣсовъ, въ болота, но и тамъ его настигали львиныя когти Генриха, медвѣжьи объятiя Альбрехта, и славяне гибли, гибли, гибли. Въ 1166 году, когда датчане напали на Поморье, не осталось тамъ хаты не сожженной, и ласточки, не находя себѣ прiюта на сушѣ, стали лѣпить свои гнѣзда на мачтахъ датскихъ кораблей. Не помогала и покорность. Deficerunt paulatim Slavi in terra, пишетъ Гельмольдъ.

И какъ страшно за какiе-нибудь полвѣка измѣнилась картина Поморья! Еще въ началѣ XII вѣка „изобиловало оно, по словамъ очевидца, всякою дичью: оленями, зубрами, медвѣдями, кабанами, а равно свиньями и всякимъ скотомъ, богато было масломъ отъ стадъ, молокомъ отъ овецъ, саломъ ягнячьимъ и бараньимъ, производило въ избыткѣ медъ и всякiе хлѣба; рыбы было невѣроятное множество и за грошъ можно было купить возъ свѣжихъ сельдей“. Въ концѣ того же XII вѣка „послѣднiе остатки славянъ, не находя себѣ пропитанiя среди запустѣлыхъ

полей, до того изнемогали отъ голода, что бѣжали изъ родной страны" къ сосѣднимъ славянамъ, а тѣ продавали ихъ въ рабство. Еще въ началѣ XII вѣка въ Волынѣ кипѣла торговля; въ концѣ его—говоритъ Гильфердингъ—уже и помину не было по славянскимъ купцамъ. Все, что осталось отъ славянскаго населенія, скрылось и бѣжало въ глушь лѣсовъ. Зато толпами хлынули въ Поморье саксы, вестфальцы, голландцы. Вмѣстѣ съ ними шли великіе помощники германизаціи, монашескіе ордена, по преимуществу цистерсы. О славянскомъ сѣверѣ отъ Эйдара до Звѣрина—теперешній Шверинъ—гдѣ правитель области Гунцелинъ, спасая страну отъ воровства, приказалъ хватать и безпощадно вѣшать каждаго славянина, который пройдетъ безъ нужды по дорогѣ, Гельмольдъ уже подъ 1171 г. могъ записать: „Вся страна славянъ теперь при помощи Божіей замирена и превратилась какъ бы въ одну колонію саксовъ". Въ началѣ XIII вѣка стала совершенно нѣмецкой и Бранденбургская марка до самой Шпандовы, а скоро — говорятъ наши источники — потеряло свой славянскій характеръ и переднее Поморье отъ Одры до Персанты. Допустимъ даже, что это до извѣстной степени обманъ зрѣнія и изъ-за знати лѣтописцы не видѣли простого народа. Извѣстно, что еще въ началѣ XVIII вѣка за Лабой еще слышалась вендская рѣчь, но общій характеръ Поморья во всякомъ случаѣ еще съ XIII—XIV вѣка сталъ нѣмецкимъ. Идея соединенія всѣхъ лехитскихъ племенъ подъ верховенствомъ Польши пала безвозвратно, и въ этомъ смыслѣ событія на Балтійскомъ Поморьѣ косвенно отразились и на русской исторіи. Польша, допустивъ созданіе на трупахъ балтійскихъ славянъ нѣмецкой твердыни, обратила свои силы на колонизацію Востока, на Русь...

Поморье славянское погибло. Сохранилась о немъ память только въ названіяхъ рѣкъ да городовъ, да въ славянскихъ именахъ, по традиціи дававшихся въ семьѣ поморскихъ князей. Въ Мекленбургъ-Шверинѣ и доселѣ правитъ славянская династія, прямые потомки бодричскаго князя Никлота, но что пользы для славянства, что по физическому облику своему житель сѣверогерманской низменности напоминаетъ славянина. Это уже не славяне, а нѣмцы:

Slávy syna k bratrům přišlého v ty kraje nezná
 brat vlastní, aniže vděčně mu tiskne ruky.
Řeč ho cizí zarazí se rtu a tváře slovanské,
 zrak mu lže Slovana, sluch klamy bolně kazí...
Na právo šíře hledím, nalevo zrak bystře otáčím,
 než mé darmo oko v Slávii Slávu hledá.

IV.

Отъ всего обширнаго Поморья осталась теперь еще хоть сколько-нибудь славянской только самая восточная часть его, та, которой границы мы до сихъ поръ опредѣляли рѣками Персантой и Вислой. И въ ней надо отличать двѣ части — первую отъ Персанты до Лэбы, вторую отъ Лэбы до Вислы, отъ Гданска и до Брды. Въ первой жалкія поселенія вымирающихъ поморянъ остались только около озеръ Гардненскаго и Лэбскаго; вторая— область теперешнихъ кашубовъ. Въ первой въ XII вѣкѣ княжилъ братъ извѣстнаго намъ поморскаго Вратислава Ратиборъ; вторая находилась, повидимому, въ зависимости отъ Польши до самаго 1227 года, когда князь гданскій Святополкъ, убивъ Лешка Бѣлаго, сталъ самовластнымъ правителемъ гданскаго Поморья, присоединивъ къ нему вскорѣ и удѣлъ Ратиборовичей.

Тяжелая доля выпала въ удѣлъ и этой части Поморья. Въ то время, какъ на Западѣ гибла сила лютичей, бодричей и западныхъ поморянъ, оно по своей отдаленности отъ главнаго врага могло пользоваться сравнительной безопасностью, но, покоривъ переднюю славянскую стражь, цѣпкія руки бранденбургскихъ маркграфовъ потянулись и къ Вислѣ, а легкомысленная недальновидность тогдашнихъ польскихъ князей расчищала нѣмцамъ дорогу къ полному уничтоженію поморства. Въ 1228 году печальной памяти Конрадъ Мазовецкій призвалъ въ Польшу на помощь противъ сосѣдившихъ съ поморянами язычниковъ-пруссовъ тевтонскій монашескій орденъ крестоносцевъ, руками польскихъ работниковъ самъ построилъ для нихъ замокъ напротивъ теперешняго Торуня и богато одарилъ землей, не подозрѣвая, какую змѣю вскармливаетъ онъ польскою грудью. Крестоносцы искоренили язычество среди пруссовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они снесли съ лица земли самый прусскій народъ, а потомъ, совершивъ этотъ своеобразный „апостольскій" подвигъ, обратились на поморянъ, хотя тѣ давно уже были христіане. Поморье гданское очутилось въ желѣзныхъ тискахъ, и уже въ XIII вѣкѣ крѣпкой цѣпью отрѣзали бы его отъ Польши, если бы не могучая энергія и зоркій умъ гданскаго Святополка. Въ безустанной борьбѣ на всѣ стороны то съ онѣмеченными родственниками изъ сосѣдняго западнаго Поморья, то съ маркграфами, то съ орденомъ, то съ князьями куявскими и мазовецкими, Святополкъ, не взирая даже на папское проклятіе, отстоялъ таки Поморье отъ всѣхъ ихъ,

отстоялъ его для Польши самой, для славянства. Его сынъ Мстивой II продолжалъ политику отца, но въ самый день Рождества Христова 1294 года его не стало, а вмѣстѣ съ нимъ угасъ и родъ князей гданскаго Поморья. Недалеко отъ Гданска въ Оливѣ въ пресбитеріи поцистерскаго костела можно видѣть и теперь еще черную мраморную плиту съ изображеніемъ поморскаго грифа: подъ ней почиваютъ останки послѣднихъ поморскихъ князей. Это все, что осталось отъ славянскаго Поморья, какъ самостоятельнаго политическаго цѣлаго.

Умирая, Мстивой завѣщалъ свое княжество великопольскому князю Пржемыславу II-му, но Пржемыслава скоро убили, а бранденбургскіе маркграфы, пользуясь смутой, едва умеръ Мстивой, осадили Гданскъ. Начальникъ гданскаго гарнизона Богуша выслалъ въ Краковъ къ наслѣднику Пржемыслава Локетку гонца съ просьбой о помощи, но Локетекъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ посовѣтовать ему впустить въ замокъ крестоносцевъ, обѣщая имъ послѣ заплатить за помощь. Крестоносцамъ этого только и было нужно. Замокъ гданскій они заняли, но напрасно Локетекъ думалъ, что, разъ попавъ въ Гданскъ, они изъ него выйдутъ. Мало того: когда маркграфы ушли, они рѣшили завладѣть и городомъ. Ночью, украдкой, пробравшись черезъ окопы, ворвались они въ городъ, и памятною осталась для Гданска эта страшная ночь 14 ноября 1308 года. Ничего и никого не пощадили рыцари-монахи, даже костелъ и монастырь доминиканскій сожгли, всю до тла вырѣзали шляхту кашубско-поморскую. Одного изъ старѣйшинъ стащили съ церковной колокольни, другого оторвали отъ исповѣди и убили. Погибло 10.000 человѣкъ, не исключая женъ и дѣтей, а остальныхъ жителей переселили въ другое мѣсто надъ Мотлавой. И сталъ кашубскій Гданскъ отнынѣ гнѣздомъ нѣмецкой силы... Та же участь постигла вскорѣ Тчевъ и другіе города. Нѣсколькими быстрыми ударами лишено было Поморье высшихъ классовъ общества и осталась по деревнямъ только темная масса народа, а на Ногатѣ выросла могущественная столица кржижаковъ Мальборгъ—Маріенбургъ, котораго мрачныя твердыни и теперь еще далеко высятся надъ плоской равниной кашубскаго поморья.

Съ потерей гданскаго поморья Локетекъ не примирился. Былъ судъ, дѣло доходило до самого римскаго престола. Папа приказалъ рыцарямъ возвратить вѣроломно захваченное поморье, а когда они не захотѣли, бросилъ на нихъ въ 1328 г. клятву, но эти монахи слушались Рима, только пока это было имъ вы-

годно. Со взятіемъ Гданска спалъ съ плечъ крестоносца монашескій бѣлый плащъ съ чернымъ крестомъ: передъ Европой предсталъ простой средневѣковой насильникъ съ откровеннымъ девизомъ: was im tut we, das tut uns wol — та фигура, которая въ многочисленныхъ разновидностяхъ производитъ и теперь такое гнетущее впечатлѣніе въ темныхъ залахъ маріенбургскаго замка. Польша, конечно, проиграла.

Съ тѣхъ поръ жилъ убогій кашубскій людъ по низкимъ и песчанымъ берегамъ своего моря жизнью безсознательной, какъ трава растетъ. Но и трава слышитъ, какъ по ней ходятъ. Четыре историческихъ даты надо отмѣтить въ жизни кашубскаго поморья: это годы 1466-й, 1525-й, 1657-й и 1772-й.

Въ 1466-мъ году послѣ долгихъ войнъ по Торунскому съ крестоносцами миру Польша отобрала у ордена обратно все Повислье отъ Торуня до Гданска. До сихъ поръ польскіе сплавщики не могли и показаться на нижней Вислѣ съ товаромъ: они должны были все перепродавать по низкимъ цѣнамъ въ Торуни прусскимъ купцамъ. Теперь торунскія заставы были подняты, и въ Поморье открылся свободный доступъ польскимъ купцамъ, польской шляхтѣ, польской культурѣ. Правда, въ то время мало кто думалъ о простонародьѣ, но уже самая принадлежность къ славянскому государству должна была содѣйствовать сохраненію и укрѣпленію славянской поморской стихіи.

Будь политика польскихъ королей зорче, имѣй они меньше германскихъ симпатій, иначе сложилась бы и дальнѣйшая судьба поморства и всего славянства. Попавъ въ ленную зависимость отъ Польши, орденъ въ XV и XVI вѣкѣ сталъ явно разлагаться, и его владѣнія рано или поздно должны были, какъ зрѣлый плодъ, сами отпасть къ Польшѣ. И уже отпадали. 1525-й годъ все измѣнилъ. Памятный и роковой былъ для насъ въ этомъ году день 10-го апрѣля. Матейко закрѣпилъ его въ своей картинѣ Hołd pruski. Стояла весна. Но обманчиво и вѣроломно апрѣльское солнце. Играя лучами на золотѣ королевскихъ одеждъ, освѣщало оно, повидимому, пышность и торжество. На ступеняхъ королевскаго трона стоялъ на колѣняхъ передъ Сигизмундомъ Старымъ рыцарь и клялся ему въ вѣрности и подданствѣ. Рыцарь этотъ былъ Альбрехтъ изъ рода бранденбургскихъ Анспаховъ. Въ Берлинѣ въ свое время не позволили выставить картины Матейки. Непонятно! Рисуя пышность польскаго двора, она тѣмъ ярче подчеркнула торжество и дальновидность прусской политической мысли надъ славянской безпечностью и добро-

душіемъ Сигизмунда. Преклонилъ предъ нимъ колѣна Альбрехтъ еще главою ордена, уже отжившаго свой вѣкъ, а всталъ свѣтскимъ властителемъ новаго, по соизволенію Сигизмунда возникшаго государства, Herzog, dux in Prussia. Здѣсь, на краковскомъ рынкѣ, передъ лицомъ маріацкаго костела, Сигизмундъ самъ своими руками создалъ ту ячейку, изъ которой выросла теперешняя Пруссія.

Была еще минута, когда можно было поправить дѣло. Сынъ Альбрехта, слабоумный Альбрехтъ Фридрихъ умиралъ, не оставивъ мужского потомства. Прусское герцогство во второй разъ само собою шло въ руки Польшѣ. Но курфирсты бранденбургскіе—а ими тогда были уже Гогенцоллерны—постарались принять свои мѣры. И сынъ, и 57-лѣтній отецъ, курфирстъ Іоахимъ Фридрихъ, оба женились на молоденькихъ дочеряхъ больного герцога, а, когда тотъ умеръ, предъявили свои права на наслѣдство. Дѣло на этотъ разъ рѣшалось уже не въ Краковѣ, а въ Варшавѣ. Просила короля сама прусская шляхта присоединить Пруссію къ Польшѣ, требовало того же польское дворянство. Но шведъ по происхожденію и сочувствіямъ, Сигизмундъ III Ваза больше думалъ о своихъ правахъ на шведскій престолъ и распространеніи католичества въ Москвѣ, чѣмъ о своемъ народѣ и государствѣ. За 400.000 гульденовъ, внесенныхъ въ польскую казну, и обѣщаніе помощи противъ шведовъ онъ отдалъ курфирсту Іоахиму Фридриху Пруссію. Бранденбургія и Пруссія оказались теперь подъ властью одной династіи. Оставалось сбросить съ себя тѣнь ленной зависимости отъ Польши. Этого достигъ во время шведскаго „потопа“ въ 1657 году по велавско-быдгосскому трактату курфирстъ Фридрихъ Вильгельмъ.

Есть въ Быдгощѣ вдали отъ шумныхъ улицъ новаго города, за Брдой, темная, мрачная, мхомъ поросшая католическая фара, къ которой рано по утрамъ плетутся съ молитвенниками въ рукахъ двѣ-три старушки, всѣ въ черномъ,—послѣдній остатокъ польскаго населенія въ этомъ совершенно онѣмеченномъ городѣ. Напротивъ фары въ узкомъ переулкѣ двухъэтажный невзрачный домъ. На немъ барельефъ Фридриха Вильгельма съ надписью: „Hier erlangte am 6 Now. 1657 Friedriech Wilhelm der Grosse Kurfürst durch den Bromberger Statsvertrag mit Polen endgültig die Souwerenität in Preussen und legte hiermit den Grund zum Königtum der Hohenzollern“. Такъ, здѣсь, въ великомъ княжествѣ Познанскомъ былъ окончательно и прочно заложенъ фундаментъ прусскаго королевства.

Здѣсь же была рѣшена и участь самой Польши. Въ Оливскомъ монастырѣ около Гданска до сихъ поръ показываютъ столъ, на которомъ уполномоченные Яна-Казимира 3 мая 1660 г. скрѣпили своей подписью оливскій мирный договоръ, подтверждавшій постановленія велавско-быдгосскаго трактата: сами того не сознавая, они подписались подъ всѣми тремя раздѣлами Польши. Бранденбургскіе курфирсты, они же и прусскіе герцоги, не могли оставить въ рукахъ Польши торунско-гданскаго повислья. Вѣдь курфирстъ изъ Берлина въ Кролевецъ не могъ проѣхать безъ позволенія Польши. Нѣтъ государства, которое бы въ такихъ условіяхъ не стремилось уничтожить такую чрезполосицу, тѣмъ болѣе, что въ Торуни, Хелмнѣ, Гданскѣ и тогда было нѣмецкое населеніе. Фридрихъ II, предложивъ Екатеринѣ Второй и Маріи Терезіи раздѣлы Польши, только поставилъ послѣднюю окончательную точку надъ тѣмъ, что́ уже задолго раньше было подготовлено дальновидностью его предшественниковъ, ошибками Конрада Мазовецкаго и обоихъ Сигизмундовъ. И недаромъ статуя его стоитъ въ Маріенбургѣ передъ кржижацкимъ замкомъ. Крестоносцы и Фридрихъ II-й—это конечныя звенья одной и той же цѣпи, которая окончательно отдѣлила кашубское поморье отъ Польши и остального славянства. Жаль, что сомкнуть ее помогли и наши, русскія руки.

Какой глубокій переворотъ произвело это въ жизни кашубскаго поморья, показываютъ цифры. Мы беремъ ихъ изъ книги Косцинскаго „Kaszubi giną“. Въ 1772-мъ году изъ семи уѣздовъ Западной Пруссіи въ трехъ польское крупное землевладѣніе составляло 100%; въ двухъ на всю массу польскихъ имѣній приходилось по два или по три нѣмецкихъ, и только въ уѣздахъ пуцкомъ и вейхеровскомъ владѣнія дѣлились почти поровну между поляками и нѣмцами. Въ 1805 году положеніе еще почти не измѣнилось, но за сто лѣтъ перемѣна произошла разительная, какъ показываетъ нижеслѣдующая сравнительная таблица современнаго польскаго и нѣмецкаго землевладѣнія

Уѣзды:	Нѣмцы:	Славяне:
Хойницкій (Konitz) . . .	58,342 гект.	7.565 гект.
Косцерскій (Berent) . . .	39,747 „	4,900 „
Картузскій (Karthaus) . .	45,770 „	1,225 „
Пуцкій (Putzig)	34,610 „	267 „
Вейхеровскій (Neustadt) .	42,859 „	4,149 „

Въ уѣздѣ члуховскомъ (Schlochau) помѣщиковъ-нѣмцевъ не было вовсе; теперь тамъ нѣтъ ни одного польскаго имѣнія. Въ гданскомъ уѣздѣ, гдѣ впрочемъ и прежде землевладѣніе было смѣшаннаго характера, сохранилось въ польскихъ рукахъ только одно имѣніе Клещево, да и оно до самаго послѣдняго времени отдано было въ аренду нѣмцамъ. Такимъ образомъ нѣмецкое хозяйничанье въ краѣ смело весь образовавшійся за время польскаго владычества верхній слой народа, и въ настоящее время поморскую интеллигенцію, не считая гбуровъ, зажиточныхъ крестьянъ-собственниковъ, составляютъ отчасти духовенство, а затѣмъ немногочисленные торговцы, ремесленники, да шляхтичи-„однодворцы". Когда одного изъ этой шляхты познанскій туристъ-полякъ вздумалъ было разспрашивать, какой у него гербъ, — извѣстно, что нигдѣ нѣтъ такого преклоненія передъ гербомъ, какъ въ Познани, — то услышалъ въ отвѣтъ: „Такой болѣсти у насъ, слава Богу, не водится". Жаль только, что съ гибелью шляхетскаго чванства погибъ и наиболѣе образованный классъ народа, безъ поддержки котораго трудно выжить непробужденнымъ и темнымъ народнымъ массамъ.

Wo die deutsche Kultur ist, da ist Freiheit, сказалъ германскій вождь, укладывая подъ нивеллирующій германскій прессъ всякаго, кто не хочетъ разстаться со своей народной личностью. Еще въ 1772 году, едва получивъ вѣсть о согласіи державъ на польскій раздѣлъ, Фридрихъ II уже писалъ Домгардту: „Мнѣ кажется, что жители новопріобрѣтенныхъ провинцій, особенно польскаго происхожденія, не сумѣютъ оцѣнить благодѣяній, которыя можетъ принести имъ происшедшая въ ихъ участи перемѣна. Наилучшимъ средствомъ выработать въ нихъ болѣе высокія понятія будетъ смѣшать ихъ съ нѣмцами, а для этого надо въ каждой деревнѣ поселить сначала хотя бы по два или по три нѣмца". Съ этихъ поръ и кашубское крестьянство начало постепенно таять, а прусское правительство усердно подталкивало его въ гробъ. Выдѣляя, когда это ему нужно, кашубовъ въ отдѣльный отъ поляковъ народъ, оно однако, учредивъ въ 1886 г. колонизаціонную коммиссію для выкупа польскихъ земель, распространило ея дѣйствія и на кашубовъ. Въ 1904 г. къ нимъ наравнѣ съ поляками былъ примѣненъ и законъ о новыхъ поселеніяхъ, и кашубъ на своей собственной землѣ часто не имѣетъ права построить себѣ дома. Наконецъ на кашубовъ распространился и законъ 1908 г., которымъ кашубскій языкъ наравнѣ съ польскимъ былъ изгнанъ изъ народныхъ собраній. До нѣмец-

каго владычества кашубы боролись только съ природою за кусокъ хлѣба; теперь они борются и съ людьми за право на жизнь. А единственной опорою имъ въ этой борьбѣ служитъ развѣ только церковь, гдѣ они по воскресеньямъ, хотя и не всегда и не вездѣ, могутъ еще слышать проповѣдь, если не на родномъ кашубскомъ, то на близкомъ и родственномъ имъ польскомъ языкѣ. Но и сюда уже подбирается германизація, причемъ здѣсь правительство охотно готово было бы отдѣлить кашубовъ отъ поляковъ, чтобы потомъ замѣнить и въ церкви славянскій польскій языкъ нѣмецкимъ.

Особенно сильно дала себя знать германизація на окраинѣ кашубскаго міра, въ Помераніи, которая еще въ половинѣ XVII в. вошла въ составъ Пруссіи: — западная часть въ 1637 г., послѣ смерти послѣдняго поморскаго герцога Богуслава, восточная — уѣзды Лемборгскій и Бытовскій, доставшіеся въ 1637 г. Польшѣ, — двадцатью годами позднѣе, на основаніи велавско-быдгосскаго трактата. Первыми и здѣсь онѣмечились, конечно, дворяне, и теперь подъ фамиліями von Thadden, von Iork, von Malotki, von Krockow и не узнаешь старыхъ кашубскихъ Тадковъ, Ярковъ, Млотковъ и Кроковскихъ. Теперь всѣ эти von Thadden такъ ненавидятъ все славянское, что у нихъ крестьяне и слова молвить не смѣютъ по кашубски. За дворянами пошло и духовенство, причемъ дѣло германизаціи здѣсь значительно облегчалось тѣмъ, что Померанія издавна была вся сплошь протестантской. Среди пасторовъ почти вовсе не было кашубовъ, а нѣмцы не имѣли ни малѣйшей охоты учиться по кашубски, да и не видѣли въ этомъ нужды. Вѣря, какъ въ непогрѣшимый догматъ, въ истину изреченія Deutsches Bildung — Menschheitsbildung, они, бывало, со спокойной совѣстью воспрещали своимъ прихожанамъ говорить на родномъ языкѣ. Постепенно замирала въ церквахъ сперва кашубская проповѣдь, а потомъ и исповѣдь.

Жаловались, плакали люди, а иные и жаловаться перестали. Да и что могли помочь имъ жалобы и слезы? Часто внукъ уже не понималъ своего дѣда. „Велька сказа—говорилъ Гильфердингу въ 1856 г. старый кашубъ — мези мну а дзецми, же они не разумѣйон, цо я повим. Ныня нашо старословинско вяро затопили, сме мушели по нѣмецку векнонц“. Гильфердингъ предсказывалъ, что лѣтъ черезъ 30 уже не будетъ въ Помераніи и слѣда славянъ. Предсказаніе оправдалось не вполнѣ, и въ 1880 году проѣхавшій по тѣмъ же мѣстамъ теперешній посолъ въ Государственную Думу отъ Калишской губерніи Альфонсъ Парчев-

скій (см. его книгу Szczątki kaszubskie w prowincyi pomorskiej) еще нашелъ тамъ кашубовъ, но они явно угасали. Въ Смолдзынѣ между Лэбскимъ и Гардненскимъ озерами, гдѣ въ 1643-мъ году былъ пасторомъ Михаилъ Понтанъ, издавшій первый и единственный катехизисъ для поморскихъ славянъ на ихъ родномъ языкѣ, теперь оказалось кашубовъ, или, вѣрнѣе, какъ они себя тамъ называютъ, словинцевъ, всего только „przez pół kopy“. Одинъ пятидесятилѣтній старикъ-кашубъ помнилъ, что его vader a muder еще умѣли хорошо „weknąc“ по-словински, но когда старые „zdechli“, некому было уже читать старыя славянскія книги, и въ 1874 году при постройкѣ новаго костела положили ихъ, какъ ненужныя, подъ основаніе строящагося храма, замуровали крѣпко и навсегда. А иногда просто клали ихъ въ гробъ мертвымъ. Въ Большой Гардной старуха-кашубка Доша Іостъ разсказывала Парчевскому, что словинскій канціоналъ положили въ „zarg“ ея „гроссмамѣ“, умершей еще въ 1842 году.

Такъ совершались похороны нашего племени у неприvѣтливыхъ водъ суровой Балтики!

И глубокаго, трагическаго символизма полонъ образъ кашубской женщины въ ея вѣчно черной одеждѣ. Тѣ дѣти, что спѣшатъ тамъ на дорогѣ въ школу, дѣти, которыхъ выкормила она своей грудью, скоро уже не поймутъ ее или не захотятъ понять и обратятся къ ней съ привѣтомъ уже не въ родной рѣчи, а на чужомъ языкѣ: „Gelobt sei Jesus Christus“. И - что еще хуже— она уже и сама начинаетъ говорить съ ними только по-нѣмецки, а иная и молится по-нѣмецки, ибо часто, стыдясь родной рѣчи, глубоко таятся кашубы съ ея знаніемъ, и надо хорошенько ихъ выспросить, чтобы наконецъ допытаться, что передъ вами кашубъ. „Положеніе прямо отчаянное“, свидѣтельствуетъ Рамултъ.

Низко нависло надъ болотами и песками Поморья сѣрое небо. Не лошадь—ея у многихъ нѣтъ—а единственная корова часто тащитъ въ полѣ соху, а ей помогаетъ въ припряжку сама хозяйка—баба. Но и это бы еще ничего. И картофелемъ съ горькимъ хлѣбомъ пополамъ можетъ прокормиться человѣкъ. Но какъ жить, когда съ церковнаго амвона, съ каждаго печатнаго листка, отъ каждаго человѣка въ сюртукѣ, отовсюду, куда ни посмотришь, надвигается гибель, а опоры нѣтъ нигдѣ, ни въ чемъ! Удивляться ли, что такъ измѣнился характеръ кашубовъ и тѣ, кого на зарѣ исторической жизни мы встрѣтили съ веселой и вольной пѣснью на устахъ, теперь смолкли, и развѣ только гдѣ-нибудь на польскомъ пограничьѣ еще можно услышать, какъ

жалуется въ пѣснѣ дѣвушка, что ее люди сватаютъ за того, за другого, а она никого изъ нихъ не хочетъ: „Ten drugi ma nos dług, ten trzeci ma kupę dzieci, ten czwarty gra w karty, a ten szósty nie je kapusty. Mamulo moja, ja ich nie chcę. Одинъ только изъ видовъ народной поэзіи не изсякаетъ у кашубовъ. Это—басня. И много еще есть въ кашубской баснѣ славянскаго добродушнаго юмора съ мѣткой наблюдательностью. Но басня съ ея нравоучительными тенденціями это уже плодъ старчества и въ ней, трезвой и разсудительной, нѣтъ молодого веселья.

Услышимъ ли мы когда-нибудь вновь у кашубовъ его голосъ? Оживетъ ли поморское славянство? Не знаемъ. Въ Вейеровѣ даже въ польской мануфактурной лавкѣ „Базаръ“, основанной въ цѣляхъ бойкота нѣмецкихъ магазиновъ, продавецъ-кашубъ разговариваетъ съ кашубами по-нѣмецки. Купецъ кашубъ или полякъ боится вывѣсить польскую вывѣску, потому что утратилъ бы всѣхъ своихъ покупщиковъ-нѣмцевъ; въ польскомъ ресторанѣ боятся понимать польскій разговоръ гостя-поляка. Вотъ условія, при которыхъ приходится дѣйствовать тѣмъ, кто хотѣлъ бы возродить къ жизни угасающее племя. Но несмотря на всѣ помѣхи въ послѣднее время замѣтны несомнѣнные признаки оживленія. На кашубской этнографической территоріи за послѣднее десятилѣтіе открылось уже 6 народныхъ банковъ—въ 1902 г. въ Косцержинѣ (399 членовъ и 366 тысячъ марокъ депозитовъ), въ 1906 г. въ Вейеровѣ (308 чл. и 621 т. мар. депоз.), и Тчевѣ (155 чл. и 255 т. мар. деп.), въ 1907 г. въ Пуцкѣ (113 чл. и 146 т. мар. деп.), въ 1908 г. въ Картузахъ (68 чл. и 31 т. мар. деп.) и въ 1909 г. въ Сопотахъ (24 чл. и 50 т. мар. деп.). Учреждаются на паяхъ кашубско-польскіе магазины. Основываются общества. Въ одной Косцержинѣ на 6—7 тысячъ жителей, изъ которыхъ только половина—кашубы, существуетъ цѣлыхъ 14 разнообразныхъ обществъ. Растетъ и число избирательныхъ польскихъ голосовъ. На 530 вальмановъ за польскаго кандидата въ рейхсратъ въ 1908 г. было отдано 324 голоса вмѣсто прежнихъ 200. Словомъ, еще мерцаетъ огонь въ лампадкѣ, и чѣмъ гадать, угаснетъ онъ, или нѣтъ, лучше подумать о томъ, какъ бы его поддержать. „Nigdy do zguby nie przyńdą Kaszuby“—говорятъ о себѣ сами кашубы. Они живутъ и жить хотятъ, и не перестаютъ подавать о томъ голосъ. Кто хотѣлъ бы имъ помочь, долженъ поэтому прежде всего прислушаться къ тому, что они сами о себѣ говорятъ въ своей литературѣ.

V.

Кашубская литература, подобно лужицкой и словенской, была вызвана къ жизни реформацiей.

Всѣ первыя кашубскiя книги въ единственномъ экземплярѣ хранятся въ архивѣ Смолдзинской протестантской церкви у надлэбскихъ словинцевъ. Онѣ всѣ занимаютъ не полку даже, а лишь одинъ ея темный и маленькiй уголокъ.

Первымъ кашубскимъ писателемъ былъ Симонъ Крофей по Лоренцу Крофъ; первою кашубскою книжкою—„Духовныя пѣсни" Мартина Лютера: „Duchowne pieśnie D. Marcina Luthera y ynszich nabożnich męzów z niemieckiego w Slawiesky jęzik wilozone. Przez Szymana Krofea sługe słowa Bozego w Bytowie. Drukowano w Gdańsku przez Jacuba Rhode. Roku Pańskiego 1586. Въ книгѣ 100 печатныхъ страничекъ in octavo и 157 писанныхъ. Языкъ ея обличаетъ въ Крофеѣ мѣстнаго уроженца, но, очевидно, тогда еще было сильно въ тѣхъ мѣстахъ польское влiянiе: она написана смѣшаннымъ польско-словинскимъ языкомъ.

Посвящая книгу какому-то князю, вѣроятно владѣтельному князю поморскому, Крофей выражаетъ надежду, что онъ будетъ покровительствовать словинскому языку въ церкви. Понадобилось, однако, еще 46 лѣтъ, чтобы появилась вторая кашубская книга. Авторомъ ея былъ Михаилъ Мостникъ, обыкновенно называемый Понтаномъ (Pontanus). Лоренцъ хочетъ видѣть въ немъ нѣмца и, основываясь на столпскихъ архивахъ, гдѣ не встрѣчается имени Мостникъ, считаетъ подлинною его фамилiей Брюкманъ, но для насъ убѣдительнѣе свидѣтельство самого писателя, который самъ называетъ себя: „Michał Mostnik alias Pontanus albo Brückmann", ставя „Мостникъ" на первомъ планѣ, очевидно, какъ свое прирожденное кашубское имя.

Мостникъ былъ первымъ пасторомъ построенной герцогомъ Померанскимъ въ Смолдзинѣ церкви. Сынъ столпскаго мѣщанина, онъ родился въ 1583 году и, пройдя курсъ наукъ въ Магдебургѣ, Виттембергѣ, Гелмштедтѣ, Iенѣ, Лейпцигѣ и снова въ Виттембергѣ, въ 1610 году былъ назначенъ священникомъ въ Смолдзинъ, гдѣ и прожилъ до глубокой старости, скончавшись 7 сент. 1654 г. на 45-мъ году своего пастырскаго служенiя, въ которомъ подъ конецъ ему помогалъ уже его сынъ Ѳома. Въ знакъ особаго уваженiя къ его заслугамъ, герцогиня

Анна фонъ-Кроа заказала его портретъ и приказала повѣсить его въ Смолдзинской церкви. Лоренцъ воспроизвелъ его недавно въ пятой тетради своихъ Mittheilungen des Vereins für Kaschubische Volkskunde.

Всматриваясь въ серьезно-важныя, спокойно благородныя и ясныя черты этого преклоннаго старика съ сѣдыми волосами и длинной бѣлой бородой, вы видите, что это былъ одинъ изъ тѣхъ свѣтлыхъ дѣятелей протестантства, когда религія эта переживала еще свои первые весенніе дни и не успѣла измѣнить своимъ началамъ, среди которыхъ просвѣщеніе народа на родномъ языкѣ занимало столь видное мѣсто. Сельскій священникъ, но съ большими знаніями—онъ читалъ по-сирійски, гречески и еврейски—и широкими горизонтами, Мостникъ пошелъ навстрѣчу нуждамъ родной паствы, и въ результатѣ получилась вторая кашубская книга, или, вѣрнѣе, книжечка, катехизисъ:—Mały Catechizm D. Marciná Lutherá Niemiecko-Wandalski abo Słowięski to jestá z Niemieckiego języka w Słowięski wystáwion y na jawnosc wydan, z Przydatkiem Siedm Psálmow Pokutnych Króla Dawida y inszych Potrzebnych rzeczi: osobliwie Historiy Pasiy naszego Páná Jezusa według Ewángelistá Mattheusza y niektorych Piesn duchownych. Drukowány w Gdaińsku przez Jerzego Rhetá, Roku Pańskiego 1643. Въ томъ же году и въ томъ же Гданскѣ Мостникомъ же, какъ можно думать, издана была и третья кашубская книжка, такъ называемая Пассія: Passya to jestá Historya o Męce, Smierci y pogrzebie Paná naszego Jezusa Christusa Zbawicielá wszego Swiata itd.—исторія о страстяхъ Господнихъ „w Rymy Słowienske summownie i krótko zamkniona“.

Этими тремя книжечками исчерпывается вся кашубская литература XVI и XVII вѣка.

XVIII-й вѣкъ былъ еще неблагопріятнѣе для кашубскаго просвѣщенія. Постепенно сливаясь съ германизаціей, протестантизмъ, какъ культурное явленіе, явно видоизмѣнялся: изъ положительнаго двигателя онъ для кашубскаго самосознанія скоро сталъ факторомъ отрицательнымъ. Слабое кашубское движеніе требовало поддержки, а встрѣчало отовсюду только недоброжелательство и помѣхи. За цѣлое столѣтіе напечатана была только одна книжка, да и та была только вторымъ передѣланнымъ изданіемъ Мостникова катехизиса. Ее напечаталъ въ 1758 г. въ Гданскѣ Готфридъ Гартманъ. Быстро онѣмечивались и помѣщичья усадьба и церковь, а за ней и крестьянство. Въ 1889 г., въ томъ самомъ Смолдзинѣ, гдѣ вышла первая кашубская книжка,

по-кашубски, по свидѣтельству Рамулта, говорило только 100 человѣкъ, да и тѣ молились уже по-нѣмецки, говорили съ молодежью тоже по-нѣмецки, и надо было много умѣнія и ловкости, чтобы вырвать у нихъ признаніе, что они кашубы и умѣютъ говорить по кашубски.

Но съ замираніемъ поднятаго реформаціей, хотя и очень слабаго, движенія не изсякла у кашубовъ воля къ жизни, и при первомъ благопріятномъ вѣтрѣ показались ея первые ростки. Проблески эти относятся къ началу XIX вѣка и не имѣютъ уже ничего общаго съ религіозной почвой: ихъ принесла съ собой начинавшаяся тогда во всей Европѣ эпоха народныхъ возрожденій. У кашубовъ ея первыя проявленія соединены съ именемъ Христофора Целестина Мронговіуса, а попросту, по-кашубски, Мронги (Mrąga).

И это былъ евангелическій пасторъ. Мронговіусъ (род. 1764 г., ум. въ 1855 г.) служилъ проповѣдникомъ при церкви св. Анны въ Гданскѣ и учителемъ польскаго языка въ тамошней гимназіи. Онъ переводилъ Ксенофонта, Ѳеофраста и другихъ греческихъ классиковъ и между прочимъ въ 1828 году въ Штетинѣ въ третій разъ перепечаталъ со второго гданскаго изданія катехизисъ Мостника. Онъ первый обратилъ вниманіе на кашубовъ ради нихъ самихъ, первый указалъ русскому и польскому ученому міру на важность изученія кашубскаго языка, да, пожалуй, первый и началъ это изученіе. На Поморьѣ собиралъ онъ старинныя религіозныя пѣсни и въ 1803 году напечаталъ ихъ „на добровольное иждивеніе поморскихъ обывателей“ въ книгѣ „Pieśnioksiąg czyli Kancyonał Gdański“. Въ 1794 г. въ Королевцѣ онъ издалъ на нѣмецкомъ языкѣ польскую грамматику, а въ 1812 г. „Polnischer Wegweiser“, гдѣ приняты во вниманіе слова и формы кашубскаго языка. Въ 1823 г. въ Гданскѣ вышелъ его нѣмецко-польскій словарь, а въ 1835 г. въ Королевцѣ польско-нѣмецкій: „Ausführl. polnischdeutsches Wörterbuch“, гдѣ рядомъ съ польскими были помѣщены и кашубскія слова.

Славистомъ Мронговіусъ былъ плохимъ. Своихъ „кроатовъ“ или „крабатковъ“, какъ онъ называетъ кашубовъ, онъ относилъ „къ восточному племени или разряду славянъ“ и, видя ясное отличіе кашубскаго языка отъ польскаго, серьезно думалъ, что кашубы по языку ближе къ русскимъ, чѣмъ къ полякамъ. Въ возможность самостоятельнаго возрожденія кашубскаго народа онъ, повидимому, не вѣрилъ, и если о чемъ-нибудь думалъ, то развѣ

о сохраненіи его на польской основѣ. Въ 1842 г. уже глубокимъ старикомъ онъ обращался къ прусскому правительству, жалуясь на германизацію въ кашубско-поморскихъ школахъ, а когда постановленіемъ Королевецкаго сейма въ 1843 г. рѣшено было замѣнить для кашубовъ въ богослуженіи польскій языкъ нѣмецкимъ, это постановленіе было въ 1846 г. отмѣнено единственно благодаря связямъ и стараніямъ Мронговіуса, который заявилъ, что „кашубскій языкъ есть только нарѣчіе языка польскаго". Мронговіусъ, несмотря на нѣмецкую среду, въ которой онъ воспитывался и жилъ, любилъ кашубскій языкъ и, издавая свой словарь, выразилъ желаніе, „чтобы какой-либо языкоизслѣдователь принялъ на себя трудъ объѣхать всѣ кашубскія селенія и собрать остатки мало-по-малу исчезающаго съ лица земли древневендскаго языка, употребляемаго такъ называемыми крабатками".

Желаніе это нашло для себя неожиданно благопріятную почву въ Россіи. Via князь А. Чарторыскій, а, можетъ быть, и П. И. Кеппенъ, какъ полагаетъ В. А. Францевъ (см. „Слав. Замѣтки" въ Р. Фил. В. 1908, № 4), оно дошло до графа Н. П. Румянцева, а потомъ и до А. С. Шишкова, которые вступили съ Мронговіусомъ въ переписку. Гр. Румянцевъ изъ Гомеля въ 1825 г. выслалъ ему 200 рублей, прося его самого „объѣхать кашубскія селенія, составить по возможности словарь сего погасающаго нарѣчія и собрать хотя нѣкоторыя преданія, существующія въ устахъ сихъ поморянъ", а также кашубскія книги, если таковыя есть, и рукописи. Свою поѣздку по кашубскимъ селамъ Мронговіусъ описалъ въ Baltische Studien 1828 г. Во всякомъ случаѣ сношенія Мронговіуса съ русскими не пропали для науки даромъ. Когда къ началу 40-хъ годовъ дѣло дошло у насъ до посылки за границу молодыхъ славистовъ, одному изъ нихъ П. И. Прейсу было поручено проѣхать въ Гданскъ и провѣрить на мѣстѣ указанія Мронговіуса о близости кашубскаго языка къ русскому. „Донесеніе" Прейса министру (Ж. М. Н. Просв. 1840 г.) было первымъ научнымъ сообщеніемъ о кашубскомъ племени. Прейсъ отвергъ мнѣніе Мронговіуса, первый заявивъ, что кашубскій языкъ есть „отрасль діалекта лехитовъ", но фактическими свѣдѣніями о кашубахъ, которыя онъ сообщаетъ въ своемъ „Донесеніи", онъ былъ обязанъ всецѣло Мронговіусу и его товарищу, гданскому пастору Борковскому. Прейсъ оставилъ намъ свѣдѣнія и о личности своего учителя въ кашубскомъ языкѣ. „Изъ ученыхъ, пишетъ онъ, съ

удовольствіемъ упомяну о добромъ старикѣ, который называется Мронговіусъ, извѣстный польскій лексикографъ. Я ему очень многимъ обязанъ въ отношеніи къ своей цѣли. Любовь его къ своему предмету превышаетъ всякое описаніе"...

Мронговіусъ однако говорилъ о кашубахъ, но не отъ имени кашубовъ. Голосъ самого кашубскаго народа, заявляющаго о своемъ существованіи и о своемъ правѣ на жизнь и развитіе, впервые послышался въ устахъ доктора Флоріана Цойновы. Это—личность первостепеннаго значенія въ исторіи кашубскаго самосознанія.

VI.

Цейнова (1818—1881)—сынъ кузнеца изъ Славошина, деревни Пуцкаго уѣзда. Горькую долю родного народа, всѣми забытаго, видѣлъ онъ съ дѣтства, и стала она ему близка и дорога. „Мужикъ—говорилъ онъ—это фундаментъ каждаго государства. А фундаментъ всегда останется фундаментомъ. Безъ него выстрой хоть самое великолѣпное зданіе съ высокою гордою башней (король), блестящей крышей (министры, чиновники, войска) и выглаженными стѣнами (купцы, ремесленники), — все равно, оно рухнетъ и обратится въ прахъ. Gbur to mur. Крестьянинъ—это стѣна".

Сынъ народа, Цейнова хотѣлъ въ мѣру разумѣнія своего быть его другомъ. Какъ вся кашубская молодежь, онъ выросъ подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ польской культуры. Воспитанникъ Хойницкой гимназіи, онъ уже на школьной скамейкѣ принадлежалъ къ гимназическому обществу, поставившему себѣ цѣлью изученіе польскаго языка и литературы. Въ Бреславлѣ, куда Цейнова поступилъ въ 1842 г. на медицинскій факультетъ, и въ Королевцѣ, гдѣ онъ учился съ 1843 года, польскія вліянія только крѣпли. Съ особенной жадностью читалъ Цейнова все, что попадало въ руки изъ демократическихъ изданій парижской польской эмиграціи. И передъ нимъ, какъ передъ всякимъ полякомъ, носился образъ Польши: вставала вдали „она, милая, святая, той же славой повитая, что̀ въ былыя времена", но съ новымъ содержаніемъ, демократическая, не шляхетская. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что эта новая, свободная Польша дастъ счастье свободы и его кашубамъ, и, когда въ 1846 году раздался призывный кличъ Мѣрославскаго, онъ безъ всякихъ сомнѣній и борьбы, очертя голову, кинулся въ Старогардское „возстаніе".

19 февраля узналъ онъ въ Королевцѣ о готовящемся нападенiи на Старогардъ, а 20-го былъ уже въ Старогардѣ, подставляя подъ топоръ палача свою голову ради дѣла, въ которомъ видѣлъ благо народа.

Возстанiе 1846 г. было затѣей оторванныхъ отъ родной почвы парижскихъ эмигрантовъ: задуманное во имя отвлеченной идеи независимой Польши, оно не имѣло корней въ народѣ. Когда одинъ изъ заговорщиковъ, молодой Клещинскiй, собравъ крестьянъ, произнесъ имъ пламенную рѣчь о Польшѣ, они, вспомнивъ старые шляхетскiе порядки, стали всячески поносить Польшу. Напрасно главные агитаторы, кс. Лободзскiй и помѣщица Калькштейнъ, отуманивали народъ и обѣщанiями раздать землю и разсказами, что лютеране хотятъ вырѣзать въ Старогардѣ католиковъ. Въ довершенiе всего наканунѣ самаго возстанiя—оно было назначено на 21-ое — власти арестовали главнаго вождя. Въ это время явился въ Старогардъ Цейнова. Нѣтъ вождя? Онъ будетъ вождемъ! Мало охотниковъ? Найдутся! И вотъ онъ уже готовитъ планъ: три армiи должны напасть на Старогардъ—одна съ сѣвера отъ Тчева, другая съ юга отъ Хойницъ, обезоружить стоявшихъ тамъ прусскихъ гусаръ, арестовать или перебить бывшихъ тогда на военномъ балу офицеровъ и завладѣть крѣпостью. Бѣда только, что всѣ эти „армiи" существовали въ пылкомъ воображенiи Цейновы и его товарищей. Когда дошло до дѣла, весь южный отрядъ умѣстился па трехъ саняхъ. Со стороны Тчева набралось крестьянъ побольше—около 70 человѣкъ,—но, когда крестьянамъ сказали, что имъ придется убивать гусаръ, они только мялись на мѣстѣ, а одинъ изъ ихъ „главарей" Гезе (Haese) выразилъ общее настроенiе, откровенно заявивъ: „Какъ? Чтобы я да сталъ людей убивать! Ни за что! Я видѣть не могу, какъ моя мать цыпленка рѣжетъ". Такъ и разошлись въ разныя стороны. А въ это время Цейнова въ волненiи ходилъ въ Старогардѣ по мосту, ожидая своихъ „войскъ", чтобы принять надъ ними командованiе. Исторiя почти комическая, напоминающая извѣстный разсказъ Неруды о томъ, какъ три чешскихъ первоклассника-гимназиста въ томъ же 1848 году вздумали овладѣть чешской Прагой. Но нѣмцы приготовили старогардскому „возстанiю" трагическiй эпилогъ. Цейнова былъ приговоренъ къ смертной казни, которую король замѣнилъ долголѣтнимъ тюремнымъ заключенiемъ.

Мысли на Хойницкомъ мосту въ Старогардѣ, а, можетъ быть, и стѣны Моабита отрезвили Цейнову. Онъ увидѣлъ бе-

зумство экзальтированной доблести, не разсчитанной на реальныя силы, и въ своемъ отвлеченномъ народолюбствѣ не желающей даже считаться съ дѣйствительными стремленіями народа. Онъ не измѣнилъ демократическимъ идеаламъ юности, но передъ нимъ открылись новые пути служенія народу. Въ жизни личной это сказалось въ томъ, что, получивъ въ Берлинѣ степень доктора медицины, онъ занялся практикой сперва въ Буковцѣ, а потомъ въ Свѣцѣ, гдѣ до самой смерти въ теченіе болѣе 30 лѣтъ приносилъ помощь населенію, и часто можно было видѣть, какъ съ всклокоченными волосами, съ запущенной бородой, въ старомъ плащѣ трясется онъ, бывало, на кучѣ соломы въ простой фурѣ, спѣша къ паціенту. Въ области идей онъ отъ революціонной и безплодной шумихи польскихъ заговоровъ перешелъ къ мысли о мирной и культурной работѣ надъ возрожденіемъ родного народа. Вмѣстѣ съ этимъ онъ отдѣлилъ дѣло кашубовъ отъ дѣла Польши.

Несмотря на кажущуюся рѣзкость этой перемѣны, она не была неподготовленной. Сынъ кашубскаго кузнеца, еще въ Хойницкой гимназіи, вѣроятно, почувствовалъ на себѣ нѣсколько высокомѣрное отношеніе товарищей-поляковъ: свѣдущіе люди (Gryf, I, 71) говорятъ, что и теперь еще языкъ и темпераментъ кашуба вызываютъ въ польской молодежи насмѣшки. Съ другой стороны на Цейнову могли дѣйствовать воспоминанія о Бреславлѣ. Давно уже стала нѣмецкой эта столица Силезіи, но въ темныхъ аудиторіяхъ ея стараго университета и тогда и теперь можно было часто изъ устъ студентовъ услышать славянскую рѣчь, а во времена Цейновы и съ каѳедры говорили тамъ два знаменитыхъ дѣятеля чешскаго возрожденія, физіологъ Пуркине и авторъ „Столистой Розы“, профессоръ славянскихъ нарѣчій Челяковскій, и сквозь нѣмецкую оболочку не могло у нихъ не пробиться славянское чувство. Пуркине былъ между прочимъ „протекторомъ“ лужицкаго студенческаго кружка. Въ маленькихъ мрачныхъ домикахъ, что и теперь еще ютятся въ окрестностяхъ университета надъ извилистой Одрой, собирались въ тѣсномъ студенческомъ углу молодые лужичане, изыскивая мирныя, конечно, средства, какъ спасти свой маленькій—значительно меньшій, чѣмъ кашубы—народъ. Цейнова—самъ членъ литературно-славянскаго общества, основаннаго Матецкимъ—не могъ не знать объ этихъ усиліяхъ, можетъ быть, самъ приглядывался къ нимъ, самъ слышалъ молодыя убѣжденныя рѣчи, полныя вѣры въ народъ и въ силу культуры,—и, когда отъ революціонной вспышки сороковыхъ годовъ остался только ѣдкій дымъ гари, старыя бреславль-

скія впечатлѣнія всплыли наверхъ. Не сразу порвалъ онъ съ прошлымъ и только въ началѣ 1850 года, когда возникшая въ Познани „Польская лига" обратилась съ своимъ воззваніемъ и къ населенію Западной Пруссіи, онъ выступилъ самостоятельно, какъ кашубъ. Какъ всегда открытый, умѣя ставить вопросъ только ребромъ, онъ отвѣтилъ на призывъ лиги въ хелмнинской „Школѣ Народовой" маленькой статьей Kaszebji do Pólochóv, которая однако явилась какъ бы своего рода манифестомъ, впервые отъ имени кашубскаго народа возвѣстившимъ славянамъ и всему міру, что кашубы живы и жить хотятъ. По самой формѣ своей она напоминаетъ манифестъ.

„Кашубы полякамъ. Да прославленъ будетъ Іисусъ Христосъ! Съ этимъ христіанскимъ привѣтомъ обращаемся мы къ вамъ, милые братья поляки, и, привѣтствуя васъ, будемъ говорить съ вами, какъ младшій братъ со старшимъ. Послушайте! Вы недовольны нами, что мы мало читаемъ польскія изданія и еще меньше льнемъ къ тому польскому братству, что вы называете лигой. Но дѣло въ томъ, что мы, настоящіе кашубы, не понимаемъ хорошо по-польски и потому должны сперва научиться вашему славному языку. Но какъ трудно учиться, когда некому учить. Наши священники—нѣмцы, наши учителя трепещутъ передъ своимъ начальствомъ. Удивительно ли, что мы говоримъ такъ, какъ говорили наши предки, т. е. по-кашубски. И не думайте, братья поляки, что мы стыдимся нашей рѣчи. Избави Боже! Если бы кто написалъ исторію нашихъ предковъ, какъ они всевали съ давними пруссаками, датчанами, шведами, нѣмцами, вышла бы книга на славу. Наша земля когда-то простиралась отъ Вислы до Одры, отъ моря по самую Варту. Любо намъ видѣть нашего чернаго грифа, нашъ кашубскій гербъ рядомъ съ бѣлымъ орломъ польскимъ на высокихъ воротахъ Гданска. Любо намъ видѣть гробы нашихъ давнихъ князей въ Оливѣ, гдѣ, смотря на Субислава, Самбора, Мщуговъ (Мстивоевъ) и Святополка, мы вспоминаемъ о принятіи нашей землей вѣры христіанской, о набожности нашихъ предковъ, объ ихъ войнахъ съ крестоносцами. И стоитъ только произнести при насъ имя крестоносца, какъ мы содрогаемся при мысли о томъ, какъ они на гданскомъ рынкѣ вырѣзали нашихъ предковъ, нашъ край заграбили и обезчестили нашихъ женъ. Но взглянешь по другую сторону главнаго алтаря, и сразу становится легче на сердцѣ. Тамъ на стѣнѣ висятъ портреты польскихъ королей, напоминая намъ, какъ наши предки соединились съ поляками, выбравъ себѣ

въ князья ихъ государей. Тогда-то сошло въ кашубскую землю просвѣщеніе; тогда пришли къ намъ изъ Польши священники, что на понятномъ языкѣ объясняли намъ ученіе Христово, дали намъ книги, по которымъ мы и теперь молимся, основывали школы. Изъ этихъ школъ выходили священники, судьи, учителя. И тогда всѣ чиновники знали по-кашубски, потому что стоитъ поляку годъ прожить у насъ, и онъ насъ отлично пойметъ. Потомъ все измѣнилось: подъ прусскимъ владычествомъ стали учить въ школахъ по-нѣмецки, а изъ нѣмецкихъ школъ не могутъ выходить хорошіе пастыри, ибо не знаютъ нашего языка. Итакъ когда-то легко достигалось наше единство съ поляками, нашими родными братьями, въ жилахъ которыхъ, какъ и у насъ, течетъ славянская кровь. Теперь его уже трудно достигнуть, ибо намъ, настоящимъ кашубамъ, не помогаютъ въ просвѣщеніи ни князья, ни учителя, ни даже шляхта. Но мы надѣемся на Бога: со временемъ мы выработаемъ свой языкъ. И помогай намъ въ этомъ Богъ! Аминь. Писано 20 февраля 1850 года въ Западной Пруссіи у границъ Поморья. Вуйка-сынъ". Такъ назвалъ себя Цейнова, и Вуйкасынъ, т.-е. сынъ Вуйка (Войтѣха) изъ Славошина, стало отнынѣ его литературнымъ псевдонимомъ.

Несмотря на умѣренный и благожелательный для поляковъ тонъ перваго кашубскаго выступленія, со всѣхъ сторонъ посыпались на Цейнову обычные въ такихъ случаяхъ крики: „измѣнникъ", и еще до сихъ поръ въ Цейнову летятъ камни за то, что онъ имѣлъ смѣлость сказать: „я кашубъ и хочу кашубомъ быть и остаться". Среди самихъ кашубовъ нашелся какой-то „хлопъ изъ земли Мираховской", который напалъ на „непрошеннаго опекуна", заявляя, что кашубы вовсе и не думаютъ о родномъ языкѣ. Но именно это-то и придавало важность выступленію Цейновы. Въ его лицѣ проснулся наконецъ народъ и, чѣмъ рѣзче были нападки, тѣмъ рѣзче и опредѣленнѣе становился тонъ Цейновы. „Насталъ, насталъ наконецъ часъ, чтобы кашубъ не стыдился говорить по-кашубски. Кто это дѣлаетъ, тотъ, конечно, никогда не подумалъ, что онъ является убійцей своихъ предковъ, убійцей братьевъ и сестеръ, убійцей родныхъ и друзей дѣтства, словомъ—убійцей всего народа". И впадая въ столь характерный для него „мужицкій" тонъ, Цейнова продолжалъ кашубской поговоркой: „Забыла свинья, что поросенкомъ была. Да будетъ проклятъ на вѣчные-вѣки каждый, кто не чтитъ своихъ предковъ и своего языка, а трижды проклятъ тотъ, кто стыдится материнской рѣчи".

Если бы Цейнова не написалъ ничего, кромѣ этихъ строкъ, и тогда имя его осталось бы краеугольнымъ въ исторіи кашубскаго самосознанія. Первый сознательный шагъ народа въ томъ и состоитъ, чтобы отграничить свое *я* отъ другихъ, хотя бы самыхъ близкихъ народовъ. Но дѣло Цейновы этимъ не ограничилось. За статьями въ №№ 10—11 „Szkoły narodowej“ послѣдовала первая на чистомъ кашубскомъ языкѣ написанная книжка: „Książeczka dlo Kaszebov przez Wójkasena. Ve Gdańsku 1850“— всего 14 страничекъ, нѣсколько молитвъ, нѣсколько пословицъ, маленькія повѣстушки и таблица умноженія. Въ томъ же самомъ году уже въ Краковѣ вышли „Kile slov, wó Kaszebach e jich zemi“—„Нѣсколько словъ о кашубахъ и ихъ землѣ“—съ присоединеніемъ перевода вышеупомянутой статьи Прейса, а затѣмъ, кажется, самое любимое произведеніе Цейновы, которое ему пріобрѣло всего больше враговъ—Rozmòva Pòlócha z Kaszébą (Разговоръ поляка съ кашубомъ, 2-е изд. въ 1865 г. въ Свѣцѣ). Въ 1866—1868 гг. Цейнова начинаетъ издавать родъ періодическаго журнальчика Skorb kaszebsko-slovjnjskjè mòvé, котораго вышло 13 выпусковъ, страничекъ по 15—16 каждый. Въ 1879 г. въ Познани онъ выпускаетъ первую кашубскую грамматику „Zarés do Grammatikj Kašébsko-Słovjńskjé Mòvé“. Кромѣ того, онъ съ самаго начала занимается собираніемъ народныхъ пѣсенъ, пословицъ, басенъ и становится первымъ кашубскимъ фольклористомъ. Намъ извѣстны 4 его книжки въ этомъ родѣ. Фольклористическіе труды его печатала между прочимъ наша Академія Наукъ. Наконецъ, самъ человѣкъ маловѣрующій, „дарвинистъ и безбожникъ“, какъ его называли кашубскіе ксендзы, онъ переводилъ для кашубовъ-протестантовъ съ нѣмецкаго „Пять главныхъ отдѣловъ евангелическаго катехизиса“ (Pjnc głovnech wóddzałov evangjeljckjho katechjzmu, 1861). Издавалъ онъ и книги медицинскаго содержанія, на все это тратя свои собственныя скудныя средства, раздавая книги чуть не даромъ. Если бы собрать всѣ эти брошюры и летучіе листки—около 20 названій—въ одно цѣлое, получилась бы книжка не болѣе, чѣмъ въ 150 маленькихъ страничекъ. Литературныхъ достоинствъ сочиненія Цейновы не имѣютъ. Но намъ дороги эти страницы: въ нихъ отпечатлѣлись первые признаки пробужденія къ жизни почти уже мертваго народа.

Процессъ этотъ не могъ совершиться безболѣзненно, причемъ вся сила болѣзненности должна была естественно пасть на тотъ народъ, съ которымъ до сихъ поръ кашубы пребывали въ

безсознательной культурной слитности, къ которому они всего ближе по крови—на народъ польскій. Здѣсь кроется главная причина той рѣзкости, съ которой послѣ 1850 г. напалъ Цейнова на все польское, особенно въ „Разговорѣ поляка съ кашубомъ". Многое объясняется тутъ нетерпимостью польскаго общества, многое революціонно-полемическимъ задоромъ Цейновы, но теперь, спустя столько лѣтъ, пора уже понять, что помимо личныхъ особенностей обѣихъ сторонъ, ихъ столкновеніе было неизбѣжно и такъ же необходимо и естественно, какъ въ жизни отдѣльной семьи неизбѣжны тренія между отцомъ или старшимъ братомъ-воспитателемъ и юношей, который, созрѣвъ для самостоятельной жизни, хочетъ выйти изъ-подъ родительской опеки и самъ опредѣлять свои желанія и идеалы.

Съ литературной точки зрѣнія діалогъ Цейновы въ „Разговорѣ поляка съ кашубомъ" очень слабъ. Ни кашубъ ни полякъ не имѣютъ у Цейновы цѣльной физіономіи. Свои мысли онъ влагаетъ въ уста то тому, то другому, отчего для простодушнаго читателя—а для такихъ именно предназначался „Разговоръ"— получается иногда полная неразбериха, но много яду, ироніи, задора, рѣзкой смѣлости мысли выпустилъ здѣсь Цейнова противъ Польши, хотя собственно народа польскаго онъ не затрагиваетъ нигдѣ. Насколько можно судить по приводимой имъ намѣренно вздорной исторіи Польши, онъ былъ сторонникомъ теоріи, по которой польская шляхта и народъ произошли отъ разныхъ этническихъ особей. Его полякъ прежде всего шляхтичъ.

Давній демократъ, Цейнова правдой и неправдой язвитъ польскую шляхту за ея чванство и кичливость, за ея праздность и жизнь на чужой счетъ, за ея пренебреженіе къ народу и эксплоатацію его труда. Съ самаго начала его полякъ чванится передъ кашубомъ своимъ происхожденіемъ: „Мы, поляки, не сто, не тысячу, а тысячи лѣтъ древнѣе кашубовъ. Мы ведемъ нашъ родъ отъ самихъ китайцевъ".—Да ну?—спрашиваетъ кашубъ, не можетъ быть.—Какъ же! У насъ всѣ манеры азіатскія: страстность, быстрые переходы отъ гнѣва къ добродушію, непостоянство, невыдержанность, особенно въ умственномъ трудѣ, наконецъ нашъ духъ кастовый, настоящій азіатскій, нашъ гоноръ военный... Когда стало тѣсно въ Китаѣ, и начали его покидать орды за ордами, сперва гунны, потомъ авары, вышли и мы, поляки, потомки ляховъ, или лесговъ, одной изъ вѣтвей кавказскихъ аваровъ. Это было настоящее ядро всего китайскаго рыцарства. Всѣ шли съ нами, потому что жизнь была хороша:

ничего не дѣлай, только контрибуціи собирай... Сѣли мы на верхней Вартѣ и Вислѣ. Народъ тамъ славяне, тихій, покорный, а кто вздумалъ было подать голосъ, мы его сразу прихлопнули и заставили притихнуть и только пировали; занимались охотой, да забавлялись сеймиками, потому что вся земля была наша, и каждый изъ насъ былъ настоящимъ королемъ. Все за насъ дѣлали славяне".

„Но развѣ можно жить хорошо не трудясь", спрашиваетъ кашубъ.—„Конечно. Кто празднуетъ и пируетъ, тотъ только и живетъ, тотъ—шляхтичъ. А кто работаетъ, что онъ такое? Волъ оселъ, хамъ! Развѣ можно его назвать человѣкомъ? Такъ и было въ стародавнія времена. Шляхта пила, ѣла, гуляла, а хлопъ работалъ за себя и за шляхтича. Все дѣло въ томъ, чтобы добыть шляхетство. И хама признаютъ человѣкомъ, если у него есть деньги". Но кашубъ не сдается: „Мужикъ — вотъ опора народа. А если такъ, заживемъ же въ любви, безъ различія сословій". „Ну, нѣтъ, отвѣчаетъ полякъ. Пока свѣтъ стоитъ, никогда шляхтичъ не женится на хамкѣ. Вотъ развѣ на красивой и на богатой жидовочкѣ, это другое дѣло..."

Отъ момента этническаго и сословнаго Цейнова переходитъ къ языку. „Мы, авары, — говоритъ его полякъ — привыкли къ двумъ языкамъ. У насъ вездѣ латынь. И ксендзъ латынщикъ, и судья латынщикъ, и кухарка и та хоть одно словечко да выболтнетъ по латыни. А на языкъ славянскій мы смотримъ съ презрѣніемъ, какъ на языкъ хлопскій".—„Знаю, отвѣчаетъ кашубъ. Видалъ я шляхтича, который, боясь, какъ бы не испортился его сынъ, учась съ мѣщанскими дѣтьми, выписалъ для него въ гуверneры и англичанина, и итальянца, и француза, а сынъ, выйдя изъ этой школы, сказалъ, что поляки не люди, а волы".—„Ну, а вашъ языкъ какой, спрашиваетъ кашуба полякъ, скажи мнѣ нѣсколько словъ". И кашубъ отпускаетъ тутъ такую фразу, что въ ней нѣтъ ни одного слова схожаго съ польскимъ, и поляку приходится только развести руками.

Отграничивъ такимъ образомъ кашубовъ отъ поляковъ, какъ народъ, Цейнова и въ народной политикѣ своей пошелъ особой дорогой. Еще въ „Школѣ Народовой" онъ писалъ: „Диву мы, кашубы, даемся, что поляки нѣмцевъ о своей народности просятъ. Вѣдь народность дается намъ самимъ Богомъ. Чего жъ о ней просить! Лучше попросимъ Бога, чтобы далъ онъ намъ здравый умъ, а тогда сохранимъ мы и народность, это Божеское право, и славянская рѣчь, гдѣ она звучитъ, тамъ звучать и будетъ.

Нѣтъ, мы, кашубы, тихо сидимъ подъ нашимъ княземъ, королемъ прусскимъ, и о народности съ нѣмцами не толкуемъ, не желая даромъ чесать языки. Того же и вамъ, милые братья поляки, желаемъ. Развѣ вы не знаете, что чѣмъ больше кота дразнить, тѣмъ онъ выше задираетъ хвостъ и больше мурлычитъ". Въ „Разговорѣ" та же самая мысль выражена еже рѣзче: „Польскіе волы—читаемъ здѣсь о легіонистахъ и повстанцахъ 1830 и 1863 гг., не зная ни географіи ни статистики, съ молокомъ въ брюхѣ и сывороткой въ головѣ зарычали, задрали хвостъ кверху и, бѣгая по свѣту, бодали кого попало, а коровы давали кому попало молоко". Оцѣнивая эти слова, не надо забывать, что старогардскій повстанецъ бичевалъ въ нихъ и свои молодыя грезы.

Что же значило для Цейновы „сидѣть тихо"? Осудивъ рѣзко политику заговоровъ и возстаній, безъ сомнѣнія Цейнова противополагалъ ей мирное культурное возрожденіе кашубовъ, причемъ безумно было бы не воспользоваться нравственной опорой, которую давало кашубамъ совершавшееся тогда во всемъ славянскомъ мірѣ движеніе. Первыя слова Цейновы въ первой его кашубской книжкѣ были: „всѣмъ славянамъ братскій привѣтъ"! Но если искать себѣ поддержки въ обще-славянскомъ сознаніи, возможно ли пройти мимо такого могучаго и физически и нравственно двигателя славянской жизни, какимъ является Россія, бывшая во времена Цейновы единственнымъ, вполнѣ независимымъ славянскимъ государствомъ? И Цейновѣ за его „москалефильство" и „панславизмъ" досталось въ свое время, да и теперь достается, гораздо больше, чѣмъ за нападки на польскую шляхту. Но помимо всякихъ политическихъ расчетовъ русскія сочувствія Цейновы были естественнымъ движеніемъ благодарности за вниманіе и интересъ, съ которымъ русскіе всегда относились къ кашубамъ. Кто первый, едва узнавъ о существованіи кашубовъ, безкорыстно откликнулся на призывъ Мронговіуса къ изученію кашубскаго края? Русскій,—Румянцевъ. Кто первый познакомилъ ученый міръ съ языкомъ забытаго народа? Русскій,—Прейсъ. Кто первый научно обслѣдовалъ его? Русскій,—Гильфердингъ. И въ настоящее время не наша ли Академія Наукъ, вѣрная старымъ преданіямъ, издала и научную грамматику и словарь словинскаго языка? И все это въ то время, когда поляки, въ лицѣ Викентія Поля, автора „Пѣсни о родной землѣ", воспѣвая и Волынь, и Подолію, и даже православную кіевскую лавру, не обмолвились даже словомъ о родныхъ и близкихъ имъ кашубахъ!

Цейнова не могъ не видѣть этой разницы. Какъ кашубъ, какъ человѣкъ, любившій свой народъ, онъ не могъ не цѣнить русскихъ услугъ и искренне и горячо писалъ въ своемъ „Разговорѣ": „Слава ученымъ побратимцамъ, москалямъ и чехамъ, за то, что они не одну уже работу о кашубскомъ языкѣ написали и напечатали!" Начавъ издавать свое „Сокровище (Skórb) кашубско-словинскаго языка, онъ перевелъ въ немъ сказку Пушкина о рыбакѣ и рыбкѣ:

Żeł to starészk se swóją starészką
Wu saméło wjêlgjeło mórza...

Въ 1867 году, наперекоръ бойкоту московскаго славянскаго съѣзда поляками, онъ ѣдетъ въ Москву и тамъ, непосредственно прикоснувшись къ русской жизни, изъ устъ Тютчева слышитъ его привѣтъ слȃвянамъ и выраженіе его пророческой вѣры, что „слово—Царь-Освободитель—за русскій выступитъ предѣлъ":

Тогда же онъ читаетъ и переводитъ другіе стихи Тютчева „Къ Ганкѣ". Кажется, что Россія привлекала его не только живымъ участіемъ русскихъ ученыхъ силъ къ кашубамъ, но и широкой демократичностью всего своего жизненнаго уклада, который такъ бросается въ глаза всякому, кто пріѣзжаетъ къ намъ съ Запада: въ 1864 г. онъ перевелъ на польскій языкъ манифестъ намѣстника объ освобожденіи крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ. Наконецъ, онъ несомнѣнно понималъ, что Россія, какою бы она ни была, уже самымъ существованіемъ своимъ мимовольно не можетъ не служить славянству, и въ этомъ отношеніи, какъ всегда рѣзкій, онъ не щадилъ горькихъ словъ упрека полякамъ: „Поляки, говоритъ его кашубъ въ „Разговорѣ", при каждомъ удобномъ случаѣ льнутъ къ нѣмцамъ, а за то чернятъ на всѣ руки москалей и греческо-католическую вѣру, однимъ словомъ все славянское, ибо всѣ славяне глупцы въ сравненіи съ поляками, которые во всемъ добромъ и разумномъ стоятъ впереди всего міра. Книжку въ такомъ духѣ и ксендзъ похвалитъ, и шляхтичъ одобритъ, а народъ глупый купитъ".

Свои идеи Цейнова проповѣдывалъ и въ жизни. Цейнова—пишетъ о немъ одинъ изъ его идейныхъ враговъ, кс. Густавъ Поблоцкій (Gryf, I, 136)—служилъ панславизму, вербуя ему сторонниковъ посреди высшихъ классовъ гимназіи въ той надеждѣ, что позднѣе, занявъ положеніе въ обществѣ, они будутъ полезны москалямъ. Съ этой цѣлью онъ часто, бывало, пріѣзжалъ въ Хойницы и Вейерово, гдѣ въ гимназіи училось всего больше кашуб-

ской молодежи. Велъ онъ дѣло такъ. Къ себѣ въ гостиницу или на квартиру кого-нибудь изъ учениковъ онъ приглашалъ заранѣе уже намѣченныхъ воспитанниковъ. Тотъ, на кого нельзя было положиться, кто могъ донести о сходкѣ, приглашенія, конечно, не получалъ. Какъ только гости сходились—а сходились всѣ, потому что каждый считалъ себѣ приглашеніе за честь—докторъ начиналъ угощать своихъ гостей и пивомъ, и виномъ, и сигарами, и сладостями. Веселые это бывали вечера, иногда, можетъ быть, даже слишкомъ веселые. Подъ предводительствомъ доктора пѣлись пѣсни, а особенно одна, которую Цейнова самъ перевелъ съ русскаго и любилъ ее повторять, пѣснь Тютчева:

Вѣковать ли намъ въ разлукѣ?	Vjecznje żec nam v rozłączenju?
Не пора-ль очнуться намъ	Ju pora wodecknjenja!
И подать другъ другу руки—	Niech svój svemu poda rękę—
Нашимъ кровнымъ и друзьямъ?	Svim krevnim, przejacelam.
Вѣки мы слѣпцами были	Vjekj mé slepémj bélé
И, какъ жалкіе слѣпцы,	Godni pòlétovanjá;
Мы блуждали, мы бродили,	Mé błądzélé, błąkalé sę
Разбрелись во всѣ концы.	Pò róznéh svjata stronah.
И вражды безумной сѣмя	Durnè njenavjsce semję
Плодъ сторичный принесло;	Przenjosło stokrotni plon—
Не одно погибло племя,	Przepadło njejedno plemię,
Иль въ чужбину отошло.	Abo vędrovało w śwjat.
Но среди сей ночи темной	Ale vstród tè nocé cemnè,
Здѣсь, на Пражскихъ высотахъ,	Tę na Pragskjh pagórkah
Доблій мужъ *) рукою скромной	Skrómną ręką mąż cerplévi,
Засвѣтилъ маякъ впотьмахъ.	Blizę wòsvjetlêl dlá nas.
О, какими вдругъ лучами	Ah, jakjmj to promjenmi
Озарились всѣ края!	Kraje nasze zabłésły!
Обличилась передъ нами	Zajasnja tu pred wòczima
Вся славянская земля.	Słovjanjská zemja całá!
Горы, степи и поморья	Góré, puszcze é pòmòrza
День чудесный осіялъ,	Dzenj cédovni wòsvjecêł
Отъ Невы до Черногорья,	Wòd Nevé do Czàrnogórza,
Отъ Карпатовъ за Уралъ.	Wòd Łabé do Wurała.
Развѣтаетъ надъ Варшавой,	Rozvjdnjá se ve Varszavje,
Кіевъ очи отворилъ,	Kjjòv wòczé wòtwòrzeł;
И съ Москвой золотоглавой	A do Mòskvé złotoglovè
Вышеградъ заговорилъ.	Viszegrad zàs przemóvjeł.
И нарѣчій братскихъ звуки	Rodzimnèho słova brzmjenjá
Вновь понятны стали намъ.	Stałé sę pòjętnè nąm—
На яву увидятъ внуки	Na javje wjdzą to vnukj,
То, что грезилось отцамъ.	Wò czim snjło sę wòjcąm.

[1]) Ганка.

Когда въ головѣ у всѣхъ достаточно шумѣло, наступала пора дѣйствовать. Цейнова начиналъ излагать цѣль собранія. „Мы пропадемъ ни за грошъ—говорилъ онъ,—рано или поздно насъ онѣмечатъ, если мы не обопремся на Россію. Она—вѣрный другъ всѣхъ славянъ, а особенно насъ, кашубовъ. А между тѣмъ мы что дѣлаемъ? Загляните въ наши газеты. Здѣсь въ Пруссіи и въ Австріи грозятъ онѣ нашимъ врагамъ нѣмцамъ пальцемъ въ сапогѣ или кулакомъ въ карманѣ, но пусть дойдетъ дѣло до русскаго, сейчасъ же кулакъ изъ кармана и потрясаютъ имъ въ воздухѣ, ругая Россію направо и налѣво, особенно, если пишутъ во Франціи или въ Англіи [1]). Такъ долѣе быть не можетъ, быть не должно. Господа! Если вы не хотите погибнуть, если не хотите утонуть въ нѣмецкомъ морѣ, протяните руку Россіи: она насъ спасетъ и освободитъ". Однажды — это было послѣ возстанія 1863 г. — послѣ такой панславистской проповѣди, помимо выпитаго вина и пива, настолько еще ясно было въ головѣ собесѣдниковъ, что всѣ мы гурьбою запротестовали противъ братанья съ москалями, а одинъ изъ насъ чуть было не бросился на проповѣдника. Въ концѣ концовъ однако это непріятное intermezzo запили мы виномъ и, какъ подобаетъ „воспитаннымъ" людямъ, на разсвѣтѣ in corpore проводили доктора до экипажа, а онъ, сердечно прощаясь, говорилъ намъ: До свиданія, до другого разу! Не обошлось, конечно, при этомъ и безъ раздачи брошюръ сочиненія Цейновы".

Эта страничка изъ жизни Цейновы ярко живописуетъ и самого проповѣдника, упрямаго и непреклоннаго оптимиста, и среду, въ которой пришлось ему дѣйствовать. Если когда-нибудь— а это должно быть и будетъ — водворится миръ въ „славянской міровой громадѣ, и съ Русью Польша помирится", вспомнится не безъ благодарности имя Цейновы. Онъ, хотя и родился „слѣпымъ"—всѣ кашубы, по словамъ поляка въ „Разговорѣ", родятся такими, — но традиціи польскаго воспитанія не помѣшали ему стать въ дѣйствительности зрячѣе многихъ зрячихъ и увидѣть, что для кашубовъ, какъ впрочемъ и для всякаго славянскаго народа, нѣтъ спасенія внѣ славянства, а значитъ нѣтъ его и безъ Россіи. Большая ему за это честь!

Нужно ли добавлять, что, думая о славянствѣ, Цейнова не исключалъ изъ него и Польшу? Рѣзкость нападокъ его на польскую шляхту и политику вытекала, конечно, не изъ вражды къ

[1]) Это слова самого Цейновы изъ „Разговора съ кашубомъ".

Польшѣ. Напротивъ! Между прочимъ характерно, что обѣ дочери Цейновы отъ его брака съ нѣмкой выросли польками. Правду сказалъ Данилевскій, авторъ стиховъ о Цейновѣ, что въ тайнѣ сердца своего онъ глубоко любилъ польскій народъ. Иначе и быть не могло даже съ чисто кашубской—какъ бы сказали поляки: сепаратистской—точки зрѣнія: польскій народъ—это ближайшее къ кашубамъ славянское звено. Польша—это единственный мостъ, соединяющій кашубовъ со всѣмъ остальнымъ славянскимъ міромъ.

Проповѣдь Цейновы не имѣла успѣха у кашубской интеллигенціи; не имѣли успѣха его листки и въ народѣ. Можетъ-быть, этому мѣшали до извѣстной степени особенности введеннаго имъ правописанія, но главной причиной было отсутствіе въ немъ литературнаго таланта. Сынъ народа, Цейнова и въ обществѣ говорилъ языкомъ близкимъ къ народу и отъ иныхъ его словечекъ покраснѣли бы и не дамскія уши, но эта простонародность не дала ему умѣнія подойти къ народу съ наиболѣе доступной его пониманію стороны. Довольно одного примѣра. Кашубы религіозны. Церковь для нихъ—единственное утѣшеніе въ ихъ трудной личной жизни, единственный оплотъ въ жизни народной. Цейнова, самъ давно потерявъ вѣру, и въ своихъ листкахъ не могъ удержаться отъ желанія поколебать ее въ народѣ. Его кашубъ въ „Разговорѣ“, выражаясь словами кс. Поблоцкаго, „философъ, софистъ, натуралистъ, дарвинистъ, атеистъ“, словомъ, что угодно, только не кашубскій простой гбуръ. И Вирховъ, и Фогтъ, и Вольтеръ, и Руссо пестрятъ въ его рѣчи, въ которой онъ, стараясь популяризировать въ народѣ естественно-научныя свѣдѣнія, безъ нужды грубо задѣваетъ самыя священныя вѣрованія народа. Тутъ и нападки спеціально на католицизмъ и выпады противъ самыхъ основныхъ догматовъ христіанской религіи. Правда, всѣ эти выпады тутъ же называются „бреднями умниковъ“, но это не мѣшаетъ Цейновѣ подробнѣйшимъ образомъ разсказывать эти „бредни“ и поучать своихъ земляковъ, что библія это вовсе не священная книга, что Христосъ не Богъ, что у человѣка нѣтъ души, что не надо поклоняться иконамъ, т. е., иначе говоря, подрываетъ въ корнѣ народное міросозерцаніе, впадая мѣстами даже въ кощунство. Единственно еще, что могло быть понятнѣе и ближе народу, это нападенія на католическое духовенство главнымъ образомъ за его корыстолюбіе. „Знаемъ мы ксендзовъ; лучше всего для нихъ это брать деньги и ловить рыбу въ мутной водѣ. Обманываютъ народъ и не вѣ-

рятъ сами, чему учатъ. О небѣ говорятъ такъ, какъ будто они тамъ были, и за нѣсколько злотыхъ готовы и вамъ выхлопотать туда доступъ. Но какъ только имъ самимъ приходится отправиться на тотъ свѣтъ, такъ они сейчасъ же на попятный и готовы уступить всѣ небесныя утѣхи какому-нибудь Петру или Павлу, а сами еще позабавиться здѣсь на землѣ". Едва-ли однако и эта критика духовенства не была соблазномъ. Во всякомъ случаѣ священники являлись единственнымъ классомъ народа, отъ котораго еще могъ кашубъ слышать родную рѣчь. Въ общемъ во всей этой послѣдней проповѣди своей Цейнова понесъ заслуженную неудачу. Ошибкою, хотя, какъ мы говорили, и неизбѣжною, были излишне рѣзкія нападенія на все польское: какъ бы то ни было, кашубамъ придется идти рука объ руку съ поляками.

Не удались и практическія начинанія Цейновы въ пользу родного народа. Въ „Скарбѣ" говорится о какомъ-то „ремесленно-промышленномъ обществѣ кашубско-словинскаго народа", объ особомъ журналѣ, органѣ этого общества. Но журнала такого не появилось, потому что и общество, кажется, осталось только въ воображеніи Цейновы. Словомъ, какъ общественный дѣятель въ широкомъ смыслѣ этого слова, Цейнова жилъ и умеръ неудачникомъ.

И тѣмъ не менѣе оказалъ онъ великую услугу родному народу. Устами Цейновы впервые заговорилъ кашубскій народъ. Цейновой дана закваска и всему дальнѣйшему броженію кашубской мысли. И здѣсь самые недостатки его были благотворны. Рѣзкость, съ которой онъ выдѣлилъ изъ безразличной слитности кашубско-польской жизни народный кашубскій элементъ, не могла не вызвать противодѣйствія. Вслѣдъ за народнымъ началомъ должно было обособиться чувство племенной близости къ Польшѣ. Этотъ періодъ кашубскаго самосознанія отмѣченъ именемъ Героминa Дердовскаго, или, по-кашубски, Яроша Дырды.

VII.

Цейнова былъ такъ называемый fein-кашубъ, т. е. происходилъ изъ сѣверной Кашубіи, гдѣ народный элементъ сохранился въ наиболѣе чистомъ видѣ. Представитель племенного начала, Дердовскій, наоборотъ, былъ grеb-кашубъ, родомъ изъ тѣхъ краевъ, гдѣ кашубскій языкъ подвергся уже сильному вліянію языка польскаго. Дердовскій родился 9 марта 1852 г. въ деревнѣ Велѣ

въ семьѣ зажиточнаго шляхтича-однодворца, братъ котораго служилъ по сосѣдству ксендзомъ. Его отдали въ Хойницкую гимназію, гдѣ даровитый мальчикъ учился легко и безъ труда, но гимназіи не кончилъ. Былъ онъ непосѣдой, фантазеромъ и поэтомъ не только въ литературѣ, но и въ самой жизни.

Мальчикомъ, выпросивъ себѣ у дяди денегъ, задумалъ онъ отправиться въ Римъ и поступить тамъ въ папскіе жуавы и добрался пѣшкомъ до самой Италіи, но дальше денегъ рѣшительно не хватило, а шляхетскій гоноръ не позволялъ нищенствовать. Тогда, нимало не смутясь, отъ имени мѣстнаго бургомистра посылаетъ Дердовскій домой оффиціальное увѣдомленіе о своей смерти и требуетъ высылки 200 талеровъ на погребеніе. Деньги, конечно, были высланы, и когда дома служили по Героминѣ панихиды, мертвецъ къ общему удовольствію веселый и здоровый, какъ ни въ чемъ не бывало, вернулся домой. Сжатыя линіи губъ, высоко поднятая голова и блескъ молодыхъ и рѣшительныхъ глазъ обнаруживали въ этомъ юношѣ необычную энергію.

Принужденный оставить гимназію, онъ сталъ домашнимъ учителемъ сперва подъ Иновроцлавомъ, потомъ подъ Картузами, но не съ его характеромъ было усидѣть въ деревушкѣ. Скоро изъ учителя онъ превратился въ литератора: сперва редактировалъ въ Хелмнѣ „Przyjaciela ludu“, потомъ работалъ въ редакціи краковскаго „Czasu“, наконецъ въ „Газетѣ Торунской“. Здѣсь въ Торуни попробовалъ онъ было выпустить и свою собственную газету „Kujawiak“, но дальше перваго нумера она не пошла. Зато, какъ журналистъ, Дердовскій, какъ полагается, отвѣдалъ прусскихъ тюремъ, просидѣвъ въ нихъ около полугода. Бѣсъ бродяжничества не оставлялъ его никогда. Вѣчно онъ ѣздилъ, то въ Петербургъ на коронацію имп. Александра III, то въ Варшаву и Вильну, то въ Лодзь и Львовъ. Наконецъ въ 80-хъ годахъ горемычная скитальческая жизнь забросила его въ Америку. Здѣсь онъ редактировалъ „Pielgrzyma“, женился, а потомъ и самъ сталъ издавать вмѣстѣ съ женою, поѣхавшей за нимъ въ Америку Любовецкой — „Wiarusa“, пока 23 сентября 1902 г. смерть не унесла его въ могилу.

Неудачи и бѣды не шутили съ Дердовскимъ, но самъ онъ прошутилъ съ ними всю жизнь и въ самой крайней бѣдѣ не терялъ юмора. Такимъ является онъ передъ нами и въ своей поэзіи.

Это — настоящее литературное дарованіе. Неглубокое, но

своеобразное и живое. Дердовскій — юмористъ, не безъ склонности къ карикатурѣ. Онъ самъ называетъ свое творчество łgorstwem, лганьемъ, а себя łgorzem, „лгаремъ", лгуномъ, выдумщикомъ, и, кажется, ни въ одномъ языкѣ никогда еще не былъ такъ выразительно подчеркнутъ элементъ вымысла въ поэзіи. Когда его герои начнутъ говорить, то блуждаютъ вѣчно по той узенькой дорожкѣ, гдѣ проходитъ рубежъ возможнаго и начинается ложь, да и самъ разсказчикъ въ одной изъ своихъ поэмъ, нырнувъ въ Гданской затокѣ около Пуцка, выплываетъ сразу у Царьграда. И видишь, что лжетъ, но онъ дѣлаетъ это такъ искренне, такъ непринужденно-весело и забавно, что вы охотно смотрите въ его искрящіеся смѣхомъ глаза и дослушиваете разсказъ до конца.

Какъ всякій юмористъ, Дердовскій чуждъ природы: въ ней нѣтъ матеріала для смѣха и сатиры. Дердовскаго занимаетъ человѣкъ, а среди людей прежде всего родной ему кашубъ, все равно будь онъ какой-нибудь Ясекъ изъ пущи, или шляхтичъ Чорлинскій, или простой гельскій рыбакъ Мужа, или, наконецъ, нераздѣльно слившійся съ роднымъ ему краемъ пейсатый Шмуль въ черной ермолкѣ. Всѣхъ ихъ готовъ онъ каждую минуту поднять на-смѣхъ, и они дѣйствительно становятся жертвами его юмора, но въ то же время вы всюду чувствуете, что онъ ихъ любитъ, они ему нравятся, и оттого на всѣхъ книжкахъ Дердовскаго лежитъ мягкій колоритъ теплаго чувства, и сквозь забавный смѣхъ всюду проглядываетъ любовь къ родному краю.

Въ самую жизнь кашубскую поэтъ не проникаетъ глубоко. Всей полноты кашубскихъ тревогъ и психологіи вы не найдете въ его книгахъ, но бытовыя черты умѣетъ онъ схватить мѣтко и нарисовать жизненно. Лучшее его произведеніе, конечно, поэма „O panu Czorlińscim co do Pucka po sece jachoł" (О Чорлинскомъ, что ѣздилъ въ Пуцкъ за сѣтями), которую „zełgoł dla swojech druhow kaszubściech Jarosz Derdowski" и издалъ въ 1880 г. въ Торуни.

Герой ея, Чорлинскій—рыбакъ, родомъ изъ Хмѣльна. У него испортились сѣти, и вотъ онъ ѣдетъ за новыми въ Пуцкъ, а по дорогѣ проходитъ черезъ цѣлый рядъ бѣдъ, благодаря мстительности шапочника Шмуля, который, сводя, съ нимъ старые счеты, зашилъ ему въ шапку „адскую моль съ цѣлыми тремя головами въ семь пальцевъ длиною". Подъ дѣйствіемъ „адской моли" на Чорлинскаго посыпалось столько несчастій, что ихъ хватило Дердовскому на цѣлыя три книги его поэмы.

Неудачи начались съ того, что Чорлинскій взялся отвезти двѣнадцать евреевъ на ярмарку въ Цоново въ Помераніи. Сначала все еще шло какъ будто ничего. Но потомъ пассажиры, не смолкая галдѣвшіе на своемъ непонятномъ языкѣ „гайде, дромтесъ, дрыдре, драле“, прискучили Чорлинскому: какъ надо ѣхать на гору, они сидятъ на саняхъ, а подъ гору, боясь вывалиться, соскакиваютъ и идутъ пѣшкомъ. „Дай же я ихъ научу, какъ надо ѣздить“, подумалъ Чорлинскій и наѣхалъ на кучу сору: евреи кувыркомъ, а одинъ изъ нихъ, тихій Бартекъ, скатился прямо въ глубокую яму, гдѣ были стоки изъ водочнаго завода. Чорлинскій не смутился, схватилъ перваго попавшагося изъ своихъ пассажировъ, опустилъ его вмѣсто шеста внизъ ногами и, хотя не безъ труда, вытащилъ Бартка. Съ тѣхъ поръ евреи поумнѣли и, какъ ѣхать на гору, вмигъ соскакивали, а подъ гору сидѣли тихо, держась другъ за друга. Всѣ остальныя приключенія въ томъ же родѣ. Наконецъ на одномъ изъ ночлеговъ неудачливый Бартекъ по неосторожности усѣлся на мѣшокъ съ только что купленными яйцами и всѣ ихъ передавилъ. Евреи подняли такой гвалтъ, что предсталъ жандармъ и всѣхъ ихъ посадилъ въ „ко́зу“. Чорлинскій думалъ повернуть оглобли и ѣхать въ Пуцкъ, но вдругъ вспомнилъ:

Я жидамъ далъ слово довезти ихъ до Цонова.
Шляхтичъ польскій не нарушитъ даннаго имъ слова!—

и, подумавъ немного, стегнулъ коней бичомъ и поѣхалъ въ Цоново. А евреи? Остались сидѣть въ арестѣ. „Сами виноваты; чегожъ они мнѣ ждать не приказали. Что посѣяли, то и пожали!“

Евреи, однако, не согласились съ толкованіемъ Чорлинскаго тѣмъ болѣе, что онъ увезъ съ собою и ихъ пожитки, и едва онъ пріѣхалъ въ Цоново, какъ его арестовали. Освобожденный спустя три недѣли, благодаря заступничеству тихаго Бартка, онъ мирится со своими пассажирами и пускается съ ними въ путь обратный, купивъ себѣ вмѣсто старыхъ издохшихъ за время его ареста лошадей новую лошадь. Это былъ знаменитый конь, на которомъ въ польскую „рухавку“ 48-го года ѣздилъ самъ Мѣрославскій. На бѣду попался имъ навстрѣчу отрядъ уланъ. При первомъ же звукѣ военнаго рожка конь вспомнилъ старые годы и, позабывъ, что едва волочитъ ноги, бросился бѣжать на звукъ музыки, а по пути было озеро. Онъ со слѣпу прямо въ озеро, ледъ треснулъ, и сани съ лошадью и Бартекомъ провалились.

Чорлинскій, оставшись одинъ—остальные евреи отстали—пошелъ пѣшкомъ въ Пуцкъ и послѣ долгихъ странствованій по нѣмецкимъ деревнямъ добрался наконецъ до Вержхуцена, гдѣ „народъ, хотя и исповѣдуетъ прусскую вѣру, но есть и польскихъ католическихъ семей немало". Очутившись среди своихъ, возблагодарилъ Чорлинскій Бога, „сталъ на колѣни на святой польской землѣ, поцѣловалъ ее, родную, напился польской воды изъ чистой польской криницы и пошелъ переночевать въ польскую корчму".

Между тѣмъ жена Чорлинскаго, безпокоясь по мужѣ, отправилась его искать. Въ Оливѣ монахи разсказали ей, какую шутку продѣлалъ съ ея мужемъ шапочникъ Шмуль, и указали, гдѣ его искать. Въ Жарновцѣ на свадьбѣ у органиста супруги встрѣтились, но Чорлинскій не захотѣлъ разстаться съ „адской молью", вынесъ изъ-за нея бурю на морѣ, а Шмулю отомстилъ: пріѣхавъ въ Картузы, бросилъ ему моль прямо въ лицо. Цѣлые милліоны молей вышли изъ нея и перепортили весь Шмулевъ товаръ, а Шмуль съ отчаянія утопился. Тѣло его подземнымъ теченіемъ отнесло прямо въ Хмѣльненское озеро, и когда Чорлинскій закинулъ тамъ въ первый разъ свой новый неводъ, сѣти вытащили—Шмуля. У Чорлинскаго съ тѣхъ поръ

От испугу мысли въ головѣ мѣшаться стали,
И въ Бытовѣ нѣмцы головой его избрали.

Юмористическая поэма кашубскаго поэта не обошлась и безъ комическаго житейскаго конца. Бытовскій бургомистръ обидѣлся за послѣдніе стихи, и противъ Дердовскаго было возбуждено судебное дѣло, которое, впрочемъ, кончилось оправданіемъ.

Много есть въ Чорлинскомъ остроумія дешеваго, много юмора грубоватаго, а иногда и просто грубаго, но всюду искрится веселый задоръ и неистощимое умѣніе посмотрѣть на все съ комической стороны. Есть обороты мысли, слова, выраженія, при которыхъ нельзя не улыбнуться. Много жизни, наблюдательности и незатѣйливой, но искренней, веселости встрѣчается и въ бытовыхъ картинкахъ, когда напр. Чорлинскій, желая блеснуть знаніемъ свѣта и элегантной тонкостью манеръ, на свадьбѣ у органиста хочетъ поцѣловать руку своей хозяйки, а та думаетъ, что онъ ее хочетъ укусить.

Типовое схвачено въ поэмѣ очень вѣрно. Вы сразу погружаетесь въ узкій кругъ понятій мелкой застѣнковой шляхты и

мѣщанства, гдѣ польское и католическое является единственнымъ мѣриломъ хорошаго, но главный выразитель всего этого вѣками сложившагося и заскорузлаго быта возбуждаетъ къ себѣ въ общемъ несомнѣнное сочувствіе. Даже тамъ, гдѣ онъ издѣвается надъ своими спутниками евреями, вы чувствуете, что въ глубинѣ души онъ любитъ ихъ. Срослись эти Лейзеры и Бартки съ родной для него кашубской дѣйствительностью, и для него неполна была бы жизнь въ родномъ краю, если бы не выглядывало тамъ изъ-за каждаго угла блѣдное еврейское лицо съ грустными глазами и черной бородкой, трусливое и предпріимчивое, старое и вмѣстѣ съ тѣмъ живое, отражающее всю экспансивность еврейскаго народнаго темперамента, все единственное, неповторяемое своеобразіе этого душевнаго міра. Правда, онъ съ ними совсѣмъ не церемонится, но вы видите, что это отношеніе характеризуетъ скорѣе бытъ, среди котораго онъ выросъ, что для него эти „жиды“—люди, и онъ самъ въ сущности добрый человѣкъ.

Это освѣщеніе главнаго героя характерно и для всей поэмы. Не будь въ каждой строчкѣ ея невидимо разлито чувство любви къ родинѣ и родному быту, ее можно было бы назвать пародіей на эпопею. Теперь она можетъ быть признана настоящей кашубской эпопеей. Образцомъ для Дердовскаго былъ, конечно, „Панъ Тадеушъ“. Вслѣдъ за Мицкевичемъ и онъ любитъ, сохраняя въ самыхъ юмористическихъ случаяхъ эпическую важность разсказа, вводить въ него повторенія. Точно кашубскій Гомеръ, онъ заставляетъ присматриваться къ похожденіямъ своего героя и міръ надземныхъ боговъ, создавая особую кашубскую миѳологію, разныхъ Смутковъ и Моръ. Среди мелкихъ будничныхъ радостей и невзгодъ кашубскихъ рыбаковъ трудно, правда, отыскать требуемое эпопеей „важное событіе“. Тѣмъ не менѣе Дердовскій, хотя и внѣшнимъ образомъ, обнимаетъ своей поэмой весь народъ на всемъ протяженіи его территоріи и даже, пожалуй, исторической жизни.

Несчастья сыпались на Чорлинскаго не безъ цѣли: благодаря имъ ему суждено было объѣхать всю Кашубію. Онъ побывалъ и у словинцевъ надъ Лэбой, и въ Пуцкѣ, и въ Оливѣ около Гданска и на гельскомъ полуостровѣ, и хотя нѣтъ у него тонкаго чутья поэтическихъ красотъ природы, за то вы отъ него въ точности можете узнать, сколько еще есть деревень подъ Лэбой, гдѣ говорятъ по словински, въ какой церкви еще сохранилось польское богослуженіе и тому подобныя данныя. О Гелѣ, этомъ единственномъ польскомъ полуостровѣ, онъ вамъ разска-

жетъ, что онъ идетъ на 7 миль въ длину, а шириною мѣстами бываетъ всего въ 600 шаговъ, что тамъ есть всего только 4 деревушки, а въ нихъ вы не услышите ни слова по нѣмецки, что земли у крестьянъ мало, да она имъ и не нужна, потому что въ морѣ есть рыбы въ волю, что нѣтъ у нихъ ни телѣгъ ни лошадей, да за то ихъ даромъ возитъ вѣтеръ по морской глади, словомъ, что на цѣломъ свѣтѣ нѣтъ уголка счастливѣе Гели: у кого есть тамъ пара сапогъ, тотъ и богачъ. Въ общемъ читатель получаетъ цѣлую кашубскую географію въ живыхъ и занимательныхъ стихахъ.

А попутно Дердовскій передастъ ему и всю доступную ему сокровищницу народныхъ повѣрій и преданій, связанныхъ съ той или другой мѣстностью. Единственный остатокъ народной исторической поэзіи — пѣсню о гданской рѣзнѣ 1308 г. — онъ въ передѣлкѣ влагаетъ въ уста Чорлинской, когда та закачиваетъ въ колыбели сына:

Спи, сиротка мой бездомный,
Спи. На рынкѣ ночью темной
Тятю нашего убили,
Топорами зарубили.
 А въ Радунѣ [1]) кровь струится,
 Тятѣ къ намъ не воротиться.
Мать рыдаетъ надъ могилой;
Ты же спи. Тебѣ, мой милый,
Ангелъ куколку стругаетъ,
Пѣсню пташечка играетъ.
 А въ Радунѣ кровь струится,
 Тятѣ къ намъ не воротиться.
Плачетъ мать, не умолкая.
Спи, глазеночки смыкая.
Рыбка плещется въ прудочкѣ,
Гусь гогочетъ на лужочкѣ.
 А въ Радунѣ кровь струится,
 Тятѣ къ намъ не воротиться.
Спи. Тебя, о мой пригожій,
Поведетъ самъ ангелъ Божій
На зеленый на лужочекъ,
Въ руки дастъ тебѣ вѣночекъ.
 А въ Радунѣ кровь струится,
 Тятѣ къ намъ не воротиться.
Ты возьмешь вѣнокъ съ собою,
Надъ могилою родною
На молитву тихо встанешь
И отца слезой помянешь.

[1]) Рѣка, сѣверный притокъ Вислы.

А въ Радунѣ кровь струится,
Къ намъ отцу не воротиться...

Знакомитъ Дердовскій своего читателя и съ исторіей кашубовъ. Въ Оливѣ, показывая Чорлинскому портреты поморскихъ князей, монахи разсказываютъ ему о крещеніи Субислава, о доблестяхъ Мщуговъ и Святополка, о томъ, какъ Мстивой II завѣщалъ Поморье Польшѣ. Чорлинская поетъ о борьбѣ съ крестоносцами. Ржуцево, гдѣ еще до сихъ поръ сохранилась великолѣпная липовая аллея, насаженная Яномъ Собѣскимъ, даетъ случай вспомнить объ этомъ единственномъ польскомъ королѣ, посѣщавшемъ Поморье и даровавшемъ шляхетство кашубскимъ крестьянамъ за ихъ помощь при осадѣ Вѣны:

Онъ былъ первымъ на Цишевскомъ замкѣ кастеляномъ,
Слылъ онъ въ Польшѣ цѣлой и Кашубахъ третьимъ Яномъ.

Наконецъ желаніе увидѣть военныя штучки, которыя продѣлываетъ знаменитый конь Мѣрославскаго, заставляетъ Чорлинскаго спѣть ему „кашубскій маршъ“:

Тамъ, гдѣ съ горъ Карпатскихъ Висла
Въ море польское плыветъ,
Польскій нашъ языкъ и вѣра,
Польскій духъ нашъ не умретъ.
Никогда не умретъ
Нашъ кашубскій народъ.
Одолѣть кто-бъ насъ могъ?
Съ Богомъ—мы; съ нами Богъ!
Бой мы съ нѣмцами кровавый
Вѣки цѣлые вели.
Пѣсни вольныя гремѣли
По лицу родной земли.
Никогда не умретъ
Нашъ кашубскій народъ.
Одолѣть кто-бъ насъ могъ?
Съ Богомъ мы; съ нами Богъ!
Край нашъ весь залилъ пожаромъ
Крестоносецъ, но въ отвѣтъ
Мы насильника цѣпами
Молотили двѣсти лѣтъ.
Никогда не умретъ
Нашъ кашубскій народъ.
Одолѣть кто-бъ насъ могъ?
Съ Богомъ мы; съ нами Богъ!
Польскій нашъ король Ягелло
Насъ позвалъ на бранный пиръ,

Всероссийская ... Библиотека *

И на рыцарскихъ мы шеяхъ
Написали нѣмцу миръ.
Никогда не умреть
Нашъ кашубскій народъ.
Одолѣть кто-бъ насъ могъ?
Съ Богомъ мы; съ нами Богъ!

Шведы съ легкими ладьями
Налетѣли вдругъ на насъ,
Но мы шапками изъ Пуцка
Забросали ихъ какъ разъ.
Никогда не умреть
Нашъ кашубскій народъ.
Одолѣть кто-бъ насъ могъ?
Съ Богомъ мы; съ нами Богъ!

Знамя крестное святое,
Топоры, коса и сѣть—
Съ вами можемъ въ самомъ пеклѣ
Носъ мы чорту утереть.
Никогда не умреть
Нашъ кашубскій народъ.
Одолѣть кто-бъ насъ могъ?
Съ Богомъ мы; съ нами Богъ!

Станиславъ святой нашъ Костка—
Сынъ поморской онъ земли.
Недопуститъ онъ, чтобъ нѣмцы
Надъ кашубомъ верхъ взяли.
Никогда не умреть
Нашъ кашубскій народъ.
Одолѣть кто-бъ насъ могъ?
Съ Богомъ мы; съ нами Богъ!

Плачетъ мать надъ сыновьями,
Плачетъ дѣвица-краса.
Плачъ напрасный! Богъ надъ нами,
А въ рукахъ у насъ коса.
Никогда не умреть
Нашъ кашубскій народъ.
Одолѣть кто-бъ насъ могъ?
Съ Богомъ мы; съ нами Богъ!

Такъ умѣетъ Дердовскій среди шутокъ бросить сѣмя самосознанія въ дремлющій умъ народа.

Обращая мысль въ прошлое, онъ не забываетъ и о требованіяхъ настоящаго, но здѣсь мысль его совершенно противоположна воззрѣніямъ Цейновы. Онъ видитъ спасеніе кашубовъ не въ народномъ обособленіи, а напротивъ въ тѣсномъ сліяніи съ Польшей, а для кашубовъ-протестантовъ и въ соединеніи съ католической церковью. Чорлинскій въ Избицахъ говоритъ тамош-

нимъ словинцамъ: „Всѣ бѣды ваши отъ того, что вы измѣнили вѣрѣ предковъ, приняли лютеранство“:

Мы, кашубы, что въ краю родились надвислянскомъ,
Между Брдой рѣкой и моремъ, что зовется гданскимъ,
Католической мы нашей церкви вѣрны были
И за то языкъ отцовъ и дѣдовъ сохранили.
Нѣмцамъ насъ не съѣсть, хотя у нихъ и остры зубы...

И тутъ же приводится преданіе, по которому родится въ Польшѣ великій пророкъ и возвратитъ словинцевъ снова въ лоно церкви, сокративъ дни ихъ недоли.

Изъ двухъ составныхъ элементовъ кашубской стихіи у Дердовскаго явно беретъ верхъ племенное, лехитское, польское. „Я кашубъ, говоритъ онъ устами Чорлинскаго, но „кашубскій“ онъ то и дѣло замѣняетъ словомъ „польскій“, какъ будто это было одно и то же, и горько жалуется на равнодушіе поляковъ къ кашубамъ. „Когда я былъ въ Варшавѣ, разсказываетъ Чорлинскій, тамъ не хотѣли вѣрить, что я ихъ землякъ, не хотѣли мнѣ по братски пожать руку, а я и душой и сердцемъ полякъ, какъ и они. Мы, кашубы, стережемъ морскія границы Польши, а поляки насъ и знать не хотятъ. Ну, да пусть ихъ! А мы все-таки будемъ любить нашъ языкъ и стараться какъ можно лучше говорить по польски. Только бы не пропускать польскихъ проповѣдей, только бы читать польскія газеты, а тамъ при усердіи и трудѣ все будетъ хорошо: станемъ мы въ концѣ концовъ говорить такъ же, какъ и въ Варшавѣ“. Вотъ его идеалъ! Сообразно съ нимъ Дердовскій измѣнилъ и кашубское правописаніе Цейновы и самый языкъ своихъ поэмъ, настолько приблизивъ его къ польскому, что многіе кашубы серьезно думали, что онъ намѣренно передразниваетъ на польскій ладъ кашубскую рѣчь.

Высшее выраженіе основныя вѣрованія Дердовскаго нашли себѣ въ посвященіи „Чорлинскаго“ Крашевскому. Заключительныя строки этого посвященія стали девизомъ для дальнѣйшихъ поколѣній:

Czujce tu ze serca toni	Вотъ онъ символъ нашей вѣры,
Skłod nasz apostolści:	Нашъ святой, нашъ наибольшій:
Nie ma Kaszub bez Poloni,	Нѣту Польши безъ Кашубовъ,
A bez Kaszub Polści.	А Кашубовъ нѣтъ безъ Польши.

Изъ другихъ сочиненій Дердовскаго извѣстны: „Wracanie żydów do Palestyny“ (Poznań), „Walek na jarmarku“ со многими автобіографическими чертами, изданная уже въ Америкѣ книжка

„Nórcyk kaszubści abo koruszk i jedna maca jędrnyj prowde“ съ собраніемъ кашубскихъ пословицъ, „Jasiek z kniejі“, повѣсть въ стихахъ о томъ, какъ мужикъ изъ пущи вздумалъ было торговать мыломъ, попалъ съ нимъ въ воду и что изъ этого вышло, и наконецъ „Kaszuba pod Widnem“, разсказъ кашуба объ освобожденіи нѣмцевъ и христіанства въ 1683 г. отъ турецкаго ига. Начальныя строки этой послѣдней поэмы, гдѣ нѣжность къ родинѣ застѣнчиво проглядываетъ сквозь шутливо-юмористическій тонъ, показываетъ, что, мечтая о томъ, какъ кашубы станутъ говорить „по варшавски“, Дердовскій въ сущности больше всего любилъ однако свою кашубскую родину:

Прекрасная земля Кашубіи родимой,
Обѣтованный край, мной горячо любимый!
На свѣтѣ нѣтъ страны, такого нѣтъ угла,
Гдѣ бъ о Кашубахъ смѣлыхъ память не жила.
Когда всю землю гнѣвный Богъ залилъ водою,
Не нашъ ли братъ кашубъ ковчегъ построилъ Ною?
Не на Шимбарской ли горѣ у насъ пристать
Ему пришлось, какъ воды начали спадать,
И не достоинъ ли былъ тотъ нашъ прадѣдъ чести,
Кто намъ Америку открылъ съ Колумбомъ вмѣстѣ
И такъ размножилъ въ ней кашубскій нашъ народъ,
Что намъ она второй отчизною слыветъ?

Кромѣ сочиненій на кашубскомъ языкѣ Дердовскій много писалъ по польски. Ему между прочимъ принадлежитъ статья „О кашубахъ“ въ журналѣ „Przegląd polski“ за 1883 г., онъ же сообщилъ данныя о числѣ американскихъ кашубовъ для книги Рамулта „Statystyka ludności kaszubskiej“, и если помѣщенныя здѣсь цифры очень высоки, то, вѣроятно, не безъ вины тутъ живая фантазія Дердовскаго.

Тотъ моментъ кашубскаго самосознанія, который связанъ съ именемъ Дердовскаго, имѣлъ и другихъ выразителей. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить имя кс. Густава Поблоцкаго, автора перваго кашубскаго словаря (Słownik kaszubski z dodatkiem idyotyzmów chełmińskich i kociewskich. Chmielno, 1887), біографіи Цейновы (Gryf, I), которой мы выше пользовались, и другихъ меньшихъ работъ. Мысль о близости кашубовъ къ польскому народу доведена кс. Поблоцкимъ до абсурда. Авторъ кашубско-польскаго словаря пишетъ: „по опыту утверждаю, что всего правильнѣе, грамматически вѣрно и литературно говорятъ по польски именно кашубы“ (Gryf, 164). Нѣкогда слушатель проповѣдей

Цейновы, кс. Поблоцкій въ каждой попыткѣ изслѣдовать ближе кашубскій языкъ и жизнь, видитъ признакъ „москалефильской и панславистской пропаганды“.

Эта наивная вѣра въ „русскіе рубли“ была бы только смѣшна, если бы она не вредила кашубамъ. Достаточно сказать, что, спустя 30 лѣтъ послѣ путешествія Гильфердинга по краю надлэбскихъ словинцевъ, кс. Поблоцкій еще не вѣрилъ въ ихъ существованіе, да, кажется, и теперь послѣ работъ Лоренца онъ думаетъ, что ихъ просто выдумалъ въ своихъ москалефильскихъ цѣляхъ Цейнова. Въ этомъ недовѣріи сознался и другой изслѣдователь кашубской жизни и языка, д-ръ Надморскій (псевдонимъ Лэнговскаго) въ статьѣ „Słowińcy i szczątki ich języka“. И это говорятъ люди, которые живутъ почти рядомъ съ этими самыми словинцами! Невольно вспоминаешь слова Рамулта (Lud, 1900): „словинцевъ хоронятъ уже много лѣтъ, а они на зло всѣмъ предсказаніямъ все еще живутъ, хотя поляками предоставлена имъ полная свобода... смерти. А между тѣмъ что бы стоило ихъ поддержать, издавъ для нихъ хотя нѣсколько книжекъ на ихъ языкѣ“. Но о какой же поддержкѣ могла быть рѣчь, когда мѣстные дѣятели такъ долго не хотѣли признать даже самаго существованія этой части кашубскаго народа, а о мѣстномъ языкѣ и теперь не хотятъ слышать, простодушно утверждая, что кашубы говорятъ по польски лучше, чѣмъ сами поляки.

VIII.

Рѣзкость народнаго, обособленнаго самоутвержденія у Цейновы вызвала такую же рѣзкость культурной и племенной реакціи у Дердовскаго и особенно у Поблоцкаго. Но когда боязнь сепаратизма доходитъ до полнаго самоотрицанія, это становится опаснымъ, потому что подрываетъ въ народѣ уваженіе къ собственной личности, а давно уже замѣчено, что кашубы гибнутъ потому, что стыдятся своего собственнаго языка и считаютъ все кашубское низкимъ, деревенскимъ, мужицкимъ. Къ счастью толчокъ, данный кашубской мысли Цейновою, не остановился на Дердовскомъ и его идеалахъ. Когда выдѣлились изъ кашубской стихіи оба ея элемента — народный (Цейнова) и культурно-племенной (Дердовскій), предстояло ихъ теперь уже сознательно соединить и идти къ возрожденію кашубовъ въ тѣсной связи съ польскимъ народомъ, но на кашубской основѣ. Это стало задачей новѣй-

шаго, младокашубскаго движенія, и уже самое возникновеніе его — важный признакъ жизненности кашубскаго народа. Главнымъ дѣятелемъ младокашубскаго движенія является живущій въ Косцержинѣ докторъ Александръ Майковскій, поэтъ, редакторъ перваго серьезнаго кашубско-польскаго журнала „Gryf".

Майковскій родился въ 1876 г. въ Косцержинѣ, учился въ гимназіи сперва Косцержинской, а потомъ Хойницкой, которую окончилъ въ 1896 г. Послѣ полуторагодового перерыва, заработавъ себѣ уроками денегъ на продолженіе ученія, онъ поступилъ на медицинскій факультетъ Берлинскаго университета, учился затѣмъ въ Мюнхенѣ и въ 1905 г. получилъ докторскій дипломъ. Проживъ годъ въ Гданскѣ, гдѣ онъ редактировалъ политическій отдѣлъ „Газеты Гданской", единственнаго польскаго изданія, выходившаго въ краю кашубовъ, онъ поселился въ родной Косцержинѣ, занимаясь тамъ докторской практикой [1]).

Какъ поэтъ, Майковскій извѣстенъ двумя маленькими книжечками: разсказомъ въ стихахъ „Какъ въ Косцержинѣ костельнаго служку выбирали" (Jak w Koscérznie koscelnygo obrele abo pięć kawalerów a jedna jedyno brutka. Gdańsk 1899, изд. Мильскаго) и сборникомъ стиховъ „Spiewe i frantówci" (Poznań, 1905). Тема разсказа неправдоподобна: когда въ Косцержинѣ умеръ служка, рѣшили дать это мѣсто тому изъ пяти претендентовъ, кто первый женится, а невѣста была всего одна. Въ поэмѣ цѣлыхъ восемь пѣсенъ, и можно удивляться, что авторъ потратилъ столько труда на сюжетъ столь незначительный. Нѣкоторыя сцены забавны, кашубскіе типы не лишены интереса, но у Майковскаго мало того юмора, который живою струею билъ у Дердовскаго. Лучшее въ поэмѣ это прологъ къ ней, написанный въ мягкихъ, нѣжныхъ, лирическихъ тонахъ. Тутъ и воспоминаніе дѣтства и пѣснь въ честь родной автору Косцержины, или Костежны:

Костежна старая, Костежна дорогая,
Ты милая моя, ты, наша мать родная!
Тамъ за озерами въ долинѣ ты одна
Лежишь лѣсами темными окружена.
Вотъ домикъ тотъ, гдѣ я родился, гдѣ впервые
Учился повторять молитвъ слова святыя.
Вотъ нашего костела старая глава,

[1]) Эти біографическія свѣдѣнія любезно сообщены намъ самимъ докторомъ Майковскимъ.

Что солнце золотитъ и въ ранній часъ, едва
Оно проглянетъ надъ землей, и вечерами,
Когда ложится спать за черными лѣсами.
Какъ жадно я увидѣть эту башню ждалъ,
Когда на праздники изъ школы пріѣзжалъ!
Вотъ изгородь живая. Помню: въ вечеръ краткій
Я на свиданье пробирался здѣсь украдкой....
Тотъ минулъ часъ, когда я босикомъ скакалъ
И съ птичьимъ гамомъ голосъ свой въ лѣсу сливалъ.
Тогда мнѣ внятно было все: и въ чащѣ влажной
Идущій по дубравѣ вѣтра гулъ протяжный,
И радость къ жизни пробужденнаго цвѣтка,
И шумъ журчащаго по камнямъ ручейка,
И грезы сосенъ надъ сыпучими песками,
И пѣсни птицъ между зелеными вѣтвями...
Тогда кукушки Кульманской долины разъ
Мнѣ незатѣйливый повѣдали разсказъ.
Его я записалъ, чтобы и вы узнали.
Что мнѣ въ долинѣ той кукушки куковали.

Вы слышите: это голосъ души мягкой, чуткой, любящей. Прибавьте къ этому легкую, свѣтлую, не лишенную граціи и остроумія улыбку, — и вы получите понятіе о характерѣ поэзіи Майковскаго. Таковъ онъ въ своихъ „Пѣсняхъ и франтувкахъ“ (Франтувки — маленькій разсказецъ въ стихахъ). Небольшая это книжечка: всего около 30 стихотвореній. Писалъ поэтъ „для себя“, когда нежданно-негаданно налетало на душу вдохновеніе, но простился съ ними, чтобы отдать ихъ родному народу:

Пѣсни милыя, прощайте!
Часъ разстаться вамъ со мной.
Быстрымъ летомъ чайки бѣлой
Въ мой летите край родной!

Тамъ, гдѣ изъ-подъ кровли низкой
Окна бѣдныхъ старыхъ хатъ,
Полны ласки материнской,
На прохожаго глядятъ,

Тамъ вы станьте. Тамъ вашъ голосъ
Сердцемъ дружескимъ поймутъ.
Тамъ на тотъ же самый голосъ
Люди сельскіе поютъ.

Вы, какъ лучъ веселый солнца,
Что прокрадется на мигъ,
Загляните къ нимъ въ оконце
И порадуйте родныхъ!

Кромѣ двухъ переводовъ изъ Горація, всѣ стихотворенія, а особенно франтувки, вполнѣ доступны народу. Но большинство изъ нихъ удовлетворитъ вкусъ и болѣе тонкій. Мы не умѣемъ передать ихъ граціи и ограничимся только намекомъ: кто прочтетъ стихотвореніе „Pociecha“, тотъ согласится, что по изяществу рисунка и мягкости линій оно не уступитъ написанной на ту же тему одѣ Горація „Размолвка“: Donec gratus eram tibi. При этомъ Майковскій сумѣлъ сохранить въ немъ народный кашубскій оттѣнокъ. Во всѣхъ стихотвореніяхъ чувствуется любовь къ родному языку. Ему посвящено особое стихотвореніе „Kaszubsko-pomorsko mowa“.

Отецъ твой палъ, сражаясь противъ вражьей рати.
Подъ Бѣлаго Орла хоругвію широкой
Твой братъ на подвиги пустился въ свѣтъ далекій
И позабылъ о бѣдномъ, горемычномъ братѣ.

Какъ гусь, ты у порожнихъ яслей побирался,
Чужіе люди выгнали тебя изъ хаты
И забросали грязью твой уборъ богатый.
Могилу вырыть каждый для тебя старался.

А ты, бѣдняга мой, въ сиротской горькой долѣ
Ты молча полемъ шелъ, гдѣ наливался колосъ,
И даже высказать не могъ своей ты боли:
Стыдился при людяхъ подать свой голосъ.

И взяли бѣдныя тебя подъ кровъ свой стрѣхи,
Чтобъ съ ними ты дѣлилъ ихъ горе и утѣхи.

Но рядомъ съ этимъ даже и въ этой маленькой книжкѣ нашли себѣ выраженіе и общепольскіе идеалы Майковскаго. Между прочимъ здѣсь есть двустишіе на колонну Бисмарка.

Ты прочно сложена и крѣпко. День настанетъ,
И ты подножьемъ будешь, гдѣ Янъ Третій станетъ.

Тѣсная связь съ Польшей и народное возрожденіе кашубовъ—вотъ два якоря, на которыхъ твердо укрѣплено міросоцерцаніе Майковскаго. Онъ подробно обосновалъ его въ своемъ журналѣ „Gryf“.

Еще въ 1906 г. Майковскій началъ въ видѣ приложеній къ „Газетѣ Гданской“ издавать журнальчикъ „Drużba“ на кашубскомъ языкѣ. Журналъ этотъ вызвалъ неудовольствіе шляхты и духовенства и вскорѣ прекратился. „Грифъ“, котораго первый

нумеръ вышелъ въ ноябрѣ 1908 г., изданіе совершенно иного рода. Онъ обращенъ къ широкимъ кругамъ интеллигенціи столько же кашубской, сколько и польской. Народныя басни, преданія и беллетристика печатаются по кашубски, остальныя статьи по-польски. Нѣкоторое, хотя и косвенное, вліяніе оказалъ, повидимому, на изданіе „Грифа" нѣмецкій ученый Лоренцъ, который, поселившись въ Картузахъ, основалъ тамъ общество для изученія кашубскаго народнаго искусства, выпускающее въ Лейпцигѣ свои „Извѣстія„—Mitteilungen des Vereins für kaschubische Volkskunde. Задачей „Извѣстій" Лоренца было собирать произведенія кашубскаго творчества. Майковскій въ „Грифѣ" поставилъ себѣ цѣлью сберегать ихъ и на ихъ основѣ строить будущее, поднять въ народѣ самосознаніе и помочь ему возродиться къ новой жизни.

И было какъ разъ время подать народу руку помощи. До сихъ поръ кашубы жили въ своихъ лѣсахъ жизнью совершенно обособленною отъ всего міра, ловили рыбу, пахали землю, вѣрили, что каждое слово ксендза свято, снимали шапку передъ каждымъ прусскимъ жандармомъ, ни о чемъ не думали и, гдѣ соприкасались съ нѣмцами, незамѣтно онѣмечивались. Съ семидесятыхъ годовъ этотъ сонъ былъ нарушенъ: начатый Бисмаркомъ бой противъ католической церкви, затворяемые костелы, непохороненные покойники, преслѣдованія священниковъ—все это глубоко всколыхнуло народную массу и невольно заставило ее задуматься. Но это былъ только первый бурный приливъ германизаціонной волны; за нимъ послѣдовали новые ея напоры. Школы окончательно были раздѣлены на два разряда: на школы съ нѣмецкой и польской основой,—причемъ кашубскія школы были причислены къ нѣмецкимъ. Польскій языкъ, какъ чужой, изгонялся изъ кашубскихъ школъ, а съ другой стороны на кашубовъ было направлено остріе всѣхъ выдуманныхъ противъ поляковъ исключительныхъ законовъ и между прочимъ закона о принудительномъ отчужденіи земли. Эта двойная мѣрка и слѣпому могла бы раскрыть глаза. А какъ разъ въ это время кашубы успѣли уже пообтереться на свѣтѣ, многое увидѣть и многому научиться: ихъ втянулъ въ себя водоворотъ переселенческой горячки, и многіе, не находя дома работы, поспѣшили на фабрики въ Вестфалію. Тяжелымъ трудомъ накопивъ себѣ тамъ денегъ, они потомъ покупали себѣ на родинѣ кусокъ земли и, счастливые, думали вѣкъ свой скоротать въ родномъ краю. И вотъ ни за что ни про что передъ ними всталъ грозный призракъ насиль-

ственнаго отчужденія потомъ и кровью заработаннаго ими клочка земли! Невольно они, которые раньше совершенно равнодушно слышали разсказы солдатъ о какихъ то польскихъ возстаніяхъ и борьбѣ съ нѣмцами, стали теперь внимательно прислушиваться къ тому, что говорилось на вѣчахъ, не для возстанія, конечно, но затѣмъ, чтобы перенять отъ братьевъ надъ Вартой уже испробованные способы мирной борьбы и трудовыхъ организацій для противодѣйствія идущей на нихъ рати германизма. Народъ проснулся и сама жизнь требовала для него свѣдущихъ и опытныхъ руководителей. Эту важную роль взяло на себя младокашубское движеніе съ „Грифомъ“ во главѣ.

Уже первый шагъ „Грифа“ былъ удаченъ и вполнѣ правиленъ: онъ оставилъ совершенно въ сторонѣ споръ объ языкѣ. „Ученый споръ съ девизами:—это отдѣльный языкъ; это нарѣчіе—не долженъ по нашему мнѣнію, вліять теперь на отношеніе кашубовъ въ Польшѣ. Существуютъ болѣе крѣпкія узы, связывающія насъ въ одинъ народъ: общность вѣры и культуры, общія историческія преданія и—общая недоля“. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы ни рѣшать вопросъ объ языкѣ, ясно, что практически путь къ защитѣ и сохраненію своей народности одинъ—тѣсная связь съ Польшей. Но, настойчиво подчеркивая ее для кашубовъ, Майковскій не упускаетъ случая поставить на видъ и полякамъ: „Помните: кашубы только тогда могутъ выдержать нѣмецкій напоръ и сохранить для васъ поморье, если они останутся кашубами“. Его программа въ его призывѣ: „Братья кашубы, будьте самими собой! Мѣсто ваше въ рядахъ народа, съ которымъ соединяетъ васъ языкъ, исторія и вѣра, котораго передовою стражей стоите вы надъ моремъ. Но не идите въ эти ряды, какъ банкруты, какъ спасшіеся отъ кораблекрушенія, у которыхъ одно только и осталось—жизнь. Нѣтъ! идите съ высоко поднятымъ челомъ, гордые, что васъ не одолѣлъ пятивѣковой напоръ врага. Не стыдитесь вашей родной культуры, но вложите ее въ общую сокровищницу культуры польской. Не бросайте своего знамени, подъ которымъ когда-то Святополкъ разбивалъ въ желѣзо окованные отряды крестоносцевъ. Поднимите его высоко, чтобы виденъ былъ всѣмъ черный Грифъ на груди Бѣлаго Орла!“

Много было препятствій для осуществленія этой программы. Майковскій не скрывалъ ихъ отъ себя. Они шли и отъ нѣмцевъ, и отъ поляковъ, и отъ самихъ кашубовъ. Въ виду нѣмецкой политики, начинавшей отдѣлять въ школѣ и церкви кашубское

отъ польскаго, чтобы замѣнить послѣднее нѣмецкимъ, невольно приходилъ въ голову вопросъ: самый разговоръ о культурныхъ особенностяхъ кашубовъ не будетъ ли уже пусканіемъ воды на нѣмецкую мельницу? Съ другой стороны поляки, помимо уже подозрѣній въ пресловутомъ сепаратизмѣ, издавна привыкли относиться ко всему кашубскому свысока. Кашубъ было когда-то чуть не бранным словомъ. Еще Длугошъ писалъ: „cassubitica gleba non sit apta flori nobilitatis". „Жидъ, цыганъ и грубый кашубъ", читаемъ въ старинныхъ польскихъ стихахъ, а кашубскій языкъ и теперь еще служитъ предметомъ насмѣшекъ. Наконецъ и сами кашубы такъ привыкли всюду встрѣчать презрительное отношеніе ко всюду кашубскому, что и они начали смотрѣть на все кашубское, какъ на нѣчто низкое, не стоющее вниманія. Все это надо было преодолѣть, и надо отдать справедливость „Грифу": онъ многое сдѣлалъ на этомъ пути.

Конечно, за годъ за два нельзя было провести коренного переворота въ воззрѣніяхъ. Нельзя было создать и „кашубской интеллигенціи, которая такъ нужна народу. Но зародышъ ея уже образовался около „Грифа". Въ этомъ смыслѣ памятенъ будетъ день 1 сентября 1909 г., когда въ Сопотахъ на кашубскомъ поморьѣ было заложено при помощи поляковъ „кашубское издательское общество", принявшее отъ Майковскаго изданіе „Грифа". Съ „Грифомъ" явилась арена, на которой можно обсуждать текущія нужды кашубства. „Грифъ"—маленькій журналъ, но программа его широкая: начиная отъ вопроса о правописаніи, она обнимаетъ собой и фольклоръ, и беллетристику, и исторію литературы, и исторію, и наконецъ вопросы экономическіе и общественно-политическіе. И многое уже освѣщено „Грифомъ". Особенно важна чуткость, съ которою онъ относится къ каждому пожеланію, энергія, благодаря которой слово переходитъ у него въ дѣло.

Указана была въ журналѣ необходимость составить библіографію всего, написаннаго о кашубахъ и кашубами,—и вотъ мы уже имѣемъ обстоятельную работу Яновича, пополненную Колодзейчикомъ.

Высказано было желаніе имѣть новыя изданія Цейновы и Дердовскаго,—и Майковскій напечаталъ уже первый томъ собранія сочиненій автора „Чорлинскаго".

Говорили о составленіи басенника кашубскаго. Въ „Грифѣ" уже напечатано значительное собраніе басенъ. Упоминали о пѣс-

няхъ: Сэндзицкій ихъ собираетъ и печатаетъ въ томъ же „Грифѣ“ съ нотами.

Желали имѣть путеводитель по Кашубамъ для привлеченія сюда польскихъ туристовъ. Недавно сотрудникъ „Грифа“, извѣстный депутатъ рейхстага, Б. Хржановскій выпустилъ такую книгу подъ заглавіемъ „Na kaszubskiem brzegu“, не говоря уже о появившейся въ этомъ же году книгѣ Софіи Гартингъ „Przewodnik po Kaszubach“ и брошюрѣ С. Бэлзы „W zapomnianej stronie“.

Высказывали, что хорошо бы было устроить кашубскій музей. Зародышъ такого музея—правда, независимо отъ „Грифа“— уже образовался въ деревнѣ Вдзыдзахъ, гдѣ учитель Гульговскій, сотрудникъ Лоренца по изданію „Извѣстій“, собралъ въ деревенской кашубской хатѣ образцы народнаго кашубскаго искусства и рукодѣлья. Остается теперь устроить хотя бы такой же самый музей въ Сопотахъ, чтобы пріѣзжающіе на этотъ курортъ въ большомъ числѣ поляки и русскіе знали, что они не въ нѣмецкой, а въ славянской странѣ, и могли ознакомиться ближе съ кашубами.

Поднятъ былъ вопросъ объ установленіи кашубскаго правописанія, и вотъ онъ уже живо обсуждается на страницахъ „Грифа“, а въ одной изъ послѣднихъ книжекъ его появилась и первая послѣ Цейновы грамматика кашубскаго языка, составленная Лоренцомъ: она должна объединить всѣхъ будущихъ кашубскихъ писателей въ общемъ правописаніи.

Хорошо было бы будить самосознаніе народное, знакомя читателей съ кашубскимъ прошлымъ. Въ „Грифѣ“ даны біографія Цейновы, соч. кс. Поблоцкаго, описаніе старогардскаго возстанія Яновича и біографія Дердовскаго, написанная Коссобудзкимъ.

Труднѣе было отыскать средства противъ печальнаго общественно-экономическаго положенія кашубовъ. Но и здѣсь важно по крайней мѣрѣ освѣщеніе этихъ вопросовъ. „Грифъ“ далъ новыя статистическія данныя о кашубахъ, статью о кашубской школѣ въ Пруссіи, о кашубскихъ ремесленникахъ и сельскихъ хозяевахъ гбурахъ, указавъ при этомъ на опасную для кашубскаго будущаго перемѣну, совершающуюся въ кашубскихъ кругахъ: главный оплотъ кашубства, они въ послѣднее время начинаютъ продавать свои земли и переселяться въ города.

Наконецъ, не ограничиваясь статьями о кашубахъ и кашубскимъ фольклоромъ, „Грифъ“ старается создать и кашубскую беллетристику. Имъ напечатана первая кашубская повѣсть—раз-

сказъ о томъ, какъ кашубъ отстоялъ отъ нѣмецкихъ посягательствъ свое родное достояніе. До сихъ поръ кашубы изображались больше съ юмористической стороны. Этотъ талантливо написанный разсказъ—вѣроятно, онъ принадлежитъ перу Майковскаго—рисуетъ положительныя черты кашубскаго характера. Онъ бодритъ и своимъ содержаніемъ и заглавіемъ: „Nigde do zgube nie przyńdą Kaszube“ (никогда не погибнутъ кашубы). Его слѣдовало бы распространить въ народѣ по дешевой цѣнѣ. Позволимъ себѣ высказать мнѣніе, что на это могла бы быть удѣлена часть тѣхъ денегъ, которыя собирались польскимъ обществомъ на „даръ грюнвальдскій“. Слѣдовало бы также, чтобы хотя одна изъ польскихъ газетъ—а ихъ расходится среди кашубовъ, говорятъ, 100.000 экземпляровъ — хоть разъ въ недѣлю давала литературное приложеніе на кашубскомъ языкѣ. Все, что можетъ поддержать кашубовъ, въ одинаковой мѣрѣ выгодно и для польскаго народа. Къ счастью, пугало кашубскаго сепаратизма, повидимому, перестаетъ наконецъ дѣйствовать на польское общество: въ залахъ познанскаго Базара недавно былъ устроенъ даже кашубскій вечеръ.

Намъ остается прибавить, что не безъ помощи „Грифа“ лѣтомъ 1911 г. устроена кашубская этнографическая выставка въ Косцержинѣ и исполнено наконецъ давнее желаніе кашубской интеллигенціи—устроенъ Народный Кашубскій домъ въ Косцержинѣ съ залой на 800 человѣкъ, гостиницей, читальней и сценой. Появляются и новыя литературныя дарованія: на дняхъ вышла книга стиховъ новаго писателя Вося Будзыша (Wôs Budzysz) Nôwotnê Spiéwê (Poznań, 1910), въ которой помимо несомнѣнныхъ литературныхъ достоинствъ явно слышенъ и ростъ кашубскаго самосознанія.

Поблоцкій съ возмущеніемъ отвергалъ Цейнову, Майковскій принялъ его, но не безъ оговорокъ, Вось Будзышъ (псевдонимъ Яна Карновскаго) въ стихотвореніяхъ, посвященныхъ Цейновѣ, хранитъ для него, какъ кашубъ, только одно чувство—благодарности:

Давно ужъ ты спишь подъ холодной землею,
Но нѣтъ и въ могилѣ страдальцу покою.
Кто мимо могилы проходитъ дорогой,
Тотъ камень бросаетъ, хоть ихъ уже много.

Ужели зеленой травою забвенья
Обидъ не покроется каменный валъ?
Ужели навѣки удѣлъ твой—презрѣнье
За то, что ты сердце кашубамъ отдалъ?

О, нѣтъ! Да не будетъ! Я знаю: могли-бы
Камнями меня закидать, но клянусь:
Къ могилѣ твоей подойти не боюсь.
Тебѣ отъ души говорю я:—спасибо!

Заявляя себя открыто кашубомъ, Вось Будзышъ отнюдь не отрекается однако и отъ Польши: его книга предназначена между прочимъ для польскихъ читателей и снабжена польскимъ предисловіемъ, но съ горечью и болью говоритъ онъ о равнодушіи польскаго общества къ кашубамъ. Это видно изъ двустишія, носящаго ироническое заглавіе: „Помощь изъ Варшавы“.

„Стойте на вашемъ посту, держитеся, братья-кашубы!“
— Братъ! поспѣши-жъ къ намъ на помощь!—„Сейчасъ!
Закурю папиросу“.

Съ любовью нарисованныя картинки кашубской природы, думы о прошломъ кашубства, переводы съ нѣмецкаго и интимная лирика—вотъ содержаніе книги Будзыша. По формѣ она представляетъ собой шагъ впередъ въ кашубской поэзіи. Майковскій и Дердовскій въ своихъ стихахъ держатся польской акцентуаціи, ставя ударенія на второмъ слогѣ отъ конца. Но у кашубовъ на сѣверѣ удареніе такъ же измѣнчиво и прихотливо, какъ русское, а на югѣ, какъ чешское, стоитъ всегда на начальномъ слогѣ. Вось Будзышъ удержалъ въ своихъ стихахъ эту особенность и этимъ приблизилъ свой стихъ къ народной рѣчи.

Въ самое послѣднее время до насъ дошли извѣстія, что „Грифъ“ переживаетъ кризисъ: Майковскому пришлось покинуть Косцержину, но работа, начатая его энергіей, во всякомъ случаѣ не перекратится. Если она приведетъ наконецъ къ возрожденію кашубскаго народа, то мы присутствуемъ при одномъ изъ удивительнѣйшихъ явленій, ибо что же можетъ быть чудеснѣе, чѣмъ воскрешеніе къ жизни полумертваго народа.

IX.

Но можетъ-ли онъ воскреснуть? Скажемъ откровенно: мы не вѣримъ, чтобы когда-нибудь на подножьи Бисмарковской колонны сталъ Янъ Собѣскій. Развѣ вся современная Европа перевернулась бы вверхъ дномъ! Да мы и не знаемъ даже, было ли бы это справедливо. Въ Западной Пруссіи живетъ столько же нѣмцевъ, сколько и поляковъ, а Восточная, за исключеніемъ небольшой полоски, прилегающей къ русской Польшѣ, заселена

ими почти сплошь. Послѣ допущенной Польшей въ 1657 году ошибки, географическое положенiе кашубовъ стало для нихъ въ этомъ смыслѣ роковымъ. Но мы увѣрены, что кашубы могли бы жить и спокойно развиваться и въ предѣлахъ нѣмецкаго государства. Для этого имъ надо, однако, кромѣ ихъ собственной воли къ жизни, имѣть еще за собою прочную культурную и матерiальную опору. Тѣсная связь съ Польшей необходима, но при этомъ не надо забывать во первыхъ, что Польша сама нуждается въ опорѣ, а во вторыхъ, что она—мостъ, соединяющiй кашубовъ со всѣмъ славянскимъ мiромъ. Славянская идея Цейновы, хотя отъ нея боязливо сторонятся кашубы, носитъ въ себѣ для нихъ могучiй ростокъ лучшаго будущаго.

Здѣсь невольно вспоминается одно автобiографическое признанiе Майковскаго. Говоря объ ослѣпительной силѣ нѣмецкаго могущества, обо всѣхъ этихъ безчисленныхъ нѣмецкихъ праздникахъ, процессiяхъ, военныхъ парадахъ и иллюминацiяхъ, при которыхъ такъ убога, бѣдна и безсильна кажется современная кашубская дѣйствительность, Майковскiй пишетъ, что не только простому кашубу, но и сознательному интеллигентному человѣку приходитъ на умъ сомнѣнiе,—можно ли противостать этой силѣ: „И я, признаюсь, только тогда увѣровалъ въ будущее нашей отчизны, когда, стоя въ Варшавѣ у подножья только что открытаго памятника Мицкевичу, который со своего высокаго пьедестала взиралъ не только на безчисленныя толпы народа, но и на сановниковъ церкви, людей искусства и науки,—я почувствовалъ огромную мощь, идущую отъ этой толпы, проникнутой единою мыслью. Увѣровалъ, несмотря на сѣрыя солдатскiя шинели и сверкающее на солнцѣ кольцо московскихъ штыковъ“.

Майковскiй увѣровалъ въ будущее кашубскаго народа въ *Россiи*. Не въ Пруссiи и не въ Австрiи даже, гдѣ поляки господа положенiя, а въ Россiи. Это знаменательно. Пусть онъ тамъ говоритъ о „московскихъ штыкахъ“. Эти штыки сила не Россiи только, но и славянства. Кашубское возрожденiе станетъ на прочную основу, и сами нѣмцы безъ всякихъ войнъ станутъ иначе относиться къ живущимъ среди нихъ славянамъ, когда въ Польшѣ поймутъ, какая сила идетъ отъ этихъ сѣрыхъ русскихъ шинелей, и иными глазами будутъ на нихъ смотрѣть, чѣмъ теперь, когда и Россiя сознаетъ наконецъ свое славянское призванiе, словомъ, когда передъ германскимъ мiромъ объединенное единою мыслью и единымъ чувствомъ встанетъ славянство. Да, но когда это будетъ!

Самый маленькій славянскій народъ и его поэзія.

I.

Едва только наступитъ весна, какъ начинается весенняя тяга изъ Россіи въ Берлинъ на поклоненіе германской культурѣ. Съ Вѣнскаго вокзала въ Варшавѣ отходятъ по два поѣзда сразу, всѣ сплошь переполненные пассажирами. За лѣто до ста тысячъ путешественниковъ продефилируетъ подъ берлинскими липами, восхищаясь нѣмецкими удобствами, порядкомъ жизни, богатствомъ внѣшней, матеріальной культуры. И дѣйствителвно много на благо всего человѣчества сдѣлалъ въ этой области, какъ и въ области отвлеченной мысли, великій геній нѣмецкаго народа и по праву принадлежитъ ему наше уваженіе. Но нѣмецкая и въ особенности прусская культура имѣетъ и свою оборотную сторону и недаромъ при въѣздѣ въ любой прусскій городъ такъ непріятно бросается въ глаза блестящая каска и взвинченные кверху усы прусскаго полицейскаго, который зорко смѣриваетъ васъ взглядомъ съ ногъ до головы, стараясь заглянуть вамъ въ самую душу, чтобы и тамъ завести свой порядокъ. Каждый изъ бѣлыхъ памятниковъ на берлинской Siegesallee, напоминая о силѣ прусскаго государства, въ то же время забрызганъ въ исторіи славянскою кровью. Могущество Берлина выросло на славянскихъ костяхъ и теперь еще внутренняя жизнь Пруссіи исполнена глубокаго драматизма. Тихая, незамѣтная, но упорная идетъ тамъ борьба, гдѣ на одной сторонѣ стоитъ все могущество внѣшней культуры, современнаго капитала и государственной силы, а съ другой только одно—сила человѣческаго и народнаго достоинства, упорно не желающаго склонить головы передъ идоломъ внѣшняго благополучія.

Не напрасно Берлинъ пуще огня боится славянскаго единства

и сплоченности. Высоко подымается надъ Спревой черный замокъ Гогенцоллерновъ, но, не говоря уже о востокѣ, гдѣ отъ русской границы до самой Пилы, что нѣмцы перекрестили въ Schneidemühle, безпрерывной нитью идутъ польскія поселенія, и верхнее теченіе самой Спревы не нѣмцамъ принадлежитъ: это земля самаго маленькаго славянскаго народа—лужицкихъ сербовъ, которыхъ нѣмцы называютъ вендами. Быстро мчится курьерскій поѣздъ изъ Берлина по линіи Cottbus-Görlitz. Быстро мелькаютъ мимо оконъ вагона стройныя, тонкія сосенки. Вытянулись онѣ стройно по велѣнію изъ Берлина, точно честь отдаютъ, по линейкѣ насаженныя, по линейкѣ выращенныя, потому что въ этой странѣ обоготвореннаго порядка и самыя деревья задисциплинированы и не имѣютъ права расти, какъ имъ хочется. Не проѣдешь и полутора часа отъ Берлина, какъ поѣздъ подъѣзжаетъ къ станціи Lubbenau. Это третья остановка отъ Берлина. Всего только 86 километровъ дѣлятъ ее отъ столицы Пруссіи. Здѣсь, по опредѣленію Муки, проходитъ граница сербской земли. По сербски это Лубнёвъ, теперь почти онѣмеченный, но въ 7 километрахъ далѣе раскинулся по Спревѣ уже сербскій Радушъ (Raddusch). Къ Франкфурту на Одрѣ сербскія поселенія подходятъ еще ближе, на 43 километра. Здѣсь лежитъ и самая сѣверная точка сербо-лужицкой земли, Lieberose—Любоpазъ.

Возьмите теперь любую нѣмецкую карту и отыщите на ней по желѣзной дорогѣ Бреславль-Дрезденъ станціи Бауценъ (сербскій Будишинъ), Lobau (сербскій Любій) и Бишофсверду (по сербски Бископицы). Проведите отъ Любія къ Бископицамъ немного южнѣе Будишина дугу, и вы очертите южную границу сербскихъ Лужицъ. На западѣ крайней ихъ точкой будутъ Роланы (Ruhland) недалеко отъ Коморова (Seuftenberg); на востокѣ граница подходитъ близко къ Мужакову (Muskau). Соединивъ эти точки, получимъ неправильный суживающійся къ сѣверу овалъ. Этотъ островокъ и есть все то, что называется сербо-лужицкой землей. Великое нѣмецкое море окружаетъ его со всѣхъ сторонъ, съ каждымъ годомъ заливая его все болѣе и болѣе. Съ запада южнѣе Лубнёва отъ Роланъ и Комарова по направленію къ Хотѣбузу (Cottbus) оно давно уже ворвалось въ него громаднымъ заливомъ, такъ что теперь сербско-лужицкій овалъ напоминаетъ собой перевернутую кверху ногами цифру 9. Съ сѣвера на югъ сербскія Лужицы простираются на 100 километровъ. Съ востока на западъ въ самомъ широкомъ мѣстѣ едва ли доходятъ до 50 километровъ, а между Гродкомъ (Sprem-

berg) и Хотѣбузомъ тянутся узкой полосой селеній по обѣимъ сторонамъ Спревы.

На этомъ ничтожномъ пространствѣ живетъ народъ, котораго до нашего времени сохранилось всего только около 157.000 человѣкъ. И тѣ раздѣлены на двѣ отрасли—лужичанъ нижнихъ, или, какъ они себя называютъ Dolni Serske—всего 56000—и верхнихъ, или по лужицки Hornjo Srbjo [1]). Обѣ отрасли по преданіямъ, пѣснямъ, быту и особенно по языку настолько разнятся одна отъ другой, что многіе ученые признавали ихъ за самостоятельные народы. Сербъ изъ Верхнихъ Лужицъ лишь съ трудомъ понимаетъ серба изъ окрестностей Хотѣбуза и на почвѣ этого языкового различія создались даже двѣ литературы—верхне и нижнелужицкая. Но и этимъ дробленіе не заканчивается. Часть верхнихъ сербовъ (15000)—католики, остальные и всѣ нижніе лужичане протестанты. Это религіозное дробленіе вызываетъ новое различіе—въ правописаніи: сербы-католики употребляютъ латинскій алфавитъ, протестанты—нѣмецкій готическій, такъ называемый швабахъ. Наконецъ въ довершеніе всего сербы принадлежатъ къ двумъ разнымъ государствамъ, а въ каждомъ изъ этихъ государствъ, какъ часть, входятъ въ составъ разныхъ провинцій. Нижнія Лужицы и часть Верхнихъ—общимъ счетомъ 90000 чел.—входятъ въ составъ прусской Лузаціи (Lausitz), остальные 56000 живутъ въ Саксоніи. Кромѣ того около 11000 разсѣяно по свѣту, всего болѣе въ Техасѣ и въ Австраліи.

Нѣтъ болѣе яркаго примѣра славянскаго индивидуализма и вмѣстѣ съ тѣмъ нигдѣ не сказываются съ такой ужасающей очевидностью плоды этого дробленія. Въ 1880—1884 г., лично обойдя всѣ сербскія деревни, Мука насчиталъ сербовъ 175000. Въ 1900-мъ году по оффиціальной статистикѣ сербовъ насчитывалось только 116,810 человѣкъ. Увеличивая вслѣдъ за Парчевскимъ и Чернымъ эту цифру на 40000, получимъ вышеуказанное число 157000 для всѣхъ Лужицъ. Но и при этомъ увеличеніи оказывается, что за двадцать лѣтъ сербовъ уменьшилось на 20000! Народъ сербо-лужицкій таетъ явно на нашихъ глазахъ и при все увеличивающемся напорѣ германизаціонной волны, особенно въ Пруссіи, становится страшно за его судьбу.

Бродя по Будишинскому кладбищу на одномъ изъ сербо-

[1]) Граница между обѣими Лужицами опредѣляется приблизительно ломаной линіей между Мужаковомъ и Коморовомъ.

нѣмецкихъ памятниковъ, а такихъ есть тамъ немало, можно найти сербскую надпись съ жалобой на раннiй приходъ смерти: Ach! na zemi je nuzy a wjele hubjenstwa, tu je tak wiele procy, a tež smjerc prehhwata. Неправда это. Смерть всегда приходитъ вовремя. Но пока у человѣка и народа есть еще послѣдняя искорка жизни, его долгъ хранить ее свято и защищаться, покуда хватитъ силъ. Сербы борются съ угрожающей имъ смертью съ достоинствомъ и усилiями, дѣлающими имъ великую честь. Эта борьба главнымъ образомъ происходитъ въ Верхнихъ Лужицахъ въ Саксонiи. Центръ сербской народной дѣятельности Будишинъ, по-нѣмецки Бауценъ.

II.

Кто черезъ Познань или Бреславль ѣдетъ въ Дрезденъ, пусть хоть на день, хоть на полдня прерветъ свой путь и остановится въ Будишинѣ. Если онъ любитъ исторiю, природу, если прiятно ему видѣть усилiя маленькой группы людей отстоять отъ гнетущей ихъ силы свои права на жизнь, онъ не раскается. Будишинъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ городовъ Европы.

И прежде всего природа. Когда вечеромъ межъ увитыхъ дикимъ плющомъ палисадинъ сидишь тутъ-же у вокзала на верандѣ отеля Guge и смотришь на югъ, на эти вдаль уходящiя горы, не хочется оторвать отъ нихъ глазъ. Суровыми онѣ были для сербовъ. Ставъ стѣною между Лужицами и Чехiей, онѣ первыя сдались непрiятелю и, открывъ нѣмцамъ доступъ въ свои долины, отрѣзали лужичанъ отъ народа, который всего легче могъ подать имъ братскую помощь. Но такъ дѣвственно чисты и тонки въ послѣднихъ отблескахъ догорающаго солнца ихъ нѣжно-лиловыя съ свѣтлой просинью очертанiя, что все имъ простишь и смотришь, какъ мягкiя ихъ линiи постепенно сливаются съ грядами темнѣющихъ облаковъ, пока наконецъ не придетъ сумракъ и не смѣшаетъ краски всѣ въ одинъ сѣрый цвѣтъ, такъ что уже не поймешь, гдѣ облако, гдѣ горы, и только чувствуешь нѣжную ласку тихой, лѣтней, благоухающей ночи.

Будишинъ лежитъ на равнинѣ, но подъ самымъ Будишиномъ земля точно разступилась и въ глубокой разсѣлинѣ ея, опоясывая городъ, вьется красавица-Спрева, то утопая въ зелени огородовъ и маленькихъ лужаекъ, то съ трудомъ пробираясь мимо настроенныхъ по уступамъ разсѣлины мельницъ и такихъ старыхъ вендскихъ домиковъ, что иныхъ такихъ не найдешь во всѣхъ

Лужицахъ. А надъ ними на самомъ верху крутизны вздымаются высѣченныя изъ сплошного темножелтаго камня старыя башни. Точно цѣлый средневѣковой городъ поднялся изъ земли и глядитъ на васъ изъ мрачныхъ и узенькихъ отверстій въ башенныхъ стѣнахъ. Въ одномъ мѣстѣ камень сохранилъ еще головы замурованныхъ заживо въ стѣны людей. Но страхъ прошлаго отлетѣлъ уже отъ этихъ тюремъ, переставшихъ быть тюрьмами, и стоятъ онѣ только, какъ живой памятникъ романтической красоты. Одну башню до самаго верха обросъ зеленый плющъ, укрѣпившись своими цѣпкими ножками въ вывѣтрившихся впадинахъ камня и только красная черепичная крыша еще ярко выдѣляется на темной зелени листьевъ.

Старъ Будишинъ. Болѣе тысячи ему лѣтъ и въ своихъ узкихъ улицахъ съ перекинутыми надъ нимъ тонкими арками, въ закоулкахъ со старыми развалинами, въ крутыхъ лѣстницахъ-сходахъ изъ сѣраго камня, что сползаютъ къ Спревѣ, обросшія по бокамъ деревьями, сохранилъ онъ живописную средневѣковую старину свою вѣрно. Но и въ живописномъ есть особенно живописное. Это старое католическое кладбище въ развалинахъ сожженной еще въ XV вѣкѣ гуситами церкви св. Николая. Отъ церкви осталась одна только алтарная стѣна, красиво изогнутая лучистая арка входной двери да узкіе сѣверные переходы надъ самымъ обрывомъ, а на мѣстѣ, гдѣ когда-то совершалось богослуженіе и молились люди, теперь на мрачномъ фонѣ развалинъ пестрѣютъ яркими, свѣжими цвѣтами могилы. Много почиваетъ здѣсь людей, заслуженныхъ сербству, но всѣхъ виднѣе у алтарной стѣны могила каноника Михаила Горника, одного изъ самыхъ видныхъ дѣятелей сербскаго возрожденія, съ надписью: „Za njewustawoce a wopornіwe dźěło w kniezowej winicy a na narodnym polu płač jemu Boh z njebeskim mytom“. И тутъ же неправильной нашей гражданкой въ перемежку съ латинскими буквами русская надпись: „Искони бѣ Слово“... Романтическая красота этого мѣста безподобна. Не ушелъ-бы отсюда... Сядешь на низенькую каменную кладбищенскую ограду, а подъ тобою качаются выросшія изъ болѣе низкаго уступа скалы яблони и груши. Рукою можно бы достать ихъ колеблющіяся листья. Между ними на крохотномъ выступѣ прилѣпился домикъ-малютка, а отъ него еще ниже, къ самой Спревѣ сбѣгаетъ по уступамъ крутая узкая тропинка. А тамъ за рѣкою безбрежная золотая гладь полей и только кое-гдѣ по краямъ горизонта чернѣютъ лѣсные островки...

Кладбище св. Николая одно изъ немногихъ мѣстъ, гдѣ сербскій языкъ еще признанъ. Въ городѣ съ большимъ трудомъ можно отыскать въ закоулкахъ двѣ-три сербскихъ вывѣски.

Другой сербскій уголокъ—на противоположномъ, южномъ концѣ Будишина. Это евангелическая церковь св. Михаила. Раннимъ воскреснымъ утромъ можно видѣть, какъ въ черныхъ, чистенькихъ, хоть и старыхъ, сюртукахъ, гладко выбритые тихо идутъ сюда старожилы Будишина, уже порядочно таки дряхлые сербы въ сопровожденіи своихъ женъ-старушекъ въ черномъ платьѣ съ бѣлыми платочками на головѣ, а пока они медленно плетутся со своими молитвенниками, мимо нихъ катятъ автомобили и то и дѣло мимо ушей съ легкимъ скрипѣніемъ песка или камней быстро проскальзываютъ велосипеды. Смотрятъ старики и не замѣтятъ, какъ уже укатилъ на велосипедѣ и ихъ собственный сынъ въ свѣтъ широкій, въ свѣтъ далекій, гдѣ скоро позабудетъ онъ навсегда родную рѣчь и превратится—въ нѣмца.

Съ восточной стороны уже рушились старыя стѣны Будишина, которыми въ мрачную эпоху средневѣковья люди загораживались отъ людей, и разбитые на ихъ мѣстѣ длинной полосой зелени и цвѣтовъ протянулись сады съ такими густыми и развѣсистыми деревьями, что, еслибъ не желтый песокъ дорожекъ да газоны цвѣтовъ, можно было бы вообразить себя на лѣсной полянкѣ.

Сквозь образованный садомъ проломъ вышелъ и старый Будишинъ на волю. Вышелъ изъ своего „вендскаго" уголка, гдѣ такой глубокой пахнетъ стариной, что черный, пузырчато-дырявый камень стѣнъ, кажется, такъ же старъ, какъ нависшія надъ Спревой каменныя глыбы скалъ. Вышелъ изъ укромнаго уюта мѣщанскихъ домиковъ, гдѣ матери-сербки свято хранили замкнутую домовитость, держа семью въ страхѣ Божьемъ. Вышелъ на новое мѣсто, на вольный просторъ пригороднаго поля, гдѣ еще 10—15 лѣтъ тому назадъ веселые сербскіе мальчики свободно ловили мотыльковъ. Вышелъ и застроилъ эти поля новыми, широко распланированными улицами, гдѣ, что ни домъ, то маленькая красивая вилла, а на небольшомъ пространствѣ 2—3 арш. между домами, гдѣ у насъ за поломанной рѣшеткой были бы пустыри, искусство ухитрилось разбить крошечные садики. Ползучія розы охватили и балконъ и окна, на темной зелени своихъ листьевъ лелѣя пучокъ крупныхъ, ярко-красныхъ цвѣтовъ. И тутъ же рядомъ незастроенная еще полянка. Нѣсколько ребяти-

шекъ, раздобывъ гдѣ-то рогожку, подперли ее по серединѣ двумя палочками, съ боковъ подвязали къ ней веревочки, а концы ихъ коликами вбили въ землю. Растянулась рогожка, раскрылся гостепріимный шатеръ и лежатъ себѣ тамъ ребятишки, а вѣтеръ продуваетъ ихъ съ боковъ. Рады они, хохочутъ и о чемъ-то весело болтаютъ, но рѣчь ихъ—увы!—уже нѣмецкая и весь этотъ новый городъ—уже не Будишинъ и даже не Budissin, а настоящій нѣмецкій Bautzen.

Въ этой части Будишина на новомъ кладбищѣ есть памятникъ, близкій намъ, русскимъ. Это—общая могила двухъ тысячъ солдатъ французской, русской и прусской арміи, павшихъ въ битвѣ при Бауценѣ 20—21 мая 1813 года: сѣрая пирамидальная колонна въ окруженіи темно-зеленыхъ туй. Давно позабытые, одиноко лежатъ тутъ вдали отъ родной стороны наши солдаты. Долго ждали въ полѣсскихъ деревняхъ и у широкаго простора Волги въ деревенскихъ хатахъ своихъ сыновей бабы, плакали и горевали. Не дождались! И за что же пролилась здѣсь на чужбинѣ русская кровь? Европа до сихъ поръ не можетъ намъ простить 1813—15 годы, а спасенная нами Пруссія вырываетъ изъ устъ славянскихъ послѣдній звукъ славянской рѣчи, не разъ и намъ диктуя наше поведеніе! На памятникѣ, воздвигнутомъ въ 1853 году, можно прочесть надпись:

Nur das Leben hasst.
Der Tod versöhnt.

Ужели примиряетъ только смерть? Ужели жизнь, это—только человѣконенавистническая борьба и мирная, совмѣстная работа нѣмцевъ со славянами невозможна? Разумъ, сердце, воля,—все лучшее въ человѣкѣ и народѣ говоритъ: *возможна и будетъ.* Все прошлое сербства, вся исторія Будишина отвѣчаетъ: *нѣтъ.*

III.

Въ народномъ сербскомъ домѣ въ Будишинѣ помѣщена между прочимъ, единственная на всѣ Лужицы книжная лавка, основанная еще Смолеромъ. Это маленькая узенькая комнатка въ одно окно. На ея немногихъ, да и то не вполнѣ заполненныхъ, полкахъ можно найти „Исторію сербскаго народа“. Ее написалъ по-польски Вильгельмъ Богуславскій, а перевелъ и издалъ Михаилъ Горникъ. Раскроемъ ее и прочтемъ:

Когда-то предки теперешнихъ лужицкихъ сербовъ подъ разными именами занимали всю среднюю Европу отъ чешскихъ горъ почти до Габолы, отъ Одры до Солавы и дальше. Жили они въ темныхъ дебряхъ лѣсныхъ, среди непроходимыхъ топей и болотъ, отъ которыхъ получили теперешніе лужичане и самое имя свое — Лужицы отъ лужа. Жили, съ трудомъ раскорчевывая для пашни кусокъ поля, охотясь въ густой чащѣ лѣса за разнымъ звѣремъ, ловя рыбы и собирая медъ, а въ дни праздниковъ, сходясь въ свои города для жертвоприношеній богамъ, торговли и рѣшенія общихъ дѣлъ. Жили семьями, хата при хатѣ, но въ общемъ разрозненно, не выработавъ себѣ общей власти, не сложившись въ государства. Раза два только — повѣствуетъ преданіе — объединили-было ихъ въ одно цѣлое вожди сосѣднихъ чеховъ, полумиѳическій Миробудъ еще до Рождества Христова, да въ 630 г., при сербѣ Дерванѣ, Само, но и то ненадолго.

Вскорѣ все пошло по-прежнему, и такъ же тиха и однообразна была эта жизнь, какъ однообразенъ протяжный шумъ лѣса, вѣчно погруженнаго въ одну и ту же думу.

Въ затишьѣ незамѣтно надвинулась гроза. Она пришла съ запада. Уже въ 531 году напоромъ германскихъ племенъ, саксовъ и франковъ, нѣмецко-славянская граница была передвинута за Солаву. Начался безпрерывный нѣмецкій натискъ на славянство. Его организаторомъ былъ Карлъ Великій. Недаромъ его имя и до сихъ поръ остается у славянъ нарицательнымъ для обозначенія главы государства. Онъ на многіе вѣка придалъ нѣмецкому движенію планомѣрный характеръ. Въ 805 г. франки разорили край гломачей. Въ 806 г. палъ, сражаясь съ сыномъ Карла Великаго, Карломъ, сербскій народный герой, Милидухъ. Далеко вглубь славянства врѣзались нѣмцы: перейдена Лаба, сожженъ Будишинъ. Въ 839 году на сѣверъ отъ славянскаго Липска (теперешній Лейпцигъ) погибъ въ битвѣ съ войсками Людовика Благочестиваго Чемиславъ. Въ 859 г. Людовикомъ нѣмецкимъ покоренъ весь край между Солавой и Мульдой. Въ X вѣкѣ Генрихъ Птицеловъ прочно пододвинулся къ Лабѣ. Сынъ Генриха, Оттонъ Великій, добрался до Спревы и Одры. Въ 990 г. нѣмцы заняли теперешнія Лужицы и покорили доселѣ свободный край Мильчанъ. Вотъ голыя цифры и голые факты, а какіе кровавые слѣды оставили они въ жизни! Чтобы сломить силу славянъ, всѣ средства пускали нѣмцы въ ходъ, не брезгуя и вѣроломствомъ. Намѣстникъ Оттона, маркграфъ Геро созвалъ къ себѣ на пиръ 30 главарей славянскихъ племенъ и всѣхъ ихъ

перебилъ. Своими собственными руками должны были сербы воздвигать противъ себя же крѣпости, гдѣ на льготныхъ условіяхъ селились нѣмцы-колонисты, сбродъ всякихъ преступниковъ, освобожденныхъ отъ кары. Тогда-то старинные славянскіе города превратились навсегда въ нѣмецкіе—Межирѣчье въ Мерзебургъ, Дѣвинъ въ Магдебургъ.

Вспоминая объ этихъ кровавыхъ временахъ, недавно умершій лужицкій поэтъ Тишинскій писалъ:

Отчего—поглядишь ли направо иль влѣво—
Столько краснаго мака въ зеленомъ тамъ житѣ?
Отчего на скалахъ эти красныя нити?
Отчего подъ Будишиномъ плачетъ такъ Спрева?

Отчего, что ни вечеръ, въ горахъ видятъ очи:
Медлитъ скрыться за тучи щитъ солнца кровавый?
Отчего стономъ вихорь несется дубравой
И о чемъ такъ горюстъ въ лѣсу птица ночи?

Это въ макѣ кровь сербовъ загубленныхъ рдѣетъ,
Это въ жилахъ утесовъ она цѣпенѣетъ,
А въ ночи стономъ вихря идетъ по равнинѣ.

Оттого и моей нѣту края кручинѣ,
Оттого эти красныя нити извилинъ,
Оттого такъ горюетъ и тужитъ тамъ филинъ.

Одинъ только разъ, въ XI вѣкѣ, занялся-было на лужицкомъ горизонтѣ свѣтъ лучшаго дня. Его принесъ съ собою Болеславъ польскій, Храбрый. Въ 1002 г. онъ отнялъ у нѣмцевъ края лужицкій и мильчанскій и по Будишинскому миру 1018 г. закрѣпилъ ихъ за собой. Границы Польши продвинулись на западъ чуть не до самой Лабы. Болеславъ носилъ въ груди славянское чувство и, можетъ-быть, еще не вполнѣ сознательную, но славянскую мысль. Государемъ-освободителемъ явился онъ къ лужицкимъ сербамъ, самъ долго жилъ въ Будишинѣ и оставилъ по себѣ въ народѣ такую память, что до сихъ поръ поетъ о немъ народная лужицкая пѣсня. Но уже при сынѣ Храбраго, Мечиславѣ II въ 1032 г. край мильчановъ, т.-е. Лужицы Верхнія, отошли къ маркграфу Мисненскому, а собственныя Лужицы, теперешнія Лужицы Нижнія достались маркграфу Дитриху. Съ тѣхъ поръ часто мѣняли онѣ властителей, но все это были нѣмцы, и широкой рѣкою разлилось по краю нѣмецкое владычество.

Въ началѣ XII вѣка не выдержали сербы. Подъ впечатлѣ-

ніемъ побѣды Кривоустаго на Песьемъ полѣ подъ Вратиславомъ въ 1109 г. вспыхнуло возстаніе на всемъ протяженіи сербскихъ земель. Это язычники шли на христіанъ, славяне на нѣмцевъ. Жглись церкви, въ прахъ разрушались города, уничтожались посѣвы. Никому не было пощады. Но это было только послѣднимъ взрывомъ отчаянія. Желѣзнымъ кольцомъ оцѣпили нѣмцы славянъ, и мятежъ былъ подавленъ. Тогда же палъ славянскій Бранифоръ, сломана была сила лютичей. Съ ними рушилась сѣверная преграда нѣмецкому натиску и съ этихъ поръ исторія сербскаго народа становится уже повѣстью не о томъ, что онъ дѣлалъ самъ, а о томъ, что съ нимъ дѣлали, не о томъ, какъ жилъ народъ, а о томъ, какъ онъ безропотно умиралъ...

Раньше другихъ растаяли въ нѣмецкомъ потокѣ сербы между Солавой и Лабой, край при Болеславѣ Храбромъ еще цѣликомъ сербскій. Славянъ просто выгоняли изъ ихъ деревень, а на ихъ мѣсто, въ готовыя уже деревни приводили, нѣмецкихъ колонистовъ съ Рейна, изъ Фландріи и Голландіи. Чтобы заставить сербовъ перейти на нѣмецкое право и изъ наслѣдственныхъ владѣтелей общинной земли превратиться въ помѣщичьихъ крестьянъ, со всякаго, кто хотѣлъ остаться вѣрнымъ старому укладу народной жизни, брали подать и по сербскому и по нѣмецкому праву. Даже съ матери, у которой умиралъ ребенокъ, причитался князю штрафъ за убытокъ. Защиты искать было негдѣ. Духовенство, по большей части нѣмецкое, само было склонно къ германизаціи, а верхній слой народа первый измѣнилъ народной жизни. Вытѣсняемые изъ деревень, сербы сунулись было въ города, но ими еще раньше завладѣли нѣмцы и ограничительными законами сумѣли и здѣсь положить преграду славянскому наплыву. Въ Драждянахъ (теперешній Дрезденъ) по закону 1472 года ни одинъ славянинъ не имѣлъ права записаться въ ремесленные цѣхи. Даже при переселеніи изъ одного города въ другой каждый ремесленникъ долженъ былъ представить удостовѣреніе, что онъ не сербскаго происхожденія: иначе передъ нимъ замыкались городскія ворота.

Какъ таялъ отъ всѣхъ этихъ мѣръ сербскій народъ, видно изъ слѣдующихъ данныхъ. Въ 1293 году славянская рѣчь вышла изъ употребленія въ самомъ западномъ краю сербской земли, теперешнемъ княжествѣ Ангальтскомъ. Во второй четверти XIV вѣка безъ нея обходились уже при Салѣ. Въ 1427 г. она исчезла изъ суда на Лабѣ въ одномъ изъ прежнихъ центровъ сербства— Мишнѣ. Еще въ XVI вѣкѣ только что указанные ограничительные

законы о ремесленникахъ имѣли еще силу въ Липскѣ (теперешній Лейпцигъ). Въ XVII вѣкѣ здѣсь славянскихъ поселеній уже не было, а въ нѣмецкой рѣчи ихъ потомковъ остались только нѣкоторые сербизмы вродѣ pietschen—пить, die Peze—песъ, Lusche—лужа, Diz—птица, glupsk—глупый...

Тотъ же процессъ, только съ значительно большей медленностью, совершался и на востокъ отъ Лабы, въ собственныхъ Лужицахъ. Здѣсь просвѣты лучшаго будущаго мелькнули было въ XIV вѣкѣ, когда Верхнія Лужицы въ 1319 году, а Нижнія въ 1373 году были присоединены къ чешской коронѣ. Съ тѣхъ поръ въ теченіе трехъ столѣтій до самаго 1635 года дѣлили Лужицы въ политическомъ отношеніи судьбы славянскаго государства. Но не позабудемъ, что вѣдь это при славянской династіи чешскихъ Пржемыславичей началась въ XIII вѣкѣ нѣмецкая колонизація въ чешскія горы и замкнулось нѣмецкое кольцо, въ тискахъ котораго и доселѣ бьются чехи. Какъ ни расположены были къ славянамъ такіе чешскіе государи, какъ Карлъ IV или его сынъ Вячеславъ, но что они могли сдѣлать, когда въ XIV вѣкѣ въ самой Прагѣ нѣмцы представляли силу, съ которой надо было бороться. Въ пражскомъ городскомъ управленіи засѣдали они одни; въ церквахъ духовенство проповѣдывало по-нѣмецки. Въ далекихъ Лужицахъ нѣмцы и подавно господствовали надъ славянскимъ населеніемъ безраздѣльно. Въ 1346 году для защиты порядка и торговли отъ разбойническихъ нападеній рыцарства образовался-было союзъ 6 важнѣйшихъ лужицкихъ городовъ, Будишина, Каменца, Любія, Сгорѣльца, Житавы и Любаня, но это былъ союзъ нѣмецкихъ городовъ на славянской землѣ, и въ самомъ народѣ такъ заглохло чувство народности, что его не пробудили даже гуситскія бури. Развалины разрушенной гуситами церкви св. Николая и до сихъ поръ служатъ не только кладбищемъ знаменитыхъ сербовъ, но и свидѣтельствомъ глубокаго упадка народнаго духа въ Лужицахъ, не откликнувшихся на чешское народное движеніе своимъ.

Не пробудилъ народа къ жизни и Юрій Подѣбрадскій, и въ борьбѣ этого славянскаго государя съ Матвѣемъ Корвиномъ Лужицы стали на сторонѣ Корвина. Надъ воротами будишинскаго замка Ортельсбургъ и до сихъ поръ виденъ въ барельефномъ изображеніи Матвѣй Корвинъ, какъ съ высокомѣрнымъ выраженіемъ лица, вѣнчаемый короною, попираетъ онъ ногой чешскаго льва. Съ 1526 года, когда чешскій престолъ заняла династія габсбурговъ, стало лужичанамъ еще хуже, а отъ буйнаго раз-

гула поднятыхъ 30-лѣтней войной вихрей пришлось и совсѣмъ плохо. Многія деревни исчезли съ лица земли: на ихъ мѣстѣ выросли лѣса; въ другихъ населеніе уменьшилось вдвое, втрое. По пражскому міру 1635 года измѣнилось и политическое положеніе Лужицъ. За исключеніемъ Хотѣбузской области, которою еще въ 1445 году овладѣла бранденбургская династія, и Верхнія и Нижнія Лужицы достались саксонскому курфирсту Іоанну Георгу I, чей памятникъ стоитъ на одной изъ будишинскихъ площадей.

Что̀ новая перемѣна принесла съ собою для Лужицъ, видно изъ обязательныхъ постановленій Будишинскаго сейма. Безстрастною должна быть исторія, но трудно, читая ихъ, удержаться отъ негодованія. Нѣмцы направили свои удары противъ того, что̀ всего дольше и крѣпче держится въ народѣ: противъ формъ его быта. Въ 1651 г., во избѣжаніе возможныхъ безпорядковъ и дракъ въ шинкахъ, сербамъ, подъ угрозою денежнаго штрафа, было воспрещено ношеніе палокъ даже во время путешествій. Сербы любили носить длинные волосы. Для порядка сеймъ установилъ для нихъ опредѣленную мѣру длины волосъ. Сербы любили принарядиться. Чтобы уничтожить „безмѣрную спесь сербскихъ крестьянъ", сеймъ 1654 г. воспретилъ имъ носить банты, перья на шляпахъ, сапоги съ высокими каблуками, а дѣвушкамъ кораллы и бусы. Вѣрные стародавнимъ славянскимъ обычаямъ, любили сербы въ длинные зимніе вечера сойтись на посидѣлки и погуторить за пряжей. Въ 1677 году такія посидѣлки были прекращены: хозяинъ, у котораго собралось бы такое сходбище, карался штрафомъ въ 50 талеровъ. Охотники были сербы до танцевъ и кто, бывало, всѣхъ лучше кружится въ пляскѣ и всѣхъ молодцоватѣе пристукиваетъ каблукомъ, тотъ и слыветъ первымъ парнемъ въ деревнѣ. Въ 1683-мъ году всякая пляска была воспрещена въ праздники и воскресенья, а въ будни усталому отъ работы сербу было до нея-ли? Вотъ мѣры, которыми хотѣли заживо заколотить въ гробъ тихій и мирный славянскій народъ. Въ Пруссіи было еще хуже: тамъ въ 1731 г., по указу Фридриха Вильгельма I, было запрещено даже жениться тѣмъ изъ сербовъ, кто не зналъ по-нѣмецки.

Такъ прожили сербы до 1807 года, когда по Тильзитскому миру на короткое время обѣ Лужицы соединились-было подъ властью саксонскаго короля, но на Вѣнскомъ конгрессѣ не только вся нижняя Лужица, но и половина верхней была отдана Пруссіи, причемъ Нижняя вошла въ составъ Бранденбургской провинціи,

а верхняя—въ составъ Силезіи. Въ этомъ положеніи остаются Лужицы и до сихъ поръ.

Одно слово характеризуетъ всю исторію Лужицъ послѣ возстанія XII вѣка:—медленное умираніе. Но если не ограничить поля зрѣнія событіями внѣшней исторіи, то неожиданно изъ мрака начинаетъ прорѣзываться свѣтлая нить, и въ самой глубинѣ упадка выступаютъ зеленые ростки обновленія. Старый Будишинъ, храня въ своихъ стѣнахъ память о печальномъ прошломъ сербства,—живой свидѣтель и его возрожденія, котораго символомъ возвышается теперь по самой серединѣ города на одной изъ лучшихъ площадей великолѣпный домъ сербо-лужицкой матицы—Wendisches Haus.

IV.

Возрожденіе лужицкихъ сербовъ началось на почвѣ религіозной письменности и шло волнообразно.

О вѣрѣ христіанской, какъ можно думать вслѣдъ за Срезневскимъ, впервые услышали лужичане отъ самого св. Кирилла, который какъ гласитъ преданіе, училъ Евангелію въ окрестностяхъ Сгорѣльца. Съ побѣдой латинскаго обряда не погибли всѣ ростки славянскаго просвѣщенія. Въ 1076 г. епископъ мишненскій Бенонъ проповѣдывалъ народу по-сербски. Въ 1213 г., закладывая церковь св. Петра въ Будишинѣ, еп. Брунонъ заложилъ при ней и сербскую школу. Во всякомъ случаѣ однако эта начальная волна была настолько слабой, что вскорѣ совершенно безслѣдно расплылась въ морѣ нѣмецкой культуры.

Первый зародышъ самостоятельнаго движенія религіозной и народной мысли былъ принесенъ въ Лужицы реформаціей. Древвѣйшій памятникъ лужицкой письменности относится къ 1548 году. Это сдѣланный Николаемъ Якубицей рукописный переводъ Новаго Завѣта на нижнелужицкій языкъ. Первою, дошедшею до насъ печатною сербскою книгою на нижнелужицкомъ языкѣ былъ изданный въ 1547 г. въ Будишинѣ Лютеровъ катехизисъ въ переводѣ Альбина Моллера, а на верхнелужицкомъ—тотъ же катехизисъ въ переводѣ Вячеслава Ворѣха (Warichius) 1597 года. Ростъ этихъ первыхъ побѣговъ былъ задержанъ бурями 30-лѣтней войны, но едва только она миновала, какъ сербское народное сознаніе проснулось и заговорило полнымъ голосомъ въ трудахъ даровитой семьи Бранцелей, по-нѣмецки Френцелей. Вотъ ихъ

имена: Михаилъ Бранцель (1628—1706), его сыновья Авраамъ (1656—1740) и Михаилъ (1667—1752) и внукъ Саломонъ-Богуславъ (1701—1768). Изъ нихъ главнымъ представителемъ забрезжившаго сербамъ возрожденія, бросающимъ свѣтъ на всю эту эпоху, былъ родоначальникъ семьи.

Евангелическій пасторъ съ большимъ образованіемъ и широкими кругозорами, Бранцель старшій всю долгую жизнь свою посвятилъ переводу Новаго Завѣта въ надеждѣ, что подкрѣпленный чтеніемъ св. Писанія на родномъ языкѣ народъ его окрѣпнетъ и найдетъ въ себѣ силу для жизни. И на восьмомъ десяткѣ лѣтъ, уже передъ самою смертью дождался-таки старый пасторъ радости, если не видѣть, то по крайней мѣрѣ въ рукахъ держать свою книгу. Въ 1706 г. г-жа фонъ-Герсдорфъ издала его переводъ. Самъ Бранцель—пишетъ Срезневскій—былъ уже тогда слѣпъ и не могъ читать своей книги, но во время служенія, держа ее въ рукахъ, онъ, глядя въ нее, по памяти повторялъ слова Евангелія на родномъ языкѣ. Не выпуская ее изъ рукъ, взошелъ онъ и на проповѣдническую каѳедру и, благодаря Бога за счастливое окончаніе своего труда, въ которомъ онъ видѣлъ долгъ передъ Богомъ и народомъ, онъ молилъ Всевышняго призрѣть на родныхъ ему лужичанъ. „Боже!—говорилъ онъ—Ты далъ мнѣ, безсильному, силу передать моему народу предвѣчное слово Твое, далъ мнѣ рай на землѣ, и мнѣ-ли не вѣрить, что Ты готовишь и ему не смерть, а жизнь, не погибель, а счастіе. О, вѣрю, что и наша малая горстка будетъ призрѣна Тобою, иноплеменники пощадятъ ее, и она принесетъ плодъ благодатный. Вѣрю, что по слову Твоему и малое будетъ великимъ, и безсильное сильнымъ, и молю, да положишь Ты десницу свою на насъ и поведешь насъ по пути преуспѣянія".

Ясно сознавалъ Бранцель и ту единственную опору, на которую могла разсчитывать горсточка сербо-лужицкаго народа въ своемъ стремленіи къ возрожденію. Въ груди этого стараго евангелическаго пастора билось славянское сердце: прилежно изучалъ онъ чешскій и польскій языки и съ самоудовлетвореніемъ думалъ, что его народъ — вѣтвь исполински разросшагося славянскаго племени. Когда Петръ въ 1697 году проѣзжалъ черезъ Германію, онъ послалъ ему свои книги и письмо на лужицкомъ и латинскомъ языкахъ, гдѣ привѣтствовалъ его, какъ славянинъ славянина: „Wysoce Rozjasnjeny a Mócny Car, nihdy njepśewinjeny Khejžor a Wulki knjez! Высоце Розъяснены а Моуцны Цар, нигды непшевинены (непобѣдимый) Кейжор а Вульки Кнез! Ви-

тай к нам, витай к нам, Ваша Кейжорска Маестасць а Красносць! О, Саксонія, а въ особенности сербскими руками воздвигнутый Дрезденъ! радуйтесь: приходитъ къ нам Вульки Цар, котрыж з веле таузендт миліонами подаными нашу сербску рѣчь речи". И, вспомнивъ дальше о трехъ родныхъ братьяхъ, Чехѣ, Лехѣ и Русѣ, когда-то вмѣстѣ жившихъ въ сербо-хорватскомъ Загорьѣ, онъ — Vandalicus vel Sorabicus theologus in Lusatia— приноситъ своему царю—nostro Car—въ даръ свои книги, sorabicos sacros libros, да перейдутъ они, какъ свидѣтельство процвѣтанія въ Саксоніи вѣры „въ вашу Россію" — in vestram Russiam, такъ какъ русскіе говорятъ на нашемъ, славянскомъ языкѣ, quia Russi vel Moscovitae nostram linguam Sorabicam vel Slavicam, i. e. gloriosam loquuntur". Что думалъ великій зачинатель новаго въ Россіи, если ему перевели это? Вспомнилъ ли о старомъ лужицкомъ пасторѣ, когда позднѣе Милорадовичъ разсказывалъ ему о славянахъ юга или когда въ польскомъ окруженіи ломалъ съ Августомъ подковы въ петроковской Равѣ? Зажглось-ли въ немъ хоть на минуту славянское сознаніе? Не знаемъ. Но въ глазахъ лужицкаго ученаго оно уже свѣтилось свѣтомъ разумнымъ и вполнѣ сознательнымъ. Этотъ свѣтъ былъ переданъ имъ и сыну Аврааму, ученому языковѣду, автору сочиненія De originibus linguae Sorabicae, чей „высокій, дальновидный умъ, по свидѣтельству Срезневскаго, обзиралъ все Славянство въ его единствѣ и разнообразіи, сравнивая нарѣчія драгоцѣннаго для него славянскаго языка другъ съ другомъ въ то время, когда другіе славяне еще и не думали объ этомъ".

По-истинѣ глубочайшаго удивленія и высокаго уваженія заслуживаютъ къ себѣ эти первоначальники лужицкой письменности. Они трудились не для славы, не для корысти, не для чести даже—многія ихъ работы, въ томъ числѣ словари и лужицкая исторія Авраама Бранцеля такъ и остались ненапечатанными,—но ничто не прервало ихъ занятій, которыя были для нихъ и радостью жизни и долгомъ. И пусть многіе труды ихъ не увидѣли свѣта: и въ темнотѣ сельскихъ приходскихъ домовъ они принесли свой плодъ. Linguae Sorabicae dulcedo привлекла къ себѣ новыхъ тружениковъ и друзей, и число лужицкихъ книгъ росло. До 1700 года ихъ вышло всего около 50; въ XVIII вѣкѣ уже 200. Рядомъ съ протестантами работали и католики. Іезуитъ Яковъ Тицинъ издалъ въ 1679 г. первую сербскую грамматику, „Principia linguae vendicae"; Юрій Свѣтликъ въ 1721 г. напечаталъ первый латинско-лужицкій словарь. Для нижнихъ Лу-

жицъ трудъ Михаила Бранцеля, переводъ Новаго Завѣта, совершилъ въ 1709 г. другъ его сына Авраама, Богумилъ Фабриціусъ. Ветхій Завѣтъ былъ изданъ на верхне-лужицкомъ языкѣ въ 1728 г., на нижне-лужицкомъ въ 1797 году.

Вѣрные трезвому славянскому характеру, дѣятели этого времени сумѣли соединить въ себѣ широту кругозора и идеализмъ съ практическимъ смысломъ, съ пониманіемъ потребностей настоящаго. Уже по почину Михаила Бранцеля старшаго въ 1660 г. въ Будишинѣ собралась первая конференція лужицкихъ пасторовъ на совѣщаніе о взаимопомощи, объ обезпеченіи вдовъ и сиротъ и другихъ насущныхъ нуждахъ сербства. Въ 1704 году Юрій Шимонъ, родомъ изъ Чемерицъ, купилъ въ Прагѣ на Малой Странѣ у моста клочокъ земли и устроилъ тамъ сербскую католическую семинарію, гдѣ бы сербскіе юноши-католики, готовясь стать проповѣдниками Слова Божія, могли жить въ родномъ сербскомъ окруженіи, слыша сербскую рѣчь. Около того же времени, въ 1716 г. въ Лейпцигѣ, а въ 1749 въ Виттенбергѣ образовались среди сербской студенческой молодежи и лютеранскія проповѣдническія общества. Не было у нихъ высокихъ покровителей, не было денежныхъ средствъ. Ихъ вызвалъ на свѣтъ одинъ высокій и чистый идеализмъ юности, безкорыстная любовь къ народу. Она же дала первому изъ нихъ силу продержаться, хотя и съ перерывами, до нашихъ дней. Въ Виттенбергѣ общество закрылось съ закрытіемъ въ 1814 г. университета,

Такъ въ тишинѣ готовились новые ряды борцовъ за народность, а жизнь не ждала и дѣлала свое дѣло. Опустошительнымъ вихремъ пронеслась надъ Лужицами 7-лѣтняя война, когда лужичане Пруссіи и Саксоніи должны были стать другъ противъ друга, убивая своихъ братьевъ и родственниковъ. Во всеоружіи государственной силы нѣмецкая власть проводила дальше колонизацію окраинъ и широкою полосою у Бобра и Одры легла сѣть новыхъ нѣмецкихъ поселеній, отдѣливъ лужичанъ отъ ихъ славянскихъ сосѣдей съ востока—поляковъ. Отбирала у лужицкаго народа его сыновъ и нѣмецкая культура. Ища себѣ болѣе широкаго круга читателей, наиболѣе выдающіеся лужицкіе писатели XVIII вѣка, Кнаутекъ, Горчанскій, Антонъ, стали писать о Лужицахъ по-нѣмецки. Не говоримъ уже о знаменитомъ уроженцѣ сербскаго Каменца, Лѣсникѣ-Лессингѣ. Поднятая реформаціей волна народнаго возрожденія стала повидимому опадать. Но не угасли идеи стараго Бранцеля.

Новый приливъ лужицкаго самосознанія принесла съ собой

въ началѣ XIX вѣка эпоха народныхъ возрожденій. Новые люди не только подняли оброненную нить преданій, завѣщанныхъ Якубицей и Бранцелемъ: они расширили и углубили возрожденіе. Изъ религіозной по преимуществу литература стала теперь свѣтской. Явились поэзія и журналистика. Въ 1806 г. были напечатаны первые лужицкіе стихи, отрывки изъ Мессіады въ переводѣ Меня (Mjeń). Въ 1790 г. Шерахъ и Янко выпустили первый, правда и единственный, номеръ перваго лужицкаго журнала „Měsačne pismo“. Въ 1809 году Янъ Дейка оказался уже счастливѣе. Его „Serbski powědař a kurjer“ выходилъ вплоть до 1812 года, пока его не воспретилъ Наполеонъ. Главою и вождемъ всѣхъ литературныхъ сербскихъ силъ за эту эпоху слѣдуетъ признать пастора Андрея Любенскаго (1790—1840). Подобно Бранцелямъ и онъ черпалъ силы для своей дѣятельности въ общеславянскомъ чувствѣ, съ горячностью доказывая, что лужицкій языкъ не лужицкій говоръ, а одно изъ нарѣчій великой славянской семьи народовъ. Ему принадлежатъ работы грамматическія, словарныя, этнографическія. Писалъ онъ и проповѣди и назидательныя книги для народа, работалъ безустанно и усердно, хотя и самъ часто отчаявался въ спасеніи родного народа. Да и какъ было не отчаяваться, когда большая часть его работъ никогда не увидѣла свѣта. Но добрые посѣвы не пропадутъ. И вскорѣ на помощь Любенскому и подъ его руководствомъ выступило цѣлое молодое поколѣніе сербовъ и мощно двинуло впередъ дѣло народное. Въ поэзіи это былъ Андрей Зейлеръ (1804—1872), въ практической дѣятельности младшій сверстникъ Любенскаго Клинъ, въ литературѣ и журналистикѣ воспитанникъ пражской католической семинаріи Іорданъ, а въ особенности сынъ евангелическаго сельскаго учителя, Янъ Эрнестъ Смолеръ (1817—1884).

Поэзія—она „религіи небесной сестра земная“. Влагая могучую силу чувства въ народную рѣчь, пѣсня вкрадывается въ сердце человѣческое съ такою же властительностью, какъ несущаяся изъ подъ таинственныхъ сводовъ храма молитва на родномъ языкѣ.

Огнемъ писанье истребится,
Казну злой хищникъ унесетъ,
Но пѣсня... пѣсня сохранится,
Уйдетъ и міръ весь обойдетъ.

Заразительная, она, какъ электрическая искра, спаиваетъ людей, эти отдѣльныя и разрозненныя звенья, въ одну великую цѣпь,

зажигаетъ сердца, даетъ жизнь мысли народной, тлѣющей подъ холоднымъ пепломъ ежедневной сутолоки и заботъ. Эту искру зажегъ въ сердцѣ лужицкаго народа молодой Зейлеръ. Пѣсни его по тону, по укладу напоминаютъ собой пѣсни его русскихъ современниковъ: Дельвига, Нелединскаго-Мелецкаго, Цыганова. Но для лужичанъ это былъ первый голосъ, первое выраженіе народнаго чувства. Нѣжно-задумчивыя, простодушныя, среди лужицкихъ полей рожденныя, онѣ отвѣтили народному вкусу и положенныя на музыку отчасти самимъ Зейлеромъ, а отчасти талантливымъ сербскимъ канторомъ Коцоромъ, быстро вошли въ народъ, стали его достояніемъ и теперь распѣваются и въ полѣ за работой и въ хатѣ за пляской, могущественно поддерживая народное самосознаніе. Раскрылась въ нихъ и новой зацвѣла жизнью завѣтная, тайная мысль всѣхъ лучшихъ людей лужицкаго сербства: жить должно сербство, остаться цѣлымъ

Trać dyrbi Serbstwo. zawostać
A serbska ryč so zmahować,
Kaž dołho z drjewom zelene
Te hory stoja łužiske;
 Dóńž kamjeń tam na kamjenju
 So zběha k njebju módremu
 A Sprewje žórło slěborne
 Do Serbow žołmy ponjese!

Жить должно сербство, а языкъ сербскій крѣпнуть и сильнѣть, пока зеленью разубранныя стоятъ лужицкія горы, пока скала, громоздясь на скалу, подъемлется къ синему небу, а серебряные источники Спревы несутъ въ Сербію свои волны!“ Hišće Serbstwo njezhubjene swój štit we nas ma. Еще не погибло сербство. Его щитъ—это мы“.

Эти строки писаны въ 1842 году, но уже съ конца двадцатыхъ годовъ, когда юноша-Зейлеръ, будучи въ Лейпцигѣ студентомъ богословія, возобновлялъ тамъ подъ именемъ Sorabia сербскій кружокъ и издавалъ рукописный журналъ Serbsku Nowinu, сталъ доходить до Лужицъ его голосъ,—и такой уже былъ тогда духъ времени, что вскорѣ навстрѣчу ему тамъ и сямъ вспыхнули новые и новые огни народнаго самосознанія.

Въ 1830 году тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ поступилъ въ Будишинскую гимназію Смолеръ. Сынъ сербской деревни, въ гимназіи ни звука сербскаго онъ не услышалъ: товарищи—сербы говорили только по-нѣмецки. И вотъ онъ начинаетъ учить ихъ родному языку, плѣняетъ ихъ слухъ мелодіей народной пѣсни.

Въ 1838 году уже студентомъ богословія въ Бреславлѣ онъ же при содѣйствіи Пуркини основываетъ при устроенномъ Ресслеромъ Лаузицкомъ обществѣ „вендское отдѣленіе" и въ тихой квартирѣ Пуркине часто, бывало, профессоръ и студентъ, взаимно обмѣниваясь ролями, читаютъ то Смолеръ Пуркинѣ лужицкую библію, то Пуркине Смолеру чешскіе, русскіе и польскіе тексты и оба уносятся въ далекое будущее славянскаго міра, строя планы возрожденія лужицкаго народа. И какъ бы въ отвѣтъ на эти планы ученикъ будишинской гимназіи Мосакъ-Клосопольскій въ 1839 г. закрѣпляетъ одиночныя усилія Смолера, основывая съ разрѣшенія начальства для изученія сербскаго языка при гимназіи Societatem Slavicam Budessinam и при немъ сербскую библіотеку. „Учитесь, учитесь славянскимъ языкамъ—говорилъ Мосакъ товарищамъ—; безъ нихъ не можетъ быть сербскаго самосознанія". „Бывало, — разсказывали потомъ будишинскіе юноши Гильфердингу—соберемся мы вечеромъ, запоемъ пѣсни и, когда наступитъ ночь, съ пѣснями, съ факелами пойдемъ къ какому-нибудь романтическому мѣсту, напоминающему про славянство, къ скалѣ, что нависла надъ Спревой и называется Пребогомъ, на гору, носящую грозное имя Чернобога. Это были пустяки, ребячество, но за этими пустяками скрывалась мысль. Тутъ мы впервые почувствовали, что мы не одни на свѣтѣ, что у насъ есть братья, которые отъ насъ не совсѣмъ отвернулись, что мы, горсточка славянъ, между нѣмцами не потеряна, что, если мы не захотимъ сами онѣмечиться, то насъ не онѣмечатъ никакою силою". А тутъ еще пріѣхалъ въ Будишинъ Штуръ и новою силой зажегъ огонь молодыхъ сердецъ. Молодость! Когда она захочетъ, чего она не сдѣлаетъ! Когда свѣтится въ глазахъ огонь молодыхъ надеждъ и упованій, не погибъ еще народъ! И пусть иные изъ этихъ юношей не вполнѣ оправдали надежды. Самъ Клосопольскій въ 1900 г. кончилъ жизнь богатымъ адвокатомъ-помѣщикомъ и нѣмецкимъ депутатомъ рейхстага, подписываясь Mosig von Aehrenfeld и только иногда говоря по-сербски. Другіе за то всю жизнь отдали народному дѣлу, а среди всего этого молодого поколѣнія и широтою взглядовъ, и идеализмомъ, и энергіей особенно выдѣлялся Смолеръ. Заслужилъ онъ вполнѣ слова признанія, которыми помянулъ его послѣ смерти лучшій поэтъ сербства Тишинскій:

Когда, забыты всѣми, сербы спали,
Ихъ Смолеръ къ жизни новой пробудилъ.
Высоко факелъ свой онъ засвѣтилъ

И, правды свѣтъ увидѣвъ, сербы встали.
Не за себя—за сербовъ онъ боялся.
Не за себя—за сербовъ онъ болѣлъ.
Для нихъ онъ самой жизни не жалѣлъ
И, убѣленный снѣгомъ, въ битву рвался.

Отвергъ онъ честь и золото чужбины,
И, съ Сербіей дѣля ея кручины,
Какъ нищимъ жилъ, такъ нищимъ и скончался.

Да будетъ тѣнь его живымъ укоромъ
Тому, кто денегъ алчетъ жаднымъ взоромъ,
Тому, кто нѣмцамъ за гроши-бъ продался.

Смолеръ былъ настоящимъ народникомъ. Онъ вдоль и поперекъ обошелъ небольшую землю своего народа и, поднявшись самъ на высоты образованности — онъ готовился стать профессоромъ славянскихъ литературъ,—не отошелъ однако отъ низинъ народныхъ, пѣлъ и плясалъ, какъ парень, съ деревенскими дѣвушками, и близко ему было горе народное. Всколыхнуть бы обыденность жизни, бросить бы въ массу народную искру сознанія—вотъ что стало задачею Смолера. А затѣмъ хотѣлъ онъ, чтобы то, что стало для него болью, узналъ и свѣтъ, по крайней мѣрѣ славянскій. И онъ исполнилъ обѣ эти задачи.

Въ 1842 году, отвѣчая на призывъ нѣмецкаго верхнелужицкаго общества въ Сгорѣльцѣ, онъ издалъ вмѣстѣ съ Гауптомъ въ двухъ частяхъ записанныя имъ еще гимназистомъ и студентомъ на вакаціяхъ народныя пѣсни, посвятивъ ихъ, какъ прусскій подданный, „герцогу Вендскому" — названіе, откопанное имъ въ титулѣ прусскаго короля. Ни у одного славянскаго народа не было тогда такой книги, а маленькій, мало кому вѣдомый лужицкій народъ выступалъ съ превосходнымъ, безукоризненнымъ, любопытными примѣчаніями и рисунками снабженнымъ изданіемъ. Сербы дѣйствительно сразу стали предметомъ вниманія всего славянскаго міра.

Но еще важнѣе было, чтобы сами они, эти крестьяне, разбросанные по глухимъ деревнямъ, отъ роду не видавшіе никакихъ книгъ, кромѣ молитвенниковъ, услышали на родномъ языкѣ, что дѣлается вокругъ нихъ и въ далекомъ мірѣ. Надо было пробраться съ печатнымъ словомъ въ глухіе углы деревень и освѣтить ихъ. Мысль о газетѣ предвосхитилъ у Смолера воспитанникъ Ганки, Іорданъ. 1-го февраля 1842 г. вышелъ первый номеръ его „Ютнички", но она не пошла. Тогда черезъ полгода явились еженедѣльныя „Tydźeńske Noviny" подъ редакціей Зейлера,

а въ 1848 г. ихъ взялъ отъ Зейлера Смолеръ. Зная превосходно, что нужно народу, онъ сумѣлъ ихъ распространить по деревенскимъ захолустьямъ, куда и дорогъ, кромѣ проселочныхъ, не было. Съ 1853 г. газета стала выходить подъ именемъ Serbske Noviny, расходясь болѣе, чѣмъ въ 1000 экземплярахъ, и всюду неся свѣтъ знанія, любовь къ родному слову. Подъ прежнимъ именемъ и даже подъ редакціей Смолера, только не Эрнеста, а сына его Марка каждую субботу аккуратно выходитъ она и теперь. Это главный органъ лужичанъ, и не безъ гордости, съ довольной улыбкой указываетъ въ Будишинскомъ народномъ домѣ старый его библіотекарь Фидлеръ на ежегодно увеличивающійся объемъ газеты: „растетъ, двигается впередъ наше самосознаніе"...

Съ 40-хъ годовъ впервые начинаются серьезныя попытки направить разрозненныя до сихъ поръ усилія отдѣльныхъ личностей въ общее русло. Въ 1845 г. общими силами устраивается въ Будишинѣ первый сербскій концертъ и потомъ уже такіе концерты повторяются изъ году въ годъ въ разныхъ мѣстахъ Лужицъ, подымая всюду духъ народный. Осуществляются бреславскія мечты Смолера о созданіи сербскаго просвѣтительнаго общества на подобіе чешской и иллирской Матицъ. Клинъ, ходатай за сербовъ во всѣхъ дѣлахъ практическаго свойства, пишетъ уставъ, выхлопатываетъ въ Дрезденѣ его утвержденіе, въ Берлинѣ позволяютъ прусскимъ лужичанамъ вступать въ общество, и въ среду на святой недѣлѣ 1847 года собираются въ Будишинѣ со всѣхъ концовъ лужицкой земли священники, учителя, адвокаты, кое-кто изъ торговцевъ и ремесленниковъ, и открывается Матица. Невеликъ былъ членскій взносъ — около рубля на наши деньги въ годъ; скуденъ капиталъ—всего 400 талеровъ—; но и на эти гроши начала Матица издавать въ 1848 г., кромѣ дешевыхъ книжекъ для народа, еще свой Časopis и съ тѣхъ поръ вотъ уже 63-ій годъ выходятъ по двѣ на годъ его тоненькія тетради, и успѣло въ нихъ за это время накопиться много важнаго матеріала для исторіи, этнографіи, языка и литературы Лужицъ. Съ Матицей образовалось у сербовъ особое средоточіе всей ихъ просвѣтительной дѣятельности.

„Весна народовъ" —1848-й годъ—приноситъ имъ новыя важныя добычи уже въ иной области—юридической. Пользуясь обстоятельствами, Матица въ лицѣ особой сербской депутаціи подаетъ королю прошеніе о томъ, чтобы отнынѣ „сербская рѣчь въ Сербіи въ школахъ, церквахъ, передъ властями и судомъ пользовалась тѣми-же правами, что и нѣмецкая", и, такъ какъ сербы во время

волненій, несмотря на всѣ уговоры нѣмецкихъ демократовъ, остались вѣрны королю, то по возстановленіи порядка 28 августа 1849 г. изъ Дрездена приходитъ приказъ, которымъ постановляется: 1. что въ низшихъ школахъ сербы *должны* учиться чтенію, письму и Закону Божію по-сербски, 2. что въ Дрезденѣ четыре раза въ годъ для тамошнихъ сербовъ должно совершаться сербское богослуженіе и 3. что при судахъ и администраціи должны быть заведены на счетъ казны сербскіе присяжные переводчики. Этимъ, хотя и частично, но оффиціально были признаны права сербской народности. Тогда-же, въ 1848 г., „Serbske Noviny“ получили право печатать политическія извѣстія наравнѣ съ газетами нѣмецкими. Въ 1850 г. введено было при католической семинаріи въ Будишинѣ преподаваніе лужицкаго языка, а съ 1851 г. въ качествѣ необязательнаго предмета сталъ онъ преподаваться и въ гимназіи. Смолеръ, когда-то малышомъ учившій будишинскихъ гимназистовъ родной рѣчи, теперь сталъ первымъ оффиціально-признаннымъ ея преподавателемъ. Въ довершеніе сербскаго торжества сталъ у него брать уроки лужицкаго языка пріѣхавшій въ Будишинъ наслѣдный саксонскій принцъ Альбрехтъ. Привыкнувъ къ глумленію надъ своимъ языкомъ со стороны нѣмцевъ, сербы впервые нашли себѣ теперь опору извнѣ, въ саксонской династіи.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ народной работѣ и послѣ того попрежнему является неутомимый Смолеръ. Онъ переводитъ съ инославянскихъ языковъ на лужицкій, издаетъ о Лужицахъ нѣмецкія и сербскія брошюры, учитъ въ гимназіи, редактируетъ Časopis Maćicy Serbskeje, Slavische Jahrbücher и другіе нѣмецкіе журналы о славянствѣ, заводитъ въ видѣ прибавленія къ своимъ „Сербскимъ Новинамъ“ литературный журналъ Łužičan и все это дѣлаетъ на широкой славянской основѣ. Трогательно видѣть въ „Лужичанинѣ“, этой маленькой сербской иллюстраціи, рядомъ съ лужицкими текстами то русскій, то польскій, то чешскій, какъ будто уже рушились дѣлящія насъ всѣхъ перегородки и стали мы всѣ—одно, оставаясь каждый самимъ собою. Въ 1851 г. онъ основываетъ первую книжную лавку, мечтая вмѣстѣ съ Пехомъ объ общеславянской книжной торговлѣ—мысль, доселѣ еще не осуществленная нигдѣ,—въ 1854 издаетъ первый сербскій календарь, въ 1875 основываетъ особую типографію для печатанія сербскихъ книгъ, въ 1859, 1867 и 1888 г. ѣздитъ въ Россію и къ другимъ славянамъ, всюду стремится возбудить сочувствіе къ лужицкому дѣлу, ищетъ и

находитъ ему матеріальную поддержку у русскихъ и поляковъ. Наконецъ въ 1873 году при помощи Самариныхъ, Хомякова и Башмакова онъ покупаетъ въ Будишинѣ землю подъ постройку народнаго дома, и теперешнее великолѣпное зданіе серболужицкой Матицы—это памятникъ не только народнаго возрожденія, но въ значительной мѣрѣ и энергіи Смолера. Напрасно предлагали ему на чужбинѣ „честь и золото“. Онъ остался вѣренъ родному краю и работалъ до конца, пока въ 1884 году не унесла его въ могилу смерть.

Гуляя по роскошнымъ бульварамъ Будишина, видишь памятникъ Седанской битвы, одинъ изъ тѣхъ безчисленныхъ памятниковъ грубой матеріальной силы, что разставили нѣмцы по всѣмъ своимъ городамъ и мѣстечкамъ. Смотришь и думаешь: станутъ ли когда-нибудь здѣсь памятники иной силы, хотя-бы скромные бюсты Бранцеля, Зейлера, Смолера и всѣхъ тѣхъ, кто вопреки самой надеждѣ надѣялся, кто самъ, одинокій и слабый матеріально, двигалъ однако силою духа къ жизни родной народъ. Во всякомъ случаѣ, пока будетъ живо славянство, не смолкнетъ имъ честь. Честь труду, честь энергіи и настойчивости, честь идеализму. Честь всѣмъ тѣмъ, кто въ бушующемъ морѣ вражды гребетъ противъ теченія!

Вельянъ, Іенчъ, Ростокъ, Дучманъ, Радисербъ-Вегля, Якубъ, Роля, Фидлеръ, Рыхтарь, всего человѣкъ 15—20 большей частью священниковъ и учителей — вотъ товарищи по работѣ Смолера. Изъ нихъ надо выдѣлить имена Пфуля, Горника, Имиша. Пфуль — составитель лужицко-сербскаго словаря „Łužiski-serbski słownik“. Горникъ (1833—1894) и Имишъ († 1897), оба священники, въ дополненіе къ Матицѣ, объединяющей въ себѣ и католиковъ и лютеранъ, и на подмогу ей основали въ 1863 г. два вѣроисповѣдныхъ просвѣтительныхъ общества для изданія дешевыхъ книгъ — Горникъ католическое общество св. Кирилла и Меѳодія съ газетою „Katholski posoł“, Имишъ—лютеранское Serbske lutherske knihowne towaŕstwo, издающее газету „Missionski Posoł“. Число членовъ перваго общества за годы 1884—1897 возросло съ 564 до 832-хъ.

Въ настоящее время общепризнаннымъ вождемъ народа является авторъ многихъ важныхъ работъ по серболужицкому языку и статистикѣ, учитель высшей гимназіи въ саксонскомъ Фрейбергѣ, Эрнестъ Мука. Землю родную онъ знаетъ, какъ никто, послѣ Смолера, потому что для своихъ статистическихъ работъ самъ исходилъ ее изъ конца въ конецъ, отъ деревни къ де-

ревнѣ и служилъ родному краю съ юныхъ лѣтъ, когда еще студентомъ въ Лейпцигѣ издалъ на средства студентовъ дешевое изданіе сочиненій Зейлера, за двѣ марки 4 изящныхъ тома. Тогда же началъ онъ издавать и литографированный журналъ „Lipa Serbska“, которая, слившись въ 1882 г. съ „Лужичаниномъ“, превратилась въ теперешній ежемѣсячникъ „Łužica“. Мука—въ то же время и редакторъ Časopisa. Къ сожалѣнію, какъ многіе изъ выдающихся сербовъ, и онъ можетъ служить родинѣ только издалека, прикованный своей должностью къ чужбинѣ. Рядомъ съ нимъ надо бы поставить имя поэта Якова Барта (1856—1909), писавшаго подъ псевдонимомъ Тишинскаго, но о немъ будетъ рѣчь особо.

Не послѣднюю роль въ лужицкомъ возрожденіи сыграли и другіе славяне. Мы уже говорили о русской помощи народному дому. Но да будетъ здѣсь воздана честь и полякамъ: сами, принужденные защищать свое народное лицо отъ чужихъ поползновеній, они не забыли долга помощи угнетеннымъ и обиженнымъ. Вильгельмъ Богуславскій написалъ для Лужичанъ исторію ихъ народа. Крашевскій пожертвовалъ 2000 гривенъ (марокъ) на стипендію для успѣвающихъ въ сербскомъ языкѣ будишинскихъ гимназистовъ. Членъ нашей Государственной Думы, Альфонсъ Парчевскій помимо многихъ статей о Лужицахъ на лужицкомъ и польскомъ языкахъ, дѣятельнаго участія въ „Матицѣ“, изданія календарей и начальныхъ книжекъ для чтенія, первый далъ мысль образовать нижнелужицкій отдѣлъ Матицы, а въ 1880 г. основалъ въ Будишинѣ „Общество вспомоществованія для учащихся сербовъ“, которое за 18 лѣтъ своего существованія выдало 9450 марокъ и теперь имѣетъ уже сравнительно значительный капиталъ. Не забыли о Лужицахъ и ихъ ближайшіе сосѣди, чехи. Особенно много, безкорыстно и плодотворно потрудился здѣсь Адольфъ Черный. Онъ самъ много писалъ по-лужицки, между прочимъ о лужицкой миѳологіи, издавалъ лужицкія книги, образовалъ въ Прагѣ общество для поддержки сербовъ и статьями, лекціями, повѣстями изъ лужицкаго быта (Lužické obrázky) всячески привлекалъ вниманіе Чехіи и славянства къ бѣдному лужицкому народу.

Въ самихъ Лужицахъ возрожденіе внѣшнимъ образомъ проявилось въ основаніи по деревнямъ цѣлаго ряда проповѣдническихъ, пѣвческихъ и земледѣльческихъ обществъ, а затѣмъ главнымъ образомъ въ созданіи Народнаго Дома. Тамъ, гдѣ еще недавно стоялъ маленькій старый домишко, теперь высится гро-

мадное зданіе, въ которомъ пріютились всѣ сербскія образовательныя учрежденія. Вотъ окно книжной лавки Смолера; во дворѣ его типографія. Изъ нея по узенькой лѣстницѣ подымаемся въ библіотеку Матицы, которую въ строгомъ порядкѣ хранитъ почтенный дѣятель лужицкаго возрожденія и авторъ сборника „Towařski spěwnik", Фидлеръ, одинъ изъ тѣхъ милыхъ и добрыхъ старичковъ, которые, кажется, скоро совсѣмъ уйдутъ отъ насъ въ область сказки. Тутъ же, въ одномъ изъ верхнихъ этажей помѣщается сербско-лужицкій этнографическій музей, со стѣнъ котораго глядятъ на васъ портреты Пфуля, Зейлера, Коцора, Смолера. Въ нижнемъ этажѣ дома сербская „kofejownia". Красуется на ней одна изъ очень немногихъ сербскихъ вывѣсокъ въ Будишинѣ, но внутри мрачно и неуютно и, сколько разъ я туда ни заходилъ, тамъ не было никого. Только двѣ милыя лужицкія дѣвушки въ бѣломъ платьѣ—дочери содержателя—мило встрѣчаютъ васъ привѣтомъ на лужицкомъ языкѣ и провожаютъ славянскимъ: s Bohem.

Волнами, какъ можно было видѣть, шло серболужицкое возрожденіе. Кажется, въ данную минуту послѣ напряженной дѣятельности Смолера, Муки, Тишинскаго въ сербствѣ снова опала волна народнаго возбужденія. По крайней мѣрѣ мы не рѣшились бы повторить бодрыя слова, которыми закончилъ когда-то свой отчетъ о Лужицахъ Гильфердингъ. Старые дѣятели перемерли, новыхъ мало. „Застой полный", жаловались намъ друзья сербства. Дай Богъ, чтобы это затишье было предвѣстіемъ новаго прилива народной волны. Но какія событія могли бы теперь всколыхнуть народъ?

V.

Особенно плохо дѣло въ Нижней Лужицѣ. Хотя нѣмецкая волна и неуспѣла еще оторвать ее территоріально отъ Лужицы Верхней, но связи между ними нѣтъ почти никакой. За то и германизація дѣлаетъ въ ней прямо ужасающіе успѣхи.

Въ 1880-мъ году Мука въ Нижней Лужицѣ насчиталъ 72,410 человѣкъ. Оффиціальная статистика 1890 г. сбавила это число до 36692—ровно вдвое! Если вѣрить мѣстному уроженцу Швелѣ за двадцать лѣтъ (1880—1900) сербовъ убыло, по крайней мѣрѣ, на 20000. Указанная Мукой сербско-нѣмецкая полоса, гдѣ только старшее поколѣніе понимало по-сербски, давно уже превратилась въ чисто нѣмецкую. „Изъ моихъ сверстни-

ковъ,—пишетъ Швеля—ни одинъ изъ нашихъ околицъ не зналъ уже по-сербски. Старухи, сидя на порогѣ своихъ домовъ, еще переговаривались по-сербски, но, что въ сердцѣ дѣлалось, не могли уже имъ разсказать. Мы, дѣти, ихъ не понимали и смотрѣли на нихъ, какъ на выходцевъ изъ какого-то иного свѣта".

Болѣе другихъ мѣстъ живуче сербство на сѣверъ отъ Хотѣбуза въ области такъ называемыхъ Блотъ по Спревѣ: тамъ много богатыхъ крестьянскихъ хозяйствъ и еще въ неприкосновенности сохранился земледѣльческій укладъ. Но на западъ отъ Гродка и Хотѣбуза, гдѣ крестьянскіе надѣлы теряются среди крупныхъ нѣмецкихъ помѣстій, сербство гибнетъ неудержимо. Особенно же губительно дѣйствіе фабрикъ. Стоитъ только подняться надъ окрестностью высокой трубѣ какого-нибудь завода, какъ уже онъ вбираетъ въ свой все нивеллирующій водоворотъ окрестныхъ крестьянъ и не выпуститъ ихъ прежде, чѣмъ ѣдкій дымъ фабричныхъ трубъ не выѣстъ безъ слѣда все сербское. Безъ слѣда исчезаетъ народность и у тѣхъ мелкихъ сербскихъ ремесленниковъ, — каменщиковъ и сапожниковъ, — которые ищутъ себѣ заработка въ городѣ. До чего всѣ проявленія хозяйственной жизни проникнуты нѣмецкимъ духомъ, можетъ дать понятіе нижеслѣдующій фактъ: въ сербскихъ рукахъ находится въ Нижней Лужицѣ два молочныхъ заведенія и нѣсколько Райфейзеновскихъ кассъ, но, хотя въ нихъ нѣтъ ни одного нѣмца, тамъ безраздѣльно царитъ нѣмецкій языкъ.

Очевидно, сила народнаго сопротивленія, если она когда-нибудь и была, то теперь почти вполнѣ израсходовалась. И что же могло бы ее поддержать?

Церковь? Но сербы не отдаютъ своихъ дѣтей въ духовныя семинаріи и сербскихъ пасторовъ изъ прусскихъ Лужицъ, считая и американскихъ выходцевъ, въ 1902 году всего на всего было 23, а въ Нижней Лужицѣ только 14. Въ 1848 г., по свидѣтельству Іенча, хотѣбузскій и гродковскій округи были еще сплошь сербскими и во всѣхъ церквахъ проповѣдывали по сербски. Въ 1902 году, по словамъ Швели, на сербскомъ языкѣ проповѣдывали всего только въ 12 лужицкихъ церквахъ, да и то сербская проповѣдь произносилась послѣ нѣмецкой.

Школа? Но въ 1884 г. въ школахъ 58 церковныхъ приходовъ все велось по-нѣмецки и только въ 14 еще можно было услышать сербское слово и лишь въ 7 изъ нихъ учили сербскому чтенію; объ обученіи же сербскому письму не было и рѣчи. Учителей-сербовъ въ Нижней Лужицѣ Швеля въ 1902 году

насчиталъ до 100, но толку отъ нихъ было мало, какъ и отъ позволенія въ 1891 г. Лигницкаго учебнаго округа учить по-сербски въ прусской части Верхней Лужицы. Памятны слова лигницкаго училищнаго совѣтника Бока, обращенныя имъ къ учителямъ-сербамъ: „Вы *должны* помогать искорененію лужицкаго языка. Сербскій народъ все равно умираетъ; для него же лучше ускорить его агонію". „Сербскую рѣчь—писалъ Горникъ—выгоняли изъ нижнелужицкихъ школъ побоями и денежными штрафами. Ну и выгнали почти совсѣмъ".

Остается литература. Но нижніе лужичане, повидимому, потеряли уже охоту къ ученію по-сербски. Изданный въ 1883 г. на средства Парчевскаго букварь-самоучитель Іордана не имѣлъ никакого успѣха. Да и читать сербамъ въ сущности нечего: вся нижнелужицкая литература за цѣлое прошлое столѣтіе сводится къ десятку именъ. Копфъ, переводчикъ духовныхъ пѣсенъ, Шиндлеръ, авторъ библейской исторіи, Штемпель, переводчикъ басенъ Федра, Цваръ, авторъ плохого сербско-нѣмецкаго словаря—вотъ ея старшіе представители. Позднѣе явились Тешнаръ (1829—1897), авторъ сербскихъ проповѣдей, составитель молитвенниковъ (Modleŕske knigły) и жизнеописанія Вильгельма I, переводчикъ лютерова катехизиса, и Іорданъ, авторъ только что упомянутой книжки для чтенія. Дальше духовныхъ книгъ и грамматикъ нижнелужицкая литература почти вовсе не пошла. Въ обстоятельномъ трудѣ Іенча о нижнелужицкой письменности книгъ свѣтскаго содержанія показано за 4 вѣка всего 20. Въ 80-хъ годахъ блеснула было надъ Нижней Лужицей звѣзда поэтическаго таланта: въ Часописѣ Матицы стали появляться стихи Мато Косыка (род. 1853 г.). Въ нихъ было чувство, искренняя любовь къ родинѣ. Но вскорѣ и этотъ поэтъ промѣнялъ свою родину на Америку, да и тамъ служитъ не въ сербскихъ колоніяхъ, остающихся безъ пастора, а въ нѣмецкой, хотя и тоскуетъ по роднымъ Блотамъ, какъ показываетъ нижеслѣдующее стихотвореніе:

Гдѣ-то птичка щебечетъ вдали надъ рѣкой,
А мнѣ на душу жгучею вѣетъ тоской.
Тебѣ, птичка моя, этой думы печальной
Не прогнать! По отчизнѣ тоскую я дальной.
Всѣ въ огнѣ золотомъ здѣсь горятъ небеса,
Но чужда и нѣма для меня ихъ краса.
Гдѣ ты, жаворонокъ сербскій, теперь распѣваешь,
Гдѣ ты пахарю звонкія трели роняешь?
Гдѣ ты, мой соловей, милый гость нашихъ Блотъ,

Что поешь о любви тамъ у лужицкихъ водъ?
Вашихъ трелей, изгнанникъ, я слушать не буду,
Да и самъ скоро пѣть на чужбинѣ забуду...

Даже календарь, изданный въ 1880 г. Парчевскимъ, не нашелъ себѣ у нижнелужицкихъ сербовъ сбыта. Не довольно издать книгу; нужны еще люди, которые бы сумѣли распространить ее въ народѣ. А интеллигенціи у нижнихъ лужичанъ совсѣмъ мало, да и та, которая есть, живетъ на чужбинѣ, или не вѣритъ въ будущность родного народа. Когда Богуславскій для своей „Исторіи сербскаго народа" искалъ переводчика на нижнелужицкій языкъ, не нашлось никого, кто бы хотѣлъ взяться за этотъ трудъ, хотя изданіе было заранѣе обезпечено. О чиновникахъ и поминать не стоило-бы: здѣсь каждый ничтожный канцеляристъ-сербъ почитаетъ себя нѣмецкимъ паномъ. Но и патріоты-сербы, дѣятели въ народномъ духѣ, у себя дома съ дѣтьми говорятъ по-нѣмецки! Въ 1849 г. въ Хотѣбузѣ образовался было для поддержки лужицкой народности кружокъ гимназистовъ на подобіе будишинскаго: пропалъ! Въ 1850 г. основалось общество „Serbske towarišstwo nižneje Łužicy", собрало до 50 членовъ, издало 4 народныхъ книжки — и распалось. Черезъ 30 лѣтъ по мысли Парчевскаго образовался нижнелужицкій отдѣлъ Матицы. Председателемъ избрали заслуженнѣйшаго и популярнѣйшаго изъ нижнихъ лужичанъ, Тешнаря, но вотъ что читаемъ въ его некрологѣ: за 18 лѣтъ предсѣдательства онъ только 7 разъ удосужился быть на засѣданіи Матицы! А между тѣмъ онъ былъ главнымъ столпомъ народа, и его сербскія проповѣди, выдержавъ 4 изданія, дѣйствительно оказывали и оказываютъ важную поддержку нижнелужицкимъ сербамъ.

Съ 90-хъ годовъ какъ будто стало замѣчаться нѣкоторое оживленіе, по крайней мѣрѣ, среди учащейся молодежи: Четыре гимназиста и 1 кандитатъ на должность учителя основали свой союзъ „Zwěstk". Въ 1894 г. было въ немъ 9 членовъ. По средамъ сходились они вмѣстѣ, читали по-лужицки, учились лужицкой грамматикѣ, готовясь такимъ образомъ къ работѣ на народной нивѣ. Благодаря ихъ стараніямъ нѣсколько пасторовъ подало просьбу о возобновленіи при хотѣбузской гимназіи необязательнаго преподаванія нижнелужицкаго языка, существовавшаго тамъ отъ 1855 до 1887 года. Просьба уважена не была, но движеніе росло. Образовался новый кружокъ въ 12 человѣкъ при учительской семинаріи въ Старой Дарбнѣ. Соединенными силами издали они нѣсколько книгъ, календарь, пѣсенки, по деревнямъ

устраивали даровые концерты и вечера, искали сближенія съ верхнелужицкой учащейся молодежью. Но и этой искрѣ не суждено было разгорѣться болѣе яркимъ пламенемъ. Календарь не пошелъ. Сходки бываютъ по два раза въ годъ въ Нижней Лужицѣ, но приходитъ на нихъ народу очень мало, иногда не больше 10 человѣкъ.

Въ иныхъ краяхъ будитъ народъ газета, журналъ. Но не считая „Missionske powěsci“, выходившія въ 1870—1871 гг. и неудавшейся попытки Бронища младшаго издавать въ 1890 г. журнальчикъ для дѣтей „Serbska hutroba“, у нижнихъ лужичанъ есть только одна газета—выходящій разъ въ недѣлю „Bramborski Casnik“, но, насколько эта газета rara avis даже въ самихъ Лужицахъ, могутъ дать понятіе мои попытки достать хоть одинъ ея нумеръ. Въ Будишинѣ Смолеръ сказалъ мнѣ: „у насъ нѣтъ; достанете въ Хотѣбузѣ“. Черезъ годъ довелось мнѣ попасть въ Хотѣбузъ. Швели, къ которому у меня была рекомендація, въ городѣ не оказалось. Зайдя въ нѣмецкій книжный магазинъ за путеводителемъ, спрашиваю: „гдѣ тутъ можно достать вендскій журналъ Bramborski Casnik?“—„Никакого вендскаго журнала тутъ нѣтъ, Позвольте марку за путеводитель“. Въ другомъ мѣстѣ оказались любезнѣе: „Bramborski Casnik? Не скажу вамъ навѣрное, но, кажется, онъ издается въ Vettschau у Геннеля“. Vettschau, сербскій Ветошовъ, это часъ ѣзды отъ Хотѣбуза. Ѣду. Нашелъ Геннеля. Типографія по случаю праздника заперта. Вхожу черезъ заднія ворота въ домъ. „Bramborski Casnik?“—„Нѣту такого, Вотъ, если угодно, Vettschaue Zeitung“.—Гдѣ можно достать Casnik?“—„Въ Бауценѣ“.—„А въ Бауценѣ сказали, что въ Хотѣбузѣ“.—„Нѣтъ. Развѣ у пастора есть?“. Но тутъ вмѣшалась жена: „У пастора! Невозможно. Онъ не станетъ держать такой газеты“. И вспомнилъ я, что еще недавно, въ этомъ самомъ Ветошовѣ пасторомъ былъ вице-предсѣдателъ нижнелужицкаго отдѣла Матицы, Роха. Распростившись съ Геннелемъ, зашелъ я еще въ ветошовскую книжную лавку. Но тамъ и слыхомъ не слыхали о Casnik-ѣ. Хотѣлъ купить нижнелужицкій молитвенникъ. Порылась старушка на полкахъ—не оказалось: „очень рѣдко ихъ спрашиваютъ; можно достать только по заказу“.

Такъ въ этой Wendischesland и не удалось мнѣ отыскать вендовъ. Но Bramborski Casnik я досталъ таки позднѣе въ Будишинѣ. Это жалкій листочекъ. Напрасно вы искали бы здѣсь хоть одного горячаго слова о сербствѣ. О Верхней Лужицѣ, о связи съ нею даже и упоминанія нѣтъ. Если-бъ не сербскій

языкъ, то нельзя было бы узнать, что эта газета издается въ Лужицахъ: такъ мало въ ней народнаго, сербскаго, не говоримъ уже—славянскаго. Издается она уже 62-ой годъ, съ 1848 года, когда она возникла для противодѣйствія демократическимъ идеямъ по мысли нѣмецкой юнкерской партіи. Первымъ ея редакторомъ былъ Новка, потомъ Панкъ. Съ 1863 г. издаетъ ее въ Скярбощцѣ (Schorbus) учитель Швеля старшій (род. 1836 г.). При немъ число подписчиковъ возросло со 100 до 500. Это, конечно, все-таки успѣхъ. Но не такой газетѣ пробудить къ жизни народное самосознаніе.

Не надо скрывать отъ себя истины: дѣло сербства въ Нижней Лужицѣ очень плохо. Въ Хотѣбузѣ только коричневыя воды Спревы текутъ въ своихъ живописныхъ берегахъ, какъ текли прежде, и такъ же смотрятся въ нихъ за желѣзной рѣшеткой ограды конопля, крапива, пѣтушиные гребешки и среди высокой густой травы какіе-то дикіе лиловые цвѣточки: имъ еще позволяютъ здѣсь расти на волѣ, какъ росли они много вѣковъ назадъ, когда и слова нѣмецкаго здѣсь не было слышно. Теперь все измѣнилось вокругъ. Но вотъ черезъ мостъ изъ Сандовы—предмѣстье Хотѣбуза—идетъ какая-то крестьянка. Зеленая, совсѣмъ коротенькая юбка на кринолинѣ. На головѣ платокъ, повязанный какъ будто на кокошникѣ, съ повисающими по обѣимъ сторонамъ въ воздухѣ широкими концами—„лапами". А! Это навѣрное лужичанка, послѣдній остатокъ давнихъ хозяевъ страны. Встрѣтилась съ какими-то крестьянами, остановилась. Спѣшу подойти, чтобы услышать изъ ея устъ звукъ умирающей нѣжной славянской рѣчи. Прислушиваюсь: она говоритъ по-нѣмецки!

VI.

Не все благополучно и въ Будишинѣ. Матица выстроила себѣ домъ по самой серединѣ Будишина. Но плохо дѣло, когда въ сербскомъ городѣ приходится искать сербскаго дома. Да и созданъ онъ былъ не всѣмъ народомъ, а усиліями единицъ: за первые 4 года сбора пожертвованій на призывъ откликнулись всего только пять лицъ 116-ю талерами. И открытіе дома не стало всенароднымъ праздникомъ: мало, слишкомъ мало было простого, деревенскаго люда. Предполагалось для поддержанія связи съ народомъ устроить при домѣ гостиницу для пріѣзжающихъ изъ деревни сербовъ: нѣмцы не разрѣшили. Нѣтъ въ этомъ народ-

номъ домѣ и концертной залы для собранiй: о ней уже сами сербы позабыли при постройкѣ, и снаружи, по крайней мѣрѣ, кромѣ кофейни, которую никто не посѣщаетъ, да маленькаго оконца Смолеровой книжной лавки, мало что обличаетъ въ немъ сербскiй характеръ. Поневолѣ приходитъ въ голову мысль, какъ-бы изъ твердыни народнаго духа, какимъ хотѣли бы его видѣть друзья сербства, не сталъ онъ надгробнымъ памятникомъ народа.

Когда-то Смолеръ вмѣстѣ съ Пэхомъ мечтали объ устройствѣ общеславянской книжной торговли, которая стала бы проводникомъ общеславянскаго общенiя. Теперь въ книжномъ магазинѣ сына Смолера нельзя найти даже всѣхъ верхнелужицкихъ книгъ, имѣющихся въ продажѣ, да и того, что есть у него самого и годами лежитъ въ безпорядкѣ на двухъ-трехъ полкахъ, продавецъ хорошенько не знаетъ.

Мало и здѣсь людей. Въ Будишинѣ издаются, правда, 9 журналовъ: 3 еженедѣльника, Serbske Nowiny, Katholski posoł и маленькiй духовный журнальчикъ Pomhaj Bóg; 4 ежемѣсячника: Missionski posoł, Serbski hospodaŕ, сельскохозяйственный органъ сербскихъ крестьянъ, Raj, журнальчикъ для дѣтей, и беллетристическая Łužica, выходящiй 4 раза въ годъ Missionski pŕećel и наконецъ Часописъ Матицы. Но сотрудники у нихъ одни и тѣ же, работаютъ они даромъ въ часы досуга. И вотъ, когда умеръ редакторъ „Лужицы“, Тишинскiй, не нашлось никого, кто бы взялся редактировать журналъ, выходящiй въ печатный полулистъ разъ въ мѣсяцъ! Только послѣ полугодняго перерыва въ изданiи взялся за него тотъ же, по горло занятый Марко Смолеръ.

Мало людей, да и тѣ дѣлятся на двѣ группы—евангеликовъ и католиковъ. Правда, какъ и у словаковъ, евангелики живутъ въ согласiи съ католиками; даже богослуженiя тѣхъ и другихъ происходятъ одновременно въ одномъ и томъ же громадномъ будишинскомъ соборѣ св. Петра — явленiе, едва-ли гдѣ-нибудь еще существующее въ Европѣ. Но тѣмъ не менѣе, благодаря религiозному раздѣленiю, и до сихъ поръ еще не достигнуто даже одинаковаго для всѣхъ лужичанъ правописанiя.

Надежда сербовъ покоится на молодомъ поколѣнiи. Къ старому будишинскому Societas slavica Budissina прибавились еще два общества молодежи:—католическая Włada и евангелическая—Swoboda. Два раза въ годъ собираются молодые люди вмѣстѣ на такъ называемыя „схадзованки“—весною въ Будишинѣ, а осенью

гдѣ-нибудь на самыхъ границахъ сербской земли, чтобы и здѣсь поддержать народный духъ. Тутъ раздаются народныя пѣсни, идутъ танцы, бываютъ и спектакли. За послѣднія лѣтъ 20 среди этой молодежи нѣтъ-нѣтъ, да и появится нижній лужичанинъ. Молодыя груди, звонкіе голоса. Смотришь и вѣрится, что и вправду сербство еще не погибло и, дастъ Богъ, не погибнетъ. Но идутъ годы, лужицкій студентъ входитъ въ жизнь,—и гдѣ-же бывалый блескъ юныхъ глазъ при звукахъ пѣсни Trać dyrbi serbstwo zawostać? Изъ тѣхъ многихъ, что пользовались пособіями благотворительнаго общества за 20 лѣтъ только одинъ возвратилъ полученную имъ субсидію. А скольнихъ унесла въ свой водоворотъ нѣмецкая культура! Великая бѣда не только сербовъ, но и всѣхъ насъ славянъ, что мы не можемъ высвободиться изъ подъ нѣмецкаго вліянія и жалѣемъ только о томъ, что у насъ нѣтъ своего Бисмарка.

Въ 1853 г. около 600 сербовъ изъ Верхней Лужицы переселилось въ Америку, въ Техасъ [1]). Велъ ихъ сербскій пасторъ Янъ Киліанъ. На своей родинѣ сербы не умножаются: въ послѣдніе полвѣка число ихъ даже уменьшилось. Въ Америкѣ за это время изъ одной основной колоніи Serbin образовалось цѣлыхъ 5, общимъ числомъ въ 3,500 человѣкъ. Здѣсь не было уже никакихъ нѣмцевъ. Оставшись сами съ собой, сербы могли устроиться, какъ хотѣли. И дѣйствительно они выстроили себѣ и сербскую церковь и сербскую школу. Но прошло нѣсколько лѣтъ, — и вотъ изъ общей массы сербовъ уже выдѣлилось нѣсколько „аристократовъ", которые стали выдавать себя — за кого бы вы думали? За нѣмцевъ! Правда, ихъ всего только 50, но они уже завели себѣ особую часовню. Такъ превращаются сербы въ нѣмцевъ даже тамъ, гдѣ среди нихъ нѣтъ ни одного нѣмца. А дома...

Если нашъ какой-нибудь богатый помѣщикъ съ развалисто-спокойной походкой, показывающей, что дома онъ не очень-то стѣсняется, въ Дрезденѣ заискивающе-робко обращается къ швейцару Цвингера: „hier ist Madonne?"—а тотъ ему величественно отвѣчаетъ: „o ja, links gerade",—то что же говорить о сербахъ? Вѣдь кто только выростетъ и поднимется надъ отцовскимъ полемъ и оторвется отъ родного плуга, тотъ захочетъ культуры — и не ресторановъ только,—а книгъ съ болѣе широкимъ кругозоромъ.

[1]) Въ 1849 г. нѣсколько сербовъ выселилось въ Австралію; теперь ихъ тамъ около 1000.

Къ кому же ему идти? Конечно, къ нѣмцамъ. И вотъ Лужицы дадутъ имъ Лессинга!

„Das geht, aber langsam“, сказалъ намъ старичокъ Реслеръ, основатель особаго будишинскаго городского музея, показывая на карту уменьшенія лужицкихъ говоровъ. Другіе оптимистичнѣе. Но что пользы въ слѣпомъ оптимизмѣ? Да и оптимисты говорятъ: „Наша опора въ династіи; не будь этого, нѣмцы давно бы насъ съѣли. Король не даетъ: Die Wenden sind mir treu, ich werde ihnen treu“. И вамъ разскажутъ, какъ недавно посѣтила сельскую школу въ Буковцѣ саксонская принцесса Матильда и, какъ прослушавъ нѣмецкія пѣсни, она вдругъ сказала по-сербски: „ну, дѣти, а теперь спойте мнѣ что-нибудь сербское!“ „Посмотрѣли бы вы, какъ засіяли ихъ глазенки!“

Трогательно-патріархальная преданность сербовъ саксонской династіи нашла себѣ выраженіе даже въ сонетахъ Тишинскаго:

И власть и сила короля — отъ Бога.
Онъ — нашихъ тяжбъ судья, правитель онъ,
И воля короля — для насъ законъ.
Завѣтъ Христовъ блюдемъ мы въ сердцѣ строго.

Сербъ набоженъ и вѣрнымъ быть слугою
Его съ младенчества учила мать.
Нашъ сербъ не можетъ короля предать.
Король за насъ, мы за него горою.

Въ несчастьи, въ счастьи съ нимъ идемъ мы къ цѣли
И вѣрность доказали мы на дѣлѣ.
Но сербскихъ правъ за это мы хотимъ.

А если это нелюбо другимъ, —
Кто твой оплотъ отъ вражьяго напора,
Ты знаешь, сербъ: король — твоя опора.

Такъ. Но въ чемъ же опора лужичанъ въ Пруссіи, гдѣ на тронѣ одинъ за другимъ смѣняются исконные враги славянъ, Гогенцоллерны?

И, какъ бы чувствуя всю недостаточность этой опоры, лужичане съ самыхъ первыхъ проблесковъ возрожденія искали себѣ поддержки въ сознаніи своей связи съ остальными славянами. Даже въ простомъ народѣ ходитъ пословица: To su moje Cechi a Lechi—to jest moje všecko. Первый лужицкій поэтъ Зейлеръ въ одномъ изъ стихотвореній своихъ спрашиваетъ: „Гдѣ, сербы, вашъ родимый край? Въ Саксоніи-ль, въ Бранденбургѣ-ль, гдѣ Лаба мутная бѣжитъ, гдѣ наша Спрева къ ней спѣшитъ? Въ

Литвѣ-ли, на Поморьѣ-ль, гдѣ Юлинъ славой нѣкогда гремѣлъ? Въ землѣ-ль моравско-чешской, иль на равнинахъ рыцарственной Польши, вольнолюбивой, удалой, неугомонной и живой? На побережьи-ль Далматинскомъ, тамъ, гдѣ подъ сѣнью пальмовыхъ вѣтвей укрытъ Дубровникъ, царь морей? Въ долинахъ-ли Славоніи, гдѣ въ общей всѣмъ задругѣ всѣ помнятъ другъ о другѣ и общая мошна у всѣхъ одна? Иль на Руси той безконечной, кому предѣла ищетъ взоръ и не находитъ, гдѣ солнце не заходитъ — и на всѣ эти вопросы отвѣчаетъ: „О, нѣтъ, о, нѣтъ! Нашъ шире, больше сербскій край родной". Такъ гдѣ же онъ, наконецъ, этотъ край, скажите?

Онъ прошелъ отъ Лабы до Дуная,
Отъ Эвксина до полярныхъ странъ.
Балта влага голубая
И Камчатка — вотъ рубежъ славянъ.
Вотъ онъ, вотъ онъ
Нашъ великій сербскій край родной!

У Тишинскаго славянское сознаніе, не теряя въ широтѣ, еще углубляется. Зейлеръ, несмотря на всѣ свои славянскія сочувствія, переводилъ только съ нѣмецкаго. Тишинскій не разъ черпаетъ свое вдохновеніе у Коллара, у Мицкевича. Воспитанникъ Пражской семинаріи, членъ Пражской Serbowki, онъ ищетъ для сербовъ помощи прежде всего въ Чехіи и первый же свой сборникъ начинаетъ стихотвореніемъ „Славянамъ":

О, когда бы не видѣть, не слышать я могъ!
Тамъ на сѣверѣ въ морѣ бушующемъ челнъ
Тщетно борется съ дикою яростью волнъ,
И въ борьбѣ не одинъ ужъ пловецъ изнемогъ,

А волна за волной все на приступъ идутъ.
Опадаетъ въ безсильи рука за рукой.
Пловцы къ югу глядятъ со смертельной тоской
Они съ юга спасенія трепетно ждутъ.

Но имъ помощи нѣтъ! И страшна и грозна
Поднялась и идетъ на нихъ смерть впереди.
Помогите, пока не взяла ихъ волна!

Помогите, чье сердце не смолкло въ груди,
Кому внятенъ тѣхъ волнъ смертоносныхъ прибой,
Помогите, пока не замолкъ еще бой!

И чехи, помогая лужичанамъ издали, и въ буквальномъ смыслѣ слова идутъ имъ навстрѣчу, стремясь прорвать отдѣляющее

ихъ отъ Лужицы нѣмецкое кольцо. Въ сѣверной нѣмецкой части Чехіи, въ Теплицѣ и даже Хебѣ, гдѣ лѣтъ 15 тому назадъ и слова чешскаго нельзя было услышать, теперь уже открываются чешскія школы. Прихлынувъ съ юга, чешская рабочая сила на потомъ заработанныя деньги купила себѣ на участкахъ, брошенныхъ послѣ добычи каменнаго угля, землю, и теперь цѣпкихъ рабочихъ рукъ уже не оторвать отъ земли. Но если бы даже и удалось чехамъ вернуть своимъ окраинамъ чешскій характеръ и непосредственно соприкоснуться съ Лужицами, что станется до тѣхъ поръ съ лужичанами! Выдержатъ ли они?

Народа не поддержишь, если въ немъ самомъ изсякла сила къ жизни. И тутъ встаетъ передъ нами самый главный вопросъ: есть ли она еще въ Лужицахъ? Внѣшнія ея проявленія мы уже видѣли. Постараемся теперь подойти къ глубинамъ чувства, гдѣ таятся корни жизни, вникнемъ въ таинственный міръ побужденій, въ духъ народа. Онъ живетъ во вдохновенныхъ созданіяхъ слова. Сходя въ могилу, первый лужицкій поэтъ Зейлеръ передалъ свой свѣточъ Якову Барту-Тишинскому. Есть у лужичанъ и другіе поэты, напр. Урбанъ, но у Тишинскаго огонь поэзіи загорѣлся ярче, чѣмъ у кого-нибудь и когда-нибудь въ Лужицахъ. Онъ освѣтитъ намъ душу лужицкаго народа.

VII.

На самомъ крайнемъ западѣ Лужицъ, гдѣ проходитъ черта, отдѣляющая сербство этнографически отъ нѣмцевъ, гдѣ цистерскіе монахи, отъявленные германизаторы, давно поставили свой монастырь Marijnu Hwězdu, въ одной изъ сербскихъ деревушекъ, Куковѣ, родился Тишинскій (Ćišinski) или, какъ можно писать иначе, Чишинскій. Онъ вышелъ изъ среды тѣхъ, „чья судьба ждать и ждать хлѣбоносныхъ стеблей“. Ребенкомъ, играя на межѣ и смотря, какъ отецъ водитъ плугъ на черной пашнѣ, впиталъ онъ вмѣстѣ съ свѣжимъ запахомъ полей любовь къ родной природѣ, къ этимъ синѣющимъ вдали горамъ, къ кудрявому сербскому лѣсу, къ этимъ лужицкимъ деревнямъ, чьи огни такъ далеко свѣтятся ночью, точно звѣзды, что̀ горятъ тамъ высоко надъ землею: природа и сердце поэта — такъ называется между прочимъ одинъ изъ первыхъ сборниковъ Тишинскаго: — Přiroda a wutroba — раскрылись другъ для друга и самъ онъ сталъ, какъ цвѣтокъ, выросшій на одной изъ грядокъ этого лужицкаго сада. Сюда приходилъ онъ и позднѣе искать опоры въ битвахъ жизни:

Сербскій лѣсъ мой! Ты прохладой
Свѣжей сына обойми,
Тишины своей усладой
Миръ мнѣ въ душу вороти...
Съ птичекъ пѣсныю молодою
Радость въ сердце ты мнѣ влей
И забытаго судьбою
Тихой ласкою обвѣй,
Приголубь и пожалѣй!

Полюбилъ онъ и все, что заключено въ рамку этой природы, полюбилъ и людъ этотъ сельскій и простой, что набожно и благоговѣйно крестится, когда съ высокой башни церковной понесется и поплыветъ въ душу вечерній звонъ на Ave Maria. Полюбилъ сперва безотчетно, а потомъ въ Прагѣ, какъ самъ пишетъ въ одномъ изъ своихъ сонетовъ, и сознательно, ибо надо отдалиться отъ близкаго предмета, чтобы лучше и яснѣе его видѣть:

Когда я, юный, понялъ на чужбинѣ,
Какъ тяжело живется сербамъ дома
И стало горе наше мнѣ знакомо,
Я сербамъ отдался,—и вотъ отнынѣ

Здѣсь нѣтъ дороже сербства мнѣ святыни.
Ему служилъ въ искусствѣ я и въ жизни
И, силы всѣ отдавъ своей отчизнѣ,
Я выросъ въ буряхъ, въ горѣ и кручинѣ.

Тому, чье сердце пламень духа жжетъ,
Кто знаетъ мысли вольной смѣлый летъ,
Возможно ли мечтать о лучшей долѣ?

Въ себѣ берегъ я, сколько силы есть,
Открытость мысли, сербскость, правду, честь
И выковалъ мечъ твердой сербской воли.

Нелегка была жизнь Тишинскаго. Католическій священникъ, почти все время службы своей прожилъ онъ викаріемъ, скитаясь съ мѣста на мѣсто, изъ одной нѣмецкой деревушки въ другую. Сербъ-патріотъ, былъ онъ лишенъ возможности служить своей родинѣ непосредственно, въ кругу близкихъ людей, и жилъ одиноко. Но привязчиво сердце человѣческое. Оно жаждетъ и дать и видѣть любовь. И всѣ сокровища любви, что были заложены въ грудь этого оторваннаго отъ сохи крестьянскаго сына, далъ онъ своему народу, своей родинѣ, — и встала она передъ нимъ, единая, святая, какъ свѣтлый образъ всего, что есть для человѣка милаго и дорогого:

Я знаю только Сербію мою.
О, сербы, свѣтъ мой, въ сердцѣ васъ ношу.
Мое вы счастье. Я о васъ прошу:
Спаси, о Боже, Сербію мою!

Я знаю только Сербію мою.
Моя вы радость, сербы; васъ люблю.
За васъ и день и ночь Творца молю:
Спаси, о Боже, Сербію мою.

За дѣломъ вижу-ль васъ, иль встрѣчу въ храмѣ,
О васъ молюсь я жарко вмѣстѣ съ вами:
Спаси, о Боже, Сербію мою!

И если въ часъ полночный въ сновидѣньи
Увижу васъ, и тутъ мое моленье:
Спаси, о Боже, Сербію мою,

Вдохновенный художникъ слова, онъ несетъ въ даръ родинѣ то, что можетъ принести и издалека — свой поэтическій талантъ. Сила и красота языка — сила народа. И здѣсь заслуга Тишинскаго передъ Лужицами велика. Послѣ безпритязательно-простодушныхъ и незатѣйливыхъ пѣсенокъ Зейлера въ стихахъ Тишинскаго лужицкая поэзія сразу перешла къ самымъ изысканнымъ формамъ поэзіи европейской. Лирикъ по преимуществу, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ первой лужицкой драмы „Na Hrodźišću" и перваго лужицкаго эпоса „Nawoženja" и сборника поэмъ „Krew' a kraj", а въ лирикѣ онъ точно нарочно выбираетъ самыя труднѣйшія формы поэзіи, многогранно шлифуя лужицкій стихъ. Въ одномъ изъ сборниковъ его, носящемъ характерное названіе „Formy", вы найдете, что угодно — терцины, канцоны, мадригалы, тріолеты, рондо, газели, но всего болѣе облюбилъ онъ форму сонета и довелъ ее до совершенства, показавъ, что лужицкій стихъ, когда нужно, можетъ быть гибкимъ и извилистымъ, какъ подъ Будишиномъ Спрева, мягкимъ и нѣжнымъ, какъ нѣжны и тонки синія очертанія замыкающихъ Лужицы горъ, а, когда нужно, и крѣпкимъ и мощнымъ, какъ нависшія надъ Спревою скалы. Онъ первый показалъ намъ въ полномъ блескѣ богатство и красоту лужицкой рѣчи и намъ понятны слова молодого, рано погибшаго лужицкаго писателя Андрицкаго, когда тотъ пишетъ: „У меня грудь расширяется отъ радости; пусть я сынъ маленькаго народца, но, читая Тишинскаго, я вижу, какимъ сокровищемъ я владѣю. Клянусь Богомъ, что я не только сохраню его, но всѣми силами своего существа постараюсь его защищать и оборонять".

Въ одномъ изъ своихъ сонетовъ Тишинскій такъ напутствуетъ свою пѣсню:

Иди, о пѣсня, по родному краю.
Гдѣ гибнутъ, ободряй; гдѣ спятъ, буди,
И пусть тебя какія и не знаю
Тамъ бѣды ждутъ, ты все иди, иди!

Живой росой на сербовъ ты пролейся,
Въ нихъ крѣпость мышцъ и твердость духа влей,
Могучимъ пламенемъ въ груди развейся,
Сердца любовью жаркою согрѣй!

Молю, колѣна предъ тобой склоняя:
Иди, намъ зорю лучшихъ дней вѣщая,
Иди, какъ ангелъ Божій, торжествуя,

И чудо сотвори: влей въ мертвыхъ силы
И, камень отваливши съ ихъ могилы,
Воскликни: край проснулся! Аллилуйя!

Слова Андрицкаго — свидѣтельство, что пѣсня Тишинскаго не безслѣдно пролетѣла по родному краю.

Конечно, кто бы вздумалъ искать у него мотивовъ и формъ модернистической поэзіи, того бы онъ разочаровалъ. Тишинскій не станетъ подобно Бальмонту наблюдать, какъ по вселенной „яйцевидные атомы мчатся“; онъ не будетъ, какъ наши декаденты, служить одинаково и Господу и діаволу. Его поэзія простая и содержаніе ея — вѣковѣчное: Богъ, люди, природа. У него не только капля крови общая съ народомъ, какъ у Некрасова: онъ самъ народъ, и хотя образованіе и культура уже вывели его изъ крестьянской хаты, но по сочувствіямъ вы мало чѣмъ отличите его отъ любого лужичанина изъ его родного Кукова. Нѣтъ для него большаго наслажденія, какъ въ полѣ, когда звенятъ косы и, мѣрно взмахивая ими, кладутъ косцы рядами подкошенный хлѣбъ:

Когда липы цвѣтутъ, когда солнце высоко,
Ярко косы блестятъ за плечомъ у косцовъ.
Слышенъ говоръ немолчный и шумъ голосовъ
И веселыя пѣсни несутся далеко.

Ярче, солнце, свѣти! Хорошо теперь въ полѣ!
Словно свадьба идетъ. Всѣ съ веселымъ лицомъ
И какъ вкусенъ тутъ черный нашъ хлѣбъ съ молокомъ.
Но зато и какія-жъ натерлись мозоли!

Дайте мнѣ эти честныя, грубыя руки.
Я хотѣлъ бы ихъ крѣпко, сердечно пожать.
Я хотѣлъ бы дѣлить съ вами радость и муки,

Я хотѣлъ бы косить съ вами вмѣстѣ и жать.
Тамъ, гдѣ хлѣбъ добывается пóтомъ и кровью
Сладокъ отдыхъ и домъ—проченъ свѣтлой любовью.

Священникъ, Тишинскій невольно становится „поэтомъ-гражданиномъ“. Онъ слишкомъ привыкъ къ проповѣди въ церкви, чтобы удержаться отъ поученія и въ поэзіи, и за исключеніемъ сборника „Přiroda a wutroba“ большая часть его стиховъ сбивается на нравоученіе:

Мнѣ нѣту дерева милѣе ели.
Тиха она, задумчива стоитъ.
За медомъ къ ней пчела не прилетитъ
И славы не несутъ ей птичьи трели.

Какъ будто думою о важномъ дѣлѣ
Она полна, и солнце ли блеститъ,
Шумитъ ли буря, ель не задрожитъ.
Ей не опасны зимнія метели.

Морозомъ оголенный лѣсъ груститъ.
Деревья въ траурѣ роняютъ слезы.
Ея же зелены, какъ лѣтомъ, грезы,

И думъ ея ничто не возмутитъ.
И ты, къ бѣдѣ и счастью равнодушенъ,
Какъ ель, будь думѣ сердца лишь послушенъ.

Отъ природы поэтъ неизмѣнно обращается къ человѣку. Но и здѣсь его интересуетъ не столько образъ, сколько идея. Въ лучшихъ стихотвореніяхъ это тяготѣніе къ разсудочности и разсужденію мало замѣтно, но есть у Тишинскаго и такія, гдѣ сброшенъ окончательно яркій плащъ поэзіи и передъ нами является только проповѣдникъ съ бичомъ негодованія и сатиры противъ пороковъ, съ вѣнкомъ для добродѣтели. Таковъ почти весь сборникъ стиховъ „Wysk a stysk“. Художественный критикъ Тишинскаго прошелъ бы мимо большинства изъ нихъ. Это не столько поэзія, сколько, по справедливому замѣчанію Чернаго, катехизисъ, но именно потому, что эта книга—вмѣстѣ и символъ вѣры и наука, какъ надо жить, она получаетъ особый интересъ и значеніе: Тишинскій обрисовывается здѣсь съ новой стороны, а вмѣстѣ съ тѣмъ на частномъ примѣрѣ Лужицъ освѣщается одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ славянства, да и не одного только его, — вопросъ о защитѣ слабыхъ народностей отъ незаконныхъ посягательствъ болѣе сильныхъ сосѣдей.

Единственный врагъ маленькой горсточки лужичанъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ближайшій сосѣдъ, съ которымъ они связаны тысячью самыхъ многообразныхъ нитей, это—нѣмцы.

Тишинскій не былъ бы славяниномъ, если бы въ его отношеніи къ нѣмцамъ не было комической жилки. Въ сонетѣ „Furor teutonicus" онъ не безъ успѣха подсмѣивается надъ боязнью, которую внушаемъ нѣмцамъ мы, славяне:

Пусть воробьи сберутся у дороги,
Ужъ нѣмецъ искоса бросаетъ взглядъ:
„Кто ихъ пойметъ, чего они хотятъ?"
Онъ въ страхѣ. Ну, а храбрость? Дай Богъ ноги!

Онъ даже и яйцо-то съѣсть боится:
„А кто поручится, что́ скрыто въ немъ!
Съ Троянскимъ я давно знакомъ конемъ.
Быть можетъ, смерть моя въ яйцѣ таится!"

А если-бъ кто въ Москвѣ и Прагѣ пожилъ,
Онъ лишь тогда бы нѣмца не встревожилъ,
Когда бы могъ онъ путника раздѣть.

„Нѣтъ силы, что насъ сокрушить могла бы!
О чемъ галдятъ однако эти бабы?
Охъ, надо намъ за сербами глядѣть!"

Если вспомнить, какія прозвища выпали на долю Смолера послѣ его поѣздки въ Россію — Vortreter einer panslavistischen Agitation, Vorkämpfer des moskovitischen Byzantinismus, — то нельзя не признать реальной подкладку этого стихотворенія. Совѣсть не можетъ замолкнуть въ народѣ и довольно самаго ничтожнаго случая, чтобы ее пробудить. Тишинскій имѣетъ важное преимущество передъ врагомъ своего народа: онъ имѣетъ право смотрѣть ему прямо въ глаза и открыто сказать: „пусть за тобою верхъ и сила;—за мною правда, и я крѣпокъ ею. Сербскій народъ существуетъ, а значитъ имѣетъ право на существованіе".

Но право не есть нѣчто мертвое и неподвижно-постоянное. Чтобы не потерять подъ собой почвы, оно въ свою очередь должно быть оправдываемо жизнью. Между тѣмъ часто объективная правота дѣла нашего, безспорная и ясная, какъ Божій день, парализуется неправдою прилагаемыхъ къ нему чувствъ. И кажется, что примѣсь ея къ сожалѣнію слышится и въ вышеприведенныхъ стихахъ Тишинскаго. Глубоко чувствуя недолю

своего народа, онъ не всегда въ состоянiи сохранить самообладанiе, и у него есть стихотворенiя, гдѣ при всей видимости правды ея нѣтъ, а вмѣстѣ съ ней безслѣдно исчезаетъ и поэзiя:

И сербамъ солнце свѣтитъ, вѣтеръ вѣетъ,
И дождь идетъ, и мудрость мозгъ имъ грѣетъ,
И сербскимъ душамъ дорога ихъ честь,
У нихъ и руки на работу есть.

Чѣмъ нѣмецъ гордъ, и сербъ въ себѣ то носитъ.
Онъ, какъ другiе, пашетъ, сѣетъ, коситъ,
Какъ нѣмецъ, носъ себѣ и сербъ утретъ,
И, какъ нѣмецкiй, сербскiй волъ жуетъ.

А если нѣмецъ станетъ издѣваться
И надъ твоею рѣчью насмѣхаться,
Тебѣ нельзя къ такимъ словамъ быть глуху.

Ты негодяю не мирволь такому
И, лишнихъ словъ не тратя по пустому,
Дай сербскую ему ты—оплеуху!

Тишинскiй забылъ здѣсь, что, унижая въ другомъ человѣческое достоинство, мы унижаемъ его и въ себѣ, забылъ, что тотъ, кто даетъ оплеуху, въ данную минуту безконечно ниже того, кто ее получаетъ. „Гнѣвъ правды Божiей не творитъ“: кто въ плѣну у ненависти, не можетъ быть свободнымъ. И потому въ пустое пространство улетаетъ тотъ новый девизъ, который вопреки старымъ сербскимъ преданiямъ о терпѣливой и расчетливой осторожности провозглашаетъ Тишинскiй для своего народа въ сонетѣ: *Конецъ терпѣнiю!*

„Будь терпѣливъ! Нашъ лучшiй другъ—терпѣнье“—
Не разъ ужъ слышалъ сербъ такой совѣтъ.
А я отъ всей души кричу вамъ: нѣтъ!
Отбросьте прочь вы ложное смиренье!

Что сербское, то сербскимъ оставайся!
Плугъ выбить изъ руки не позволяй,
Родную рѣчь открыто защищай,
Грабителямъ и хищникамъ не дайся!

Достаточно народъ терпѣлъ и ждалъ,
Достаточно себя онъ позволялъ
Въ шуты рядить. Мы только уступали

И землю шагъ за шагомъ мы теряли.
Положимъ же терпѣнiю конецъ!
Себя позволитъ рѣзать лишь глупецъ.

Здѣсь многое, взятое въ отдѣльности, правда, которую хотѣлось бы повторять и повторять. Конечно, каждый долженъ изо всѣхъ силъ защищать родную рѣчь и родное достояніе. Конечно, и глупо и грѣшно подставлять свою шею подъ топоръ насильника. И однако вслушайтесь въ этотъ вопль сердца, вдумайтесь въ психологію этого стихотворенія: вѣдь это крикъ отчаянія, а отчаяніе плохой совѣтчикъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ какія реальныя формы можетъ быть воплощено провозглашаемое Тишинскимъ правило дѣйствій? Само собой разумѣется, что горсти лужичанъ, окруженныхъ нѣмецкимъ моремъ, Тишинскій не можетъ рекомендовать вооруженнаго сопротивленія. Въ такомъ случаѣ остается только одно — бойкотъ нѣмцевъ. Но поистинѣ только людское ослѣпленіе можетъ еще приписывать силу этому плачевному спутнику безсилія.

Давно уже крѣпкими и неразрывными экономическими связями опутанъ во всю длину и ширину весь земной шаръ, давно уже выработано общее экономическое чувствилище и мечтать вырваться изъ этой сѣти—пустой самообманъ, такая же праздная затѣя, какъ если бы персы вздумали бойкотировать русскій сахаръ, выписывая его изъ Англіи. Бойкотъ съ перваго взгляда напоминаетъ собою покровительственную систему, осуществляемую не принудительнымъ установленіемъ высокихъ пошлинъ, а добровольнымъ отказомъ народа отъ покупки чужихъ произведеній. Но это сходство только поверхностное. Между бойкотомъ и протекціонизмомъ въ самой основѣ ихъ лежитъ глубочайшее различіе. Подрывать чужое благосостояніе вовсе не значитъ поддерживать свое. Бойкотъ же, какъ новѣйшій продуктъ народнаго отпора, диктуется обыкновенно не столько соображеніями о поддержкѣ родной промышленности, сколько местью и, привнося въ экономическую область совершенно чуждое ей и притомъ такое низкопробное начало, какъ месть, не только не даетъ народу никакихъ матеріальныхъ выгодъ, но еще самымъ губительнымъ образомъ отражается на психологіи народной, портитъ и искажаетъ душу народную. Не говоримъ уже о бойкотѣ литературы и науки, гдѣ окончательно обнаруживается полная негодность этого излюбленнаго теперь средства слабыхъ народовъ въ ихъ борьбѣ съ болѣе сильными врагами. Границы народному отпору ставятъ столько же требованія Высшей Правды, сколько и простой интересъ, ибо есть предѣлы, за которыми защита переходитъ въ подкапываніе почвы подъ самимъ собою. Rossica non leguntur, былъ брошенъ когда-то въ Польшѣ лозунгъ, но если-бъ даже и была возмож-

ность его провести, отъ этого пострадала бы, конечно, не русская литература, а самъ бойкотирующій народъ. Это истина, настолько очевидная, что ее можно изобразить графически.

Всѣ народы движутся по одному и тому же кругу жизни. Одни изъ нихъ представляютъ собою особыя государственныя тѣла, другіе вращаются около первыхъ въ видѣ ихъ спутниковъ, но всѣ они одинаково незримыми нитями связаны со стоящимъ высоко надъ ними солнцемъ Высшей Правды:

Svi narodi braća,
Svi su Božja čeda
Na njih jedno nebo
I jedan Bog gleda [1])

Отсюда исходитъ на нихъ свѣтъ, отсюда берутъ они силу для жизни и сюда же, какъ къ высшей точкѣ, тянется все, что ни живетъ на землѣ. Но помимо этой всеединящей и верховной связи у нихъ есть и другая, въ той самой плоскости, въ которой они вращаются. Это находящаяся въ центрѣ круга общая сокровищница знанія, искусства и техники, куда каждый народъ несетъ плоды своей духовной, умственной и матеріальной дѣятельности и откуда онъ самъ постоянно черпаетъ для себя помощь въ работѣ. Это общій капиталъ всего человѣчества и вмѣстѣ съ тѣмъ это совершеннѣйшее отраженіе солнца Высшей Правды, поскольку доступна она духу человѣческому, а такъ какъ въ каждомъ народѣ Правда Божія преломляется особеннымъ образомъ, то чѣмъ больше работниковъ трудятся надъ пополненіемъ общей сокровищницы, тѣмъ полнѣе, тѣмъ ярче, тѣмъ многоцвѣтнѣе отражаетъ она въ себѣ Верховную Истину. И поистинѣ двойное преступленіе и противъ человѣчества и противъ Бога совершаетъ тотъ народъ, который старается поглотить сосѣдей. Здѣсь для его же собственной пользы ему долженъ быть данъ самый рѣшительный отпоръ. Но и въ минуту наиболѣе ожесточенной вражды на окружности, общая сокровищница центра не перестаетъ связывать враждующія стороны. Судьба, какъ это всегда бываетъ, благосклоннѣе къ человѣку, чѣмъ онъ самъ къ себѣ, и, если бы даже какой-нибудь народъ и хотѣлъ оборвать связывающія его со врагомъ нити науки, искусства, литературы, техники, наконецъ даже простыхъ житейскихъ человѣческихъ отношеній, онъ не можетъ этого сдѣлать, потому что путь къ этому одинъ: надо

[1]) Стихи хорватскаго поэта, словенца Станка Враза.

преградить себѣ самому дорогу къ общей сокровищницѣ человѣчества, а это значитъ обречь себя на явную гибель. Такъ сила истины, устанавливая противъ воли людей всечеловѣческое единство, обнаруживаетъ нелѣпость и невозможность отчужденія одного народа отъ другого.

И нигдѣ очевидная нелѣпость бойкота не встаетъ передъ нами съ такою ясностью, какъ на примѣрѣ Лужицъ. Чехъ, полякъ, сербъ, увлекшись идеею бойкота, можетъ, уѣхавъ въ какую-нибудь сельскую глушь, дать себѣ по крайней мѣрѣ иллюзію, что онъ отгородился отъ непріятныхъ ему народовъ китайской стѣной. Лужичане не могутъ насладиться и этимъ самообманомъ, ибо, куда бы они ни сунулись, передъ ними всегда стоитъ нѣмецъ. И странно, и жалко, и больно послѣ этого читать нижеслѣдующій сонетъ Тишинскаго:

Нѣмецкое!—такъ лучше быть не можетъ.
Такъ сербъ нерѣдко думаетъ и вѣритъ
И жизнь свою на ладъ нѣмецкій мѣритъ,
А сербское бранитъ, какъ только можетъ.

Смѣется надъ роднымъ и самъ козою
Пищитъ онъ по нѣмецки. Нѣмецъ хвалитъ
И на шута, довольный, зубы скалитъ,
Какъ учитъ тотъ дѣтей вслѣдъ за собою

Ломать языкъ. Сербъ нѣмцевъ въ гости проситъ,
И нѣмцы рады: вволю пьютъ и жрутъ
И разговоры милые ведутъ. . .

А послѣ смотришь: вѣстовой приноситъ
Повѣстку изъ суда, и свой же домъ
Простакъ нашъ покидаетъ нагишомъ.

Законная боль сердца смѣшивается здѣсь съ самыми явными заблужденіями мысли. Нѣтъ спора, нѣмецъ угнетаетъ лужичанъ силою своего капитала. Но вѣдь зато онъ даетъ имъ и заработокъ. Нѣмецъ заставляетъ ихъ учиться по нѣмецки, но вѣдь, если бы онъ и не заставлялъ, то они сами бы попросили его учить ихъ нѣмецкому языку, ибо у нѣмцевъ берутъ они и свою культуру и шагу не могли бы сдѣлать безъ нѣмца. Конечно, нѣмцы виноваты передъ славянами во многомъ, но не безъ вины и сами славяне. Въ минуту дружеской откровенности Горникъ писалъ когда-то Черному: „Наши сербы очень рады, когда Матица не издаетъ никакой книжки: тогда они не должны за нее платить. Ахъ, если бы мы были дѣятельнѣе, но увы! наши люди

лѣнивы и ничего не хотятъ дѣлать. Многіе только потуда сербы, пока это для нихъ выгодно". Тишинскій подкрѣпилъ эти слова во всеуслышаніе:

Нашъ праздникъ, *наши* книги—это бремя
Для серба. Тутъ услышите отвѣтъ:
Нѣтъ денегъ, времени и платья нѣтъ.

На tag и fest и bal есть фракъ и время
И деньги въ мигъ находятся тогда,
Хотя-бъ пришлось занять ихъ у жида.

Черный называетъ разобранные здѣсь сонеты Тишинскаго „Wysk a stysk" сербскимъ народнымъ катехизисомъ. Онъ хотѣлъ бы, чтобъ эта проповѣдь сосѣдской разобщенности и народной исключительности проникла въ каждую крестьянскую хату въ Лужицахъ. Но этотъ „катехизисъ" находится въ явномъ противорѣчіи съ тою моралью, въ которой выростали всѣ мы, въ которой выростала вся христіанская культура. Въ сонетѣ „Сербскій пастырь" Тишинскій пишетъ:

Когда тебя поставилъ Вышній Богъ
Пасти народъ, къ себѣ будь, пастырь, строгъ
И помни: сербскость—набожности мѣра.

Пока пребудетъ сербскимъ нашъ народъ,
Онъ добрый нравъ и вѣру сбережетъ.
Разъ сербство пропадетъ—пропала вѣра!

Тутъ, какъ нѣкогда въ польскомъ мессіанизмѣ, явно нарушено должное отношеніе между народностью и высшимъ началомъ жизни. Не народность ищетъ себѣ оправданія въ требованіяхъ Высшей Правды, а наоборотъ эта послѣдняя обусловливается первой: „сербскость—набожности мѣра". Такимъ образомъ верховнымъ началомъ жизни, отъ котораго все исходитъ и къ которому все возвращается, становится народность. Но вѣдь это самое настоящее язычество (языкъ—народъ). А вмѣстѣ съ тѣмъ не есть ли это только на иной ладъ знакомая мелодія нѣмецкой пѣсни: Deutschland, Deutschland über alles!

Къ счастью разобранные здѣсь сонеты Тишинскаго не столько катехизисъ, сколько крикъ человѣка, который, видя, какъ грозныя волны вздымаются надъ челномъ, гдѣ находятся близкіе ему люди, кричитъ имъ: „защищайтесь!" Къ счастью, Тишинскій знаетъ и другіе, кромѣ указанныхъ имъ здѣсь, пріемы защиты. Въ той же книгѣ сонетовъ онъ вѣрно и ясно опредѣляетъ положительные устои гонимой народности. Это прежде всего церковь:

О, церкви! вы—свидѣтель сербской вѣры.
Алтарь подъ сѣнью храмового свода—
Оплотъ надежный сербскаго народа.
Люби же церковь свыше всякой мѣры,
Гордися ею, сербъ, и въ ней ищи ты
Себѣ и дому твоему защиты.

Затѣмъ это просвѣщеніе народное—литература и школа:

Ученію сербъ радъ, сербъ школу любитъ.
Но пусть же серба школа приголубитъ.
По сербски въ ней ученье пусть идетъ!
Тяжелый трудъ тебя, учитель, ждетъ:
Мы сербами дѣтей тебѣ отдали—
Смотри-жъ: чтобъ сербами мы ихъ и взяли!

Наконецъ это кругъ семьи, вѣрность народному быту, трудъ:

Держите чистымъ домъ вашъ, и пока
Вы живы, родины не позабудьте:
Съ мечомъ и со щитомъ на стражѣ будьте!
Богъ Сербью сербамъ далъ. Родныя гнѣзда
Храните. Пусть, пока намъ свѣтятъ звѣзды,
Плугъ водитъ въ Сербьи сербская рука!

Есть народныя святыни, куда ни въ какомъ случаѣ не можетъ пробраться рука насильника, куда никогда не заглянетъ посторонній и чуждый глазъ. И чѣмъ спокойнѣе, чѣмъ увѣреннѣе въ недоступности этихъ святынь народъ, тѣмъ онъ неодолимѣе. Тишинскій отдалъ дань безсильному гнѣву на нѣмцевъ, но онъ зналъ и благородный тонъ неколебимаго и сильнаго спокойствія. Трогательно читать у него цѣлый рядъ сонетовъ, посвященныхъ памяти сельскихъ учителей, потрудившихся на народной нивѣ, священниковъ, которые пастырями добрыми были для народа, наконецъ простыхъ крестьянъ, честно прошедшихъ земную дорогу. Тутъ мысль поэта предстаетъ передъ нами уже не въ голомъ видѣ нравоученія: она облечена въ рядъ живыхъ человѣческихъ образовъ и пріобрѣтаетъ раньше невѣдомую ей убѣдительность. Передъ нами проходитъ цѣлая галлерея скромныхъ работниковъ, и въ возданной имъ поэтомъ чести чуется крѣпость лужицкаго народа. Такъ и незамѣтенъ былъ ихъ трудъ, но это трудъ праведниковъ, которыми держится земля. Пусть Лужицы не могутъ дѣйствовать на широкой и всѣмъ видной аренѣ государственныхъ отношеній и міровой политики! Вопросъ еще, кто въ окончательномъ счетѣ перетянетъ на свою сторону чашку вѣсовъ—желѣзный ли канцлеръ, на вѣроломствѣ думавшій основать силу своего государства, или простой и никому невѣдомый

сельскій учитель, добру учившій отданныхъ ему на попеченіе дѣтей, хитрыя ли выкладки и беззастѣнчивые расчеты житейскаго будто бы здраваго разсудка, или живущая въ каждомъ человѣкѣ и народѣ сила высшаго духа.

Отъ того, какъ отвѣтятъ на этотъ вопросъ Лужицы, да и все славянство, зависитъ наша будущая судьба Съ нѣмцами— и для ихъ же пользы—намъ надо бороться. Надо имъ показать, что ихъ культура при всѣхъ ея выгодахъ и удобствахъ не можетъ удовлетворить человѣчества, разъ она зиждется на уничтоженіи другихъ народовъ. Но, чтобы раскрыть это воочію, славянамъ слѣдуетъ думать не о новыхъ, хотя бы и своихъ, Бисмаркахъ, не о нѣмецкихъ порядкахъ и нѣмецкой дисциплинѣ, не о нѣмецкихъ пріемахъ борьбы, а о созданіи новой, лучшей жизни, о лучшемъ устройствѣ соціальныхъ и народныхъ отношеній. „Намъ надо дѣлать такъ, чтобъ на Руси у насъ привольнѣй было жить, чѣмъ у чужихъ". Матеріальную силу, равно какъ и корыстную силу расчетливаго раціонализма, можно и должно побороть, но не силой того же порядка, а иною, высшею силой— духа. Если бы только сознало наконецъ славянство, что за сила заключается въ его груди и твердо, увѣренно, смѣло пошло бы къ воплощенію ея въ жизни! Какой новый, торжественный благовѣстъ раздался бы тогда надъ міромъ, какими всепобѣдными лучами залило бы тогда землю восходящее славянское солнце! Въ общемъ возрожденіи тогда нашли бы въ себѣ новыя силы къ жизни и Лужицы, ибо и въ нихъ теплится свѣтъ невечерній. Не онъ ли былъ единственнымъ утѣшеніемъ для Тишинскаго, когда измученный жизнью, усталый отъ борьбы писалъ онъ, доживая свой вѣкъ въ Панчицахъ, послѣднія свои пѣсни „Swětło z wyšiny"? Не его ли озареніе лежало на лужицкомъ поэтѣ и раньше, когда, сербскій пастырь въ сплошь нѣмецкой деревнѣ, много лѣтъ подъ рядъ вопреки собственному „катехизису" несъ онъ слова евангельскаго утѣшенія врагамъ своего народа, тѣмъ, кто лишилъ его родины? Золотые лучи этого немеркнущаго свѣта переливались въ золотистыхъ колосьяхъ воспѣтой поэтомъ лужицкой нивы и раскрыли для него въ глубинѣ лужицкихъ сердецъ крупицы такого же чистаго, какъ и они сами, золота. И пока онѣ горятъ у сербовъ, эти крупицы, еще не пропала надежда на будущее, какъ бы ни были тяжелы политическія и экономическія условія настоящаго, ибо „высшая сила не знаетъ оковъ". Она сама въ себѣ почерпаетъ силы для жизни.

ЧЕХИ и СЛОВАКИ.

1. Колларъ и Хомяковъ. Въ текстѣ:

Янъ Колларъ. Сонеты изъ поэмы «Slávy Dcera». (Съ чешскаго).

2. Словаки. Стих. *Свѣтозара Гурбана Ваянскаго.* (Со словацкаго).
3. У словаковъ.
4. Ваянскій и Гвѣздославъ. Литературная характеристика.

Свѣтозаръ Гурбанъ Ваянскій. Стихотворенія. (Со словацкаго).

5. Изъ словацкой литературы:

Свѣтозаръ Гурбанъ Ваянскій. 1. Стихотворенія; 2. Три сигары. Разсказъ.

Гвѣздославъ (Павелъ Орсагъ). Смерть Чайки. Изъ поэмы: «Жена лѣсника».

6. Другъ Толстого. Изъ путевыхъ впечатлѣній.

Коллар и Хомяковъ.

I.

Въ исторіи всеславянской мысли нѣтъ фигуры центральнѣе, ярче, колоритнѣе Коллара. Шафарикъ и Палацкій были ученѣе его, Гай практичнѣе и дѣловитѣе, Мицкевичъ и Хомяковъ талантливѣй и глубже. Но никто не обладалъ въ такой мѣрѣ, какъ Колларъ, славянскимъ воодушевленіемъ. Никто не сдѣлалъ изъ славянскаго дѣла главной задачи своей жизни и дѣятельности. Одинъ только онъ. Slavus sum et nihil slavici a me alienum esse puto. Это его слова.

Другіе отдали любовь своего сердца прежде всего родному краю. „Praha! samo jméno je hudba“ — „Прага! само это имя — музыка“, говорятъ, чехи, любуясь на свою золотую королевскую Прагу. При одномъ коротенькомъ звукѣ „Polska!“ уже дрожитъ и настораживается чуткое польское сердце. И нашъ Пушкинъ не сказалъ-ли, выражая русское чувство:

Москва! Какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось!

Колларъ не забылъ родныхъ татранскихъ долинъ, быстраго Вага и ровной ширины Дуная, надъ которымъ прошла въ Прессбургѣ его юность, но не эти имена, а другое, еще болѣе завѣтное и дорогое, стало для него святынею сердца. Собравъ вокругъ себя всѣхъ родичей своихъ, онъ спрашиваетъ ихъ:

Co jsi ty? Rus; co ty? Srb; co ty? Čech; co ty? Jat' Polak jestem
Dítky moje! svornost! Nechte to, mluvte: *Slavjan!*

„Кто ты? Русскій; а ты? Сербъ; ты? Чехъ; а ты? я — полякъ. Дѣти мои. Будьте вы едино. Оставьте это, говорите: *„славянинъ!“*

На вязь этихъ буквъ онъ глядѣлъ бы и не наглядѣлся, въ музыку этихъ звуковъ вслушивался бы и не наслушался:

Ни громкихъ титуловъ, ни яствъ обилья,
Ни золота не буду я просить,
Но, если хочешь сыну угодить,
О, Слава, мать родная, дай мнѣ крылья!

На нихъ хотѣлъ бы я летѣть далеко
И унестись, славяне-братья, къ вамъ,
Къ хорватамъ, къ сербамъ, къ чехамъ, къ полякамъ,
На Русь, гдѣ Волга разлилась широко.

Какъ мотылекъ, съ цвѣтка на цвѣтъ порхая,
Я облетѣлъ бы весь славянскій свѣтъ,
Угла бы безъ вниманья не оставилъ,

Глядѣлъ, глядѣлъ бы, глазъ не отрывая,
И всѣмъ твой, Слава-мать, неся привѣтъ,
Тебя бы пѣлъ, тебя бъ, родную, славилъ!

Условія жизни приковали Коллара къ мадьярскому Пешту, гдѣ чуть не цѣлыя 20 лѣтъ прожилъ онъ евангелическимъ священникомъ, но мысль человѣческая не знаетъ предѣла, передъ ней распадаются всѣ стѣны, рушатся всѣ запоры, и на ея крыльяхъ Колларъ, не выходя изъ своей комнаты, дѣйствительно облетѣлъ все славянство, оплакалъ его прошлое, оцѣнилъ настоящее, звалъ всѣхъ, кто живъ, къ созданію будущаго, на все откликнулся, всѣмъ раскрылъ свою грудь и, обнявъ всѣхъ любовію, создалъ первую и единственную всеславянскую поэму „Slávy dcera“.

Первыя строки этой поэмы внушила ему любовь. Еще студентомъ богословія въ Іенѣ полюбилъ онъ дочь мѣстнаго евангелическаго пастора, свою будущую жену, Вильгельмину Шмидтъ. Нѣмкой она была и нѣмецкій языкъ внесла съ собою потомъ и въ домъ мужа, но Колларъ видѣлъ въ ней отдаленную отрасль славянъ, когда-то жившихъ надъ Салой и, полюбивъ ее, въ ея лицѣ несъ дань любви и давно погибшему прошлому. По собственнымъ словамъ поэта, она была для него тѣмъ же, „чѣмъ солнце для утра, чѣмъ мѣсяцъ для ночи, чѣмъ звѣзда для пловца, чѣмъ для пчелы цвѣтокъ, для орла крылья, чѣмъ зеленая роща для пѣвца-соловья“. Slávy dcera, дочь Славы—это она. Любовь личная, перегорѣвъ въ душѣ поэта, пресуществилась въ новое, высшее чувство—любовь къ воображаемой прародинѣ всѣхъ славянъ, Славіи, или, какъ ее въ другихъ мѣстахъ называетъ Колларъ, Всеславіи. Его поэма — это ожерелье сонетовъ, въ кото-

ромъ гимны въ честь матери-Славы чередуются съ пѣснями въ честь дочери.

Впервые появились сонеты Коллара въ 1821 г. еще подъ названіемъ „Básně“. Въ 1824 году они вышли уже подъ своимъ теперешнимъ заглавіемъ въ трехъ пѣсняхъ, названныхъ по именамъ рѣкъ, у которыхъ жили нѣкогда или теперь живутъ славяне: Sála, Labe Rén, Vltava, Dunaj. Въ изданіи 1832 года къ первымъ тремъ пѣснямъ прибавились новыя двѣ: Lethe и Acheron и число сонетовъ увеличилось болѣе, чѣмъ вдвое, до 615. Напрасно было бы однако искать въ нихъ единаго дѣйствія. Только возлюбленная поэта Мина да богъ любви Милекъ, руководитель его въ странствіяхъ по славянскому міру, объединяютъ отдѣльные сонеты: на одну нить нанизаны Колларомъ пѣсни самаго различнаго содержанія и самаго разнообразнаго достоинства, — рядомъ съ чистѣйшей воды алмазами и жемчугами самыя простыя бусы, стеклярусъ, а то и вовсе неотдѣланные камушки. И чего только тутъ нѣтъ! Колларъ и географъ, и историкъ, и этнографъ, и филологъ. То укладываетъ онъ въ форму сонета разсужденіе о мягкомъ чешскомъ ř, то вдругъ задается вопросомъ объ округленности славянскихъ лицъ и, замѣтивъ, что лицо человѣка удлиняется отъ гнѣва и печали, рѣшаетъ, что славянскія лица оттого круглы, что сами славяне веселы и добродушны. Въ одномъ изъ сонетовъ онъ признается, что три дня въ году привыкъ онъ провожать въ печали и слезахъ: 15 іюля, день св. Вита, когда погибло на Косовомъ полѣ сербское царство, 8-е октября, день Бѣлогорской битвы, и 10-е октября, когда при Мацѣевицахъ израненный упалъ съ коня Костюшко со словами: „Finis Poloniae!“ — и тутъ же посвящаетъ восторженный, вдохновенный гимнъ Москвѣ и русскому народу. Отъ настоящаго, земного переносится онъ мыслью въ будущее, въ славянскій рай, гдѣ всѣ — братья и сестры, гдѣ уже не величаютъ людей по старому, по земному: Waszmość, Nejjasnější, Velkomožný, Preosvjaščenější, а а есть только одинъ титулъ: slavný, slavnější, nejslavnější и ужъ во всякомъ случаѣ не услышишь длиннаго и неудобопроизносимаго „высокопревосходительство“, котораго и кукушкѣ не выкрикнуть однимъ духомъ,

jež douškem ani žežhule
nevygerce, slovo odulé!
Vysokoprevozchoditelnější!

Колларъ примиряетъ непримиримое, собираетъ въ одинъ кругъ Костюшку и Суворова, Гуса и св. Станислава, имп. Екате-

рину II и королеву Ядвигу и дѣтски радуется, заставляя ихъ всѣхъ мирно бесѣдовать другъ съ другомъ, а враговъ Славы, тѣхъ славянъ, которые противъ славянъ же мечъ подняли и братьевъ убивали, отправляетъ въ адъ. Тутъ въ одну кучу свалены и Кошутъ, и Попель, и Вукъ Бранковичъ, а съ ними и Дантесъ, убійца Пушкина:

Puškine! dím v roztoužení horce,
Sláva na tobě blesk, ruština
Utratila nové doby tvorce!
О, Пушкинъ! говорю я, полнъ печали:
Съ тобою Слава блескъ, языкъ же русскій
Творца эпохи новой потеряли!

Лица, мѣстности, эпохи смѣняются одна за другой съ калейдопической пестротой, но всѣ ихъ вяжетъ въ одно цѣлое одна нить: славянство. Это слово Колларъ готовъ бы повторять безъ конца, да и повторяетъ, употребляя его во всевозможныхъ сочетаніяхъ: „slavme slavně slávu slávův slavných!“

Поэма начинается съ элегическаго плача о прошломъ славянства, о той землѣ отъ Одры и за Лабу, что была когда-то колыбелью для славянъ и гдѣ теперь, что ни шагъ, то могила:

Aj zde leží zem ta před okem mým slzy ronícím,
někdy kolebko, nyní národa mého rakev.
Stůj, noho! posvátná místa jsou, kamkoli kráčiš...

Но знаетъ пѣвецъ, что не изъ слезъ о минувшемъ, а изъ труда въ настоящемъ проростаетъ будущее — ne z mutného oka, z ruky pilné naděje kvitne, — и всѣхъ зоветъ къ труду, покуда сердце бьется въ груди. Онъ вѣритъ, что время залѣчитъ всѣ раны и дастъ торжество правдѣ. Груду несправедливостей и ошибокъ, что сто столѣтій нагромоздили, разнесетъ минута:

Čas vše mění i časy, k vítězství on vede pravdu
co sto věků bludných hodlalo, zvrtne doba!

И чудо возрожденія совершается на нашихъ глазахъ: мечта о всеславянскомъ единствѣ въ поэмѣ Коллара становится самой подлинной и настоящей дѣйствительностью. „Предлагая всему славянству братскій поцѣлуй“, Колларъ раскрываетъ для него грудь свою и пусть политическія границы дѣлятъ славянъ другъ отъ друга! Славянство уже стало единымъ — въ сердцѣ поэта, Колларъ первый человѣкъ новой эпохи. Отдѣльныя вспышки

общеславянскаго сознанія бывали и до Коллара, у Крижанича, у Бранцеля. Но какъ проповѣдникъ единства, всѣхъ славянъ *одинаково* объединившій въ своей любви, онъ не имѣлъ и не имѣетъ себѣ равнаго да едва ли и можетъ имѣть, ибо по самому существу своему зачинатель — явленіе неповторяемое. Хорошо сказалъ о Колларѣ сербскій поэтъ, Огнѣславъ Утѣшеновичъ:

Колларъ! твое святое имя геній
Умчалъ въ надзвѣздные края,
Чтобъ тамъ оно въ сіяньи вѣчно жило,
Чтобъ вѣчно имъ гордился славянинъ.

II.

Дѣйствіе Колларовой поэмы было огромно. „Slávy dcera“ больше, чѣмъ поэма. Это новый фактъ жизни. А какъ ни могущественна сила великой заразительницы сердецъ, поэзіи, еще сильнѣе, чѣмъ воплощеніе идеи въ словѣ, дѣйствуетъ на человѣка идея, воплощенная въ жизни.

Само собою разумѣется, что вліяніе Коллара всего замѣтнѣе обозначилось въ Чехіи и близкихъ къ ней земляхъ. „Столистая роза“ Челяковскаго, южнославянскія „Джулябіе“ Враза—прямой отблескъ „Дочери Славы“. Если у чеховъ и до сихъ поръ, какъ ни у какого другого народа, развито племенное, славянское чувство, то это всходъ брошенныхъ Колларомъ сѣмянъ. Въ призывный голосъ Коллара вслушивался и Людевитъ Гай, когда въ тиши родного хорватскаго Загорья думалъ о возрожденіи подъ именемъ иллирства Хорватіи и всего остального юго-славянства. Мицкевичъ, посвятившій Коллару въ Парижѣ цѣлую лекцію 27-го декабря 1843 года, считалъ его болѣе ученымъ, чѣмъ поэтомъ, но и онъ принужденъ былъ отдать должное чистотѣ и искренности его славянскаго чувства. Остается неоспоримымъ, что самый фактъ чтенія Мицкевичемъ лекцій о литературѣ славянскихъ племенъ, какъ особомъ и единомъ цѣломъ, является осуществленіемъ мысли, высказанной раньше Колларомъ.

Всего труднѣе установить связь между чешскимъ поэтомъ и русскою мыслью. Но она была несомнѣнна. Правда, всеславянскіе сонеты Коллара были переведены у насъ Бенедиктовымъ и Бергомъ уже лѣтъ двадцать спустя послѣ смерти поэта въ „Поэзіи славянъ“ Гербеля. Но еще при жизни Коллара съ нимъ не разъ встрѣчались въ устной бесѣдѣ Надеждинъ, Погодинъ,

Срезневскій. Черезъ Погодина о немъ, конечно, зналъ и перво-положникъ русскаго сознательнаго славянофильства, Хомяковъ. Когда въ 1837 году вышло по-нѣмецки знаменитое разсужденіе Коллара „О литературной взаимности между различными племенами и нарѣчіями славянскаго народа“, за годъ предъ тѣмъ напечатанное въ чешско-словецкомъ журналѣ Кузмани „Hronka“, его уже въ 1838 году напечатали по-русски „Московскія Вѣдомости“, а въ 1840 г. вторично перевелъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ Срезневскій. Оба перевода, конечно, читалъ Хомяковъ. Славянскому чувству Хомякова нечему было учиться у Коллара: оно горѣло не менѣе сильнымъ пламенемъ у того, кто еще отрокомъ бѣжалъ изъ отцовскаго дома, чтобы сражаться за независимость славянъ. Но мысль общеславянская нигдѣ до Коллара не была выражена съ такой ясностью и опредѣленностью, а разсужденіе Коллара о литературной взаимности славянъ давало еще нѣчто бо̀льшее: первую дѣловую программу общеславянскаго дѣйствія. Все это должно было пасть у Хомякова на благодатную почву. Во всякомъ случаѣ, когда въ 1841 году въ Загребѣ Колларъ узналъ отъ Срезневскаго, что „послѣ смерти Пушкина особенно выдѣляется въ русской поэзіи молодой Хомяковъ“ и тогда же услышалъ одно изъ самыхъ новѣйшихъ его произведеній, еще нигдѣ не напечатанное стихотвореніе „Орелъ“, онъ сразу почуялъ въ немъ вѣяніе собственнаго духа, выраженіе той же славянской души, изъ родника которой выбилась и „Дочь Славы“.

Позднѣе онъ не забылъ о своемъ впечатлѣніи и, постоянно дополняя новыми звеньями цѣпь сонетовъ „Дочери Славы“, вставилъ въ 4-ую пѣсню, въ описаніе „славянскаго рая“ новый сонетъ, посвященный Хомякову вмѣстѣ съ сербскимъ поэтомъ, Утѣшеновичемъ:

Откройте настежь двери золотыя,
О, стражи Геликона! Дорогіе
Идутъ къ вамъ гости изъ далекихъ странъ,
Пѣвцы могучей Руси и Балканъ.

Какъ сладко зрѣть побѣги молодые
И пышный всходъ мной брошенныхъ сѣмянъ!
Пѣвцы за цѣлость ратуютъ славянъ,
Мои они питомцы удалые.

Утѣшеновичъ милый, Хомяковъ!
За „Еку“ и „Орла“ своихъ сыновъ
Въ васъ чтитъ сама мать Славія святая.

Гремитъ пѣснь ваша выше облаковъ,
Какъ огнь Везувія, до звѣздъ взлетая
И небо громомъ слова сотрясая [1]).

Въ области духа сѣмена, брошенныя въ данное поле, неожиданно даютъ ростки за тридевять земель отъ него. Когда-нибудь среди нашихъ славистовъ найдется, быть-можетъ, человѣкъ, который со всеоружіемъ научныхъ знаній сочетаетъ въ себѣ чуткую зоркость любящаго славянскаго сердца и живое дарованіе художника. Онъ возстановитъ тогда предъ нами во всѣхъ подробностяхъ картину того изумительнаго явленія въ XIX вѣкѣ, которое зовется славянскимъ возрожденіемъ, изложитъ всю сѣть дѣйствовавшихъ тутъ общихъ причинъ, обнажитъ всѣ нити, связующія отдѣльныя событія и лица, укажетъ всѣ пути, которымъ шло здѣсь съ такимъ трудомъ поддающееся опредѣленіямъ дѣйствіе духа человѣческаго. Онъ разрѣшитъ тогда и вопросъ, насколько правъ былъ Колларъ, называя Хомякова своимъ ученикомъ. Но и теперь уже ясно, что одинъ могущественный электрическій токъ связывалъ во-едино всѣхъ главнѣйшихъ дѣятелей возрожденія, окрашиваясь у каждаго въ особые цвѣта его народности и индивидуальности. У Мицкевича это былъ вулканическій взлетъ ввысь, всезатопляющая лавина чувства; у Хомякова спокойное, тихое, ровное и увѣренное въ себѣ теченіе рѣки, глубокой и полноводной, какъ Волга; у Коллара при всей горячности сердца расчетливая осторожность, налетъ дѣловитой разсудочности, столь понятной у лютеранина и воспитанника раціоналистической философіи XVIII-го вѣка. Но несмотря на всѣ эти различія всѣ трое въ главномъ были одно.

Точки соприкосновенія Хомякова съ Мицкевичемъ указаны нами въ другомъ мѣстѣ. Немного нужно словъ, чтобы обнаружить, какія крѣпкія нити связываютъ русское славянофильство Хомякова съ чешскимъ панславизмомъ Коллара.

III.

Не только идеалы, но и самая подпочва идеаловъ у Хомякова и Коллара были по существу своему общими.

Давно уже было отмѣчено устремленіе славянскаго ума отъ внѣшнихъ явленій жизни къ внутреннему міру человѣка. Въ

[1]) Переводъ Е. С. Шевченка.

этомъ отношеніи и Колларъ и Хомяковъ — вѣрные сыны своего племени. „Любовь, правда и смиреніе, любилъ говорить Хомяковъ, однѣ только могутъ доставить народу такъ же, какъ и человѣку, милость отъ Бога и благоволеніе отъ людей". Колларъ какъ бы отвѣчаетъ ему: „Наивысшее правило въ моей жизни слѣдующее: работай надъ самимъ собой и на службѣ и въ частномъ быту, до конца жизни стремись къ возможному нравственному совершенству и черезъ это уже только вліяй на другихъ и особенно на свой народъ". (Cestopis, str. IV). Не отрицая воспитательнаго значенія внѣшнихъ учрежденій, оба поэта на первое мѣсто выдвигали глубины сердца человѣческаго, но, признавая личное совершенствованіе центромъ, изъ котораго должны исходить всѣ радіусы дѣйствія, они конечную цѣль дѣятельности видѣли не въ человѣкѣ, взятомъ въ отдѣльности, а въ человѣчествѣ.

Взгляды Коллара на исторію и жизнь человѣчества выражены имъ всего полнѣе въ брошюрѣ о литературной взаимности славянъ: „Ueber die literarische Weschelseitigkeit zwischen den verschiedenen Stämmen und Mundarten der Slawischen Nation". (Pesth 1837 г.; 2-е изд. Leipzig, 1844). Маленькая это книжечка и давно уже желтыми пятнами ветхости покрылись ея листы. Но если отвернуть ея выцвѣтшую обложку и вчитаться въ рѣчи Коллара, сколько въ нихъ еще свѣжести, сколько благородныхъ помысловъ, сколько вѣры въ свой народъ!

Колларъ, кажется, первый примѣнилъ идеи современной ему нѣмецкой философіи къ объясненію грядущихъ судебъ славянскаго племени. Видя въ исторіи человѣчества постепенное развитіе вѣчно совершенствующагося человѣческаго духа, а въ народахъ только формы, въ которыхъ оно воплощается, Колларъ въ прошломъ улавливалъ два рѣзко опредѣлившихся начала: античное, язычески-національное, представленное міромъ греко-романскимъ, и новѣйшее, романтическое, рыцарское, германо-христіанское. Они въ своей односторонности отслужили уже свою службу, отжили свой вѣкъ. Человѣчество находится теперь наканунѣ новой эпохи, жаждетъ новаго, всесторонняго, всеобъемлющаго, всепримиряющаго слова. Произнести его можетъ только новое, образовательно юное, въ старыхъ культурныхъ формахъ не окаменѣвшее племя. И такимъ племенемъ являются славяне. „Славянамъ — думалъ Колларъ — предстоитъ дать синтезъ всего предыдущаго развитія человѣчества, примирить міръ стараго язычества съ новымъ міромъ христіанства, стать связующимъ зве-

номъ между Востокомъ и Западомъ, омолодить всѣ культурные элементы и, не поглощая ни одного изъ народовъ, свести силы ихъ въ одинъ ярко свѣтящійся фокусъ, возвести ихъ на высшую ступень человѣчества":

И вѣрю я: тотъ часъ настанетъ,
Рѣка свой край перебѣжитъ,
На небо голубое взглянетъ
И небо все въ себѣ вмѣститъ.
Смотрите, какъ широко воды
Зеленымъ доломъ разлились,
Какъ къ брегу чуждые народы
Съ духовной жаждой собрались!

Это стихи Хомякова, но, если бы не знать этого, ихъ можно было бы принять за продолженіе предшествующей имъ прозы Коллара: строй мыслей, чувства, тонъ совершенно одинаковы у обоихъ писателей. Разница между Колларомъ и Хомяковымъ сводится не столько къ идеаламъ, сколько къ путямъ, которыми они оба пришли къ своимъ идеаламъ. Ученіе Хомякова, какое бы значеніе мы ни отводили въ немъ западно-европейскимъ воздѣйствіямъ, вышло изъ глубинъ православной церкви. Всечеловѣческое призваніе славянства Хомяковъ связывалъ съ православіемъ, какъ чистѣйшимъ выраженіемъ христіанства, находя, что именно православіе, исповѣдуемое большинствомъ славянъ, гармонически сочетаетъ въ себѣ свободу и единство при помощи общенія въ любви. И Колларъ въ своемъ обоснованіи всемірнаго значенія славянства не оставилъ безъ вниманія религіознаго вопроса; и онъ думалъ, что христіанство открылось славянамъ во всей своей полнотѣ, но полноту эту онъ понималъ гораздо поверхностнѣе и мельче, чѣмъ Хомяковъ. Онъ видѣлъ ее въ томъ, что славяне въ нѣдрахъ своей семьи заключаютъ всѣ христіанскія вѣроисповѣданія, изъ чего онъ выводилъ, что Божественная истина христіанства раскрылась у славянъ во всѣхъ доступныхъ человѣку опредѣленіяхъ. У него, воспитанника раціоналистической философіи XVIII вѣка, вѣра сдвинулась со своего верховнаго и всеобъемлющаго мѣста и стала лишь однимъ изъ тѣхъ доводовъ разума, которые онъ клалъ однако въ основаніе той же теоріи о міровой роли славянства, что и Хомяковъ.

Первымъ и главнѣйшимъ изъ этихъ доводовъ было разнообразіе и многоцвѣтность славянскаго племени. Кому же и имѣть всемірное призваніе, какъ не тому, кто самъ въ себѣ включаетъ

какъ бы цѣлый міръ? Въ то время, какъ другіе народы, живя обыкновенно въ одномъ климатѣ, благодаря однообразію физическихъ условій, волей-неволей обречены на одностороннее развитіе, славяне даже и въ климатѣ не знаютъ односторонности:

Уралъ и Татры! Здѣсь палящій югъ,
Тамъ лютый сѣверъ въ ледяномъ уборѣ!

При такихъ условіяхъ самые глубокіе изгибы души не остаются безъ развитія, каждый нервъ, каждая жилка входитъ въ игру и потому, можетъ быть, нѣтъ племени со столь многосторонней душевной организаціей, какъ славяне. Это доказываютъ ихъ языкъ и литература.

„Въ литературѣ другихъ народовъ — писалъ Колларъ — обыкновенно выступаетъ впередъ, подавляя все остальное, одна сила души, у итальянцевъ страстность, у французовъ остроуміе и элегантность, у нѣмцевъ склонность къ философствованію,—и только у однихъ славянъ, какъ ясно обнаруживаютъ ихъ народныя пѣсни и поэзія, подъ знаменемъ фантазіи принимаютъ равное участіе въ творчествѣ всѣ прочія душевныя силы. У другихъ народовъ умъ съ чувствомъ не въ ладу, и только въ храмѣ Славы эти два генія человѣчества гармонически сочетаются другъ съ другомъ: славянинъ и думаетъ и чувствуетъ разомъ, являя въ себѣ ту цѣлостность духа, безъ которой, по мнѣнію и Хомякова, нельзя познать истины“.

Наконецъ и самый составъ славянскаго племени, его внутреннее разнообразіе при единствѣ цѣлаго является въ глазахъ Коллара единственнымъ въ своемъ родѣ средствомъ для воспитанія въ себѣ высокаго чувства чистой человѣчности „Славяне, не выходя изъ рамокъ своего племени, могутъ подыматься здѣсь на все высшія и высшія ступени, расширять свое сердце любовью, переходя отъ отдѣльнаго лица къ народу, отъ народа къ народамъ, отъ народовъ къ націи, отъ націи къ человѣчеству. Другіе народы слишкомъ уже врослись въ свою старую и богатую литературу, чтобы освободиться отъ путъ народнаго эгоизма. У нихъ всечеловѣческое подчинено національному. У славянъ наоборотъ національность—это только низшая ступень человѣчности“. Они—истинные носители всечеловѣческой идеи, настоящіе строители будущаго зданія всечеловѣческаго единства. Имъ какъ бы самою судьбою суждено, не поглощая другіе народы и предоставляя имъ полную свободу развитія, стать между ними посредниками, многостороннимъ двигателемъ ихъ культуры и возвести ихъ всѣхъ на высшую ступень человѣчности.

Само географическое положенiе ихъ, по мнѣнiю Коллара, говоритъ за это: занимая сплошными своими поселенiями цѣлую половину Европы и треть Азiи, они сосѣдятъ съ народами крайняго Востока и Запада, представляя собой какъ бы естественное средоточiе мiра. Говоритъ за это и ихъ численность. И Хомяковъ и Мицкевичъ оба одинаково думали, что сила народа прямо пропорцiональна силѣ добра, приносимаго имъ мiру, что внѣшнее могущество народа это только выраженiе накопившейся въ немъ внутренней правды. Колларъ раздѣлялъ этотъ взглядъ, но бралъ ту же мысль съ другого конна, видя въ численной множественности славянскаго племени не столько слѣдствiе жизни прошлой, сколько пророчество о грядущемъ великомъ призванiи славянъ. „Провидѣнiе, говоритъ онъ, не можетъ себѣ противорѣчить. Создавъ такой великiй, полный жизненныхъ силъ и богатый опытомъ народъ, какъ славяне, оно должно было ему дать и великую задачу. Славяне должны только понять эти указанiя Промысла Божiя и послѣдовать за ними“.

Высота задачи опредѣляетъ и средства для ея достиженiя:

Позорно жить убiйствомъ и обманомъ.
Нѣтъ! Сцеволы не могутъ насъ плѣнить.
Кордэ и Санды не нужны славянамъ.

На правдѣ домъ народный мы построимъ.
Девизъ нашъ—честь. Пускай умремъ, но жить
Не будемъ вѣроломствомъ и разбоемъ.

Въ словахъ этихъ, быть можетъ, есть доза сентиментально-романтическаго прекраснодушiя, но еще въ большей мѣрѣ они могутъ быть названы выраженiемъ благороднаго и высокаго чувства чистой человѣчности.

Начавъ съ указанiя на тѣсную, повидимому, область сердца человѣческаго, какъ на поле для нашихъ дѣйствiй, самъ Колларъ, не выходя изъ этихъ предѣловъ, сумѣлъ воздвигнуть въ душѣ своей всеобъемлющiй храмъ красоты совершенной, какъ бы новую Святую Софiю человѣчества, собравшую подъ своимъ куполомъ всѣ народы. И эту мечту сердца завѣщалъ онъ потомству, оставивъ намъ завѣтъ, который гласитъ:

Národ také považuj jediné jako nadobu lidství.
A vždy voláš le „slavjan“ necht' se ti ozve člověk.
Считай народъ ты человѣчества сосудомъ,
И пусть на зовъ твой: „славянинъ!“—отвѣтитъ эхо:
„Человѣкъ!“

Когда позовутъ: *славянинъ*, пусть въ тебѣ откликнется *человѣкъ*. Въ этихъ словахъ заключено то вѣчное, что сказалъ намъ Колларъ.

Но—продолжимъ словами Коллара—„кто хочетъ быть сѣятелемъ добраго, разумнаго, прекраснаго, словомъ вѣчнаго, кто хочетъ бѣть свѣточемъ просвѣщенія, вождемъ эпохи, тотъ не смѣетъ отдаваться на волю теченію: онъ самъ долженъ взяться за руль, руководящій событіями, идти впереди ихъ. Кто хочетъ быть средоточіемъ, объединяющимъ кипящія вокругъ силы временъ и народовъ, тотъ долженъ и свои силы не раздроблять, а собрать и сосредоточить, ибо нельзя принести міру того, чего нѣтъ въ насъ самихъ". И вотъ Колларъ зоветъ всѣхъ славянъ, кто только живъ, на общую духовную работу:

Славяне, братья милые, славяне!
Вы любите кровавый споръ да брани.
Скажите мнѣ: какой въ тѣхъ браняхъ прокъ?
Возьмемъ отъ кучи угольевъ урокъ:

Въ одну семью съединены заранѣ,
Они горятъ и блещутъ на таганѣ
И къ верху искры мечутъ въ потолокъ,
Но что-жъ одинъ бы сдѣлалъ уголекъ?

Соединимся-жъ всѣ мы безъ изъятья:
Сербъ, русскій, чехъ, болгаръ [1]), полякъ.
Одинъ къ другому кинемся въ объятья,

Одна хоругвь, одинъ да будетъ стягъ!
Забудемъ все, что было; будемъ братья,
И дрогнетъ супротивный врагъ!

Призывы такой силы и такого чувства можно найти только у Хомякова.

[1]) Слово: „болгаръ" вставлено переводчикомъ (Н. В. Бергомъ). Во времена Коллара о болгарахъ мало было слышно и въ славянскомъ ученомъ мірѣ Колларъ помѣщаетъ ихъ въ славянскомъ раѣ (сонетъ 107 пѣсни IV), но относитъ ихъ къ числу „чужеплеменныхъ" народовъ, которые захотѣли жить и умереть со славянами, литовцевъ, латышей, финновъ, курдовъ: „тутъ были и болгары, которые своею волей усвоили нашъ языкъ; равную съ родными сыновьями честь, равныя выгоды и права дала этимъ пасынкамъ своимъ Слава". Любопытно, что въ славянскомъ раѣ нашла себѣ мѣсто и еврейка Эсфирь, любовница Казиміра, которая привела съ собой въ Польшу евреевъ, но „отъ общества славянскихъ сестеръ она спѣшитъ къ своимъ бородатымъ евреямъ".

Внѣшнимъ выраженіемъ общеславянскаго чувства должно быть, по мысли Коллара, единеніе литературное. „Въ наше время, говоритъ онъ, недовольно быть хорошимъ русскимъ, горячимъ полякомъ, совершеннымъ сербомъ, ученымъ чехомъ и только исключительно, хотя бы и хорошо, говорить по русски, по польски, по чешски. Уже прошли односторонніе дѣтскіе годы славянскаго народа; духъ нынѣшняго славянства налагаетъ на насъ другую, высшую обязанность: создавать великую, всеславянскую литературу". Каждый образованный славянинъ долженъ знать по крайней мѣрѣ 4 главныхъ языка: русскій, польскій, чешскій и сербо-хорватскій. Остальныя нарѣчія не поглощаются этими четырьмя, но литераторы въ своей дѣятельности должны примыкать къ одному изъ четырехъ главныхъ славянскихъ племенъ. И, подавая примѣръ другимъ, Колларъ самъ, хотя и словакъ родомъ, писалъ по чешски.

Въ настоящее время съ развитіемъ литературъ болгарской, словацкой, словенской, лужицкой и малорусской высказанныя Колларомъ пожеланія уже не удовлетворятъ славянъ: свобода ихъ индивидуальнаго развитія оставила его позади. Но и въ настоящее время несомнѣнно, что, зная, кромѣ своего, три или даже два славянскихъ языка, нечего учиться другимъ, чтобы ихъ понять. А первымъ тремъ можетъ легко научить каждаго и научитъ наша средняя школа, если только она когда-нибудь перестанетъ идти въ поводу у нѣмцевъ и сдѣлается наконецъ народной, русской. Во всякомъ случаѣ, какъ руководящее начало, ученіе Коллара о славянскихъ языкахъ и ихъ взаимоотношеніяхъ и доселѣ сохраняетъ безусловную цѣнность. Не господство одного славянскаго языка надъ другимъ, а ихъ взаимное проникновеніе составляетъ нашъ, славянскій идеалъ. Не властолюбіе, а служба даютъ народу силу, и, если когда-нибудь какой-нибудь изъ нашихъ языковъ и сдѣлается общимъ для всѣхъ славянъ, то это произойдетъ само собой въ силу простой и вѣчной истины: кто больше даетъ, тотъ больше и получаетъ.

Коллара упрекали, что, проповѣдуя славянское единство, онъ самъ же его и ограничилъ—предѣлами литературы. Но это чистѣйшее недоразумѣніе. Дѣйствительно Колларъ всячески старался отгородиться отъ какихъ бы то ни было политическихъ цѣлей. Цѣлую главу своей брошюры посвятилъ онъ увѣреніямъ, что его проповѣдь славянской взаимности мирно уживается со всѣми правительствами, что она далека отъ всякихъ революціонныхъ и демагогическихъ поползновеній и нисколько не грозитъ

цѣлости европейской карты. Въ поэмѣ своей, посвящая особые сонеты Александру и Николаю Павловичамъ, онъ тутъ же дипломатически вставляетъ сонетъ и въ честь австрійскаго Франца. Но именно потому, что въ программѣ Коллара не было политики, она и имѣла несомнѣнное политическое значеніе.

Ибо что такое политика, какъ не умѣніе провести кратчайшую линію между идеаломъ и дѣйствительностью? Въ то время полнѣйшей разрозненности и слабости славянъ, когда даже въ Чехіи возрожденіе едва пускало свои первые побѣги, нелѣпо было думать о совмѣстномъ политическомъ дѣйствіи. Надо было сперва воспитать въ славянахъ дремавшее въ нихъ чувство взаимности, а для этого лучшимъ способомъ было мирное общеніе на литературномъ полѣ. Призывая къ нему, Колларъ указалъ славянамъ ближайшую дорогу къ идеалу, предоставивъ затѣмъ самой уже жизни выработать окончательныя формы, въ которыя отольется славянское единство, ибо онъ понялъ, что разъ пробужденному чувству нельзя заступить дорогу со словами: „стой, ни шагу дальше!“

Крѣпкая стала стѣна между нами.
Тщетно: дорогу себѣ надъ стѣнами
Пламень влеченій сокрытыхъ найдетъ!

Лишь бы только онъ былъ, этотъ пламень, а тамъ на мѣстѣ литературнаго общенія, когда придетъ время, само собой явится и политическое. И жизнь оправдала Коллара.

Какимъ же, однако, насколько объ этомъ можно судить по отдѣльнымъ проблескамъ мысли, представлялся Коллару идеалъ славянскаго единства въ его конечномъ видѣ? Есть у Коллара сонетъ, гдѣ, представляя себѣ славянъ металлами, Колларъ говоритъ, что хотѣлъ бы изваять изъ нихъ одну статую, гдѣ русскій былъ бы головой, полякъ туловищемъ, а изъ чеховъ вышли бы руки, изъ сербовъ ноги, крѣпкое стоянье:

Воздвигся-бъ великанъ,—
И вся Европа, преклонивъ колѣна,
Взирала бы! А онъ—превыше тучъ—
Міръ попиралъ бы, грозенъ и могучъ!

Мицкевичъ на основаніи этого сонета упрекалъ Коллара въ томъ, что вся его надежда цѣликомъ покоится на матеріальной силѣ. Но поклонникомъ ли грубой вещественной силы можно назвать писателя, который вѣрилъ, что

Нерѣдко тихая пастушья хата
Стократъ отчизнѣ больше можетъ дать,
Чѣмъ таборъ, гдѣ собралась Жижки рать?

И не Мицкевичевы ли „Книги польскаго пилигримства“ живо напоминаютъ слова Коллара: „Въ наше время не тотъ достоинъ прекраснаго имени *славянинъ*, кто всѣхъ сильнѣе, всѣхъ могущественнѣе, всѣхъ больше между славянъ, но тотъ, кто, живо чувствуя связь свою съ другими, посвящаетъ жизнь свою и себя самого на служеніе малымъ и слабымъ“? Не матеріальнымъ является у Коллара и понятіе объ отчизнѣ:

Отчизны именемъ святымъ тотъ край,
Гдѣ жить намъ суждено, не называй.
Отчизна, другъ мой, въ сердцѣ у тебя.
Ея ни выкрасть, ни убить нельзя.

Пусть родину зальетъ потопомъ врагъ,
Раздѣлитъ край, народъ повергнетъ въ прахъ,—
Какъ встарь, въ груди у преданнаго сына
Цѣла отчизна наша и едина.

Для сердца прелестью неодолимой
Полны тотъ лѣсъ, тотъ домъ и та рѣка,
Что получилъ отъ дѣда внукъ любимый,

Но родины рубежъ несокрушимый—
Его-жъ чужая не прейдетъ рука,—
Строй мыслей, нравы и языкъ родимый,

Это то самое опредѣленіе отечества, что позднѣе такъ убѣдительно и вдохновенно развилъ въ своихъ лекціяхъ Мицкевичъ, та вѣра, что воодушевляла и позднѣйшихъ польскихъ поэтовъ вплоть до Выспянскаго съ его „Weselem“. Трудно съ точностью сказать, въ какія бы формы облеклась эта мечта сердца, если бы дать ей плоть и кровь, но во всякомъ случаѣ не фетишъ матеріальной силы былъ идеаломъ Коллара, а свобода развитія каждаго народа. Для Коллара характеренъ не указанный Мицкевичемъ сонетъ съ его случайнымъ образомъ, а скорѣе стихи изъ предисловія къ „Дочери Славы“, находящіеся въ тѣсной связи со всѣмъ ученіемъ Коллара о всемірномъ призваніи славянства:

Sám svobody kdo hoden, svobodu zná vážiti každou
ten kdo do pout jímá otroky, sám je otrok.

„Кто самъ достоинъ свободы, тотъ умѣетъ цѣнить свободу каждаго; кто заключаетъ въ оковы рабовъ, тотъ самъ рабъ“.

Коллара, какъ и вообще все западное славянофильство, упрекали и въ эгоистическихъ расчетахъ: говорили, что племенною численностью и величiемъ хотѣлъ онъ восполнить малость родного народа, скудость собственныхъ силъ. Это правда. Колларъ дѣйствительно искалъ опоры дли народнаго возрожденiя въ племенномъ чувствѣ. Но защитнику свободы своей и чужой развѣ позорно и предосудительно искать себѣ союзниковъ? А что не корыстные виды лежали въ основанiи Колларова славянскаго чувства, лучше всего доказываетъ сопоставленiе чешскаго панславизма съ русскимъ славянофильствомъ. Хомяковъ выросъ и развился въ совершенно иныхъ условiяхъ, чѣмъ Колларъ. Ни мадьярскаго ни нѣмецкаго гнета онъ не зналъ. Какъ русскiй, ни въ чьей чужой помощи для своего народа онъ не нуждался и славянская идея, если ужъ къ чему-нибудь влекла его, то не къ выгодамъ, а развѣ къ жертвамъ,—и однако въ темной ночи славянства и ему въ познанской деревушкѣ снился тотъ же вѣщiй, золотой сонъ о славянскомъ единствѣ, что и Коллару:

Беззвѣздная полночь дышала прохладой.
Крутилася Лаба, гремя подъ окномъ.
О Прагѣ я съ грустною думалъ отрадой,
О Прагѣ мечталъ, забываяся сномъ.

Мнѣ снилось: лечу я. Орелъ сизокрылый
Давно и давно бы въ полетѣ отсталъ,
А я, увлекаемъ невидимой силой,
Все выше и выше взлеталъ.

И съ неба картину я зрѣлъ величаву:
Въ убранствѣ и блескѣ весь западный край,
Мораву, и Лабу, и дальнюю Саву,
Гремящiй и синiй Дунай.

И Прагу я видѣлъ и Прага сiяла,
Сiялъ златоверхiй на Петшинѣ храмъ.
Молитва славянская громко звучала
Въ напѣвахъ, знакомыхъ минувшимъ вѣкамъ.

И въ старой одеждѣ святого Кирилла
Епископъ на Петшинъ всходилъ,
И слѣдомъ валила народная сила,
И воздухъ былъ полонъ куреньемъ кадилъ.

И клиръ, воспѣвая небесную славу,
Звалъ милость Господню на западный край,
На Лабу, Мораву, на дальнюю Саву,
Гремящiй и синiй Дунай.

Очевидно, выбиваясь изъ одной и той же глубины, мысли и чувства Коллара и Хомякова лежали въ плоскости не интересовъ, а идеаловъ. Были они не расчетливымъ исчисленіемъ выгодъ, а свободной лирикой души. Душа же звала ихъ, славянъ, къ созданію всечеловѣческаго счастья. Хомяковъ въ своей поэзіи оставался въ области только идеаловъ. Колларъ въ своей брошюрѣ указалъ и на первые практическіе шаги, необходимые для ихъ осуществленія.

IV.

Ожидая отъ славянства новой эры въ исторіи человѣчества, и Колларъ, и Хомяковъ главную роль при этомъ, хотя и не въ равной мѣрѣ, отводили дальнему сѣверу, Россіи. У Хомякова это понятно. У Коллара это было слѣдствіемъ причинъ столько же общихъ, сколько личныхъ.

Чешско-русскія связи съ ихъ внутренней стороны объяснены еще недостаточно, но и теперь уже несомнѣнно, что славянская идея въ первое время для чеховъ несомнѣнно являлась sub specie Россіи. По словамъ Якова Малаго даже „мысли будущихъ декабристовъ о славянской федераціи были хорошо извѣстны въ Чехіи и въ натурахъ сангвиническихъ возбуждали преждевременныя, ничѣмъ не оправданныя надежды". Еще болѣе обаянія, особенно послѣ 1812-го года, возбуждала оффиціальная Россія. Дѣлали свое дѣло и непосредственныя соприкосновенія съ русскимъ народомъ.

Колларъ былъ родомъ изъ села Мошовцы Турчанскаго округа, а отсюда издавна ходили на Русь словацкіе коробейники Изъ ихъ среды происходила мать поэта, и уже отъ нея могъ слышать будущій поэтъ всеславянства о Россіи. Послѣ первой французской войны онъ имѣлъ случай и самъ столкнуться съ русскимъ народомъ лицомъ къ лицу: черезъ родные его Мошовцы, возвращаясь на родину, проходили казаки. Напуганный мадьярскими разсказами о „москаляхъ", мальчикъ сначала забился-было со страху въ уголъ и боялся показаться имъ на глаза. Но когда онъ увидѣлъ добродушныя, веселыя лица, услышалъ оживленный казацкій говоръ и раздались передъ нимъ разудалые звуки русской пѣсни, въ которой такъ много было близкаго его словацкой душѣ, онъ осмѣлился и подошелъ поближе къ солдатамъ. Тѣ взяли его на руки, цѣловали, гладили, дали русскихъ денегъ, а казацкій атаманъ (hejtman), Иванъ Даниловъ, одѣлъ его по

военному, перепоясалъ саблей, посадилъ на коня и провезъ по деревнѣ. Мальчикъ былъ въ восторгѣ и послѣ не могъ уже безъ негодованія говорить о мадьярахъ, которые распускали нелѣпые слухи о русскихъ „людоѣдахъ". Безъ сомнѣнія, эта встрѣча была для Коллара однимъ изъ тѣхъ впечатлѣній, которыя ложатся въ основу нашего міровоззрѣнія. Въ Іенѣ студентомъ богословія онъ близко сошелся съ двумя русскими слушателями университета Карасевыми и ихъ воспитателемъ. Отъ этого послѣдняго научился онъ по-русски и любилъ по воскресеньямъ съ семьей любимой имъ дѣвушки, дочери лютеранскаго пастора, родомъ изъ сербскихъ Лужицъ, ходить въ недалекій Веймаръ слушать въ тамошней православной церкви славянскую обѣдню. „Злые люди— жалуется онъ въ одномъ изъ сонетовъ—давно уже погубили тутъ славянскую рѣчь, и мы любили, бывало, въ воскресенье ходить на службы Божьи въ Веймаръ. Русскіе къ приданому за своей царевной присоединили тамъ одинъ чудный даръ: дали славянству прекрасный храмъ. Тамъ лелѣяли мы нашъ слухъ и душу плѣнительными звуками славянской рѣчи, которые съ восторгомъ хвалитъ и самъ нѣмецъ. Тамъ я, стоя за своей милой, а она за своей матерью, горячо и благоговѣйно молились въ кругу нашихъ русскихъ братьевъ и сестеръ". Такъ на берегахъ Салы на яву исполнялся познанскій сонъ Хомякова.

Мечта Коллара увидѣть Россію не осуществилась, но Россію онъ узналъ и полюбилъ въ сочиненіяхъ лучшихъ нашихъ писателей. Въ объясненіяхъ къ сонетамъ „Дочери Славы", составляющихъ цѣлый особый томъ его сочиненій, видно вдумчивое изученіе русской жизни, а въ самихъ сонетахъ непритворная любовь къ ней. Въ одной 4-ой пѣснѣ воспѣто около тридцати самыхъ разнообразныхъ русскихъ дѣятелей, начиная отъ государей давнихъ и новыхъ, Александра I и Николая и кончая простыми казаками. Если бы собрать всѣ посвященные Россіи сонеты, получилась бы пышная гирлянда цвѣтовъ, цѣлый апоѳеозъ русской славы. Возьмемъ изъ нихъ два. Въ одномъ прославляется Державинъ:

На вольныхъ просторахъ славянскаго рая
Тамъ башня подъемлется вся изъ фарфора
И очи плѣняетъ красою узора.
Въ той башнѣ сидятъ за столомъ отдыхая

Владыка Японьи, властитель Китая.
И чаю душистаго имъ наливаютъ
И пуншемъ обоихъ ихъ тамъ угощаютъ.
За что же имъ выпала почесть такая?

За то, что славянъ они геній почтили,
За то, что о Богѣ Державина оду
На благо и пользу родному народу

Родимымъ пѣвцамъ перевѣсть поручили.
На лентѣ виситъ она тамъ надъ вратами,
Донынѣ сверкая стиховъ жемчугами.

Въ другомъ Колларъ собираетъ во едино всѣхъ славянскихъ поэтовъ, чтобы, согласно со своей любимой мечтой, составить изъ нихъ одинъ стройный хоръ:

А далѣе тамъ подъ бесѣдкой другою
Пѣвцы собралися всѣ дружной семьею,
Сыны вдохновенія, гордость славянъ,
Люмиръ, и Ломницкій, и вѣщій Баянъ.

Какъ брата, Гундулича Зàбой встрѣчаетъ,
Съ Завишей бесѣдуютъ Качичъ, Красицкій;
Вороніча сербскій епископъ Мушицкій,
Державина лаврами Вэнжикъ вѣнчаетъ.

Всѣ вмѣстѣ, всѣ дружбою связаны братской,
Тамъ Голый и Грýшковичъ, Здàрадъ, Жуковскій,
Водникъ, Ломоносовъ и Янъ Кохановскій.

Тамъ Бунина Анна съ Эльжбетой Дружбацкой,
И славятъ, забывши о злобѣ людской,
Ихъ райскія струны: — согласье, покой!

Оба сонета принадлежатъ къ тому времени, когда творческое вдохновеніе Коллара уже пало. Они дороги намъ только какъ далекій отголосокъ русской славы. Но есть у него сонеты, гдѣ сила чувства равна силѣ вдохновеннаго выраженія. Таковъ знаменитый сонетъ о московскомъ пожарѣ, превосходно переведенный Н. В. Бергомъ:

Краса всего полуночнаго края,
Мать Руси всей, и сердце, и глава,
Стоитъ золотоверхая Москва,
Крестами блеща и играя.

Вдругъ занялася пламенемъ она,
Реветъ пожаръ отъ края и до края,
Дома, чертоги, хаты пожирая,
И запылалъ дворецъ Растопчина...

Погибли созданія столѣтій!..
Скажи, зачѣмъ ты свѣточъ сей зажгла?
„Чтобы яснѣй вселенная прочла

Исторію мою при этомъ свѣтѣ
И знала бъ, чѣмъ для Руси я была
И каковы мои родныя дѣти!“

Лютеранинъ и больше поэтъ, чѣмъ философъ, не могъ Колларъ придти къ сознанію религіознаго призванія Россіи, въ которое вѣрилъ Хомяковъ, но сердцемъ онъ понялъ, онъ почувствовалъ духовную силу и красоту Россіи: такъ писать о Москвѣ могъ только человѣкъ намъ близкій, родной.

V.

При жизни Коллару „не свѣтила людской молвы привѣтная волна“. Онъ сѣялъ безъ надежды увидѣть всходы своихъ посѣвовъ. Но были въ его жизни минуты, когда, точно въ свѣтлые прорѣзы между сѣрыхъ тучъ, глянула на него голубая и свѣтлая даль ожидаемаго имъ будущаго. Объ одной изъ такихъ минутъ онъ разсказалъ намъ въ своемъ путешествіи по Италіи.

Это было у озера Гарда. Пріѣхавъ въ Дезенсано, отправился онъ со своими спутниками на островъ Сирміонъ, и тутъ нежданно-негаданно какъ-то само собою устроилось у нихъ славянское торжество. Благовонная итальянская ночь приносила имъ дыханіе лимонныхъ и гранатовыхъ деревьевъ. На небѣ сіялъ полный мѣсяцъ, и ярко свѣтили звѣзды; о берегъ съ плескомъ ударялись синія волны озера. Они были на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда жилъ и пѣлъ Катуллъ. И мимовольно почувствовали они и на себѣ налетъ поэтическаго вдохновенія. Коллару пришли на мысль стихи Катулла Ad Sirmionem, а затѣмъ кто-то затянулъ чешскую пѣсню. За ней послѣдовала сербская, русская, польская, словацкая. Мѣстные жители, въ которыхъ Колларъ хотѣлъ видѣть потомковъ „славо-вендовъ“, стоя вокругъ съ факелами, огнистый свѣтъ которыхъ озарялъ ихъ лица, сперва съ изумленіемъ смотрѣли на своихъ гостей, а потомъ сами присоединились къ ихъ хору, и далеко понеслись по воздуху звуки славянской пѣсни. Одинъ изъ спутниковъ началъ пѣть славу Италіи, Катуллу, озеру Гарда, „славо-вендамъ“, Славіи, Добровскому, всѣмъ вѣрнымъ сынамъ Славы и поименно вспомнили всѣхъ славянскихъ дѣятелей.

Изъ нашихъ они помянули между прочимъ Погодина:

Sláva mu, sláva mu,
Pogodinu našemu!
At' žije, at' žije
Pogodin naš, at' žije!

Думалъ ли Погодинъ, сидя на своемъ Дѣвичьемъ полѣ, что тамъ далеко, подъ кровомъ благоухающей итальянской ночи разносится ему слава? Колларъ писалъ, что это была одна изъ блаженнѣйшихъ минутъ его жизни. Мечты! Да, но если бы не возникало у людей такихъ мечтаній, тиной затянулась и заросла бы вся наша жизнь, и грустно и безотрадно стало бы на землѣ...

Почти цѣлыя сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ увидѣла свѣтъ „Slávy Dcera“. Уносясь мыслью въ будущее, Колларъ писалъ когда-то:

Черезъ сотню лѣтъ, о братья, что-то будетъ
Изъ насъ славянъ? Что будетъ въ свой чередъ
Съ Европою? Въ нашъ токъ воды прибудетъ,
И жизнь славянъ не весь-ли міръ зальетъ?

И нашъ языкъ, что нынѣ лживо судитъ
Нѣмецкій судъ и рабскимъ вкривь зоветъ,
Изъ устъ враговъ заслышится, разбудитъ
Дворцовъ ихъ эхо — и гудѣть пойдетъ!

Славянскимъ русломъ знаніе польется,
И въ моду бытъ славянскій весь вполнѣ
Надъ Сеною и Лабою введется...

О, лучше бы тогда родиться мнѣ
И вольной жизни плыть по океану!
Но — я еще тогда изъ гроба встану!

И правда: многое изъ того, что когда-то казалось пустой и необоснованной мечтой, теперь стало реальностью. Выросло и окрѣпло славянство, и не безъ помощи Россіи поднялись и встали на работу два новыхъ славянскихъ государства, Сербія и Болгарія. Славянскою стала когда-то нѣмецкая по виду Прага, и давно уже славитъ свои тріумфы на берегахъ Сены славянское искусство, всемірное значеніе котораго Колларъ предсказалъ въ то время, когда оно еще было въ пеленкахъ. Точно во исполненіе программы, указанной Колларомъ въ концѣ статьи о литературной взаимности славянъ, изучается въ университетахъ славяновѣдѣніе, возникаютъ общеславянскіе литературные журналы, издаются грамматики и словари всѣхъ славянскихъ нарѣчій, собираются народныя пѣсни, поговорки, пословицы, устраиваются славянскіе съѣзды. Колларъ не умеръ—онъ живетъ среди насъ. И будетъ, какъ и Хомяковъ, жить еще долго, потому что, какъ ни много сдѣлано, но еще больше осталось сдѣлать. Еще только вырабатывается во

взаимныхъ встрѣчахъ, но еще не выработано общеславянское самосознанiе и, хотя съ освобожденiемъ Сербiи и Болгарiи, славянская взаимность вышла уже за предѣлы, начертанные Колларомъ, но еще до сихъ поръ не существуетъ сколько-нибудь опредѣленной славянской политической программы. Все еще бродитъ по распутьямъ славянская мысль, и готовы мы бить поклоны передъ нѣмецкой культурой, какъ въ началѣ прошлаго вѣка били ихъ передъ французами. Но тогда, по крайней мѣрѣ, наши предки хотя говорили по-французски, но любили по-русски. Въ настоящее время нѣмецкое влiянiе глубоко измѣняетъ самый строй нашихъ мыслей. Такъ, современныя нацiоналистическiя теченiя являются полнымъ отрицанiемъ всего того, чему мы учились у нашихъ лучшихъ писателей, что привыкли любить и уважать съ дѣтства. Нашъ теперешнiй нацiонализмъ—это яркое отраженiе нѣмецкаго гакатизма и несмотря на то, что съ его устъ не сходятъ слова о пользѣ Россiи, онъ не болѣе, какъ безсознательный служка нѣмецкихъ интересовъ и по-истинѣ иногда даже страшно становится, какою тиною затягивается русская жизнь. Но подъ этой зарослью бьютъ старые, чистые ключи, и, если отстранить тину, видишь, что, какъ во времена Коллара и Хомякова, славянская мысль, несмотря на всѣ отклоненiя въ сторону, и теперь не помирится на идеалѣ меньшемъ, чѣмъ тотъ, который зоветъ въ общiй храмъ *всѣ* народы. И въ томъ, что свое, славянское, племенное и народное, оба наши поэта утвердили на этомъ единственно прочномъ, всечеловѣческомъ основанiи, лежитъ непреходящее значенiе ихъ обоихъ.

Словаки.

Стихотвореніе Свѣтозара Гурбана-Ваянскаго.

Что за шумъ и крики?
Что за вереница
Тянется дорогой?
Испитыя лица,

Безъ кровинки губы
Запеклись отъ жажды.
Поглядитъ и вчужѣ
Прослезится каждый.

Какъ подъ осень гуси,
Въ путь спѣшатъ далекій.
Съ Богомъ, край родимый!
Здравствуй, свѣтъ широкій!

Изъ дому ихъ голодъ
Гонитъ на чужбину.
Бѣдность плетью жесткой
Подгоняетъ въ спину.

За краюшку хлѣба,
За свою недолю
Отдаются сами
Въ тяжкую неволю.

О, словаки-братья,
О, родное племя,

Тяжкое досталось
Вамъ на долю бремя!

Васъ не позабыли,
Всѣмъ васъ надѣлили,
Холодомъ согрѣли,
Голодомъ вскормили,

Напоили желчью,
Тряпкою одѣли,
Твердый камень дали
Вамъ вмѣсто постели.

И за вашу вѣрность,
За труды за многи —
Нынѣ вамъ готовятъ
На погостѣ дроги.

Вамъ готовятъ дроги,
Но Богъ сильный съ нами,
И враги на эти
Дроги лягутъ сами.

Всероссийская публичная библиотека

У словаковъ.

I

Если ѣхать къ словакамъ черезъ нашу Границу, Богуминъ (Oderberg) и Тѣшинъ, то первою словацкою, а вмѣстѣ и венгерскою станціей будетъ здѣсь Чаца. Это—маленькое мѣстечко, откуда приходятъ къ намъ со своими проволочными издѣліями разносчики-словаки. На площади стоитъ каменный, облицованный мраморомъ столбъ съ бюстомъ Франца-Іосифа. Это — памятникъ въ честь тысячелѣтія мадьярскаго государства съ надписью, начинающейся характерными словами: Madyar istene (мадьяръ иштене), Богъ Мадьяровъ. Не успѣли вы еще сдѣлать шага на словацкой землѣ, какъ уже васъ встрѣчаютъ утвержденіемъ: „здѣсь нѣтъ никакой словацкой земли; это— тысячелѣтнее мадьярское государство — Madyarország“. Второй послѣ нѣмцевъ противникъ славянства, мадьяре, сразу открываетъ свое лицо.

Отъ Чацы всего нѣсколько минутъ ѣзды до Жилины (нѣмецкое Sillein, мадьярская Жольна—Zsolna). Отсюда дорога развѣтвляется. Одна ея вѣтвь по очаровательной долинѣ Вага направляется черезъ Тренчинъ и Трнаву на западъ, къ Вѣнѣ, проходя по словацкой землѣ вплоть до самаго Пресбурга; другая, проскользнувъ черезъ узкое и живописное ущелье Стречна, идетъ черезъ Врутки (Ruttka), Ружомбергъ и Липтовскій святой Микулашъ на востокъ къ Кошицамъ (Koschau) и Пряшеву (Eperies), гдѣ словацкія поселенія перемѣшиваются уже съ русскими. Все время поѣздъ бѣжитъ по южнымъ склонамъ Татръ. Здѣсь вслѣдъ за липтовскимъ св. Микулашемъ есть въ горахъ станція Чорба (Csorba)—маленькій вокзальчикъ, чуть не платформа въ пустын-

ной и лѣсистой мѣстности. Здѣсь стоитъ однако остановиться: отсюда идетъ вверхъ зубчатая дорога къ Штрбскому плесу, самому очаровательному изъ татранскихъ озеръ, тѣхъ бездонныхъ, какъ море „морскихъ очей“, которыми съ высоты Татръ, смотрится въ небо наша земля.

Первое впечатлѣніе не изъ пріятныхъ. Въ вагонѣ только мадьяре или мадьярскіе евреи. Вокругъ стоитъ невразумительный, трескуче-раздѣльный по слогамъ мадьярскій говоръ и назойливо крикливо лѣзетъ прямо въ глаза мадьярскій патріотизмъ. Всюду мадьярскіе народные цвѣта. Даже брошка у сидящей напротивъ дамы—красный цвѣточекъ съ зелеными лентами на бѣломъ полѣ. Въ пряшевской гостиницѣ даже стаканы и тарелки, украшенные бѣло-зелено-красной эмблемой мадьярства, спѣшатъ удостовѣрить васъ: „мы мадьярскіе патріоты“. Но чѣмъ назойливѣе эта выставка на публичный видъ своего патріотизма, тѣмъ больше контрастъ ея съ окружающей насъ словацкой природой. Видъ Татръ здѣсь торжественно-величественъ и спокойно суровъ. Душа человѣка, подымаясь къ Богу, становится строже, и строго смотрятъ на насъ подымающіяся вслѣдъ за нами въ гору темныя ели:

Отлетаетъ пыль земная
Воздухъ чище и свѣжѣй,
И синѣетъ голубая
Даль невѣдомыхъ полей.

Еще минутъ десять, и вагонъ остановился. Подъ нами вся въ синей мглѣ утонула долина, а впереди сквозь густое кружево темно-зеленыхъ махровыхъ вѣтвей блеститъ свѣтлая гладь татранской красавицы, которую сторожатъ заколдованные, всѣ въ тучахъ, великаны горъ. Это Штрбское плесо. Кто видѣлъ ослѣпительно сверкающую феерію лазурныхъ красокъ на озерѣ Лемана, кто смотрѣлъ памятники битвъ за свободу на темномъ водоемѣ четырехъ кантоновъ, того не поразитъ наше Штрбское плесо. Но феерія хороша лишь на короткое время — слишкомъ безпокойна чрезмѣрная напряженность ея красокъ — и грустны берега Фирвальдштетерскаго озера. Точно отвоевалъ Телль Швейцаріи свободу и теперь навсегда замкнулась она, ограниченно-довольная, въ вѣковѣчныхъ и узкихъ стѣнахъ своихъ мрачныхъ горъ. Но спокойно и ровно лежитъ въ глубокомъ лонѣ своемъ Штрбское озеро. Не знаетъ оно бурь, не вѣдаетъ про людскія битвы и страсти, далека отъ него суета разряженной людской

толпы въ Montreux и Clarens и одно только голубое небо отражаетъ оно въ невозмутимо свѣтломъ зеркалѣ своихъ водъ. Здѣсь природа первобытна и проста, какъ душа населяющаго этотъ край словацкаго народа.

Дорога къ новому, болѣе высокому Попрадскому озеру еще первобытнѣе. Каменной груди горъ здѣсь не прорѣзали желѣзнодорожные рельсы. Надо идти пѣшкомъ. Тропинка вьется сперва подъ густою и влажною сѣнью сосноваго бора, потомъ ночь становится свѣтлѣе: изъ-подъ навѣса деревьевъ она взбирается на гору. Направо глубоко-глубоко разверзлась пропасть, налѣво вздымается недоступная круча горы. Посмотришь внизъ: — тамъ долина, точно еврейское кладбище, вся избуравлена сѣрыми камнями, а среди нихъ, точно вѣдьмы, присѣли съ искривленными вѣтвями, всѣ въ сѣро-зеленой плѣсени блѣдно-зеленыя пихты. Взглянешь на другую сторону, вверхъ: тутъ—карабкаются на гору ёлки, ползутъ и сосны, низенькія, кустистыя, какъ крыжовникъ; чуть не прямо отъ земли уже расходятся ихъ вѣтви и крадутся, какъ бы желая обмануть гору, но напрасно; недобраться имъ до вершины. Она — голая и на ея неприступной высотѣ покоятся только тучи. Вотъ солнце выглянуло изъ-за тумана и на мигъ озолотило ея вершину. Глушь. Кустъ дикой малины нависъ надъ тропинкой. Столѣтняя сосна упала черезъ дорогу. Никто ея не возьметъ отсюда и гніетъ она даромъ. Такая тишь, что не шелохнется вѣтка, но гдѣ-то вдали—такъ кажется—гудитъ-шумитъ вѣтеръ, и рвется и бушуетъ на просторѣ, точно нѣсколько поѣздовъ желѣзной дороги, пыхтя и шумя стальными колесами, спѣшатъ куда-то въ даль. Это потокъ. Бѣжитъ онъ и прядаетъ съ камня на камень, падая съ высоты на дно долины. Сквозь темныя вѣтви елокъ тамъ и сямъ пробивается его бѣло-прозрачная пѣна и свѣтится бурно-неистовый бѣгъ. Вотъ и онъ. Переходимъ по легкому мостику на другую его сторону и взбираемся выше и выше, но чѣмъ выше мы хотимъ подняться на небо, тѣмъ круче и громаднѣе преградою выростаетъ съ боку стѣна горы. Маленькій, изнѣженный мальчикъ, что взбирается съ отцомъ, уже заплакалъ и не хочетъ идти. Полная дама давно сняла жакетку и, съ трудомъ дыша, опирается на плечо своего спутника. Но высота не берется легко.

Выше и выше! И вотъ наконецъ въ маленькой котловинѣ среди горъ глубокое, темно-стального цвѣта Попрадское озеро. Зелени уже почти нѣтъ. Два часа, а съ горъ дуетъ уже не свѣжій, а рѣзкій холодный вѣтеръ. А горная тропинка вьется

и дальше, на новую, почти безлѣсную гору, въ ложбинахъ которой бѣлѣется снѣгъ. Тамъ Жабье озеро, а надъ ними голые камни горныхъ утесовъ, а еще выше уже только одна синева неба да свободно и вольно парящій въ ней зоркій татранскій орелъ.

Еслибы взлетѣть вмѣстѣ съ нимъ надъ высокими вершинами Татръ, передъ нами раскрылась бы какъ на ладони все прекрсное Словенско, какъ называютъ словаки свой родной край, и мы бы увидѣли, какъ изъ горныхъ ущелій расходятся во всѣ стороны долины и вмѣстѣ со словацкими рѣками, Вагомъ, Нитрой и Грономъ, вливаются въ широкую мадьярскую равнину и въ ней исчезаютъ. Прямо передъ нами Липтовская столица; на востокъ Кошицы и Пряшевъ, гдѣ убогія хаты и обвалившійся плетень уже показываютъ близость русскаго народа. Съ Запада тутъ же о бокъ подымаются живописныя взгорья Оравы, на югъ отъ нея Турчанская долина, еще южнѣе воспѣтая Сладковичемъ Дѣтва и Зволенъ, а на юго-западѣ разрушенный замокъ Тренчина, извѣстные своими цѣлебными водами Пиштяны, Трнава, высокіе храмы стародавней Нитры, красавецъ Вагъ, быстрый и вольный, что широко расплеснулся по песку и нѣжится въ заводяхъ на жаркомъ солнцѣ, и наконецъ, на самомъ краю подъ крѣпостью Пресбурга свѣтлая лента Дуная, окаймленная густо разросшейся по низинѣ ольхой.

Сколько разнообразія и красоты! И какъ только спустишься съ суровыхъ татранскихъ кручъ сколько мягкости въ этомъ горномъ пейзажѣ! Швейцарія! Да развѣ можно ее сравнивать съ этими татранскими долинами и въ особенности съ долиною Вага. Въ Швейцаріи — камень, камень и камень, а наверху на каменныхъ глыбахъ холодный снѣгъ. Ямы безъ всякаго проблеска въ даль. Быстро несутся, прыгая и сердясь, швейцарскія рѣки. Это — невольники въ оковахъ горъ, и что же можетъ роднить душу въ ея высшихъ требованіяхъ съ этимъ потокомъ, быстро низвергающимся внизъ по камнямъ? Кого освѣжитъ, кого успокоитъ и ободритъ его холодная струя? Киньте въ нее цвѣтокъ: въ мигъ онъ будетъ измятъ и безжалостно закрученъ водоворотомъ. Не таковъ Вагъ. И его теченіе не медлительно: быстро несутся длинные плоты. Громадное весло недвижно: ихъ несетъ рѣки глубина! И уноситъ въ даль безъ конца! И какъ мягко и нѣжно огибаетъ рѣка песчаныя отмели, гдѣ на зеленой травѣ цѣлыми стадами разлеглись на привольи гуси, а маленькій, босоногій словаченокъ пасетъ ихъ, размахивая кнутикомъ. Коровы

вошли въ воду и выйти имъ не хочется изъ рѣки: такъ пріятно щекочетъ ея мягкая прохлада. А по бокамъ такъ же волнисто-мягко то зеленыя, то всѣ золотыя отъ спѣлой ржи уходятъ въ даль легкія горы, какъ будто даже и не горы, а только волнистые холмы. Здѣсь есть просторъ, здѣсь есть дали, соединеніе непреклонной твердости въ каменныхъ гранитахъ Татръ съ широтою равнинныхъ кругозоровъ. И не случайно именно здѣсь, среди словацкаго народа, выросла и окрѣпла мечта объ единствѣ всего славянскаго племени:

Съ неприступной дали
Татры намъ сказали,
Татры вѣковыя:
Братья вы родные.

Кость и кровь едина,
Будьте-жъ во едино.
За родную братью
Встаньте дружной ратью".

Слово то потоки
Слышали глубоки
И снесли въ долины,
Въ свѣтлыя равнины.

Пѣсня ихъ до моря
Докатилась вскорѣ
И ее, сверкая,
Зыбь поетъ морская.

А съ Днѣпаръ, съ Урала
Эхо зазвучало
И отвѣтнымъ эхомъ
Отдалося къ чехамъ.

И горда недаромъ
Татра вѣщимъ даромъ:
Внемлетъ ей, высокой,
Цѣлый свѣтъ широкій.

Такъ! Сосѣдя со всѣми славянскими народами,—на западѣ съ чехами, на сѣверѣ съ поляками, на востокѣ съ Русью и даже на югѣ отдѣльными прерывающимися поселеніями соприкасаясь съ юго-славянами,—словаки не напрасно считаютъ себя центральною силою славянства, спаивающимъ его въ одно цѣлое цементомъ. Первую пѣснь о всеславянствѣ пропѣлъ намъ уроженецъ татранскихъ долинъ Колларъ. Это сынъ Татръ, Шафа-

рикъ, вскатывая камень на камень, заложилъ твердую основу для общеславянской исторіи въ своихъ „Славянскихъ Древностяхъ“. Hej, Slované, ještě naše Slovanská reč žije! Эти слова нашего общеславянскаго гимна создалъ словакъ Томашикъ, и не на берегахъ ли Вага родилось всеславянское ученіе Штура? До чего сильно въ словакѣ племенное чувство, видно и теперь: упомянувъ какъ-то о томъ, что поляки берутъ у словаковъ сѣверную Ораву, современный „батько“ словацкаго народа, Свѣтозаръ Гурбанъ-Ваянскій замѣчаетъ: „Что-жъ! Пусть и такъ! Во всякомъ случаѣ мы можемъ утѣшиться: наши братья останутся въ нѣдрахъ одной и той же семьи“.

Но словаки сильны не только племеннымъ сознаніемъ, но и тѣмъ содержаніемъ, которое они въ него влагаютъ. Одинъ изъ благороднѣйшихъ представителей западно-славянской мысли, чешскій писатель, но словакъ родомъ, Масарикъ вотъ какъ опредѣляетъ въ книгѣ „Česká otázka“ задачи славянскаго генія: „Цѣль каждаго изъ насъ въ отдѣльности и всѣхъ вмѣстѣ, наша народная программа — это человѣчность (humanita). И съ этой цѣлью должна согласоваться и наша тактика. Человѣчность должна быть достигнута гуманитарными средствами:—просвѣщеннымъ разумомъ и теплотою сердца. Не насиліемъ, но миромъ, не мечомъ, но плугомъ, не кровью, но работой, не смертью, но жизнью идти къ жизни—вотъ наша задача, вотъ смыслъ нашей исторіи, завѣтъ нашихъ великихъ предковъ“.

Къ этому слѣдовало бы прибавить только одно, что самая человѣчность, чтобы быть такою, нуждается еще въ высшемъ оправданіи. Надо, чтобы вся жизнь наша шла въ согласіи съ Высшей Правдой и чтобы не только сталъ надъ нами Богъ, но чтобы мы Его сами приняли въ сердца и всею жизнью своей поднялись ввысь, какъ тянутся къ свѣту всѣ жизненныя силы цвѣтка. Но чего не досказалъ ученый идеологъ современнаго славянства, дополняетъ простой словацкій народъ, изъ котораго онъ вышелъ. Мелочь это, но поглядите, какъ называются у словаковъ города: Липтовскій святой Микулашъ, Турчанскій св. Мартинъ, св. Георгій, св. Андрей, св. Войтѣхъ... Здѣсь обнаруживаются источники словацкой, а вмѣстѣ и общеславянской культуры. Гулкій благовѣстъ съ церковной колокольни, созывая на молитву народъ изъ окрестныхъ деревень, создалъ у стѣнъ христіанскаго храма городъ, положилъ основы гражданственности. И кто захочетъ теперь строить новое зданіе славянскаго единства, пусть высоко подниметъ новое labarum съ вѣчнымъ символомъ

вселенскаго христіанства. Только подъ этою хоругвью могутъ собраться во-едино всѣ славяне.

II.

Какъ всякая идея, и идея всеславянства для своего осуществленія требуетъ жертвъ. Это одна изъ многихъ причинъ, почему она возникла и привилась именно у словаковъ.

Легко было Тютчеву сказать объ алтарѣ св. Софіи:

> Пади предъ нимъ, о, царь Россіи,
> И встань, какъ всеславянскій царь!

Но вѣдь это не одно только простое расширеніе царскаго титула. Это—перевоплощеніе, полная переоцѣнка цѣнностей. И пусть насъ успокаиваютъ, что наше, русское, не потерпитъ при этомъ никакого ущерба, а напротивъ, расцвѣтетъ новою и болѣе яркою жизнью. Люди, а равно и народы, хотя и боятся тѣсной домовины гроба съ его прихлопнутой крышкой, но на самомъ дѣлѣ такъ привыкаютъ къ своему углу, что очень часто страшатся его перемѣнить на широкія и свѣтлыя комнаты. Вотъ почему все, что было сдѣлано нами, русскими, для осуществленія славянской идеи, было не столько сознательнымъ воплощеніемъ ея въ жизнь, сколько непосредственнымъ, стихійнымъ къ нему стремленіемъ. Вотъ почему тѣ славянскіе народы, которые, какъ поляки, особенно цѣнятъ свое историческое прошлое, особенно подозрительно относятся ко всякой проповѣди всеславянства и явно его чураются. Но здѣсь-то и открывается особое преимущество словаковъ, какъ провозвѣстниковъ славянскаго будущаго: изъ всѣхъ славянъ это—народъ наименѣе историческій и, хотя Сасинекъ и старался написать исторію словацкаго народа, но въ сущности вся его исторія доказываетъ только, что у словаковъ не было никакой исторіи.

Въ самомъ дѣлѣ, все историческое прошлое словаковъ почти безъ остатка умѣщается въ немногихъ словахъ народной пѣсни о св. Меѳодіи и Нитрѣ, гдѣ въ первой половинѣ IX вѣка княжилъ Прибина, о Нитрѣ, нѣкогда столицѣ Велико-Моравской державы Святополка. Эту пѣсню и теперь еще, хотя не безъ опаски, поютъ на Татрахъ:

> Nitra, milá Nitra, ty, vysoká Nitra!
> Kdeže su tie časy, v ktorých si ty kvitla?
> Nitra, milá Nitra, ty slovenská máti!

Čo pozrem na tebä, musím zaplakati.
Ty si bola niekdy všetkých krajin hlava,
V ktorých tečie Dunaj, Visla i Morava.
Ty si bola sidlo krála Svatopluka,
Keď ty panovala jeho mocná ruka.
Ty si bola sväté město Methodovo,
Keď tu našim otcom kazal Boie slovo.
Teraz tvoja slava v toni skryta leží:
Tak sa časy menia, tak tento svět beží.

„Нитра, мила Нитра, матушка родная, на тебя мы смотримъ, плача и стеная“...

Но велико-моравская держава Святополка была однимъ изъ тѣхъ историческихъ образованій, которыя, какъ поденки, живутъ только день. Насталъ десятый вѣкъ, и отъ всей славы Святополка осталось только воспоминаніе. Въ 907 году въ битвѣ подъ Пресбургомъ Великая Моравія пала отъ руки поселившейся еще въ концѣ IX вѣка у Тисы дикой азіатской орды мадьяръ. Спустя полвѣка отняли ее у мадьяръ чехи, потомъ короткое время владѣлъ ею Болеславъ польскій Храбрый, пока наконецъ въ 1031 году она не перешла окончательно къ венгерскому королю, св. Стефану. Клиномъ врѣзались мадьяре въ самую середину славянства и навѣки разъединили его югъ отъ сѣвера.

Сначала, встрѣтившись въ лицѣ славянства съ болѣе высокой культурой, мадьяре мимовольно во многомъ ей подчинились: если взять старый мадьярскій словарь, болѣе трети корней окажутся славянскими, и теперь еще среди невразумительнаго мадьярскаго говора вдругъ выскакиваютъ знакомыя слова: а sapka (мадьярское s читается, какъ русское ш), az oblok, terem, korczma (корчма). Не славянскихъ ли воззрѣній широта слышится и въ знаменитомъ наставленіи св. Стефана его Эмерику: „Quis Graecus regeret Latinos graecis moribus, aut quis Latinus regeret Graecos latinis moribus (Какой грекъ станетъ управлять латинянами по греческимъ обыкновеніямъ и обратно)?“ Славянскій духъ чуется и въ полномъ равноправіи, которое Стефанъ далъ всѣмъ своимъ народамъ безъ исключенія, считая что „государство съ однимъ языкомъ и одними нравами слабо и хрупко“ (unius linguae uniusque moris regnum imbecille et fragile est). У славянъ же, какъ народа болѣе другихъ культурнаго, заимствовалъ онъ для Венгріи всѣ народныя учрежденія, а въ ихъ числѣ сохранившееся еще доселѣ административное устройство по жупамъ или комитатамъ.

Если бы въ мягкомъ и тихомъ характерѣ словака была хоть

въ незначительной долѣ воля къ власти, быть можетъ, изъ побѣжденныхъ они могли бы стать побѣдителями. Но взгляните на эти фигуры, которыя, если вы ѣдете отъ Вѣны, вдругъ цѣлыми толпами появляются на пресбургскомъ вокзалѣ, босоногія, въ черныхъ короткихъ юбкахъ и бѣлыхъ кофточкахъ, съ головой, повязанной бѣлымъ чистымъ платочкомъ. Это словачки. Наши лица. Загорѣлыя, худыя, полны онѣ житейскихъ заботъ, но горькая доля не стерла ни съ ихъ лица, ни съ лица ихъ сыновей, дѣтски радующихся красивымъ вышивкамъ на жилетѣ, особеннаго выраженія: что-то мягкое, нѣжное есть въ немъ. Славяне! васъ зовутъ рабами. Оттого ли вы не умѣете взять въ руки власть, что вы и не хотите ея? Хотите только, чтобы позволили вамъ жить тихо, въ уютѣ семейно-земледѣльческаго быта. А между тѣмъ быстро бѣгутъ курьерскіе поѣзда и ваши сосѣди, люди почина и энергіи, давно уже васъ опередили. Такъ есть теперь, такъ было и раньше.

Покоривъ словаковъ, побѣдители-мадьяре заняли для себя самыя безплодныя мѣста: вѣрно въ уныло-однообразномъ пейзажѣ этихъ „пуштъ“ чуялась имъ родная картина покинутыхъ ими азіатскихъ пустынь. Словакамъ предоставили они жить въ подтатранскихъ долинахъ, рядомъ съ собою, но зато они и не оплодотворили ихъ государственной силой, какъ это сдѣлали болгары со славянами юга. Отнынѣ словацкій народъ сходитъ совершенно съ исторической сцены. Иные словаки съ этимъ не согласны. „Нашъ народъ—пишетъ Свѣтозаръ Гурбанъ-Ваянскій—былъ всюду, гдѣ что ни творилось, всюду обливался потомъ кровавымъ, работалъ, трудился; историческая работа у насъ была, но не было художественнаго чувства, которое бы ее закрѣпило, врыло въ камень, воплотило въ храмы, въ города, выразило въ художественныхъ созданіяхъ“. Да, народъ, конечно, вездѣ былъ и несъ всюду свой кровавый трудъ, но дѣло въ томъ, что былъ онъ не потому, что самъ хотѣлъ быть, а потому, что его водили другіе, и потому-то Сасинекъ, ища крупицъ словацкаго прошлаго, долженъ былъ вмѣсто исторіи словаковъ написать двухтомную исторію венгровъ.

При Арпадовичахъ сѣверо-востокъ Венгріи, т. е. словацкая земля, составляла еще особое удѣльное княжество, которое при жизни короля-отца доставалось обыкновенно въ удѣлъ одному изъ его сыновей. Но потомъ и эта тѣнь самостоятельности исчезла. Словацкій народъ не только ушелъ въ сторону отъ государствен-

наго дѣланія, но и въ соціальной жизни былъ обездоленъ до послѣдней степени.

Вся словацкая земля съ востока до крайняго запада и донынѣ еще усѣяна развалинами средневѣковыхъ рыцарскихъ замковъ. Теперь въ нихъ гуляетъ только вѣтеръ, но когда-то это были твердыни, въ которыхъ притаилось насилье, гнѣзда, которыя настроилъ себѣ человѣкъ, чтобы властвовать надъ человѣкомъ. Послѣ мадьярскаго нашествія высшіе слои словацкаго народа быстро обезнародились и вмѣстѣ съ мадьярской аристократіей образовали особый классъ людей, совершенно оторвавшійся отъ родного края и всею тяжестью эгоистическихъ интересовъ своихъ придавившій низшіе слои народа. Ко всѣмъ замкамъ, въ которыхъ жили эти рыцари, приложимо народное словацкое преданіе о замкѣ въ Чахтицахъ и его властительницѣ, Елизаветѣ Баторій. Старуха эта, желая возвратить себѣ молодость, брала изъ своихъ деревень молодыхъ дѣвушекъ и приказывала переливать въ свои старческія жилы ихъ молодую кровь. Народнымъ трудомъ жило и питалось гордое рыцарство, но мысль о горькой долѣ народной была отъ него далеко.

Разъ только появились какъ будто проблески чего-то иного. Мы говоримъ о палатинѣ Матушѣ Чакѣ, властителѣ многихъ замковъ, который въ самомъ началѣ XIV вѣка послѣ смерти послѣдняго изъ Арпадовичей, Андрея III (1301 г.) соединилъ было подъ своей властью на 11 лѣтъ чуть ли не всю словацкую землю—и Ораву и Липтовъ, и Турецъ, и Зволень, и Тренчинъ съ Нитрой, и Гонтъ съ Новоградомъ, и Тековъ съ Пресбургомъ, и Комарно съ Остригомомъ. Память о немъ такъ крѣпко врѣзалась въ умы, что еще въ законникѣ 1445-го года вся словацкая округа называлась землею Матвѣя—terra Mathiae. Съ жадностью ловитъ словацкій историкъ это мимолетное извѣстіе лѣтописей и во владѣніяхъ Матвѣя Тренчанскаго видитъ признакъ возрождающагося словацкаго государства. Народное преданіе, поэты и романисты рисуютъ его, какъ защитника словацкихъ свободъ и даже православія. Въ такомъ свѣтѣ вывелъ его В. Паулини-Тотъ въ особомъ романѣ „Trenčiansky Matúš". Можетъ-быть, и дѣйствительно въ душѣ Матвѣя жила народная мысль и народное чувство, но это только догадки и почти съ одинаковымъ правомъ можно, пожалуй, думать, что кромѣ силы и онъ мало чѣмъ выдѣлялся изъ ряда другихъ венгерскихъ палатиновъ. А что руководило ими, объ этомъ говорятъ они сами.

Наши туристы ѣздятъ смотрѣть Шильонскій замокъ и руины

замковъ прирейнскихъ. Но по изумительной прихотливости безумно-смѣлыхъ линій, по необыкновенной и поразительной живописности нѣтъ въ Европѣ замка, который бы сравнялся съ Оравскимъ— Arvaváralja. Теперь тамъ мирно пріютился провинціальный музей, но въ костелѣ еще сохранилось пышное надгробіе одного изъ его давнихъ владѣльцевъ съ латинскою надписью: „Comes ille Thurso, quem fama ad sidera tollit....“ Надпись эта примѣчательна. Это— обращеніе къ будущимъ посѣтителямъ пышной гробницы: „Quisquis es et transis, sincera mente precator: floreat in terris semper Thursonia proles“. Вотъ о чемъ они думали, эти глядящіе на насъ съ церковныхъ стѣнъ высокомѣрные палатины, вотъ чего они и отъ насъ хотятъ: „кто бы ты ни былъ, молись, о прохожій, чтобы во вѣки вѣковъ было славно на землѣ племя графовъ Турсонскихъ!“

Если вы взберетесь въ Тренчинѣ на гору, съ которой господствуютъ еще и теперь надъ окрестностью развалины тренчинскаго замка, проводникъ укажетъ вамъ залу рыцарскихъ пиршествъ: еще сохранились въ пустыхъ впадинахъ оконъ пышные гробы, еще время не выѣло всѣхъ слѣдовъ живописи, а прямо подъ этою залою была мрачная и тѣсная тюрьма, гдѣ цѣлыми годами томились враги владѣльца. Точно въ Венеціи, въ палаццо дожей, гдѣ на верху роскошныя картины Паоло Веронезе, который, кажется, простодушно думалъ, что и самъ Христосъ явился только для пышныхъ и великолѣпно одѣтыхъ рыцарей и дамъ, а внизу сырые казематы. Довольство и роскошь, пирующіе, какъ татары подъ Калкой, на костяхъ падшихъ враговъ. А если взглянуть изъ пустыхъ оконныхъ впадинъ туда, гдѣ за зеленью деревьевъ убѣгаетъ вдаль дорога, то тамъ, далеко-далеко, внизу подъ замкомъ увидишь и тѣхъ, чьими руками воздвигнуты эти дворцы-тюрьмы, кто безсознательно давалъ властителю замка силу матеріальную. Тамъ въ убогихъ хатахъ копошилась и копошится misera contribuens plebs, — „жалкая, платящая налоги чернь“. Таково было въ знаменитой своими свободами Венгріи названіе простого народа.

Подъ этимъ названіемъ, безмолвный и безгласный, терпѣливо прожилъ словацкій народъ чуть не тысячелѣтіе, почти до половины XIX-го вѣка.

III.

Первыя искры народнаго самосознанія бросили къ словакамъ чехи.

Уже съ давнихъ поръ чешскій языкъ рядомъ съ господствующею латынью выступалъ иногда у словаковъ въ роли языка

высшихъ классовъ, сто́лицъ и замковъ. Въ половинѣ XV вѣка словацкой землей около двадцати лѣтъ правилъ почти независимо приглашенный королевой Елизаветой для защиты правъ малолѣтняго сына ея Ладислава Янъ Искра изъ Брандиса, родомъ чехъ. И онъ, и Панкрацій изъ св. Микулаша, и полководцы Искры переписывались съ верхнеугорскими словацкими городами по чешски. По чешски же съ 1485 г. велъ городскую книгу городъ Раецъ. Король Матвѣй въ 1483 г. обращался по чешски къ городу Трнавѣ, Стефанъ Запольскій въ 1492 г. на томъ же языкѣ сносится съ Пресбургомъ и даже на угорскомъ сеймѣ договоръ между Владиславомъ и Максиміаномъ былъ прочтенъ по чешски. Простой народъ, конечно, какъ говорилъ, такъ и продолжалъ говорить по словацки, но могущественныя сосѣдскія воздѣйствія коснулись и его. Когда надъ Чехіей пронесся ураганъ религіозныхъ гуситскихъ войнъ, изгнанные изъ родной земли чешскіе братья нашли себѣ убѣжище въ сосѣдней Словачинѣ и вмѣстѣ съ собою принесли къ словакамъ Слово Божье, если не на родномъ, то на родственномъ и каждому понятномъ языкѣ, принесли чешскую Кралицкую библію, которая вмѣстѣ съ позднѣйшимъ канціоналомъ Юрія Трановскаго (Липтовъ, 1635) стала настольною книгою каждаго словака-евангелика. Во времена католической реакціи, особенно благодаря дѣятельности Остригомскаго архіепископа, іезуита Пазмана, католичество опять взяло у словаковъ верхъ надъ протестанствомъ, но въ душу народную чехи бросили все-таки плодотворное сѣмя. Большинство борцовъ за словацкую народность, Колларъ, Шафарикъ, Штуръ, Гурбаны, Халупка, Кузмани, вышли изъ среды евангелической: въ нихъ не умеръ старый гуситскій духъ, „мятежный“ духъ не идущаго на сдѣлки съ совѣстью славянства.

Съ реформаціонными вѣяніями появилась и литература. Первая печатная книга у словаковъ—это лютеранскій катехизисъ 1581 года. Сначала языкомъ литературы былъ языкъ чешскій, но и въ словахъ не своего языка пробивалась уже словацкая мысль, и примѣчательно, что въ самыхъ первыхъ ея робкихъ выступленіяхъ обнаружились уже всѣ идеи, которыя потомъ стали въ словацкой литературѣ господствующими.

Сначала, какъ это всегда бываетъ, духъ народа опредѣлился лишь отрицательно, въ противоположеніи своего, словацкаго, мадьярскому. Это обнаружилось между прочимъ въ сочиненіяхъ Даніила Горчички, иначе Синапіуса, писателя второй половины XVII вѣка. Видно, уже и тогда грубый, властный, но и мужественный, духъ

мадьярства давалъ себя знать женственной и мягкой натурѣ словака, и уже тогда имѣло силу надъ словакомъ мадьярское слово. Знаменитый ученый, членъ Лондонской и Берлинской академій, magnum decus Hungariae, Матвѣй Бель (1684—1749) въ предисловіи къ грамматикѣ Долежала („Grammatica slavico-bohemica, 1746) не нашелъ ничего лучшаго сказать въ похвалу чешско-славянскаго языка, какъ только то, что онъ „въ величавой строгости лишь немногимъ уступаетъ мадьярскому“, hungaricae imperiosa illa servelitate nequiquam concedit. Другой знаменитый словакъ того времени, Петръ Беницкій, издавая въ 1664 г. въ Трнавѣ цѣлую книгу своихъ мадьярскихъ стиховъ, „Beniczky Péter rythmusai“, чешско-словацкія пѣсни свои оставилъ лежать въ рукописи, пока ихъ, какъ своего рода архивный документъ, не издала въ 1873 г. Словацкая Матица. Очевидно, словацкіе юноши уже и въ то раннее время уходили подъ чуждыя знамена. И вотъ какъ бы въ отпоръ этому отщепенству Даніилъ Горчичка въ книгѣ Neoforum latino-slavonicum (1678) обращается съ горячимъ призывомъ къ словацкому юношеству, ко всѣмъ этимъ дворянскимъ фамиліямъ Беницкихъ, Раковскихъ, Затурецкихъ и др., убѣждая ихъ „любить родной языкъ, его стародавность, чистоту, богатство и звучность, и рѣзко порицаетъ „легкомысленныхъ вертопраховъ-отщепенцевъ, у которыхъ гордость помутила разумъ“.

Тогда же явно проявляется и вторая характерная для словацкой литературы идея—всеславянскія стремленія,—и здѣсь народность словацкая находитъ себѣ уже положительное опредѣленіе. Даже гордость центральностью словацкаго языка въ славянствѣ, хотя и въ легкой степени, но пробивается уже въ XVIII вѣкѣ. Сотрудникъ Беля, евангелическій суперинтендентъ, Даніилъ Крманъ (1663—1740) въ своихъ чешско-словенскихъ дистихахъ съ силою и чувствомъ прославляетъ словацкій языкъ, какъ мать всѣхъ славянскихъ языковъ: „Слава тебѣ, преблагій нашъ Господи, что въ великой милости своей не допустилъ ты до конца пасть нашему языку, нашему родному, стародавнему словацкому языку, отъ котораго много пошло на свѣтѣ иныхъ языковъ: и чешскій, и хорватскій, и русскій, и польскій, и моравскій, и болгарскій, и сербскій идутъ отъ него; идутъ и другіе.“

При такихъ гимнахъ словацкому языку странно было видѣть, что онъ остается только на степени народнаго говора, и вотъ возникаетъ новая мысль сдѣлать его орудіемъ письменной рѣчи. Такъ какъ словакамъ-евангеликамъ благодаря ихъ церковнымъ преданіямъ нелегко было порвать съ языкомъ чешскимъ, то и не-

удивительно, что воплощеніе этой мысли въ жизнь стало заслугою католиковъ. Движеніе возникло и разрослось около основаннаго Пазманомъ въ 1635 году католическаго трнавскаго университета и потому предметомъ литературной обработки стало западное трнавское нарѣчіе. Первою книжкою на словацкомъ языкѣ считается Mikuláša Tomášiho pravá katolická ručná knižka (1691). По изданнымъ Михаиломъ Решеткой проповѣдямъ можно видѣть, какъ постепенно росъ и крѣпъ словацкій языкъ въ его борьбѣ съ чешскимъ. Въ концѣ XVIII вѣка уже вполнѣ сознательно, съ ясно опредѣленной цѣлью пользуется имъ, какъ языкомъ литературы, Іосифъ Игнатій Байза въ пятитомномъ сочиненіи своемъ „Krest'ánského katolického náboženstva, které lidu swému wikládal a pre wsseobecný prospech widal, Pjet'dílúw“ (1789—1796). Завершеніемъ всего этого движенія явилась дѣятельность католическаго священника, Антонія Бернолака. (1762—1813). Въ 1787 году въ Пресбургѣ еще молодымъ человѣкомъ выпустилъ онъ двѣ латинскихъ работы о словацкомъ языкѣ: „Dissertatio philologico-critica de literis Slavorum“ и „Linguae Slavicae orthographia“. Къ нимъ въ 1790 г. присоединилась „Grammatica Slavica“. Здѣсь были заложены основы дальнѣйшаго литературнаго развитія и впервые установлено словацкое правописаніе, въ основу котораго Бернолакъ въ связи со всѣмъ направленіемъ созданной имъ школы положилъ начало фонетическое: пиши, какъ говоришь. Но главнымъ и огромной важности трудомъ Бернолака былъ изданный уже послѣ его смерти на средства Рудная и каноника Юрія Палковича шеститомный словарь его: „Slowár Slowenski Česko-Latinsko-Německo-Uherskí“ (Будапештъ 1825-1827 г.), работа тѣмъ болѣе цѣнная, что въ то время, когда она писалась, книгъ на словацкомъ языкѣ почти еще вовсе не было. Въ этомъ смыслѣ это подлинно словарь, записанный изъ устъ самого народа. Бернолакъ воочію показалъ здѣсь всѣмъ богатство и красоту словацкой рѣчи, и мы понимаемъ Рудная, когда тотъ, смотря на дѣло Бернолака, съ гордостью воскликнулъ: „Slavus sum et si in cathedra Petri forem, slavus ero“.

Ученый трудъ Бернолака былъ вмѣстѣ и подвигомъ патріотизма и по праву имя его ставится во главѣ всего этого періода словацкой литературы, во основѣ котораго таилось вначалѣ можетъ-быть и безсознательное стремленіе приблизиться къ народу. Въ этомъ отношеніи изъ всѣхъ писателей Бернолаковской школы особенно заслуживаетъ вниманія имя Юрія Фандли (1754—1810), перваго словацкаго простонароднаго писателя, перваго, кто пред-

восхищая мысли будущихъ „гласистовъ“, понялъ, что надо подать руку помощи народу въ его тяжеломъ повседневномъ, будничномъ трудѣ. Фандли издалъ для народа цѣлый рядъ хозяйственныхъ книжекъ: „Pil'ní domagší a pol'ní hospodár“ Trnava 1792—1800, 5 частей), „Zelinkár“ (1793), „Slowenskí wčelár“ и другія. Завѣтную мысль писателя раскрываетъ посвященіе одной изъ книжекъ. Онъ не ищетъ своей книжкѣ высокаго покровительства у сильныхъ міра сего, какъ это было принято въ старое время. Онъ вручаетъ ее „*Slávnému slovenskému národu*“.

Вотъ ручьи, которымъ суждено было стать началомъ рѣки. Многіе изъ нихъ слабы и еле замѣтны: открыты они только въ наше время прилежной рукой историка, но безъ нихъ не было бы словацкаго возрожденія.

Что искрами сверкало у отдѣльныхъ умовъ, то въ одинъ лучъ соединилъ, давъ синтезъ всей предыдущей словацкой мысли, скромный приходскій священникъ, Янъ Голли (Hollý), иначе у насъ иногда называемый Голымъ (1785—1849). Можно сказать, что онъ первый обдѣлалъ словацкую рѣчь рѣзцомъ художника. Имъ открывается исторія словацкой изящной литературы.

Сельскій пастырь, почти всю свою жизнь не выѣзжалъ онъ за околицу своего прихода, но и въ этомъ тѣсномъ кругу онъ сумѣлъ разглядѣть и сердцемъ обнять всю великую славянскую семью „отъ холоднаго Балта до Адріатики, отъ Лабы до Дона и далѣе за Кавказъ:“

Náš stolebý je Ural, náš Ob, naša Lena ohromná,
Náš Anadír a našlý v časti Kolumba Nuček
Tu všade mój zní hlas, všade od slávika milejšé
Každú chvílu mojich pesne sa ohlasujú.

Человѣкъ тихій и смирный, въ своемъ простомъ сердцѣ словака нашелъ онъ и бросилъ прямо въ лицо родному отщепенству благородныя слова негодованія: „Идите прочь съ моихъ глазъ, ренегаты; идите и несите съ собой на челѣ позорное клеймо предательства“. (Plač Matky Slávy nad odrodilými synami). Онъ воспитался въ духѣ литературнаго лжеклассицизма, но и въ этихъ неестественныхъ формахъ нашелъ однако выходъ для проявленія своей любви къ простому народу и въ цѣломъ рядѣ идиллій (Selanky), написанныхъ въ духѣ Вергилія, какъ ни какъ, но впервые изобразилъ словацкаго овчара. Сливъ въ своемъ художественномъ творчествѣ всѣ ручьи словацкой мысли, онъ восполнилъ ихъ отъ себя обращеніемъ къ прошлому словацкаго народа, изображеніемъ

котораго думалъ онъ воспитать въ своихъ современникахъ любовь къ простому народу. Всѣ три его классическихъ поэмы, „Кирилло-Меѳодіада“, „Славъ“ и Святополкъ“ направлены къ этой цѣли. Скажемъ о немъ словами Свѣтозара Гурбана-Ваянскаго.

„Голли—это не плодъ культуры. Это сынъ безграмотнаго, погруженнаго въ спячку, самого себя незнающаго, первобытнаго народа, но онъ—ключъ, отъ котораго пробилась рѣка культуры и народной жизни. Что было упущено вѣками, то восполнилъ одинъ онъ. Какая ширь, какая гордость, какая увѣренность въ себѣ бьетъ изъ груди этого крестьянскаго сына. И это въ то время, когда съ каждой колокольни звонили словакамъ похоронный звонъ! Голли первый съ большимъ талантомъ высказалъ чародѣйное слово: „словакъ! ты еще живъ, вотъ твое имя, вотъ изъ какого ты племени, вотъ каково твое прошедшее и будущее“. И сказалъ онъ это слово не дидактически, а въ художественной формѣ и потому, писатель милостью Божьею, перешелъ онъ въ народъ и доселѣ еще благословляетъ насъ изъ своей могилы. Мы всѣ его духовныя дѣти“.

Передъ нами первый томъ новаго изданія сочиненій Голли, приготовленный къ печати умѣлой и тщательной рукой Іосифа Шкультети. Эта книга—доводъ культуры словаковъ, ихъ, „патентъ на благородство“. Издать Голли теперь это все равно, что у насъ издать въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ сочиненія Ломоносова безъ надежды, что они разойдутся въ школахъ и просвѣтительныхъ учрежденіяхъ. Голли въ наше время нельзя уже читать: его можно только изучать. Въ 1835 году—годъ изданія „Святополка“—онъ писалъ, какъ у насъ писали въ XVIII вѣкѣ. Но въ свое время его сочиненія сдѣлали великое дѣло: изобразивъ впервые въ ощутительныхъ формахъ художества словацкій бытъ и словацкую исторію, они будили народное сознаніе. Народно-романтическія поэмы ксендза Андрея Браксаториса-Сладковича „Марина“ и „Детванъ“ появились значительно позднѣе, въ концѣ сороковыхъ годовъ. Такимъ образомъ то жизненное, или вѣрнѣе общественное значеніе, которое у другихъ народовъ имѣлъ романтизмъ, у словаковъ выпало на долю ложноклассицизма.

Сѣмена народнаго сознанія, брошенныя рукою классика Голли въ Мадуницѣ надъ Вагомъ неожиданно для самого Голли поднялись романтическимъ всходомъ бурныхъ народныхъ стремленій у Людевита Штура въ Пресбургѣ надъ Дунаемъ.

IV.

Въ то далекое уже отъ насъ время Пресбургъ былъ не тотъ, что теперь. Отъ крѣпостной горы на равнину не тянулись еще широкія улицы съ торчащими повсюду трубами. Но за то не мадьярскій Будапештъ, а именно Пресбургъ, или, какъ его иначе звали Пожонь былъ тогда главнымъ центромъ политической жизни Венгріи. Здѣсь собирался сеймъ венгерскаго королевства, здѣсь сильнѣе чувствовалась и біеніе умственной жизни. И вотъ тогда уже съ самаго начала прошлаго вѣка наблюдательный глазъ могъ замѣтить, какъ въ опредѣленные дни и часы въ узкихъ, взбирающихся на гору улицахъ Пресбурга, гдѣ теперь ютится грязная еврейская бѣднота, неизмѣнно появлялась скромная фигура учителя. Это профессоръ словацкаго языка, Юрій Палковичъ [1]) шелъ давать свои ни для кого не обязательные уроки въ пресбургскій лицей. Съ 1803 до 1825 года, въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ, училъ онъ совершенно безплатно, а потомъ назначили ему наконецъ жалованье въ 38 гульденовъ въ годъ. Это немногимъ больше 30 рублей. Училъ онъ грамматикѣ, стариннымъ реторическимъ упражненіямъ въ слогѣ, а слушали его словацкіе бѣдняки, кому предстояла одна карьера—сельскимъ учителемъ работать за гроши на пользу народную, пока не сойдешь во всѣми забытую могилу. Но эта скромная каѳедра успѣла воспитать для славянства Палацкаго и Коллара, а потомъ съ нея высоко развился и поднялся въ небо такой пламень народнаго чувства, что гасить его пришлось мадьярамъ всѣми силами политической и церковной власти, наивысшими авторитетами государства и церкви, полиціей и генеральнымъ инспекторатомъ евангелической церкви. Да и то не погасили! Правду говоритъ Свѣтозаръ Гурбанъ-Ваянскій: „на воробьевъ и тогда, конечно, не ходили съ пушками. Значитъ тутъ должна была скрываться настоящая, Богомъ вдохновенная народная идея“. (Nálady a vyhľady). Не Палковичъ разжегъ въ сердцахъ этотъ пламень, а одинъ изъ его учениковъ, уроженецъ Тренчанской столицы, Людевитъ Штуръ (род. 1815 г.). Съ 1837 года сталъ онъ помощникомъ стараго Палковича, пока въ январѣ 1844 года мадьяре не отстранили его наконецъ отъ каѳедры.

И было за что! Штуръ былъ однимъ изъ тѣхъ людей,

[1]) Не надо смѣшивать съ вышеупомянутымъ католическимъ каноникомъ въ Остригомѣ, однимъ изъ наиболѣе выдающихся меценатовъ словацкой книги.—

которые появляются на переломѣ исторической жизни, рушатъ всѣ преграды, настроенныя вѣками, и открываютъ людямъ новые пути. Надъ головой его горѣлъ огонь высшаго избранія. Изъ глазъ била энергія. Въ убѣжденномъ голосѣ слышался чистый и безкорыстный идеализмъ аскета, готовность все отдать за правду. Его рѣчь обладала необыкновенной притягательной силой, особенно для молодежи, ибо молодежь, какъ бабочки въ темнотѣ, тянется къ свѣту. Случайная встрѣча на улицѣ, легкій намекъ, два-три вопроса: „ну, что же, учитесь-ли по словацки? какъ думаете послужить нашему народу?“—и изъ юнаго мадьярина, который и думать забылъ, что онъ словакъ, выходилъ боецъ за народные идеалы. Такъ возвратилъ онъ словацкому народу молодого Іосифа Гурбана, своего будущаго соратника въ бурный 48-ой годъ.

Въ лицеѣ шли уроки грамматики, упражненія въ проповѣдяхъ, а на квартирѣ Штура и въ часы загородныхъ прогулокъ гуляли на волѣ и пламенемъ разгорались мечты и думы о томъ, какъ богатство мысли, раскрывшееся въ поэзіи Голли, сдѣлать достояніемъ всего народа, какъ изъ пѣсни слова создать живую пѣсню дѣла. Быстро бѣгутъ свѣтлыя волны Дуная, а то бы онѣ разсказали намъ многое о восторженныхъ рѣчахъ Штура и его молодыхъ друзей. Но помнятъ о нихъ еще и теперь подъ Пресбургомъ зеленыя ольховыя рощи по ту сторону Дуная, помнятъ и мадьяре, которые до сихъ поръ не хотятъ открыть въ Пресбургѣ университета. Штуръ говорилъ, что жизнь это подвигъ, что не о ласкахъ милой и не о семейномъ счастьѣ долженъ думать тотъ, кто хочетъ служить народу, что право на жизнь и свободу надо себѣ заработать самому. Онъ говорилъ, что долгъ тѣхъ, кто выбился изъ нѣдръ народныхъ, сойти въ низины, заговорить съ простымъ народомъ его языкомъ, пробудить въ немъ дремлющія силы. Онъ говорилъ, что передъ натискомъ мадьярства должны смолкнуть всѣ распри и несогласія и, самъ евангеликъ, училъ евангеликовъ, что они должны быть братьями католикамъ, ибо всѣ они сыны одной словацкой семьи. Говорилъ онъ и о другой, болѣе широкой семьѣ всего славянства, и знакомыми намъ нотами нашего славянофильства звучали его рѣчи. Онъ думалъ, что Западъ уже отжилъ свой вѣкъ, вѣрилъ, что свѣтъ придетъ съ Востока, изъ православной и самодержавной Россіи, русскій языкъ признавалъ за общеславянскій,—и не разъ старый Дунай слышалъ рядомъ съ стихами Коллара и Мицкевича немногіе долетѣвшіе до Вага звуки пѣсенъ Пушкина и Хомякова.

Многое съ тѣхъ поръ измѣнилось, многое отзвенѣло без-

поворотно и, когда Гротъ и Ламанскій повторили у насъ недавно изданіемъ книгу Штура „Славянство и міръ будущаго", она взглянула на новыя поколѣнія архивнымъ документомъ. Но въ свое время смѣлыя по неожиданной новизнѣ, горячія по жару убѣжденія рѣчи Штура дѣйствовали неотразимо, могущественно. Вся дальнѣйшая жизнь словаковъ въ значительной мѣрѣ опредѣлилась ими. Въ Пресбургѣ выровнялась пропасть между евангеликами и католиками и оба лагеря дружно пошли рука объ руку во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ народной жизни. Въ Пресбургѣ былъ если не рѣшенъ, то приготовленъ къ полному рѣшенію вопросъ о литературномъ словацкомъ языкѣ и, только продолжая дѣло Штура, Михаилъ Милославъ Годжа своими книгами „Epigenes Slovenicus", „Dobro slovo Slovakom", „Větin o Slovenčině" на твердой основѣ окончательно укрѣпилъ словацкую литературную рѣчь, выбравъ для нея вмѣсто трнавскаго западнаго среднее центральное нарѣчіе. Въ Пресбургѣ въ идеѣ родились и первые органы словацкой періодической печати, и Штуровы „Slovenskje narodnie noviny" съ ихъ литературнымъ приложеніемъ „Orol tatranski", и Гурбановы „Slovenskje Pohl'ady" и „Нитры", и мысль о книгоиздательскомъ обществѣ „Tatrin", позднѣе основанномъ въ Липтовскомъ св. Микулашѣ Годжей [1]). Въ Пресбургѣ были прорваны плотины классическихъ формъ, которыя отдѣляли Голли отъ народа, и члены штуровской дружины, основаннаго въ 1838 г. „Устава", разнесли по своимъ приходамъ, по школамъ и деревнямъ все богатство оставленнаго Голли наслѣдства. Гдѣ только они ни появлялись, тамъ, какъ маякъ, свѣтили они въ окружающей тьмѣ, будя народъ. И во время! Еще въ 1844 году Іосифъ Гурбанъ писалъ въ своей „Нитрѣ": „Эй, вы, бури, скорѣе неситесь на Татры и раздуйте тамъ огни скованнаго духа. Пусть свѣтятъ они міру!" Въ 1848 году пробилъ часъ бурь.

[1]) Первымъ, кто возымѣлъ у словаковъ мысль объ изданіи газеты былъ основатель пештскаго литературнаго словацкаго общества Гамулякъ, но обѣ его попытки (1828 и 1831 г.) кончились неудачно. Кромѣ того до Штура выходили въ 1812—1818 г. „Tydennik", а въ 1832—1847 г. „Tatranka" Юрія Палковича, въ 1836—1838 „Hronka" Кузмани и альманахъ „Зоря". Но все это составлялось по чешски, хотя языкъ этихъ изданій по свидѣтельству историка словацкой литературы, Ярослава Влчка, лучше всего показываетъ какъ все сильнѣе и сильнѣе звуки живого словацкаго языка вторгались въ чешскую литературную рѣчь евангелическихъ словаковъ. Редактору „Татранки" не хватало времени поправлять словакизмы своихъ сотрудниковъ, редакторъ „Гронки" не умѣлъ отдѣлаться отъ нихъ самъ, а редакторъ перваго (чешскаго) выпуска „Нитры" и не старался объ этомъ.

Давно уже, давно незамѣтно назрѣвали въ Венгріи коренныя перемѣны въ взглядахъ на венгерское государство. Въ старину всѣ венгерскія народности — мадьяре, сербы, хорваты, словаки, угроруссы, румыны, нѣмцы—жили болѣе или менѣе безобидно, всѣ одинаково пользуясь въ управленіи, судѣ, школѣ и даже разговорной рѣчи высшихъ классовъ латинскимъ языкомъ. Одинаково всѣмъ далекій, онъ одинаково ихъ всѣхъ сближалъ, отдѣляя только низшіе классы отъ высшихъ, но объ этихъ послѣднихъ въ этомъ государствѣ свободъ, которыя въ сущности были только привилегіями знати, никто и не думалъ. Съ конца XVIII вѣка въ это стоячее и заросшее тиной болото была пущена струя живой воды реформами Іосифа II, — и оно всколыхнулось. Между прочимъ проснулась и мысль о народности. Законъ 6 мая 1787 года замѣнялъ въ государственной жизни латинскій языкъ нѣмецкимъ. У мадьяръ не могъ не возникнуть вопросъ: уже если отказываться отъ привычной латыни, то почему же въ пользу нѣмецкаго языка, а не мадьярскаго? А разъ онъ возникъ, кореннымъ образомъ перестраивалось самое понятіе о государствѣ. Уничтожалась разноязычная Венгрія святого Стефана; на ея мѣсто выступало новое государственное образованіе одноязычная Мадьярія (Magyarország). Рядомъ съ горизонтальнымъ дѣленіемъ народа стало ощутительнымъ и вертикальное. Народности стали допускаться къ пользованію благами государства лишь настолько, насколько признавали себя мадьярами. И воздвигся новый идолъ—мадьярской государственной идеи — magyar állam eszme. Какъ всякій идолъ, онъ требовалъ себѣ жертвъ. Этой жертвой должны были стать всѣ остальные народы давней Венгріи.

Шагъ за шагомъ шли мадьяре впередъ, проводя законъ за закономъ въ пользу мадьярскаго языка и наконецъ въ 1848 г. сорвали со всѣхъ зданій императорскіе орлы и выступили открыто противъ Вѣны, требуя себѣ полной независимости. Славяне, румыны и нѣмцы долго не давали себѣ яснаго отчета въ томъ, что происходитъ съ ихъ Венгріей. Но 48-ой годъ и слѣпымъ могъ бы открыть глаза. Оставаться спокойнымъ, когда все вокругъ жило лихорадочной жизнью, было невозможно. Вставалъ вопросъ: стать-ли въ одни ряды съ мадьярами и своею кровью себѣ же добывать рабство или соединить дѣло своей свободы съ дѣломъ короны и идти на мадьяръ? Выбора быть не могло. „Слышенъ звонъ свободы, слушайте, народы!“—писалъ Гурбанъ въ одной изъ зажигательныхъ пѣсенъ своихъ, и отовсюду, гдѣ только раньше жили и дѣйствовали друзья Штура, послышалось: „Слышимъ и идемъ!“

Въ библіотекѣ Народнаго Дома въ Турчанскомъ св. Мартинѣ можно видѣть тогдашніе листки съ призывными пѣснями. Покрытые пылью, тихо и спокойно лежатъ они теперь, незамѣтные, между книгами. А когда-то полные жизни звали они на бой за родной народъ. Сколько чувства было въ нихъ вложено, сколько рѣшимости, сколько мужества, ибо что же можетъ быть больше той отваги, которая не только сама готова пожертвовать жизнью за общее дѣло, но и другихъ ведетъ на жертву. „Ополченцы!— говорилъ 18 сент. 1848 г. Штуръ добровольцамъ, вступавшимъ въ Венгрію изъ Моравіи - вы видите долину, что раскрылась передъ нами: эта дорога къ нашей цѣли. Тамъ, за этими вершинами лежитъ Словацкая земля, наша родина; тамъ ждетъ насъ народъ, обездоленный и угнетенный. Тысячу лѣтъ его лишали всякой самостоятельности, тысячу лѣтъ надъ нимъ издѣвались... И вотъ наконецъ мы распустили знамена свободы. Смотрите, какъ развиваются они надъ нашими главами. Дайте же обѣтъ, что вы ихъ не покинете до могилы!“ Даже Карлъ Кузмани, будущій евангелическій суперинтендентъ, спѣвъ „славу благороднымъ“, сталъ призывать своихъ сородичей къ оружію: Do zbroje Slovania, za národ a Slávu!

Otvorte žaláre, rozbite ret'azi!
Už deň pomsty letí, už Sláva vít'azí;
hoj synovia Slávy od Visly do Sávy,
Vaša matka volá: do zbroje, do zbroje!

Штуръ, Годжа и въ особенности бывшій тогда еще совсѣмъ молодымъ пасторомъ Іосифъ Гурбанъ, какъ блуждающіе огни, загорались то тамъ то сямъ и, хотя надъ ними каждую минуту витала смерть, подымали народъ. „Еще недавно — говоритъ Шкультети — никто и слышать не хотѣлъ о словацкой рѣчи, загнанной въ деревенскія хаты. Теперь за нее въ жертву приносилась жизнь“.

Въ глазахъ Европы мадьяре и ихъ вождь Кошутъ были героями, борцами за свободу, а славяне безсмысленной и тупою толпой рабовъ, которая, какъ собака, лижетъ руку, держащую ее за ошейникъ. И, конечно, не свобода народовъ заботила Франца-Іосифа, когда у императора Николая просилъ онъ помощи и не съ мыслью о защитѣ славянъ переступили австрійскую границу войска князя Паскевича. Но иной, совсѣмъ иной смыслъ получила война 1848—1849 г. для славянъ Венгріи и Хорватіи. Русскія войска стали для нихъ соратниками въ борьбѣ за свободу, а

хорватскій банъ Елачичъ и Штуръ сохранили навсегда ореолъ борцовъ за самыя основныя права народа. Да такъ и было на самомъ дѣлѣ. Узкій націоналистъ, Кошутъ былъ по своимъ воззрѣніямъ крѣпостникомъ и, если провозгласилъ освобожденіе крестьянъ, то только потому, что иначе не могъ ихъ поднять противъ Вѣны. Самъ словацкій ренегатъ, онъ съ фанатизмомъ отщепенца не хотѣлъ признать никакихъ правъ за народностями. Мадьяре сражались за свою свободу. Да, но другимъ народамъ Венгріи они несли въ даръ рабство и гнетъ. Славяне, желая для себя свободы, съ щедростью арійцевъ не хотѣли отнимать ее ни у кого. Значитъ, не мадьяре, а они были истинными витязями свободы.

Трудно однако небольшой кучкѣ священниковъ, учителей и писателей пробудить сразу народъ и приготовить его къ сознательному и сплоченному отпору. Какъ ни много сдѣлали Штуръ и его сподвижники, всѣ три словацкихъ возстанія не затронули во всю глубь и ширь народныя массы. Но важно уже то, что они *были*. Послѣ паденія велико-моравской державы Святополка это было первымъ выступленіемъ словаковъ на историческую сцену. До сихъ поръ представляли они косную, этнографическую массу. Въ 1848 году началось между ними броженіе, изъ котораго выходитъ и образуется—народъ.

V.

Словаки не добились свободы.

Прокатились грозы, пронеслись ураганы, и Вѣна, побѣдивъ мадьяръ при помощи славянъ, и тѣхъ и другихъ смѣшала въ одно, придавивъ ихъ всѣхъ гнетомъ бездушнаго нѣмецкаго централизма. Попытки кн. Шварценберга и графа Стадіона опереться на немадьярскія народности кончились неудачей не безъ вины самихъ славянъ, которые не представляли еще собой прочной политической силы. А послѣ смерти Шварценберга (1852) пришелъ Бахъ со своимъ абсолютистическимъ режимомъ. Штуръ, не найдя себѣ мѣста при новыхъ порядкахъ, удалился въ затишье Модры, гдѣ жилъ подъ полицейскимъ надзоромъ, воспитывая дѣтей своего брата, пока случайная пуля на охотѣ не унесла его въ 1856 г. въ могилу. Романтика должна была уступить мѣсто реализму. Новое время, измѣнивъ условія и пріемы дѣйствія, требовало новыхъ дѣятелей, и жизненная сила словацкаго народа

сказалась въ томъ, что они нашлись и для новой, сравнительно незамѣтной и будничной работы, на фонѣ которой выдѣлились два событія—конгрессъ въ Турчанскомъ св. Мартинѣ для выработки memorandum'а о желаніяхъ словацкаго народа и открытіе Матицы Словацкой.

Умереть за родину можно и безъ опредѣленной политической программы, но чтобы жить и осуществлять свой идеалъ въ жизни, необходимо знать, чего можно желать въ данную минуту и какими способами слѣдуетъ идти къ осуществленію желаемаго. Этой цѣли должно было служить Memorandum. Поводъ къ нему до нѣкоторой степени дали сами мадьяре. Въ виду нѣмецкаго натиска со стороны Вѣны они устами Деака выразили готовность пойти навстрѣчу справедливымъ требованіямъ венгерскихъ народностей, но для этого надо было услышать, въ чемъ заключаются эти требованія. „Пешть-Будинскія Вѣдомости", которыя съ 1861 г. сталъ издавать Янъ Францисци (въ литературѣ Janko Rimavski), въ первомъ же своемъ номерѣ выступили, правда, съ программой, но статья журналиста можетъ-ли замѣнить голосъ народа? И вотъ весною 1861 г. Самуилъ Штефановичъ, позднѣе авторъ книжечки „Naša politika", котораго въ 90 лѣтъ называли „самымъ молодымъ изъ словацкой молодежи", бросилъ въ Турчанскомъ св. Мартинѣ мысль о созывѣ народнаго словацкаго собранія. Малъ и тихъ Мартинъ, всего только двѣ улицы протянулись въ немъ, но всегда было тамъ много людей, чуткихъ къ народному дѣлу. Мысль Штефановича была ими подхвачена, разосланы приглашенія, и 6-го іюня 1861 г. потянулись въ историческій путь къ Мартину всѣ, кому дорогъ былъ народъ. Собралось около тысячи человѣкъ, и подъ шумъ мартинскихъ липъ открылось Словацкое народное собраніе. Предсѣдателемъ избрали Францисци, секретарями Паулини-Тота, Штефановича, Слотту и братьевъ Мудроней, но составленіе самого Memorandum'а было поручено Стефану Марку Дакснеру. Былъ онъ юристъ, человѣкъ закона и дѣла, и онъ съ честью выполнилъ возложенное на него порученіе.

Нѣтъ политическаго народа безъ территоріи. Въ ветхой пергаментной книгѣ историческихъ правъ не записано имени словацкаго государства. Оно все въ будущемъ и, идя къ нему навстрѣчу, словакамъ самимъ надо было очертить себѣ границы на основаніи данныхъ этнографическихъ. Это сдѣлалъ Дакснеръ, опредѣливъ Верхне-угорское Словацкое Околье. Названіе было придумано неудачное, но не въ названіи дѣло. Важно было, что Memorandum внесло въ жизнь понятіе о словацкой землѣ, какъ объ

особомъ цѣломъ, выдѣленномъ изъ всѣхъ остальныхъ частей Венгріи. Пусть за этимъ цѣлымъ не числилось никакихъ титуловъ, пусть оно не было ни герцогствомъ, ни графствомъ, ни даже воеводствомъ. Оно имѣло лучшій юридическій титулъ, чѣмъ историческія лохмотья многихъ другихъ земель: права живого народа Въ Memorandum'ѣ впервые, кажется, показала свое лицо такъ называемая „народная автономія", которая въ противовѣсъ историческимъ правамъ коронныхъ земель становится теперь идеаломъ многихъ народовъ Австро-Венгріи.

Для своего „Околья" словаки желали осуществленія трехъ главныхъ требованій: народнаго управленія и суда, народной церкви и народной школы съ преподавательскимъ словацкимъ языкомъ во всѣхъ образовательныхъ заведеніяхъ „Околья". Эти требованія были подготовлены самой жизнью и фактически до извѣстной степени осуществлялись даже на дѣлѣ, но словаки желали, чтобы права ихъ народа, какъ особой нравственной личности, были признаны положительнымъ закономъ и королевскимъ дипломомъ. Того же требовали они и для другихъ народностей, подчеркивая свою тѣсную связь съ русскими, сербами, хорватами и румынами и провозглашая за основное начало политической жизни Венгріи равноправность и солидарность всѣхъ народностей.

Memorandum было подано сперва вице-президенту венгерскаго сейма Коломану Тиссѣ, а потомъ и самому императору. Но успѣха оно, конечно, не имѣло. Теперь его творцовъ укоряютъ въ недостаточной практичности, говорятъ, что они болѣе заботились о формулировкѣ политическихъ идеаловъ, чѣмъ о реальныхъ пріобрѣтеніяхъ. Въ этомъ есть доля правды, но политическаго значенія своего Memorandum не потеряло и донынѣ. И сейчасъ стоитъ оно передъ народомъ, какъ живая программа народнаго дѣла, объединяя въ одномъ идеалѣ всѣхъ словаковъ безъ различія. Лучше всего поняли важность этого акта враги словацкаго народа: когда въ 1886 г. словаки вздумали было отпраздновать 25-лѣтнюю годовщину своего перваго народнаго конгресса, Турчанскій св. Мартинъ былъ запруженъ жандармами. Народа изъ деревень такъ и не пустили въ городъ. Телеграммой изъ Пешта были воспрещены не только рѣчи, но и самое упоминаніе о Memorandum'ѣ.

На томъ же самомъ конгрессѣ, что̀ и Memorandum, было рѣшено открыть Словацкую Матицу. Здѣсь главную роль принялъ на себя баньско-быстрицкій римско-католическій епископъ Стефанъ Мойзесъ, который подъ сутаной католическаго патера скрывалъ въ себѣ горячее славянское сердце. Съ осторожной оглядливостью

придворнаго провелъ онъ дѣло Матицы сквозь всѣ препятствія, и 4 августа 1863 года Турчанскій св. Мартинъ праздновалъ ея открытіе. Слово въ евангелической фарѣ произнесъ Іосифъ Гурбанъ, и огненныя рѣчи его слушалъ, говорятъ, долго потомъ бесѣдовавшій съ нимъ Герценъ, инкогнито пріѣхавшій на народный словацкій праздникъ. Воодушевленіе тысячной толпы достигло высшаго пункта, когда Франциски, высоко держа подъ головой богато переплетенный уставъ Матицы, воскликнулъ: „Это наша золотая булла! Это наша вольная грамота. Она насъ освобождаетъ отъ тяжести цѣпей и рабства. Насъ, донынѣ чужеземцевъ на своей же родинѣ, она провозглашаетъ гражданами страны. Это залогъ нашего національнаго единства!" Шумѣлъ народъ и, вторя народной радости, шумѣли надъ его головами озаренныя августовскимь солнцемъ мартинскія липы. И стала Матица дѣйствительно драгоцѣннымъ и многообѣщающимъ представительствомъ цѣлаго словацкаго народа, внѣшнимъ выраженіемъ его бытія, органомъ, при помощи котораго могъ онъ сноситься съ остальнымъ славянскимъ міромъ. Теперь въ ея зданіи помѣщается мадьярская почта, но помнятъ еще стѣны дома воодушевленныя словацкія рѣчи, собранія, литературные вечера, спектакли, наконецъ начало просвѣтительной и издательской дѣятельности Матицы.

Тогда же начали показываться и другіе ростки возрожденія. Въ февралѣ 1862 г. словацкій языкъ былъ признанъ наряду съ мадьярскимъ преподавательскимъ языкомъ въ католической баньско-быстрицкой гимназіи. Въ сентябрѣ того же года въ Большой Ревуцѣ открыта евангелическая словацкая гимназія; въ 1867 г. прогимназія въ Турчанскомъ св. Мартинѣ,— а нѣсколько позднѣе низшее католическое реальное училище въ Кляшторѣ подъ Знёвомъ. Но 1867-ой годъ морозомъ прибилъ всѣ нѣжныя словацкія насажденія.

Смыслъ установленнаго въ этомъ году дуализма грубо, но вѣрно выраженъ въ словахъ, произнесенныхъ однимъ изъ тогдашнихъ мадьярскихъ министровъ въ Вѣнѣ: „Вы сдерживайте ваши (славянскія), а мы будемъ сдерживать наши орды". Воспользовавшись слабостью Вѣны послѣ австро-прусской войны, мадьяре съ обычной имъ ловкостью хорошо учли политическій моментъ. Нѣмецкая Вѣна черезъ головы когда-то защищавшихъ ее славянъ протянула имъ руку и отдала на полный произволъ всѣ остальные народы Венгріи. Этимъ былъ провозглашенъ finis Hungariae въ смыслѣ давней многоязычной Венгріи, и безъ удержу закрутился вихрь мадьяризаціи, губя все, что было благороднаго въ мадьярскихъ политическихъ кругахъ и къ землѣ клоня все словацкое.

VI.

Мадьяризація стала для мадьяръ властнымъ закономъ жизни, самой настоящей и подлинной религіей. Ибо государство, хотя и стоитъ по самой юридической природѣ своей внѣ религіи, на самомъ дѣлѣ однако въ своей дѣятельности всегда бываетъ проникнуто тѣмъ или другимъ религіознымъ духомъ. Оно состоитъ изъ людей, а люди только покуда пребываютъ въ области отвлеченнаго мышленія, могутъ быть безрелигіозными. Гдѣ начинается жизнь, туда неизбѣжно входитъ Богъ, и, кто не хочетъ признать Бога истиннаго, тотъ воздвигнетъ себѣ какой-бы то ни было кумиръ, но безъ религіи не обойдется. И мадьяризація, какъ впрочемъ и всѣ другія ея сестры съ тѣмъ же окончаніемъ, не что иное, какъ въ христіанскомъ мірѣ новое проявленіе возрожденнаго язычества, которое, взявъ себѣ въ боги государство, или, въ лучшемъ случаѣ, народъ, раболѣпно бьетъ передъ нимъ низкіе поклоны.

Догматы этой новой религіи установились не сразу. Въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія одинъ изъ лучшихъ дѣятелей мадьярскаго возрожденія, основатель мадьярской академіи, театра и казино, графъ Стефанъ Сечени говорилъ: „Мало писать законы, надо еще вызывать къ нимъ симпатіи. Въ мирномъ процессѣ преобразованія народностей каждое, даже малѣйшее насиліе рождаетъ тысячи мстителей,—побѣждаетъ же только превосходство духа и вѣчная правда. Мадьярское слово еще не мадьярское чувство и быть мадьяриномъ еще не значитъ быть добродѣтельнымъ“. Черезъ 15 лѣтъ, въ 1840 г. словацкій отщепенецъ, графъ Зай, уже открыто провозгласилъ, что торжество мадьяризма это, — побѣда разума, свободы и интеллигенціи и что потомки современнаго ему поколѣнія для собственной выгоды должны сами желать сдѣлаться мадьярами. Въ 1868 г. закономъ еще признавались въ Венгріи народности и говорилось даже объ ихъ правахъ, а въ 1906 году самая распространенная и вліятельная изъ мадьярскихъ газетъ Pesti Hirlap съ циничной откровенностью писала: „Пусть народности и не думаютъ добиться отъ насъ чего-нибудь. Мы не позволимъ никогда осуществить законъ 1868 года. Нѣтъ и не будетъ у насъ такой власти, которая бы удѣлила народностямъ хоть крупицу правъ. Представители народностей, это—пятно позора на мадьярскомъ парламентѣ“. Въ настоящее время новый культъ установился вполнѣ и ясно обнаружились его основные догматы— насиліе и безпредѣльный народный эгоизмъ. Культъ этотъ имѣетъ

своихъ теоретиковъ и выработалъ свои пріемы дѣйствія. Ежедневно гласятъ его и проповѣдуютъ летучіе листки газетъ, а въ жизнь проводитъ цѣлая армія жрецовъ:—церкви съ ихъ епископами, школы съ ихъ учителями, суды съ ихъ судьями, канцеляріи съ ихъ чиновниками и тысячи людей изъ общества, родовитыхъ мадьяръ и еще больше мадьяроновъ.

Первый сильный ударъ мадьяризма разразился надъ словацкимъ народомъ въ 1875 году, когда однимъ взмахомъ пера тогдашній министръ-президентъ Венгріи, Коломанъ Тисса, подъ предлогомъ панславистской пропаганды уничтожилъ до единой всѣ юныя словацкія гимназіи, закрылъ Матицу и незаконно конфисковалъ ея фонды. Словаки не могли даже протестовать противъ дѣйствій министра въ парламентѣ: двухмилліонный народъ не имѣлъ тамъ ни одного своего представителя. Но среди славянскихъ депутатовъ нашелся человѣкъ благородства и отваги, который счелъ своимъ долгомъ встать на защиту словацкаго народа. Это былъ представитель Новаго Сада, извѣстный сербскій депутатъ, Свѣтозаръ Милетичъ. Но одиноко прозвучалъ его голосъ въ мадьярскомъ парламентѣ. Тисса отвѣтилъ циничнымъ заявленіемъ: „Въ Венгріи словацкаго народа нѣтъ“, а самого Милетича, несмотря на его депутатскую неприкосновенность, бросилъ въ тюрьму и держалъ его тамъ, пока онъ не лишился сперва здоровья, а потомъ и разсудка.

Послѣ этого у словаковъ осталось одно только представительное учрежденіе. Это — конвентъ преддунайскаго евангелическаго дистрикта, гдѣ словаки-евангелики составляли громадное большинство. При широкой автономіи евангелической церкви въ Венгріи это могло имѣть серьезное значеніе. И вотъ синодальнымъ закономъ 1894 г., изданнымъ не безъ попустительства словацкаго отщепенца, евангелическаго суперинтендента, Бальтика было установлено новое дѣленіе на дистрикты съ тѣмъ расчетомъ, чтобы словаки ни въ одномъ дистриктѣ не имѣли большинства. А затѣмъ еще съ большей силой стала продолжаться неутомимая, мелкая травля всего словацкаго и идетъ она и донынѣ все усиливающимся темпомъ.

Юлій Ботто въ двухтомной книгѣ своей „Slováci. Vývin ich národného povedomia“ прослѣдилъ этотъ ходъ мадьяризаціи во всѣхъ подробностяхъ, далъ намъ полную мартирологію словацкаго народа. Мы не послѣдуемъ за нимъ по этому пути. Вмѣшаемся лучше въ живую толпу народа, войдемъ въ словацкія хаты, прислушаемся къ тому, что говорится на улицахъ,—и мадьяризація

предстанетъ передъ нами въ своей обыденной жизненной обстановкѣ, гдѣ нѣтъ никакихъ особенныхъ историческихъ событій, гдѣ дни уходятъ за днями, всѣ похожіе другъ на друга, а между тѣмъ незамѣтно вкрадывается въ душу и глубокой тѣнью ложится на ней насиліе человѣка надъ человѣкомъ.

Вотъ школа въ горной оравской деревушкѣ. Со всѣхъ сторонъ, шлепая по лужамъ босыми ногами, собираются въ нее мальчишки. Знакомыя лица типа близкаго къ польскому: только глаза еще добрѣе и простодушнѣе. Низенькая комната, сплошь заставленная черными партами. Входитъ учитель, и урокъ начинается:

Ми атянк, ки вадь а меньньекбень, сентельтешéк мег а те невед ёйён елъ а те орсагод, ледьен мег а ми акаратод; микéпен меньньбен, азонкéрен итт а фёльдён иш; минденнапи кеньерюнкет адьяд некюнк ма еш бочăшд мег а ми вéткеинкет, микéпен ми иш мегбочатунк елленюнк вéтеттекнек еш не видь, минкет а кишéртетбе, де сабадитш мег а гоностòлъ.

Что это? Что за тарабарскіе звуки? Это Молитва Господня, которую только что, стоя на колѣняхъ передъ образомъ, повторяли дѣти вслѣдъ за матерью на родномъ языкѣ, или на близкомъ имъ языкѣ кралицкой чешской Библіи: „Отче нáш, ктерыж си в небесих, посвѣть се мéно твé; придь крáловстви твé; будь вуле твá яко в неби так и на земи...“ Какой смыслъ, какая польза для государства вторгаться съ своимъ государственнымъ языкомъ въ самую задушевную область сердца человѣческаго и тамъ наводить свой порядокъ? Но, слушая Молитву Господню, ученики по крайней мѣрѣ, хотя и не понимаютъ отдѣльныхъ словъ, но все-таки знаютъ, о чемъ тамъ говорится. А какъ же имъ понять чужіе звуки, когда къ нимъ обратится учитель съ объясненіемъ предмета, имъ неизвѣстнаго?

— Что вы думаете о такъ называемомъ прямомъ методѣ обученія? спросили однажды учителя-мадьярина?

— Что же мнѣ думать, панъ-братъ? Вѣдь если дѣти съ трудомъ усваиваютъ предметъ, когда я объясняю его понятною рѣчью, какъ же они могутъ усвоить что-нибудь, если не понимаютъ самыхъ словъ моихъ?

Прежде, еще не очень давно, если не словацкій народный духъ, то по крайней мѣрѣ языкъ словацкій господствовалъ въ вѣроисповѣдныхъ школахъ, особенно евангелическихъ, гдѣ широкая церковная автономія позволяла словакамъ быть хозяевами въ учебномъ дѣлѣ. Въ 1904 году въ особой брошюркѣ „Народная школа у словаковъ“ мы со словъ очевидцевъ нарисовали рядъ картинокъ

изъ жизни этой школы. Плоха она была; учителя сегодня учили, а завтра шли въ Чехію нищенствовать или у себя дома садились при дорогѣ разбивать камни для укладки шоссе. Нерѣдко и сами они не умѣли хорошенько написать цифрами шестнадцать и вмѣсто 16 писали 61. Но по крайней мѣрѣ изъ нихъ никто не издѣвался надъ словацкимъ народомъ, надъ дѣтскою душою, и была школа эта все-таки родная, словацкая. Теперь времена эти отошли въ вѣчность. Школьные законы Аппоньи 1907 и 1908 гг. нанесли рѣшительный ударъ старой школѣ, фактически отмѣнивъ школьную автономію церквей. Разсматриваемые безъ отношенія къ словацкому народному дѣлу, законы эти представляютъ несомнѣнный шагъ впередъ. Теперь уже никто не можетъ быть народнымъ учителемъ, не окончивъ учительской семинаріи. И матеріальное положеніе учителя улучшилось значительно: кромѣ квартиры и огорода онъ получаетъ жалованье отъ 1000 до 1200 коронъ. Самое обученіе дѣтей стало безплатнымъ. Но зато церкви, потерявъ право брать плату за ученіе, лишились средствъ, не могутъ сами содержать учителя и должны поневолѣ прибѣгнуть къ правительственной помощи, а правительство, если даетъ субсидію свыше 200 коронъ, то само получаетъ право непосредственнаго вмѣшательства въ школьныя дѣла. И вотъ теперь надо всѣми словацкими школами господствуетъ мадьярская надпись *Az iskola*, по-мадьярски преподаются кромѣ мадьярскаго языка и ариѳметика, и географія, и исторія, а кто изъ учениковъ скажетъ слово по-словацки, сейчасъ же раздается внушительный окликъ учителя: „Нем сабад тотуль бесельни (Nem szabad totul beszélni)—нельзя говорить по-словацки“. А иногда за этимъ слѣдуетъ и пояснительное примѣчаніе, извѣстная мадьярская пословица „Kása nem étel, tot nem ember (Каша нем этель, тот немембер)—Каша не ѣда, словакъ (tot)—не человѣкъ“.

Исторія преслѣдованія одного народа другимъ давно уже выработала извѣстные пріемы и способы воздѣйствія, но съ дикой стремительностью азіатскихъ наѣздниковъ мадьяре превзошли однако всѣ самыя смѣлыя попытки, придумавъ то, до чего еще никто не додумался. Помня слова Сечени, что мадьярское слово еще не мадьярское чувство, они перевернули ихъ по-своему и въ 1874 г. подъ прикрытіемъ холеры, а въ 1885, 1887 и 1892 г. почти безъ всякихъ прикрытій устроили въ Тренчанской столицѣ цѣлые организованные походы для омадьяренія словацкихъ дѣтей. Сжавшись въ кучу, окруженные жандармами, стояли по деревнямъ маленькіе и беззащитные дѣти словаковъ, а въ это время мадьяроны-чиновники

ходили по хатамъ и отбирали отъ матерей ихъ дѣтей, кого прельщая обѣщаніями, кого запугивая жандармской силой. Дѣтскій плачъ стоялъ въ воздухѣ, но дѣтскія рыданія могутъ ли тронуть очерствѣлое сердце чиновника, забывшаго про Бога, забывшаго про край родной. Не дрогнувъ рука палача прикрѣпляла къ крестьянской рубашечкѣ номеръ. Точно скотъ, перенумеровывали дѣтей, обезличивая всѣхъ, и потомъ отвозили съ шумящимъ по рельсамъ поѣздомъ въ далекія мадьярскія степи, гдѣ въ семьѣ, чужой по языку, чужой по вѣрѣ, словацкое дитя, если не помирало и не убѣгало, то позабывало про все и становилось мадьяриномъ, увеличивая число враговъ родного края. Къ стыду своему въ этомъ вопіющемъ дѣлѣ принимало самое близкое участіе и Верхне-угорское просвѣтительное общество, Фемка, названное такъ по начальнымъ буквамъ своего мадьярскаго названія Felsömagyarországi Közmivelödési egyesület. Когда подумаешь объ этихъ человѣческихъ жертвахъ, которыя и правительство и общество мадьярское приносили бездушному идолу отвлеченной государственной идеѣ мадьяризма, становится близкимъ и понятнымъ стихотвореніе Ваянскаго, когда-то переведенное у насъ покойной Чюминой.

Радостно воронъ летитъ,
Карканьемъ лѣсъ оглашая,—
Съ кормомъ въ гнѣздо онъ спѣшитъ,
Гдѣ въ ожиданьи пищитъ
Съ голоду птенчиковъ стая.

Сѣрый съ добычей своей
Чащею мчится лѣсною.
Съ воемъ бѣжитъ онъ скорѣй,
Пищу неся для дѣтей,
Голодъ терпящихъ зимою.

Только никто не идетъ
Въ горы печальныя эти...
Кто-жъ тамъ страдаетъ и ждетъ?
Кто же на помощь зоветъ?..
Это—словацкія дѣти!

Съ 1892 года мадьярскія криптіи прекратились: мадьяре рѣшили, что поставленной себѣ цѣли они могутъ достичь и болѣе культурными средствами. Они покрыли словацкую землю сѣтью дѣтскихъ пріютовъ, куда уже съ трехлѣтняго возраста должны обязательно приходить словацкія дѣти, чтобы напитаться тамъ духомъ мадьяризма и забыть родной языкъ.

Школа одна изъ картинокъ мадьярскаго засилія, но не единственная. Оно глубоко проникло даже въ церковь, особенно католическую. Послѣ Мойзеса не было ни одного словацкаго епископа патріота. Зато было много такихъ іерарховъ, какъ теперешній спишскій владыка, неутомимый мадьяризаторъ, Парви. Когда папа Левъ XIII издалъ свою энциклику къ венгерскимъ епископамъ противъ навязыванія не-мадьярскимъ народностямъ мадьярщины, многіе епископы даже и не опубликовали ее. Въ книгѣ Тарго „Vyhubit“ разсказывается, какъ остригомскій каноникъ Комлоши, словакъ родомъ, увидѣвъ въ сельской церкви образъ св. Кирилла и Меѳодія, велѣлъ немедленно замазать икону: „намъ не нужны панславистскіе святые“. И это произошло въ той землѣ, гдѣ жилъ, дѣйствовалъ и умеръ св. Меѳодій!

Чего же ждать отъ простыхъ ксендзовъ? Посмотрите на нихъ, когда они, сытые, съ лоснящимися лицами идутъ по желѣзнодорожному перрону, разговаривая громко по мадьярски. Какая разница съ отживающимъ уже типомъ тихихъ, добрыхъ, скромныхъ старичковъ-священниковъ, которые, какъ недавно умершій въ Мартинѣ предсѣдатель словацкаго музея, Андрей Кметь, всю жизнь незамѣтно отдавали народу. Тамъ забота о своей паствѣ, желаніе подойти къ ней ближе, тамъ служба народу. Здѣсь въ походкѣ, въ жестахъ, во всемъ обращеніи чувствуется, что идутъ господа, стоящіе *надъ* народомъ. Это мадьярское войско, и кажется, вотъ-вотъ слетятъ съ ихъ устъ извѣстныя слова мадьярскаго профессора Żolta Beöthy: „Словакъ—это низшее созданіе; такимъ его считаетъ людъ мадьярскій, презираетъ его, бранитъ и смѣется надъ нимъ, Мадьярское самосознаніе никогда не допуститъ, чтобы словакъ сталъ на одной общественной ступени съ мадьяриномъ и такъ къ нему приблизился, чтобы могли между ними возникнуть отношенія равнаго къ равному“. Немногимъ лучше стоитъ дѣло у евангеликовъ, но и тамъ есть свои Парви.

И остается славянское крестьянство безъ призора, отданное на жертву мадьярамъ-чиновникамъ, въ столицахъ жупанамъ, въ уѣздахъ „служнымъ“ — родъ нашего начальника уѣзда или исправника,—въ деревняхъ такъ называемому „пану нотарко“, который держитъ въ рукахъ всю подвѣдомственную ему волость. У другихъ народовъ, какъ напр. у хорватовъ, мадьяроны—это партія компромисса съ мадьярскимъ правительствомъ: они тамъ не отказываются ни отъ своего языка ни отъ своей народности. У мадьяроновъ-словаковъ о какомъ-нибудь компромиссѣ и рѣчи быть не можетъ: каждый знаетъ, что, если онъ открыто выступитъ, какъ

словакъ, то не быть ему ни судьею, ни служнымъ, ни желѣзнодорожнымъ кассиромъ, ни даже простымъ канцеляристомъ. И вотъ, сами, дѣти словацкихъ матерей, иногда только съ грѣхомъ пополамъ зная по мадьярски, они изо всѣхъ силъ выбиваются, чтобы показать себя настоящими мадьярами и, закутавшись въ плащъ мадьярскаго патріотизма, служатъ мадьяризаціи настойчивѣе и энергичнѣе, чѣмъ сами мадьяре. Стыдясь за свою словацкую кровь, они хотѣли бы съ корнемъ уничтожить самое имя словацкаго народа и не даютъ словаку вздохнуть свободно. Тамъ-то гимназисты читали словацкія книги—уже строчится доносъ по начальству и юношей выгоняютъ безъ права поступленія въ какое-нибудь учебное заведеніе Венгріи. Тамъ сапожникъ на своей вывѣскѣ поставилъ имя передъ фамиліей, а не наоборотъ —Янъ Пивко, а не Пивко Яношъ, какъ надо по мадьярски,—и противъ него уже организуется бойкотъ. Тамъ священникъ въ проповѣди имѣлъ неосторожность посовѣтовать своимъ прихожанамъ не мѣшаться въ политику—и его караютъ штрафомъ въ 200 коронъ, потому что и церковь въ Венгріи должна служить орудіемъ мадьярской политики. Тамъ устраивается словацкая забава,—и цѣлый отрядъ добровольныхъ сыщиковъ уже прислушивается, не говоритъ ли ктонибудь изъ чиновниковъ по словацки, не запоютъ ли какую-нибудь словацкую народную пѣсню, а, если запоютъ, готово судебное дѣло. На судѣ же словаку, разъ дѣло касается его народности, напрасно искать справедливости. Во первыхъ, если онъ не говоритъ по мадьярски, то онъ и не пойметъ, за что его судятъ, и на всѣ просьбы о поясненіи услышитъ отъ судьи въ отвѣтъ: érti nem érti mind egy (понимаешь, не понимаешь, мнѣ все равно). А во вторыхъ, если бы онъ и попробовалъ говорить, толку было бы мало, какъ ясно показалъ знаменитый процессъ кс. Андрея Глинки въ 1906 году. „Возбуждалъ ли ксендзъ народъ къ мятежу?“ спрашиваетъ судья Худобскій свидѣтеля Петро.— „Нѣтъ“, отвѣчаетъ свидѣтель. Но судья, ничтоже сумняся, грозитъ ему тюрьмою за невѣрное показаніе, и свидѣтель робко произноситъ: „Да, возбуждалъ“. А если бы свидѣтель заупрямился, и на это есть средство: стоитъ только не привести его къ присягѣ, и его свидѣтельство теряетъ силу.

Нигдѣ однако съ такой яркостью не обнаруживается безпредѣльный произволъ мадьярскаго чиновничества, какъ на выборахъ. Вся Венгрія, какъ мы уже говорили, въ административномъ отношеніи дѣлится на 63 комитата, или, какъ говорятъ словаки, столицы, и въ предѣлахъ этой административной еди-

ницы словаки пользуются значительной автономіей. Все хозяйство столицы находится въ рукахъ столичнаго собранія—родъ нашего земства. Число членовъ его колеблется отъ 120 до 600 человѣкъ, изъ которыхъ половина вирилистовъ, а половина выбирается населеніемъ, но словаковъ туда не пускаютъ: всѣмъ правятъ мадьяроны и евреи, которые записались на службу мадьяризму и, будучи въ другихъ мѣстахъ обездоленными и униженными, въ Венгріи сами, получивъ силу не только экономическую, но и политическую, тяжелымъ гнетомъ ложатся на словацкій народъ. Какимъ же образомъ большинство лицъ и именно тѣхъ, которые бы хотѣли служить не себѣ, а народу, остается за бортомъ? Тайну эту раскрываетъ картина венгерскихъ политическихъ выборовъ, которую со словъ очевидца воспроизвели мы въ 1908 г. на страницахъ „Славянскихъ Извѣстій“. Повторимъ здѣсь главныя ея черты.

Составленіе избирательныхъ списковъ по деревнямъ находится въ рукахъ такъ называемаго „пана нотарко“. Обыкновенно, эту должность занимаютъ люди самаго низменнаго нравственнаго уровня. Они давнымъ давно забыли не только про родину и народъ свой, но и про свою честь и порядочность. Отлично зная всѣхъ людей въ своей волости и образъ ихъ мыслей, они заранѣе уже рѣшаютъ, кого слѣдуетъ исключить изъ списковъ. А способовъ къ этому при культурной безпомощности народа, при мягкости и косности словацкаго характера сколько угодно. Фамилія избирателя Лишакъ; его заносятъ въ списки подъ именемъ Шишакъ. Другого зовутъ Даніель; ему напишутъ Дани. И пусть онъ потомъ попробуетъ подойти къ избирательной урнѣ: его тотчасъ же отправятъ назадъ. А то невѣрно обозначатъ возрастъ избирателя. „Сколько вамъ лѣтъ?“ — „Сорокъ“. — „Тутъ написано 41; проходите; у васъ нѣтъ голоса“. Случалось, что и тридцатилѣтнему мужчинѣ давали въ спискахъ—скажемъ—64 года, а, когда избиратель, во-время замѣтивъ это, говорилъ, что ему 64 года, его же арестовывали за очевидный обманъ и ложь. Когда такимъ образомъ добрая половина избирателей отстранена отъ выборовъ, начинается угощеніе и спаиваніе водкой остальныхъ выборщиковъ. Здѣсь выступаетъ на первый планъ еврей-корчмарь — phylloxera vastatrix familiarum — у котораго на черной доскѣ должниковъ записана чуть не вся деревня. А въ самый день выборовъ являются на помощь жандармы и войско, безъ котораго не обходятся въ Венгріи выборы. Голосованіе происходитъ обыкновенно по цѣлымъ деревнямъ, и вотъ мѣстечко, гдѣ засѣ-

даетъ избирательная комиссія, оцѣпляется кордономъ, и тѣ села, которыя могутъ голосовать за словака, по просту не допускаются къ голосованію, или пропускаются такъ поздно, что уже не успѣютъ подать своего голоса. Если не помогутъ всѣ эти расчеты, то есть другія средства: въ рѣшительную минуту кто-нибудь прольетъ чернила, опрокинетъ лампу и уничтожитъ списки или наконецъ предсѣдатель откажется отъ предсѣдательства, — и выборы сорваны. А потомъ уже искусству господъ „нотарокъ“ и „служныхъ“ предстоитъ подготовить новые выборы лучше, чѣмъ прежніе.

Можно ли послѣ того удивляться, что словаки долгое время просто не принимали участія въ выборной кампаніи. Когда же въ 1901 году они измѣнили свою тактику и провели наконецъ въ парламентъ своихъ четырехъ пословъ, двухъ изъ нихъ, Веселовскаго и Валашка, прямо съ парламентскихъ скамеекъ, несмотря на депутатскую неприкосновенность, еще въ теченіе сессіи за ихъ программныя рѣчи отправили на годъ въ тюрьму. Въ либеральное министерство Коломана Селля правительство дало понять, что оно не будетъ мѣшаться въ выборы и дозволило послѣ долгихъ лѣтъ политическія собранія, но и тогда оказалось, что на словацкой землѣ небезопасно произнести даже самое имя „словакъ“. Вотъ снимокъ, зарисованный съ натуры чешскимъ писателемъ, Карломъ Калалемъ. Дѣло происходитъ въ Липтовскомъ св. Микулашѣ. Держитъ передъ народомъ рѣчь извѣстный редакторъ, учитель и книготорговецъ въ Ружомберкѣ, Карлъ Сальва. Говоритъ онъ о несоблюденіи закона 1868 г., говоритъ о школахъ.

— Кто родился словакомъ, тотъ и долженъ быть словакомъ.

— Позвольте, вмѣшивается представитель власти, я воспрещаю вамъ употреблять слова „словакъ“ и „словацкій“. Это недопустимо. Въ Венгріи словацкаго народа нѣтъ.

— Хорошо. Такъ я буду вмѣсто „словакъ“ говорить: „человѣкъ“. Человѣкъ (понимай: словакъ) есть такой же человѣкъ, какъ и всякій другой. Человѣческое (вмѣсто: словацкое) дитя должно ходить въ человѣческую школу. Ель въ лѣсу имѣетъ право называться елкой, воробей—воробьемъ; только словакъ не смѣетъ быть словакомъ.

— Лишаю васъ слова.

Выступаетъ другой ораторъ, евангелическій священникъ Кутликъ.

— Каждый народъ можетъ воспитывать своихъ дѣтей на родномъ языкѣ. Только сло— (спохватился и не досказалъ) долженъ ходить въ школы, гдѣ учатъ по итальянски. Мы испанцы,

а должны посѣщать школу итальянскую. Нашъ материнскій еврейскій языкъ (весь таборъ хохочетъ, а представитель власти усиленно крутитъ усъ) устраненъ изъ администраціи, изъ школы, а кое-гдѣ и изъ церкви. Любите свой испанскій языкъ, унаслѣдованный нами отъ нашихъ испанскихъ матерей"...

И, провозгласивъ славу королю и отечеству, ораторъ закончилъ: „народъ нашъ не испанскій, не еврейскій и не готтентотскій, а словацкій. Слава словацкому народу!"

— Я закрываю собраніе, вскрикнулъ взбѣшенный представитель полиціи по мадьярски, и „таборъ" разошелся, распѣвая славу словацкому народу.

Хорошо еще, что словаковъ не оставляетъ ихъ добродушный словацкій юморъ. О нихъ можно сказать словами Некрасова: они, какъ рыбы въ неводѣ, хозяева въ своемъ дому.

Губительное дѣйствіе мадьяризаціи лучше всего обнаруживается въ цифрахъ. За послѣднія 113 лѣтъ словацкое населеніе увеличилось всего только на 37%; между тѣмъ за предыдущія 67 лѣтъ отъ 1720 до 1787 года число словаковъ возрасло ровно вдвое. По послѣднимъ статистическимъ даннымъ (см. статью д-ра Эмиля Стодолы въ журналѣ Slovenské pohl'ady 1911 г.) словаковъ насчитывается теперь два милліона съ лишкомъ [1]), но и пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ ихъ было столько же. Въ 1850 г. словаки составляли 13,2% всего населенія Венгріи; въ 1890 составляютъ они всего только 10,5%. Процентъ мадьяръ наоборотъ увеличился съ 36,5 до 45,4%. И это несмотря на то, что послѣ хорватовъ у словаковъ наибольшій въ Венгріи процентъ рождаемости, за годъ на тысячу 42,8 (у мадьяръ: 38,3), а приростъ словацкаго населенія относится къ приросту населенія мадьярскаго, какъ 13,6 къ 13,1. Цифры эти съ очевидностью показываютъ правду давняго наблюденія: мадьяре не крѣпли бы и не росли бы такъ, если бы имъ не рожали дѣтей словачки, русскія и румынки.

Люди вездѣ люди и трудно требовать отъ нихъ особаго героизма. Въ Венгріи нерѣдко можно встрѣтить семьи, гдѣ отецъ—словакъ, мать—полька, а сыновья чувствуютъ и признаютъ себя мадьярами и знаютъ только по мадьярски. Иные измѣняютъ своей народности изъ-за выгодъ, другіе изъ-за куска насущнаго хлѣба. Многихъ увлекаетъ переселенческая горячка въ Америку; многіе уходятъ изъ родныхъ горъ въ мадьярскія равнины и тамъ без-

[1]) Изъ нихъ болѣе полутора милліона католиковъ.

слѣдно расплываются, ибо и самое географическое положеніе стоитъ за мадьяръ и еще Голый предостерегалъ своихъ землякoвъ:

О, родичи, о, братья!
Какъ Вагъ, и вы бѣжите
Съ высокихъ горъ въ долины
Отъ матери любезной,—
И гибнете безслѣдно
Въ волнахъ иноплеменныхъ.

Наконецъ многихъ, и искренне любящихъ свой народъ, засасываетъ просто тина житейская, и становятся они, какъ тотъ католическій священникъ, котораго видѣлъ въ окрестностяхъ Пряшева Калаль. Когда-то, воспитанникъ чешскихъ учителей, живо интересовался онъ народною жизнью, выписывалъ словацкія газеты и даже русскія книжки. Теперь у него не найдете и листка печатнаго: славянскія газеты получать опасно; мадьярскихъ онъ не хочетъ, и совсѣмъ опустился старикъ.

— Что дѣлаетъ prevelebný pan, спрашивали мы его хозяйку.

— Сегодня они прекрасно провели послѣобѣденное время: съ яблони упало бѣлое яблочко, а курица на немъ сидитъ и думаетъ, что это—яйцо. Очень это позабавило его милость.

Густой сѣткой льется надъ страной безъ перерыва мелкій дождь. Въ невѣжествѣ и пьянствѣ замираетъ жизнь, а мадьяре хвалятся передъ Европой и всѣмъ міромъ своими свободами: extra Hungariam non est vita et, si est vita, non est ita.

Кто ихъ знаетъ, можетъ-быть, они и въ самомъ дѣлѣ думаютъ, что, мадьяризуя немадьярскія народности, они служатъ этимъ дѣлу человѣчества. Во всякомъ случаѣ они передѣлываютъ словака въ „человѣка", т. е. въ мадьярина, со всѣмъ безчеловѣчіемъ безоглянаго народнаго фанатизма. И совсѣмъ бы страшно становилось за судьбу словацкаго народа, если бы наперекоръ всему словаки сами не смотрѣли въ будущее съ вѣрой. Вотъ слова стараго Гурбана-Ваянскаго:

„Когда ближе присмотришься и взвѣсишь ту силу, тѣ средства, тѣ аппетиты, то рвеніе, ту неутомимость, то стройное зданіе ложныхъ посылокъ, которое воздвигли мадьяре, ихъ счастье наконецъ и сравнишь все это съ результатами, достигнутыми за послѣдніе десятки лѣтъ такимъ великолѣпнымъ, хитроумнымъ и беззастѣнчивымъ аппаратомъ непріятельскихъ силъ, невольно становится на душѣ свѣтлѣе и не можетъ не войти въ насъ гордое сознаніе, что насъ не одолѣть. Ни одинъ атомъ нашей пла-

петы не погибаетъ, а такая груда труда, которую мы наносили, могла бы пропасть?"

Гуляя по Липтовскому св. Микулашу, вы на краю города надъ самымъ берегомъ быстраго Вага увидите словацкое кладбище. За бѣлой каменной оградой густо раскинулись надъ скромными могилами зеленыя ветлы. На кладбищенскихъ воротахъ простая, черной краской по бѣлому выведенная надпись: Ja živ jsem i vy živi budete (Іоан. 10, 19); Bog je život věčný i tu živ je v prachu lidskem; človĕče! vzejde i tvôj veŕ ze živého život. Можетъ ли быть что-нибудь утѣшительнѣе этихъ простыхъ словъ? И мертвые говорятъ словакамъ о жизни. У нихъ есть теперь прошлое, и изъ гробовъ крѣпятъ духъ народный Штуръ и его друзья. Отпадаютъ по большей части плевелы, но несмотря на дождь и непогоды, золотомъ колосится по взгорьямъ и долинамъ словацкая пшеница.

XII.

Когда въ 1875 году Тисса снесъ съ лица земли всѣ словацкія просвѣтительныя учрежденія, провозгласивъ, что словацкаго народа не существуетъ въ Венгріи, отчаяніе овладѣло даже такимъ закаленнымъ борцомъ, какъ ветеранъ 48-го года, Іосифъ Гурбанъ, доживавшій тогда свой вѣкъ на приходѣ въ селѣ Глубокомъ. Онъ рѣшилъ было даже отказаться отъ родного языка въ пользу чешскаго и послѣдній альманахъ своей „Нитры" выпустилъ по чешски. Но это значило признать правду словъ Тиссы. Къ счастью, альманахъ не имѣлъ никакого успѣха. Утратили духъ старики; не сдалась молодежь! Сынъ стараго Гурбана, Свѣтозаръ Гурбанъ-Ваянскій сталъ во главѣ новаго поколѣнія. Около него въ Турчанскомъ св. Мартинѣ собралась группа энергичныхъ народныхъ работниковъ, и навстрѣчу мадьярскому натиску по всей линіи пошелъ словацкій отпоръ.

Тисса закрылъ Словацкую Матицу и домъ ея отдалъ подъ разныя казенныя учрежденія. Словаки по мысли мартинскаго адвоката, Матвѣя Дули, собрали между собою больше 50000 флориновъ и на паяхъ построили новое зданіе съ концертной залой, гостиницей, казино и помѣщеніемъ для будущаго музея. Все это составляло уже нерушимое частное владѣніе; его нельзя было конфисковать, какъ домъ давней Матицы, а между тѣмъ на улицахъ Мартина въ самомъ центрѣ Словачины выросъ новый народный словацкій домъ.

На конфискованные фонды Матицы мадьяре въ 1885 г. заложили въ помощь Фемкѣ Угорско-королевское словацкое культурное общество съ цѣлью воспитывать словаковъ въ патріотическомъ, т.-е. мадьярскомъ, духѣ, и оно начало издавать на словацкомъ языкѣ, но въ антисловацкомъ направленіи „Slovenské Noviny", газетку для простого народа „Vlast a svet" и календари. Словаки въ противовѣсъ этому развили дѣятельность еще раньше существовавшаго въ Мартинѣ книгопечатнаго на паяхъ общества. Кромѣ газеты „Národnie Noviny", редактируемой Ваянскимъ, и Журнала Іосифа Шкультети „Slovenské pohl'ady" оно стало давать цѣлый рядъ прекрасныхъ изданій словацкихъ классиковъ, не считая другихъ книгъ. Мало того: по мысли Андрея Кметя основана была въ 1895 году Museálna Slovenská spoločnost, общество, поставившее себѣ цѣлью собрать все, что касается словацкаго народа и земли, образцы народнаго словацкаго искусства, коллекцію вышивокъ, народныхъ костюмовъ, старыхъ монетъ, предметовъ древности, растеній, животныхъ, библіотеку. Еще недавно все это мѣстилось въ нѣсколькихъ тѣсныхъ комнатахъ Народнаго Дома. Теперь рядомъ выстроено красивое, бѣлое двухъэтажное зданіе и далеко видна золотая, выпуклыми буквами сдѣланная на немъ надпись Museum. Свѣтлымъ глядитъ на насъ Музей снаружи, но еще больше свѣта и простора внутри, въ его высокихъ залитыхъ солнцемъ комнатахъ, гдѣ бодрствуютъ надъ народомъ умершіе крѣпители духа народнаго, а у входа встрѣчаетъ посѣтителя живой словацкій привѣтъ „Dobrý den" и провожаетъ ласковое „Odporúčam sa".

Растетъ словацкій народъ и въ другихъ отношеніяхъ. Еще недавно у словаковъ, какъ въ Польшѣ, не было мѣщанства. Вся торговля и ремесла находились въ рукахъ евреевъ; только у нихъ крестьянинъ могъ находить и кредитъ, конечно, за непомѣрно-большіе проценты. Правительство не только ничего не дѣлало для развитія мѣстной промышленности, но еще мѣшало частному почину и, когда словаки построили-было въ Мартинѣ фабрику целлюлозы, Будапештъ, самъ живущій на чужеземные капиталы, помѣшалъ ея открытію подъ тѣмъ предлогомъ, что къ дѣлу были привлечены чешскія деньги. Несмотря однако на полное отсутствіе какой бы то ни было помощи, въ 1908 году у словаковъ уже дѣйствовало 27 сберегательныхъ кассъ и народныхъ банковъ и цѣлый рядъ кассъ взаимопомощи, не говоря уже объ основанномъ въ 1885 г. мартинскомъ верхне-угорскомъ акціонерномъ банкѣ „Татра".

Объ оборотахъ этихъ учрежденій могутъ дать понятіе слѣдующія цыфры. Въ концѣ 1907 года банкъ „Татра", Турчанско-свято-мартинская сберегательная касса, банкъ въ Мыявѣ, кредитный банкъ въ Ружомберкѣ и Жилинская касса взаимопомощи имѣли вкладовъ по сберегательнымъ книжкамъ въ общемъ 20,933,381 короны 50 галлеровъ. На текущемъ счету у разныхъ лицъ въ банкѣ Татра значилось 1,960,242 кор. 48 гал., въ Ружомбергскомъ банкѣ 1,209,634 короны, 87 гал., а общій балансъ всѣхъ словацкихъ финансовыхъ учрежденій показывалъ къ 31 дек. 1906 г. 49,531,375 кор. и 33 гал. въ активѣ и почти столько же въ пассивѣ. Народъ былъ вырванъ изъ жадныхъ рукъ ростовщиковъ, а кромѣ того, такъ какъ всѣ эти учрежденія находились въ словацкихъ рукахъ, каждое изъ нихъ стало своего рода народнымъ домомъ, очагомъ живого взаимодѣйствія между интеллигенціей и народомъ и не въ одной только матеріальной области.

Въ горахъ, гдѣ прежде слышенъ былъ только звукъ пастушьяго рожка, загудѣлъ фабричный свистокъ, призывая на работу свободныя отъ земледѣлія силы, и поднялся благодаря финансовой помощи банковъ цѣлый рядъ фабрикъ: въ Турчанскомъ св. Мартинѣ фабрика мебели и пивоваренный заводъ, въ Жилинѣ электрическій заводъ „Геліосъ" и заводъ цементный, въ Ружомберкѣ, издавна славившемся производствомъ брындзы, фабрики целлулозы и бумаги, въ Липтовскомъ св. Микулашѣ кожевенные заводы. Мало-по-малу образуется рабочій классъ, и словаки, которые доселѣ принуждены были искать заработковъ на чужбинѣ, теперь, не покидая края, начинаютъ находить себѣ средства къ жизни. Фабричная работа не убиваетъ и старой кустарной промышленности, среди которой особенно выдающееся мѣсто занимаютъ по своему изяществу знаменитыя словацкія вышивки, распространеніемъ которыхъ вѣдаетъ особое общество словацкихъ дамъ „Живена".

Не забываются и нужды крестьянства. Основанный докторомъ Юліемъ Марковичемъ въ Новомъ Мѣстѣ надъ Вагомъ „Людовый банкъ" является посредникомъ при покупкѣ крестьянами крупныхъ имѣній. И въ другихъ околицахъ, въ Липтовѣ, въ Нижней Оравѣ и Гемерской столицѣ идетъ распарцеллировка помѣщичьихъ владѣній, и мало-по-малу земля переходитъ въ руки крестьянъ отъ тѣхъ, чьи предки когда-то господствовали надъ крестьянствомъ съ высоты своихъ недоступныхъ замковъ.

Не оставлены безъ вниманія и вопросы высшей политики.

Мадьяре, объявивъ, что словацкаго народа нѣтъ въ Венгріи, постарались оправдать свои слова, не пуская словаковъ въ парламентъ. Словаки вмѣстѣ съ сербами и румынами собрали въ 1895 г. конгрессъ не-мадьярскихъ народностей въ Будапештѣ, выбрали изъ себя постоянно дѣйствующій комитетъ—отъ словаковъ вошелъ въ него мартинскій адвокатъ, Павелъ Мудронь—и не упускали ни одного случая, чтобы на всѣ притязанія мадьяръ заявлять: „нѣтъ, въ Венгріи есть и другія народности; мы еще живы и, признавая единство и нерушимость земель короны св. Стефана, требуемъ для себя народной автономіи въ школѣ, судѣ и въ управленіи, а для всѣхъ народовъ Венгріи тайнаго и всеобщаго голосованія". Къ крайней досадѣ мадьяръ въ 1901 г. отъ словаковъ уже прошли въ парламентъ 4 депутата, а въ 1906 г. цѣлыхъ семь. Съ тѣхъ поръ, то падая, то уменьшаясь, представительство словаковъ въ парламентѣ не прекращается.

Наконецъ, какъ бы отражая въ себѣ все теченіе жизни, растетъ, крѣпнетъ и цвѣтетъ словацкая литература. За словацкое слово выгоняли изъ школъ, сажали въ тюрьмы редакторовъ газетъ, налагали на нихъ денежныя взысканія, а словацкая рѣчь на зло всѣмъ гоненіямъ расцвѣла, какъ никогда. Въ былыя времена Голли одинъ соединялъ въ себѣ всю художественную словесность. Теперь словаки могутъ похвалиться такими талантами европейской мѣры, какъ Свѣтозаръ Гурбанъ-Ваянскій и Гвѣздославъ, не говоря уже о другихъ, меньшихъ дарованіяхъ. Еще недавно турчанскія „Národnie Noviny", выходя всего три раза въ недѣлю, представляли собой чуть-ли не всю словацкую публицистику. Теперь словакъ можетъ уже обойтись безъ мадьярской или нѣмецкой газеты: ежедневно выходитъ въ Будапештѣ „Slovenský Denník" вмѣстѣ съ широко распространеннымъ въ народныхъ массахъ „Slovenským Tyždenníkom". Кромѣ того у словаковъ есть еще католическія „L'udové Noviny", соціалистическія „Robotnícké Noviny", Národný hlásnik", „Zvolenské Noviny", „Dolnozemský Slovak", иллюстрированный журналъ „Živena", литературные ежемѣсячники „Slovenské Pohl'ady" и „Prúdy", ученый журналъ „Časopis a sborník Muzeálnej slovenskej spoločnosti", торгово-промышленныя изданія „Slovenský Peňažník" и „Kupecké, priemyselné a hospodárské noviny", семейно-педагогическій журналъ „Domácnosť a škola", органъ словацкихъ женщинъ „Dennica", юмористическая газета „Rarášek", дѣтскіе журналы „Zornička" и „Noviny malých", журналы „Slovenský Sokol", „Rovnosť ludu" и цѣлый рядъ изданій вѣроисповѣднаго характера, евангелическіе

„Cirkevné listy“, „Straž na Sioně“, „Evangelický Posol“, „Evangelický kazatel“ и католическіе „Svatý Vojtěch“, „Sv. Antoni“, „Svatá rodina“ и др., не упоминая уже о словацкихъ изданіяхъ въ Америкѣ. Липтовскій св. Микулашъ, Пресбургъ, Ружомберкъ и Сѣница начинаютъ соперничать съ Турчанскимъ св. Мартиномъ въ книго- и журнало-издательствѣ. Есть органы, выходящіе даже на Оравѣ. Все это пріобрѣтенія послѣднихъ двухъ-трехъ десятилѣтій. Словацкая мысль растетъ повсюду и даже на самый крайній востокъ словацкаго края, въ окрестности Пряшева и Кошицъ, гдѣ еще недавно печатнаго листка словацкаго нельзя было встрѣтить, уже проникаетъ теперь изъ Будапешта живой и горячій органъ Милана Годжи „Slovenský Týždenník“.

Много этому содѣйствуетъ и самая эмиграція словаковъ изъ восточныхъ столицъ Шаришской, Спишской и Земплинской въ Америку, гдѣ живетъ уже около полумилліона словаковъ. Мадьяре и туда посылаютъ за ними ксендзовъ-мадьяризаторовъ. Но безуспѣшно. Уѣзжая въ Америку за поискомъ работы и хлѣба, словакъ возвращается оттуда съ пробужденнымъ народнымъ чувствомъ и привозитъ съ собою любовь къ родному слову, котораго, тоскуя по родинѣ, жадно ищетъ на чужбинѣ. Если поѣдете отъ Попрада къ Пряшеву и отъ Пряшева къ галицкой границѣ, непремѣнно встрѣтите нѣсколько крестьянъ, возвратившихся изъ Америки. „Богатый край—скажутъ они вамъ,—да скучный. Богъ съ нимъ! „А другой поддакнетъ: „Въ Америкѣ порядокъ; хорошо платятъ за работу; нѣтъ пановъ, а у насъ тутъ ихъ не оберешься“,—и неожиданно заключитъ свой силлогизмъ: „Больше туда не поѣду“. Скопятъ себѣ крестьяне деньжонокъ,—и остаются дома, но уже не прежними безгласными и безправными рабами господъ, а сознательными людьми народа. Такъ и худо ведетъ къ добру.

Глядя на все это исподволь совершающееся движеніе и работу во всѣхъ отрасляхъ жизни, хочется повторить слова Ваянскаго: „Пусть мадьяре устраиваютъ праздники своего тысячелѣтія каждую субботу, пусть по всѣмъ дорогамъ стоятъ, какъ тополи, цѣлые ряды памятниковъ: — не удастся имъ въ нашемъ вѣкѣ искоренить народъ, который поетъ, пишетъ, чувствуетъ, умѣетъ уже иногда и разсердиться и о стремленіяхъ котораго сказано, что они опираются на безспорную законность и—что еще важнѣе—на внутреннюю, несомнительную справедливость. Развѣ только станутъ мадьяре убивать насъ тысячами. Но этого не будетъ“.

„Ja živ jsem i vy živi budete“. Словаки живы и, покуда живутъ правдой Божьей, живы будутъ!

VIII.

Убѣждаютъ въ этомъ кромѣ разсмотрѣнныхъ нами результатовъ народной работы и глубокія внутреннія перемѣны, которыя совершались за послѣднее время въ словацкой народной и политической мысли.

Въ годы упадка духа, когда даже у самыхъ сильныхъ изъ старшаго поколѣнія отъ отчаянія опустились руки, факелъ народнаго водительства перешелъ къ группѣ лицъ, собравшихся въ Турчанскомъ св. Мартинѣ. Среди нихъ энергіей духа, широтою кругозора и дарованіями ярко выдѣлялся Свѣтозаръ Гурбанъ-Ваянскій. Но какъ ни велики были его заслуги передъ народомъ, всякое человѣческое дѣланіе уже по природѣ своей носитъ на себѣ отпечатокъ односторонности и, можетъ-быть, тѣмъ бо́льшій, чѣмъ сильнѣе данная индивидуальность. Поэтъ и философъ, Ваянскій былъ всегда аристократомъ духа: не любилъ онъ сходить внизъ и мѣшаться въ ряды простого народа. Маленькій масштабъ словацкихъ отношеній былъ не по немъ: его манила не мелкая, будничная и незамѣтная дѣятельность, а высоты политики, гдѣ человѣкъ всегда находится на виду и есть просторъ для широкаго размаха. Молодость его совпала съ чудеснымъ воскресеніемъ Болгаріи и, повѣривъ въ катастрофальность исторіи, онъ сталъ ждать и для своего народа помощи съ востока, съ широкихъ русскихъ равнинъ, что было однако небезопасно, потому что безъ достаточныхъ основаній переносило центръ тяжести отъ настоящаго въ будущее и, помимо воли поэта позволяло народной лѣни, сложа руки, ждать у моря погоды. Грозила возможность застоя тѣмъ бо́льшая, что Ваянскій, какъ человѣкъ властный, правилъ умами неограниченно, самодержавно, не терпя ни противниковъ ни возраженій. Но не замерли жизненныя силы словацкаго народа, и въ концѣ девяностыхъ годовъ онѣ прорвались, выразившись въ движеніи такъ называемыхъ „гласистовъ“.

Передовымъ застрѣльщикомъ выступилъ докторъ Вавро Шробаръ, тогда еще (въ 1898 г.) студентъ медицины Пражскаго университета, а затѣмъ докторъ Павелъ Благо, врачъ въ Скалицѣ.

Новое движеніе родилось въ Прагѣ чешской и возникло подъ двумя могущественными вліяніями: — чешскаго ученаго Маса-

рика и ученія гр. Л. Н. Толстого, съ которыми познакомили словаковъ Шкарванъ и ставшій потомъ извѣстнымъ всей Россіи докторъ Душанъ Петровичъ Маковицкій.

Въ Мартинѣ въ руки подростающему поколѣнію давали прежде всего „Россію и Европу“ Данилевскаго. Толстой обратилъ ихъ отъ гадательныхъ мечтаній о далекомъ будущемъ славянства къ живой и насущной работѣ надъ самимъ собой и на пользу ближняго, а отсюда одинъ шагъ, и передъ человѣкомъ раскрывается кипучій и безостановочный водоворотъ жизни общественной. Въ Чехіи, этой классической по своему демократизму странѣ Поспишилей, Влчковъ, Совъ и Томковъ, какъ разъ въ то время, послѣ большого процесса съ Омладиной, шла лихорадочная дѣятельность по организаціи рабочихъ и студенчества, и молодые словаки затосковали по дѣлу и у себя дома, на Словачинѣ. А съ отвѣтомъ, какъ работать, пришелъ къ нимъ Масарикъ. „Масарикъ, пишетъ Шробаръ, будилъ охоту къ труду и жизни въ каждомъ, кто имѣлъ случай познакомиться съ нимъ или съ его сочиненіями. Масарикъ возбуждалъ къ духовному труду, воскрешалъ души. И здѣсь онъ сошелся съ Толстымъ. Толстой училъ любить Бога и ближняго, Масарикъ научилъ насъ чтить духовныя основы человѣка: душу и разумъ. Толстой звалъ къ любви во имя закона вѣчнаго, трансцедентальнаго, Масарикъ во имя человѣчности, во имя здраваго разсудка, но оба вели къ одному—къ нравственному возрожденію человѣка, Толстой дорогой чувства, Масарикъ путемъ разума. Славянство рѣдко когда переживало такое счастливое время: два величайшихъ его мыслителя въ полномъ согласіи другъ съ другомъ прокладывали намъ дорогу къ чистѣйшему идеалу человѣчества—къ гуманности“. И вотъ въ 1897 г. прямо съ обычнаго торжественнаго собранія въ Мартинѣ, гдѣ мысль народная не выходила изъ разъ очерченнаго круга идей, жадная новыхъ кругозоровъ группа прогрессивной молодежи со Шробаромъ во главѣ отправилась къ Масарику и выработала себѣ тамъ при его помощи новую программу дѣйствій, а для ея распространенія рѣшила издавать журналъ. Такъ возникъ „Hlas“, а отъ его имени и всѣ его сторонники получили названіе гласистовъ.

Въ своей общей и словацкой мѣстной программѣ гласисты выступили, какъ самой чистой воды демократы, требуя для народа всеобщаго и тайнаго голосованія, широкой мѣстной автономіи со словацкимъ языкомъ въ управленіи, церкви и школѣ, введенія подоходнаго налога, безплатнаго судопроизводства и обу-

ченія, свободы печати, собраній, союзовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они совершенно измѣняли пріемы дѣйствія. До сихъ поръ словаки-патріоты жили по готовой трафареткѣ: во всемъ виноваты мадьяре; не будь мадьяръ, словаки были бы счастливѣйшимъ и добродѣтельнѣйшимъ народомъ на свѣтѣ. Гласисты первые имѣли смѣлость сказать, что каждый народъ достоинъ своей судьбы, а если онъ ею недоволенъ и хочетъ лучшаго, то прежде всего самъ долженъ стать лучшимъ. Мадьярскаго засилія не было бы, если бы не было словацкой косности, лѣни и отсталости.

„У насъ всѣ вины сваливаются на мадьяроновъ, но, если оставить въ сторонѣ различіе политическихъ мнѣній, то въ жизни, въ нравственномъ и образовательномъ уровнѣ между нами, народными патріотами, и мадьяронами нѣтъ разницы никакой: всѣ мы, какъ одинъ, а пока мы споримъ другъ съ другомъ,—около насъ милліоны бѣднаго, ослѣпленнаго невѣжествомъ народа бьются изъ-за куска черстваго хлѣба. Опутала его желѣзными путами мадьярская государственность, омоталъ паутиною, высасывая изъ него послѣдніе соки, еврей-ростовщикъ, и стоитъ онъ среди насъ, одинокій и безпомощный, и духовно и матеріально обездоленный, кривдѣ и горю на волю оставленный, видя въ каждомъ человѣкѣ въ сюртукѣ, будь онъ мадьяронъ или патріотъ, врага. А мы еще имѣемъ смѣлость негодовать, что онъ до сихъ поръ не проникся нашими народными идеалами!

„Надо идти въ народъ не съ гордымъ и эгоистическимъ высокомѣріемъ интеллигента передъ чернію тупой, въ которомъ таится еще пережитокъ средневѣкового феодализма, а съ сознаніемъ собственнаго недостоинства, съ чувствомъ своей вины передъ народомъ. А для этого надо начать реформу съ самихъ себя. Надо углубить и расширить наше просвѣщеніе, порвать разъ навсегда съ поверхностнымъ диллетантизмомъ и, создавъ цѣлую армію молодыхъ работниковъ-спеціалистовъ по разнымъ отдѣламъ труда, распылить ихъ знанія по всему народу. Пусть молодежь идетъ въ деревню, устраиваетъ тамъ чтенія, разноситъ въ забытые углы деревень книги и газеты. Надо повести планомѣрную работу и въ области народнаго хозяйства, создать промышленныя, торговыя, хозяйственныя организаціи, чтобы увидѣлъ народъ и осязательно почувствовалъ въ жизни, что онъ близокъ и дорогъ намъ не отвлеченно, а такимъ, какъ онъ есть, что близка намъ дѣйствительно нужда и горе народное.

„А что касается до политики, то самымъ первымъ пунктомъ нашей политической программы да будетъ отказъ отъ всякой по-

литики, ибо, чтобы успѣшно дѣйствовать на поприщѣ политическомъ, надо сперва еще исполнить цѣлую груду работы неполитической, мелкой, ни для кого не видной, но глубоко важной работы надъ поднятіемъ нравственнаго, образовательнаго, хозяйственнаго уровня народа. И здѣсь, въ насъ самихъ, а не въ счастливомъ сплетеніи внѣшнихъ обстоятельствъ лежитъ наше спасеніе. Не славянство и не высшія политическія коньюнктуры, а деревня, волость, мѣстечко, столица — вотъ для насъ главныя реальныя величины. Поскольку мы здѣсь будемъ сильны, постольку увеличится и нашъ политическій вѣсъ на вѣсахъ мадьяръ и въ глазахъ всего славянства".

Такъ писали и проповѣдывали гласисты.

Въ программѣ ихъ, нѣсколько простодушной въ своемъ покаянномъ настроеніи, нѣсколько узкой въ педантической боязни широкихъ кругозоровъ и нѣсколько рѣзкой въ юношескомъ задорѣ противъ старыхъ народныхъ дѣятелей не было въ сущности ничего непріемлемаго для любого словака. Но старость, въ своей привычкѣ къ безусловной власти нетерпима не менѣе, чѣмъ тотъ шумный задоръ, съ которымъ стучится молодость даже и въ открытую дверь. И потому вмѣсто общаго на первый планъ рѣзко подчеркнутыя выступили впередъ различія, а ихъ было не мало. Старые находили для мадьяръ одни слова негодованія и вражды; молодые призывали изучать мадьярскую науку, литературу, искусство, чтобы у самаго источника познакомиться съ силой, которая гнететъ словацкій народъ. Старые вѣрили въ міровую катастрофу и ждали спасенія извнѣ; молодые искали его внутри своей собственной и народной души. Старые вѣрили въ Россію Каткова и въ лучшемъ случаѣ Данилевскаго; молодые вь Россію Толстого и русскихъ западниковъ. Старые были консерваторы; молодые — либералы. Старые — романтики и поэты; молодые — реалисты и практики. Старые главную суть народа видѣли въ интеллигенціи; молодые въ простомъ народѣ. Старые устраивали музеи и театры; молодые старались окунуться въ самую гущу народной жизни. И завязался между обоими вѣковѣчный споръ отцовъ и дѣтей, изъ котораго всегда выходитъ окрѣпшими мысль и дѣло народное.

За первое же полугодіе существованія „Гласа" въ окрестности одной Скалицы было устроено гласистами 25 народныхъ чтеній. Двинулась впередъ и работа по организаціи народа. Семь лѣтъ (1898—1905) стойко держался „Hlas", а, когда прекратился, его знамя взялъ въ свои руки еженедѣльный „Slovenský Tyždenník". Съ нимъ рука объ руку идутъ и ежемѣсячные „Prúdy",

органъ вновь народившейся молодежи. Есть у молодыхъ словаковъ свои ошибки, и первая изъ нихъ отождествленіе народнаго дѣла съ дѣломъ лѣвыхъ партій: партійность уже по самому существу своему не можетъ покрывать народности. Но ошибки неизбѣжны тамъ, гдѣ есть жизнь. А она, неугомонная, не замерла въ молодомъ словацкомъ поколѣніи, и это — залогъ, что живъ еще и не умретъ словацкій народъ.

IX.

Три раза на протяженіи исторической жизни словацкаго народа мѣнялось у словаковъ понятіе объ отчизнѣ. Нѣкогда родиной для словака было все пространство чешско-словацкихъ земель, входившее въ составъ Велико-моравской державы Святополка. При Матвѣѣ Тренчанскомъ и во времена революціи и Memorandum'а объемъ словацкой отчизны сузился до предѣловъ этнографической территоріи, чисто словацкаго Околья. Наконецъ въ эпоху феодализма границы родины очерчивались тѣснымъ кругомъ, обведеннымъ около замка или города, гдѣ жили подданные леннаго владѣльца. За все это время неизмѣннымъ осталось только одно: исконное славянское устройство словаковъ по стòлицамъ, или комитатамъ, и кто хочетъ работать для народа, долженъ прежде всего считаться съ этимъ фактомъ. „Стòлица — пишетъ Шробаръ — вотъ поле для нашихъ дѣйствій; пока мы не будемъ сильны въ столицахъ, не можетъ быть и рѣчи объ единствѣ всей словацкой земли, о соединеніи народа въ одномъ цѣломъ".

И Шробаръ правъ: нужна прежде всего работа на мѣстахъ, невидный, муравьиный трудъ у основанія, въ самомъ низу. Но стоитъ только на мигъ оторвать глаза отъ плуга, который водитъ рука, и взглянуть даже не въ даль, а на два шага передъ собою, чтобы увидѣть болѣе широкіе горизонты. Всякая сила нужна человѣку не сама по себѣ, а для чего-нибудь. Вліяніе въ стòлицахъ необходимо словакамъ прежде всего для осуществленія народной автономіи, но эта послѣдняя немыслима безъ опредѣленія этнографическихъ границъ Словачины, иначе говоря, безъ понятія о Дакснеровомъ „Окольѣ". Околья же, или народной автономіи, словаки могутъ добиться только при коренномъ переустройствѣ всей Венгріи, т. е. въ союзѣ съ другими немадьярскими народностями, при чемъ ближайшей и естественной опорой для нихъ будетъ лежащая тутъ же за венгерской границей

Чехія. Велико-моравская держава политически не существуетъ уже тысячу лѣтъ, но и теперь, когда дѣло идетъ о наукѣ и культурѣ, между чехами и словаками нѣтъ границъ. Отсюда еще одинъ взлетъ въ высь, и передъ нами раскрываются необъятные горизонты уже не отдѣльныхъ народностей, а всего широкаго славянства. Это та точка, съ которой смотритъ на словацкую жизнь Ваянскій. Крайности сходятся, и оказывается, что гласисты и мартиновцы не уничтожаютъ, а лишь взаимно дополняютъ другъ друга. Это постепенно расширяющіеся круги, которые однако всѣ имѣютъ одинъ и тотъ же общій центръ.

Старые словаки строили зданіе словацкаго возрожденія, начиная съ крыши; молодые подводятъ къ нему основаніе, но и тѣ и другіе трудятся надъ постройкой одного и того же зданія. И чѣмъ больше работниковъ съ разныхъ сторонъ приносятъ для него камни, тѣмъ лучше. Дифференціація мнѣній, взглядовъ, силъ—необходимое условіе правильной народной жизни. Мы же, смотря на всю эту работу со стороны, можемъ только желать, чтобы какъ можно пышнѣе и богаче зазеленѣлись ея всходы и воздвигся бы наконецъ домъ возрожденнаго словацства такимъ же свѣтлымъ и яснымъ, какъ блистающій на солнцѣ своими бѣлыми стѣнами словацкій музей, эта сокровищница, гдѣ собраны плоды всей умственной и духовной дѣятельности словацкаго народа.—

Ваянскій и Гвѣздославъ.

Литературная характеристика.

Главнымъ очагомъ словацкаго народнаго движенія издавна сталъ Турчанскій св. Мартинъ, первая станція отъ Врутокъ (Ruttka) по направленію къ Будапешту. Когда напишешь рядомъ съ названіемъ этого города слово „движеніе“, невольно остановишься: такъ мало идетъ это слово къ тихому и маленькому мѣстечку, протянувшемуся одной улицей отъ католической церкви св. Мартина до лютеранской кирхи и немного далѣе. Нѣсколько поперечныхъ одноэтажныхъ бѣлыхъ домиковъ, ставшихъ въ рядъ, даже и улицей назвать не хочется. И однако въ этихъ трехъ-четырехоконныхъ бѣленькихъ домикахъ упорно работаетъ и работала словацкая мысль. Хотите присмотрѣться ближе — зайдите пополудни въ одинъ изъ немногихъ двухъэтажныхъ домиковъ на концѣ города, гдѣ помѣщается Книгопечатное общество: тамъ на второмъ этажѣ въ небольшихъ двухъ комнаткахъ пріютилась редакція Narodných Novin. Два-три стола, заваленныхъ кучей разныхъ газетъ, полка съ энциклопедическими словарями и конторка. За ней высокая стройная фигура: это главный и единственный сотрудникъ „Новинъ“ Іосифъ Шкультети, проглядывая газеты, спѣшно дѣлаетъ вырѣзки, а въ другой комнатѣ за столомъ и самъ редакторъ. Ему уже больше 60 лѣтъ. Сгорбилась отъ бремени лѣтъ и труда спина, но сохранилась сила во всей осанкѣ и особенно въ лицѣ: крѣпко сжались энергичныя губы: въ глазахъ еще не погасли огни и видна мощь въ этой головѣ съ копной сѣдыхъ волосъ. Это Свѣтозаръ Гурбанъ-Ваянскій.

Какая мысль настойчиво свѣтится въ этихъ глазахъ, такъ много уже видѣвшихъ, печальныхъ, но все еще не сдавшихся

передъ судьбою и каждую минуту готовыхъ отразить нападеніе? Какая дума сжала эти губы? Отвѣтитъ самъ Ваянскій:

Понять такъ трудно жизнь людскую,
Ея теченья дивный бѣгъ,
Могилы тайну роковую,
Предѣлъ страданій и утѣхъ.
Измѣрить можно-ль вѣчность мѣрой?
Постичь безсильны мы Творца, —
И начинаетъ разумъ съ вѣрой
Свой поединокъ безъ конца.

Я знаю ужасы сомнѣній,
Когда, волнуясь, кровь кипитъ,
Мятется умъ, а заблужденій
Престолъ незыблемо стоитъ!
Но все снесу я, Боже строгій,
И ужасъ мукъ и хаосъ думъ.
Пусть вѣчною томимъ тревогой,
Терзается мой слабый умъ,

Пусть мглой объятый темной ночи,
Я не сложу усталыхъ рукъ,
Пусть радости не узрятъ очи,
Пусть буду жертвой вѣчныхъ мукъ, —
Ты мнѣ одно лишь, о Предвѣчный,
Одно, о Господи, открой:
За что страдаетъ безконечно
Народъ мой добрый и простой?

Народъ! — вотъ дума, уже много десятковъ лѣтъ тревожащая этотъ умъ, источникъ его радостей и мукъ. О немъ говорили ему въ домѣ отца, гдѣ до могилы тревогой за народъ билось горячее сердце Іосифа Гурбана. О немъ слышалъ онъ въ гимназіи въ Банской Быстрицѣ, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ Мойзесъ; о немъ думалъ онъ молодымъ адвокатомъ, начиная свое поприще въ Скалицѣ, и ему же въ жертву принесъ онъ все, промѣнявъ карьеру, на которую давали ему право умъ, образованіе и талантъ, на жизнь въ захолустномъ Мартинѣ.

Ваянскій началъ писать съ 1874 года. Въ 1879 году вышелъ доставившій ему сразу широкую извѣстность сборникъ стиховъ „Tatry a more“. Значитъ его первые шаги совпали съ самымъ труднымъ для словацкаго народа временемъ, когда послѣ весеннихъ дней 48-го года и краткаго лѣта настала для словаковъ съ закрытіемъ Матицы осень:

Настала осень, сыростью повѣяло въ долинахъ
И темныхъ елей мглой окутался уборъ.
Деревьевъ стонъ смѣшался съ плачемъ вѣтра на руинахъ,
На стѣнахъ Стречна вывелъ иней свой узоръ.
Станицей журавли на югъ далекій улетѣли
Съ собою унося тепло и солнца блескъ.
Цвѣты въ саду, увянувъ отъ мороза, облетѣли...
Несется съ горъ сѣкиры стукъ, деревьевъ трескъ.
Шумитъ и плачетъ мутный Вагъ, безпомощный и жалкій,
Отъ холода дрожатъ въ водѣ и мрутъ русалки...

Дыханіе осенней непогоды слышно въ каждомъ стихѣ Ваянскаго. „У насъ грустно, точно на кладбищѣ, гдѣ рукой татарина повержены въ прахъ всѣ памятники; у насъ грустно точно въ срубленной рощѣ, гдѣ среди пустоты торчатъ одни только голые пенья. Замолкло слово, не подаетъ голоса сердце; мы спимъ и никто насъ не пробудитъ даже пѣснью“ (Na cestu). Но поэтъ все-таки начинаетъ свою пѣсню, описывая, какъ ободранные и голодные тянутся словаки на работы, ища на чужбинѣ куска черстваго хлѣба, въ которомъ отказала имъ родина. Какъ къ нашему Некрасову, и къ нему подошло бы названіе печальника народнаго. Но вслушиваться слишкомъ долго въ жалкій стонъ осенняго вѣтра не въ характерѣ этого человѣка силы, и звуки горя и жалобы въ рамкахъ одного и того-же стихотворенія внезапно смѣняются непокорными словами угрозы, а онъ самъ переходитъ въ положеніе наступающаго и сулитъ похоронныя дроги тѣмъ, кто хотѣлъ бы отвезти на нихъ въ могилу словацкій народъ. Муза Ваянскаго скорѣе муза гнѣва, чѣмъ печали. „Гнѣвъ святой—пишетъ онъ—такой же даръ Божій, какъ и любовь. Понесемъ же гнѣвъ сердецъ нашихъ къ престолу Всевышняго Бога, передадимъ его сонмамъ ангельскимъ. Пусть заблеститъ пламенный обоюдоострый мечъ въ десницѣ архангела Михаила!“

Слушая эти гнѣвно-призывные звуки, смотря на самого этого человѣка, какъ, надвинувъ шапку и упорно думая свою думу, ходитъ онъ большими и размашистыми шагами по единственной улицѣ Мартина, невольно задаешь себѣ вопросъ: гдѣ же корни, которыми питается эта сила? Въ прекрасномъ, полномъ бодрости стихотвореніи „Горжусь, что я словакъ“ (Ja som pyšný, že som slovák), Ваянскій открываетъ намъ ея источники: онъ черпалъ свою силу тамъ же, гдѣ его учителя, Колларъ и Штуръ. Ни великолѣпіе Будапешта, ни яростные натиски мадьяръ не могутъ заставить его забытъ, что его языкъ, языкъ славянъ, звучитъ отъ Кам-

чатки до Азіи, что въ то время, какъ одинъ его братъ пальмы садитъ, другой видитъ передъ собой вѣчные льды.

Ваянскій пережилъ войну 1877—1878 г., единственную, можетъ-быть, въ мірѣ:

I Hannibala karthagenský boj
I Bonaparta, postrach všehomira [1],
Zahanbil [2]) Rusov zabalkanský broj [3])
Pod bariakami [4]) Gurka bohatýra.

Отбывая какъ разъ въ это время воинскую повинность въ Далматіи, гдѣ Австро-Венгрія сосредоточила свои войска для наблюденія за черногорцами, самъ Ваянскій былъ на самомъ дѣлѣ всѣмъ сердцемъ съ тѣми, за кѣмъ ему приходилось противъ воли наблюдать. Его сверстники-мадьяре изъ ненависти къ Россіи и славянству послали изъ Пешта почетную шпагу въ даръ Осману-пашѣ, а онъ, восторженный и изумленный, слѣдилъ, какъ, стальной щетиною сверкая, встала русская земля за освобожденіе родного народа, съ нами переживалъ наши боли и праздновалъ торжество санъ-стефанскаго договора. Вчерашній рабъ на его глазахъ сталъ свободнымъ, и отнынѣ онъ не измѣнитъ своей вѣрѣ въ славянство и Россію; „Ужъ если хочешь знать ты правду цѣликомъ—говорится въ стихотвореніи „Pod l'adom“,—то знай: ни Вагу, ни этой Влтавѣ, ни Бѣлграду, ни Кракову, ни Варшавѣ не соединить въ единомъ чувствѣ (duchom) великую семью Славы. Все, что мы дѣлали до сихъ поръ, это только завязи, цвѣты, которыми весною бѣлѣется яблоня, блѣдная полоска свѣта на небѣ передъ восходомъ зари. Плоды созрѣютъ, лучи заблестятъ во всемъ своемъ великолѣпіи, когда поднимется и взглянетъ на насъ центральное солнце“. Нужно ли добавлять, что этимъ солнцемъ была для Ваянскаго Россія? И много горькихъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ и уже давно сѣдиною покрылась молодая голова Ваянскаго, а еще до сихъ поръ нигдѣ вы не найдете такого искренняго сочувствія и любви къ Россіи, какъ подъ красными черепичатыми крышами бѣленькихъ домовъ Мартина.

Великое, еще недостаточно учтенное нами, славянами, а особенно поляками, значеніе войны 1877—1878 года въ томъ между прочимъ и заключается, что въ ней подъ Плевной и на

[1]) Ужасъ вселенной.
[2]) Пристыдилъ, посрамилъ.
[3]) Число, полкъ.
[4]) Знаменами.

усѣянной русскими костями Шипкѣ на дѣлѣ оправдалась идея о силѣ объединеннаго духовно славянства. Если одна идея могла пробудить къ жизни цѣлый народъ, то какою же могла бы быть сила общеславянскаго дѣла! Ваянскій почувствовалъ это сердцемъ; поняли и тѣ, кто, несмотря на весь свой либерализмъ, послали золотую шпагу турецкому пашѣ. Мадьяре ощутили силу, идущую изъ маленькихъ книжечекъ Ваянскаго. Когда-то словацкихъ патріотовъ, Францисци, Дакснера, Паулини-Тота они обезвреживали тѣмъ, что переводили ихъ на службу въ чисто мадьярскія области, отрывая навсегда отъ родного края и народа. Для Ваянскаго это средство не годилось: поэтъ и только поэтъ и журналистъ, онъ не былъ чиновникомъ. Тогда раскрылись для него стѣны мадьярскихъ тюремъ. Но въ тюрьму можно посадить человѣка, а не идеи: онѣ свободны, какъ вольный вѣтеръ. И изъ четырехъ стѣнъ узкой тюрьмы шелъ на просторъ къ словакамъ смѣлый голосъ ихъ поэта. Кара за карой сыпались на его голову, а онъ, неукротимый, точно ветхозавѣтный пророкъ, не склонилъ головы, но еще самъ громилъ тюремщиковъ, увѣренно напоминая, что настанетъ день суда для мадьярскаго „дракона“:

Король печалью сокрушенъ глубокой:
Въ его владѣньяхъ свилъ гнѣздо драконъ;
Что день, онъ дани требуетъ жестокой—
Шесть юношей, шесть дѣвъ! Со всѣхъ сторонъ
Король созвалъ богатырей! Напрасно:
Отъ змѣя стонъ идетъ въ странѣ несчастной.

Едва успѣетъ мать младенца-сына
Взрастить и грудью выкормить своей,
Ужъ сыщикъ тутъ и тономъ властелина
Кричитъ: „Давай дитя; ѣсть хочетъ змѣй“.
А змѣй лежитъ, зіяя пастью жадной
И гибнутъ дѣти въ пасти безпощадной.

Къ намъ въ горы гадъ забрался изъ долины,
А сыщикамъ у насъ здѣсь нѣтъ числа.
А палачей—ихъ знаетъ Богъ единый.
Лишь матери хранятъ своихъ дѣтей отъ зла.
Молись, о, мать, да благостью обильный
Ребенка сохранитъ тебѣ Господь всесильный.

А если обреченъ онъ въ жертву гаду,
То знай, о, мать: твою святую грудь
Народъ слезами оросить въ награду
И скажетъ онъ: благословенна будь!
Господь оцѣнитъ глубь твоихъ страданій,
Тебя возславятъ хоры ликованій.

А палачамъ скажу я безъ боязни,
Я, слабый Музы сынъ: ужъ близокъ часъ
Суровой, вѣчной, неизбѣжной казни:
Она падетъ, губители, на васъ!
Ужъ Попельваръ готовитъ не блѣднѣя
Свой мечъ на пасть зіяющую змѣя!

Вы мыслите, что это ложь пустая?
Что наши чаянья—обманъ одинъ?
Смотрите: разгораясь и сверкая,
Пылаетъ цѣпь заоблачныхъ вершинъ.
Востокъ объятъ ужъ заревомъ пожара.
Въ приходъ мы вѣримъ Попельвара!

Было бы, конечно, наивностью, если бы Ваянскій при всей его вѣрѣ въ катастрофальность исторіи ждалъ спасенія для своего народа отъ одного внѣшняго вмѣшательства. Было бы преступленіемъ, если бы, ожидая катастрофы, поэтъ ни во что ставилъ собственныя силы народа: безъ насъ самихъ Богъ не можетъ насъ спасти. И Ваянскій это знаетъ: „надобно честно заслужить себѣ счастливую долю, пишетъ онъ. Богъ создалъ насъ не для незаслуженнаго счастья, но для боя за него, для работы и веселой отваги“. Непростительно, попавъ въ яму, лежать кверху ногами и вопить на весь міръ о помощи, самому не двигаясь съ мѣста. Но Попельваръ Ваянскаго—это герой народныхъ словацкихъ сказокъ; онъ созданъ глубиною народнаго духа и не извнѣ пришелъ къ словакамъ. Это—ихъ собственный голосъ. И оттого такъ настойчиво повторяетъ Ваянскій свой вѣчный припѣвъ: „близокъ, близокъ день кары“, что онъ вѣритъ въ плодотворность работы надъ народнымъ возрожденіемъ, вѣритъ въ свой народъ, хотя и видитъ, чего ему недостаетъ.

„Изъ народа нашего, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ романовъ (Besedy a dumy, I, 153), еще не вышумѣли робость и страхъ, привитые крѣпостнымъ правомъ. Старшіе люди у насъ еще тянули господскіе плуги, сгибая спину подъ палками суровыхъ гайдуковъ. Позорную печать рабства изгладитъ время—пока она еще клеймитъ словацкое чело“. Одна изъ героинь того же романа говоритъ своему отцу: „Вы сами виноваты, что воспитали такой обабившійся народъ. За него вы думаете, молитесь, работаете, а гдѣ ваша награда? Онъ васъ и знать не хочетъ и равнодушно смотритъ, какъ васъ сажаютъ въ тюрьмы. Только о Богѣ да о послушаніи трубите вы ему въ уши,—ну вотъ онъ вамъ Бога и боится, а подлецовъ слушаетъ. Развѣ бы это было возможно, если бы вы кричали этой массѣ: ты—мощь, въ тебѣ

сила! Знай о своей силѣ и, когда тебя бьютъ, вспомни, что и у тебя есть руки". (Тѣ. 118). Кажется, что этому властному и сильному человѣку досадно, что у его „тихаго и добраго" народа мало воли къ власти, но вѣдь онъ и самъ сынъ словацкой земли и, чувствуя силу въ себѣ, онъ думаетъ, что она въ скрытомъ состояніи, но есть и у народа. Надо только ее пробудить. И вотъ, пѣвецъ скорби гордой, онъ изъ подъ ярма, подъ которымъ согнулась его шея, но не воля, не умолкая, зоветъ народъ на бой. И здѣсь ничто не въ состояніи сломить его вѣры: переиздавая спустя двадцать лѣтъ свой сборникъ „Z pod jarma", онъ съ удвоенной силой пророчитъ въ предисловіи къ книгѣ близкій часъ воскресенія:

Я радъ бы титулъ измѣнить печальный,
Я радъ бы вплесть, забывши о ненастьѣ,
Въ мелодію скорбей звукъ пѣсни бальной
И въ мрачность темныхъ красокъ пурпуръ счастья.
Ужъ двадцать лѣтъ надъ нами пролетѣло,
Какъ изъ подъ ига вышли эти звуки,
Но все еще подъ игомъ наше тѣло
И связаны веревкой наши руки.

Идите-жъ, пѣсни, въ свѣтъ, какъ встарь, идите
И горя ржавчиною зеленѣйте.
Будите людъ, на бой съ врагомъ зовите,
Скорбь гордую въ родныя души лейте!
Въ страданьяхъ гордыхъ подвигъ смѣлый зрѣетъ.
Нѣтъ! Двадцать лѣтъ не пролетѣло даромъ!
Ужъ ясно видитъ взоръ: заря алѣетъ,
И близокъ судъ надъ нашимъ игомъ старымъ.

Когда у Сампсона отростутъ волосы, веревки, связывающія его руки, спадутъ сами собой. Пусть громоздятся на улицахъ Будапешта великолѣпныя громады домовъ: вся эта пышная внѣшность—только видимость, только прахъ одинъ. Маленькіе домики Мартина устойчивѣе и прочнѣе, ибо тамъ—правда, а Ваянскій, хотя и большой поклонникъ силы, знаетъ, что настоящая сила только въ правдѣ, и это сознаніе придаетъ ему непоколебимую увѣренность въ конечномъ торжествѣ своего народа, а его поэзіи мощь.

Ища правды, онъ умѣетъ одерживать побѣды даже надъ самимъ собою. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна великолѣпная поэма „Иродъ" (Herodes), навѣянная насильственнымъ отбираніемъ дѣтей у словаковъ въ цѣляхъ мадьяризаціи.

Грозной вьюгой ветхозавѣтнаго вдохновенія вѣетъ отъ предисловія къ поэмѣ: „О, небо синее! ты рѣдко слышало, чтобъ изъ моей груди къ твоимъ высотамъ несся вздохъ покорный: моя душа, какъ камень; мой духъ—понурый, дерзкій и неукротимый. Онъ нѣжныхъ чувствъ не знаетъ лепетанья: ему сатиры ближе жгучій, ѣдкій пламень. Но нынѣ, небо синее, внемли моей мольбѣ. Какъ блудный сынъ, передъ тобой стою я, сокрушенный. Отмсти за пролитую кровь! Дай, Боже вѣчный, чтобъ объ острый камень ихъ младенцевъ чуждый врагъ разбилъ; дай, чтобъ ихъ отцовъ-грабителей скелеты, разрывъ могилы, съ тихихъ кладбищъ выбросили вонъ. Ты слышишь: это рѣчи твоего пророка. Ты самъ въ него вдохнулъ святой свой гнѣвъ. О, дай же силу мнѣ, дай пѣснію разжечь огонь негодованья, благослови мой гласъ, да встанетъ на кличъ призывный пламенныхъ рѣчей могучій мститель!“

И начинается основанный на дѣйствительномъ случаѣ разсказъ о томъ, какъ забрали мадьяре двухъ малютокъ у матери и отвезли на чужбину, чтобы превратить ихъ въ мадьяръ. Но не выдержали дѣти неволи и—бѣжали: забрались подъ паровозъ и прицѣпились къ нему ручонками. Шумитъ и грохочетъ стальными колесами поѣздъ, а подъ нимъ мчатся малютки. Мчатся, но млѣютъ дѣтскія руки и нѣтъ ужъ въ нихъ силъ. Шумятъ и грохочутъ, качаясь, вагоны, несется въ даль поѣздъ, и бурный, стремительный, страстный несется и стихъ. Растетъ и кипитъ въ немъ негодованіе, и гнѣвъ, и месть. И становится страшно и больно уже не за мадьяръ и не за малютокъ, а за того, въ чьей груди кипитъ и рвется наружу губящій гнѣвъ ненависти. Жутко. Хотѣлось бы закрыть книгу и не слышать. Но все шибче и шибче шумятъ и грохочутъ колеса—замлѣвшія дѣтскія ручки опали, пронесся поѣздъ, и только два дѣтскія размозженныя тѣльца, залитыя кровью, остались на рельсахъ. До высшаго напряженія натянулась струна. . Поэма кончена, и вдругъ, какъ вздохъ внезапнаго облегченія, точно совершился какой-то глубокій, душевный переломъ, неожиданно вырываются изъ души поэта послѣднія слова—эпилогъ:

„О, небо синее! Лучи твоего яснаго солнца, дрожа въ лазури, растопили ледъ въ моей душѣ. Гаснетъ искра гнѣва. Слезы каплютъ изъ очей и къ сердцу подступаетъ жалость. О, небо синее! услышь мою молитву. Въ смиреніи къ тебѣ я прибѣгаю. Какъ славянинъ, я предъ тобой стою. Не мсти за нашу кровь своею грозной карой! Помилуй, Боже, тѣхъ, что мучили невинныхъ нашихъ малютокъ. Пошли, о, Господи, прощеніе всѣмъ, кто

дерзко поднималъ на нашъ народъ святотатственную руку. Прости ихъ... Вслѣдъ за Христомъ тебя я умоляю. Сама Любовь, онъ снизойдетъ съ своей Голгоѳы къ нашему народу, спасетъ его отъ ига азіатовъ. Я вѣрю: съ креста, сверкая пурпуромъ, слетитъ на насъ сіянье утренней зари,—и Татры громами, а море бурями ей зашумитъ навстрѣчу".

Съ креста... In hoc signo vinces. „Ты ослабѣлъ, ты изнемогъ... Помолись же Богу, чтобы далъ тебѣ силу и крѣпость воли, чтобы ты не отчаялся, не унывалъ, не палъ нравственно, не валялся у ногъ побѣдителя, врага твоего народа, чтобы сталъ ты достоинъ страданій, которыя послалъ тебѣ Богъ, ибо и страданіе— Божій даръ. Лишь бы только пронести намъ его съ честью, не унижаться и не запятнать святого славянскаго дѣла, которое заслуживаетъ и не такихъ еще мукъ". Ваянскій вѣритъ въ торжество униженной правды, какъ человѣкъ, „какъ славянинъ", ибо онъ помнитъ великій завѣтъ Коллара, что истинно-славянское должно быть истинно-человѣческимъ. И то, что онъ славянское дѣло укрѣпляетъ на нерушимой основѣ Высшей Правды и придаетъ главную мощь его поэзіи и—прозѣ.

Ибо Ваянскій не только авторъ трехъ стихотворныхъ сборниковъ „Tatry a more", „Z pod jarma" и „Verše": онъ еще и прозаикъ. У Ваянскаго-поэта есть соперникъ—Гвѣздославъ: съ Ваянскимъ романистомъ никто спорить не можетъ: онъ создатель словацкаго романа. Его первые романы „Letiace tiene" и „Sucha ratolesť" останутся надолго образцами классической словацкой прозы. Его послѣдній романъ „Kotlin", гдѣ съ Ваянскимъ-художникомъ споритъ Ваянскій-публицистъ, ѣдкій, желчный, остроумный, будетъ долго живой картиною современной словацкой жизни, когда въ обществѣ началась уже дифференціація мнѣній, взглядовъ, партій. А кромѣ нихъ за Ваянскимъ числится еще большой романъ „Koreň a vyhonky", „Pustokvet" и пять книгъ повѣстей и новеллъ, образецъ которыхъ читатель найдетъ ниже. Для бѣдной и небольшой словацкой литературы это — цѣлый кладъ неоцѣненной стоимости.

Если бы надо было сравнить Ваянскаго съ кѣмъ-нибудь изъ нашихъ писателей, я бы назвалъ имя Тургенева. У него та же нѣжность линій, та же тонкость красокъ, тотъ же мягкій, хотя и отчетливый, выразительный рисунокъ. Теперь намъ такой способъ письма кажется уже немного устарѣлымъ, но это —устарѣлость гравюръ на мѣди Пожалостина. Ихъ давно уже вытѣснили

фототипія и геліогравюра. Чѣмъ рѣже однако онѣ встрѣчаются, тѣмъ пріятнѣе ихъ видѣть.

Великій поклонникъ Пушкина, современникъ такихъ мастеровъ слова, какъ Тургеневъ, Толстой, Достоевскій, Сенкевичъ, Ваянскій не можетъ не быть реалистомъ. Но, когда говоришь объ его реализмѣ, вспоминаются его собственныя слова о словакахъ: „напрасно словенскій человѣкъ будетъ называть себя реалистомъ. Сквозь его реализмъ пробивается наружу поэзія, какъ сквозь разостланную на лугу сѣть зелень травы. Кто сумѣетъ нарисовать словацкіе типы, тотъ—живописецъ поэтическихъ образовъ. Можетъ быть, именно оттого мы такъ и безсильны на поприщѣ, гдѣ цѣнность имѣютъ исключительно однѣ математическія истины". Дѣло, конечно, не въ самой изображаемой жизни, а въ озареніи, которое бросаетъ на нее художникъ.

Романтизмъ Ваянскаго проявляется, кажется, больше всего въ выборѣ его сюжетовъ. Съ его умомъ, живымъ, быстрымъ, наблюдательнымъ, онъ могъ бы очертить и вырисовать всѣ круги, въ которыхъ вращается жизнь словацкаго народа. Говорила съ нимъ на склонахъ словацкихъ горъ лѣсная, влажная чаща, та чаща, чтò одна ласкаетъ свѣжимъ дыханіемъ своимъ словацкаго пастуха, одна выслушиваетъ тайны народнаго горя и никому, никому чужому не разскажетъ о томъ, что ввѣрилъ ей всѣми забитый, всѣми презираемый и только ею одной обласканный народъ. Маленькій разсказъ „Цыганенокъ", картинка, изъ воспоминаній дѣтства, когда еще Ваянскій — тогда mladý farar, маленькій сынъ пастора,—бѣгалъ по долинамъ Глубокаго, показываетъ, какъ въ немногихъ штрихахъ умѣетъ поэтъ обрисовать душу простого человѣка даже изъ чуждаго ему народа. Но не сюда, не къ этимъ людямъ природы и даже не въ бѣлые домики маленькихъ словацкихъ городовъ, такъ хорошо знакомые Ваянскому, влечетъ его творческая фантазія. Деревню онъ почти цѣликомъ оставляетъ на долю представителю младшаго поколѣнія, Мартину Кукучину (Бенцуру), а самъ идетъ въ замки и богатыя помѣщичьи усадьбы, гдѣ уже не звучитъ словацкое слово, гдѣ живутъ мадьяре словацкаго происхожденія. „Есть ли такой грѣхъ, такое преступленіе, которое бы ни совершили и не умѣли скрыть въ себѣ замки?"—спрашиваетъ онъ, и однако стучится въ ихъ двери. Зачѣмъ? Повторяемъ: человѣку силы тѣсно въ скромныхъ рамкахъ словацкой жизни; ему хотѣлось бы видѣть сильный и мощный разбѣгъ жизни, видѣть у родного народа независимую и стойкую интеллигенцію и дворянство, которое могло бы спло-

ченной и крѣпкой стѣной встать на защиту народныхъ интересовъ,—и вотъ, хотя онъ и самъ знаетъ, что „легче волны океана влить въ маленькую ямку, чѣмъ возродить къ жизни заплеснѣвѣлую душу отщепенца", онъ берется за это безнадежное дѣло. Но на то, какъ и всякій настоящій писатель, онъ—вѣчный сѣятель будущихъ всходовъ. „Пусть почва камениста и заросла терніями, но она—наша и сѣять надо! Только бы не дрогнула рука, бросая зерна, только бы управлялъ ею духъ любви! Еще труднѣе было сѣять Штуру, а посмотрите, сколько алмазовъ, благодаря ему, заблестѣло въ нашемъ народѣ. Не теряемъ же надежды. Словацкій человѣкъ, это—ячменное зерно, найденное въ головахъ у муміи фараона, 3000 лѣтъ лежавшей въ исполинскихъ камняхъ Хеопсовой пирамиды. Тамъ оно спало вмѣстѣ съ фараономъ: фараонъ спалъ сномъ мертвымъ, а оно дремало. Вынесли его на свѣтъ, бросили во влажную землю, — и ожило оно, потянулось зеленымъ росткомъ къ верху и дало плодъ. Ну же, впередъ! Выносимте на нашихъ плечахъ дорогое наше зерно изъ гроба забвенія! Окропимъ его влагою нашей любви! Настанетъ весна, да какая еще весна!"

И силою своего художественнаго чувства хочетъ Ваянскій создать словакамъ интеллигенцію, пробудить мертвое. Здѣсь онъ измѣняетъ даже своимъ собственнымъ художественнымъ пріемамъ. Обыкновенно лишь съ большой неохотой останавливается онъ на подробностяхъ быта. Онъ его настолько не любитъ, что по его романамъ вы напрасно старались бы возсоздать внѣшнія очертанія словацкаго быта. Но какъ только дѣло коснется замковъ, идутъ подробныя описанія стеклянныхъ верандъ, пышныхъ куртинъ помѣщичьяго сада и богато убранныхъ комнатъ. Не любитъ обыкновенно Ваянскій и рыться слишкомъ долго въ душѣ своихъ героевъ, какъ это дѣлаетъ Достоевскій. Человѣкъ борьбы, онъ интересуется главнымъ образомъ коллизіями людскихъ интересовъ. Но душу словацкаго мадьярона старается онъ описать подробно во всѣхъ ея изгибахъ и найти таки въ безплодной пустынѣ этой уголокъ, гдѣ бы могло пустить корни его горячее слово. Здѣсь онъ — неисправимый романтикъ и мечтатель. Но чувство жизненной правды въ концѣ концовъ беретъ у него однако всегда верхъ. Въ дѣйствительности нѣтъ словацкаго дворянства и аристократіи, и реалистъ побѣждаетъ въ Ваянскомъ романтика. Ростки, какъ будто пускаемые полумертвыми зернами, гибнутъ и въ результатѣ всего получается или „сухая лѣторосль", или въ лучшемъ случаѣ пустоцвѣтъ.

Это любимые герои Ваянскаго, тѣ, кого онъ любитъ, на кого еще надѣется, въ чьемъ сердцѣ, подъ вліяніемъ воспитанія безразлично равнодушномъ къ народному дѣлу, быть можетъ, еще дремлетъ непробужденное чувство народности. Рядомъ съ ними въ романахъ Ваянскаго выводятся и убѣжденные народники; но это типы уже опредѣлившіеся и они сравнительно съ первыми стоятъ въ тѣни, кромѣ развѣ женщинъ, которыхъ Ваянскій рисуетъ съ такой же любовью, какъ Тургеневъ. Наконецъ есть еще третья категорія лицъ, близкихъ къ первому разряду по ихъ отношеніямъ къ народнымъ идеаламъ и далекихъ отъ него по разности чувствъ. Это тотъ огромный рой людей, которымъ подало руку счастье. Это тѣ, кто палъ низко, потому что поднялся высоко по ступенямъ чиновъ и должностей, словаки-мадьяроны, сознательно разыгрывающіе изъ себя чистокровныхъ мадьяръ. При изображеніи ихъ въ Ваянскомъ съ реалистомъ борется уже не романтикъ, а сатирикъ, и находитъ для нихъ только слова презрѣнія. „Ихъ первообразъ — ливрейный лакей, чистящій сапоги богатаго барина. Пришла къ нему въ гости его мать-крестьянка и, узнавъ въ галунахъ своего сына, хотѣла его обнять. Осторожнѣе, мама, — сказалъ лакей — вы запачкаете мнѣ мундиръ“.

„Ахъ, если бы хоть разъ наконецъ свободный, вольный воздухъ Татръ влился въ долины и души наши“—вырвалось какъ-то у Ваянскаго. И самаго вѣрующаго человѣка охватываетъ иногда сомнѣніе. „Широкое поле, селами усѣянный край мой! Какой духъ несется надъ тобою? Духъ возрожденія или чернобогъ вѣчной дремоты?“ Но это длится только минуту. „Я бы и жить не хотѣлъ, пишетъ Ваянскій, во время конечнаго торжества славянства. Тогда все уже будетъ готово, выложено на столъ. Тяжело намъ сносить гнетъ. Правда, но зато тѣ, кто насъ угнетаетъ, кто теперь наверху, глядятъ въ пропасть, готовую ихъ поглотить, а мы, хотя и терпимъ, но видимъ передъ собой настоящую, великую будущность“. И старый борецъ садится за книгами заваленный редакторскій столъ и пишетъ на завтра очередную статью.

Поэтъ и романистъ, Ваянскій около сорока лѣтъ несетъ на себѣ и тяжелое бремя срочной газетной работы. Съ семидесятыхъ годовъ выходятъ аккуратно три раза въ недѣлю его „Národnie Noviny“, и много уже толстыхъ книгъ составилось изъ этихъ газетныхъ листовъ. У насъ газета, это—плодъ сотни работниковъ; у словацкихъ „Národnich Novin“ есть только два работника, Шкультети да Ваянскій. И сколько мысли, сколько богатства чувствъ растрачено здѣсь на мелочи, сколько душевнаго огня

похоронено, сколько досуга взято неблагодарной газетной работой у художника! Заканчивая десятитомное собраніе своихъ сочиненій, Ваянскій написалъ слѣдующія заключительныя слова: „Нѣтъ настоящаго геройства ни у смѣлыхъ стрѣлковъ и дуэлистовъ, ни у насъ, слабыхъ, гибкихъ и податливыхъ. Оно у тѣхъ, кто скромно и тихо работаетъ до конца, кто вѣритъ и надѣется. Да, но родятся ли когда-нибудь у словацкихъ матерей такіе сыновья?“ Они уже родились, и самъ Ваянскій—одинъ изъ нихъ.

Трудна работа на нивѣ народной, а особенно трудна работа словацкаго писателя. Не озаритъ его яркими лучами слава, не запоютъ ему гимновъ благодарности восторженныя толпы народа. Но Ваянскій трудился недаромъ. Писатель европейской мѣрки, былъ онъ не изъ тѣхъ, кто приноравливается ко вкусамъ толпы. Онъ не спускался къ читателю, но его самого старался поднять до своего уровня. И романы и газетныя статьи свои писалъ онъ не для простого народа. Но есть какая-то незримая связь между верхами образованности и низинами народа. Пушкина и теперь еще не читаютъ въ деревняхъ, но, не будь Пушкина, не было бы у насъ ни Кольцова ни Некрасова. И Ваянскій имѣлъ рѣдкое для писателя счастье видѣть плоды своихъ трудовъ. Вотъ что, между прочимъ, разсказываетъ онъ самъ въ своихъ „Тюремныхъ воспоминаніяхъ“. „Когда сидѣлъ я въ Сегединской тюрьмѣ, пришло навѣстить народнаго узника съ десятокъ простыхъ петровчанскихъ мужиковъ. Конечно, ихъ не пустили въ тюрьму.— „Что вамъ нужно отъ этого господина?“—спросилъ начальникъ тюрьмы. Родня онъ вамъ что-ли?„—Да, родня“,—отвѣтилъ статный парень въ черной ментикѣ. „Какая родня? дядя? братъ?“— „Нѣтъ, но ихъ батюшка были отцомъ нашего словацкаго народа, а мы его дѣти; значитъ мы ему братья“.—Само собой разумѣется, что тюремное начальство не признало такого родства, и крестьяне должны были уйти. Но они такъ долго ходили вокругъ и около тюрьмы, что я ихъ увидѣлъ и махнулъ имъ платкомъ изъ-за рѣшетки; они это замѣтили и закричали мнѣ славу“. Писатель и народъ—это два разные полюса, но токъ сомкнулся, загорѣлась искра, и оба почувствовали, что они—одно.

Для писателя не можетъ быть награды выше. Ее заслужилъ себѣ Ваянскій.

* * *

Товарищемъ Ваянскаго и счастливымъ соперникомъ его въ поэзіи былъ и есть Гвѣздославъ. Настоящее имя Гвѣздослава (по-

русски, можетъ быть, слѣдовало бы сказать: Звѣздославъ)—Павелъ Орсагъ. Фамилія его и по-словацки пишется мадьярскимъ правописаніемъ: Orszagh. Мадьярское Орсагъ значитъ по-русски: земля. И по-истинѣ Гвѣздославъ—сынъ земли.

Словацкая земля его вскормила и воспитала; она лелѣяла его дѣтство и ей, какъ вѣрный сынъ любимой матери, отдалъ онъ всю жизнь свою; служилъ онъ ей поэтическимъ талантомъ своимъ, служилъ мелкой, незамѣтной работой, проходя „обыденной сей жизни кругъ“, служилъ безкорыстно,—свой первый ничтожный гонораръ онъ получилъ только на 40-мъ году своей литературной дѣятельности, — служилъ безъ надежды на славу, — долгое время его произведенія не печатались вовсе, — служилъ, не находя себѣ часто даже пониманія, звалъ безъ отвѣта, но, какъ у Ваянскаго, и въ немъ не замолкла пѣсня сердца, не опустилась рука, ибо что же можетъ остановить человѣка, когда онъ чуетъ въ груди своей властный призывъ долга?

Гвѣздославъ родился въ 1849 году. Маленькаго Коллара въ 1813 году училъ первымъ звукамъ русской рѣчи, стоявшій въ Мошовцахъ казакъ Иванъ Даниловъ. И дѣтскую колыбель Павла Орсага, по образному выраженію самого поэта, „качалъ казакъ“: въ 1849 г. русскія войска заняли Ораву и мѣстечко Верхній Кубинъ, гдѣ еще доселѣ сохранился родной двуоконный домикъ Гвѣздослава. Получивъ начальное образованіе въ школахъ окрестныхъ деревень и Верхняго Кубина, Гвѣздославъ поступилъ въ гимназію въ Мишковцѣ, и здѣсь уже въ третьемъ классѣ чуткій къ гармоніи звуковъ маленькій гимназистикъ сталъ слагать стихи:

Ešte som sa leda vladal:
už som hádal, hl'adal, skladal
zvučné slovká z „prikladu“.

Но первые стихи Гвѣздослава были мадьярскіе. Слишкомъ мягка, какъ тонкій воскъ податлива, душа словака. Гвѣздослава очаровали стихи Петефи, который и самъ былъ омадьяреннымъ словакомъ, по фамиліи Петровичемъ. Къ счастью нашлись на Оравѣ чуткіе люди, которые во-время удержали юношу отъ невѣрнаго шага. Они дали ему въ руки Сладковича, и пѣвецъ „Дѣтвы“ плѣнилъ юношу и навсегда поставилъ въ ряды сознательныхъ борцовъ за словацкій народъ. Впослѣдствіи, боясь за карьеру сына, сама нѣжно любимая поэтомъ мать предостерегала его: „будь остороженъ, молчи, не пиши стиховъ, подумай о буду-

щемъ"... Но выборъ былъ уже сдѣланъ. „Я знаю, — отвѣчалъ сынъ, — крутъ и стремнистъ избранный мною путь, но свѣтлое утро родятъ зори, а онѣ кровавы. Я—словакъ, да. Разъ ты — моя, о, мать, инымъ я и быть не могу. Во имя Божіе поднялъ сынъ твой знамя чести".

Zo zor—nuž s krvi rodi sa svit...
Som Slovák, áno. Ked's' ty mojou, mati,
ani nemožné je mi jinym byt'...
tvoj syn snah skvelých vztyčil prapor o Božom mene.

И съ тѣхъ поръ высоко и неизмѣнно въ теченіе больше 40 лѣтъ держитъ Гвѣздославъ эту драгоцѣнную хоругвь въ своей рукѣ.

Окончивъ гимназію въ Кежмаркѣ, а юридическую академію въ словацко-русскомъ Пряшевѣ, онъ поступилъ на государственную службу въ судъ, но пробылъ здѣсь всего только 4 года, а потомъ занялся адвокатурой въ Намѣстовѣ на Оравѣ. Спустя двадцать лѣтъ адвокатской практики онъ въ 1899 году переселился на отдыхъ въ свой родной Кубинъ и теперь живетъ тамъ, окруженный семьею, посвящая себя литературной дѣятельности. Такъ, сынъ Татръ, Гвѣздославъ всю свою жизнь прожилъ въ нихъ и для нихъ и, хотя и писалъ онъ когда-то, что его поэзія, это—голосъ вопіющаго въ пустынѣ, но теперь, когда стоитъ онъ, близкій къ отходу, онъ можетъ быть удовлетворенъ: его родныя Татры въ отвѣтъ на то „море звуковъ, въ которое онъ пряталъ слезы сердца", принесли ему въ день его шестидесятилѣтія пѣснь славы:

Sláva Tebe, Hospodine, žeś nám doprial Hviezdoslava!
Слава Тебѣ, Боже, слава, что ты далъ намъ Гвѣздослава.

За что же поется ему эта слава? За то, что, хотя подобно Ваянскому, пѣлъ онъ для интеллигенціи, но, какъ настоящій поэтъ, обнялъ своею любовью весь народъ и въ сердцѣ дѣлилъ съ нимъ его горе и страданія:

Я—голосъ вопіющаго въ пустынѣ.
Увы! я это чувствую давно.
Пророкъ, который въ міръ пришелъ бы нынѣ,
Сказалъ бы вѣрно: „Что мнѣ до народа,
Что моего не хочетъ знать прихода?
Я для себя пою,—мнѣ все равно,
Что онъ остался чуждъ моей святынѣ!"
Я не пророкъ, но большаго желаю:
Хочу съ народомъ слиться я вполнѣ!

Я всѣ его страданья раздѣляю.
Всѣ радости, невзгоды съ нимъ дѣлю я,
Отъ всей своей души его люблю я!
Въ глухую ночь взываю я: «Ко мнѣ!
Сюда! Я хлѣбъ и свѣтъ вамъ предлагаю!“ [1])

Хлѣбъ поэзіи особеннаго свойства. Его нельзя ни взвѣсить ни отмѣрить. Чтобы дать понятіе о поэтѣ, надо не только найти въ своей и чужой душѣ созвучныя ему струны, но и самому быть поэтомъ. Если однако ограничить содержаніе поэзіи кругомъ идей поэта, дѣло облегчается до послѣдней степени. Идеи Гвѣздослава тѣ-же, что и у Ваянскаго. Это и понятно. Одни и тѣ же духовные вожди, Штуръ и Гурбанъ, освѣщали имъ дорогу въ юности. Однѣми и тѣми же надеждами они увлекались, одни и тѣ же потерпѣли разочарованія, и одно и то же главное чувство, какъ неумолкающій рокотъ морского прибоя, билось въ ихъ груди:—любовь къ Татрамъ и родному народу.

Но, преломляясь сквозь призму души, оно получило у обоихъ своеобразную окраску. Оба они жили въ пору самаго яраго натиска мадьяръ на все словацкое, когда гибло, казалось, народное дѣло; оба писали свои стихи, вслушиваясь въ одинъ и тотъ же безконечный шумъ осенняго дождя, но у Ваянскаго съ его страстнымъ темпераментомъ непогода вызывала бурно-негодующій протестъ, призывъ къ отпору и борьбѣ. Въ нѣжной душѣ Гвѣздослава она перевоплотилась въ тихую грусть:

Плохо тамъ, гдѣ вѣтры за лѣсничихъ станутъ!
Липы наши скоро
Будутъ безъ убора,
Въ садъ опустошенный люди не заглянутъ,
И шумѣть о волѣ рощи перестанутъ.

Позже всѣхъ увидимъ яблоню нагою...
Холодно и хмуро...
У печи понуро,
Голуби сѣдые, сядемъ мы съ тобою,
Къ молодости милой уносясь мечтою.. [2])

Ваянскій — представитель мужского начала въ славянской природѣ, смѣлости, отваги, завзятой непреклонности воли, того „никогда!“ которымъ отвѣчаетъ славянинъ на всякую попытку

[1]) Переводъ Пр. Б. изъ книги Н. Новича: „Словацкіе поэты“.
[2]) Переводъ Н. Новича (Н. Н. Бахтина).

отвести его отъ пути, гдѣ онъ видитъ правду. Гвѣздославъ—выразитель женственной стороны словацкой и славянской натуры. Онъ—сама мягкость, нѣжность, гибкость, и даже стихъ его въ противоположность ясному, опредѣленному, рѣзко отчеканенному стиху Ваянскаго, расплывается въ неопредѣленныхъ очертаніяхъ, теряется въ безконечныхъ отступленіяхъ, ищетъ-ищетъ слова, схватится за одно и отброситъ, чтобы перемѣнить его на другое, пока наконецъ не добьется желаннаго и, какъ ручеекъ, выплываетъ послѣ безконечныхъ извивовъ въ свое настоящее русло. Стиль Гвѣздослава многословенъ, какъ женщина, но зато всегда исполненъ особенно-нѣжной прелести. И, такъ какъ въ натурѣ словака гораздо болѣе женственности, чѣмъ мужского начала, то кажется, что и Гвѣздославъ народнѣе Ваянскаго.

Онъ народнѣе въ силу душевныхъ своихъ свойствъ. Онъ народнѣе, потому что ближе къ словацкой природѣ. Онъ народнѣе наконецъ, потому что ближе къ простому народу и любитъ словаковъ въ настоящемъ, такими, какими они есть, тогда какъ Ваянскій любитъ ихъ болѣе въ будущемъ.

Ваянскій—человѣкъ города, Гвѣздославъ—деревни. Читая Ваянскаго, кажется, что онъ выше цѣнитъ красоту въ искусствѣ, чѣмъ въ природѣ. Если бы ему пришлось указать высшій предѣлъ красоты, онъ, можетъ-быть, назвалъ бы картину Рафаэля. Для Гвѣздослава никакой Рафаэль не можетъ сравниться съ красотою его родной Оравы. Онъ могъ бы повторить слова Фета:

Только пѣснѣ нужна красота,
Красотѣ же и пѣсенъ не надо.

Не надо, но сердце человѣческое при видѣ красоты Божьяго міра не въ силахъ молчать, и, любуясь на родныя взгорья Оравы, поэтъ поетъ имъ свой гимнъ. Нѣтъ, не гимнъ. Слово это слишкомъ высокаго стиля, а пѣсня Гвѣздослава простая, безпритязательная, можно-бы сказать, домашняя и потому особенно милая и близкая сердцу:

Солнце, солнце-то какъ скачетъ
По высотамъ голубымъ!
Какъ мечомъ, весна-шалунья
Въ небеса кидаетъ имъ.

Вотъ плыветъ оно, какъ въ морѣ
Раззолоченный челнокъ,—
Съ нимъ и я несусь мечтою...
Дуй, попутный вѣтерокъ!

Всюду звуки сотенъ скрипокъ,
Какъ на свадебномъ пиру;
Вы, лягушки, помолчите,
Мнѣ вашъ басъ не попутру!

Берега покрылъ роскошный
Шелкомъ вышитый коверъ,
И, какъ будто для полета,
Крылья выросли у горъ.

Словно звонкій колокольчикъ
Подъ скалой журчитъ потокъ.
Онъ несется безъ оглядки,
Торопясь куда-то въ срокъ.

Даже яблоня старушка
Шубку зимнюю сняла,
Нарядилась, какъ невѣста,
И вѣнокъ себѣ свила.

Обновись, мой духъ, съ весною,
Расцвѣтай, какъ и она!
Къ намъ вернулась, слава Богу,
Вѣчно юная весна! [1])

Всѣ большія поэмы Гвѣздослава „Жена лѣсника", „Ежо Влколинскій" и „Габоръ Влколинскій" съ любовью списаны поэтомъ съ родного пейзажа. Всѣ онѣ полны свѣта и радости. Потянетъ вѣтеркомъ родныхъ полей, и совершается надъ душою поэта чудо воскресенія. Куда дѣвались стоны, жалобы, грусть, отчаяніе! Пѣсня весело журчитъ и льется, какъ катится синяя Орава, обтачивая и выглаживая камушки. Пришелъ и воцарился въ душѣ свѣтлый праздникъ мая, радостный Троицынъ день, когда на нѣжной зелени березъ такъ ярки и красочны наряды парней и дѣвушекъ, собравшихся на веселый звонъ колокола у бѣлой деревенской церкви.

Смотрѣть на этотъ толпящійся на площади народъ—наибольшая радость для Гвѣздослава. Ему близокъ и милъ словацкій мужикъ, все равно, захудалый-ли онъ шляхтичъ въ родѣ Влколинскихъ или самый простой словацкій бачо съ татранскихъ горъ. Не въ замкахъ видитъ поэтъ ростки возрожденія и не отъ дворянства, давно омадьярившагося, ждетъ спасенія, а отъ этого простого народа: „тамъ въ глубинахъ, гдѣ тяжкіе корни,—нѣтъ плѣсени, нѣтъ гніенія; розы цвѣтутъ въ долинахъ". Онъ любитъ словацкое крестьянство, онъ вѣритъ въ него. Пусть эти молодые

[1]) Переводъ Н. Новича.

парни, что тамъ собрались и весело смѣются на дорогѣ, и слыхомъ не слыхали о Штурѣ и народномъ дѣлѣ, пусть въ этомъ отношенiи они просты и наивны, какъ дѣти, и сами не знаютъ, какiя силы въ нихъ скрыты,—но эти силы, онѣ есть. Поэтъ чувствуетъ ихъ, и самъ, какъ древнiй Антей, прикоснувшись къ родной землѣ и родному народу, слышитъ и въ себѣ новый приливъ силъ, становится бодрымъ, и свѣжимъ, вѣрящимъ въ будущее, и гдѣ-то далеко-далеко отъ него остались сомнѣнiя, опасенiя и отчаянiе, съ которымъ онъ пришелъ изъ города въ деревню. Въ этомъ смыслѣ въ противоположность Ваянскому онъ можетъ быть названъ настоящимъ демократомъ въ поэзiи: у него нѣтъ никакихъ поползновенiй проникнуть въ помѣщичiй замокъ или усадьбу, а когда и приходится ему вмѣстѣ съ молодымъ Чайкой изъ „Жены лѣсника“ вступить въ пышные барскiе покои съ покорной просьбой о мѣстѣ, какъ же иначе относится онъ къ окружающему, чѣмъ его другъ и соперникъ въ поэзiи! Едва появляются у него на заднемъ фонѣ „господа“, какъ уже легкая тѣнь укора смущаетъ свѣтлое воскресное настроенiе и поэта и народа:

Прошла обѣдни половина,
Когда къ намъ вѣтеръ вдругъ донесъ
Съ дороги дальней стукъ колесъ.
Спѣшатъ изъ Маловолколина
Къ обѣднѣ, видно, господа.
Вотъ-вотъ и завернутъ сюда
И остановятся. Куда тамъ!
Уже за ближнимъ скрылись скатомъ...
Ни пѣнья свѣтлый водопадъ,
Ни звуки стройные хорала
Ничто ихъ тутъ не удержало.
Забавы свѣта ихъ манятъ,
И только пыль имъ вслѣдъ клубится
И, неба синяго стыдясь,
Рѣдѣетъ, падаетъ, кружась,
И тихо на землю ложится.

Въ длинныхъ отступленiяхъ отъ дѣйствiя своихъ поэмъ Гвѣздославъ не щадитъ словъ осужденiя даже для интеллигенцiи, для тѣхъ, кто всѣ бѣды сваливаетъ на народъ, а самъ стоитъ вдали отъ него, оставляя его безъ опоры:

„Увы! все у насъ пропадаетъ, все гибнетъ попустому. Наше просвѣщенiе, это—отблескъ солнца въ лужѣ. Воздвигли мы идола лѣни и бездѣйствiя и молимся ему, мотая народное достоянiе. Говорятъ: народъ самъ виноватъ въ своей нуждѣ, лох-

мотьяхъ, грязи, вони. Кто заставляетъ его жить въ берлогѣ, гдѣ онъ валяется теперь? Пусть не бьетъ баклушъ, когда нужно работать, пусть перестанетъ быть братомъ каменной глыбы и примется за дѣло. И подлинно: народъ не безъ вины. Но вы-то, умники, скажите, сорвался ли съ вашей лютни навстрѣчу ему хоть одинъ сочувственный тонъ? дѣлили вы его страданія, сердцемъ почувствовали тяжесть его стона? Развѣ получилъ онъ отъ васъ хоть что-нибудь, что достойно имени свѣта, тепла, состраданія, ласки? Развѣ капли его крови, слезъ, пота хоть когда-нибудь слились съ вашими? Вотъ, какъ ребенокъ весною, хочетъ онъ выйти на солнце. Огнемъ въ даль уносящихся желаній свѣтятся юныя очи; грудь дышитъ вольно; онъ жить хочетъ и уже началъ расправлять крылья для полета ввысь, къ высшимъ идеаламъ. Вы, управляющіе челномъ, помогли ему захватить воздухъ крыльями? О, конечно, вы его не высылаете теперь подъ ярмо, но на большее у васъ силы нѣтъ! И сталъ онъ одинокъ, какъ осиротѣвшее, всѣми оставленное дитя. Вы отреклись отъ него и отошли далеко. Чего-же вы удивляетесь, что онъ оступается и падаетъ въ тяжкую минуту!“

Рядомъ съ укорами старымъ слышится и призывный кличъ къ молодежи: „О, молодость! Опомнись и мужайся! У тебя есть руки, есть умъ, есть духа легкій летъ. Лишь разожги въ себѣ огонь любви, и все онъ одолѣетъ. Народъ ты за собой поднимешь въ высоту. Ты—его весна. Какъ солнца лучъ, о, разогрѣй же его оцѣпенѣвшее тѣло. Въ мракъ его ночи кинь свѣтлый кличъ призывной пѣсни: загорится огнями востокъ и народъ пробудится отъ сна“ (A prvý voz).

Къ удивленію однако, когда молодежь объединилась подъ знаменемъ „Гласа“ и выступила съ проповѣдью напряженной культурной работы для простого народа, слова ея и намѣренія такъ же мало были поняты пѣвцомъ изъ Оравы, какъ и словаками Мартина. Но молодежь простила Гвѣздославу, да и какъ было молодымъ народникамъ не простить тому, кто въ „Влколинскихъ“ такъ ярко и вѣрно воспѣлъ родную деревню, а въ „Женѣ лѣсника“ заставилъ насъ дышать здоровой свѣжестью горнаго вѣтра, смолистымъ запахомъ сосенъ и оживилъ, по словамъ Ярослава Влчка, всю фауну и флору дѣвственныхъ словацкихъ лѣсовъ“?

Гвѣздославъ для словаковъ сдѣлалъ то же, что для насъ Златовратскій или Глѣбъ Успенскій, а для поляковъ Реймонтъ. Правда, у него нѣтъ такой идеализаціи деревни, какъ въ „Усто-

яхъ“ Златовратскаго; нѣтъ и философіи земледѣльческаго быта, нѣтъ глубины взгляда того писателя, который у насъ такъ ярко обнаружилъ „власть земли“ надъ человѣкомъ; нѣтъ наконецъ и стройнаго изящества и отдѣланности мужицкой эпопеи Реймонта. Его поэмы всѣ дурно распланированы и неудачно построены, а въ „Габорѣ Влколинскомъ“ и совсѣмъ нѣтъ дѣйствія. Но тѣмъ не менѣе въ нихъ, какъ живая, возстаетъ словацкая деревня съ ея вѣками сложившимся пастушески-земледѣльческимъ бытомъ. Въ нихъ весь кругъ сельской трудовой жизни, пахота, и веселый лязгъ косъ, длинныя зимнія вечерницы и посидѣлки, школа и фара, сельская сходка, корчма съ ея „пàленкой“, и прогулки въ горы, когда такъ гулко повторяетъ эхо татранскихъ долинъ смѣлую и боевую пѣсню: „Nad Tatrou sa blýska“. Словомъ, здѣсь передъ нами и словацкія будни и словацкій праздникъ.

Особенно хорошъ „Ежо Влколинскій“. Это была бы лучшая изъ поэмъ Гвѣздослава, если-бъ не вставленное въ нее необыкновенно подробное, до мелочности точное описаніе свадьбы. Этотъ прекрасный этнографическій очеркъ очень цѣненъ для фольклориста, но онъ мѣшаетъ цѣльности впечатлѣнія, прерывая надолго дѣйствіе поэмы. Впрочемъ здѣсь Гвѣздославъ, какъ художникъ, остался вѣренъ самому себѣ. Въ скромномъ домикѣ его поэзіи не ищите обдуманно расположеннаго убранства; нѣтъ въ немъ и дорогихъ искусно вытканныхъ ковровъ. Но зато сельская поэзія эта вся — одинъ сплошной, благоухающій цвѣтами зеленый коверъ, что разостлался какъ попало на высокихъ татранскихъ долинахъ. Нѣтъ у словаковъ другого поэта, который бы такъ вѣрно изобразилъ свое, родное, домашнее, народное.

Вѣрный сынъ Татръ, посвятившій имъ всю свою жизнь, Гвѣздославъ не былъ бы словакомъ, если бы онъ ограничилъ свой кругозоръ предѣлами окрестныхъ горъ. Сюжеты его первыхъ поэмъ „Агарь“, „Каинъ“ и др. взяты изъ библейской исторіи. Небогатой словацкой литературѣ онъ усвоилъ шекспировскаго „Гамлета“ и „Сонъ въ лѣтнюю ночь“ и еще недавно превосходными стихами перевелъ пушкинскаго „Бориса Годунова“. Ему близки геніи иныхъ странъ и по духу своей поэзіи онъ, какъ и Ваянскій, выполнилъ завѣтъ Коллара: словакъ, Гвѣздославъ былъ славяниномъ; славянинъ, онъ былъ человѣкомъ.

Великій человѣколюбецъ, Толстой сказалъ какъ-то, лаская деревенскихъ дѣтишекъ, что, еслибъ не было на свѣтѣ этихъ свѣтлыхъ головокъ, не стоило бы жить. Въ мягкой и нѣжной душѣ Гвѣздослава есть много сближающаго ее съ чистой дѣтской

душой, и когда входятъ въ его поэму дѣти, онъ отводитъ имъ особенно много нѣжнаго вниманія. Измаилъ въ первой его поэмѣ „Агарь“—сама жизнь, само движеніе. Фигура его необыкновенно пластична: вы ощупываете его дѣтскія ножки, видите передъ собою смѣлые, бойкіе глазки, слышите звонкій голосокъ. Въ „Ежо Влколинскомъ“ весь узелъ дѣйствія развязываетъ малютка-сынъ Влколинскаго. Эстера поссорилась со своимъ сыномъ, выгнала его изъ дому, когда тотъ захотѣлъ жениться противъ ея воли, и ничьи усилія долгіе годы не могли помирить ее ни съ Езекіелемъ ни съ его женой. Упрямая, твердая, камень-баба, она замкнулась въ гордомъ одиночествѣ глубоко оскорбленной матери и отвергла всѣ попытки примиренія. Но вотъ однажды шла она съ поля мимо сидѣвшихъ на плетнѣ ребятишекъ. И вдругъ одинъ изъ нихъ, темнокудрявый маленькій сорванецъ, отдѣлился отъ товарищей, подбѣжалъ къ ней и обнялъ ее за колѣни. Эстера чуть не свалилась съ ногъ отъ неожиданности.—„Что ты, съ ума сошелъ, что ли? Отвяжись!“ А мальченокъ все цѣпляется за платье, все ловитъ старушечьи ноги. Приподняла она его головку, посмотрѣла на лобикъ съ темными кудрями: „чей ты?“—„Эзекіеля“. „Ты—моя бабушка. Я люблю тебя, бабушка. Милая, дорогая, дай яблочко. У тебя въ саду такія хорошія яблоки“. И ластится и вьется около старой бабки. Не выдержало бабкино сердце. Не отогнала она внука, и, не выпуская изъ рукъ ея платья, пришелъ онъ къ ней въ домъ, получилъ яблоко, и долго-долго въ этотъ день раздавался въ пустомъ бабкиномъ домѣ его голосокъ, пока, уже подъ вечеръ не отнесли его, спящаго, къ отцу, а потомъ и самъ сынъ Эстеры переступилъ черезъ старый родительскій порогъ и туда, гдѣ такъ долго царило ожесточеніе, чистая душа ребенка внесла миръ и согласіе. „Дѣти—это послы отъ Господа Бога“.

И надъ всею поэзіей Гвѣздослава шелеститъ тихими крыльями нѣжный ангелъ мира. Поэтъ не закрываетъ глазъ на диссонансы жизни, но у него каждый диссонансъ разрѣшается въ гармонію. На что уже трагично завязалось дѣйствіе „Жены Лѣсника“. Катастрофа здѣсь неизбѣжна, и она разражается, но поэтъ находитъ выходъ и изъ тупика: поэма кончается нотой примиренія. Поэтъ вѣритъ въ гармонію міра, и здѣсь на землѣ уже слышится ему свѣтлая, неземная музыка грядущаго.

„Жизнь человѣка, писалъ онъ въ 1899 г., оглядываясь на пройденный имъ пятидесятилѣтній путь, это только капелька той жизни, что разлита во вселенной. И ея отраженіе это только

обрывокъ, только отдѣльная рапсодія. Одному только Создателю принадлежитъ власть творить эпопею міра". Маленькій кусочекъ этой міровой эпопеи отразилъ въ своихъ созданіяхъ Гвѣздославъ, овѣявъ ее духомъ человѣчности. И въ отвѣтъ на музыку его стиховъ въ день его 60-лѣтняго юбилея заслуженно принесся къ нему благодарственный откликъ его братьевъ:

Jubilueš, veštce vzácny, jubilueš, pevče sladký,
Jubilueš, jubilueš vo znamení šesť'desiatky,
Jubilueš, a my s tebou, veď si náš, a my sme tvoji—
Čo Boh spojil, nikto v svete nerozlúči, nerozdoji
Neboj, neboj, že by hlas tvoj bez ozveny v púšti hynul—
Do million srdc on, uver, už aj dosiaľ rúče vplynul...
Pozri, hostia tvoji s tebou júbilujú s prava s ľava:
Sláva Tebe, Hospodine, žeš nám doprial Hviezdoslava! [1])

* * *

Общественныя заслуги Гвѣздослава и Ваянскаго передъ словацкимъ народомъ одинаковы. Есть въ человѣческомъ словѣ, выразительномъ и художественномъ, какая-то сила заразительности, есть въ немъ обаяніе, которому не въ силахъ противиться и посторонній человѣкъ, а что же говорить о томъ, для кого оно—родное. Классическая по красотѣ проза Ваянскаго, музыка стиховъ Гвѣздослава разожгли въ сердцахъ огонь любви къ словацкой художественной рѣчи, и пламя это стало источникомъ любви къ словацкому народу, неоцѣнимымъ двигателемъ впередъ словацкой жизни. Полкъ за полкомъ подымаются на Татры стройными рядами зеленыя ели и кажется, что онѣ идутъ безъ конца, безостановочно, чтобы стать на защиту родины отъ холодныхъ вѣтровъ и снѣжныхъ метелей. Заслугами Ваянскаго и Гвѣздослава окрѣпъ на Словачинѣ народный отпоръ. Выросшее на ихъ произведеніяхъ новое поколѣніе работниковъ — лучшее доказательство, что они недаромъ долгіе часы ночи факеломъ своей поэзіи освѣщали окружавшую ихъ тьму.

[1]) Vzácny — рѣдкій, доблестный; žeby — чтобы; ozvena — эхо, откликъ; rúče—быстро; dosiaľ—до сихъ поръ.

Изъ словацкой литературы.

I. Свѣтозаръ Гурбанъ-Ваянскій.

1. Довольно.

Народъ! Въ Татранскихъ дремлешь ты долинахъ
И рабства тяжкаго влачишь позоръ,
А надъ тобою вѣтръ въ сѣдыхъ своихъ руинахъ
Со стариной ведетъ свой разговоръ.
Тамъ нѣкогда тиранъ былъ властелиномъ,
Онъ жалъ народъ, тебя тѣснилъ и билъ,
Но нашей родины былъ вѣрнымъ сыномъ,
Онъ твой языкъ, обычай твой любилъ!

Теперь тиранъ съ высотъ сошелъ въ долины.
Не тѣло наше думаетъ губить,—
Паукъ простеръ сѣть ѣдкой паутины,
Чтобъ духъ народа съ корнемъ истребить!
Изъ дѣтскихъ устъ онъ радъ бы вырвать голосъ,
Славянской рѣчи нѣжный, мягкій звукъ.
Народъ, недайся! Зрѣетъ новый колосъ,
Богъ повелѣлъ громамъ: довольно мукъ!

2. Три сигары.

Въ маленькой табачной лавочкѣ у воротъ продавала молодая дѣвушка сигары, табакъ и отдѣльные нумера газетъ. Враждебная судьба, казалось, на вѣки вѣчные осудила ее вдыхать крѣпкій табачный запахъ за тѣснымъ прилавкомъ. Въ лавку безпрестанно

заходили люди, но дѣвушка чувствовала себя одинокой, и на ея поблѣднѣвшее личико легла печать преждевременной серьезности и грусти — признакъ ранняго одиночества. Линочка давно уже потеряла и отца и мать. До четырнадцати лѣтъ ее воспитывала тетка, а потомъ она отдала племянницѣ свою табачную лавочку, а сама стала заниматься шитьемъ въ богатыхъ домахъ. Линочка принялась усердно снабжать покупателей гильзами, папиросами, табакомъ и очень точно отвѣшивала нюхательный табакъ. Но радость и веселье никогда не заглянули за стеклянныя двери табачной лавочки. А между тѣмъ ихъ такъ жаждетъ молодое сердце. Хоть бы разъ насладиться счастьемъ, хоть бы разъ почувствовать въ душѣ бурный приливъ радости! Стереотипныя требованія покупателей, облеченныя въ форму просьбы, стереотипно-любезные отвѣты дѣвушки — вотъ въ чемъ проходили для нея день за днемъ. Мимо стеклянныхъ дверей лавочки неслась жизнь, въ погонѣ за выгодами и наслажденіемъ крутился блестящій и веселый свѣтъ, а она глазами, полными печали, съ затаенной въ сердцѣ тоской глядѣла на шумный водоворотъ жизни. Красивыя коляски гремѣли по мостовой, въ мягкомъ объятіи подушекъ сидѣли тамъ дамы въ бальныхъ нарядахъ, сидѣли всѣ въ бѣломъ подруги невѣсты, спѣшащей навстрѣчу желанному браку, счастливой улыбающейся жизни. Старые и молодые люди заходили въ лавочку и закуривали папиросы на спиртовой лампочкѣ, которая свѣтилась въ уголкѣ синеватымъ пламенемъ, точно огонекъ на могилѣ покойника въ день поминовенія усопшихъ. Какъ будто и маленькую лампочку эту зажгли здѣсь за увядающую въ людской толпѣ женскую молодую душу. Овѣвала эту душу мертвящая гроза жизни, но, какъ ни губительно было ея дѣйствіе, временами вспыхивалъ въ молодой головкѣ огненнымъ столпомъ цѣлый фейерверкъ фантазіи и такіе свѣтлые, такіе упоительные подымались изъ глубины сердечной сны о далекомъ, неосуществимомъ счастьѣ.

Но мигъ одинъ,—и разлетались дымомъ волшебныя сказки. Стоило только оглянуться вокругъ,—и легкій вѣтерокъ дѣйствительности развѣвалъ сотканныя фантазіей мечтанія, а вмѣстѣ съ ними и образъ ассессора Евгенія Ольшинскаго, который каждое утро по дорогѣ на службу заходилъ къ блѣдной Линѣ запастись на цѣлый день папиросами. Это былъ молодой, хорошо воспитанный человѣкъ съ блестящей карьерой впереди. Въ городѣ много говорили объ его рѣдкой образованности, а въ обществѣ онъ славился остроуміемъ. Линочка не разъ тайно вздыхала по его

уходѣ, и какъ-то особенно пусто становилось въ тѣсной лавочкѣ, когда за ея дверями скрывалась изящная фигура молодого чиновника, оставляя за собою синеватую полосу табачнаго дыма. Ольшинскій былъ идеальнымъ героемъ чистыхъ дѣвичьихъ сновъ. И неудивительно! Любуемся же мы огнистой красотою звѣздъ, хотя онѣ свѣтятся высоко и никогда намъ не поставить ихъ къ себѣ на окно, какъ розу. Однажды утромъ дверь стукнула, и въ лавочку вошелъ Ольшинскій какимъ-то особенно свѣжимъ и довольнымъ. Линочка механически протянула руку къ ящичку, въ которомъ красиво уложенными рядами лежали облюбованныя гостемъ сигары.

— „Добраго утра, Линочка! Боже мой, какъ вы сегодня свѣжи! Что за блескъ въ глазахъ! Ужъ вѣрно нынче ночью вамъ снились хорошіе сны“, — проговорилъ тотчасъ же при входѣ ассессоръ и сѣлъ на соломенный стулъ у прилавка. Линочка смутилась. Она не привыкла къ привѣтливому и дружелюбному тону важнаго барина, который никогда еще не вступалъ съ ней въ лишніе разговоры. А потому полуудивленно, полусконфуженно она поблагодарила его за любезность.

— „Впрочемъ вы всегда свѣжи, Линочка“, продолжалъ Ольшинскій, какъ-то странно вглядываясь въ голубые глаза продавщицы; — такъ свѣжи и такъ печальны“. При послѣднемъ словѣ онъ понизилъ голосъ.

Линочка слегка покраснѣла и стала приводить въ порядокъ разбросанныя по прилавку коробочки. — „Печальна?“ отвѣтила она. „Мнѣ нѣтъ никакой причины печалиться“.

— „О, не скрывайте, не скрывайте! Отъ моего инквизиторскаго взгляда не укроешься! Я давно уже замѣчаю, что что-то нарушило миръ вашего чистаго, молодого сердечка“.

Линочка въ недоумѣніи посмотрѣла на гостя. Цвѣтистыя его рѣчи возбудили въ ней непріятное чувство. Какъ ни низко было ея положеніе на общественной лѣстницѣ, она была очень чувствительна къ шуткамъ. Строгій огонекъ сверкнулъ въ голубыхъ ея глазахъ, точно они хотѣли спросить: „Что это можетъ значить?“ Въ это время дверь стукнула, и покупатели посыпались одинъ за другимъ. Ольшинскій не уходилъ. Когда они остались одни, онъ всталъ со стула и сказалъ серьезнымъ тономъ: — „Вы жестоки, горды, неприступны, недовѣрчивы! По старому знакомству я васъ прощаю, но увѣряю васъ: всѣ эти свойства не къ лицу молоденькой дѣвушкѣ“.

— „Мнѣ очень жаль, что я вамъ не угодила“, отвѣтила

нѣсколько шерстко Линочка и подтянула нижнюю губу къ своимъ зубкамъ. Ей стало досадно. Никого такъ сильно не обижаютъ неумѣстныя шутки, какъ людей беззащитныхъ. Они чувствуютъ каждую обиду вдвойнѣ. Но—вѣдь она бѣдная продавщица, своего рода выставочный предметъ, предназначенный блескомъ голубыхъ глазокъ и бѣлизною рукъ повышать цѣну продаваемаго товара. Она обречена на оскорбленія. Въ эту минуту Линочка почувствовати всю тяжесть своего положенія. Она еще помнила иныя времена: когда-то къ ея родителямъ относились съ уваженіемъ. Но отецъ и мать умерли. Съ ихъ смертью все перемѣнилось. Ея нѣжная и чуткая душа не умѣла еще однако примириться съ тяжелымъ бременемъ дѣйствительности.

— „Вообще“, — продолжалъ, не унимаясь, Ольшинскій — „нехорошо быть суровымъ и несправедливымъ къ людямъ, желающимъ добра. Я пришелъ къ вамъ съ одной просьбой, но по вашему лицу ясно вижу, что вы сегодня не очень-то благосклонно расположены къ просителямъ“. Голосъ молодого человѣка принялъ важный и серьезный тонъ. Легкая улыбка, пробѣгавшая передъ тѣмъ по его лицу, исчезла совершенно. Онъ задумался и сталъ играть перстнемъ на лѣвой рукѣ, механически перевертывая его пальцами.

„Просьбу“? подумала бѣдная Линочка, и легкая дрожь пробѣжала по-ней. „Какую онъ можетъ имѣть ко мнѣ просьбу? Онъ, съ которымъ я до сихъ поръ почти не разговаривала“. Ни слова не говоря, но не безъ волненія, посмотрѣла она внушительно на Ольшинскаго.

— „Я искренне прошу васъ, не отказывайте, не убѣдившись въ чистотѣ моихъ намѣреній. Не отвергайте моей просьбы: обѣщайте мнѣ теперь же напередъ, что исполните то, о чемъ я васъ попрошу“. Голосъ молодого человѣка показался Линочкѣ искреннимъ: если она не ошибается, въ немъ даже послышалось чувство. Серьезный взглядъ глазъ Ольшинскаго мило отразилъ его внутреннее волненіе.

Линочку бросило въ жаръ. Она почувствовала, какъ кровь залила ей щеки, прилила къ вискамъ, ударила въ голову. Неясныя мысли пробѣжали по ея головѣ. Ужели она ошибается? Ужели сбываются ея завѣтныя мечты, самыя сокровенныя желанія сердца? И вдругъ ей вспомнилось, какъ надъ ней пошутили однажды какіе-то молодые щеголи, глубоко оскорбивъ въ ней женское сердце. „Бѣдная я! некому меня защитить!“ подумала она, и острою болью сжалось ея сердечко. Это придало ей смѣлости и пробудило въ ней дѣвичью гордость.

— „Вамъ нечего у меня просить, господинъ ассессоръ, я ничего не знаю и стараюсь быть только вѣрною своему долгу".

— „Долгу, долгу", прервалъ ее съ жаромъ молодой человѣкъ.—„Да кто же васъ проситъ измѣнять своему долгу? Наоборотъ, я васъ чистосердечно прошу исполнить вашъ долгъ вамъ на пользу, мнѣ на радость. Вѣрьте мнѣ, дѣло это касается только насъ двоихъ и доставитъ намъ взаимное удовольствіе. Обѣщайте же мнѣ, Линочка, обѣщайте мнѣ, милая моя дѣточка, исполнить мою просьбу!"

— „Скажите мнѣ напередъ, что это можетъ быть", проговорила Линочка, и сладкое предчувствіе охватило ея душу. Она вспомнила, какою репутаціею пользуется Ольшинскій въ городѣ, и дурныя мысли, поднявшіяся было въ головѣ, исчезли. Онъ не могъ быть вѣтрогономъ.

— „Нѣтъ, нѣтъ! Обѣщайте мнѣ сначала исполнить мою просьбу. Я зналъ васъ еще маленькой дѣвочкой, у вашей тетки и всегда васъ любилъ. Почему же вы не могли бы исполнить—ну, если хотите—мой капризъ и обѣщать мнѣ напередъ, что не отвергнете моей просьбы!"

Сердце Линочки вспыхнуло и забилось тревожно. Чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе становилось, что ея сокровенныя мечты начинаютъ сбываться, принимаютъ опредѣленныя очертанія. Она читала когда-то о сродствѣ душъ, которыхъ невѣдомая сила взаимно привлекаетъ другъ къ другу. Не привлекла-ли и къ ней Ольшинскаго магнетическая сила ея тайныхъ грезъ? Грудь ея едва дышала, рука задрожала на прилавкѣ.

— „Ну же, скорѣе, обѣщайте мнѣ, Линочка! Смѣло, дитя! мое! Вѣдь здѣсь дѣло идетъ не о смерти. Не будьте же жестоки къ моимъ просьбамъ. Линочка, могу я надѣяться?" Глаза Ольшинскаго глядѣли на смущенную дѣвушку мило, ясно и невинно.

Сны Линочки облекались въ живыя, дѣйствительныя краски. Все ея существо рвалось навстрѣчу разсвѣтающему счастью любви. Какимъ сильнымъ, прекраснымъ, благороднымъ стоялъ передъ нею Ольшинскій. Настоящая скала, около которой обовьется она гибкимъ плющомъ. Она не находила въ себѣ силъ сопротивляться его обаянію. Сердце ея забилось любовью! Любовью, что живетъ до гроба и въ случаѣ удовлетворенія и тогда, когда она становится жертвою вѣчной разлуки. А Ольшинскій продолжалъ просить все нѣжнѣе, все преданнѣе. Щечки Линочки зардѣлись пурпуромъ. Ея маленькія коралловыя губки раскрылись и за ними сверкнулъ рядъ маленькихъ зубокъ.—„Не знаю, смѣю-ли

я“, прошептала дѣвушка, сама не давая себѣ отчета въ смыслѣ своихъ словъ.

— „Смѣете“, отвѣтилъ съ жаромъ Ольшинскій.

— „Могу ли я“, прошептала опять Линочка и опустила глазки на-земь.

— „Можете!“ твердилъ Ольшинскій и, вскочивъ со стула, нагнулся черезъ узкій прилавокъ, дѣлившій его отъ Линочки, такъ что влажное дыханіе ея полураскрытыхъ, нѣжныхъ устъ коснулось его лица. Сердце дѣвушки билось сильно, сладостно. Точно какая-то сила схватила ее, печальную и грустную, и поставила на рубежъ, за которымъ начиналась жизнь, полная самаго неожиданнаго, въ самыхъ смѣлыхъ, счастливыхъ снахъ непредвидѣннаго счастья. Сверкающій снопъ лучей озарилъ для нея сразу весь свѣтъ, и сколько красоты, сколько счастья было въ его лучезарномъ сіяніи.

— „Ну, что же, Линочка? спрашивалъ Ольшинскій и его рука нѣжно и легонько коснулась Линочкиной ручки.

— „Я согласна“, прошептала Линочка, едва сдерживая потокъ счастливыхъ слезъ. Ольшинскій отъ радости выпустилъ руку дѣвушки.

— „Урра!“ закричалъ онъ весело. — „Въ такомъ случаѣ прошу васъ, Линочка, продайте мнѣ, пожалуйста, три сигары!“ — и, смѣло протянувъ руку къ коричневой коробкѣ съ сигарами, онъ вынулъ изъ нея три сигары и положилъ деньги на столъ. Затѣмъ, ловко поклонившись, онъ вышелъ изъ лавочки. Линочка окаменѣла, какъ Ніоба. Когда за Ольшинскимъ затворились двери, она, какъ подкошенный цвѣтокъ, упала на маленькій диванчикъ. Изъ груди ея вырвался судорожный, горькій и протяжный плачъ безъ слезъ, тяжелѣе котораго нѣтъ на землѣ мученій.

* *
*

Вошла тетка, а за ней покупатели. Тетка велѣла ей расправить спутанные на лбу волосы, а оборванный мальчикъ отъ слесаря потребовалъ пискливымъ голосомъ мужающаго подростка двѣ папироски за три новенькихъ крейцера.

Для бѣдной Линочки настали дни печали. Едва только сердце ея заглянуло въ тѣсныя двери рая, какъ суровая рука захлопнула ихъ передъ нею. Вокругъ нея поднималась тьма, безнадежная тьма. Но ангелъ любви не даромъ коснулся ея сердца. Лю-

бовь, хотя и несчастливая, хотя и безжалостно оскорбленная въ самую минуту своего возникновенія, придала ей силы. Мигъ одинъ, одна искра, и измѣняется отъ любви человѣкъ. Такъ дѣйствіе электрическаго тока сразу измѣняетъ химическій составъ вещества. Тихая грусть одинокаго сердца превратилась въ страданіе безнадежной любви.

Ольшинскій, придя на службу, началъ усердно рыться въ бумагахъ. Но работа валилась у него изъ рукъ. Онъ былъ разсѣянъ и невнимателенъ; бумаги вора Вегеши онъ заложилъ въ дѣло мошенника-ростовщика, Авраама Лоттера. Эта ошибка вызвала досадные поиски, шумъ, крики и выговоръ канцелярскому чиновнику; въ результатѣ всей этой кутерьмы разразилась гроза надъ сторожемъ при судѣ, и ни въ чемъ неповинный сторожъ былъ выброшенъ за двери. Еще не было двѣнадцати часовъ, какъ Ольшинскій сердито хлопнулъ дверями, позабылъ ихъ запереть и отправился подъ „Золотую Звѣзду" на обѣдъ. Но въ этотъ день кухаркѣ у „Золотой Звѣзды" не посчастливилось. Ольшинскому ни одно блюдо не пришлось по вкусу, даже любимыя его клецки изъ капусты, даже обязательныя остроты жирнаго помощника судьи. Каждый вечеръ проводилъ Ольшинскій въ ресторанѣ за стаканомъ пива въ кругу знакомыхъ, но на этотъ разъ онъ возвратился домой двумя часами раньше, чѣмъ обыкновенно, и потому, разумѣется, не засталъ дома слуги, который, не ожидая такъ скоро возвращенія своего барина, пользовался ночною свободой вмѣстѣ съ летучими мышами. Новый поводъ для гнѣва. Ольшинскій легъ въ постель и принялся читать, но книга показалась ему скучной, хотя это былъ „Эккечартъ" Шеффеля— еще недавно любимая услада его одиночества. Онъ погасилъ свѣчку. Стало тихо и темно. Сегодняшняя шутка тяжелымъ камнемъ опустилась ему на грудь. Много уже онъ выкинулъ на своемъ вѣку разныхъ штучекъ, но сегодняшняя не была похожа на прежнія — вспомнить о ней было непріятно. Онъ зажмурилъ глаза и увидѣлъ передъ собой блѣдное личико — увидѣлъ, какъ оно оживаетъ, покрывается легкимъ румянцемъ и наконецъ становится темно-пунсовымъ. Въ голубыхъ глазахъ борьба чувствъ, мыслей, волненія любви. Полураскрытыя, слегка дрожащія губки, перламутровые зубки—гармоническое дыханіе и волненіе чистой груди.

Тяжелые стѣнные часы размѣренно и отчетливо тикаютъ: негодяй—негодяй!

Онъ разсердился и повернулся лицомъ къ стѣнѣ. „Кто бы

могъ думать, что эта дѣвчонка“, — пробормоталъ онъ вдругъ громко. А часы все по прежнему безустанно тикаютъ: негодяй, негодяй! Ему не спится. „Какіе красивые и выразительные у нея глаза“, — думаетъ безсонный ассессоръ. „Ахъ, чортъ возьми! Куда я только могъ задѣвать эти бумаги Вегеши? — И какіе роскошные, нѣжные волосы, какъ красиво легли они вѣнцомъ вокругъ ея головки, точно у какой-нибудь принцессы! Какія глупыя мысли! Завтра—двѣнадцать дѣлъ, а письмоводитель—настоящій оселъ. Однѣ непріятности. Линочка, Линочка! Какъ ея фамилія? А! Ракичъ! Покойный Ракичъ былъ добрый человѣкъ. Помню его милое, добродушное лицо. Онъ мнѣ помогъ разъ выпутаться изъ бѣды. Но все это было и быльемъ поросло“. Часы выводили свою старую ноту: негодяй, негодяй!

„Добраго утра, господинъ ассессоръ“, привѣтствовалъ Ольшинскаго спустя нѣсколько часовъ веселый пригожій день. Что это? Часы стали! Удивительная вещь! Этого съ ними еще ни разу не случалось.

Еще не было восьми часовъ, какъ ассессоръ вышелъ на службу, но, когда ему пришлось проходить мимо Линочкиной лавки, онъ вдругъ покраснѣлъ, сдѣлалъ поворотъ влѣво и пошелъ боковыми улицами, дѣлая большой кругъ. Почему бы, казалось, не идти ему прямо? А между тѣмъ четырнадцать дней нашъ милый ассессоръ убѣгалъ отъ невинной табачной лавочки, какъ раньше отъ стараго господина ассессора убѣгали Вегеши съ Авраамомъ Лоттеромъ. Курить ему не хотѣлось, онъ совершенно забылъ про этотъ похвальный обычай, но зато съ каждымъ днемъ расположеніе его духа ухудшалось. Давно ли всѣ его хвалили, какъ гуманнаго, милаго, пріятнаго чиновника? Теперь онъ сталъ раздражительнымъ и брезгливымъ. Работа не спорилась; бумаги залеживались: настоящее несчастье для людей аккуратныхъ и любящихъ порядокъ. Дѣла накоплялись и росли, какъ грибы. Отсюда вѣчное недовольство на себя и на другихъ. Однажды утромъ онъ уже хотѣлъ продѣлать свое обычное движеніе влѣво и свернуть въ боковую улицу, но вдругъ что-то искрой мелькнуло въ его головѣ. Онъ остановился и вмѣсто того, чтобы повернуть въ бокъ, пошелъ прямо. Это было для него минутой роковой. На этомъ прямомъ пути лежало зерно всей его будущности. Докторъ юриспруденціи издѣвается надъ беззащитной дѣвушкой— какая гадость! — а она... какое довѣріе было написано на ея личикѣ. Доктору стало стыдно, а тамъ откуда-то издалека глядѣло на него полненькое личико Линочки. Чѣмъ ближе подходилъ

онъ къ лавочкѣ, тѣмъ сильнѣе билось его сердце! Вся юриспруденція, весь Юстиніанъ и сводъ законовъ не могли удержать его волненія. Когда онъ взялся за стеклянную ручку двери, онъ почувствовалъ въ сердцѣ неясную боль и чуть было не вернулся назадъ. Но онъ преодолѣлъ свою слабость и отворилъ дверь. За длиннымъ прилавкомъ, котораго третья часть подымалась на петляхъ, стояла Линочка почти такъ же невинно и непринужденно, какъ четырнадцать дней тому назадъ, но шагъ Ольшинскаго не былъ уже такимъ увѣреннымъ и смѣлымъ, какъ тогда. Къ счастью, Линочка была одна. При появленіи Евгенія она вздрогнула тихонько, незамѣтно, какъ увядающій листъ отъ осенняго вѣтра. Съ добрую минуту стоялъ нашъ Евгеній передъ молодой дѣвушкой, какъ стоитъ передъ судьею человѣкъ, въ первый разъ попавшій на скамью подсудимыхъ.

— „Линочка“, проговорилъ онъ наконецъ, и звучный голосъ, его выразилъ глубокое волненіе, — двѣ недѣли тому назадъ я позволилъ себѣ по отношенію къ вамъ такую выходку, на которую неспособенъ порядочный человѣкъ!“ Тутъ голосъ его оборвался. Линочка еще похорошѣла съ тѣхъ поръ, какъ онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ. Ея бѣленькое личико приняло выраженіе серьезности и той обаятельной прелести, которую придаетъ человѣку глубокое, но уже пережитое страданіе.

— „Я помню, вы изволили пошутить, господинъ ассессоръ“, отвѣтила непринужденно Линочка, „но мы, продавщицы сигаръ, слишкомъ привыкли къ шуткамъ“.

— „Линочка, посмотрите мнѣ въ лицо и вы убѣдитесь, что мнѣ не до шутокъ — я прошу у васъ вашей руки, Линочка. Будьте моей женой!“ Голосъ Ольшинскаго дрожалъ отъ волненія. Блѣдныя щеки дѣвушки заалѣли легкимъ румянцемъ. Но это не былъ тотъ темный пурпуръ, что двѣ недѣли тому назадъ залилъ ея счастливое лицо. Ни слова не говоря, она протянула руку къ коробкѣ съ сигарами и, взявъ оттуда три сигары, положила ихъ передъ Ольшинскимъ на прилавокъ.

— „Извольте“, прошептала она и, не будучи въ силахъ выдержать горячихъ взглядовъ влюбленнаго судьи, опустила глаза.— „Прикажете огня?“ И, обмочивъ въ спиртъ губку, она зажгла ее надъ лампочкой и подала Ольшинскому на проволочномъ прутикѣ. Прутикъ и горящая губка легонько дрожали.

— „Да, я знаю, теперь твоя очередь мучить меня“, воскликнулъ въ порывѣ страсти Ольшинскій, — „но ты не на того напала“,—и въ одно мгновеніе, поднявъ доску, раздѣлявшую его

отъ Линочки, онъ обнялъ ее мощными руками. Линочка, вся зардѣвшись отъ счастья, сперва заплакала, слезы полились по ея разгорѣвшемуся личику, а потомъ она засмѣялась тихимъ, радостнымъ смѣхомъ безконечнаго блаженства. Ея бѣлыя ручки крѣпко обвились вокругъ шеи Ольшинскаго. На полу догорала выпавшая изъ рукъ губка, какъ догорѣлъ и погасъ справедливый гнѣвъ молодой дѣвушки.

Черезъ минуту вошелъ какой-то человѣкъ за сигарами.

— „Извините", воскликнулъ весело Ольшинскій, „здѣсь уже больше не продаютъ сигаръ — послѣднія купилъ я!" Покупатель вышелъ въ недоумѣніи. Забѣжалъ мальчишка за папиросами и щепоткою нюхательнаго табаку. „Маршъ!" закричалъ Евгеній, „испарись, чтобъ и духу твоего здѣсь не было!" Мальчикъ высунулъ языкъ и выскочилъ изъ дверей съ быстротою бѣлки.

Появилась тетка и въ изумленіи увидѣла за прилавкомъ влюбленную парочку. Ольшинскій встрѣтилъ ее возгласомъ: „Ваше благословеніе, тетушка! Линочка—моя передъ Богомъ и людьми". Дѣвушка скрыла свое еще влажное личико на груди счастливаго Евгенія.

* * *

Послѣдствія всей этой исторіи были, коротко сказать, слѣдующія: господинъ ассессоръ отыскалъ бумаги Вегеши и могъ, какъ слѣдуетъ, приготовиться къ процессу этого негодяя; съ товарищами подчиненными сталъ онъ такимъ же ласковымъ и милымъ, какъ и прежде; клецки изъ капусты у „Золотой звѣзды" получили свой прежній деликатный вкусъ, а старые часы шли не останавливаясь и безъ прежняго, непріятнаго тона.

Теперь, какъ всѣми уважаемый предсѣдатель н—скаго суда, Ольшинскій часто вспоминаетъ со своей милой Линочкой о трехъ сигарахъ. Въ дѣтской, крича и шумя, наводятъ порядокъ двое свѣжихъ, здоровыхъ мальчиковъ и свѣтлоголовая дѣвочка.

II. Гвѣздославъ.

Смерть Чайки.

Изъ поэмы „Жена лѣсника".

Смерть, какъ нежданный, легкій сонъ,
На Чайку стараго слетѣла.
То было на святого Яна.
Проснулся, какъ всегда, онъ рано.
Заря едва-едва свѣтлѣла,
И синь былъ темный небосклонъ.
Всталъ свѣжъ, здоровъ и веселъ онъ,
Хоть и смотрѣлъ на Божій свѣтъ
Ужъ цѣлыхъ восемьдесятъ лѣтъ.
Такъ говорилъ не разъ онъ самъ,
Когда, бывало, мимоходомъ
Онъ передъ солнечнымъ заходомъ
Зайдетъ въ сторожку къ пастухамъ
О томъ, о семъ поговорить,
Съ друзьями трубку раскурить
И посмотрѣть, какъ тамъ живая
Рѣзвится юность удалая.
Ему былъ милъ пастушій кругъ,
Любилъ онъ слушать звукъ свирѣли,
Ея задумчивыя трели
На голосъ: „Старый я пастухъ",
И если тутъ, на старца глядя,
Его, бывало, спросятъ вдругъ:
„А сколько лѣтъ вамъ будетъ, дядя?"
Промолвитъ тихо онъ въ отвѣтъ:

„Мнѣ полныхъ восемьдесятъ лѣтъ".
Да, восемьдесятъ лѣтъ—не малость.
Невольно клонитъ насъ усталость.
Но онъ надиво сохранился
И вставши долго не возился,
Поспѣшно башмаки надѣлъ,
Ремнемъ онучи обвертѣлъ,
Увѣренно и нелѣниво
Кожухъ на плечи натянулъ,
Его проворно застегнулъ,
Въ карманы положилъ огниво,
Чтобъ было чѣмъ огонь развесть,
Туда, сюда взглянулъ, порылся,—
Куда-то, видно, торопился,—
Въ умѣ провѣрилъ, все-ли есть,
И вспомнилъ: на стѣнѣ большая
Висѣла сумка мѣховая.
Ее съ крючка онъ тотчасъ снялъ,
Слегка встряхнулъ, винтовку взялъ,
(Своей женой ее онъ звалъ;
Она ему служила вѣрно
И цѣлила всегда примѣрно),
Ягташъ охотничій съ ружьемъ
Себѣ повѣсилъ за плечомъ,
Немного покряхтѣвъ притомъ,
И изъ избушки вышелъ. Двери
На ржавыхъ петляхъ заскрипѣли,
А онъ, какъ бы боясь, что можетъ
Сонъ ночи лѣтней потревожить,
Ихъ тихо, тихо затворилъ
И на колечко заложилъ.
И вверхъ взглянулъ: надъ нимъ ночное
Синѣло небо голубое.
Прозраченъ воздухъ былъ. Ни тучъ
Ни облачка. Разсвѣта лучъ,
Дрожа, сверкнулъ ему въ глаза,
И съ нихъ скатилася слеза.
Здоровой свѣжестію вѣя,
Холодный, крѣпкій вѣтерокъ
Ему обдулъ морщины щекъ
И поднялъ волосы, лелѣя

Шелкъ рѣдкій старческихъ кудрей.
Дрожь пронимала до костей.
Но онъ смущенъ былъ этимъ мало:
Его иное занимало.
Тамъ въ сторонѣ, гдѣ былъ заборъ,
Колода на дворѣ лежала.
Въ ней онъ заткнулъ вчера топоръ.
Нащупавъ дряхлою рукою,
Его онъ вынулъ, хоть съ трудомъ,
И мелкимъ старческимъ шажкомъ
Пошелъ змѣистою тропою
Туда, гдѣ на краю небесъ
Темнѣлъ въ ущельѣ горномъ лѣсъ.
Высоко жаворонокъ взвился
И пѣснью звонкою залился,
Смутивши утренній покой.
Но онъ не слышалъ пѣсни той.
Зато, когда волной душистой
Вдругъ набѣжавшій вѣтра валъ
Изъ лѣсу дальняго примчалъ
Дыханіе сосны смолистой,
Почуявъ воздухъ этотъ чистый,
Онъ вдругъ закашлялъ. Долгій путь,
А, можетъ быть, и утомленье
Одышкою стѣснили грудь.
Но это длилось лишь мгновенье.
Минуты двѣ онъ переждалъ
И, опираясь на чупагу,
Опять, какъ прежде, зашагалъ.
Ягташъ охотничій съ ружьемъ
Вновь заболтались за плечомъ.
А вотъ ужъ и конецъ оврагу!
Шумитъ весеннимъ шумомъ лѣсъ.
Туда вошелъ онъ,—и исчезъ.
Шумя надъ нимъ качались ели,
Да пѣсню жаворонки пѣли.

Что было далѣе, какъ знать!
Объ этомъ можно лишь гадать.
Есть на горахъ лужокъ. Крутая,
Горой стремнистою взбѣгая,

Туда ведетъ тропа лѣсная.
По ней пришелъ онъ на лужокъ
И здѣсь, прилегъ ли на часокъ,
Иль трубку захотѣлъ набить—
Охотникъ былъ онъ покурить, —
А, можетъ, на опушкѣ бора
Остановился для дозора,
Какъ угадать! Средь разныхъ мнѣній
Въ одномъ не можетъ быть сомнѣній:
Еще въ тотъ самый день, когда
На пастбище зашли сюда
Овецъ волнистыя стада,
Въ томъ мѣстѣ, гдѣ, змѣей блестящей
Теряяся въ лѣсной дали,
Бѣжитъ ручей звонкожурчащій,
Его здѣсь пастухи нашли.
Подъ тѣнію косматой ели
На шелковистой мховъ постели
Сидѣлъ онъ, къ дереву склоненный,
Съ главой, откинутой назадъ.
Куда-то въ небо устремленный
Былъ неподвиженъ тусклый взглядъ.
Все тихо, нѣмо, пусто было.
Тѣнь синяя уста покрыла.
На желтомъ мраморѣ чела,
Гдѣ дума смерти залегла,
Двѣ капельки росы дрожали
И съ солнечнымъ лучомъ играли,
Что̀ сквозь вѣтвей густую сѣть
Сюда пробился поглядѣть
На старца въ часъ его кончины.
Волосъ немногія сѣдины,
Ласкаемыя вѣтеркомъ,
Прильнули къ темной, старой ели
И сами стали какъ бы мхомъ.
Ужъ члены всѣ окоченѣли
И смерти духъ царилъ кругомъ.
Ружье съ нетронутымъ зарядомъ
Валялось тутъ же съ сумкой рядомъ.
Рука схватилась за кожухъ,
Другая на̀-землю упала

И трубку все еще сжимала,
Хоть въ ней давно огонь потухъ.
Всѣ мигомъ къ Чайкѣ подбѣжали,
Звать начали, въ бока толкали,
Водою брызгали, кричали,
Съ земли подняли и качали...
Но ужъ погасъ въ немъ жизни духъ.
Тогда изъ темныхъ сучьевъ ели
Сплели носилки, какъ умѣли,
И, стадо поручивши псамъ,
Ихъ зорко-опытнымъ глазамъ,
Трупъ на носилки подняли,
И подъ покровомъ чащи влажной
Пошли безмолвно, тихо, важно
И тѣло въ хату отнесли.

И нѣтъ ужъ Чайки моего!
Исчезъ навѣкъ. Такъ тѣнь мелькаетъ,
Такъ звукъ безслѣдно замираетъ.
Прокатится — и нѣтъ его!

Другъ Толстого.

Это было лѣтомъ 1904-го года. Я уѣзжалъ въ Вѣну изъ Турчанскаго св. Мартина, куда ѣздилъ познакомиться на мѣстѣ со словацкимъ народнымъ движеніемъ. На вокзалѣ ко мнѣ подошелъ совершенно мнѣ незнакомый человѣкъ лѣтъ 35, средняго роста, съ свѣтлыми, почти какъ ленъ, волосами и свѣтлыми же, ясными глазами.

— Вы ѣдете въ Вѣну?—сказалъ онъ мнѣ по-русски съ несовсѣмъ правильными удареніями. Намъ по дорогѣ. Позвольте, я вамъ возьму билетъ. Мнѣ говорилъ о васъ Шкультети.

Черезъ нѣсколько минутъ мы уже сидѣли вмѣстѣ въ купэ и поѣздъ мчалъ насъ черезъ Врутки и живописное ущелье Стречна въ Жилину, гдѣ жилъ мой неожиданный спутникъ. Онъ оказался докторомъ, нѣсколько разъ бывалъ въ Россіи и живо интересовался нашей жизнью. Я тугъ на знакомства и сойтись мнѣ съ кѣмъ-нибудь трудно, но новый знакомый мой говорилъ такъ искренне, такъ просто, такъ по человѣчески просто, что съ нимъ нельзя было не чувствовать себя свободно. Черезъ полчаса мы разговаривали такъ, какъ будто были знакомы уже долгіе годы.

Въ Жилинѣ мнѣ приходилось ждать поѣзда нѣсколько часовъ, и мой спутникъ пригласилъ меня къ себѣ на обѣдъ. Мы стали взбираться по старымъ каменнымъ ступенямъ на гору, гдѣ въ старомъ городѣ жилъ докторъ. По дорогѣ ему то и дѣло приходилось снимать шляпу, ласково отвѣчая на поклоны то мадьярскимъ „Alasolgaja“ то словацкимъ „Dobrý den“. На квартирѣ его уже ждали паціенты. Немного сулили они доходу доктору. Это были по большей части бѣдняки, съ красными отъ трахомы глазами словацкіе пастухи, бабы, точно живьемъ пере-

несенныя сюда изъ нашей орловской деревни. Да и пріемная напоминала нашу родину. По стѣнамъ рядомъ съ чешскими картинами Голарека изъ жизни Христа, которыми когда-то такъ интересовался Л. Н. Толстой, висѣлъ толстовскій „Первый винокуръ“, большая плаката на словацкомъ языкѣ, наглядно показывавшая вредъ „пàленки“, водки-горѣлки, рядомъ такая же большая афиша о вредѣ куренія и тутъ же русская лубочная картинка—въ боярскомъ костюмѣ маленькій человѣчекъ съ громадной шапкой на головѣ:

Ходитъ Спесь надуваючись,
Съ боку на бокъ переваливаясь.
Ростомъ-то Спесь аршинъ съ четвертью,
Шапка-то на немъ въ цѣлу сажень,
Пузо-то его все въ жемчугѣ,
Сзади-то у него раззолочено.
Идетъ Спесь, видитъ: на небѣ радуга;
Повернулъ Спесь во другую сторону:
Не пригоже де мнѣ нагибатися!

Пока докторъ принималъ больныхъ, я вошелъ въ его кабинетъ и очутился точно у себя дома: на полкахъ Герценъ, Тургеневъ, Достоевскій и особенно Толстой. Мы сѣли за обѣдъ,— и обѣдъ оказался по-толстовски вегетаріанскимъ. Хозяинъ мой былъ убѣжденнымъ толстовцемъ. Читатель можетъ-быть уже догадался, что меня принималъ у себя докторъ Душанъ Петровичъ Маковицкій, которому нѣсколько лѣтъ спустя суждено было окружить нѣжной заботливостью послѣдніе дни Л. Н. Толстого.

Сынъ богатаго фабриканта брындзы въ Ружомбергѣ, Маковицкій учился медицинѣ въ Прагѣ и Берлинѣ. Уже со студенческой скамьи попалъ онъ подъ вліяніе Толстого. Въ журналѣ „Slovenské Pohľady“ самъ онъ разсказалъ о первой своей встрѣчѣ съ нашимъ писателемъ, когда съ смущеніемъ въ сердцѣ, укоряя себя за смѣлость и навязчивость, по дорожкамъ яснополянскаго сада шелъ онъ впервые къ Толстому. Но Толстой умѣлъ простотой обращенія мимовольно увлечь въ свой кругъ. Графини не было дома и обѣдъ начался безъ хозяйки. Вдругъ послышался стукъ подъѣхавшаго экипажа.

— „Дѣти! Давайте, сдѣлаемъ сюрпризъ мамѣ. Спрячемся подъ столъ!“

И вотъ хозяева и гость на корточкахъ оказались подъ столомъ. Но графиня испортила все: она прошла въ свои комнаты, и пришлось всѣмъ вылѣзти изъ-подъ стола, не произведя эффекта.

Искренній, прямой, послѣдовательный, Маковицкій и въ Толстомъ полюбилъ простоту жизни и благородную послѣдовательность славянскаго ума, который, не останавливаясь передъ препятствіями, смѣло отвергаетъ все, что считаетъ за предразсудокъ, всякую мысль развиваетъ до конца и не любитъ сдѣлокъ съ совѣстью. Самъ Маковицкій—одинъ изъ тѣхъ людей, у кого нѣтъ пропасти между словомъ и дѣломъ, между убѣжденіемъ и жизнью. Увѣровавъ въ истину ученія Толстого, онъ всю свою жизнь перестроилъ по толстовскому идеалу, а послѣ 1905 г. и самъ переѣхалъ въ Ясную Поляну къ тому, чье каждое слово было для него закономъ и чуть-ли не откровеніемъ.

О томъ, какъ это случилось, разсказывалъ мнѣ самъ онъ въ одной изъ прогулокъ нашихъ въ окрестностяхъ Жилины.

Въ полуверстѣ отъ города есть здѣсь развалины стариннаго замка. Красота равнинной шири споритъ тутъ съ живописностью горъ. Перейдешь желѣзнодорожный мостъ, и широко-далеко разстилается заливной лугъ со столѣтними тамъ и сямъ вербами. А за лугомъ быстрая, живая, спѣшитъ въ широкій Вагъ, полируя камушки, синяя Кисуца. Голая дѣтвора возится въ ней около громаднаго первобытнаго челнока, а на томъ берегу плодовые сады и черезъ 40—50 шаговъ начинается лѣсъ, такой густой орѣшникъ, что, идя по тропинкѣ, надо раздвигать въ обѣ стороны зеленыя вѣтви, и вдругъ, точно въ сказкѣ, вся закрытая деревьями выростаетъ въ лѣсной глуши настоящая избушка на курьихъ ножкахъ. Еще десятка два шаговъ, и тропинка, то и дѣло обрываясь, взбирается въ гору. Дерево упало и перекинулось черезъ оврагъ тутъ же у тропинки. Внизу на голомъ скатѣ горы вцѣпился въ землю кустъ земляники, и полная красная ягода виситъ спокойно на тоненькомъ стебелькѣ: знаетъ, что ея не достанешь. А еще ниже подъ самой горою бѣжитъ уже завидѣвшая Вагъ Кисуца. Лѣсъ сталъ еловымъ, дикимъ и глухимъ, но стоитъ только взглянуть въ даль, и за выступомъ горы открывается Вагъ, а за нимъ только-что покинутый нами городъ. Красота рѣдкая, и даже теперь, когда ее испортили заборы и людской топоръ уже прошелся по темному лѣсу, все еще хочется, проѣзжая черезъ Жилину, взглянуть на это мѣсто.

Чтобы попасть сюда, всего лучше итти мимо желѣзнодорожной будки. Къ удивленію однако мой спутникъ свернулъ въ сторону.

— Сюда! Здѣсь ближе.

— Нѣтъ, обойдемъ будку. Мнѣ не хочется встрѣчаться со

сторожемъ. Я лечилъ его сына. Одинъ онъ былъ у него. Изъ силъ выбивался старикъ, чтобы вывести сына въ люди и добился таки своего. Сынъ кончилъ университетъ и пріѣхалъ къ отцу докторомъ, но надо жъ было, чтобъ муха съ трупа укусила его; онъ заразился и заболѣлъ. Я все дѣлалъ, чтобъ ему помочь, но черезъ три дня онъ умеръ. Мнѣ совѣстно теперь смотрѣть на отца. Какъ разъ въ то время пришло предложеніе отъ Толстыхъ переѣхать къ нимъ. Я бросилъ Жилину и уѣхалъ.

— Вамъ не скучно въ Россіи, въ деревнѣ?

— Въ Ясной Полянѣ-то? Помилуйте, мнѣ кажется, что я живу тамъ въ самомъ центрѣ міра. Кого только тамъ ни увидишь! А Толстой самъ... Съ тѣхъ поръ, какъ я живу въ Россіи со Львомъ Николаевичемъ, я о судьбѣ славянъ не сокрушаюсь. Левъ Николаевичъ—пророкъ славянства, поскольку оно призвано жить не для себя только, а на пользу всеобщую. Помните, какъ вы писали мнѣ изъ Жилины. Только бы мы его слушались, не такъ бы намъ жилось, какъ теперь...

Маковицкій такъ любилъ, такъ благоговѣлъ передъ Толстымъ, что каждое его слово было для него чуть не святымъ. Онъ уже около 20 лѣтъ, какъ собираетъ все написанное о Толстомъ. Въ Ясной Полянѣ онъ велъ дневникъ, гдѣ изо дня въ день стенографически точно записывалъ каждую мысль, каждое слово Толстого. Эти записки цѣнны потому, что глубоко правдивы. У себя въ словацкихъ горахъ онъ, какъ могъ, старался распространять сочиненія Толстого, перевелъ „Крейцерову Сонату", издалъ „Воскресеніе", а въ „Slovenských Pohľaďахъ" помѣстилъ много статей Толстого и свои воспоминанія о немъ. Трудно сказать, какъ далеко шли здѣсь его заслуги. На крайнемъ западѣ славянства, въ чешскомъ Писекѣ, посѣщая дѣвичью торгово-промышленную школу, довелось намъ увидѣть у самаго входа большой снимокъ съ извѣстной картины Рѣпина „Толстой за плугомъ" съ надписью: „помните слова великаго мыслителя, не чуждайтесь физическаго труда". Директоръ школы оказался большимъ пріятелемъ Маковицкаго, а для его юноши-сына „Душанъ" былъ недосягаемымъ идеаломъ, примѣромъ и образцомъ жизни.

Самъ Толстой не уберегся отъ вліяній своего доктора. Справедливо приписывали замѣченный въ немъ за послѣднее время интересъ къ славянству и между прочимъ телеграмму софійскому съѣзду его близости съ Маковицкимъ. Приглашая меня къ себѣ въ Ясную Поляну, Маковицкій писалъ: „Льву Николаевичу бу-

детъ желанно побесѣдовать съ вами о славянахъ. Интересуется нами".

Не было такого ничтожнаго случая, которымъ бы не воспользовался Маковицкій, чтобы напомнить Толстому о славянствѣ. Въ 1908 г. помѣстилъ я въ „Славянскихъ Извѣстіяхъ" небольшую замѣтку о чешскомъ поэтѣ, Махарѣ. Поэзія его у насъ совершенно неизвѣстна, а между тѣмъ это—замѣчательная по смѣлой искренности и безпощадной откровенности исповѣдь обезвѣрившейся души современнаго намъ человѣка. Маковицкій далъ эту замѣтку прочесть Толстому. „Вашъ поэтъ, сказалъ Л. Н., очень мало интересенъ. Какъ бы вы думали, къ чему онъ чувствуетъ отвращеніе, обратился онъ къ Черткову. Къ христіанству! Все это отъ большого ума. Времена такія. Все равно, что наши Горькіе. Самъ признаетъ, что никакихъ идеаловъ не имѣетъ, никакихъ идеаловъ, а всѣ этимъ очень довольны. Чѣмъ дольше живу, тѣмъ яснѣе вижу, что человѣчество переживаетъ теперь періодъ, въ которомъ старыя формы вѣрованій рушатся, а въ истинное христіанство никто не вѣритъ". Послѣ Толстой нѣсколько разъ возвращался къ Махару и выражалъ желаніе что-нибудь изъ него прочесть. Ив. Ив. Горбуновымъ было обезпечено изданіе Махаровой „Магдалины", переведенной чуть-ли не на всѣ европейскіе языки, но всѣ старанія найти русскаго переводчика для этого замѣчательнаго романа такъ и остались тщетными.

Интересовался въ послѣднее время Толстой и польской литературой. Сегодня, писалъ мнѣ Маковицкій отъ 27 марта 1910 г., Левъ Николаевичъ прочелъ въ „Рус. Вѣдомостяхъ" послѣдній отрывокъ изъ новаго романа Сенкевича „Wiry". Не понравился ему, фальшиво—сказалъ". Въ томъ же письмѣ была просьба указать, что можно рекомендовать прочесть Л. Н—чу изъ Болеслава Пруса. Я назвалъ повѣсти „Placówka" и „Emancypantki", гдѣ такъ много есть схожаго съ нѣкоторыми мѣстами изъ „Анны Карениной", а пока послалъ въ Ясную Поляну бывшіе у меня подъ рукой разсказы „Видѣніе" и „Новый годъ". Но „Видѣнія"—тамъ есть разсказъ о чудѣ—Маковицкій не рѣшился показать Толстому, а „Новый годъ" не понравился ему: „Л. Н. сказалъ, что это остроумная болтовня". Слишкомъ уже аскетически-строгъ сталъ въ послѣдніе годы Толстой и, очевидно, показалась ему неумѣстной въ вопросахъ нравственныхъ примѣсь легкой шутки, подъ которой застѣнчиво скрывалъ Прусъ благородную мысль: „любите враговъ вашихъ, дѣлайте добро ненавидящимъ васъ".

Вѣроятно, не безъ вліянія Маковицкаго очень хотѣлось Толстому въ послѣднее время видѣть у себя въ гостяхъ поляка. Письмо Маковицкаго объ этомъ я показалъ въ Варшавѣ начинающему польскому писателю, Евстахію Чекальскому. Мѣстныя редакціи дали ему денегъ, молодые польскіе литераторы свои книги съ посвященіемъ Толстому, и Чекальскій отправился въ Ясную Поляну представителемъ отъ молодой Польши. Не знаю, какое впечатлѣніе произвелъ онъ на Толстого, но о Маковицкомъ онъ разсказывалъ мнѣ, что и среди яснополянскихъ мужиковъ, какъ и въ родной Жилинѣ, онъ сумѣлъ завоевать себѣ и любовь и уваженіе.

„Душа Петровичъ—говорили мужики—справедливый человѣкъ. Настоящій душа-человѣкъ...“

Какъ докторъ, на устроенномъ въ имѣніи Толстыхъ больничномъ пунктѣ Маковицкій много утолилъ людского горя и знаніями своими и еще больше тѣмъ, чему цѣны нѣтъ: своимъ участіемъ. Онъ изъ тѣхъ людей, которые, когда видятъ нужду въ помощи, не спрашиваютъ, кто нуждается, нѣмецъ, мадьяринъ, еврей или славянинъ, а просто идутъ и безъ словъ и шуму помогаютъ хотя бы и врагу своего народа. Въ этомъ онъ—вѣрный сынъ славянскаго племени. Возможны и у насъ націоналистическія увлеченія, но они всегда останутся на славянской душѣ нѣмецкимъ налетомъ. У насъ есть, были и будутъ народники, но для узконаціоналистическихъ тенденцій недаромъ нѣтъ соотвѣтствующаго слова ни на одномъ изъ славянскихъ языковъ.

Отличительная черта Маковицкаго, умѣніе подойти къ простому народу, дѣлаетъ его характернымъ представителемъ новыхъ словацкихъ поколѣній, людей тихой, незамѣтной, черной, но глубоко-плодотворной и необходимой культурной работы. Только благодаря такимъ людямъ засыпется когда-нибудь у словаковъ пропасть между людьми книги, искусства и науки и простымъ народомъ. Приглядываясь къ дѣятельности Маковицкаго, столь близкой простому народу и столь понятной ему, нельзя не вспомнить замѣчательнаго разсказа Гурбана-Ваянскаго „Na Bašnarovom kopci“, гдѣ художникомъ въ самомъ началѣ его дѣятельности просто и правдиво былъ удостовѣренъ разрывъ между образованными классами и все еще темною массою народа. Встрѣтившись со старухой-крестьянкой, которую выгналъ изъ дому сынъ, сталъ ее Ваянскій убѣждать, чтобы она обратилась къ адвокату Файнору, „нашему, словацкому человѣку“, а услышалъ отъ старухи неожиданную отповѣдь:

— Ахъ, тырци-фырци, попъ Андрей! Всѣ вы и съ вашимъ адвокатомъ одного и того же барскаго поля ягода. Дай вамъ зерно, а вы еще и соломы требуете, заработокъ нашъ нищенскій берете, мозоли старыхъ рукъ. Барская милость на заячьемъ хвостѣ сидитъ. Послѣдній мѣшокъ ячменя продала я на гербовыя марки. Нечего сказать, умна была! Засунулъ мои денежки адвокатъ этотъ, Корунтали — чтобъ его собаки слопали! — глубоко въ карманы, выставилъ свое жирное, мясистое брюхо, выпятилъ буркалы и говоритъ: „Ну, вотъ отлично. Теперь все въ порядкѣ. Приготовьте только денегъ на приговоръ. Ступайте!"

Ненависть къ „господамъ" такъ и сверкала у бабы изъ глазъ. Мнѣ стало грустно. Грустно, что народъ ненавидитъ людей культуры и образованности, считая ихъ своими врагами. Значитъ, и я изъ того же частокола палисадина, я, который имѣю претензію вѣрно служить своему народу?.. Какъ объяснить простымъ людямъ значеніе образованныхъ классовъ, какъ научить ихъ понимать разницу между Файноромъ и Корунтали? И съ юношескимъ жаромъ я тутъ же сталъ поучать расходившуюся старуху, перечислялъ всѣ прекрасныя свойства благородныхъ „черносюртучниковъ", вспоминалъ про народъ, про языкъ, какъ они, эти черносюртучники, защищаютъ права народа, какъ пишутъ книги, слагаютъ пѣсни... Мой голосъ дрожалъ отъ одушевленія, руки оживленно жестикулировали... И мнѣ уже казалось, что я подѣйствовалъ на старуху; ея безпокойные, черные глаза уставились на меня со вниманіемъ. Сперва она глядѣла какъ будто съ сомнѣніемъ и подозрительно, потомъ, какъ мнѣ казалось, тихо и довѣрчиво. Наконецъ я кончилъ.

„Молодой вы баринъ, а проповѣдуете, точно попъ съ амвона", сказала она сухо, а молодой парень, слушавшій мою рѣчь съ полуоткрытымъ ртомъ, закивалъ ей головой въ знакъ согласія. Меня сразу бросило въ холодъ и почему-то вспомнилось, какъ я еще мальчикомъ, попавъ въ яму, чувствовалъ себя совершенно безпомощнымъ въ желтой, склизкой землѣ. Но тогда по крайней мѣрѣ я могъ кричать и звать на помощь дядю, который подалъ мнѣ лѣстницу и помогъ выбраться на свѣтъ Божій, а тутъ, на Башнаровомъ концѣ, некого и позвать, нѣту ни лѣстницы, ни дяди. Шлепнулся въ яму и сиди въ ней!".

Маковицкій не могъ шлепнуться въ яму уже потому, что всѣ дары своего богатаго сердца, всѣ свои знанія отдалъ онъ на служеніе бѣднотѣ. Въ Жилинѣ жилъ онъ большей частью съ простымъ народомъ. То же повторилось и въ Россіи. И когда

оба они съ Толстымъ обходили вонючія избы русскихъ мужиковъ, вмѣстѣ залѣзали на полати къ изъѣденнымъ вшами больнымъ и старались хоть въ ничтожной долѣ утолить вопіющее къ небу горе русскаго крестьянства, между ними не было никакого различія. Оба они,—и этотъ докторъ, уроженецъ крайняго славянскаго запада, воспитанникъ Праги и Берлина, и этотъ старый баринъ, который началъ съ аристократическаго презрѣнія къ простому человѣку, а кончилъ тѣмъ, что самъ превратился въ самаго настоящаго русскаго мужика,—жили въ это время однимъ чувствомъ, одною мыслью. Оба стояли на томъ единственно вѣрномъ для человѣка пути, гдѣ ждутъ отъ насъ помощи людское горе и людская нужда.

Изъ Махара.

Въ Галиціи.

Съ чешскаго.

Какъ старыхъ куръ продрогшихъ рядъ,
Къ бѣдѣ такъ тупо равнодушныхъ,—
Стоятъ уныло кучи хатъ,
Безропотныхъ, судьбѣ послушныхъ.

Мазанки жалкія! Комокъ
Соломы съ глиной. Въ стѣнахъ щели.
Всѣ на одинъ скривились бокъ.
Гнилыя крыши почернѣли.

И только круглые щиты
Подсолнуховъ, горящихъ жарко—
Убогой пышность нищеты—
На солнцѣ золотятся ярко.

Подъ развалившимся плетнемъ
Песъ отощалый воетъ въ поле.
Куда ни оглянись—кругомъ
Гуляетъ голь одна на волѣ.

СЛОВЕНЦЫ.

1. Антонъ Ашкерцъ. Литературная характеристика. Въ текстѣ: Стихотворенія: 1. Изъ лѣтописи Юрьевскаго монастыря, 2. Бай Станчо, 3. Батакъ, 4. Полетъ, 5. Русскій языкъ.
2. Стихотворенія *Антона Ашкерца*: 1. Геліополь, 2. Старая Правда, 3. Изъ «Рапсодій болгарскаго гусляра», 4. Изъ цикла сатиръ «Павлиха на югѣ», 5. Изъ послѣдняго сборника: «Pesnitve», 6. Изъ стихотвореній о Россіи.

Антонъ Ашкерцъ.

I.

Когда идущій изъ Вѣны къ Адріатическому приморью поѣздъ, выбившись изъ горныхъ ущелій южной Штиріи, гдѣ среди высокихъ и зеленыхъ горъ его сопровождаетъ, пѣнясь и волнуясь въ своемъ каменномъ ложѣ, сперва Санъ, а потомъ голубовато-бѣлая Сава—Sava deroča,—выбѣгаетъ, наконецъ, на болѣе ровное и просторное мѣсто, передъ нами открывается долина Крайны. Пустынное безлюдье Красса еще не коснулось ея здѣсь. Горы почтительно отступаютъ въ сторону, поднимаясь вдали, точно исполинскіе курганы. И на разстилающейся среди нихъ цвѣтущей равнинѣ у подножья одного изъ такихъ громадныхъ кургановъ, на вершинѣ котораго изъ зелени деревьевъ поднимается средневѣковой замокъ, раскинулся небольшой городъ. Это столица Крайны, нѣкогда древнеримская Эмона, а теперь „бѣлая" Любляна, средоточіе словенской жизни. Пріятно послѣ безнародной и чуждой намъ Вѣны очутиться среди близкихъ, хотя и незнакомыхъ людей. Пріятно пройтись по этимъ тихимъ улицамъ, гдѣ вокругъ васъ слышится славянская рѣчь, гдѣ съ площадей глядятъ на васъ пѣвецъ „освобожденной Иллиріи" Водникъ и первый описатель Крайны Вальвазоръ, а на каждомъ углу виднѣются надписи и названія, напоминающія знакомыя имена литературныхъ словенскихъ дѣятелей. Пріятно чувствовать ту атмосферу радушія и искренней пріязни, которою окружаютъ здѣсь каждаго русскаго и славянина. Тиха бѣлая Любляна; не спѣша, ровно, по разъ заведенному порядку течетъ здѣсь жизнь; въ полдень—часъ обѣда—запираются магазины, и городъ точно

спитъ; вечеромъ, едва спустится сумракъ, уже только отдѣльныя фигуры попадаются по пустыннымъ улицамъ. Но подъ этимъ спокойствіемъ кроется цвѣтъ умственной и духовной жизни полуторамилліоннаго словенскаго народа. Въ сѣверной части города при Маріинской коллегіи выходитъ органъ словенской клерикальной партіи „Dom in Svet“; у епископіи ютятся католическія книжныя лавки, а въ противоположной части города зданіе Матицы Словенской и помѣщенія „либераловъ“, редакціи газеты „Slovenski Narod“, красиваго еженедѣльнаго „Slovan'а“ и ежемѣсячнаго „Люблянскаго Звона“, еще не такъ давно подъ редакціей Ашкерца бывшаго первымъ у насъ всеславянскимъ журналомъ. Все, что есть только достопримѣчательнаго у словенцевъ, появляется въ Люблянѣ. Здѣсь печатаются Цанкарь, Зупанчичъ, Зофка Кведрова. Здѣсь, въ Люблянѣ прошла дѣятельность и перваго словенскаго и единственнаго у насъ теперь всеславянскаго поэта— Антона Ашкерца.

Ашкерцъ по происхожденію не изъ Крайны. Онъ родился, какъ и иллирійскій соловей, Станко Вразъ—въ южной Штиріи, въ мѣстечкѣ Глубокомъ, близъ Римскихъ бань (Römerbad). Гимназію кончилъ онъ въ Цилли, томъ живописномъ горномъ городкѣ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ предметомъ горячихъ преній въ австрійскомъ парламентѣ и мѣстомъ народной борьбы изъ-за открытія при мѣстной гимназіи словенскихъ параллельныхъ отдѣленій. Изъ Цилли Ашкерцъ перешелъ въ Мариборъ и, прослушавъ тамъ курсъ богословія, сдѣлался священникомъ. Но не тихое призваніе священника было ему суждено Онъ сбросилъ съ себя сутану и, получивъ въ Люблянѣ должность городского архиваріуса посвятилъ себя всецѣло поэзіи, въ стихотвореніяхъ своихъ обнявъ искренней и горячей любовью— и родную Штирію, и Крайну, и землю сербо-хорватскую, и дальнюю Русь, и Чехію, и Польшу, и Болгарію, и Македонію, и словаковъ—словомъ, все пестрое, но въ своей пестротѣ единое славянство.

Не случайно именно въ землѣ словенской появился нашъ пѐрвый послѣ Коллара всеславянскій поэтъ. Зайдите въ Люблянѣ въ народную кофейню на площади, гдѣ когда-то происходилъ Лайбахскій конгрессъ,—вы увидите тамъ цѣлую кучу всевозможныхъ славянскихъ газетъ. Тамъ и наша Нива, и Новое Время мирно лежатъ рядомъ съ Рѣчью, тамъ чешскіе „Narodni Listy“, хорватскій „Obzor“, и сербскія изданія—тамъ славянскій духъ, тамъ вѣетъ на васъ славянствомъ, и вы чувствуете себя дома.

А въ двухъ шагахъ отъ кофейни, пройдя узенькую Еврейскую улицу, Юрчичева площадь, гдѣ въ квартирѣ доктора Л. М. Енко зародился когда-то русскій кружокъ для обученія словенцевъ русскому языку и литературѣ. Еще нѣсколько шаговъ по старому городу,—и вы передъ большимъ и красивымъ, хотя и простымъ по архитектурѣ, зданіемъ „Женской школы“, гдѣ на фронтонѣ вмѣсто всякихъ украшеній высѣчены имена знаменитыхъ педагоговъ всего славянства: чехъ Amos Komenský, словенцы Anton Martin Slomšek, Valentin Vodnik, полякъ Grzegorz Piramowicz и нашъ Левъ Николаевичъ Толстой, а рядомъ съ ними Песталоцци и Руссо. Всѣ наружныя стѣны школы въ такихъ же барельефныхъ надписяхъ. Здѣсь, кромѣ обычныхъ нравоученій—življenje naj bode ti delaven dan (жизнь да будетъ для тебя рабочимъ днемъ) и т. п. — красуются и такія слова: Ime slovensko tebi sveto bodi (да будетъ). Ne srami ga (его). Sramiti ga ne daj povsod. Naj plemenitost (благородство) tebe vodi. Ljubite svoj rod, spoštujte svoj jezik (любите свое племя, почитайте свой языкъ). Materni jezik je najdražja dota (материнскій языкъ—самое дорогое наше достояніе). Prijatelji! ne pozabimo, da smo slovenci (Друзья! не забудемъ, что мы словенцы!). „To je radikalno!“—говорятъ словенцы, показывая эту послѣднюю надпись, и въ этомъ комментаріи, какъ и въ самой надписи,— краснорѣчиво встаетъ передъ зрителемъ положеніе народа. Расчетвертованное маленькое племя, часть котораго живетъ въ Крайнѣ, часть въ Штиріи, часть въ Гориціи, а часть даже въ Италіи,— словенцы, выдвинутые на самый крайній западъ славянщины, борятся за свое народное существованіе сразу и противъ нѣмцевъ, и противъ итальянцевъ, и отчасти противъ мадьяръ. Въ то же время ихъ разъѣдаетъ глубокій внутренній расколъ между католической и либеральной партіей, въ которомъ, конечно, виноваты обѣ. Но есть мостъ, который перекинутъ черезъ раздѣляющую ихъ пропасть; это — народность. Есть сочувствія и надежды, которыя соединяютъ оба враждебные стана въ одинъ; это — славянство и Россія. Нѣкогда Колларъ, сынъ почти забитаго мадьярами народа, искалъ себѣ силы для жизни и проповѣди въ сознаніи всеславянскаго единства. Не диво, что на этой опорѣ основываютъ свои надежды заливаемые съ трехъ сторонъ чужимъ моремъ словенцы. Еще прежде, чѣмъ Енко началъ свои русскіе курсы, Ашкерцъ, будучи священникомъ въ южной Штиріи, уже принялся за изученіе русскаго и другихъ славянскихъ языковъ. Ища спасенія и защиты для своего народа, онъ обратился къ

тому же источнику силы, изъ котораго черпалъ Колларъ, и сталъ поэтомъ всеславянства.

Приподнимемъ теперь завѣсу съ его творчества и посмотримъ, на какихъ общечеловѣческихъ основаніяхъ покоятся его всеславянскія сочувствія, ибо, какъ ни велико и могуче начало народности, но, чтобы быть дѣйствительно плодотворнымъ, оно само нуждается въ высшемъ освѣщеніи не природнаго, а уже нравственнаго порядка.

II.

Въ сборникѣ „Nove poezije“ есть одно очень характерное для Ашкерца стихотвореніе „Страничка изъ лѣтописи Юрьевскаго монастыря“. Это разсказанная устами монастырскаго лѣтописца исторія одного изъ монастырской братіи, Куно. „Кто былъ братъ Куно, и откуда явился онъ въ монастырь, никто не зналъ. Былъ онъ странный человѣкъ.. Весь день, случалось, пропадалъ онъ изъ своей кельи и бродилъ по горамъ и долинамъ, и часто, бывало, охотникъ находилъ его подъ косматою тѣнью бука заслушавшимся сладкой пѣсни птицъ. И никогда не возвращался Куно домой съ пустыми руками. Сегодня приносилъ онъ полныя корзины цвѣтовъ, травъ и кореньевъ, а завтра ловилъ жуковъ, пестрыхъ мотыльковъ, ящерицъ, гадюкъ, жабъ. А то ворочался онъ съ полными карманами разныхъ камешковъ. И весь этотъ пестрый сѣрый хламъ валялся потомъ въ его кельѣ. А читалъ онъ безъ конца. По столамъ, на полу, въ шкафахъ и на полкахъ всюду—лежали у него книги. Тутъ былъ Плиній, тамъ Горацій, Гомеръ, тутъ Платонъ и Аристотель, тамъ Ѳома Кемпійскій и Священное писаніе... А на окнѣ, на листьяхъ папоротника и еловыхъ вѣткахъ, открытымъ лежалъ молитвенникъ. Нерѣдко за своими книгами и камнями забывалъ онъ о службѣ Божіей, а лѣтомъ, въ ночи, когда такъ ясно небо, и такъ ярко мигаютъ на немъ золотыя звѣзды, простаивалъ онъ цѣлыя ночи въ саду, вглядываясь въ открывшуюся передъ нимъ бездну неба. И зналъ онъ каждую звѣздочку по имени, какъ брата въ монастырѣ. Природа не выходила у него изъ головы. Съ нею онъ жилъ, ею дышалъ, ее почиталъ, и — кто его знаетъ — была ли въ сердцѣ его истинная вѣра, но была у него добрая душа и никогда никому не сказалъ онъ обиднаго слова, никогда не сдѣлалъ зла. И вотъ что̀ съ нимъ случилось однажды.

Былъ вечеръ на Ивана Купалу. Давно уже вся братія послѣ

общей трапезы собралась въ рефекторіи и ждала Куно, но напрасно. Уже кончилась вечерняя молитва, прозвучало послѣднее amen; пріоръ уже далъ знакъ къ отдыху, и всѣ встали изъ-за столовъ, какъ вдругъ двери отворились настежь, и въ залу вошелъ запыхавшійся, блѣдный братъ Куно... „Все чисто, все!“ воскликнулъ онъ таинственнымъ голосомъ, обращаясь къ братіи. О чемъ онъ думалъ, никто не понялъ. Онъ подошелъ ближе и, опираясь руками о столъ, какъ будто свыше вдохновенный, началъ говорить: „Вы знаете, какая ночь сегодня? Вы знаете, что нынче все созданіе Божіе говоритъ понятнымъ человѣку языкомъ, и я услышалъ этотъ чудный говоръ.

Подъ деревомъ лежалъ я на травѣ зеленой,
Когда спускаться началъ сумракъ тайный,
И царство грезы овладѣло міромъ.
Вдругъ слышу: изъ земли ко мнѣ доходитъ
Чудесный, дивный голосъ: „я чиста!“

Склонялись нѣжно надо мною розы,
И чашечки ихъ алыя шептали,
Листва зеленая шумѣла въ чащѣ,
Потокъ лѣсной журчалъ между деревьевъ,
И надо мной летали роемъ птицы...
И все, что было въ чащѣ той живого,
Въ видѣньи пестромъ все неслося мимо —
И говорило все, и говорило!
И вѣтеръ, что гудѣлъ въ дубравѣ шумной,
Тотъ вѣтеръ также говорилъ со мною.
И весь тотъ шумъ, и гамъ, и лепетъ,
То пѣнье, вѣтра свистъ, языкъ стихій,
Всѣ голоса земли родной и милой
Въ одинъ сливались хоръ согласный, стройный,
Симфоніей торжественной звучали...
А я лежалъ недвижно, очарованъ.
И въ слухъ ко мнѣ весенней этой пѣсни
Припѣвъ одинъ врывался: „Чисто все!

Все чисто, все, что видишь ты и слышишь,
Что чувствуешь вокругъ себя, о, Куно!“
И глубже уходилъ я въ царство грезы,
И предо мной раскрылись тайны міра,
Святыя чудеса природы вѣчной.
И всякая тамъ тварь гласила громко:
„Я чистою изъ Божьихъ вышла рукъ
И я чиста!“... А я все грезилъ, грезилъ!..
И вотъ внезапно смолкли голоса.
Торжественная тишь кругомъ настала.

Дубрава темная и лѣсъ пропали,
Пропали всѣ цвѣты, пропали звѣри,
Утихло пѣніе, замолкъ ручей.
. .
И, статуей воздвигшись исполинской,
Жена живая стала предо мною.
Божественной сверкая наготою,
Красой цвѣло ея святое тѣло,
И той красы торжественной и чистой
Не въ силахъ описать я вамъ, о, братья.
Какъ червь, во прахѣ я лежалъ предъ нею,
Она же на меня съ величіемъ взирала.
И робкими я прошепталъ устами:
„Кто ты, о, величавая жена?“

— „Природа я вселенной, Божья дщерь,
„Праматерь всѣхъ созданій, вѣчный Сфинксъ,
„А ты, о, человѣкъ, мой лучшій сынъ!
„И я чиста, чиста, чиста, чиста!“...
Какъ громъ, въ отвѣтъ неслись ея слова.·.
И я проснулся: грезы отлетѣли,
А надъ дубравой ночь уже плыла,
Простерши черный плащъ свой надо мною..
Я къ вамъ бѣжалъ тогда, — и вотъ я здѣсь!

Такъ говорилъ всей братіи Куно, но словъ его не понялъ никто, а на утро онъ уже не всталъ съ постели и черезъ нѣсколько дней скончался среди своихъ цвѣтовъ, жуковъ и книгъ, продолжая бредить о своемъ видѣніи и о чистотѣ вѣчной матери— природы.

Братъ Куно—это Ашкерцъ. Онъ любитъ мать-землю сырую со всѣми ея дарами, утѣхами и наслажденіями, а больше всего любитъ онъ „сына земли“ — человѣка и человѣческое счастье. Онъ такой же настоящій гуманистъ, какъ Петрарка или Боккаччіо. Въ Цилейской гимназіи, въ Мариборской семинаріи изъ-за разрозненныхъ латинскихъ текстовъ и кусочковъ, изъ-за пестрой ткани словъ, въ которой обыкновенно ученикъ ищетъ мысль отдѣльной фразы, не думая о связи и общемъ смыслѣ читаемаго, Ашкерцъ уловилъ чуткимъ поэтическимъ слухомъ связующій эти нити мыслей въ одну цѣлую и живую ткань самый духъ античнаго міра. Онъ вынесъ изъ римскихъ писателей непреодолимую вѣру въ человѣческія силы. „О, Римъ!—восклицалъ онъ позднѣе,— уже въ годы юности я смотрѣлъ тебѣ въ лицо и прожилъ съ тобою свои лучшіе, весенніе дни. Ученикъ твоихъ Цицероновъ, Гораціевъ, Овидіевъ, мудрыхъ Тацитовъ, Ювеналовъ и Саллю-

стіевъ, я и теперь преклоняюсь передъ ними, передъ этими богатырями духа, твоими славными героями. Ты, о, Римъ, какъ свѣтлое солнце, разливалъ золотые лучи своего свѣта по всему міру, и одинъ изъ многихъ тысячъ этихъ золотыхъ лучей запалъ и въ мою душу и освѣтилъ ее сіяніемъ правды и зажегъ въ моемъ сердцѣ мечты о свободѣ, о человѣчности, о всемъ прекрасномъ и добромъ" (Nove poezije. Roma).

Какъ гуманисты XVI вѣка, Ашкерцъ послѣ долгаго, тяжелаго и мрачнаго сна, точно вновь прозрѣлъ и увидѣлъ красу природы и жизни и наслаждается ею, забывъ обо всемъ иномъ. Поэту противенъ аскетъ-факиръ, что до пояса закопанный въ землю стоитъ у большой дороги и, шепча вѣчно имя Брамы, хочетъ, умерщвляя свою плоть, достичь совершенства, сбросить съ себя все земное и стать не только равнымъ Богу, но и превзойти его въ святости. Мимо него течетъ жизнь, проходятъ караваны, идетъ цвѣтущая молодость, сыпля цвѣтами по лугамъ, а онъ, опустивъ глаза въ землю, обросшій волосами, стоитъ и не видитъ окружающей его красоты. Сердце его холодно, какъ камень, и невольно прохожему приходитъ въ голову сомнѣніе, точно ли это человѣкъ. И вотъ, наконецъ, къ нему нисходитъ самъ Брама, но что же онъ услышалъ отъ него? „Безплоденъ твой трудъ и смиреніе. Напрасно изнуряешь ты свое молодое тѣло. Дурной ты выбралъ себѣ путь. Я сотворилъ тебя не ангеломъ, не полубогомъ. Останься же тѣмъ, чѣмъ я тебя создалъ: будь человѣкомъ. Это да будетъ тебѣ высшею цѣлью. Люби жизнь, не убѣгай отъ страданій свѣта, не отдѣляйся отъ братьевъ. Не себялюбивымъ самоумерщвленіемъ, а любовью къ ближнимъ можешь ты приблизиться ко мнѣ. Работай для счастья людского, и, счастливый самъ, ты будешь милъ и мнѣ. Оставь пустыя мечты быть сверхъ-человѣкомъ, да не падешь и не станешь ниже человѣка" (Nove poezije, 68—71).

Ашкерцъ вѣритъ въ человѣка, въ его свѣтлую и благородную природу, въ неистощимость его силъ, въ мощь его воли. Но всего дороже и цѣннѣе для него въ человѣкѣ — это святое чувство любви брата къ братьямъ-людямъ. Безъ этого чувства ничто всѣ сокровища отвлеченнаго, теоретическаго знанія. Наука безплодна, если подрѣзанъ корень, связывающій ее съ жизнью, и Ашкерцъ бичуетъ своей сатирой мертвенный холодъ лишенной жизненнаго свѣта учености. „Когда Будда-Готама пришелъ въ Бенаресъ — читаемъ въ книгѣ „Nove poezije" — навстрѣчу ему вышли брамины и стали водить его по пагодамъ, гдѣ возноси-

лись къ небу святые гимны, и, показывая ему городскія достопримѣчательности, привели наконецъ ко дворцу, гдѣ, по ихъ словамъ, хранилось самое драгоцѣнное ихъ сокровище. Готама переступилъ за ними порогъ и очутился въ громадной залѣ, гдѣ отъ полу до потолка по всѣмъ стѣнамъ стояли на полкахъ тысячи книгъ. Здѣсь наша слава, здѣсь глубокая мудрость Ведъ и комментаріи къ нимъ. Изъ нихъ говоритъ сама ученость. Любовью къ страдающему брату и милосердіемъ дышитъ каждая здѣсь буква—сказали они. „Жаль, отвѣтилъ имъ Будда. Изъ живыхъ человѣческихъ сердецъ любовь перенесли вы въ книги: оттого-то такъ праздны и пусты ваши сердца, и мертвеннымъ холодомъ вѣетъ отъ нихъ: въ нихъ любви нѣтъ и слѣда“.

Безразлично относится поэтъ и къ чисто религіознымъ вопросамъ. „Всѣ индійскія вѣры для меня одинаковы, говоритъ у него индійскій царь Ашока. Наилучшую вѣру исповѣдуетъ тотъ, кто помогаетъ своимъ братьямъ, кто любитъ ближняго отъ глубины своего сердца. Всѣ внѣшніе обряды не имѣютъ цѣны. Что значитъ для мудреца облекающая зерно шелуха! Да царствуетъ свобода мысли и слова! Да будетъ всякому мнѣнію открыта дорога! Только любите другъ друга, о, братья, и да не коснется вашихъ сердецъ ядъ гнѣва и ненависти. Вотъ вамъ мое завѣщаніе“ (Cetrti zbornik poezij, 153).

Но не довольно высѣчь эти слова въ твердыхъ стѣнахъ скалъ, какъ это сдѣлали на поученіе потомкамъ подданные Ашоки, не довольно даже запечатлѣть ихъ въ сердцѣ,—ихъ надо воплотить въ дѣло, и для этого дана человѣку воля. Только она вызываетъ любовь изъ области сентиментальныхъ мечтаній въ трезвую и живую область дѣла. И каждый стихъ Ашкерца дышитъ не только любовью къ людямъ, но и вѣрой въ силу человѣческой воли. Смотря на Петербургъ съ его дворцами изъ окна домика Петра Великаго, поэтъ переносится мыслью въ то время, когда смотрѣлъ изъ этого же окошка на финскія болота и Неву самъ царь и грезилъ о созданіи новаго города, несмотря на всѣ преграды. „Я такъ хочу, и городъ будетъ“, сказалъ онъ. И слово стало дѣломъ: скромный домикъ Петра говоритъ намъ теперь: „воля человѣка—величайшая сила“ (Ib. 31 — 32). Въ исторіи и жизни народовъ, а особенно славянства, которое служитъ матеріаломъ для его пѣсенъ, Ашкерцъ ищетъ по преимуществу такихъ моментовъ, когда мягкій и добродушный славянинъ открываетъ въ своемъ сердцѣ силу отпора и энергіи. Если бы когда нибудь устроили апоѳеозъ Ашкерцу, около него собрались бы

самые сильные люди славянства—Гусъ, Петръ Великій, Болеславъ Смѣлый, Собѣскій, Зринскій, Франкопанъ. Онъ собираетъ ихъ, чтобы и въ современномъ славянствѣ возбудить силу, тотъ мощный духъ единства, котораго желалъ онъ славянскимъ журналистамъ, когда они собрались на съѣздъ въ Люблjану:

O, pridi todi [1]) k nam Slovanom duh ti sveti!
Poguma [2]) duh navdihni nas in [3]) duh moči!
In duh edinosti se vseli [4]) v srca naša!
Modrosti [5]) svetli duh se v umih naših vžgi [6])!
Po tebe hrepenimo [7]) davno, duh svobode!
Napredka [8]) duh ti naš si ideal poslej!
K prosvete [9]) luči pot [10]) nas skupna [11]) vodi naša.
Naprej [12]), Slovani, k luči božji tej, naprej [1]).

Всероссійская Публичная Библіотека

Воспламеняя въ груди нашей любовь къ людямъ, поэтъ зоветъ насъ къ созданію на землѣ человѣческаго счастья, но, такъ какъ реально служить человѣчеству въ нормальныхъ условіяхъ можно только, укрѣпившись на живомъ корнѣ народности и идя постепенно расширяющимися концентрическими кругами, то Ашкерцъ, желая исполнить завѣтъ поэта:

Иди къ униженнымъ,
Иди къ обиженнымъ
И будь ихъ другъ,

идетъ прежде всего къ своему народу и племени. Циклъ пѣсенъ „Старая правда", содержаніе которой взято изъ словенской исторіи, рисуетъ намъ Ашкерца, какъ народника и неизмѣннаго заступника за свой народъ, а множество стихотвореній, посвященныхъ разнымъ отраслямъ славянскаго племени, указываетъ, что по отношенію къ другимъ славянамъ у него не существуетъ словъ: „они и мы",—и вотъ основа его всеславянскихъ сочувствій и стремленій. Она—народная и въ то же время глубоко гуманитарная. Не останавливаясь долго на отдѣльныхъ всеславянскихъ стихотвореніяхъ Ашкерца, довольно будетъ указать на лучшія изъ нихъ — на „Рапсодіи болгарскаго гусляра", гдѣ всего ярче выразился мощный, неукротимый, воинскій духъ поэта, тотъ „ратоборный" духъ, какъ сказали бы хорваты, который унаслѣдовалъ онъ отъ своихъ предковъ, если вѣрно предположеніе, что фамилія „Ашкерцъ", не находящая себѣ корня въ словенскомъ языкѣ, происходитъ отъ турецкаго слова „аскіеръ"—солдатъ.

[1]) Ibidem, 19. [1]) также, [2]) мужества, [3]) и, [4]) вселись, [5]) мудрости, [6]) зажги, [7]) тоскуемъ, [8]) прогресса, [9]) просвѣщенія, [10]) дорога, путь, [11]) общая, [12]) впередъ.

„Рапсодіи болгарскаго гусляра“—это рядъ маленькихъ поэмъ, въ общемъ составляющихъ одну цѣлостную эпопею болгарскаго освободительнаго движенія, исполненную картинъ величественныхъ и разительныхъ. Самая обстановка, въ которой происходитъ здѣсь дѣйствіе—подоблачные Балканы—своеобразна и занимательна, но еще своеобразнѣе самое содержаніе рапсодій — эти обѣдни подъ открытымъ, усѣяннымъ звѣздами ночнымъ небомъ, обѣдни, которыя служатъ въ дѣвственной буковой чащѣ, заткнувъ за поясъ ножи, гайдуки-монахи, эти безумные подвиги отважныхъ болгарскихъ юнаковъ, идущихъ прямо въ пасть звѣря, и наконецъ высокая и непреклонная доблесть духа болгарскаго крестьянина, готоваго на смерть, лишь бы не выдать мучителямъ героя, какъ не выдалъ туркамъ вождя болгарскихъ четъ Бенковскаго пастухъ Станчо:

Шумитъ зеленый Видъ, шумитъ.
Изъ Тетевена въ ночь спѣшитъ

Дорбгой турокъ дикихъ рой...
Кого влекутъ они съ собой?

„Впередъ, пастухъ, впередъ иди!
Гдѣ Бѐнковскій, намъ укажи!“

„Нашъ храбрый вождь вамъ нуженъ—да?
Его не выдамъ никогда!“

„Впередъ, покуда ночи тѣнь
Не разогналъ съ Балкана день!

Въ ущельяхъ скалъ сегодня тамъ
Ты скрылъ его,—гдѣ, знаешь самъ!

Туда веди и насъ съ собой,
Разбойничье гнѣздо открой!

Онъ всѣхъ бунтовщиковъ глава,
Онъ поднялъ знамя мятежа,

Зажегъ огонь возстанья вновь,
Потоками онъ пролилъ кровь!“...

Шумитъ, бушуя, быстрый Видъ,
Надъ нимъ мостъ каменный виситъ...

„Къ нему веди скорѣе насъ,
Получишь золота тотчасъ!

А нѣтъ—на мѣстѣ ятаганъ
Тебя уложитъ на Балканъ!“

„Пасу овецъ я, небогатъ,
Но мнѣ дороже жизни братъ!

Нѣтъ, и за деньги не продамъ
Юнака нашего я вамъ!

Гдѣ спрятанъ вождь во тьмѣ ночной,
Та тайна въ гробъ уйдетъ со мной!“

И прыгнулъ въ волны онъ съ моста,
Навѣкъ сомкнулися уста...

Онъ ужъ не всплылъ, а дно молчитъ...
Надъ нимъ бушуя Видъ шумитъ...

А вотъ начало великолѣпной поэмы „Батакъ“, гдѣ описывается знаменитая батакская рѣзня 1876 года:

Вставай, скорѣй вставай, Батакъ!
Иль ты ужъ больше не юнакъ?

Откуда кличъ, откуда зовъ,
Что будитъ миръ среди лѣсовъ
И горъ уснувшаго селенья?
То вихорь-ли съ Родопскихъ горъ,
Зовя юнаковъ на отпоръ,
Подъемлетъ бурныя стремленья?

То смѣлый-ли пришелъ гайдукъ
Въ таинственномъ полночномъ мракѣ
Своихъ собратьевъ звать въ Батакѣ,
Да сбросятъ иго рабскихъ мукъ?
Иль будитъ юный вѣтеръ мая
Тебя, о дремлющая райя?

Откуда кличъ, откуда зовъ,
Понятно каждому безъ словъ.

Часъ битвы роковой насталъ.
Заряженныя ружья сами
Въ мигъ очутились за плечами,
Самъ въ руку просится кинжалъ.
Съ сосѣдомъ шепчется сосѣдъ,
Въ очахъ горитъ зловѣщій свѣтъ.

Другъ другу руку пожимаетъ.
У всякаго на сердцѣ тайна есть,
Но тайны этой не прочесть.
Всякъ знаетъ: что-то наступаетъ,
И, озираясь на домъ свой,
Сжимаетъ крѣпче ножъ рукой.

Но не въ добрый часъ поднялся Батакъ. Прошло два-три дня и началась дикая рѣзня вѣроломно обезоруженныхъ болгаръ.

Высоко съ неба смотрѣлъ безжалостный и холодный мѣсяцъ, а на землѣ гибли люди. Гибли въ деревнѣ, гибли у рѣки, гибли въ церкви, напрасно умоляя о спасеніи. Картины, полныя страшной, хотя дикой, поэзіи. Жаль только, что Ашкерцъ не удержался отъ внесенія въ эту эпическую поэму субъективнаго элемента. Описывая, какъ спокойно и безстрастно смотрѣли въ эту майскую ночь на турецкіе ужасы безмолвные лики святыхъ, онъ съ негодующимъ упрекомъ обращается къ небу: Ужели ты ничего не видишь и не слышишь? Увы!

Стонъ рабовъ
Не достигаетъ до боговъ.

Это двойная неправда. Неправда въ идеѣ, неправда въ фактѣ. Стоны зарѣзанныхъ въ Батакѣ людей и женщинъ дошли до Бога, и поднялся за нихъ съ сѣвера нежданный мститель. Рапсодіи кончаются превосходными стихами „Гайдуково видѣніе". На вершинѣ Балканъ стоитъ старый гайдукъ, а вокругъ, передъ нимъ, всюду, куда только проникаетъ взоръ, — трупы убитыхъ, добыча и пиршество вороновъ. И глубокая грусть объемлетъ сердце юнака. Но вотъ съ небесной высоты спускается къ нему орелъ и, сѣвъ на плечо, привлекаетъ его вниманіе на сѣверъ. Взглянулъ туда гайдукъ и видитъ:

Oživela je [1]) step,
oživela step ruska je vsa,
nedogledna in tiha in sanjava [2]) step!
Ko iz tal [3]) rasto [4]) polki neštete [5]) iz nje...
Vedno več [6]), vedno več oboroženih mož [7])
Se pomiče [8]) na jug, ko [9]) na morju tam val,
ki ga žene [10]) vihar do bregov, do obal...
Je Igor li iz groba stoletnega vstal,
ali slavni Oleg, al junak Sviatoslav?
Ni Igor ni Oleg niti Sviatoslav to —
beli car je, ki [11]) polke je svoje sezval
pa [12]) jih vodi na jug, na pomoč, na Balkan...
Vedno bliže in bliže jih vidim...

.

To je boj, to je boj, da [13]) se trese Balkan!

.

. Padla Plevna je že [14]).

.

In moj orel ponosno [15]) peruti [16]) razpne [17])
pa se dvigne [18]) v višave nad temni Balkan,
nad svobodni, visoki, slovanski Balkan... *)

*) Četrti zbornik poezij. [1]) Ожила, [2]) мечтательная, [3]) изъ земли, [4]) растутъ, [5]) неисчетные, [6]) все больше, [7]) мужей, [8]) движется, [9]) какъ, [10]) гонитъ,

Русская сила освободила Балканы. Но день болгарской свободы—только предвѣстіе будущей свободы всего славянства. Объ этомъ грядущемъ великомъ днѣ освобожденія мечтаетъ Ашкерцъ, его онъ воспѣваетъ въ своихъ пѣсняхъ, о немъ молится всюду, и въ Москвѣ, въ храмѣ Христа Спасителя, и въ Сараевѣ, попавъ въ Гусревъ-бегову мечеть, чтобы увидѣть тамъ, какъ взываетъ къ Аллаху славянинъ. Сквозь куполъ сіяло на молящихся полдневное солнце, и думалъ Ашкерцъ, смотря на потурченныхъ славянъ: „Каждая молитва хороша, если она идетъ изъ глубины добраго сердца. Вы по своему, я по своему, мы молимъ Бога, да пошлетъ онъ намъ скорѣе нашъ великій день“. Но этотъ грядущій славянскій день не будетъ днемъ мести. Уже провидя его своимъ взоромъ въ стихотвореніи Mi vstajamo!—Ашкерцъ представляетъ себѣ опасенія старыхъ враговъ славянства. Но напрасенъ ихъ страхъ. Мы встанемъ, но местью нашей будетъ одно: прогрессъ и просвѣщеніе!

Mi vstajamo, mi vstajamo!
Pokaj [1]) tako jezite se [2])?
Nas morda [3]) res [4]) bojite se?—
 Napredek [5]) in prosveta
 To naša bo [6]) osveta [7])! [1]).

Здѣсь Ашкерцъ является настоящимъ славянскимъ поэтомъ. Ибо, если стоитъ работать для славянства, то только въ одномъ случаѣ: если оно внесетъ въ міръ новое слово не борьбы и истребленія, а мира и согласной работы на пользу общую, на пользу всечеловѣческую.

III.

Итакъ Ашкерцъ поэтъ всеславянства, потому что онъ—гуманистъ. Но на какихъ основаніяхъ покоится его гуманизмъ. Во имя чего онъ такъ горячо проповѣдуетъ любовь людей къ братьямъ-людямъ? Почему долженъ я считать братомъ какого-нибудь китайца? Люди—братья. Это правда. Но они братьями могутъ быть только тогда, если у всѣхъ у нихъ одинъ отецъ. Подрѣжьте мистическій корень любви къ людямъ, и все зданіе человѣческаго единства рухнетъ, разсыпавшись на мелкіе кусочки. Безъ рели-

[11]) который, [12]) и, [13]) такой, что, [14]) уже, [15]) гордо, [16]) крылья, [17]) распустилъ, [18]) взлетѣлъ, поднялся.

[1]) Lirske in epske poezije, стр. 11—13. [1]) Зачѣмъ, [2]) вы сердитесь [3]) можетъ-быть, [4]) дѣйствительно, [5]) прогрессъ, [6]) будетъ, [7]) месть.

гіознаго основанія можетъ существовать только идея борьбы на жизнь и на смерть между отдѣльными особями или группами особей, а не идея согласія. Здѣсь открывается самое слабое мѣсто въ міровоззрѣніи Ашкерца: у него именно подрѣзанъ этотъ религіозный корень истиннаго гуманизма.

Когда мы начинаемъ думать, какъ могло случиться, чтобы писатель, исполненный такихъ славянскихъ сочувствій, какъ Ашкерцъ, могъ быть обдѣленъ одной изъ коренныхъ чертъ славянскаго міровоззрѣнія, намъ припоминается первый вечеръ нашего пребыванія въ Люблянѣ. Это было въ праздничный день. Всѣ лавки позатворялись, и все населеніе высыпало за Любляну въ каштановыя аллеи мѣстнаго загороднаго парка. Городъ былъ пустъ, и особенно старая его часть, площадь передъ епископскимъ дворцомъ съ ея средневѣковыми зданіями была безмолвна и безлюдна. И вдругъ по этой пустой площади потянулась длиннымъ рядомъ черная процессія: это шли съ гулянья воспитанники мѣстной семинаріи. Въ своихъ черныхъ одеждахъ съ спускающимися позади и подбитыми фіолетовымъ атласомъ складками, выбритые, худые, съ блестящими глазами и изможденнымъ лицомъ они казались какими-то выходцами изъ XII или XIII вѣка. Мы отлично знали, что все это—хорошіе словенцы, люди, преданные своему народу и славянству, но какое-то чувство отчужденія и даже—я бы сказалъ—жуткости промелькнуло въ душѣ. Тяжелымъ и мрачнымъ воздухомъ средневѣковья повѣяло отъ нихъ на современнаго человѣка. Въ этомъ тяжеломъ воздухѣ Ашкерцъ провелъ всю свою молодость. Его мечты уносили его въ залитую яркимъ солнцемъ даль жизни, а онъ долженъ былъ калѣчить свою натуру сперва въ строгомъ и душномъ режимѣ католической семинаріи, а потомъ въ безпріютномъ и холодномъ одиночествѣ лишеннаго семейныхъ радостей католическаго священника. Многое пришлось ему вынести, и мутные отголоски тогдашней душевной борьбы слышатся часто и въ его позднѣйшихъ стихотвореніяхъ. Онъ любитъ съ тонкой ироніей изображать недостатки духовенства; съ затаенной болью рисуетъ онъ отношеніе общества къ оставившему семинарію клирику. Въ концѣ-концовъ натура взяла свое: Ашкерцъ сбросилъ съ себя сутану и сталъ свѣтскимъ человѣкомъ. Недюжинную силу воли и глубокую искренность честной и прямодушной натуры, не мирящейся съ лицемѣріемъ, обличаетъ это въ Ашкерцѣ, но въ борьбѣ съ тяжелой и долгой бурей, стоявшей надъ его молодостью, онъ самъ перешелъ границы. Съ юныхъ лѣтъ слышалъ

онъ рѣчь о грѣховности плоти, земныхъ удовольствій и природныхъ увлеченій. Теперь для него, какъ для брата Куно, все стало чистымъ, но эта безгрѣшная чистота всего едва-ли безгрѣшна съ точки зрѣнія христіанской религіи. Въ борьбѣ съ средневѣковымъ духовнымъ режимомъ и практикой онъ утратилъ вѣру въ самыя основы христіанской религіи.

„Не говорите мнѣ объ „отцѣ“—читаемъ въ стихотвореніи „Я“—не проклинайте „отца“, не проклинайте Бога. Отецъ не можетъ быть безъ сердца. Въ морозъ и холодъ не выгонитъ онъ изъ дома полунагихъ дѣтей; изъ постели въ минуту родовъ не выброситъ онъ слабой родильницы на уличную мостовую. Онъ добръ и милосердъ. Не „отецъ“,—это я безъ сердца, я, міровая энергія, я, сила природы, я, рокъ, тяготѣющій надъ тобою, о, человѣкъ. Ты трепещешь? ты боишься? ты ненавидишь меня? За что? Будь справедливъ! Взгляни мнѣ въ лицо! Кто я? Сегодня я Брама, твой создатель, я творю міры, полные жизни и красоты, полные разума и гармоніи; завтра я—Сива, который вновь обращаетъ эти міры въ дикій первобытный хаосъ, а на самомъ дѣлѣ я ни Брама ни Сива, я—только живая сила природы! Не созидаю я міровъ и не уничтожаю ихъ — я только движусь безпрестанно отъ вѣка вѣковъ... Не знаю я ни жизни ни смерти. Мнѣ незнакома ненависть, но незнакома и любовь. Для меня не существуетъ ни добра, ни зла, ни грѣха, ни святости. Я знаю только одинъ свой желѣзный законъ—необходимости. Онъ суровъ, несокрушимъ и вѣченъ!“ (Lirske in epske poezije. 22—25). Богъ — это природа, человѣкъ — это атомъ. Смотря на доносящійся до него изъ безпредѣльности свѣтъ, поэтъ обращается къ нему со словами: „Ты—загадка для меня, я—загадка для тебя. Значитъ, и ты и я — мы одно и то же. Мы оба только ничтожныя искры неизмѣримаго огня — жизни, неизмѣримой силы, неисчерпаемой энергіи всеміpной природы... И оба мы только краткіе эпизоды въ занимательномъ романѣ, которому имя—космосъ и который пишетъ искони вѣковъ нашъ величайшій художникъ, геніальный богъ Брама...“ (Nove poezije, 15—16). Приведемъ здѣсь еще одно стихотвореніе подъ названіемъ „Полетъ“.

Сквозь эѳиръ безконечный
Плылъ я дальше и дальше
Мимо точныхъ планетъ,
Педантично бродящихъ
По избитымъ дорожкамъ
На пространствахъ безбрежныхъ, —

Мимо солнцъ исполинскихъ,
Огнедышащихъ, жаркихъ,
Плылъ я дальше и дальше
Сквозь предвѣчную мглу,
Гдѣ что мигъ возникаютъ
За мірами міры...

И, цыганы вселенной,
Рядъ бездомныхъ бродягъ,
Мнѣ на встрѣчу неслися кометы,
А вокругъ меня искры сверкали,
Изъ глубинъ неизвѣстныхъ
Разсыпаясь каскадомъ
Свѣтоносныхъ ракетъ...
И встрѣчалъ съ изумленьемъ
На пути этомъ дивномъ
Я мильярды міровъ неизвѣстныхъ...
Здѣсь стою одинокъ на равнинѣ открытой
Я въ невѣдомомъ мірѣ.
Что за ночь, что за ночь!
Величавая тишь.
Ни души...

А на ясномъ на небѣ
Миріадами звѣзды трепещутъ!
И ко мнѣ приближается кто-то
И мнѣ на-ухо шепчетъ:
„Видишь свѣтлую тамъ ты звѣзду,
Видишь ясную звѣздочку тамъ,
Что дрожитъ во вселенной?
Это ваша земля!
Видишь тамъ ты людей,
Видишь ихъ треволненья,
Ихъ труды и усилья,
Ихъ мечты и надежды,
И борьбу, и сомнѣнья?
И людскую любовь,
И людскую вражду,
Зависть, ненависть, лесть,
Вѣроломство и злобу
Видишь тамъ, видишь тамъ?
И рабовъ, и тирановъ,
И угодниковъ Божьихъ,
И преступниковъ — видишь?

Я смотрю и смотрю,
Взоръ вперяю въ пространство:
Только свѣтлую вижу пылинку,
Только точку горящую вижу,
Только тускло блестящее вижу ничто.

Если разсматривать это стихотвореніе, какъ отблескъ минутнаго настроенія и сознанія своего ничтожества сравнительно съ величіемъ созданнаго Богомъ міра, оно превосходно, но въ свѣтѣ всѣхъ предыдущихъ стиховъ, въ контекстѣ всего творчества Ашкерца оно выражаетъ извѣстное міровоззрѣніе и, какъ таковое, едва-ли выдерживаетъ критику. Если все — ничто, если добро и зло—одно, если святые и грѣшники—равноцѣнны, то въ такомъ случаѣ, зачѣмъ самъ Ашкерцъ, авторъ цѣлаго ряда ѣдкихъ и безпощадныхъ сатиръ „Павлиха на югѣ“, такъ бичуетъ зло, зачѣмъ такъ мощно, звонко и убѣжденно звонитъ онъ въ колоколъ любви и согласія? Если на свѣтѣ царитъ одинъ законъ желѣзной необходимости, откуда тотъ духъ свободы мысли и убѣжденія, которымъ проникнуты лучшія творенія Ашкерца, и зачѣмъ тогда вся его проповѣдь свободы? Если человѣкъ только сынъ безжалостной и слѣпой природы, и нѣтъ у него иного отца, откуда бьетъ тотъ ключъ милосердія и любви, который чувствуетъ Ашкерцъ въ своей груди? На всѣ эти вопросы нѣтъ отвѣта и не можетъ быть въ предѣлахъ вышеизложеннаго міросозерцанія. Уйдя отъ старыхъ разгадокъ жизни и ея смысла, Ашкерцъ безпомощно стоитъ передъ загадкой нашего бытія, и его богъ—вѣчное движеніе и сила природы—по истинѣ довольно жалкій и ничтожный богъ: онъ не удовлетворяетъ запросовъ человѣческаго сердца.

Чуждый мистики въ основахъ своего міровоззрѣнія, Ашкерцъ чуждъ ея и въ конечной цѣли, поставленной имъ человѣку. Цѣль эта не выходитъ за предѣлы этого міра. Когда въ Меккской мечети чернобородый имамъ рисовалъ передъ пилигримами картины Магометова рая, внезапно вышелъ изъ толпы богомольцевъ молодой человѣкъ и воскликнулъ: „ошибается нашъ Магометъ! Пусть самъ онъ живетъ въ своемъ вѣчномъ раю. Не по смерти и не на томъ свѣтѣ, а здѣсь, на землѣ желаемъ мы устроить свой рай. Любовь—вотъ то святое и чародѣйственное средство, которое претворитъ нашу землю въ рай. Солнце загробнаго счастья сіяетъ только для избранниковъ. У насъ будетъ иначе. Братъ не будетъ дѣлать кривды брату, и утихнетъ кровавый бой людей между собою. Любовь родитъ свободу золотую. Не будетъ ни цѣпей, ни оковъ, ни тирановъ, ни рабовъ; всѣ будемъ братья мы и сестры, и самъ пророкъ съ своихъ небесъ позавидуетъ намъ и пожелаетъ сойти къ намъ, ибо наша земля будетъ лучше небесъ: она сама будетъ раемъ“ (Lirske in epske poezije, 190). Напрасная мечта! Человѣкъ никогда не откажется отъ

высшихъ запросовъ, никогда не примирится съ необходимостью смерти, и никакіе раи Ашкерца не остановятъ его вѣчнаго движенія впередъ, не преградятъ полета мыслей и желаній вверхъ, отъ земли къ небу, въ потустороннюю область безконечнаго, что, какъ глубокая бездна, манитъ и тянетъ къ себѣ неотразимо. Людямъ могутъ сколько угодно кричать: „стой здѣсь! дальше дороги нѣтъ". Они не послушаются. Ясность идеаловъ Ашкерца становится здѣсь ограниченностью, а самая проповѣдь любви необоснованною и оторванною отъ своего живого корня.

У Петра Брейера (Breuer) есть статуя: Адамъ и Ева, изгнанные изъ рая, сидятъ на камнѣ. Адамъ крѣпкою, мужественной рукой охватилъ за голову прильнувшую къ нему слабую и безпомощную Еву, въ которой для него въ данную минуту заключалось все человѣчество, и прижалъ ее къ груди. Онъ любитъ ее нѣжно и готовъ охранять ее отъ всякихъ бѣдъ и пожертвовать за нее всѣмъ, но хмуро сдвинулись брови на его насупленномъ челѣ, и глаза не поднимутся вверхъ: въ этомъ мрачномъ взглядѣ не видно ни сознанія своей неправоты ни примиренія съ постигшей его участью; въ нихъ свѣтится скорѣе негодованіе и упрямое желаніе остаться при своемъ. У Ашкерца, кромѣ двухъ-трехъ отдѣльныхъ мѣстъ, въ поэзіи нѣтъ этого негодованія; поэзія его не мрачна, но за то на томъ мѣстѣ, гдѣ Адамъ видитъ еще Бога, у него царитъ пустота, и какъ ни ясны его земные идеалы, но чувствуется, что отъ этой пустоты на мѣстѣ религіознаго сознанія щемитъ сердце у поэта: онъ несчастливъ, и нѣтъ въ немъ душевнаго мира.

Какъ поэтъ и мыслитель, Ашкерцъ хорошъ и привлекателенъ наперекоръ своему міровоззрѣнію. Онъ хорошъ тѣмъ, что противорѣчитъ основамъ его собственныхъ идей, хорошъ своей вѣрою въ способность человѣческаго сердца къ добру и благородству, своимъ убѣжденіемъ въ непреодолимую мощь человѣческой воли, своимъ призывомъ къ свободѣ и всечеловѣческому счастью. Но вся эта проповѣдь добра имѣетъ свои корни не въ новыхъ его взглядахъ и не во вліяніи римскихъ мастеровъ, которые никогда не были особенно человѣчными, а въ его старомъ, имъ отвергнутомъ міровоззрѣніи.

Христіанскій Богъ, если не какъ лицо, то какъ идея, по счастью еще владѣетъ Ашкерцемъ. Конечно, огонь этой идеи не можетъ быть такимъ чистымъ, какимъ былъ бы, если бы не замутился источникъ, изъ котораго онъ выходитъ. Ашкерцъ не написалъ бы тогда ни своей бурской баллады, гдѣ жена, узнавъ

о смерти мужа, посылаетъ вѣстника назадъ къ генералу спросить, сколько мужъ ея убилъ англичанъ, ни пѣсни о той бѣдной дѣвушкѣ, дочери рабочаго, которая жалуется, что родилась красивой, ибо бѣдность принудитъ ее рано или поздно продать свою красоту за деньги. Но и въ теперешнемъ видѣ Ашкерцъ влечетъ къ себѣ сердца. Онъ честенъ, прямодушенъ, искрененъ, онъ другъ обиженныхъ, онъ любитъ человѣка, и потому къ нему можно примѣнить слова монаха о братѣ Куно: „какой бы онъ ни былъ вѣры, я его не сужу. Одинъ есть надъ нами судья — Богъ. Ты видишь, Господи, душу и грѣшное наше сердце. Ты знаешь, кто тебя любитъ, и судишь человѣка по жизни и дѣламъ, а не по тому, сколько разъ у кого на устахъ твое святое имя. Не судить другъ друга, не хвастаться своимъ усердіемъ къ вѣрѣ, не ненавидѣть и не проклинать другъ друга, а любить каждаго, какъ брата—вотъ твой завѣтъ намъ, твое желаніе. А Куно былъ добрая душа“ И Ашкерцъ — добрая, честная душа, не выносящая людской лжи и людского лицемѣрія.

VI.

Въ заключеніе два слова объ отношеніи Ашкерца къ намъ русскимъ. Мы уже говорили о словенскихъ сочувствіяхъ къ Россіи. Здѣсь характерны даже мелочи. Перелистывая „Ljubljanski Zvon“ и видя, въ каждомъ номерѣ подъ статьями русское имя— Федоровъ, Наташа, Александровъ, спросили мы одного знакомаго словенца, почему у словенцевъ такъ много русскихъ фамилій. „Это — псевдонимы. Намъ нравятся русскія имена. Словенскій Горькій, Иванъ Цанкаръ началъ свое литературное поприще подъ именемъ Ивана Савельева и Зупанчичъ имѣлъ русское имя“. Ашкерцъ, начавшій писать подъ псевдонимомъ Горазда, сюжеты для своихъ произведеній не разъ бралъ изъ русской жизни. Такова его драма „Измайловъ“ и водевиль „Орденъ св. Георгія“. Правда, эти послѣднія очень слабы и показываютъ только, какъ опасно художнику браться за сложное изображеніе незнакомой ему жизни, но у Ашкерца есть и большія заслуги передъ русскимъ обществомъ. Редактируя „Ljubljanski Zvon“, онъ постоянно знакомилъ словенскихъ читателей съ русской литературой, успѣлъ привлечь въ журналъ русскія силы и самъ переводилъ русскія статьи на словенскій языкъ. Ему вмѣстѣ съ другимъ, теперь уже покойнымъ, писателемъ Веселомъ принадлежитъ

цѣлая книга переводовъ изъ русскихъ поэтовъ „Ruska antologija“, о которой писали всѣ славянскія газеты, кромѣ, конечно, русскихъ. Не довольствуясь заглазнымъ знакомствомъ, Ашкерцъ дважды самъ ѣздилъ въ Россію, посѣтилъ Варшаву, Петербургъ, Москву, Кіевъ, Одессу, Кавказъ и издалъ описаніе этого путешествія въ особой книжкѣ „Dva izleta na Rusko“. Наконецъ русскою жизнью навѣянъ ему цѣлый рядъ стихотвореній „Iz popotnega dnevnika“. Въ нихъ отразился тотъ же неукротимо-свободный, мощный и энергичный духъ Ашкерца. Изъ оконъ вагона замѣтилъ онъ всѣмъ намъ съ дѣтства знакомое убожество русской заброшенной деревни съ ея крытыми гнилой соломой, полуразметанными крышами, съ ея почернѣлыми избами и русымъ мальчикомъ у крыльца, задумчиво глядящимъ на грязную или пыльную улицу. Но весь этотъ печальный и родимый нашъ видъ, отъ котораго грустью вѣетъ на сердце, не печальныя мысли вызываетъ у Ашкерца. Подъ оборваннымъ зипуномъ ходящаго за первобытной сохой мужика ему чудится мощь духа, и кажется ему, что это вышелъ въ поле въ такой же русской деревнѣ выросшій великанъ Толстой. Въ широкомъ раздольѣ южнорусской степи, безконечно раскинувшейся вдаль и въ безконечную даль зовущей человѣка, ищетъ онъ взоромъ потомковъ Хмѣльницкаго— казаковъ и, смотря на мельницу, тяжело переворачивающую по вѣтру свои исполинскія крылья, думаетъ онъ, что это стоитъ заклятый въ мельницѣ духъ степи: тяжело ему и подымаетъ онъ къ верху свои могучія руки. Въ храмѣ Христа Спасителя, среди моря свѣта, среди облаковъ благовоній, при блескѣ золотого иконостаса, прислушиваясь къ высоко плавающей подъ куполомъ собора пѣснѣ „Господи помилуй“, онъ невольно было поддался давно забытому молитвенному настроенію, и умягчилось очищенное отъ всѣхъ грѣховъ сердце, но еще одинъ мигъ, и опять старое чувство овладѣваетъ имъ. Смотря на молящагося рядомъ мужика, онъ думаетъ: „знаешь-ли ты, мужикъ, кто эти пѣвцы? Съ мечомъ въ рукахъ они выгнали татарина изъ стѣнъ кремля; передъ ними бѣжалъ изъ вашихъ степей дерзкій корсиканецъ; ихъ кровью окрасилась Шипка, и освобожденъ былъ болгарскій славянинъ“. Мысль о свободѣ и человѣческой мощи не покидаетъ поэта нигдѣ. Онъ любитъ Русь за ея ширь необъятную, за ея силу могучую, за высокій, смѣлый и благородный полетъ русскаго духа, за свободу, которую несетъ она народамъ:

Языкъ прекрасный русскаго народа,
Какъ ты плѣнителенъ, какъ близокъ мнѣ!

Какія тайныя созвучья струны
Родишь ты вдругъ въ душевной глубинѣ!

Великій, мощный, благозвучный,
Языкъ славянскій, ты—языкъ и мой.
Въ твоихъ ласкающихъ такъ сладко звукахъ
Не говорила-ль мать моя со мной?

Ты—нѣжная, серебряная арфа
Въ рукахъ у вдохновеннаго пѣвца,
И райскій звукъ твоей волшебной пѣсни
Волнуетъ мощнымъ эхомъ всѣ сердца.

Она то млѣетъ вся, какъ страсти шопотъ,
То плачъ отчаянья, то тяжкій стонъ
Въ ней слышится, то вопль тоски безбрежной.
Она летитъ, то плавная, какъ звонъ

Колоколовъ, зовущій властно и призывно,
То грозная, какъ громъ изъ тучи грозовой,
То шумная, какъ моря гулъ прибрежный,
То разудалая, какъ вихрь степной.

Ты—царь. Властительное молвишь слово,
И въ мигъ сыновъ твоихъ безсчетный строй
На твой призывъ встаетъ и смѣло рвется
За родину и за свободу въ бой.

Мыслителю ты—крѣпкой стали молотъ.
Онъ изъ тебя куетъ побѣдный правды мечъ,—
И, мыслей новыхъ искрами сверкая,
Твоя несется пламенная рѣчь.

Гигантъ славянства, рабства ты не знаешь!
Не можетъ быть невольникомъ герой.
Не дастъ себя онъ заковать въ оковы,
Ему несносенъ мракъ тюрьмы сырой.

О, нѣтъ, ты не орудье силы темной:
Ты свѣта властелинъ, ты гонишь ложь!
Глашатай истины ты и свободы,
Изъ тьмы ты къ солнцу правды насъ ведешь!

Да свѣтитъ-же твой яркій, мощный свѣточъ
Отъ дальнихъ Балта синяго бреговъ
Чрезъ горы, долъ, чрезъ тундры и чрезъ рѣки
До океана Тихаго валовъ!

Отъ солнца Индіи до странъ полночи
Простертыхъ въ прахѣ къ счастью да зоветъ,
Народы къ жизни воздвигаетъ новой
И всѣмъ имъ вѣсть спасенія несетъ!

Эти стихи, заключая собою поэтическій дневникъ путешествія Ашкерца по Россіи, вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ и превосходнымъ, единственно вѣрнымъ разрѣшеніемъ всего славянскаго вопроса. Для Ашкерца русскій языкъ есть его родной языкъ, потому что онъ языкъ славянскій.

Если-бы всѣ славяне смотрѣли такъ на каждый славянскій языкъ, тамъ, гдѣ теперь „бранныя свирѣпствуютъ мятели", взошло-бы наконецъ золотое славянское солнце. Но для этого надо подняться намъ выше того уровня, на которомъ мы стоимъ. Это задача наша, да и не только наша, это задача цѣлаго ряда будущихъ славянскихъ поколѣній.

Какъ далеки мы отъ исполненія этой задачи, свидѣтельство этому одно изъ серіи русскихъ стихотвореній Ашкерца „Въ купэ". По дорогѣ изъ Петербурга въ Москву, пріѣхавшій за тысячи верстъ, чтобы посмотрѣть сердце Россіи,—Москву, поэтъ встрѣтился съ кѣмъ-то изъ насъ и въ полумракѣ вагона завязался разговоръ. Оказалось, что спутникъ Ашкерца не зналъ, что такое словенецъ, гдѣ живетъ это невѣдомое племя, и, помѣстивъ Крайну въ Турцію, оправдался передъ собесѣдникомъ тѣмъ, что теперь славянофильство у насъ не въ модѣ, и что въ головѣ у насъ у всѣхъ теперь Китай, Амуръ, Манджурія и Портъ-Артуръ,—словомъ, что мы заняты реальными интересами, а не такими утопическими мечтами, какъ славянофильство. Между тѣмъ идея славянскаго единенія вытекаетъ изъ самыхъ реальныхъ потребностей русской жизни, хотя нами и недостаточно сознаваемыхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ подъ кровлею русскаго государства живетъ вмѣстѣ съ нами цѣлое славянское племя — польское, славянскій вопросъ сталъ для насъ вопросомъ нашей внутренней жизни, и правильное разрѣшеніе польско-русскихъ недоразумѣній, возможное только въ свѣтѣ славянской идеи, необходимо для насъ же самихъ. Съ другой стороны въ области внѣшнихъ отношеній тотъ-же самый Портъ-Артуръ, на который ссылался въ свое оправданіе русскій собесѣдникъ Ашкерца, не показалъ ли въ свое время, какое важное значеніе могло бы имѣть для насъ славянское единеніе. Какъ бы ни былъ великъ и могучъ народъ, онъ нуждается въ сочувствіи всегда, а тѣмъ болѣе въ тяжелую годину испытанія. Гдѣ же слышался неизмѣнно сочувственный намъ голосъ брата и друга? Во всей Западной Европѣ смотрятъ всегда на наши военныя неудачи — одни съ затаенной, а другіе съ нескрываемой радостью и сочувствуютъ намъ только тамъ, гдѣ на Черной горѣ укрылось соколиное гнѣздо сербовъ, только тамъ,

гдѣ, загородившись отъ адріатическихъ вѣтровъ стародавними стѣнами, среди благоуханныхъ олеандровыхъ садовъ и кипарисныхъ рощей пріютился Дубровникъ, только тамъ, гдѣ въ горахъ Герцеговины течетъ въ своемъ каменистомъ ложѣ Нарента, только по савской долинѣ и въ славонскихъ „шумахъ", въ словацкихъ Татрахъ, на Балканѣ, да въ золотой и королевской Прагѣ. Если въ этомъ согласномъ хорѣ сочувствій печальнымъ диссонансомъ раздавался одинъ только голосъ — польскій, то и онъ искупался тѣми тысячами поляковъ, которые рука объ руку съ нами сражались за Россію на горахъ Ляояна и подъ твердынями Портъ-Артура. Мы мало цѣнимъ славянское сочувствіе. Надо скрѣплять уже завязанные узелки и завязывать новые, помня, что сила соединеннаго хотя-бы духовно славянства есть сила Россіи.

Здѣсь надо начинать чуть не съ азовъ. Во всѣхъ почти славянскихъ земляхъ существуютъ „русскіе кружки", гдѣ учатся русскому языку и русской литературѣ. Есть-ли у насъ хоть одно мѣсто, гдѣ можно бы научиться языкамъ славянскимъ? Петербургское славянское благотворительное общество издало превосходные и дешевые словари съ грамматиками славянскихъ языковъ, но они не находятъ себѣ сбыта. Когда впервые появилось въ русскомъ переводѣ стихотвореніе Ашкерца „Русскій языкъ", одинъ изъ нашихъ поэтовъ отвѣтилъ ему русскимъ привѣтствіемъ въ томъ же духѣ, но заглянулъ ли онъ хоть разъ въ словенскую книжку? Увы! Словенскія и западно-славянскія начертанія русскихъ буквъ *ч*, *ш* и *ж* — č, š, и ž являются, повидимому, непреодолимой преградой для лицъ, которыя могли бы въ одну недѣлю усвоить себѣ новый языкъ. И какой языкъ! Звучный, ясный, серебристый. Когда вы прочтете хотя бы привѣтствіе солнцу въ первыхъ строфахъ „Златорога", этой народной повѣсти, которую Ашкерцъ считаетъ лучшимъ изъ своихъ произведеній, вы не узнаете испорченной краинской рѣчи — iblanska Sprаha. Это такія же, какъ солнце, ослѣпительно-яркія, звучныя, серебряныя строфы. Особенно чистъ, прозраченъ и кристаленъ близкій къ южно-штирійскому нарѣчію языкъ Ашкерца. Благодаря тяжелому и неумѣлому стиху помѣщенныхъ нами здѣсь переводовъ они только слабый и ничтожный намекъ на то, чѣмъ могли бы быть стихи Ашкерца, если бы за нихъ взялся человѣкъ, свободно и властно управляющій поэтической рѣчью. Конечно, русская литература выше славянскихъ. Но и помимо Ашкерца реалистическая исповѣдь обезвѣрившагося ума у чеш-

скаго поэта Махара, смѣлый голосъ въ защиту обездоленныхъ въ „Пѣсняхъ раба“ Святополка Чеха, не для дѣтей только написанныя дѣтскія стихотворенія Змая, мечтательно-нѣжная, романтически-задумчивая поэзія Зейера не могутъ быть безынтересными для русскаго читателя. Это еще нетронутый у насъ кладъ эстетическихъ наслажденій, и надо желать, чтобы поэты наши подошли наконецъ къ этому кладу, попробовали заглянуть во внутренній міръ славянской души. Вынеся оттуда на свѣтъ кроющіяся тамъ сокровища, они расчистятъ этимъ нашему обществу дорогу къ правильному и успѣшному рѣшенію той задачи, отъ которой ему все равно не уйти—задачи славянскаго единенія.

1904 г.

Спустя восемь лѣтъ.

Восемь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ были написаны послѣднія строки. Когда-то читалъ ихъ самъ Ашкерцъ и, хотя міровоззрѣнія наши были діаметрально противоположны, онъ цѣнилъ искренность данной ему здѣсь оцѣнки и засвидѣтельствовалъ ея правду. Оцѣнку эту и теперь можно было бы повторить безъ измѣненій. Но восемь лѣтъ не проходятъ даромъ ни для народа ни тѣмъ болѣе для отдѣльнаго человѣка. Хотя и на ничтожную долю, но двинулось за это время впередъ дѣло славянской взаимности. Не остался стоять на мѣстѣ и Ашкерцъ.

За восемь лѣтъ выпустилъ онъ въ свѣтъ восемь новыхъ книгъ. Въ 1905 г. вышла поэма „Primož Trubar“ и брошюра „Ali je Primož Trubar upesnitve vreden junak, ali ne?“, въ 1906 г. „Mučeniki“, въ 1907—„Junaki“, въ 1908 „Jadranski biseri“, въ 1909 г. „Akropolis in piramide“, въ 1910 „Pesnitve“ и наконецъ въ 1912—„Poslednji Celjan“.

Въ этихъ книгахъ Ашкерцъ раскрылъ и углубилъ все то, что еще раньше затронулъ въ „Старой правдѣ“ своей. Изъ-подъ бумагъ, давно покрывшихся густымъ слоемъ вѣками накоплявшейся пыли, архиваріусъ люблянскаго городского архива вынесъ на свѣтъ дневной живые образы дотолѣ почти никому невѣдомаго словенскаго прошлаго. Встали передъ нами и Приможъ Трубаръ, родоначальникъ словенскаго просвѣщенія, вмѣстѣ и Гусъ и Лютеръ словенцевъ, и Фердинандъ со своими клевретами. Ожили вновь въ „Мученикахъ“ жестокіе споры католиковъ и лютеранъ, ауто-да-фе словенскихъ книгъ, преслѣдованія всѣхъ, въ комъ го-

рѣла искра сознательной любви къ родинѣ. Яснѣе какъ-будто сталъ даже густой до-историческій туманъ и, гдѣ глазъ съ трудомъ различаетъ только блѣдныя тѣни лицъ, Ашкерцъ въ „Юнакахъ“ старался увидѣть очертанія живыхъ людей и воскресить стародавнія были о незапамятной борьбѣ словенцевъ съ нѣмцами. Раскрывая прошлое, чтобы на немъ построить будущее родного народа, Ашкерцъ слѣдовалъ пути, указанному всѣми будителями славянства, въ частности Станкомъ Вразомъ, который первый въ своихъ „Джулябіяхъ“ попытался выдѣлить изъ западно-европейской исторіи все, въ чемъ можно было найти слѣдъ словенскаго народа. Это было важной общественной заслугой поэта. Къ сожалѣнію, она въ значительной степени умалена субъективной окраской, которую придалъ поэтъ воскрешеннымъ имъ образамъ прошлаго: въ дикія распри средневѣковья Ашкерцъ внесъ свой собственный полемическій задоръ, переживанія своей собственной религіозной мысли, тѣмъ болѣе отрицательныя, что Ашкерцъ не остановился на той точкѣ религіознаго безразличія, которая была нами обрисована въ 1904 году.

Неудивительно. Какъ міръ природный не терпитъ пустоты, такъ духъ человѣческій не можетъ обойтись безъ религіи. Сознаніе высшаго, потребность служить ему и преклониться передъ нимъ глубоко и неизгладимо заложено въ душу человѣческую. Кажется, все готовъ отвергнуть человѣкъ, со всѣми авторитетами проститься навсегда, но, едва только онъ выкинетъ изъ сознанія Бога истиннаго, какъ уже безотчетно для себя самого стремится создать бога новаго, науку обоготворитъ, искусство вознесетъ на степень абсолютнаго, наконецъ дырку себѣ продѣлаетъ въ стѣнѣ, какъ наша секта дырниковъ, и станетъ стучать передъ ней лбомъ и кланяться, но безъ бога не обойдется. И Ашкерцъ, подведя въ „Приможѣ Трубарѣ“ итогъ всему своему предыдущему духовному развитію, въ „Мученикахъ“ началъ уже создавать себѣ новую вѣру. Адамъ поднялъ наконецъ глаза на небо, но лишь затѣмъ, чтобы увидѣть тамъ свой собственный, обращенный къ небу сжатый кулакъ. Увидѣть, обоготворить и перестроить по новой вѣрѣ, если не всю свою жизнь, то ея правила.

Давно ли въ завѣщаніи своего Ашоки Ашкерцъ проповѣдывалъ свободу духа и любовь? И какъ же дико и странно въ устахъ недавняго поэта свободы и любви прозвучало въ „Мученикахъ“ его новое завѣщаніе людямъ, Luterana kremenjaka testament: „Читай евангеліе, а изъ стараго завѣта помни правило: зубъ за зубъ! Жизнь—борьба безъ оглядки. Съ человѣкомъ че-

ловѣкъ ведетъ вѣчный бой. Смотри же, берегись, чтобы не взялъ надъ тобою верху ближній. Кто любитъ тебя, того и ты люби. Кто тебя ненавидитъ, того и ты ненавидь. И если кто ударитъ тебя по щекѣ разъ лѣвой рукой, ты ему правой отдай ударъ дважды, да и тогда еще стой на готовѣ со сжатыми кулаками! Все остальное, сынъ мой, глупость".

Въ послѣднемъ сборникѣ „Pesnitve" новое міросозерцаніе поэта дошло до своихъ крайнихъ предѣловъ. Дальше и идти уже некуда. „Есть только одинъ Богъ—читаемъ мы здѣсь. Онъ не царитъ тамъ на небѣ, онъ не родился изъ фантазіи минувшихъ дней. Богъ единственно правый, настоящій, дѣйствительный Богъ, безсмертный и всемогущій—это вашъ духъ и вашъ разумъ, ваша сила и ваша отвага, ваше сознаніе и вашъ кулакъ и та рука ваша, что трудится день и ночь. Въ васъ самихъ живетъ вашъ Богъ. Въ него и вѣруйте, ему и покланяйтесь. Иного нѣтъ нигдѣ вокругъ!"

Ta bog edino pravi
resnični in zdravi
neumrjoči
in všemogoči—
to vaš je duh in vaš rozum
in vaša moč in vaš pogum
in vaša vest
in vaša pest
in vaša dlan,
ki delate ž njo dan na dan—
to bog je vaš. Le van verujte,
pred drugim pa ne poklekujte.
V vas samih le živi vaš bog!
Ni drugega nikjer okrog!

Такова эта „новая, великая вѣра" Ашкерца, „вѣра мятежнаго Агасвера. Не можетъ ли быть названо новымъ поклоненіе силѣ?

Со свойственной славянскому уму послѣдовательностью, дойдя въ своей новой вѣрѣ до конца, Ашкерцъ вполнѣ обнаружилъ для другихъ и, думается, самъ чувствовалъ нелѣпость этой вѣры, но такъ много было имъ когда-то потрачено душевныхъ силъ на борьбу съ враждебнымъ всякой человѣческой свободѣ клерикализмомъ, что вернуться назадъ, къ источнику всякой дѣйствительной силы и свободы, христіанству, онъ не былъ уже въ состояніи. Напротивъ, чѣмъ яснѣе ощущалъ онъ, кажется, шаткость своего положенія, тѣмъ съ большей настойчивостью упорствовалъ онъ на своемъ пути. Не напрасно до послѣднихъ дней называли

его въ Люблянѣ ксендзомъ. Давно выйдя изъ церковной ограды и записавшись подъ рубрику confessionallos, Ашкерцъ и въ новой одеждѣ своей сохранилъ въ себѣ задоръ того воинствующаго клерикализма, съ которымъ онъ самъ боролся. Этимъ религіознымъ фанатизмомъ объясняются у него кощунственныя и безвкусныя выходки противъ взрастившей его церкви и религіи, подобныя тѣмъ, которыя у насъ испортили многія страницы въ „Воскресеніи" гр. Л. Н. Толстого.

Вообще можно сказать, что чѣмъ дальше отходилъ Ашкерцъ отъ христіанской религіи, чѣмъ рѣшительнѣе вооружался онъ противъ всего, что называлось мистическимъ, тѣмъ слабѣе становился онъ и какъ поэтъ. Нѣтъ поэзіи, гдѣ нѣтъ таинственнаго, ибо поэзія—это жизнь, а жизнь—тайна.

Но, хотя Ашкерцъ и не переставалъ твердить себѣ и намъ, что тайны нѣтъ, что небо это земля, а Богъ это человѣкъ, онъ въ силу врожденнаго всѣмъ намъ чувства отъ ограниченнаго міра земли невольно стремился въ область безконечнаго. Не оттого ли между прочимъ такъ любилъ онъ и свою Адріатику, что неизслѣдимая глубь ея лона такъ же таинственна и невѣдома, какъ мистическая тайна жизни? И когда очарованный тайной родного моря, стоялъ онъ на его берегу, духъ его наперекоръ уму уносился въ даль безъ конца: „Раскинутъ парусъ и ладья плыветъ, плыветъ, плыветъ, все далѣе, все далѣе плыветъ въ недоступную глазу безбрежную даль, въ невѣдомыя края, въ сказочный миръ"

Z razpetim jadrom plava, plava, plava,
vse dalje, dalje plava v nedogled...
V brezbrežnost širi se pred njim daljava,
v neznane kraje tja, v pravljični svet.

Забывая о лукавыхъ мудрствованіяхъ ума, душа поэта безотчетно и вольно раскрывалась тогда впечатлѣніямъ жизни, и Ашкерцъ вновь становился поэтомъ, сливался душою съ роднымъ народомъ и пѣлъ пѣсни о самоотверженныхъ подвигахъ любви, о дружбѣ Кашляна и Боштяна, которые предпочли умереть, чѣмъ купить себѣ жизнь смертью друга. Въ такія минуты написалъ онъ лучшую изъ своихъ послѣднихъ книгъ „Jadranski biseri", настоящій жемчугъ Адріатики. Собранные здѣсь разсказы и преданія подсказали поэту родные словенскіе рыбаки, а овѣяла ихъ поэзіей загадочно-темная ночь Адріатики, когда, немолчно волнуясь,

Лижетъ море скалы,
Пѣнится, шумитъ,

А на небѣ синемъ
Серпъ луны блеститъ...

Да! Жизнь не такъ проста и ограничена, какъ можетъ казаться. Не оглядѣть намъ голубой тюрьмы, если прорѣзами молніи не разорветъ съ ума нашего завѣсы свѣтъ невечерній.

Къ счастью, отблески этого свѣта до самаго конца не вполнѣ угасли въ душѣ Ашкерца, хотя сознаніе и увлекало его все ниже и ниже по наклонной плоскости, пока не уткнулся онъ наконецъ въ тупикъ. Тогда пришла смерть и открыла ему вѣжды.

28-го мая 1912-го года Ашкерцъ внезапно скончался.

Теперь, когда для него уже дѣйствительно нѣту тайнъ и ясно раскрылось невѣдомое, — мы увѣрены — онъ самъ жалѣетъ о невѣрныхъ струнахъ, сорвавшихся съ его лиры, объ ошибкахъ жизни, о заблужденіяхъ ума. Долгъ его друзей — откинуть изъ его твореній все, что можетъ быть пререкаемымъ, а остальное издать. Полились бы тогда передъ нами бодрыя, смѣлыя, вольныя, чистыя пѣсни о свободѣ, и всталъ бы во весь свой духовный ростъ почившій братъ Куно, прямой, честный, искренній человѣкъ и хорошій поэтъ.

Нельзя безъ чувства глубокой скорби думать о грустной долѣ Ашкерца. Одиноко онъ прожилъ свою жизнь въ двухъ тѣсныхъ комнаткахъ, одиноко страдалъ и мучился, жаждалъ ласки и не находилъ ея и одиноко скончался. Безъ церковныхъ пѣснопѣній и обрядовъ похоронили этого человѣка, который когда-то самъ возносилъ къ Богу святые дары. Гордые своей правовѣрностью, не пришли тѣ, кто содѣйствовалъ его удаленію изъ церковной ограды, проводить въ могилу лучшаго изъ словенскихъ поэтовъ, человѣка добраго и честнаго. А между тѣмъ кто же, какъ не онъ, бурный и страдающій, нуждался болѣе въ прощальномъ возгласѣ „Requiescat in pace!“ Но славянство не забудетъ одного изъ самыхъ преданныхъ своихъ сыновъ, и отрадно намъ съ дальняго сѣвера, который онъ такъ любилъ, послать на его одинокую могилу слова мира и надежды: „Вѣчная память!“

Стихотворенія Ашкерца.

I. Геліополь.

Солнце въ полѣ припекаетъ.
По дорогѣ пыльной, бѣлой
Я иду, а предо мною,
Точно палецъ исполинскій,
Обелискъ торчитъ средь поля
И мнѣ кажетъ, гдѣ когда-то
За столѣтія столѣтій
Городъ былъ могучій, славный,
Геліополь знаменитый.

Солнце жжетъ. Дорогой пыльной
Направляюсь къ обелиску;
А на нивѣ у дороги
Водитъ плугъ старикъ феллахъ.

Я смотрю, и мнѣ невольно
Въ умъ Платонъ приходитъ мудрый,
Чтò за сотни сотенъ лѣтъ,
Жаждой знанія томимый,
Можетъ-быть, дорогой той же
Въ Геліополь шелъ.

День былъ знойный, и подъ пальмой
Сѣлъ онъ въ тѣнь у края пашни,
На которой въ солнцѣ жаркомъ
Плугъ водилъ сѣдой феллахъ.

И окликнулъ онъ феллаха—
Развѣ могъ, какъ истый эллинъ,
Онъ хранить молчанье долго?—
И когда сказалъ онъ старцу,
Что идетъ онъ въ городъ славный,
Чтобы тамъ у бога Солнца,
У жрецовъ его премудрыхъ
Тайны знанія извѣдать,
Бездну мудрости глубокой,—
Засмѣялся простодушно
Тутъ египетскій мужикъ.
Плугъ оставивши средь поля,
Знойный потъ отеръ съ чела онъ
И, къ Платону обернувшись,
Такъ отвѣтилъ мудрецу:
„И зачѣмъ, о чужеземецъ,
Ты къ жрецамъ идешь за правдой?
Тратишь силы ты напрасно.
Я и самъ тебѣ раскрою
Нашу мудрость, наше знанье.
Эта мудрость, это знанье,
Что́ вѣка переживетъ
И всѣ тайны мудрецовъ,
Эта мудрость—предъ тобою.
Эта мудрость, другъ мой,—трудъ,
Трудъ надъ матерью-землею.

Солнце въ полѣ припекаетъ.
По дорогѣ пыльной, бѣлой
Я иду и вспоминаю
Про Платона... Предо мною,
Точно палецъ исполинскій,
Обелискъ торчитъ и кажетъ,
Гдѣ когда-то во дни оны
Городъ былъ могучій, славный,
Гдѣ далеко по округѣ
Знаньемъ славились жрецы
И учили мудрецы.

Но ихъ мудрости высокой
И слѣда нѣтъ въ небѣ чистомъ,

А на полѣ все, какъ прежде,
Какъ за сотни сотенъ лѣтъ,
Водитъ плугъ сѣдой феллахъ.
Онъ молчитъ, но молча учитъ,
Учитъ, плугъ водя рукой,
Высшей мудрости людской.

II. Старая Правда.

Въ деревнѣ, подъ липою старой,
Сидитъ со внучатами дѣдъ,—
И юноши внемлютъ сказаньямъ
Давно ужъ промчавшихся лѣтъ.

Шумитъ надъ главами ихъ липа.
Такъ сладокъ ея ароматъ;
Мечта улетаетъ далеко,—
И младшій задумался братъ:

„Эхъ, если бъ найти мнѣ ту гору,
Гдѣ въ свѣтлой пещерѣ своей
Столѣтія спитъ непробудно
Великій король нашъ Матвѣй.

Въ чертоги его золотые
Вошелъ бы я смѣло и въ нихъ
Увидѣлъ бы золота груды
И цвѣтъ удальцовъ молодыхъ.

Я тамъ короля бы увидѣлъ —
Задумался онъ за столомъ,
Семь разъ борода золотая
Вокругъ обвилася кольцомъ.

Увидѣлъ бы съ нимъ королеву
Аленчицу юную тамъ...
Но, гдѣ та пещера, не знаю,
Не знаю пути я къ горамъ“.

Шумитъ и качается липа
И сладокъ цвѣтовъ ароматъ;
Уносятся мысли далеко,—
И молвитъ второй тогда братъ:

„Король нашъ мнѣ даромъ не нуженъ.
Что толку въ его бородѣ
И множествѣ витязей мертвыхъ...
На что эти витязи мнѣ!

На что мнѣ Аленчица ваша!
Аленку живую люблю
И за сто матвѣевыхъ мертвыхъ
Не дамъ я Аленку свою.

Не блескъ королевской короны,
Не витязей цвѣтъ молодой,
Не юной Аленчицы прелесть,—
Манитъ меня кладъ золотой.

Хоть три бы мнѣ только боченка
Съ тѣмъ кладомъ достать золотымъ,—
Ужъ зналъ бы я, что мнѣ съ нимъ дѣлать,
Сумѣлъ бы управиться съ нимъ.

Три бѣлыхъ купилъ бы я замка,
Два старшимъ бы братьямъ отдалъ,
А въ третьемъ съ Аленкой своею
Весь вѣкъ бы я всласть пировалъ!

Что золоту гибнуть безъ пользы!
Не нужно оно мертвецамъ.
Пошелъ бы за нимъ я, да жалко:
Не знаю пути я къ горамъ“.

Шумитъ и качается липа,
И сладокъ ея ароматъ;
Мечта улетаетъ далеко,—
И третій встаетъ тогда братъ:

„И я бы отправился въ горы,

Но въ нѣдрахъ таинственныхъ горъ
Не въ золото я—въ короля бы
Вперилъ укоряющій взоръ.

И крикнулъ бы мощно и властно,
Чтобъ тысячнымъ эхомъ отъ скалъ
Отдался мой голосъ призывный,
Какъ громъ, королю прозвучалъ:

— Вставай, воевода, проснися,
Соратниковъ спящихъ буди
И, горныя нѣдра покинувъ,
На бой за отчизну иди.

Столѣтья ты спишь безмятежно
И ржавѣетъ мечъ твой въ ножнахъ,
А тамъ, за пещерой, ты слышишь,
Чей стонъ раздается въ горахъ?

Народъ твой тѣснятъ иноземцы
Съ дня на день смѣлѣй и смѣлѣй,
И гибнетъ народная сила:
Защитниковъ нѣту у ней.

Стряхни же позорную спячку,
Вставай и веди насъ на бой
И родины тяжкія цѣпи
Расторгни могучей рукой!

Отчизну избавивъ отъ рабства,
Устрой межъ народами миръ,
На родинѣ вольной пируйте
Съ супругой столѣтній свой пиръ!

Я вѣрю: король бы проснулся,
Мечи зазвенѣли бъ въ отвѣтъ...
Но гдѣ онъ, не знаю. Скажи мнѣ,
Скажи мнѣ скорѣе, о дѣдъ!“

III. Изъ „Рапсодій болгарскаго гусляра“.

1. Бой при Петричѣ.

Чу!—первый слышенъ выстрѣлъ... Турокъ
Привѣтъ свой выслалъ намъ,—и рядъ
Свинцовыхъ жаркихъ поцѣлуевъ
Дождемъ посыпался въ отрядъ.

Въ окопахъ нашихъ закипѣло.
Все зачернѣлось отъ бойцовъ...
Мятежное развилось знамя,
Трубы пронесся ратный зовъ.

Возстала райя, райя встала! Въ турокъ
Стрѣляетъ рабъ, болгаринъ! Адъ кругомъ!..
Грохочутъ пушки, свищутъ пули...
За блескомъ блескъ, за громомъ громъ...

Вставай народъ порабощенный,
Вставайте изъ своихъ гробовъ,
Всѣ, кто давно съ мечтой простился
Освободиться отъ оковъ,

Кто, тяжкую кляня недолю,
Кулакъ въ безсиліи сжималъ,
Кто, изнывая въ рабствѣ годы,
Зубами молча скрежеталъ!

Дивись невиданному чуду,
Высокій, старый нашъ Балканъ!
Смотри, какъ предъ рабовъ толпою
Впервые задрожалъ тиранъ.

Невольникъ цѣлитъ въ господина;
Кружась съ нимъ въ пляскѣ боевой,
Расторгъ онъ смѣло рабства цѣпи.
Недавній рабъ—теперь герой!..

„Ура! На супостата, братья!“—
Вдругъ прокатилось по холмамъ
Сквозь ревъ и дымъ, огонь и грохотъ
Во слѣдъ турецкимъ бѣглецамъ...

2. Теохана Чистеменская.

„Мы гибнемъ, гибнемъ! Пала Перуштица...
Спасенья нѣтъ!.. Послѣднiй пробилъ часъ!
Предъ образомъ твоимъ, святой архангелъ,
Мольбы возносимъ мы въ послѣднiй разъ!

Услышь, услышь моленья паствы вѣрной,
Смотри: она повержена во прахъ.
Отчаянье и страхъ сердца объемлютъ,
И смерти ужасъ свѣтится въ очахъ.

Село горитъ, тамъ жгутъ и грабятъ турки...
Растетъ смятенье... Стонъ стоитъ кругомъ...
Немолчная грохочетъ канонада,
И отъ пальбы потрясся Божiй домъ.

Чѣмъ дальше, ближе, ближе слышны крики.
Ужъ турки здѣсь, они подходятъ къ намъ.
Конецъ всему! Смерть глянула намъ въ очи.
Могилой нашей будетъ этотъ храмъ.

Прощай, о Теохана дорогая,
Прощай и дочка милая моя!
Враговъ мы съ честью выстрѣлами встрѣтимъ,
А васъ... васъ Господу вручаю я!..“

— „Нѣтъ, нѣтъ! И я умру съ тобою, Кочо!
Болгарка я. Мнѣ дорогъ край родной,
Мила и мнѣ свобода золотая!..
Вотъ грудь моя!.. Стрѣляй же, дорогой!“

Къ женѣ нагнулся Кочо Чистеменскiй,
Ее обнялъ онъ, дочь благословилъ...
Мгновенье—выстрѣлъ грянулъ... Обѣ пали,
А онъ себя на мѣстѣ положилъ...

За нимъ другіе всѣ. А отъ ударовъ
Ужъ дверь трещитъ. Вотъ рухнула она...
Ворвались турки и оцѣпенѣли,—
Глядятъ: вся церковь мертвыми полна!

3. Бай Вуле.

Запѣй, какъ братъ брата продава!
Христо Ботевъ.

И на мягкой травѣ мы разсѣлись.
Весь Балканъ вокругъ насъ зеленѣлъ.
Птичій гамъ разносился по чащѣ,
Бился горный потокъ и шумѣлъ.

Все, ой, все, какъ и прежде... Но турокъ
Ужъ не царь этихъ горъ и долинъ!
Не терзаетъ, не мучитъ онъ райи...
Здѣсь болгаринъ теперь господинъ!

Ты знавалъ ли, бай Вулё, гайдуковъ?
Ты слыхалъ ли печальный разсказъ,
Какъ въ горахъ этихъ Бѐнковскій храбрый
На Балканѣ зеленомъ угасъ?

„О вождѣ нашемъ слышалъ я много
И о томъ, какъ погибъ онъ, слыхалъ...
Да... Болтали въ деревнѣ сосѣди...
Кто-то туркамъ героя предалъ...“

Ну, а кто жъ его выдалъ имъ, Вулё?
Кто Іудой предателемъ былъ?
Дай-ка память тебѣ освѣжу я...
Ты, я вижу, кой-что позабылъ!

Десять лѣтъ съ той поры миновало...
Биться съ туркомъ намъ стало не въ мочь,
И бѣжалъ тогда Бѐнковскій въ горы,
Здѣсь съ четою бродилъ день и ночь...

И тогда придружился къ скитальцамъ
Въ этой чащѣ пастухъ пожилой

И по тайнымъ водилъ ихъ дорожкамъ.
Онъ болгаринъ былъ, братъ нашъ родной...

Только изъ-лѣсу вышли гайдуки,
Только къ мостику всѣ подошли,
Залпъ изъ ружей внезапно раздался,—
И на мѣстѣ они полегли!

Пали всѣ—пали жертвой измѣны!
Съ ними палъ и самъ Бѐнковскій тамъ...
Но одинъ утаился отъ пули
И бѣжалъ... Это я былъ, я самъ!

Вотъ и мѣсто кровавой измѣны,
Вотъ и мостикъ стоитъ, какъ стоялъ!...
Но чего же трепещешь ты, Вулё?
Что такъ мертвенно блѣденъ ты сталъ?

„Застрѣлите меня! Застрѣлите!
Это выдалъ ихъ я!..“ Не страшись!
Твоя смерть не нужна намъ, бай Вуле!
Живи долго, живи и казнись!

4. Гайдуково видѣніе.

На Балканѣ стою я. Стою и гляжу:
На Болгарію тучей кручина легла,
И смотрѣть мнѣ не въ мочь. Ты, черкесскій кинжалъ,
Ты, набитое крѣпко аскьера ружье,
Дальнобойной турецкой ты пушки ядро!
Безпощадно-жестоки, безжалостны вы!
О, зачѣмъ вы мнѣ жизнь даровали въ бою
Изъ товарищей всѣхъ только мнѣ одному?

Грабъ зеленый шумитъ надо мной, шелеститъ,
По густымъ по вѣтвямъ вѣтеръ легкій идетъ.
Вдругъ, отколь ни возьмись, черный воронъ летитъ
Прилетѣлъ на плечо, въ ухо каркаетъ мнѣ:
„Видишь, кончено все. Гдѣ цвѣли города,
Тамъ теперь только балокъ обугленныхъ рядъ

Да валяются трупы на кормъ воронью.
Это кладбище родина ваша, гайдукъ!
Позабудь же про волю, забудь навсегда
И покорно склони свою шею въ ярмо!
Райя, братецъ мой, райя; ей вольной не быть!"

Улетѣлъ. Сизый соколъ на смѣну летитъ.
Прилетѣлъ, на плечо ко мнѣ сѣлъ, говоритъ:
„Погляди-ка кругомъ, погляди на Балканъ:
Ужъ гайдуки встаютъ изъ сырыхъ изъ могилъ,
За свободу борцы поднялись изъ гробовъ.
Проситъ мести невинно пролитая кровь
Обезчещенныхъ женъ, перебитыхъ дѣтей...
Все яснѣе, все громче несется ихъ крикъ!
Что-жъ не слышитъ никто? Или міръ ужъ оглохъ?

Улетѣлъ, и на смѣну ему новый гость,
Быстрой молніей съ неба спустился орелъ.
Прилетѣлъ, на плечо ко мнѣ сѣлъ и запѣлъ:
„Не горюй, не тужи! Подыми голову
Да на сѣверъ взгляни! Что-то дѣется тамъ."

Я къ полу́ночи дальней свой взоръ обратилъ...
Что я вижу? Что вижу?... Вся ожила степь,
Вся отъ края до края вдругъ ожила степь,
Неоглядная, тихая, русская степь!
Безъ конца, безъ числа выростаютъ полки
И растетъ, все растетъ этихъ ратей приливъ
И на югъ всё спѣшитъ, какъ на морѣ тамъ валъ,
Что несется шумя къ темнымъ выступамъ скалъ...
Что травы на лугу, этихъ ратей не счесть!
Ужъ не Игорь ли всталъ отъ столѣтняго сна,
Или вѣщій Олегъ, иль юнакъ Святославъ?
То ни Игорь, ни храбрый юнакъ Святославъ,
Ни Олегъ—бѣлый царь свои рати созвалъ
И ведетъ ихъ на помощь, на югъ, на Балканъ...
Вотъ все ближе и ближе подходятъ они...
Уже взрѣзанъ ихъ веслами тихій Дунай!
Блещутъ ярко, сверкая на солнцѣ, штыки,
Гремятъ пушки, изъ ружей не молкнетъ пальба.
Сизымъ облакомъ стелется по полю дымъ

И, что мигъ, прорывается облака бѣль
Взрывомъ яркихъ ракетъ, снопомъ огненныхъ стрѣлъ!
Бой шумитъ, бой кипитъ, и потрясся Балканъ!
Смерть налѣво, направо гуляетъ съ косой...
Какъ трава подкошенная, падаютъ тамъ
И рядами ложатся борцы-храбрецы...
Что имъ смерть? Ей юнаки смѣются въ лицо.
За свободу, за братьевъ идутъ они въ бой...
Все впередъ и впередъ!.. Пала Плевна уже.
А теперь за Балканъ ихъ несетъ ураганъ.
По утесамъ ползутъ, по ущеліямъ мрутъ,
Снѣговую постель имъ готовитъ метель,
Но имъ все нипочемъ. Шипка—снѣга комокъ.
Растопилъ этотъ комъ русскихъ пушекъ огонь,
И прорвался потокъ, и полился на югъ,
Гдѣ Марица шумитъ, къ синю морю спѣшитъ!...
Слава, слава! Ура!... Змѣй поверженъ во прахъ,
И на грудь ему смѣло казакъ наступилъ,
Острой пикой насквозь змѣю сердце пробилъ...
И, побѣдныя крылья раскинувъ, орелъ
Взвился въ высь голубую надъ темный Балканъ,
Надъ свободный, высокій, славянскій Балканъ...

5. Тонка Обретенова.

Тонка, старая ты наша Тонка!
Что такъ пусто нынче въ вашей хатѣ?
Въ Рущукѣ нѣтъ хаты тише этой.
Съ берегу мертва и одинока
На Дунай она широкій смотритъ.

„Нѣтъ гайдуковъ больше, нѣтъ юнаковъ!
Помню: были дни и были ночи,
Ихъ полнымъ-полна была вся хата.
Кто ни шелъ съ ножомъ на супостата,
Каждый у меня былъ гостемъ милымъ,
Сыновьямъ моимъ былъ другомъ вѣрнымъ...“

Тонка, мать гайдуковъ молодецкихъ,
Гдѣ жъ теперь твои дѣвались дѣти?

„За свободу золотую нашу
Всѣ, какъ львы, боролись на Балканѣ...
Трехъ мнѣ лютые убили турки;
Два еще гніютъ въ темницѣ дальней,
Два еще въ оковахъ стонутъ страшныхъ...“

Тонка, мать юнаковъ храбрыхъ нашихъ!
Не горюешь по своимъ ты дѣтямъ?

„Что одна осталась я на свѣтѣ,
Не горюю. Мнѣ дѣтей не жалко.
Но жалѣю объ одномъ я только,
Что всего лишь пятеро ихъ было!“

Тонка, дочь Болгаріи родимой!
Завтра сынъ твой Юрій возвратится,
Изъ турецкаго вернется плѣна!
Я пришелъ къ тебѣ съ хорошей вѣстью:
Тонка! Наша родина свободна...

Ни словечка мнѣ не молвитъ Тонка,
Лишь въ чело меня цѣлуетъ крѣпко.
Отъ веселья слезы полилися,
Отъ веселья ночь она не спала,
Отъ веселья плакала бѣдняжка.

А на завтра, только встало солнце
Надъ Дунаемъ гордымъ и широкимъ,
Ранымъ-рано шла старуха Тонка,
Шла къ рѣкѣ навстрѣчу пароходу.
Розъ въ рукахъ у ней букетъ пахучій,
Очи смотрятъ строго, не по женски.
И приплылъ, взбивая пѣной воду,
Точно бѣлый исполинскій лебедь,
Изъ-за моря пароходъ огромный.

Весь Рущукъ къ рѣкѣ собрался пестрый!
Всѣ пришли смотрѣть гайдука Юрья,
Посмотрѣть, какъ къ матери вернется
Вольной птицей Тонкинъ сынъ плѣненный.

Видишь, Тонка, видишь сына Юрья?
Въ бедуинской онъ одеждѣ бѣлой,
Голова его покрыта алой феской.

И пошла навстрѣчу сыну Тонка
И глядитъ изъ-подъ бровей на Юрья,
Въ руку розъ ему даетъ болгарскихъ,
А сама надъ нимъ смѣется громко:
„Эхъ, и посѣдѣлъ ты, мой соколикъ!
Гдѣ же черныя оставилъ кудри?
Старше матери ты сталъ сыночекъ!“

IV. Изъ цикла сатиръ „Павлиха на югѣ“.

1. Занимательный случай.

Это было возлѣ Испагана.
По дорогѣ шелъ я утромъ рано.

Въ голубой небесной вышинѣ
Жаворонокъ пѣсню пѣлъ веснѣ.

Надъ горою солнышко ужъ встало,
Мнѣ порядкомъ спину пригрѣвало.

Шелъ я молча, въ думы погруженъ.
Вдругъ, откуда ни возьмися, стонъ,

Крики... Что такое? А, бандиты!
Кто-то грабитъ... Ну, ужъ погоди ты!

Я на голосъ... Подбѣжалъ. Гляжу.
Диво! Никого не нахожу.

Только въ ямѣ у большой дороги
Стонетъ парень, протянувши ноги...

„Три часа лежу я! Охъ, охъ, охъ!
Хоть бы ты, голубчикъ, мнѣ помогъ,

Отъ бѣды несчастнаго избавилъ,
На ноги опять меня поставилъ.

Звалъ я и Аллаха и святыхъ,
Звалъ сосѣдей, звалъ друзей своихъ,—

Толку нѣтъ. Никто не похлопочетъ,
Бѣдняку помочь никто не хочетъ".

Плохо дѣло, вижу я, съ тобой!
Подлинно, бѣднякъ ты, братецъ мой.

Ну, а самъ ты пробовалъ подняться
И изъ ямы вылѣзть постараться?

„Самъ? Да развѣ мнѣ бы удалось?
Впрочемъ, дай попробую. Авось..."

Тутъ привсталъ мой парень, подобрался.
Я смотрю,—а онъ ужъ и поднялся.

2. Самаркандскій кади.

„Мудрый кади, старый кади,
Кади добрый и правдивый!
Въ нашемъ городѣ старинномъ,
Въ славномъ нашемъ Самаркандѣ
Преступленье совершилось!
Будь судьею, кади добрый!"

„Говори скорѣй, что сталось;
Все, какъ было, разскажи мнѣ,
И по правдѣ разсужу я,
По закону алькорана.
Справедливъ я, самъ ты знаешь".

„Милый кади! На предмѣстьѣ
Нашемъ есть башмачникъ старый.
Бѣденъ онъ, какъ мышь въ мечети.
Въ низкой хатѣ пріютившись,

Туфли старыя онъ чинитъ,
Сапоги тачаетъ нищимъ,
Да и самъ онъ нищій прямо.
Нѣтъ! неправду говорю я,
Милый кади! Этотъ нищій —
Онъ богатъ. Но богатъ онъ
Не деньгами—дочкой юной,
Розой нѣжной и прекрасной.
Но и вновь солгалъ я, кади.
Былъ богатъ башмачникъ старый,
Былъ богатъ еще вчера онъ,
Но вчера, когда въ мечеть онъ
Вышелъ Богу поклониться,
Вознести мольбы Аллаху,
Дочь у старика украли,
Розу юную сорвали!
И башмачникъ знаетъ точно,
Кто грабитель, кто разбойникъ.
Знаетъ имя онъ злодѣя.
Милый кади, добрый кади!
Дочь отдай назадъ ты старцу,
Розу возврати бѣднягѣ,
А преступника казни ты,
Кади, строго, по законамъ".

Старца повѣстью правдивой
Возмущенъ былъ кади добрый,
И огнемъ святого гнѣва
Засверкали очи старца,
Такъ что вчужѣ страшно стало...
Приговоръ былъ строгъ и кратокъ:

„Воръ на висѣлицу вздернутъ
Будетъ нынче же, ручаюсь!
Кто, скажи, башмачникъ этотъ?"

„Онъ стоитъ передъ тобою.
Это я, мой милый кади".

„А обидчикъ твой—онъ кто же?"

„Ханъ-Гуссеинъ, милый кади".

Тутъ мой кади справедливый
За затылокъ взялся жирный.
Зачесалось вдругъ тамъ что-то!
А спустя минуту, глядя
Не въ просителя, а въ землю,
Онъ ему отвѣтилъ мирно:
„Это вещь иная, мой пріятель!
Да, иная вещь, мой милый.
Будь другой на мѣстѣ хана,
Твой товарищъ, другъ, знакомый,
Рабъ, слуга, носильщикъ, или
Кули, чтоословъ гоняетъ
И верблюдовъ въ караванѣ,
Дѣло было бы другое.
Но Гуссейнъ, племянникъ шаха,—
Это мелочь, понимаю,—
Но Гуссейна мнѣ повѣсить
Невозможно. Отправляйся
Съ миромъ и о томъ, что было,
Позабудь. Аллахъ съ тобою!“

3. Великій моголъ.

Ну, и шутникъ же этотъ старый
Моголъ-Джеханъ, пріятель мой!
А ужъ столица его Дельфи
И бѣломраморный дворецъ—
Ну просто чудо. Нѣтъ, не вѣрю,
Не смертныхъ рукъ они созданье:
На нихъ лежитъ неизгладимо
Иного генія печать:
Красы невиданной палаты,
Ну прямо сказочный чертогъ!

Вчера былъ гостемъ я Джехана.
Мы оба за столомъ сидѣли,
А вкругъ стола ходили слуги,
За блюдомъ блюдо подавали
И лили въ чаши золотыя

Намъ искрометное вино.
Веселье въ душу льетъ оно,
И были веселы мы оба.
Подъ пестрою чалмой могола
Давно порядкомъ ужъ шумѣло,
И говоритъ онъ мнѣ: „Павлиха!
Не знаю самъ я почему,
Но ты мнѣ нравишься все больше,
Какъ будто съ дѣтства мы друзья.
Пойдемъ, голубчикъ, на прощанье
Я покажу тебѣ кой-что...“

Я всталъ, и мы пошли съ мorоломъ
По длиннымъ узкимъ переходамъ,
Богато устланнымъ коврами...

„Стой здѣсь! Взгляни въ окошко съ боку“,
Тихонько говоритъ моголъ.
Остановился я, взглянулъ
Сквозь сѣть таинственной рѣшетки,
Да такъ и замеръ вдругъ на мѣстѣ.
Что за чудесная картина!
Что это? Сплю я, или брежу?
Цвѣтникъ живыхъ прекрасныхъ розъ,
Благоуханныхъ, свѣжихъ, яркихъ!
Казалось, со всего востока
Сюда моголъ ихъ насбиралъ.
Всѣ краски, всѣ цвѣта. Одна,
Какъ снѣгъ, сіяетъ бѣлизною;
Та съ черною, какъ смоль, косой;
У этой волосы огнемъ
Сверкаютъ золотымъ. Тутъ нѣжный
Полуразвившійся бутонъ,
Тамъ пышный цвѣтъ дозрѣвшей розы.
Та передъ зеркаломъ глядится,
Та пляшетъ рѣзвой баядерой,
Та пѣснь сребристую поетъ,
Та изъ цвѣтовъ вѣнокъ плететъ.
За книгой эта, а другая,
На отоманкѣ дорогой
Раскинувши младое тѣло,

Покоится и сладко дремлетъ,
Полунагая одалиска.
Что это? Твой гаремъ? Ахъ, прелесть!

„Ага! Что скажешь ты на это?
Вотъ жизнь такъ жизнь! Не правда-ль?“

О, нѣтъ, моголъ! Я не согласенъ
Красавицы—что говорить!
Но многоженство не къ лицу
Намъ, людямъ. Нѣтъ! У насъ иначе.
У каждаго одна жена,
Одну жену тамъ каждый любитъ,
Одной доволенъ онъ вполнѣ!..

„Что говоришь ты, мой Павлиха?
Ну-ну! Ужъ будто это такъ?
Стыдись! Ты лучше помолчалъ бы!
Европу вашу знаю я,
Живалъ я тамъ не разъ, не два“.
И снисходительно моголъ
Меня рукою потрепалъ,
Потомъ лукаво улыбнулся
И на̀-ухо шепнулъ мнѣ такъ:

„Есть разница—не скрою я!—
Межъ мусульманами и вами.
Есть разница въ обычаяхъ,
Есть и въ любви, конечно,
Но знаешь-ли, мой другъ, какая?
У насъ есть, правда, много женъ,
Мы часто любимъ не одну,
Но жены наши всѣ живутъ
Въ одномъ и томъ же съ нами домѣ,
Живутъ всѣ въ нашемъ, другъ мой, домѣ.

А вы въ Европѣ вашей... женъ
Вы также любите не мало.
О, не одну! Но жены тѣ живутъ
Не подъ одною съ вами кровлей
И не подъ вашей, другъ мой, кровлей!
Такъ-то, милый, не хвались!“

4. Амбапали.

Заходитъ ужъ зà-гору солнце,
Спалъ сумракъ на городъ Весали,
А все еще въ пальмовой рощѣ
Въ гостяхъ у младой Амбапали
Сидятъ за бесѣдой живою
Самъ Будда и юный Ананда,
Его ученикъ молодой.

Какъ время прошло незамѣтно,
Какъ быстро надвинулся вечеръ!
Не диво! Умна и любезна
Младая была Амбапали.
Радушно гостей угощая,
Плодовъ она имъ приносила
И сладкаго также печенья,
А Будда училъ непрестанно—
О, Брама, и какъ же училъ онъ!—
Какъ ключъ, пробивающій скалы,
Изъ устъ его рѣчи лилися
Источникомъ мудрости чистой!
Ни разу не слышалъ Ананда,
Чтобъ такъ говорилъ вдохновенно
Учитель, какъ въ пальмовой рощѣ,
Въ гостяхъ у младой Амбапали.

И солнце зашло ужъ за горы
И холодъ объемлетъ ужъ рощу
И темно-зеленыя пальмы—
И Будда, а съ нимъ и Ананда
Прощаются съ юной хозяйкой:
„Спасибо тебѣ, Амбапали,
Смотри же, моя дорогая,
Пусть все здѣсь останется въ рощѣ,
Что вамъ говорилъ я сегодня.
Ни слова не молви въ Весали
О нашихъ съ тобою бесѣдахъ!
Пускай ихъ никто не узнаетъ,

Пусть вѣчной останутся тайной!
Ихъ слышали темныя пальмы,—
Но пальмы—онѣ молчаливы.
Молчи же и ты о нихъ свято,
Младая моя Амбапали!“
„Не бойся, великій Готама,
О, Будда премудрый, не бойся!
О всемъ промолчу я, повѣрь мнѣ,
Что намъ говорилъ ты сегодня.
Какъ пальма, нѣма, молчалива,
О томъ не промолвлю словечка“.

И въ свѣтъ тогда снова пустились,
Изъ города вышли Весали
Готама и юный Ананда,
Но три дня спустя возвратились
Опять они въ городъ съ дороги
И стали ходить по Весали,
Ходили отъ дому до дому,
Смиренно прося милостыни,
Готама и юный Ананда...

„О, Будда, учитель великій!—
Запыхавшись юный Ананда
Бѣжитъ въ изумленьи къ Готамѣ
И, въ ноги упавъ ему, молвитъ:—
„Открой мнѣ, открой мнѣ загадку!
Весь городъ, весь городъ Весали,
Всѣ люди отъ стара до млада
Всѣ знаютъ на память тѣ рѣчи,
Что намъ говорилъ ты намедни
Подъ пальмъ густолиственной тѣнью,
Въ гостяхъ у младой Амбапали!
Но ты же просилъ ее свято
Ни слова о томъ не промолвить
Что намъ говорилъ тогда въ рощѣ
И что излагалъ передъ нею...
И слово дала Амбапали!..“

О, милый, невинный Ананда!—
„Смѣясь отвѣчаетъ Готама—

Какой же еще ты ребенокъ!
Того и хотѣлъ я достигнуть,
Чтобъ городъ весь зналъ тѣ бесѣды,
Чтобъ всѣ онъ узналъ поученья,
Что въ паркѣ тогда излагалъ я!
Хотѣлъ я, чтобъ всѣ эти рѣчи
Вездѣ разнесла по Весали
Какъ можно скорѣй Амбанали!
Затѣмъ-то ее и просилъ я
Такъ долго—молчать обо всемъ.

V. Изъ послѣдняго Сборника „Pesnitve“.

1. Гайдукъ.

„Ага! Попался молодецъ!
Пришелъ бунтовщику конецъ!
Вы вздумали бороться съ нами,
Съ султана воевать войсками?..
Въ тюрьмѣ мятежниковъ сгною,
Тебя же завтра застрѣлю
Я самъ, паша. Такъ и запомни,
Гяуръ, предатель вѣроломный!..

И вотъ онъ, турками влекомъ,
Идетъ по Скоплью, а кругомъ,
Всѣ окна настежь, всѣ раскрыты,
А тамъ за окнами сокрыты
Красавицы. Онѣ глядятъ,
И вздохи къ юношѣ летятъ...
Мелькнулъ на мигъ одинъ онъ краткій
И взоры всѣхъ собой плѣнилъ,
Огнемъ любви, отравой сладкой
Сердца красавицъ напоилъ.
Какой герой! Какъ мѣсяцъ ясный,
Идетъ онъ, гордый и прекрасный.
Ланитъ еще не кроетъ пухъ,
Но силенъ въ немъ могучій духъ...

Надъ Скоплемъ ночь. Весь городъ дремлетъ,
Лишь мѣсяцъ съ высоты глядитъ.

Вдругъ плѣнникъ юный шуму внемлетъ.
За дверью кто-то говоритъ:

„Гайдукъ, не бойся! Молодая
Я дочь паши. Къ тебѣ пришла я,
Любя. Послушай, будь моимъ,
И нынче-жъ ночью мы бѣжимъ“.

„Ты мнѣ не можешь быть женою.
Я на смерть обреченъ судьбою“.

„Другой ты дѣвѣ, видно, радъ!
Гайдукъ! ты, можетъ-быть, женатъ?“

„Нѣтъ въ жизни у меня подруги,
Нѣтъ ни невѣсты ни супруги.
Какъ вѣтеръ, вольный я живу,
Но быть твоимъ я не могу.“

„Спасенія не хочешь ты?“
„Прости! Я—женщина, какъ ты!“

2. Бой при Мукденѣ.

Все поле отъ пальбы гремитъ.
Земля дрожитъ, земля гудитъ.

Развился пламенемъ пожаръ.
Пылаетъ Му́кденъ, словно жаръ.

Кипитъ вражда, бушуетъ бой.
За строемъ гибнетъ храбрыхъ строй.

Дымъ ѣдкій на-поле осѣлъ.
Повсюду груды мертвыхъ тѣлъ.

Но гнѣвный бой еще кипитъ,
Но смерть кругомъ еще царитъ.

Станъ русскій черной мглой объятъ...
„Стой! Кто идетъ?“—„Я свой, солдатъ“...

„Какъ? Съ поля битвы ты ушелъ?..."
„Я раненъ..." — „Трусъ! Назадъ пошелъ!

Я, какъ собаку застрѣлю.
Назадъ! Я, генералъ, велю.

Какой позоръ? Гдѣ полкъ твой?" — „Здѣсь"....
„Какъ здѣсь?" — „Полкъ перебили весь".

VI. Изъ стихотвореній о Россіи

1. Русская деревня.

Съ кровлей изъ гнилой соломы
Рядъ убогихъ низкихъ хатъ.
Нищета и запустѣнье
Изъ оконъ у нихъ глядятъ.

Между хатъ ютится церковь,
И убога и бѣдна:
Крестъ простой, безъ позолоты—
Вся изъ дерева она.

Чрезъ село ползетъ дорога
Пыльной лентой, а по ней
Босоногій русый мальчикъ
Гонитъ въ поле лошадей.

За селомъ въ рубахахъ красныхъ
Мужики толпой стоятъ
И о чемъ-то въ полѣ жаркомъ
Оживленно говорятъ.

Водитъ плугъ по глыбѣ черной
Въ зипунѣ старикъ сѣдой
Я смотрю и мнѣ сдается:—
Въ поле вышелъ самъ Толстой.

2. Памятникъ юношѣ-Пушкину.

Царское село.

Туда, туда, въ зеленый темный паркъ,
Изъ спертой комнаты на воздухъ чистый,
Свободный, утренній, весенній воздухъ!
Заря ужъ брезжится. Уходитъ ночь.

И вышелъ ты... Проворными шагами,
Въ кадетскій завернувшись плащъ, ты шелъ
Дорожкой бѣлой межъ деревьевъ темныхъ
Туда, туда, въ пріютъ уединенья,
Въ ту рощу дальнюю, гдѣ тишь кругомъ...

Хотѣлъ ты быть одинъ, съ самимъ собой.

И сѣлъ на лавку низкую... О, ночь,
О, эта ночь порывовъ вдохновенья,
Налетовъ творчества! Какъ ихъ назвать?
Благословеньемъ Божьимъ, иль проклятьемъ?
Придутъ они,—и нѣтъ душѣ покоя.
Встаютъ за мыслью мысли, точно волны,
Морскимъ подъемлемыя бурнымъ вихремъ.
Въ сердечной глубинѣ неуставая
Кипитъ и страстно рвется чувствъ потокъ,
На волю просится, ласкъ солнца жаждетъ
И хочетъ вылится наружу въ словѣ,
И въ пѣсняхъ огненныхъ, и въ строфахъ звучныхъ...
О, эти чувства, образы и мысли!
Какъ тѣсно имъ въ объемѣ груди нашей...

Священны вы, минуты вдохновенья,
Счастливый часъ восторговъ творческихъ,
Когда сама собою льется пѣсня,
И подъ незримой Божьею рукой
Дрожатъ, звенятъ и стонутъ струны сердца...

Тотъ мигъ—онъ твой теперь, не правда-ль, Пушкинъ?
Мечтой объятъ, сидишь ты предо мною,

Слегка склонившись на руку главой,
И въ даль глядятъ задумчивыя очи.
Куда младые сны тебя уводятъ?
Какая тѣнь невѣдомая зрѣетъ
Въ душевной глубинѣ? Младая ль дѣва
Играетъ тамъ симфонію любви,
Иль пестрый міръ народныхъ русскихъ сказокъ,
Преданья старины тебя влекутъ?
Какъ знать, какъ угадать? Ты самъ не знаешь,
Какой мотивъ изъ сердца первымъ встанетъ,
Какія первыми сегодня строфы
Изъ-подъ пера польются на бумагу...

Въ даль смотрятъ заглядѣвшіяся очи,
Надеждой молодою грудь полна,
И самъ ты молодъ этимъ утромъ свѣжимъ
И родина твоя, какъ утро, молода!

Сквозь тьму вѣтвей пробился солнца лучъ
И точно геній, съ высоты слетѣвшій,
Чело твое привѣтливо цѣлуетъ.
Его ты чуешь ласковый привѣтъ.
Ты чувствуешь: надъ Русью утро встало!

Изъ Зупанчича.

Разставаніе.

Бѣлый парусъ мы подняли.
Вѣтеръ молвитъ: „Начинать?“
—„Погоди минутку, вѣтеръ!
Дай мнѣ милыхъ повидать.“

Распростился, въ лодку сѣлъ я.
Вѣтеръ снова молвитъ: „Въ путь?“
—„Дай мнѣ взять припасовъ, вѣтеръ,
Милымъ другомъ будь!

Всѣмъ, что нужно, я запасся.
Вѣтеръ молвитъ: „Ѣдемъ, что-ль?“
—„Милый вѣтеръ, мнѣ поправить
Шапочку позволь!“

Я поправилъ шапку. Вѣтеръ
Дунулъ. Парусъ бѣлый всталъ.
Ахъ, когда бы хоть одну я
Отговорку еще зналъ!

СЕРБО-ХОРВАТЫ.

1. Дѣдъ и внукъ. Стихотвореніе. *Змая Іована Іовановича.*
2. Сербо-хорваты.
3. На Далматинскомъ Приморьѣ. Изъ книги „Снѣжинокъ“ *Рикардо Каталинича-Еретова.*

Дѣдъ и внукъ.

Стихотвореніе Змая Іована Іовановича.

Дѣдъ дряхлѣющей рукою
Внука милаго обнялъ
И подъ струнный рокотъ гуслей
О минувшемъ пѣть онъ сталъ.

Пѣлъ ему о сербской славѣ,
О юнакахъ сербскихъ пѣлъ,
Пѣлъ о битвахъ и о мукахъ,
Что отъ турокъ претерпѣлъ.

Очи дѣда загорѣлись
И подернулись слезой.
Молвитъ внуку: „Видишь гусли,
Поцѣлуй ихъ, дорогой.“

Внучекъ дѣдовскую волю
Вмигъ исполнилъ, но сказалъ;
„Дѣдъ, за что же гусли эти
Я сейчасъ поцѣловалъ?“

Не понять того малюткѣ,
Что понятно старикамъ,
Но, какъ выростетъ, узнаетъ,
Поцѣлуетъ гусли самъ.

Сербо-хорваты.

I.

Земли, занятыя сербскимъ или, вѣрнѣе, сербо-хорватскимъ народомъ, выходятъ далеко за государственныя границы королевства Сербскаго.

Начинаясь въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ Будапешта и занимая около 200 тысячъ квадратныхъ верстъ, онѣ простираются почти отъ Сабодки до суровыхъ вершинъ Шаръ-Планины, отъ рѣки Тимока до перламутровыхъ водъ Адріатики. На этомъ пространствѣ онѣ являютъ удивительное богатство и разнообразіе природы. Въ ровныхъ какъ ладонь, долинахъ Бачки, Срема и Баната, по Савѣ и Дунаю свободно шелестятъ широкими листьями неоглядныя поля кукурузы; за желѣзными Дунайскими воротами по первымъ склонамъ зеленыхъ Балканъ волнуются колеблемыя тихимъ вѣтромъ поля пшеницы и голубѣетъ ленъ; на горахъ въ перемежку съ превосходными пастбищами шумятъ вѣковыя дубравы—„шумы", отъ которыхъ самая страна получила названіе Шумадіи, раскинулись сливовыя рощи, дающія Европѣ знаменитую „сливовицу". А тамъ дальше на западъ за Босніей начинаются пустынныя взгорья красса, по которымъ ползетъ цѣпкая виноградная лоза, дающая сербамъ ихъ „црно (красное) вино". Идутъ камни, камни и камни, пока, наконецъ, не доѣдешь до моря, и не глянетъ намъ въ лицо ласкающая лазурь Адріатики, чье теплое дыханіе лелѣетъ въ окрестностяхъ Дубровника тропическія пальмы, стройные кипарисы, нѣжную маслину, лапчатыя смоковницы и пахучіе красивые олеандры.

Разнообразіе природныхъ условій раздѣлило издавна живущій на этомъ пространствѣ 9-ти милліонный сербо-хорватскій народъ на разныя вѣтви и разныя государства. И теперь на Балканскомъ полуостровѣ есть два совершенно независимыхъ сербскихъ государства, Сербія и Черногорія. А кромѣ того сербы живутъ еще въ Венгріи и издавна жили въ Турціи, Босніи, Герцеговинѣ и тріединомъ королевствѣ Хорватіи, Славоніи и Далматіи. Единый сербо-хорватскій народъ носитъ даже два имени сербовъ и хорватовъ, хотя и тѣ и другіе говорятъ на одномъ языкѣ, очень похожемъ на русскій, какъ показываютъ такія выраженія, какъ „добро јутро!“ „добар вечер“, кланям се“, „слуга покоран“ или напримѣръ нижеслѣдующіе стихи покойнаго сербскаго поэта, Змая Іована Іовановича:

Може-ль сунце сјати
И у црној ноћи?
—Одговор ће дати
Твоје црне очи.

Разница между сербскимъ и хорватскимъ языкомъ получается только въ томъ случаѣ, когда мы попробуемъ передать сербское или хорватское слово на письмѣ: одно и то же слово сербы пишутъ русскими буквами, такъ называемой кириллицей, хорваты—латинскими,—латиницей. Сербское „вода“ будетъ звучать и по хорватски „вода“, но писаться будетъ „voda“. Единство языка не мѣшаетъ, однако, сербамъ и хорватамъ враждовать другъ съ другомъ.

Еще не такъ давно одинъ изъ виднѣйшихъ дѣятелей хорватства, покойный Анте Старчевичъ, не хотѣлъ признавать самаго существованія сербовъ въ Хорватіи, а въ сербскомъ Бѣлградѣ въ судѣ, когда вы подадите прошеніе по хорватски, т. е. по сербски же, но латинскими буквами, то васъ откажутся понимать и попросятъ перевести прошеніе на французскій языкъ. Образованные сербы и хорваты представляютъ единственный на свѣтѣ примѣръ людей, которые, говоря на одномъ языкѣ и имѣя полную возможность создавать общую литературу, недовольны тѣмъ, что могутъ понимать другъ друга. Теперь, впрочемъ, между ними господствуетъ перемиріе, но еще всего лѣтъ 6 тому назадъ въ Дубровникѣ на каждомъ хорватскомъ домѣ можно было читать надпись; „Крепали срби, живили хрвати!“ (да погибнутъ сербы, да здравствуютъ хорваты!), а на сербскомъ наоборотъ: „Живили срби, крепали хрвати!“ Есть порода пауковъ, кото-

рыхъ самцы, когда разсердятся, съ такой яростью накидываются другъ на друга и начинаютъ грызть одинъ другого, что не успѣешь оглянуться, какъ уже у обоихъ отъѣденъ задъ, и оба погибаютъ. Про сербовъ и хорватовъ даже и этого сказать нельзя; они оба въ сущности одинъ и тотъ же паукъ, который схватилъ себя за другую половину и ѣстъ ее, не понимая, что, когда онъ отгрызетъ свою половину, то погибнетъ самъ.

II.

Причины этихъ тренiй внутри одной народной личности лежатъ, кромѣ отмѣченной уже разницы природныхъ условiй въ исторической судьбѣ этихъ двухъ частей единаго народа. Когда въ VII-мъ вѣкѣ до Р. Х. съ карпатскихъ горъ пришелъ сербохорватскiй народъ на мѣсто своего теперешняго поселенiя, судьба бросила хорватовъ подъ воздѣйствiе франковъ и Рима. Изъ Рима приняли они христiанство по западному обряду; отъ франковъ переняли они особенности среднеевропейскаго феодальнаго быта, развили высокую аристократiю и раскололись на племичей и простой народъ — misera contribuens plebs, „жалкую, платящую налоги чернь". Достигнувъ подъ династiей Крешимировичей силы и окрѣпнувъ, они, когда династiя пресѣклась, отдались въ 1102 году подъ власть мадьярско-венгерскаго короля Коломана и на многiе вѣка связали себя съ мадьярами и Западомъ.

Совершенно иначе потекла жизнь сербовъ. Основателемъ ихъ нацiональнаго могущества была династiя Нѣманичей. Изъ нея вышелъ и первосвятитель Савва, монахъ аѳонскаго хилендарскаго монастыря, принявшiй крещенiе по греческому обряду. Какъ хорваты выросли подъ воздѣйствiемъ Запада, такъ на сербовъ могущественно дѣйствовалъ Востокъ и Византiя: они—всѣ православные, приняли истины христiанской вѣры на родномъ имъ славянскомъ языкѣ и скоро развили свою нацiональную церковь. Но отъ той же Византiи ихъ государи получили и другое наслѣдство: любовь къ пышности и блеску императорскаго титула—кесаря Ромеевъ. Въ XIV вѣкѣ далеко прошло имя сербское по всему Балканскому полуострову. Царство Стефана Душана простиралось до средней Грецiи. Онъ владѣлъ Болгарiей, онъ угрожалъ Царьграду. Сербы и теперь гордятся своимъ царемъ и считаютъ его вѣкъ золотымъ вѣкомъ Сербiи. Но, кажется, напрасно. Увлеченный блескомъ Византiи, Стефанъ не

столько думалъ о родномъ народѣ и объ объединеніи подъ своей державою всѣхъ сербовъ, сколько о титулѣ императора Ромеевъ. Не на западъ, гдѣ жили сербы, а на югъ и востокъ смотрѣлъ онъ и, задаваясь завоевательными цѣлями, подтачивалъ, кажется, самъ свое могущество. Простой народъ цѣнилъ онъ мало, и знаменитый законникъ его показываетъ, что и въ Сербіи народъ дѣлился на властелей и отроковъ, т. е. рабовъ. Въ XII вѣкѣ пала самостоятельность хорватовъ, а въ XIV в. спустя какихъ-нибудь 30—40 лѣтъ послѣ смерти Стефана Душана пало и сербское царство. Его разрушили турки, которыхъ призвала изъ Азіи къ себѣ на помощь Византія въ борьбѣ съ Душаномъ. Византію они пока оставили въ покоѣ, но пробрались къ Софіи и Нишу, завладѣли значительной частью теперешней Болгаріи, а потомъ настала очередь сербовъ: 15 іюля на Косовомъ полѣ пало подъ натискомъ турецкой орды сербское царство царя Лазаря.

Глубокое, неизгладимое впечатлѣніе произвело это событіе на сербскій народъ, и воспѣлъ онъ его въ цѣломъ рядѣ пѣсенъ о Косовской битвѣ. Не было серба—говоритъ пѣсня,—который бы не вышелъ на бой. Жена царя Милица просила оставить съ ней хоть кого-нибудь изъ ея девяти братьевъ, Юговичей удалыхъ. Но ни одинъ не остался. „Ступай, сестра—говорилъ каждый — не вернулся бы я къ тебѣ и не отдалъ бы изъ своихъ рукъ знамя, если бы царь подарилъ мнѣ Крушевацъ. Что скажетъ дружина: онъ побоялся пойти на Косово, пролить кровь за честный крестъ, умереть за свою вѣру". Пала Милица на холодный камень, пала и лишилась чувствъ. Увидѣлъ это славный князь и приказалъ остаться съ ней слугѣ Голубану. Голубанъ, мой вѣрный слуга, сойди съ коня. Именемъ Бога прошу тебя, не ходи въ бой на Косово, останься во дворцѣ. Со слезами исполнилъ Голубанъ приказаніе, отнесъ царицу во дворецъ, но не въ силахъ былъ сдержать сердца, чтобы не пойти въ бой, вернулся къ коню, осѣдлалъ его и поскакалъ на Косово. И сошлась несмѣтная турецкая сила султана Мурата съ сербскимъ войскомъ:

Войско велъ старый Богданъ-Югъ,
А съ нимъ сыновъ Юговичей девять,
Словно девять соколовъ сизыхъ,
У каждаго девять тысячъ войска,
У Юга двѣнадцать тысячъ.
Съ турками бились, рубились—

Семь пашей турецкихъ убили;
А какъ стали бить осьмого,
Палъ самъ Богданъ-Югъ старый;
Съ нимъ погибли Юговичей девять,
Словно девять соколовъ сизыхъ,
И войско ихъ все погибло.
Вышли три Марлявчевича съ войскомъ,
Банъ Углеша съ Гойкомъ воеводой,
И самъ Вукашинъ король съ ними;
У каждаго тридцать тысячъ войска.
Съ турками бились, рубились—
Восемь пашей убили,
Только стали биться съ девятымъ,
Двое Марлявчевичей пали,
Банъ Углеша съ Гойкомъ воеводой.
Храбраго краля Вукашина
Турки конями притоптали,
Съ ними войско ихъ погибло.
Вышелъ Стефанъ-герцогъ съ войскомъ.—
Много у герцога силы—
Цѣлыхъ шестьдесятъ тысячъ войска.
Съ турками бились, рубились—
Девять пашей убили,
Только стали биться съ десятымъ,
Какъ герцогъ Стефанъ былъ изрубленъ,
И все его войско погибло.
Вышелъ съ войскомъ Лазарь, царь сербскій,
Много было съ Лазаремъ сербовъ:
Было съ нимъ семьдесятъ семь тысячъ;
Разбили, погнали по Косову турокъ,
Туркамъ не дадутъ и оглянуться—
Не только что туркамъ съ ними биться.
Тутъ и одолѣлъ бы царь Лазарь,
Да Богъ судья Бранковичу Вуку,
Что выдалъ на Косовѣ тестя:
Лазаря турки одолѣли,
И палъ тогда сербскій царь Лазарь,
А съ нимъ и все его войско.

Такое было кровопролитіе, что далеко отъ Косова поля—разсказываетъ пѣсня—на рѣкѣ Ситницѣ мыла въ этотъ день туркиня бѣлье. Смотритъ,—и опустилися у ней руки: вся рѣка окрасилась алою кровью, и поплыли по ней доспѣхи убитыхъ. Погибъ Лазарь-царь, погибъ и Муратъ. Его убилъ, пробравшись обманомъ въ султанскую палатку, воевода Милошъ. Но никогда еще вѣроломство не приносило счастья. Побѣдили турки.

Пораженіе христіанъ отозвалось сочувствіемъ на дальнемъ

сѣверѣ. Русскіе тогда сами страдали подъ татарскимъ игомъ и помочь имъ не могли. Но въ обширномъ славянскомъ мірѣ были у нихъ и другіе соплеменники, былъ благородный польскій народъ. Съ долинъ Крушвицы и Гопла, съ полей Варшавы, съ горъ татранскихъ собралъ въ 1444 году молодой польскій король Владиславъ свое рыцарство и съ двадцатью пятью тысячной арміей ударилъ на турокъ при Варнѣ. Налетѣли на турокъ бѣлокурыя дѣти Польши, самъ король впереди, но съ двадцатью пятью тысячами не побороть было султанскаго войска. Палъ храбрый Владиславъ, полегло его рыцарство, и только сербскія пѣсни поютъ ему и доселѣ славу, да сохранились о немъ великолѣпныя строки въ „Османѣ", поэмѣ Гундулича. Христіане остались подъ властью султана, — и спустилась надъ ними четырехсотлѣтняя темная ночь.

III.

Одинъ только остался вольнымъ край. Это та у Приморья часть Динарскихъ Альпъ, гдѣ завязываются онѣ въ крѣпкій узелъ съ отрогами Албанскихъ горъ, тотъ край, о которомъ сказалъ поэтъ:

> Далеко потянулось на югъ къ лукоморью
> Соколиное сербовъ гнѣздо.

Тамъ у лукоморья, залива Боки Которской, горы неприступной кручей подымаются надъ голубою, сверкающей гладью Адріатики. Когда подъѣдешь къ Котору, откуда идетъ дорога въ Цетинье, видишь почти отвѣсную скалу, у подножья которой ютится городъ, а тамъ, далеко-далеко вверху, точно ласточкино гнѣздо, прилѣпилась на макушкѣ горы австрійская крѣпость. Смотришь и дивишься, какъ же туда взобраться. Но змѣистыми зигзагами, точно крадучись, вьется дорога и крѣпкими обручами схватываетъ и въ плѣнъ беретъ гору. Ѣдемъ часъ, ѣдемъ два, три, а все не двигаемся съ мѣста, и подъ нами все тотъ же Которъ, только все меньше и меньше становится его маленькая церковка, и все уже кажется заливъ. Вотъ и конецъ горы. Взобрались, а надъ нами уже подняла свою вершину новая гора, и надо опять взбираться на кручу, и совсѣмъ уже лужицей смотритъ которская бока и еле-еле виденъ Которъ, когда мы въѣзжаемъ на гору и передъ нами развертывается пустыня Черногоріи. Ни дерева, ни

травинки, ни ручья. Только небо голубое да сѣро-желтыя горы, точно волны застывшаго исполинскаго моря. А надъ всѣми надъ ними вздымается совершенно голый, въ небо уходящій Ловченъ, на вершинѣ котораго покоится прахъ черногорскаго поэта-владыки Петра Петровича. Нога человѣка не ступаетъ туда; только носятся орлы да проходятъ тучи... Вотъ Черногорія! Безплодныя горы, бездонныя пропасти и по обрыву скалъ вьющаяся маленькой змѣйкой козья тропа. Кое-гдѣ сѣрая, какъ горы, каменная малютка-церковь. Заперли ее и стоитъ она, мѣсяцы поджидая, пока придетъ „прота“ (священникъ) и перевернетъ страницы пылью покрытаго требника. Кое-гдѣ изъ сѣраго камня сложенная хижина прилѣпилась къ горѣ, и въ черномъ платьѣ стройная женщина Черногоріи подастъ вамъ „чашу црна (краснаго) вина“. И опять пустыня. Только тамъ, на самомъ югѣ, гдѣ въ Скадрское озеро лѣниво течетъ заросшая камышами Бояна, природа становится плодороднѣе:

Тамъ узрасла шеница [1])—бијелица,
А око ње [2]) зелена ливада [3]),
Кроз њу тече зелена Бојана,
По њој плива риба свакојака [4]).

Но зато въ этихъ равнинахъ всего чаще лилась черногорская кровь, и всего труднѣе было защитить могучимъ сербскимъ соколамъ родную землю отъ турецкаго бунчука. И нерѣдко переходила равнина Подгорицы подъ власть скутарійскаго паши. Но горное гнѣздо черногорцевъ осталось доселѣ нетронутымъ. Въ самый разгаръ турецкаго владычества на Балканахъ, черногорцы успѣли завести въ Цетиньѣ даже печатню, и въ концѣ пятнадцатаго вѣка тамъ были напечатаны первыя книги на славянскомъ языкѣ.

Срослись юнаки со своими сѣрыми горами и сами стали, точно дикія козы. Нѣтъ народа могучѣе, стройнѣе, ловче. Плечи—косая сажень. Ростъ высокій. А что за гибкость стана! Какая легкость ногъ! А какимъ огнемъ горятъ орлиныя очи изъ подъ красной шапки, на которой у каждаго красуется вензель князя. Въ горахъ ихъ когда-то шумѣлъ исполинскій лѣсъ. Вырубили его римляне, распродали, и до конца оголили горы корыстолюбивые венеціанскіе торговцы, и теперь тяжелымъ трудомъ приходится вырывать у голаго камня себѣ насущный хлѣбъ черногорцамъ.

* Это слова изъ народной сербской пѣсни. [1]) пшеница; [2]) около нея, [3]) лугъ, [4]) всякая.

Случается даже, покупаютъ они землю и свозятъ на свои камни, а не то долотомъ раздробляютъ камень и такъ отвоевываютъ себѣ у горъ клочокъ поля; на откосахъ горъ чахлую, выгорѣвшую отъ солнца траву щиплютъ ихъ непритязательные бараны, а виноградная лоза даетъ црно вино; но они привыкли бороться за хлѣбъ съ природой, какъ давно уже борются за свободу съ турками. Вся жизнь ихъ, вся исторія прошла въ неустанныхъ войнахъ за свободу.

Взгляните на черногорца 29-го іюня въ день главнаго черногорскаго праздника св. Петра и Павла. Вчерашній бѣднякъ, голодавшій по недѣлямъ, сегодня онъ весь въ золотѣ, а за поясомъ сверкаетъ усыпанной драгоцѣнными камнями ручкой „хандждаръ“—кинжалъ. Отъ отца къ сыну переходилъ онъ многія поколѣнія изъ рукъ въ руки. И многое могъ бы разсказать этотъ кинжалъ, когда-то украшавшій поясъ богатаго турецкаго бея или паши. Заборъ цетинскаго монастыря еще недавно весь былъ утыканъ черепами турокъ. Владыка черногорскій, онъ же до послѣдняго времени и митрополитъ—Черногорія была еще недавно теократическимъ государствомъ — съ крестомъ въ одной рукѣ и съ мечомъ въ другой выѣзжалъ во главѣ своихъ юнаковъ бороться за вѣру христіанскую и за свободу золотую — „за крст часни и слободу златну“:

Иђе чета, куда, камо?
Самъ Он знаде, кој је гори.
Ступа муче, нек се кривци уче,
Да јер гром се не озива с мѣста
На кривцие, тѣм сигурни несу:
Јер што кашне, све то яче туче [1]).

И сколько геройства было высказано въ этой молчаливой и упорной борьбѣ. Разъ восемь дней осаждало цѣлое турецкое войско десятокъ монаховъ, запершихся въ монастырѣ св. Василія, на неприступной скалѣ. Летѣли на турокъ камни, сыпались выстрѣлы,—и устояли монахи. Поворотилъ паша назадъ въ Турцію. Съ 1711 года, со временъ прутскаго похода, когда герцеговинскій полковникъ Милорадовичъ и подгорицкій капитанъ Лукашевичъ донесли Петру Первому, что тамъ на югѣ

[1]) Стихи Мажуранича. „Идетъ отрядъ, куда? въ какое мѣсто? Знаетъ только Тотъ, кто стоитъ надъ нами. Ступаетъ молча; пусть злодѣи знаютъ, что, если громъ не поражаетъ сразу преступленій, они еще не безопасны: что приходитъ позже, то бьетъ крѣпче“.

крѣпко стоитъ противъ турокъ черногорская твердыня, и дошло до Цетинья петрово воззваніе поднять оружіе на турокъ, черногорцы навсегда заключили братскій союзъ со славянами полуночи, и до сихъ поръ союзъ этотъ крѣпокъ и нерушимъ. Россія помогаетъ Черногоріи оружіемъ и деньгами. Россія содержитъ для нихъ въ Цетиньѣ женскій институтъ, далеко славящійся на всемъ адріатическомъ прибрежьѣ, а они платятъ намъ—любовью и сочувствіемъ, а въ трудную минуту войны платили и помощью. Послѣ русско-турецкой войны 1877—78 г. Черногорія увидѣла наконецъ передъ собой родное море: ей досталась гавань Антивари.

Вѣковая геройская борьба черногорцевъ отстояла для нихъ родину, а оттого, что стойко было сердце черногорское, крѣпки мышцы и еще крѣпче вѣра въ правду своего дѣла. Прислушайтесь къ пѣснѣ — приводимъ ее въ прозѣ къ сожалѣнію — о несчастномъ прутскомъ походѣ, когда впервые черногорскія сабли побратались съ русскимъ оружіемъ: она раскроетъ вамъ душу и силу сербскаго юнака. „Стоило только Петру, великому императору христіанскому,—поютъ черногорцы—молвить слово, и всѣ разбиваютъ ножны своихъ сабель и хватаются за ружья. Одинъ только голосъ и слышенъ: „идемъ на турокъ и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше“. Всюду турки разбиты, всѣ ручьи и рѣки окрасились кровью невѣрныхъ. Но торжество скоро превратилось для сербовъ въ бѣдствіе: царь Петръ вынужденъ былъ заключить миръ съ Портой. И облако печали окутало Черногорію. Но Черногорцы остались въ полѣ, оставаясь тѣмъ, чѣмъ они и теперь есть, распивая вино и побивая оттомановъ. И, пока одинъ изъ нихъ останется живъ, они будутъ защищаться противъ кого бы то ни было, турка или иного кого. Охъ, нѣтъ, это не тѣнь пустая — свобода Черногоріи. Никто, кромѣ Бога, не сможетъ укротить ее, и въ такомъ предпріятіи, — кто знаетъ, — и самъ Богъ не утомится ли“.

Вотъ чувства, благодаря которымъ черногорецъ отбивался столѣтія отъ турокъ, отбросилъ отъ своихъ скалъ побѣдоносную армію Наполеона и не только остался свободнымъ, но и придвинулся къ морю.

Вотъ чувства, руководясь которыми и въ наши дни старый черногорскій юнакъ, король Николай, за полчаса до полученія предостерегательной ноты великихъ державъ истинно королевскимъ движеніемъ руки послалъ ничтожное по численности войско Черногоріи противъ многомилліонной оттоманской имперіи. Вотъ чувства, благодаря которымъ онъ же, представитель народа-гор-

сточки, такъ по королевски отвѣтилъ на совѣтъ Италіи отказаться отъ адріатическихъ портовъ словами: „Если Италія будетъ настаивать на своихъ представленіяхъ, пусть знаетъ, что она потеряетъ сочувствіе Черногоріи“. Слова эти не мегаломанія. Это голосъ свободнаго, независимаго, хотя и маленькаго народа, голосъ истинно человѣческаго достоинства, которое знаетъ, что не въ силѣ Богъ. Это—выраженіе основного вѣрованія сербовъ, что сила матеріальная должна быть подчинена силѣ духа. Эта вѣра и спасла Черногорію. И вотъ теперь уже не только къ морю придвинулся черногорецъ, но проникъ наконецъ и туда, „онамо, онамо“, гдѣ въ Новобазарскомъ санджакѣ нагромоздили одна надъ другой свои вершины суровыя горы Косовскаго вилайета, гдѣ, можно сказать, еще вчера развивалось знамя падишаха.

IV.

И слава Богу, что проникъ. Великое значеніе послѣднихъ сербскихъ побѣдъ станетъ ясно, если мы взглянемъ, какъ жилось сербамъ въ Старой Сербіи, этой колыбели сербскаго народа. Точно робкій заяцъ въ кустахъ, пряталась по ущельямъ безправная, долгими годами угнетенія обезсиленная райя. Съ винтовкой за плечами и ножомъ за поясомъ, съ ласковыми и вмѣстѣ хищными движеніями пантеры за нею слѣдилъ ястребиными глазами дикій албанецъ и могъ любого серба по прихоти убить безвозбранно, потому что не зналъ надъ собой никакой управы: его боялся и самъ турецкій мутесарифъ — губернаторъ. Въ албанскія горы не заглядывало турецкое регулярное войско—аскіеръ. Трудно представить себѣ, какъ шла жизнь въ этомъ логовищѣ, гдѣ убійство христіанина—подвигъ доблести. Въ громадной толщины каменныхъ домахъ пріютились люди; окна узенькія, точно бойницы, и не одна пуля застряла уже въ стѣнѣ дома. Не всегда и албанецъ былъ безопасенъ, а о райѣ и говорить нечего. Когда въ рамазанъ—это мусульманскій праздникъ—магометане сядутъ, бывало, вечеромъ на порогахъ своихъ домовъ и начнутъ палить изъ ружьевъ безпрестанно, бѣда сербу, который рѣшится выйти на мейданъ: не снести ему головы цѣлой. Два года тому назадъ одинъ русскій путешественникъ—А. А. Башмаковъ—въ сопровожденіи черногорскаго конвоя рѣшился проникнуть въ этотъ адъ и едва вышелъ оттуда живымъ [1]). Разъ

[1]) См. „Слав. Изв.“ 1909 г., стр. 3 и 311.

ночью въ постояломъ дворѣ—„ханѣ“,—когда вокругъ на полу въ перевалку спали солдаты его конвоя, онъ вздумалъ было на мигъ притвориться спящимъ и захрапѣлъ. Вдругъ онъ увидѣлъ сквозь пальцы, какъ сразу хозяинъ-албанецъ приподнялся на локтѣ, и, точно двѣ свѣтлыхъ точки въ темнотѣ, засверкали воровскимъ блескомъ его пронзительные, какъ ножъ, глаза. Тихими движеніями онъ всталъ и, подойдя къ окну, протяжно засвисталъ въ лѣсъ, призывая товарищей. Только хитростью удалось нашему путнику спастись. А сербамъ одно оставалось—безропотное повиновеніе. Только покорностью да платою въ видѣ дани какому-нибудь важному бегу могли они купить себѣ жизнь. Ночуя въ Гусиньѣ, Плавѣ и другихъ мѣстахъ, гдѣ само названіе указываетъ на сербское ихъ происхожденіе, съ удивленіемъ спрашивалъ провожатыхъ нашъ путешественникъ, гдѣ же тутъ сербы: вѣдь здѣсь слова сербскаго не слышно. „Есть сербы—услышалъ онъ въ отвѣтъ,—но боятся выйти; есть тутъ и попикъ православный, но онъ даже черезъ окно боялся поглядѣть на тебя и смотрѣлъ въ щелочку“. И что же дивиться этой робости? Албанцы когда захотѣли, буквально рѣзали сербовъ, какъ беззащитныхъ овецъ, и тѣ мѣста, гдѣ когда-то властной рукой правилъ Стефанъ Душанъ, гдѣ въ лазури сверкала своими крестами построенная его отцомъ знаменитая Дечанская лавра, теперь уже на половину стали албанскими. Бѣжали сербы изъ родныхъ и насиженныхъ мѣстъ, кто въ Черногорію, кто въ королевство Сербію. Бѣжали послѣднее время, бѣжали и прежде, но не въ Сербію, которой еще не было, а въ Венгрію, только чтобы выбраться изъ-подъ турецкаго ига.

Въ 1694 году по предложенію имп. Леопольда около полумилліона сербовъ съ патріархомъ Арсеніемъ Черноевичемъ во главѣ выселилось въ теперешнія долины Срѣма, Бачки и Баната. Въ началѣ XVIII вѣка переселеніе повторилось, и когда теперь, проѣзжая изъ Будапешта въ Загребъ, мы видимъ на поляхъ, поросшихъ высокой кукурузой загорѣлыя лица крестьянъ въ широкополыхъ черныхъ шляпахъ, которыхъ издали можно принять за женщинъ,—такъ широки и похожи на женскія юбки ихъ бѣлые холстинные штаны,—знайте: это потомки сербовъ изъ Старой Сербіи. Заманилъ ихъ привилегіями императоръ на земли, которыя еще надо было отвоевать у турокъ. Обѣщанія императора на половину остались посулами, данное на половину было потомъ отмѣнено. Но дѣло свое эти простые люди сдѣлали: грудью своею защитили югъ Европы отъ турецкаго наѣздничества.

До нихъ турецкій бунчукъ развѣвался на крѣпости Будапешта; они отбросили турокъ за Дунай. За это теперь ихъ угнетаютъ вмѣсто турокъ спасенные ими мадьяре.

Впрочемъ, и для нихъ переселеніе не осталось безъ хорошихъ послѣдствій. Когда надъ всей остальной Сербіей тяготѣло турецкое иго, здѣсь въ Новомъ Садѣ и Карловцахъ было заложено основаніе подъ сербскую народную школу. Въ 1724 году по просьбѣ сербскаго митрополита былъ присланъ въ Карловцы изъ Петербурга русскій учитель Максимъ Суворовъ. Здѣсь буквально за грошовое содержаніе, а иногда и безъ всякаго содержанія и чуть не помирая съ голоду, — сербамъ платить было не изъ чего, а въ Петербургѣ єго забыли,—завелъ Суворовъ сербскую школу. До тѣхъ поръ сербы учились азбукѣ на грушевыхъ дощечкахъ, по которымъ писали разбавленнымъ порохомъ. Когда выучивали первый рядъ буквъ, сostругивали дощечку и писали новыя буквы. Суворовъ привезъ съ собою русскіе учебники, всѣмъ намъ извѣстную по біографіи Ломоносова грамматику Мелетія Смотрицкаго, книги Ѳеофана Прокоповича и по нимъ сталъ учить маленькихъ и черноглазыхъ дѣтей Сербіи. Такъ новою связью просвѣщенія скрѣпилась давняя связь наша съ сербами по вѣрѣ. И когда для подневольной христіанской райи настала лучшая пора, изъ Карловцевъ книги Суворова перекочевали въ Шумадію, теперешнее сербское королевство, цѣлыя 500 лѣтъ страдавшее подъ турецкимъ игомъ.

V.

Мы видѣли это иго въ Старой Сербіи, гдѣ сербскій народъ соприкасается съ албанскимъ. Взглянемъ теперь, что дѣлалось въ собственной Сербіи и сосѣдней Герцегъ-Боснѣ, гдѣ сербы живутъ и жили одной тѣсно сплоченной массой безъ примѣси какой бы то ни было другой народности. Уже по этому одному здѣсь сербамъ было лучше, но отъ этого „лучшаго“ избави Богъ каждаго. Въ странѣ безнаказанно хозяйничали паши, спахіи-помѣщики и дахіи-янычары. Угнетай невѣрныхъ, пока не смирятся и не заплатятъ поголовной дани — такъ предписываетъ Коранъ. Но и плата „харача“ — дани — десятины съ урожая и главницы съ души—не была предѣломъ угнетенія. Сносить оскорбленія было для сербовъ обязанностью, отвѣчать на нихъ—тяжкимъ преступленіемъ. Сербъ не имѣлъ права имѣть оружіе, сербъ долженъ былъ носить особое платье, чтобы всякій по наружному виду

могъ узнать въ немъ раба, сербъ не могъ строить домовъ выше мусульманскихъ, не могъ учить дѣтей арабскому языку, не смѣлъ ѣздить верхомъ на лошади. Въ городѣ онъ могъ показываться только пѣшій; встрѣчаясь съ туркомъ, онъ долженъ былъ остановиться и уступить дорогу, и любой турокъ, встрѣтивъ его, могъ послать его куда заблагоразсудится, не заплативъ за трудъ ни піастра. Цѣлыми стадами гнали, бывало, сербскую райю изъ окрестностей Бѣлграда въ Константинополь косить сѣно на султанскихъ лугахъ. Сербъ — это былъ общій слуга, сербъ — это былъ рабъ, который зналъ только одинъ долгъ — покорность и униженіе. И развѣ только въ бѣлыхъ стѣнахъ своей мазанки, въ кругу семьи и дѣтей могъ онъ вздохнуть хоть сколько-нибудь свободно; здѣсь онъ праздновалъ сербскую „славу“ — такъ называется праздникъ святого, покровителя всей семьи; — здѣсь сложилъ онъ свои пѣсни, славящія людей, у которыхъ „руки черны, за то хлѣбъ бѣлъ“; здѣсь, бывало, по вечерамъ бралъ старый дѣдъ любимый сербскій національный инструментъ — гусли и, обнявъ дряхлѣющей рукою внука, начиналъ ему подъ струнный рокотъ гуслей пѣть о минувшемъ,

Пѣлъ ему о сербской славѣ,
О юнакахъ сербскихъ пѣлъ,
Пѣлъ о битвахъ и о мукахъ,
Чтб отъ турокъ претерпѣлъ,

и слеза невольно скатывалась по старческой щекѣ, и слезами блистали юныя очи ребенка, и загоралась въ немъ любовь къ своему родному народу.

Но и сюда, въ этотъ укромный уютъ семейнаго счастья проникала рука турка. Каждыя пять лѣтъ цѣлыя толпы янычаръ являлись въ сербскія деревни и вырывали изъ объятій матерей ихъ малолѣтнихъ сыновей. Цвѣтъ и надежды народа, эти дѣти увозились въ Царьградъ и тамъ, забывъ родной языкъ, забывъ родную вѣру, воспитывались въ преданности исламу и оттоманской Портѣ, и часто эти невольные отщепенцы становились самыми ревностными врагами христіанства: изъ нихъ набирались янычары.

Можетъ быть, погибла бы Сербія, и не знали бы мы теперь сербскаго имени. Но сохранила сербовъ одна сила — сила вѣры христіанской. Ибо нѣтъ на землѣ силы выше, могучѣе, святѣе, чѣмъ сила вѣры, чѣмъ чувство правды. Церковь сохранила Сербію, и прекрасно поетъ объ этомъ сербская народная пѣсня,

разсказывая о томъ, какъ еще до погибели сербскаго царства видѣла сонъ супруга царя Лазаря Милица,—видѣла книгу, а въ ней изображенья:

На одномъ то словно поле,
Только все дымится кровью,
Словно воинство какое
Полегло на немъ побито,

на другомъ—

Церковь словно какъ на небѣ,
Отъ нея жъ лучи исходятъ
Внизъ на Сербскую всю землю.

Предсталъ передъ нею старецъ и велѣлъ все исполнить по книгѣ. Въ страхѣ пошла царица къ царю, который въ то время пировалъ со своими воеводами, и разсказала ему сонъ свой. И уже думалъ было Лазарь строить храмъ, какого не видано было на свѣтѣ, съ основой изъ свинца, со стѣнами изъ серебра, весь въ золотѣ и каменьяхъ самоцвѣтныхъ, какъ всталъ воевода Милошъ и промолвилъ пророческое слово: „Нѣтъ, о Царь, не строй ты церковь изъ золота, не украшай ее жемчугами. Не вотще царицѣ снилось

Поле, залитое кровью.
Близокъ часъ, во онь же турокъ
Пріидетъ на нашу землю,
Царство сербское порушитъ,
Поплѣнитъ народъ въ работу.

Если ты построишь церковь золотую,

Пріидетъ поганый турокъ,
Разнесетъ онъ все и сроетъ.
Изъ свинца нальетъ онъ ядеръ,
Будетъ бить имъ наши грады,
А серебряныя стѣны
Перельетъ на сбрую конямъ.
Самоцвѣтныя каменья
Вправитъ въ сабельны эфесы,
А все золото и жемчугъ
Заберетъ своимъ туркинямъ
На монисты и повязки.
Церковь строить—такъ изъ камня,
Камня сѣраго, такого,
Чтобъ ни огнь не жегъ палящій,
Чтобъ ни мечъ не сѣкъ булатный,
Чтобъ ни червь ни ржа не ѣли;
Вмѣсто жъ злата и каменьевъ—

Да сіетъ благочестьемъ
И небесной свѣтлой славой.
Пусть тогда приходитъ турокъ,
Забираетъ нашу землю,
Царство сербское порушитъ,
Поплѣнитъ народъ въ работу;
На сѣръ-камень не польстится.
И пребудутъ, яко звѣзды,
Надъ землей плѣненной нашей
Наши каменныя церкви:
Будутъ иноки честные,
Благодатью лишь богаты,
Славить Господа въ нихъ Бога,
Поминать царей великихъ
И мужей, во брани падшихъ
За отеческую землю,
И стоять въ сердцахъ у сербовъ
Будетъ вѣки нерушимо
Царство сербское подъ вѣрнымъ,
Подъ невидимымъ покровомъ
Пресвятой Христовой церкви...
И на эту-то вотъ церковь
И указывалъ царицѣ
Во святомъ видѣньѣ старецъ.

Надеженъ покровъ вѣры, покровъ Божій. Погибло царство сербское, но устоялъ народъ. Запретили турки христіанамъ звонить въ колокола, косо поглядывали и на богослуженіе, рѣдко оно совершалось, и сербы и теперь еще говорятъ не „ходить въ церковь“, а „пойти къ церкви“,—но церковь не разрушали, и стояла она, низенькая и убогая, изъ сѣраго камня, какъ дорогой завѣтъ, какъ память о старыхъ лучшихъ временахъ, какъ хоругвь будущаго. Религіозное слилось съ народнымъ въ одно неразрывное цѣлое, и сохраненная святыня вѣры спасла и другую, меньшую святыню—народности, пока не пробилъ для Сербіи лучшій часъ.

А случилось это въ концѣ XVIII-го вѣка, когда на дальнемъ сѣверѣ окрѣпла и мощною стала Россія. Громъ русскихъ пушекъ на Эгейскомъ морѣ пробудилъ спящую райю. Въ гавани Чесмы взлетѣлъ на воздухъ, поджигая турецкіе корабли, Спиридовъ, но взрывъ этотъ и зарево чесменскаго пожара освѣтило сознаніе балканскихъ славянъ и сказало имъ, что есть управа и на Турцію, что есть у нихъ защитники и братья, что побѣдимо царство падишаха. Правда, обнаруживая слабость Турціи, русско-турецкія войны указали и Портѣ на необходимость внут-

ренниxъ реформъ, на неотложность преобразованій въ войскѣ. Явился и преобразователь. Какъ разъ въ это время властителемъ оттомановъ сталъ Селимъ III. Но такъ ужъ угодно было, видно, Промыслу Божію, что именно то, что должно было придать силы Турціи и возродить ее къ новой европейской жизни, именно это, какъ мы сейчасъ увидимъ, и оторвало отъ нея сербовъ и дало имъ свободу.

VI.

Дѣло было такъ. Наиболѣе недисциплинированнымъ элементомъ въ государствѣ были янычары, а особенно ихъ вожди — дахіи. Они защищали Порту на войнѣ отъ враговъ, но во время мира сами были ей врагами, не признавая надъ собой никакой власти. Передъ ними трепетали турецкіе помѣщики—спахіи; ихъ боялись сами паши, и кто хотѣлъ для Турціи преобразованій, долженъ былъ прежде всего укротить ихъ дикое своеволіе. Но если это было трудно вообще и во всѣхъ мѣстахъ, то еще труднѣе было въ бѣлградскомъ, т. е. сербскомъ пашалыкѣ: самыми непокорными янычарами были янычары бѣлградскіе, которыхъ беззащитность райи пріучила къ полной безнаказанности. Султанъ издалъ фирманъ, но они на него и вниманія не обратили. Тогда-то, ища себѣ противъ нихъ опоры, султанъ бросилъ имъ угрозу: „не уйметесь, такъ я поступлю съ вами, какъ не поступалъ ни съ однимъ туркомъ. Я пошлю на васъ войско, но не турецкое, а другого народа и другой вѣры“. Не могло быть оскорбленія болѣе тяжкаго. „Другого народа и вѣры? Кто же это можетъ быть? — подумали дахіи. Россія? Австрія? Но не можетъ быть, чтобы султанъ пустилъ къ себѣ иноземцевъ! У него на умѣ райя! А! Такъ дадимъ же мы ей себя знать!“ И началась рѣзня, на которую способенъ только въ сущности мягкій и добродушный турокъ, когда, выйдя изъ лѣнивой дремы, пробудитъ въ себѣ звѣря. Янычары врывались въ деревни, хватали перваго встрѣчнаго, ни въ чемъ неповинныхъ стариковъ, дѣтей, — и рѣзали, какъ овецъ. Трепетъ ужаса пронесся по сербскимъ деревнямъ. Сербы увидѣли, что все равно умирать,—и въ 1804 году возстали не противъ султана: султанъ былъ теперь на ихъ сторонѣ,—но противъ ослушниковъ султанской воли, янычаръ.

Не жажда мести, не свобода даже вложила въ ихъ грубыя руки дубины и дреколья. Давно уже сербы находили себѣ управу и помощь только въ гайдукахъ. Это были тѣ-же сербы-крестьяне,

что уходили отъ турецкаго гнета въ горы и оттуда, какъ они говорили, сражались „за крст часни и слободу златну", а по просту на турецкій разбой отвѣчали разбойничествомъ же, щадя впрочемъ бѣдныхъ и добрыхъ и нападая только на насильниковъ. Отсюда-то изъ гайдучества вышелъ и первый вождь сербовъ въ борьбѣ за независимость. Джордже, Георгій—было ему имя, а турки прозвали его Кара — Черный. Въ молодости гайдукъ, потомъ сталъ онъ богатымъ свинопасомъ—обычное занятіе сербовъ. Дикая и варварская была это натура, но въ самой дикости своей и первобытной простотѣ сложная. Отца своего способенъ былъ убить Кара-Георгій, да и убилъ, когда тотъ не захотѣлъ идти съ нимъ противъ турокъ, но воли онъ былъ непреклонной, какъ туго натянутая тетива. Когда его выбрали въ предводители, онъ самъ сказалъ о себѣ: „Но вѣдь я жестокъ и у меня крутой нравъ; я не стану долго толковать, и на кого разсержусь, убью на мѣстѣ". Такого намъ теперь и нужно, отвѣчали сербы, и дальнѣйшее оправдало ихъ выборъ. Кара-Георгій оказался не только мужемъ энергіи, но и человѣкомъ высокаго военнаго таланта. Черезъ годъ не только Шумадія, но и сосѣднія земли Босніи были освобождены отъ янычаръ, съ ними бѣжали даже и спахіи. Райя, покорная райя, смиренная райя дала султану возможность раздѣлаться съ янычарами и провести реформы.

Но не могъ снести турокъ, чтобы сербъ, вчерашній рабъ, не смѣвшій глядѣть ему прямо въ глаза, теперь сталъ господиномъ положенія. Когда миновала въ сербахъ надобность, султанъ приказалъ имъ сложить оружіе и воротиться къ своимъ полямъ. Недавніе побѣдители, только что полной грудью вдохнувшіе въ себя свѣжій воздухъ свободы, теперь должны были вновь вернуться въ рабство къ своимъ помѣщикамъ. Это было слишкомъ! Сербы не исполнили султанскаго приказа. До сихъ поръ они сражались за султана противъ дахій; теперь они выступили противъ самого султана.

Двѣ турецкихъ арміи двинулись на сербовъ—съ юго-запада и востока. Мы не будемъ разсказывать всѣхъ превратностей этой борьбы простыхъ сербскихъ свинопасовъ съ могущественной имперіей. Были минуты, когда, казалось, все погибало. Но дѣло Сербіи спасъ геній Кара-Георгія. А тамъ вскорѣ прислала и Россія свой отрядъ подъ начальствомъ графа Цукато. А тамъ началась русско-турецкая война, и предводимыя графомъ Каменскимъ русскія войска вступили въ Турцію. Бухарестскій миръ

1811 года закрѣпилъ свободу Сербіи: Турція, сохраняя свое верховенство, признала за Сербіей права внутренняго самоуправленія. По требованію Россіи это было внесено въ международный трактатъ. Такимъ образомъ, доселѣ безправная, райя вмѣстѣ съ правами получала и защитника: на стражѣ интересовъ Сербіи сталъ русскій народъ. Тогда-то выписанный изъ Харькова сербъ, нѣкто Филипповичъ, заложилъ и первыя основы сербскаго государственнаго устройства. Былъ учрежденъ сенатъ, верховный судъ, заведены школы...

Но съ этимъ не кончились злоключенія сербовъ. На душѣ Чернаго Георгія темнымъ пятномъ легло страшное дѣло отцеубійства. Были пятна и на душѣ сербскаго народа. Въ пылу войны увлеклись сербы местью и человѣконенавистничествомъ и между прочимъ разъ, при взятіи Бѣлграда, перебили изъ засады пропущенныхъ ими на честное слово изъ крѣпости турокъ. Обо всемъ поетъ сербская пѣсня, но объ этой вѣроломной рѣзнѣ ни слова нѣтъ въ ней: молчитъ въ смущеніи народная совѣсть. „Не доброе сдѣлали дѣло и поплатимся мы за него",—говорили уже и тогда, качая головой, сербскіе старики. И правда! Съ свободой начались у нихъ внутренніе раздоры, борьба изъ-за власти старѣйшинъ, а пока кнезы, забывая о благѣ общемъ, подставляли другъ другу ноги, въ Турціи произошли новыя событія. Селима свергли съ престола паши. Янычары взяли опять верхъ въ Царьградѣ и ударили на сербовъ. Россія какъ разъ въ то время была занята войною съ Наполеономъ. Семилѣтняя война за свободу уже истощила силы сербовъ. Они не нашли въ себѣ достаточной мощи къ сопротивленію. Кара-Георгій и старѣйшины бѣжали въ Австрію, и турки въ 1813-мъ году вернулись вновь полными господами въ Бѣлградскій пашалыкъ.

Среди кнезовъ остался въ Шумадіи одинъ, не пожелавшій бѣжать. Это былъ Милошъ Обреновичъ. Умъ хитрый и изворотливый, играя въ двойную игру, притворяясь другомъ турокъ, а въ глазахъ сербовъ являясь единственнымъ защитникомъ народнаго дѣла, онъ успѣлъ поставить себя такъ, что имъ были довольны и тѣ и другіе. Турки думали черезъ него править райей, и онъ сталъ турецкимъ чиновникомъ; сербы видѣли въ немъ надежду народа, и, когда позволили обстоятельства, онъ оправдалъ ихъ чаянія. Какъ это не разъ бываетъ, турки сами помогали новому возстанію. Забывъ прошлое, они скоро перестали стѣсняться съ райей и при малѣйшемъ движеніи карали сербовъ безчеловѣчно и жестоко. Женщинамъ подвязывали къ

подбородку мѣшки, клали туда золы и потомъ, поднявши мѣшокъ кверху, засыпали золой ротъ и носъ, сажали людей на колъ, поджаривали живыхъ, а дѣтей, смѣясь надъ христіанскимъ крещеніемъ, окунали въ кипятокъ. Терпѣніе народа снова лопнуло, и раздался по всей Сербіи голосъ выразителей народнаго чувства, родимыхъ пѣвцовъ:

Долго-ль намъ мирволить янычарамъ?
Долго-ль намъ терпѣть оплеухи?
Или мы уже не сербы—цыганы?
Или мы не мужчины—старухи?
Вы бросайте ваши бѣлые домы,
Уходите въ Велійское ущелье,—
Тамъ гроза готовится на турокъ,
Тамъ дружину свою собираетъ
Старый сербинъ, воевода Милошъ.

Въ 1815-мъ году страна озарилась новымъ заревомъ возстанія. Какъ ни крѣпился Милошъ, волей-неволей долженъ былъ онъ выступить противъ турокъ, и на этотъ разъ счастье повезло сербамъ. Отдохнувъ, они съ прежней силой напали на турокъ. А въ это время на югѣ начинались уже волненія грековъ. Изъ Англіи раздавался въ пользу балканскихъ христіанъ голосъ Байрона. Широкой волной въ Европѣ захватило сердца сочувствіе къ нимъ, и турки поспѣшили войти въ переговоры съ Милошемъ. Греческое возстаніе вызвало спустя нѣсколько лѣтъ новую русско-турецкую войну. Дибичъ перешелъ Балканы. Адріанопольскій миръ Россіи съ Турціей окончательно закрѣпилъ существованіе Сербіи, какъ вассальнаго княжества, по условіямъ мира Бухарестскаго. Россія второй разъ кровью своихъ сыновъ помогла сербамъ. Тогда же было положено начало и сербскому литературному возрожденію. Основу подъ будущее зданіе сербскаго народнаго просвѣщенія далъ въ особенности Вукъ Караджичъ. Простой войсковой писарь, онъ—хромой калѣка—обойдя пѣшкомъ всю Сербію, записалъ народныя сербскія пѣсни, и красота ихъ плѣнила міръ, раскрывъ передъ Европой богатую сокровищницу сербской души. Тотъ же Вукъ установилъ сербское правописаніе, составилъ и при помощи Шишкова и Русской Академіи издалъ первый сербскій словарь. Позднѣйшая сербская литература пошла по пути, имъ указанному. Въ 1867 году послѣднее мѣсто въ Шумадіи, гдѣ еще развивался турецкій бунчукъ, бѣлградская крѣпость была очищена отъ турокъ. Въ 1878 г.

послѣ русско-турецкой войны Сербія стала независимой вполнѣ, а въ 1882 г. князь Миланъ провозгласилъ себя королемъ.

Такъ возродилась къ новой жизни та часть сербскаго народа, что отъ желѣзныхъ Дунайскихъ воротъ разселилась по первымъ отрогамъ Балканъ, Шумадія.

VII.

Въ то самое время, какъ шумадійскіе сербы въ геройской борьбѣ съ турками отстаивали свою свободу, началось возрожденіе и той части сербо-хорватскаго народа, которая вошла въ исторію подъ именемъ хорватовъ. Оно пошло однако путемъ нѣсколько инымъ—не отъ политики къ литературѣ, а отъ литературы къ политикѣ. Здѣсь обнаружилась ясно могущественная сила человѣческаго слова.

Мы оставили хорватовъ на 1102 годѣ, когда, тѣснимые сосѣдями, они соединились съ Венгріей, выбравъ себѣ въ государи венгерскаго короля Коломана. Съ той поры въ теченіе 700 лѣтъ хорваты дѣлили судьбу мадьярскаго государства. Народъ, misera contribuens plebs — „жалкая, платящая налоги чернь“, какъ ее называли въ Венгріи—вспахивалъ свои кукурузныя поля, подстригалъ виноградники и жилъ тысячелѣтія, вѣрный вѣковымъ устоямъ земледѣльческаго быта, безъ дальнихъ думъ, въ тяжелой работѣ. Образованное общество — великаши, или племичи, какъ ихъ зовутъ хорваты, — слились съ мадьярской аристократіей и, какъ она, стали безнародны. Въ государствѣ до 20-хъ годовъ прошлаго вѣка нераздѣльно царила средневѣковая латынь. Въ школахъ учили только на латинскомъ языкѣ. Въ судѣ вели дѣла по латыни, въ управленіи нельзя было шагу сдѣлать безъ той же латыни. Даже въ семьѣ образованной говорили не по хорватски, а только по латыни. Связь между простымъ народомъ и его верхами порвалась. Нѣтъ въ Европѣ народа демократичнѣе сербовъ,—это все вчерашніе говедари и свинопасы. У хорватовъ наоборотъ масса народа покрыта была широкимъ слоемъ аристократіи, до послѣдняго времени совершенно чуждавшейся простого народа. Да и какъ ей было понять и полюбить его, когда многіе изъ нихъ не умѣли пяти словъ связать по хорватски. За цѣлыя восемь лѣтъ (1810—1818) въ руки цензора хорватскихъ книгъ Антона Наджи не досталось ни одной хорватской рукописи, и только въ 1818-мъ году, наконецъ, удалось ему, какъ

онъ говоритъ, „добиться счастья" видѣть хорватскую книгу. Когда одинъ изъ первыхъ дѣятелей возрожденія, графъ Янко Драшковичъ издалъ свою первую политическую брошюру по хорватски, онъ, чтобы стать понятнымъ читателямъ, приложилъ къ хорватскому тексту латинско-нѣмецкій словарь. Юноши выходили изъ латинской школы съ презрѣніемъ къ своему родному, какъ они говорили, варварскому языку. Иные проникались такою ненавистью къ родному прошедшему, что уничтожали старинныя хорватскія грамоты, чтобы не краснѣть отъ стыда передъ чужеземцемъ, что ихъ предки писали по хорватски", При такомъ положеніи неудивительно, что хорватская литература—если можно назвать литературой нѣсколько календарей для народа—находилась въ такомъ же плачевномъ положеніи, какъ и сербская: ея, можно сказать, совсѣмъ не существовало, и народное чувство спало сномъ почти непробуднымъ.

Его пробудили мадьяре и австрійскій императоръ Іосифъ II. Желая сдѣлать свою имперію однонародной, Іосифъ вздумалъ превратить всѣхъ своихъ подданныхъ въ нѣмцевъ и указомъ уничтожилъ употребленіе латинскаго языка въ Венгріи, замѣнивъ его нѣмецкимъ. Это было въ концѣ XVIII вѣка. Принужденные учиться по нѣмецки, мадьяре рѣшили, что если уже надо мѣнять на какой-нибудь языкъ латынь, то лучше перемѣнить ее на свой родной, мадьярскій языкъ. Долго шла у нихъ борьба изъ-за родного языка съ Вѣной, но въ концѣ концовъ указы Іосифа были отмѣнены, и въ результатѣ его реформъ получилось возрожденіе мадьяръ. Добившись своихъ цѣлей, мадьяре скоро, однако, забыли про свою недавнюю участь и повторили по отношенію къ хорватамъ ошибку Іосифа, захотѣвъ навязать имъ, вмѣсто латинскаго языка, свой мадьярскій. Слѣдствія были тѣ же. Но такъ мало было развито у хорватовъ народное чувство, что еще въ тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка, въ борьбѣ противъ мадьярскаго языка никому и въ голову не приходило возвысить голосъ за родную рѣчь: хорваты дѣйствовали противъ мадьяръ во имя мертвой латыни. Мало по малу разгоралось однако народное чувство. То тамъ то здѣсь вспыхивало оно въ умахъ хорватскихъ священниковъ, по своему положенію всего ближе стоявшихъ къ народу, а отъ нихъ передавалось и въ ряды аристократіи, связывая всѣ слои народа одною огненною нитью. Эти разрозненные лучи народнаго сознанія надо было теперь только свести въ одинъ фокусъ. И опять, когда настала пора, явился и человѣкъ, нужный для дѣла. Это былъ Людевитъ Гай, сто-

лѣтіе со дня рожденія котораго праздновалъ въ 1909 году хорватскій народъ.

Сынъ бѣднаго уѣзднаго лекаря въ Крапинѣ, онъ съ юныхъ лѣтъ былъ свидѣтелемъ народнаго горя. Первою колыбельною пѣснью его была пѣсня народной нужды. Первыми разсказами няни было старинное преданіе о томъ, какъ въ окрестностяхъ Крапины жили когда-то три брата, Чехъ, Лехъ и Мехъ, какъ, спасаясь отъ римскаго насильничества, ушли они въ свѣтъ широкій и основали потомъ — Чехъ королевство Чешское, Лехъ — Польшу, а Мехъ — Московію, Русь. Жаднымъ слухомъ ловилъ эти рѣчи юноша и съ отрочества привыкъ черпать въ сознаніи славянскаго единства силы для возрожденія родного народа. А изъ золотой и королевской Праги уже доносилось тогда и до южныхъ славянъ то настроеніе, которое потомъ вылилось во вдохновенныхъ стихахъ пѣвца славянской взаимности, Яна Коллара:

От скалъ Аѳона вплоть до Поморянъ,
Отъ Песья поля до поля Косова,
Отъ козаковъ къ землямъ дубровничанъ,
Оттоль до града гордаго Петрова,
Отъ Балтики къ полудню до Азова,
Отъ стѣнъ Китая до полярныхъ странъ
Раскинулись владѣнія славянъ,
И слышно всѣмъ намъ родственное слово.
Уралъ, Влетава, Волга—всѣ края,
Вся наша необъятная семья,
Обнимемся, раздоры всѣ отбросимъ,
Ни зависти, ни злобы не тая,
И станемъ жить, какъ братья и друзья:
Мы всѣ одно святое имя носимъ!

Гай далъ клятву отдать всѣ свои силы не на борьбу противъ мадьяръ, но за возрожденіе родного народа—non ad Hungariam expugnandam, sed ad Croatiam liberandam. И онъ исполнилъ эту клятву.

Это былъ человѣкъ рѣдкаго устроительскаго таланта. Самъ не внося ничего въ жизнь въ смыслѣ идей, онъ, какъ магнитъ, умѣлъ притянуть къ себѣ всѣ живыя силы страны и направить ихъ къ общей цѣли. Дѣля съ другими романтическую восторженность эпохи, онъ соединилъ ее съ чисто практическимъ складомъ характера—свойство, драгоцѣнное въ общественномъ и политическомъ дѣятелѣ, ибо что такое политика, какъ не умѣніе идеалы воплотить въ жизнь? Гай началъ однако съ чисто литературныхъ предпріятій. У хорватовъ въ то время не было даже установив-

шейся азбуки. Какъ Вукъ Караджичъ сербское, Гай установилъ хорватское правописаніе. Во всемъ тріединомъ королевствѣ Хорватіи, Славоніи и Далматіи не выходило ни одной хорватской газеты: энергіей Гая были созданы „Novine Hrvatske“ и литературный журналъ „Даница“. „Зора пуца — заря встаетъ“, привѣтствовалъ Даницу поэтъ Прерадовичъ. И правда! Солнцу стоитъ только показаться надъ горизонтомъ, и сразу зальетъ оно своими лучами весь Божій міръ. За газетой появилась Narodna tiskarna— народная печатня, за печатней читальни, за читальнями театръ. Лисинскій далъ первые образцы хорватской музыки, создался народный гимнъ „Još Hrvatska nij propala“, образовались ученыя общества, учрежденъ былъ музей, открылся народный домъ. И все это сдѣлала энергія одного человѣка, сумѣвшаго вызвать къ жизни дремлющія силы народа!

Гай сталъ средоточіемъ народной жизни. Клирики носили его на рукахъ. Послы въ сеймѣ прислушивались къ его мнѣніямъ. Онъ ѣздитъ въ Вѣну, въ Петербургъ и въ Москву, вездѣ зажигаетъ сердца, всюду ищетъ опоры для возрождающагося народа. Ожили тихія и сонныя улицы бѣлаго Загреба. Ожила, вѣрнѣе сказать, родилась и хорватская литература. Изъ многихъ нарѣчій сербо-хорватскаго языка Гай выбралъ для своей газеты не родное ему кайкавское [1]) нарѣчіе, а штокавское, которымъ говорятъ сербы. Чтобы привлечь сербовъ, онъ даже придумалъ для народа новое названіе иллировъ, подъ которое одинаково могли подойти и сербы и хорваты. Смотря впередъ, онъ имѣлъ въ виду единство народное, соединеніе сербовъ съ хорватами. И здѣсь оправдался вѣковѣчный и, можетъ-быть, самый таинственный для насъ законъ жизни. Отказъ отъ эгоизма народнаго, отъ народной и областной исключительности спасъ душу народную и влилъ жизнь въ хорватскій народъ. Когда въ 1848 г. настала година испытанія и мадьяре поднялись противъ Вѣны, хорваты всѣ, какъ одинъ, стали на сторонѣ императора, защищая въ то же время и свое народное дѣло. Подъемъ народнаго чувства достигъ невиданныхъ размѣровъ. Казалось, что забыта была даже старая вражда хорватовъ съ сербами, питавшаяся главнымъ образомъ различіемъ вѣроисповѣданія: избраннаго баномъ знаменитаго Елачича благословилъ въ католическомъ соборѣ св. Марка православный сербскій патріархъ Раячичъ. Въ то время, какъ

[1]) Сербо-хорватскій языкъ отъ разности въ произношеніи мѣстоименія „что“ дѣлится на три нарѣчія — 1) кайкавское: что произносится, какъ „кај“, 2) штокавское: что = што и 3) чакавское: что = ча.

русская армія Паскевича, помогая Францу Іосифу и Австріи, вошла въ Венгрію съ сѣвера, хорваты одерживали одна за другою побѣды надъ мадьярами съ юга и спасли Вѣну. Казалось, исполнятся самыя завѣтныя мечты хорватскихъ патріотовъ, и войдетъ Хорватія въ кругъ европейскихъ народовъ, какъ вполнѣ независимое политическое цѣлое.

Но исторія давно уже показала, что проигрываетъ тотъ, кто разсчитываетъ на благодарность Вѣны. И побѣжденныхъ мадьяръ и защитниковъ своихъ, хорватовъ, Вѣна смѣшала въ одно и ко всѣмъ имъ примѣнила старые нѣмецкіе порядки, давя всякія проявленія народнаго чувства. Чѣмъ ярче были надежды хорватовъ, тѣмъ больнѣе почувствовалось теперь ихъ крушеніе. По обычному свойству человѣческой природы, ища свалить на кого-нибудь вину въ своемъ несчастіи, во всемъ обвинили Гая. Забытый, оставленный всѣми, онъ умеръ въ бѣдности отъ удара, случайно зайдя въ редакцію нѣкогда имъ основанной, но теперь уже не ему принадлежавшей газеты. Но идеи его не могли умереть, какъ нельзя было уничтожить и начавшагося возрожденія. Иллиризмъ Гая подъ новымъ именемъ юго-славянства ожилъ въ плодотворной дѣятельности епископа Штросмайера и его кружка. Мало измѣнились обстоятельства и въ 1867 году, когда Вѣна помирилась съ мадьярами: хорваты были отданы на полный произволъ тѣмъ самымъ мадьярамъ, отъ которыхъ они въ 1848 году спасли Австрію.

По мадьярско-хорватскому соглашенію 1867 года все есть у хорватовъ: есть свой сеймъ въ Загребѣ есть свои законы, свой хорватскій судъ, свои хорватскія школы, свое управленіе, есть наконецъ страна, богатая, и плодородная: приноситъ она большіе доходы хорватамъ. Но банъ хорватскій теперь уже не избранникъ народа, а мадьярскій чиновникъ по назначенію, ставленникъ хорватскихъ враговъ, къ голосу которыхъ онъ и прислушивается. А затѣмъ есть у хорватовъ и еще одна бѣда, можетъ быть, самая главная: доходовъ земля приноситъ имъ много, но хорватскій карманъ пришитъ къ мадьярскимъ штанамъ, и, пользуясь этимъ, дѣлаютъ съ хорватами мадьяре, что хотятъ; а когда не помогаютъ деньги, они натравливаютъ другъ на друга хорватовъ и живущихъ въ Хорватіи сербовъ и, ссоря ихъ, надъ ними господствуютъ.

За послѣднія 30 лѣтъ хорваты очень мало двинулись впередъ. Сравнительный процентъ сербо-хорватскаго населенія въ Венгріи и Хорватіи постепенно и неуклонно падаетъ въ то время,

какъ процентъ нѣмцевъ и мадьяръ возрастаетъ. Но особенно плохо положеніе сербо-хорватскаго народа въ Береговой землѣ и Далматіи. Принадлежа въ идеалѣ къ тріединому королевству Хорватіи, Славоніи и Далматіи, эта послѣдняя на самомъ дѣлѣ входитъ въ составъ австрійскихъ земель. Эта страна—самое заброшенное мѣсто въ Дунайской имперіи. Нѣтъ тутъ ни желѣзныхъ дорогъ ни хорошихъ путей сообщенія. Бѣдность и убожество. А между тѣмъ когда-то здѣсь цвѣла знаменитая дубровницкая република, и пѣлъ свои пѣсни о Владиславѣ Польскомъ знаменитый Гундуличъ. Здѣсь къ распрѣ сербовъ и хорватовъ присоединяется еще третій элементъ—живущіе въ городахъ итальянцы, вѣрнѣе до того итальянизированные сербы, что подъ фамиліей хотя бы Стефани трудно и подозрѣвать старый сербскій родъ Степчевичей. Пока всѣ эти люди сводятъ между собой счеты, мадьяре черезъ хорватскія плечи незамѣтно подобрались уже къ Адріатикѣ и завладѣли главнымъ послѣ Тріеста на ней портомъ—Рѣкой (Фіуме). А австрійцы, если-бъ не послѣдняя побѣдоносная война сербовъ съ Турціей, пробрались бы и къ другому морю—Эгейскому, къ древней Солуни.

VIII.

Здѣсь мы приблизились къ самому важному теперь и больному для сербскаго народа вопросу.

Печальной и позорной памяти Берлинскій трактатъ, признавъ за Сербіей независимость, оторвалъ отъ нея Боснію и Герцеговину, отдавъ ее во временное пользованіе Австро-Венгріи, которая, не пошевельнувъ пальцемъ, получила такимъ образомъ двѣ богатѣйшихъ области. Въ 1908 году онѣ были присоединены къ Австро-Венгріи окончательно.

Боснія и Герцеговина это не Эльзасъ и Лотарингія. Онѣ для Сербіи то же, что для насъ Москва. Это—сердце сербскаго народа. Онѣ лежатъ по дорогѣ изъ Сербіи къ морю. Безъ нихъ Сербія оказывается сжатой въ австрійскихъ тискахъ и, независимая политически, вся связана желѣзнодорожными тарифами Австріи. Стоитъ Австріи повысить пошлину на предметы сербскаго вывоза—свиней,—и сербскому крестьянству грозитъ экономическій крахъ. Съ другой стороны безъ согласія Австріи Сербія не можетъ себѣ привезти изъ Западной Европѣ ни оружія ни пушекъ, развѣ только далекимъ окольнымъ путемъ

черезъ Турцію. Сербіи необходимо открыть себѣ свободный выходъ къ морю. Присоединеніе Босніи и Герцеговины нанесло ея надеждамъ на свободу жестокій ударъ. Конечно, оно не могло быть полезно и для самой Босніи.

Радовались ему только хорваты, потому что надѣялись и надѣются еще и теперь подъ скипетромъ Габсбурговъ соединить въ особой хорватской державѣ всѣ сербскія земли. Но, не говоря уже о томъ, что это имъ едва-ли удастся, хорваты составляютъ въ Босніи меньшинство. Коренные жители ея — православные сербы. А каково имъ живется подъ австрійской властью, можно судить потому, что они до сихъ поръ носятъ въ знакъ протеста противъ австрійскаго владычества турецкую феску, показывая этимъ, что хотятъ быть подданными падишаха. И это тѣ самые люди, которые въ 1876 г. первые возстали противъ турокъ, первые когда-то сбросили съ себя эту ненавистную имъ тогда феску, символъ рабства! Рука объ руку съ ними въ недовольствѣ Австріей идетъ и боснійская аристократія — беги и аги. Это — тѣ-же сербы. За долгіе годы турецкаго владычества приняли они исламъ, но сохранили въ полной чистотѣ свой родной сербскій языкъ.

Въ Боснію и Герцеговину принесли австрійцы свою культуру, но вмѣстѣ съ тѣмъ, покровительствуя исключительно католикамъ, они углубили боль вѣроисповѣдныхъ различій и внесли въ сербо-хорватскій народъ Босны, доселѣ жившій согласно, духъ нетерпимости и взаимнаго раздраженія. Для широкихъ же массъ народа австрійское господство стало синонимомъ экономическаго разоренія. Вотъ уже болѣе тридцати лѣтъ, какъ въ странѣ въ самыхъ страшныхъ размѣрахъ идетъ хищническое хозяйничанье. Рубятся вѣковые буковые лѣса, покрывавшіе боснійскія горы. Тамъ и сямъ появились, правда, фабричныя трубы и какъ будто развивается промышленность, но доходы идутъ въ руки вѣнскимъ купцамъ и компаніямъ, а мѣстное населеніе, недопускаемое даже къ черной работѣ, въ одной изъ богатѣйшихъ по природѣ странъ чуть не умираетъ съ голоду. Благодаря цѣлой системѣ монополій—пивной и водочной, сольной, угольной, лѣсной и табачной — зачатки собственной промышленности уничтожены. Для облегченія наживы вѣнскихъ нѣмцевъ и евреевъ запрещенъ ввозъ дешевыхъ товаровъ даже изъ сосѣдней Далматіи, и жители принуждены покупать на привилегированныхъ заводахъ втридорога то, что прежде имѣли за дешевую цѣну. Крестьянство разорено и разоряется безпрестанно. Нѣмецкая точность—Австрія

славится своей финансовой системой—не потерпитъ на крестьянинѣ ни одной копѣйки недоимокъ, выжметъ всѣ соки, продастъ у него послѣднюю корову, образа, но свое взыщетъ. Во время голода 1897—1899 годовъ, когда люди, болѣя и изнемогая отъ недостатка питанія, стали вырывать изъ земли корни, которыми питались свиньи, и ѣли ихъ, правительство поспѣшило обложить налогомъ и эти корни по три кроны съ центнера.

Подрывая матеріальное благосостояніе сербовъ, Австрія сравнительно очень мало даетъ имъ и въ области образованія. Слабый просвѣтительный цензъ Дунайской монархіи лучше всего обнаруживается по сравненію ея дѣятельности въ Босніи и Герцеговинѣ съ королевствомъ Сербіей. Въ Сербіи 2,860,000 жителей, въ Босніи и Герцеговинѣ—1,860,000, но Сербія меньше Босніи и Герцеговины по пространству. Тѣмъ не менѣе въ Босніи и Герцеговинѣ съ 1906 г. было всего только 253 государственныхъ школы и 101 вѣроисповѣдная, общимъ счетомъ 354 школы, тогда какъ въ Сербіи въ то же время ихъ было 1272 и даже въ сербскихъ земляхъ Турціи, въ Новобазарскомъ санджакѣ и Старой Сербіи насчитывалось 240 сербскихъ школъ. Въ Сербіи въ 1906 г. было 2,375 учителей, въ Босніи и Герцеговинѣ всего 810. Сербія тратила на основныя школы 4,577,110 динаровъ, Боснія и Герцеговина всего только 1,264,540 кронъ. Въ Сербіи было 20 гимназій и университатъ; въ Босніи и Герцеговинѣ всего только 3 гимназіи да одно реальное училище.

Но и съ этимъ можно было бы помириться. Хуже всего, что Австро-Венгрія истребляетъ въ сербахъ самый духъ славянства, его глубокую внутреннюю сущность. Всегда стоявшее близко къ народу широкое церковное самоуправленіе подверглось сильнѣйшему стѣсненію. Митрополиты изъ народныхъ избранниковъ превратились въ австрійскихъ ставленниковъ, стали послушнымъ орудіемъ въ рукахъ враговъ народа. Запрещены гусли, любимый народный инструментъ сербовъ; запрещено празднованіе „славы“, народнаго сербскаго праздника въ честь святого, покровителя семьи. Самое имя „сербъ“ звучитъ для австрійскаго уха непріятно и на оффиціальномъ языкѣ оно уже вытѣсняется областнымъ названіемъ — боснякъ. Дивиться-ли послѣ того, что цѣлыми толпами выселяются изъ родной страны сербы, а на мѣсто ихъ приходятъ на льготныхъ условіяхъ колонизаціи нѣмцы?

И пусть бы! Нашлась бы и для нихъ работа на Балканахъ. Но бѣда въ томъ, что нѣтъ у нынѣшнихъ нѣмцевъ уваженія къ чужой народной личности, и всюду, гдѣ только ни появляется

нѣмецко-австрійская культура, она неизмѣнно губитъ славянство. За послѣднія 30 лѣтъ благодаря Австріи главный городъ Босніи Сараево наполовину сталъ уже европейскимъ. Но за то это городъ почти нѣмецкій: нѣмецкія гостиницы, нѣмецкіе рестораны и кофейни, нѣмецкія вывѣски, и даже слова сербскаго на главной улицѣ почти не услышишь. Въ 1904-мъ году, встрѣтившись въ Цетиньѣ съ однимъ боснякомъ, я утѣшалъ его возможностью образованія подъ скипетромъ Австріи сильнаго хорватскаго государства. „А какая же будетъ намъ отъ этого польза?—получилъ я въ отвѣтъ. Мы хотимъ не нѣмецкаго, а чисто славянскаго государства. Господине мой, знаете ли вы, что вотъ сейчасъ я говорю съ вами, но я не увѣренъ, что, когда я вернусь домой, меня не посадятъ въ тюрьму за то только, что я осмѣлился посѣтить родную Черногорію. Вотъ что даетъ намъ Австрія!“

Пока мечты хорватовъ о замѣнѣ нынѣшняго австрійскаго дуализма тріализмомъ привели только къ уничтоженію въ нынѣшнемъ, 1912-мъ, году сербской церковной автономіи въ Венгріи да отмѣнѣ всѣхъ конституціонныхъ гарантій въ Хорватіи, къ диктаторству Цувая и побѣдѣ мадьяръ. Австрія была, есть, да, вѣроятно, и останется до конца своего существованія нѣмецкимъ передовымъ постомъ на Дунаѣ. Если бы однако произошло чудо и стала она славянской, это, конечно, было бы выгодно и для Сербіи. Но сидѣть, сложа руки, и ждать для себя чуда не въ правѣ ни отдѣльный человѣкъ, ни цѣлый народъ. А всего менѣе можетъ это дѣлать Сербія.

Въ своемъ собственномъ дому она живетъ, какъ въ тюрьмѣ. Съ юга вся ея торговля отдана на волю Турціи; новобазарскій санджакъ отдѣляетъ ее отъ Черногоріи; старый торговый путь къ Адріатикѣ черезъ Мокру гору и Фочу закрытъ Австріей; на сѣверѣ мѣшаютъ ея торговлѣ высокія пошлины у желѣзныхъ воротъ, ибо предусмотрительны были на Берлинскомъ конгрессѣ Бисмаркъ и Андраши: они и установленіе пошлинъ на Дунаѣ отдали въ руки той же Австріи! Сербіи нельзя почти повернуться. Дышать ей нечѣмъ, и одно спасеніе—это выбить окно и пустить къ себѣ струю свѣжаго воздуха.

И дѣло это на нашихъ глазахъ сдѣлано Сербіей.

IX.

Съ провозглашеніемъ послѣдней балканской войны окно выбито, хотя и не на сѣверъ, какъ предполагалось, а на югъ,

но все-таки выбито. Двери раскрылись настежь, и полился внезапно и неожиданно для изумленной Европы побѣдоносный потокъ сербскихъ войскъ на Косово поле и въ долину Вардара. На мѣстѣ, гдѣ когда-то пало сербское царство Лазаря, теперь отслужено христіанское молебствіе и тамъ, гдѣ еще на дняхъ не безъ снисходительнаго покровительства Австріи безвозбранно царилъ и издѣвался надъ сербскимъ народомъ дикій албанецъ и турокъ, уже развѣваются наши, славянскія знамена. Поздняя осень стоитъ на дворѣ, когда пишутся эти строки, и дождь бьется въ окна, но и сквозь шумъ осенняго дождя слышенъ намъ и здѣсь послѣ пятисотлѣтняго молчанія радостный звонъ колоколовъ надъ старой столицей Душана, Скоплемъ. И радостью растетъ въ груди сердце, ибо свѣтлый благовѣстъ этотъ возвѣщаетъ намъ, что насталъ новый, великій день славянства. Славянства и — человѣчества: побѣды балканскихъ славянъ это побѣды христіанской свободы надъ азіатскимъ деспотизмомъ. Наконецъ-то христіанская райя перестала быть райей и можетъ дышать свободно, полною грудью.

Давно уже, давно говорили о необходимости юго-славянской федераціи. Теперь слова стали дѣломъ. Мечтательный, нѣжный, задумчивый сербъ пошелъ рука объ руку съ твердымъ, грубоватымъ, неуступчивымъ болгариномъ, — и результаты на лицо. Оцѣнивая ихъ и празднуя въ душѣ юго-славянскія побѣды, не позабудемъ, что, хотя главную силу въ балканской федераціи составляютъ болгары, хотя самую федерацію создали, говорятъ, Чарыковъ, Венизелосъ, Гешовъ, но еще далеко раньше ихъ мысль о ней родилась въ царственной головѣ стараго юнака-поэта. Вотъ что мы читаемъ въ „Балканской царицѣ“ короля Николая Черногорскаго.

О, если бъ сербы, болгары и хорваты
Другъ другу братски руку протянули
И, мудрость оцѣнивъ сосѣдей-грековъ,
Въ своихъ предѣлахъ дружно съ ними жили,—
Иныя бъ нынѣ пѣсни раздавались
Отъ гордаго Олимпа и до Дравы!

Эти пѣсни—онѣ несутся теперь по всей Старой Сербіи, Ѳракіи и Македоніи, и дай Богъ, чтобы не замолкли и по окончаніи войны.

Одна только нота врывалась было въ эту свѣтлую мелодію дис-

сонансомъ. Это желаніе сербовъ взять себѣ Дураццо и помѣшать автономіи Албаніи:

Sam svobody kdo hoden, svobodu zna važiti každou.
Ten, kdo do pout jimá otroky, sam je otrok.

„Кто самъ достоинъ свободы, умѣетъ цѣнить и чужую свободу. Кто на другихъ налагаетъ цѣпи, самъ рабъ", писалъ когда-то Колларъ. Дураццо безъ сомнѣнія оказалось бы для сербовъ тѣмъ-же, чѣмъ для насъ былъ Портъ-Артуръ. Но—будемъ надѣяться—этотъ невѣрный тонъ расплывется въ общей гармоніи звуковъ. Нельзя строить зданія своего будущаго на несчастьи другого. У сербовъ найдется иной, естественный выходъ къ морю, сперва черезъ Черногорію, а потомъ и выше, къ сѣверу. У нихъ есть ихъ родные Дубровникъ и Сплѣтъ, Задаръ и Рѣка.

Благополучное окончаніе балканской войны для болгаръ явится завершеніемъ ихъ народныхъ желаній. Для сербовъ она будетъ только началомъ ихъ народнаго объединенія. Какъ только будетъ похороненъ восточный вопросъ, на аванъ-сцену сама собою выдвинется новая и еще болѣе сложная задача—устройство свободной жизни западнаго славянства. Для разрѣшенія этого западно-славянскаго вопроса сербы окажутся такой же надежной закваской на югѣ, какой на сѣверѣ являются поляки.

Счастливы мы, что видѣли возрожденіе и побѣды юго-славянства. Еще счастливѣе будетъ тотъ, кому выпадетъ на долю увидѣть, какъ возродятся къ свободной жизни славяне западные. Передъ нимъ предстанетъ тогда наконецъ цѣлокупное славянство во всей его красотѣ, въ его единствѣ и разнообразіи.

На Далматинскомъ Приморьѣ.

Изъ книги „Снѣжинокъ“ Р. Каталинича-Еретова.

I. Состраданіе.

На берегу у моря стоятъ извозчичьи телѣги. На одной изъ нихъ усѣлись два мальчика. Видно по лицу, что вскормила ихъ нужда, горе и страданіе. Дѣти обманутой любви, бродятъ они безъ всякаго призора по берегу моря, выискивая случай заработать какой-нибудь грошъ. Младшій досталъ откуда то краюшку черстваго хлѣба и съ наслажденіемъ грызетъ ее. Старшій смотритъ на него завистливымъ взглядомъ, голодный, какъ самъ голодъ. И всетаки молчитъ. Младшему этотъ взглядъ врѣзался въ сердце.

— Ты голоденъ?—спросилъ онъ.

— Да,—отвѣтилъ старшій.

— На!—и онъ протянулъ ему весь кусокъ хлѣба.

— А ты?—спросилъ только для вида старшій, ухватившись за хлѣбъ.

— Я ѣлъ! вчера вечеромъ... ѣшь ты!

И младшій мальчикъ растянулся на телѣгѣ подъ знойными лучами солнца, стараясь заснуть и позабыть о голодѣ. Старшій принялся за черствый хлѣбъ, какъ будто это была амврозія. Смотря на этихъ дѣтей, я понялъ, что такое *состраданіе.*

II. Старая дурочка.

Вотъ гонятся за ней вдоль морского берега, кидая въ нее камнями. Кричатъ ей вслѣдъ: утю, утю, дура Маре!—Она бранится, грозитъ имъ кулаками. Бѣдная старая дурочка!

Два парня на морскомъ песку разложили сѣти. Бѣдная старуха глядитъ на нихъ робкимъ, заискивающимъ взглядомъ, точно проситъ защиты отъ безсердечныхъ ребятишекъ. Парень, что помоложе, взглянулъ на нее насмѣшливо и кинулъ ей въ лицо новую брань:

— Что, бабка Маре, плохо? Чего-жъ ты смотришь? Возьми свое помело, да и маршъ подъ облака — утю, дура Маре!.. И старуха, обливаясь потомъ, запыхавшись, побѣжала дальше.— Несчастная одинокая старуха! Она была когда-то счастлива. Первая невѣста въ деревнѣ. И замужъ вышла хорошо. Былъ у нея сынъ, одинъ-единственный. Она качала его въ люлькѣ, напѣвала ему колыбельную пѣсню, кормила его, любила и баловала свою радость, своего Павла. Когда онъ выросъ, морскія волны унесли съ собою ея мужа. Неурожай шелъ за неурожаемъ, и все, что у нихъ было, растаяло, какъ весенній снѣгъ. Судьба и этимъ была недовольна. Морская пучина отняла у нея ея единственнаго сына. Помѣшалась старая съ горя по сынѣ и каждый день приходитъ къ морю и зоветъ его: — „Павелъ мой! Павелъ!..“

. .

. . . Вотъ и опять гонятъ ее дѣти по морскому берегу. Но тамъ у моря плететъ веревки здоровякъ Тоно. Какъ закричитъ онъ на ребятишекъ:

— Убирайтесь отсюда! Какъ вамъ не стыдно! Убирайтесь, говорю я, а не то, смотрите, всѣ до одного у меня полетите въ море.

Дѣти въ разсыпную.

Тоно хорошій парень. У него подъ рубашкой бьется доброе сердце. Старуха смотритъ на него удивленно полоумными глазами. Тоно всталъ со скамейки и ласково подалъ ей кусокъ чернаго хлѣба:

— Садись, матушка; знаю, что ты голодна. Подкрѣпись немножко.

Старуха сѣла, успокоилась сразу и счастливая смотритъ на Тоно. Точно къ ней воротилось сознаніе. Да, да, она услышала слово: *матушка*, и передъ нею возсталъ образъ ея милаго красавца, ея золота, Павла. Онъ ее обнимаетъ и прощается передъ тѣмъ, какъ пуститься на широкую пучину моря, и шепчетъ ласково: — „Прощай, милая матушка!..“ И тронутая, вся счастливая, встала старая дурочка, подошла къ молодому парню, своими засохшими губами дотронулась до Тонова лба и прошептала взволнованная:

— Сыночекъ мой Павелъ, да благословитъ тебя Богъ!

III. Встрѣча.

Я гулялъ и встрѣтилъ по дорогѣ маленькаго мальчика. Что за прелестный и очаровательный ребенокъ! Онъ сидѣлъ на травѣ и своими милыми голубыми глазенками смотрѣлъ на цвѣты. Мнѣ показалось, что передо мною ангелъ. И подумалъ я, какъ далеко отъ его свѣтлой души лицемѣріе, отъ его сердца всякое нечистое желаніе, отъ его мозга мысль о расчетѣ. И чтобы услышать его звонкій голосокъ, его простодушный, дѣтскій и невинный лепетъ, я погладилъ его по щечкѣ и спросилъ:

— Какъ тебя зовутъ, малютка?

Мальчикъ посмотрѣлъ на меня, но, молчалъ.

— Какъ тебя звать?—Развѣ ты оставилъ свой язычокъ дома?

Мальчикъ высунулъ свой маленькій язычокъ, какъ бы желая доказать, что онъ его не забылъ дома, и проговорилъ:

— Дайте мнѣ грошъ, тогда скажу.

Этотъ отвѣтъ перенесъ меня изъ области сновидѣній въ грубую житейскую прозу. Передо мною былъ настоящій отпрыскъ нынѣшняго свѣта, для котораго существуетъ только одно—*интересъ*.

IV. Марица пѣла.

Марица пѣла во все горло. Скорыми шагами шла она по каменистой дорогѣ надъ моремъ, Послѣдніе лучи заходящаго солнца озаряли ея красивое, румяное лицо. Когда солнце зашло, она сѣла на скалу подъ лавромъ, какъ бы ожидая кого-то. Ждала она Стипу. Онъ далъ ей знать, что пріѣхалъ изъ Америки... Мысли ея унеслись въ прошлое, какъ вдругъ она увидѣла передъ собою статнаго матроса.

— Марица, душа моя,—и онъ хотѣлъ ее обнять.

— Стипо, я замужемъ.

— Замужемъ?!—остолбенѣлъ онъ.

— Ты уѣхалъ и ни разу не писалъ мнѣ изъ далекаго свѣта. Я и вышла за Иву. Твоею мнѣ теперь быть нельзя. Да я его и люблю.

— За Иву, за моего побратима... а письма, которыя я посылалъ тебѣ черезъ него... негодяй!

— Оставь, Стипо, что говорить по пустому. Прощай. Мнѣ надо домой. Иво пошелъ въ Ращино. Будетъ возвращаться по

этой дорогѣ, еще пожалуй увидитъ меня съ тобою, съ чужимъ человѣкомъ. Нехорошо... Прощай!

— Постой... послушай меня...

Но Марица уже шла дальше... Спускалась ночь, замигали звѣзды... Стипо сѣлъ подъ лавромъ; тяжелыя мысли одолѣвали его. Закатились звѣзда его счастья. Послышались шаги.

— Иво, ты обманулъ меня, раздалось во мракѣ, — ты отнялъ у меня Марицу, счастье мое! И въ темнотѣ ночной сверкнулъ ножъ...

— Ты, Стипо?—захрипѣлъ раненый Иво и лихорадочнымъ движеніемъ схватилъ Стипу за руку. Они стали бороться. Оба сильные. Мгновеніе,—и что-то шлепнулось со скалы въ море.

. . . А передъ селомъ Марица пѣла во все горло, и далеко разносилась ея пѣсня.

V. Невинность.

Она стояла тамъ, около стѣны, грустная, заброшенная, а прекрасная, какъ маленькій ангелъ. Печально смотрѣла она своими черными большими глазами, въ которыхъ свѣтилась ея чистая душа, на прохожихъ, какъ будто умоляя ихъ: Сжальтесь! Но кто будетъ смотрѣть на маленькую, заброшенную дѣвочку? Въ эту минуту прошелъ около самой бѣдняжки сѣдой господинъ съ добрымъ старческимъ лицомъ. Малютка поглядѣла на него жалостно и сказала:

— Баринъ...

— Что, моя дѣточка? — спросилъ ее господинъ, и прибавилъ:—сколько тебѣ лѣтъ, чья ты?

— Мнѣ пять лѣтъ, а я мамина. Мама больна—залепеталъ ребенокъ—а сестра утопилась.

— Какъ утопилась, зачѣмъ?—спросилъ ее господинъ.

Малютка покраснѣла и замолкла.

— Зачѣмъ?—повторилъ свой вопросъ господинъ.

— Охъ, объ этомъ стыдно говорить. И мама сказала, что стыдно. Разъ вечеромъ она пришла домой и принесла какую-то бумагу. Мама сказала, что тамъ было много, много денегъ. А послѣ мама узнала, что сестра получила ихъ за то, что дала себя поцѣловать какому-то господину. И мама бранила ее и прогнала, а она тогда утопилась,—закончила дѣвочка, и слезы показались у нея на глазахъ.

— Милая, дай я тебя поцѣлую—сказалъ тронутый старикъ—я тебѣ дамъ денегъ, а ты отнесешь ихъ мамѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—со страхомъ сказала малютка. Пойдемте со мной къ мамѣ; если она позволитъ, тогда поцѣлуйте...

* * *

Бѣдная, невинная дѣвочка. Пройдутъ годы, и безжалостный свѣтъ употребитъ всѣ силы, чтобы вырвать изъ твоей души твою чистоту, твою невинность, чтобы поцѣлуемъ (но не тѣмъ, о которомъ ты думаешь) довести тебя до гибели. А послѣ? Что тебя ожидаетъ? Позоръ или смерть—потому что свѣтъ создаетъ жертвы, но прощать имъ не умѣетъ.

VI. Пѣсня живого народа.

Въ даль ушло широкое поле. Повсюду развалины. Солнце весело улыбается съ неба, а двое ученыхъ спорятъ, стоя надъ развалинами. Одинъ говоритъ:

— Это латинская земля. Гдѣ ни троньте лопатой, всюду найдете слѣды римской эпохи, всюду латинскія надписи на старыхъ плитахъ.

А другой ученый улыбается и увѣряетъ иностранецъ чужеземца, что это земля нѣмецкая. И въ воздухѣ слышны ихъ возгласы:

— Ma signore...

— Aber mein Herr...

.... А маленькая зеленая травка пробивается между обломками старыхъ камней, подымается новый бурьянъ, расцвѣтаютъ полевые цвѣты. Поодаль разлеглось бѣлое стадо. Пастухъ на сельской дудкѣ перебираетъ грустно-нѣжную пѣснь, и въ ней нѣтъ ни слова латинскаго, ни звука нѣмецкаго. Съ другой прогалинки отзывается ему крестьянка и надъ нѣмыми каменными плитами черезъ головы ученыхъ ширится пѣсня:

„Кабъ была я розой, я бы знала,
Я бы знала, гдѣ бы расцвѣтала...“

... И ученые продолжаютъ свой споръ, а хорватская пѣсня живого народа разносится надъ старыми развалинами, надъ мертвою славой, надъ жалкими останками исчезнувшаго народа...

VII. Тишина.

Въ воздухѣ ни малѣйшаго движенія. Море точно масломъ полито. Не шелохнется. Вдали съ опавшими парусами стоятъ три лодки... Еще дальше таетъ въ небѣ дымъ парохода. Двѣ чайки посреди моря застыли неподвижныя подъ лазурнымъ небомъ. Изъ деревушки, затерявшейся въ мирномъ затишьѣ залива, выползаетъ лодочка. Напрасно развязали моряки паруса. Нѣтъ и признака вѣтра. Надо имъ засучить рукава, упереться руками, загрести дружно, если они желаютъ достигнуть цѣли. Имъ не хочется. Захватила ихъ мертвая тишь, и они развалились на кормѣ, закинули руки за голову, смотрятъ на морскую тишину и ждутъ вѣтра, а пока спорятъ, съ какой стороны онъ подуетъ...

Мой народъ вѣрно видѣлъ эту лодочку и засмотрѣлся на ея моряковъ.

Изъ Змая Іована Іовановича.

Можетъ-ли солнце сіять
 Въ черныя ночи?
—Могутъ отвѣтъ твои дать
 Черныя очи.

БОЛГАРЫ.

1. Поэма. Стихотвореніе *Ивана Вазова.*
2. Иванъ Вазовъ. Историко-литературный очеркъ.
3. Изъ разсказовъ Вазова: 1. Бѣлимелецъ, 2. Первые дни болгарской свободы, 3. Маршъ въ опалѣ.
4. Черезъ Болгарію и Македонію. Путевыя замѣтки.

Поэма.

Стихотвореніе Ивана Вазова.

Весь день въ горахъ на высотѣ призвѣздной
Одинъ ты по скаламъ въ лѣсахъ блуждаешь,
Одинъ стоишь, приникнувши надъ бездной,
И тамъ, поэтъ, ты мыслишь и мечтаешь.

Какою умъ твой занятъ дивной темой?
Скажи, что намъ сулитъ твоя тревога?
— Я величайшей увлеченъ поэмой.
— Поэмой Данте или Тассо?..
— Бога!

Иванъ Вазовъ.

Историко-литературный очеркъ.

I.

Въ сѣверной Ѳракіи, у южнаго склона Старой Планины притаился маленькій городокъ Сопотъ. Это мѣсто рожденія національнаго поэта Болгаріи, Вазова. Онъ—дитя Балканъ.

Если взобраться по скаламъ и утесамъ Старой Планины на верхъ, глазамъ открывается здѣсь великолѣпная, величественная панорама: внизу посреди розовыхъ садовъ, посреди зеленыхъ пастбищъ и луговъ во всей очаровательной прелести раскрывается Стрѣмская долина, за ней зеленыя возвышенности Средней Горы, а далеко-далеко на югѣ, точно какіе-то призраки на фонѣ неба, синѣются снѣговѣнчанныя Родопы. „Въ этомъ безконечномъ просторѣ, гдѣ всѣ цвѣта и краски сливаются въ одну фантастическую и невиданную арабеску, оттѣняемую свѣтлой синевой неба, взглядъ блуждаетъ, точно очарованный, и тонетъ въ небосклонѣ лазури и поэзіи. Человѣческимъ словомъ не выразить величія этой картины. Поднявшись на высоту, чувствуешь себя больше и сильнѣе: духъ исполинства и вѣчности, который носится надъ этими гигантскими созданіями природы, и человѣка возвышаетъ: мысли его становятся чище и свѣтлѣе“. Въ этомъ чистомъ свѣжемъ и здоровомъ воздухѣ горныхъ высотъ воспитался и выросъ Вазовъ.

II.

Въ 1857 году, нарядивъ своего шестилѣтняго сына въ новое платье, отецъ Вазова торжественно отвелъ его въ начальное сопотское училище. И началась для мальчика „наука“. Отъ пер-

выхъ ея шаговъ остались у Вазова только внѣшнія воспоминанія:—высокій, черноглазый учитель съ розгой въ рукѣ, его помощники изъ учениковъ, „надзиратели", съ высоты своихъ „сѣдалищъ" наблюдавшіе за тишиной въ классѣ, которую они же нарушали своими окликами: „Аврамъ Петковъ невнимателенъ", „Чоно Ивановъ непокоренъ", большія стѣнныя таблицы съ поучительными надписями вродѣ афоризма „Лѣность мать пороковъ" и особенно страшныя для ребятишекъ, на черныхъ шнуркахъ висѣвшія черныя доски съ надписями: *неприлеженъ*, *лѣнивъ*, *непокоренъ*, *развратенъ*. Эти доски послѣ троекратнаго предупрежденія вѣшались на грудь провинившагося ученика и служили для него орудіемъ нравственнаго наказанія: съ этими позорными ярлычками должны были преступники стоять въ углу или на колѣняхъ передъ всѣмъ классомъ. Тутъ же рядомъ висѣли и другія, красныя доски, на красныхъ шнурахъ, съ надписями уже противоположнаго свойства: *похваленъ*, *благонравенъ*, *трудолюбивъ*, *примѣренъ*: эти вѣшались на грудь тѣмъ счастливцамъ, которые отличались помѣченными на нихъ доблестями; въ награду имъ же раздавались четвертушки бумажки съ краснымъ пѣтухомъ на училищной печати, какъ символомъ пробужденія. Кто заручился такою бумажкой, могъ послѣ, въ случаѣ какой-нибудь провинности, откупиться ею отъ наказанія. Но Вазовъ, какъ и другіе, берегъ эти билетики на важные случаи, геройски подставляя руки подъ прутъ, и только, когда приходилось лѣзть въ „темницу", обиталище громадныхъ крысъ, откуда несло плѣсенью, или ложиться подъ розги, выручали его билетики... Будущій писатель былъ живого нрава, и однажды уже въ высшемъ училищѣ пришлось ему подвергнуться даже самому большему изъ наказаній, какія только могла выдумать тогдашняя педагогія: ему вымазали лицо чернилами и выставили на злорадныя и безжалостныя насмѣшки товарищей, которые должны были для этого проходить мимо него...

Въ такихъ условіяхъ шло обученіе грамотѣ, а между тѣмъ не переставала дѣйствовать на мальчика и другая его воспитательница—природа. Съ маленькими своими товарищами по училищу игралъ онъ „въ рабы", гонялся въ запуски, взбирался на обросшіе бархатнымъ мхомъ громадные камни у подножья Старой Планины, взлѣзалъ и на горы, вслушивался въ дикую мелодію пѣнящихся и гремящихъ водопадовъ, купался въ холодной, какъ ледъ, водѣ глубокихъ и темныхъ потоковъ среди скалъ, куда ниспадали водопады, залѣзалъ въ самыя таинственныя и мрач-

ныя ущелья Балканъ, скакалъ, точно дикая коза, со скалы на скалу, съѣзжалъ ползкомъ по гладкимъ утесамъ, чтобы сорвать внизу вѣточку пахучей сирени, кричалъ, какъ сумасшедшій, и пробуждалъ эхо, спавшее въ скалахъ.

Безкрайная ширь простора, глубокій миръ и живительный воздухъ развивали не одни легкія мальчика: они дали ему и нравственное здоровье, а оно было ему нужно для тѣхъ испытаній, которыя готовила ему судьба: Вазовъ былъ сынъ народа, уже нѣсколько вѣковъ страдавшаго подъ мусульманскимъ игомъ.

Тяжела была болгарской головѣ обязательная для нея турецкая феска. Отецъ Вазова былъ простой человѣкъ, онъ держалъ въ Сопотѣ лавку, но горячо любилъ онъ свой народъ, любилъ свою цвѣтущую и все же несчастную родину и страстно вѣрилъ въ лучшіе для нея дни, которыхъ ждалъ молча, развѣ только „украдкою молвя опасное слово". Въ его скромномъ домѣ, подъ иконой висѣлъ портретъ съ двуглавымъ орломъ подъ нимъ и съ короной наверху. Это былъ портретъ императора Николая I. Какъ будущаго Мессію многострадальной Болгаріи, ждалъ его старый Вазовъ. Дѣти цѣловали портретъ государя, какъ святыню. „Это—нашъ, *болгарскій царъ*", говорила имъ мать.

Бѣхъ малъкъ азъ, но йоще помнѭ:
Вѫвъ стаята ни бѣдна, скромна
Висеше образъ завѣхтѣлъ
До самата божà икона.
Надъ него имаше корона,
Подъ него пакъ—двуглавъ орелъ.

И често майка ми тогази
Ме вдигаше, да видѭ ази
Отъ-близо тозъ ликъ святъ и старъ,
И нѣжно думаше ми: чадо!
Цалуни тоя хубавъ дядо,
Цалуни българския царъ!

И отъ тогазъ го азъ обикнахъ.
Кога на възрасть попристигнахъ,
Отъ моя тейко азъ узнахъ,
Че *русский* царъ родѣй се съ нази,
Че турцитѣ той гони, мрази,
Че той ще ни спаси отъ тяхъ.

Кога ни мѫчеше тиранътъ,
„Московци!" викаше ни съ гнявъ,
Разбрахъ, че тейко бѣше правъ.

И вѣрвахъ, че да ни отбранатъ,
Ще фръкнатъ бърже къмъ то насъ
Се колчимъ плачехме съсъ гласъ

И тъй отъ рано съ тази идея.
Съ тази вѣра фанахъ да живѣѭ...

.

И чакаме... какъ чака роба
На мѫки си послѣдний часъ;
Тъй както Лазаръ чака въ гроба
Да чуй гласа на своя Спасъ!

Такъ вспоминалъ о своемъ дѣтствѣ самъ Вазовъ въ стихотвореніи „Русия!“ Это слово „Россія“ стало для него символомъ желанной свободы, и, еще не зная Россіи, онъ уже ее любилъ и вѣрилъ въ нее, какъ будущую спасительницу Болгаріи.

Родительскій кровъ, природа Балканъ и училище — вотъ тѣ воспитательныя силы, подъ вліяніемъ которыхъ развивался будущій поэтъ угнетенной, а потомъ и свободной Болгаріи. Природа дала ему неистощимый запасъ свѣжихъ силъ для жизни, вливала въ него бодрость духа; домашнія вліянія указывали сыздѣтства, куда ему надо было направить эти силы, какимъ народнымъ идеаламъ должны онѣ были служить, и даже какъ могутъ быть осуществлены эти идеалы.

Прошло много лѣтъ, и старый Минчо Вазовъ давно уже лежалъ въ землѣ, зарѣзанный башибузуками въ горахъ своего родного Сопота. Давно уже на мѣстѣ его дома, гдѣ когда то раздавались звонкіе и веселые голоса его играющихъ дѣтей, остался только прахъ и разореніе—все было сожжено турками,—и Вазовъ, вспоминая объ этихъ страшныхъ событіяхъ, устами одного изъ своихъ героевъ, Стрѣмскаго въ романѣ „Нова Земя“, сказалъ:

„Батюшка! ты мнѣ завѣщалъ два только наслѣдства: родное пепелище и твой честный характеръ. Первое я безсиленъ спасти; прости меня. Второе я сохраню свято, батюшка, клянусь тебѣ!“

И Вазовъ, насколько по крайней мѣрѣ показываютъ его сочиненія, сохранилъ эту клятву.

III.

По окончаніи „основного“, начальнаго училища отецъ отдалъ Вазова въ сопотское „главное“ училище. Въ трогательныхъ, проникнутыхъ теплотою и полныхъ добраго чувства воспоминаніяхъ

„Даскалитѣ“ Вазовъ нарисовалъ передъ нами цѣлую галлерею своихъ тогдашнихъ учителей. Главнымъ изъ нихъ и, повидимому, наиболѣе оказавшимъ на него вліяніе были даскалъ Юрданъ изъ Пазарджика и смѣнившій его затѣмъ даскалъ Пареѳній Бѣлчевъ изъ Трояна.

Даскалъ Юрданъ не кончилъ никакого высшаго училища; съ познаніями обрывчатыми и безсистемными, онъ замѣнялъ недостатокъ учительской подготовки доброй волей и трудолюбіемъ. Человѣкъ энергичный, живой и нетерпѣливый, онъ обладалъ даромъ слова, голосомъ сильнымъ, а въ минуты гнѣва и страшнымъ, рѣчью ясной и увлекательной и на одномъ изъ публичныхъ экзаменовъ прославился своимъ диспутомъ по вопросу о томъ, есть ли у животныхъ разумъ. Учитель сосѣдняго Карлова, русскій воспитанникъ, даскалъ Димитрій доказывалъ, что есть, такъ какъ „когда хочешь схватить муху, она убѣгаетъ!“—даскалъ же Юрданъ утверждалъ, что у животныхъ есть только инстинктъ. Этотъ споръ раздѣлилъ всѣхъ жителей на два враждебныхъ стана, проникъ въ цареградскія газеты, и тамъ рѣшили дѣло въ пользу даскала Юрдана. Это привлекло къ нему цѣлый рядъ учениковъ изъ сосѣднихъ городковъ и изъ самаго Карлова, и при немъ сопотская школа пріобрѣла славу мѣстныхъ Аѳинъ. Торжествующій учитель не успокоился на своихъ лаврахъ. Чтобы еще болѣе поразить воображеніе мѣстныхъ жителей своей всесторонней ученостью, онъ къ 10 общеобразовательнымъ предметамъ съ языками греческимъ и турецкимъ, присоединилъ въ старшихъ классахъ языкъ русскій и французскій, которымъ тайно учился одновременно со своими учениками, ввелъ турецкую исторію на сербскомъ языкѣ, ввелъ піитику, ввелъ астрономію, ввелъ этику, даже метафизику. Это была настоящая оргія науки, программа, ослѣпляющая взоръ, хаосъ разныхъ обрывковъ знанія, вбиваемыхъ въ ученическіе мозги при помощи прута!

Даскалъ Юрданъ учительствовалъ въ Сопотѣ всего 7 лѣтъ, и затѣмъ послѣ кратковременнаго учительства одного обанкрутившагося торговца явился новый главный даскалъ, воспитанникъ Кіевской духовной семинаріи, Пареѳній Бѣлчевъ. На первый разъ не понравился онъ своимъ питомцамъ; точно волна русскаго холода прихлынула въ училище. Едва успѣвъ сойти съ семинарской скамьи, въ своей большой русской шубѣ, съ сухимъ и торжественнымъ видомъ прочитывалъ онъ глухимъ голосомъ уроки изъ своихъ русскихъ учебниковъ, сперва всякую фразу по-русски, а потомъ по-болгарски, безъ жизни, утомительно, скучно. Но

потомъ, ознакомившись съ дѣломъ, онъ избавился отъ семинарской дикости, сталъ свободнѣе въ обращеніи, интереснѣе въ преподаваніи, словомъ вошелъ въ учительскую колею и даже началъ, какъ и другіе, изрядно бить своихъ питомцевъ и угощать ихъ словами: „ну!“ и „дуракъ!“ смысла которыхъ ни одинъ изъ нихъ не понималъ. Ученики любили, когда онъ отклонялся отъ предмета и начиналъ имъ разсказывать содержаніе Шекспировыхъ драмъ или сцены изъ своей студенческой жизни, воспоминанія о Россіи и русскихъ. Этими разсказами обольщалъ онъ и школьныхъ попечителей-епитроповъ. Вызоветъ ученика и прикажетъ ему разсказывать о Петрѣ Великомъ, о Суворовѣ, о Наполеоновомъ пораженіи, о московскомъ пожарѣ, а потомъ самъ прерветъ его, и польются рѣкою рѣчи передъ разинувшимъ ротъ отъ изумленія епитропомъ. А не то прикажетъ показать на картѣ, какъ велика Россія, и самъ тріумфально опишетъ пальцемъ величественный кругъ, опредѣляя безконечные предѣлы русской имперіи. И гордый, торжествующій обернется къ восхищенному гостю и воскликнетъ: „Ну?“ И епитропы всегда оставляли школу съ просвѣтлѣвшимъ взоромъ, точно говорили: „да, такого другого учителя не отыщешь“! Новый учитель былъ поэтической натурой и, воспитывая въ своихъ ученикахъ русскія сочувствія, вмѣстѣ съ тѣмъ, одинъ изъ первыхъ, можетъ быть, пробудилъ въ Вазовѣ любовь къ поэзіи. Онъ любилъ декламировать передъ своими учениками стихотворенія Державина, Ломоносова, Крылова, а особенно всеславянскія стихотворенія Хомякова. Когда, бывало, начнетъ онъ читать:

Высоко ты гнѣздо поставилъ,
Славянъ полуночный орелъ,
Широко крылья ты расправилъ,
Глубоко въ небо ты ушелъ,—

онъ весь воспламенялся, махалъ рукою по воздуху, лицо его свѣтилось восторгомъ, и отъ вдохновенія искрились его черные глаза. Мы—вспоминаетъ Вазовъ—первый разъ слушали русскіе стихи. Ихъ музыка очаровала и слухъ мой и сердце. До того времени я читалъ только пѣсни Славейкова и зналъ ихъ наизусть, но я страстно любилъ пѣсни народныя и патріотическія. Пробовать однако самому писать стихи мнѣ тогда и въ голову не приходило: мысль объ этомъ была отъ меня далеко, на 100.000 морскихъ миль... Подобно Юрдану, и даскалъ Парѳеній ввелъ въ школу преподаваніе русскаго яз., которому училъ систематически и умѣло, и французскаго, котораго вовсе не зналъ. При немъ же

преподавались въ Сопотѣ и риторика и пiитика и наконецъ въ довершенiе всего патологiя.

Когда съ этой послѣдней былъ исчерпанъ весь курсъ наукъ въ Сопотѣ, отецъ Вазова отправилъ его въ недалекiй Калоферъ подучиться греческому яз. у тамошняго учителя, даскала Боти, отца знаменитаго впослѣдствiи поэта, Христо Ботева. Въ Калоферъ прiѣхалъ Вазовъ уже въ качествѣ „подидаскала“, помощника Боти. Застѣнчивый, всего и всѣхъ дичившiйся будущiй писатель, по мысли отца, долженъ былъ въ Калоферѣ поотереться среди чужихъ людей, чтобы стать смѣлѣе и общительнѣе. Но греческому яз. онъ подучился, а отъ „дикости“ своей не отвыкъ: избѣгая болгаръ, по цѣлымъ днямъ не выходилъ онъ въ Калоферѣ изъ комнаты и бесѣдовалъ только съ русскими, т.-е. читалъ русскiя книги, затворяясь въ богатой училищной библiотекѣ. Напрасны были всѣ попытки втянуть его въ развлеченiя веселой калоферской молодежи.

Послѣдней школой для Вазова была гимназiя въ Пловдивѣ, тогдашнемъ очагѣ болгарскаго просвѣщенiя, разсадникѣ наукъ, учителей и апостоловъ народнаго возрожденiя. Директоромъ ея было свѣтило тогдашней болгарской образованности, Якимъ Груевъ, и къ нему, какъ къ великому знатоку турецкаго языка, отдалъ отецъ Вазова своего сына поучиться по-турецки. Когда узналъ Груевъ, какимъ премудростямъ обучался Вазовъ въ Сопотѣ, онъ даже за бороду схватился отъ изумленiя, точно хотѣлъ сказать: „зачѣмъ же вы его привели сюда? онъ можетъ быть моимъ профессоромъ“, потомъ посмотрѣлъ на него пристально и сказалъ:

— Вы поступите въ четвертый классъ.

Вазовъ обидѣлся даже, но возраженiй быть не могло. Въ Пловдивѣ Вазовъ скоро прiобрѣлъ себѣ репутацiю перваго „историка“, и въ этомъ отношенiи съ нимъ не могъ спорить ни одинъ изъ учениковъ даже старшихъ классовъ, но математика и турецкiй яз., для котораго онъ и поступилъ въ гимназiю, шли у него настолько плохо, что Груевъ, отчаявшись научить его даже порядочному турецкому чтенiю, пересталъ его вызывать по этимъ предметамъ. Не научившись по турецки, Вазовъ выучился за то въ Пловдивѣ по французски у учителя Богдана Горанова, только что вернувшагося тогда изъ Гейдельберга и съ увлеченiемъ читавшаго своимъ воспитанникомъ Méditations Ламартина. Первый разъ услышалъ юноша хорошее французское произношенiе и былъ плѣненъ музыкальностью французскихъ стиховъ, сильныхъ, звонкихъ, гармоническихъ. Тогда же Вазовъ впервые попробовалъ

свои силы и въ стихотворствѣ и перевелъ La mère aveugle Беранже. Въ этомъ первомъ стихотвореніи не было ни метра, ни даже риѳмъ настоящихъ. Но это былъ первый опытъ...

Отецъ готовилъ Вазова въ торговцы и потому не считалъ нужнымъ держать его въ гимназіи долго. Вазовъ кончилъ всего только 4 класса. Слишкомъ мало для будущаго первокласснаго болгарскаго писателя. Много пришлось Вазову впослѣдствіи пополнить самому. Но о школѣ, пройденной имъ, сохранилъ онъ добрыя воспоминанія.

„Да не сорвется у меня слова укора моимъ наставникамъ— заканчиваетъ онъ свой очеркъ „Даскалитѣ", откуда мы взяли всѣ предыдущія свѣдѣнія;—если что было дурного въ ихъ системѣ, не они въ этомъ виноваты. Они были сынами своего времени. Каково бы ни было тогда болгарское училище, за нимъ въ исторіи великая заслуга: оно приготовило будущее... Съ живымъ сочувствіемъ, съ глубокой признательностью въ душѣ вспоминаю я своихъ учителей. Всѣ они были честными работниками на нивѣ народнаго просвѣщенія, всѣ послужили ему, какъ могли, своими силами, своимъ умѣніемъ, своимъ темпераментомъ. Всѣ живымъ словомъ своимъ бросили снопъ лучей въ мое сознаніе, горсть благородныхъ сѣмянъ въ воспріимчивую и дѣвственную почву моей души, обогатили мое сердце добрыми чувствами. Спасибо имъ!".

IV.

1868-й годъ засталъ Вазова уже въ Сопотѣ. На первыхъ же порахъ обнаружились здѣсь и недочеты его образованія и несоотвѣтствіе его вкусовъ съ намѣреніями отца. Къ изумленію стараго Вазова, сынъ не сумѣлъ прочесть даже присланной ему простой турецкой телеграммы—такъ плохо зналъ онъ по турецки— но еще хуже было для него новое открытіе: оказалось, что сынъ его не имѣлъ ни малѣйшей склонности къ торговлѣ. Въ жалобахъ стараго Брѣчкова въ драмѣ „Хѫшове" слышны можетъ быть, отголоски отцовскихъ нареканій на сына: „Отецъ его—торговецъ, а онъ торговли не любитъ, торговцемъ быть не хочетъ. Все книги бы ему въ руку... И чего только не нашелъ я въ этихъ книгахъ! И „вставайте, балканскіе, храбрые юнаки!" и „окованные львы" и „пятьсотгодичное рабство", словомъ все, что можетъ служить паспортомъ въ Діарбекиръ. Я его посадилъ въ свою контору, а онъ вмѣсто того, чтобы вести торговую корреспон-

денцію, опять принялся писать свои „турски тиранства“, да „балкански юнаци“. Азъ го карамъ (гоню) на чаира (лугъ), а то бѣга на баира“ (холмъ). Думалъ-думалъ отецъ что дѣлать со своимъ сыномъ, да и рѣшилъ послать его на время къ родственникамъ въ Румынію „поѣсть чужого хлѣба“. И вотъ въ 1870 г. съ десятью дукатами въ кошелькѣ plus нѣсколько отцовскихъ благословеній на счастливую торговлю, въ первый разъ перебрался нашъ поэтъ черезъ свои родимые Балканы.

По дорогѣ, самъ того не подозрѣвая, Вазовъ встрѣтился, какъ онъ узналъ объ этомъ черезъ два года, съ знаменитымъ „апостоломъ“ болгарскаго освобожденія, Василіемъ Левскимъ. Эта встрѣча явилась какъ бы увертюрой къ его послѣдующему пребыванію въ Румыніи.

Вмѣсто того, чтобы искать себѣ мѣста при какой-нибудь торговлѣ, какъ на это разсчитывалъ отецъ, онъ сразу окунулся здѣсь въ жизнь тогдашней болгарской эмиграціи, наполнявшей собой бѣдные и отдаленные кварталы Галаца, Браилова и Бухареста,—городовъ, гдѣ пришлось жить Вазову. Бытъ и типы этихъ выброшенныхъ за бортъ людей яркою и мастерскою кистью очерчены въ превосходной повѣсти „Не мили не драги“, позднѣе передѣланной авторомъ въ слабую драму „Хѫшове“. „Румынія, по словамъ Вазова, давала этимъ людямъ гостепріимство, но гостепріимство, которое даетъ пустой морской берегъ выброшеннымъ бурею мореходцамъ. Живя среди общества, они были въ пустынѣ. Дома, магазины, кошельки, сердца были для нихъ закрыты. Они пробивались подаяніемъ отъ людей почти такихъ же бѣдныхъ, какъ и они сами. Голодные дни чередовались обычнымъ порядкомъ, неизбѣжно, фатально. Одинъ студентъ, кончившій русскій университетъ, развозилъ дунайскую воду по браиловскимъ улицамъ; два учителя, бѣжавшіе изъ Діарбекира, продавали лимоны. Иные работали поденно за нѣсколько грошей, болѣе счастливые становились торговцами, булочниками, корчмарями. Но у большинства этихъ бѣглецовъ, число которыхъ постоянно увеличивалось, не было никакихъ занятій, никакихъ средствъ къ жизни. А зимы стояли холодныя, всѣ косточки дрожали, пустые желудки настойчиво требовали своего. И оставалось имъ или умереть съ голоду, или избрать одно изъ двухъ: вторгнуться съ оружіемъ въ Болгарію и погибнуть гдѣ-нибудь въ горахъ Старой планины, или же—красть. Первое было невозможно, и они крали: не было румынской тюрьмы, гдѣ бы не сидѣло по нѣскольку юнаковъ. Балканскіе орлы попались въ клѣтку. Герои стали жуликами.

„Новый видъ голоднаго пролетаріата, составленный изъ подвиговъ, отрепьевъ и славы". Такъ охарактеризовалъ эмигрантовъ самъ Вазовъ. Во всякомъ движеніи, захватывающемъ широкія народныя массы, встрѣчаются элементы самаго разнаго рода, не исключая и такъ называемыхъ подонковъ общества. Своеобразность тогдашней болгарской эмиграціи заключалась въ томъ, что здѣсь доброе и злое, низкое и благородное совмѣщалось нерѣдко въ однихъ и тѣхъ же лицахъ. Даже не вчерашніе, а сегодняшніе шантажисты, не останавливающіеся передъ тѣмъ, чтобы обокрасть своихъ же товарищей, какъ Македонскій въ повѣсти „Не мили не драги", немедленно становились героями и готовы были жизнью жертвовать, разъ дѣло шло о благѣ Болгаріи. Болгарія! Это имя было для всѣхъ нихъ святынею, рубцы отъ ранъ на ихъ изможденныхъ отъ голода лицахъ были для нихъ орденами, взятыми въ борьбѣ за ея свободу, и не было жертвы, передъ которой бы они остановились. Среди нихъ познакомился Вазовъ въ Браиловѣ и съ знаменитымъ Ботевымъ. Мрачный и энергическій Ботевъ, съ его крайними воззрѣніями, на первыхъ порахъ совершенно поработилъ себѣ воспріимчиваго, но вовсе не склоннаго къ отпору Вазова, и подъ его вліяніемъ послѣдній сначала принялъ съ восхищеніемъ и безъ всякихъ оговорокъ все, чѣмъ отличалась тогда болгарская эмиграція. Отзвукъ тогдашнихъ его впечатлѣній слышенъ въ словахъ, обращенныхъ въ драмѣ „Хѫшове" молодымъ Бръчковымъ къ эмигрантамъ при первомъ же его съ нимъ знакомствѣ: „Господа! еще не было для меня дня счастливѣе сегодняшняго. Первый разъ душа моя переполнена великими и новыми чувствами отъ того, что я вижу и слышу... Я точно попалъ въ другой свѣтъ. Эти великія слова: свобода, борьба, отечество, я произносилъ въ Болгаріи съ трепетомъ и украдкою, точно совершая преступленіе. Здѣсь—другое. Теперь я чувствую себя между свободными людьми. Теперь я дышу свободно. Я переродился между вами. Нѣтъ, Болгарія не погибла, пока есть у ней такіе сыны". Потомъ однако, можетъ быть, мысль объ отцѣ, который послалъ его въ Румынію, чтобы онъ сдѣлался честнымъ торговцемъ, а не политическимъ авантюристомъ, а, можетъ быть, и природная мягкость характера удержали Вазова отъ того пути, по которому вслѣдъ за Македонскимъ пошелъ его герой, Бръчковъ. Но отъ впечатлѣній эмиграціи осталось у него и нѣчто прочное—это ея свѣтлыя стороны. Въ Румыніи на Вазова впервые повѣяло духомъ Болгарской свободы. Сынъ турецкой райи и самъ рабъ, онъ впервые услышалъ здѣсь громко отъ эмигрантовъ то, что раньше

опасливо говорилось дома. Въ ушахъ только что вступившаго въ жизнь поэта зазвучала боевая болгарская пѣснь „Трѫба ечи, Балканъ стене“, которую пѣли громовымъ голосомъ, „чтобы долетѣли ея звуки до Балканъ и задрожалъ въ Цареградѣ султанъ“. И Вазовъ съ воодушевленіемъ присоединилъ свой звонкій, красивый и молодой теноръ къ общему хору.—Въ Румыніи сосредоточивалась тогда и вся умственная жизнь болгарскаго народа: тамъ жили и дѣйствовали лучшіе болгарскіе писатели съ Любеномъ Каравеловымъ во главѣ. Тамъ и Вазовъ впервые со своими стихами постучался въ двери „Періодическаго Списанія“, выходившаго въ Браиловѣ и цареградскаго „Читалища“. Со страхомъ развертывалъ онъ книжки литературной хроники въ журналѣ Каравелова, этомъ „чистилищѣ“, гдѣ доставалось молодымъ поэтамъ отъ опытнаго и строгаго критика, но Каравеловъ на предложеніе „пробрать“ его, отвѣчалъ: „Нѣтъ, этого надо беречь“. Стихотворенія молодого поэта уже обратили на себя вниманіе.

Въ результатѣ Румынія не сдѣлала Вазова, по его собственнымъ словамъ, ни Крезомъ ни Ротшильдомъ, когда черезъ два года здравымъ и невредимымъ вернулся онъ въ свой родной Сопотъ и къ ужасу своего отца вмѣсто золота выложилъ передъ нимъ цѣлую кипу рукописей съ поэмами и одами! А въ первые же дни по возвращеніи сказался и другой результатъ пребыванія въ Румыніи.

Зайдя въ гости къ одному изъ своихъ пріятелей, онъ засталъ тамъ многочисленное собраніе. Его неожиданный приходъ смутилъ присутствующихъ; всѣ переглянулись значительно и украдкой. Я — разсказываетъ Вазовъ — понялъ ихъ недоумѣніе и угадалъ характеръ ихъ собранія: уже два-три дня носился слухъ, что дьяконъ Левскій—въ нашемъ городѣ. Это собраніе, внѣ сомнѣнія, было созвано имъ или для него.

— Господинъ К.—воскликнулъ я громко и почти съ негодованіемъ, обращаясь къ хозяину: ваше шушуканье — срамъ; познакомьте же и меня съ болгарскимъ героемъ и апостоломъ Левскимъ!..

Воцарилось молчаніе. Но дверь сосѣдней комнаты скрипнула, и на порогѣ ея явился Левскій. Вазовъ узналъ въ немъ прохожаго, встрѣтившагося съ нимъ на пути въ Румынію, и они сердечно обнялись и поцѣловались.

Вазовъ сталъ однимъ изъ членовъ наскоро составленнаго въ Сопотѣ освободительнаго комитета. Это было въ 1872 году.

V.

Политика однако не завлекла Вазова въ свои сѣти и теперь. Больше поэтъ, чѣмъ политикъ, онъ при всей воспріимчивости своей натуры не находилъ въ себѣ способности къ дѣйствію, и даже въ пѣсняхъ его за то время напрасно было бы искать какихъ-либо общественныхъ мотивовъ. Первые годы его пребыванія въ Сопотѣ по возвращеніи изъ-за границы были для него счастливыми, веселыми годами молодости, и тогдашнія его стихотворенія, позднѣе изданныя въ особомъ сборникѣ „Майска китка" (1880 г.), искрятся счастьемъ, молодымъ и эгоистическимъ наслажденіемъ жизнью. „Азъ младость минувахъ въ пѣсни любовни, тихи, безгрижни". Поэтъ пѣлъ „ласки милой, красу небесъ, земли и моря,

сичко, що кити
Горе небето, долу земята,
Слънцето, йоще мѣсецъ, звѣздитѣ,
Златното утро, птички цвѣтята.

Это были тѣ пѣсни, за которыя такъ зло осмѣялъ его въ своей эпиграммѣ Ботевъ: „отчего я не родился Вазовымъ? Я бы воспѣвалъ тогда свою вѣру въ то, что волкъ станетъ овцою, и какъ овца, будетъ блеять поэтъ". Когда пріятели укоряли его за эти пѣсни личнаго счастья, указывая на ихъ несоотвѣтствіе съ окружающимъ его горемъ, Вазовъ эгоистически-простодушно оправдывался: „я не виноватъ въ томъ, что на дворѣ холодно; мнѣ тепло,—и я пою". Но такъ долго продолжаться не могло. Самъ Вазовъ, спрашивая, что такое душа поэта, отвѣчаетъ: „натянутая струна, что дрожитъ при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра и на всякій ударъ и вихрь бури отвѣчаетъ пѣснью". Поэтъ—эхо окружающей его жизни, а Болгарія переживала тогда тоже весну, но весну не любовныхъ пѣсенъ, а народнаго освобожденія, рождавшагося не безъ труда.

„Давно уже цѣлая вереница сѣятелей возрожденія, начиная отъ аѳонскаго монаха Паисія и кончая Левскимъ, вспахала духовную ниву Болгаріи и бросила въ нее сѣмя самосознанія. Теперь эти сѣмена всходили пышнымъ урожаемъ". Весною 1876 г. цѣлая Ѳракія, сердце и фокусъ всего движенія, по словамъ Вазова, походила уже на вулканъ, который издавалъ глухой шумъ, предвѣстникъ изверженія. Рой апостоловъ и проповѣдниковъ бо-

роздили во всѣхъ направленіяхъ и горы и поля и организовали борьбу. Народъ, жадный услышать великое слово свободы, нетерпѣливый понести крестъ свой на Голгоѳу, принималъ ихъ съ раскрытыми объятіями и сердцами. Стоило сказать: будь готовъ, тебѣ надобно умереть!—и церковь высылала своего священника, школа—учителя, поле—ратая, мать—сына. Идея съ стихійной силой проникла всюду, охватывала все—и Балканы, и равнину, и хату бѣдняка, и келью монаха. Даже чорбаджіи, недавніе пріятели турокъ не находили въ себѣ силъ ей сопротивляться... Воодушевленіе росло и заливало все. Каждый день принимало оно новые размѣры и новую силу, а вмѣстѣ съ нимъ росли и приготовленія. Старъ и младъ принялись за работу. Поселяне бросали недопаханными свои нивы, чтобы лить ядра, а горожане оставляли свою торговлю; молодежь выходила на военное ученье съ ружьями подъ командой сотниковъ и десятниковъ; женщины шили рубахи и пекли сухари. Во всякомъ селѣ былъ складъ оружія, ядеръ и пороху,—порохъ доставляли сами турки; стволы черешень, проверченные, обдѣланные и обтянутые желѣзными обручами, образовали артиллерію! А шелковыя знамена съ вышитыми золотомъ львами, фантастическія одежды, кресты и хоругви составляли декорумъ наступающей борьбы. Общее опьяненіе удѣлилось даже дѣтямъ, которыя замѣнили свои обычныя игры военными упражненіями съ деревянными саблями. По рукамъ ходила загадка съ цифрами и церковными буквами, комбинація которыхъ давала двойной результатъ: 1876 и „Турція падетъ“. Старые люди въ изумленіи говорили: „это знаменіе Божіе“. Но знаменій небесныхъ, которыя бы предвѣщали бурю, не было. Напротивъ, очень ранняя весна въ 1876 г. превратила всю Ѳракію въ райскій садъ. Розовые сады расцвѣли чудно и роскошно, какъ никогда. Поля и нивы сулили великолѣпныя жатвы, которыхъ некому было убирать...

И въ нѣколко деня, тайно и полека
Народътъ пораснте на нѣколко вѣка...

Потомство—пишетъ Вазовъ—будетъ удивляться тому умственому опьяненію, тому возвышенному безумству, которое овладѣло тогда народомъ, возмечтавшимъ своими ничтожными до смѣшного средствами одолѣть еще страшную, военную имперію. Да и не одно потомство,—сами дѣятели этой борьбы, отрезвѣвъ, дивились своему тогдашнему настроенію“.

„Когда первый разъ замѣтилъ мой отецъ—разсказываетъ Ва-

зовъ уже о себѣ—что мы шевелимся, что затѣваемъ что-то тайное и безумное, онъ нахмурился и представилъ мнѣ всю нелѣпость этого невозможнаго предпріятія, сказавъ: „мы находимся въ самомъ чревѣ ада!“ Никогда не забуду я этихъ выразительныхъ словъ. Увы! они были истинны. Мы находились въ самой серединѣ, въ объятіяхъ тирановъ, и никакой помощи нельзя было ждать ни откуда и ни отъ кого. Для Герцеговины убѣжищемъ была Австрія и Черногорія; передъ Критомъ раскрывался свободный просторъ Средиземнаго моря; мы имѣли у себя только Турцію—страшную сѣть цѣпей, которыя готовы были охватить наши ноги при первомъ нашемъ движеніи. Сила Турціи была для насъ тѣнью, наша слабость доводомъ необходимости борьбы! Идеалъ высился передъ нами прекрасный, величественный, страшный. Умы чувствовали, сердца мыслили... Общій потокъ увлекалъ, и спустя немного времени отецъ послѣ долгаго разговора сказалъ мнѣ: „И такъ, и такъ—все умирать; по крайней мѣрѣ...“ И его охватило общее увлеченіе. Точно какой-то дымъ застилалъ наши глаза. Турки не казались уже опасными... Одинъ молодой человѣкъ, встрѣтивъ однажды на дорогѣ турка, вскочилъ ему на спину и проѣхалъ на немъ съ полъ-километра, а потомъ соскочилъ, сказавъ: „Такъ будемъ на васъ теперь ѣздить, читаки!“

Только мертвый могъ остаться въ сторонѣ отъ этого движенія, а что же говорить о поэтѣ. Въ первомъ же стихотвореніи „Новонагласената гусла“, начинающемъ первый печатный сборникъ его стиховъ „Прѣпорецъ и гусла“ (1876), Вазовъ порвалъ свои старыя струны. „Несчастный слѣпецъ! восклицаетъ онъ: я воспѣвалъ цвѣты, я славилъ жизнь, а не видѣлъ, въ какомъ горѣ и страданіи живутъ мои братья... Довольно безплодныхъ мыслей! Отнынѣ не сойдутъ съ устъ моихъ пѣсни долга, пѣсни о свободѣ“. И съ этихъ поръ мирный пѣвецъ любви обращается въ пѣвца тѣхъ историческихъ событій, которыя, слѣдуя одно за другимъ, привели къ освободительной войнѣ 1877—1878 г. Стихотворенія „Новонагласената гусла“ помѣчено 2 сентября 1875 г., а весною слѣдующаго года уже разыгрались давно подготовлявшіяся событія. Лава потекла изъ вулкана. 19 апрѣля поднялось Панагюрище, 20-го—Копривщица, а спустя 6 часовъ послѣ нея Клисура... Слова становились дѣломъ, мечта дѣйствительностью. И началась бойня христіанъ турками. Обнаружилось то, что для посторонняго наблюдателя было яснымъ давно: начатое дѣло было „недоноскомъ“. Оно умерло, едва успѣвъ начать жить: борьба обратилась въ паническій страхъ. Здравый

разумъ назвалъ бы ее безуміемъ, народы — срамомъ, исторія — преступленіемъ", но Богу угодно было иначе: возстаніе не удалось, но, подавляя его, турки перешли всѣ границы человѣчности и дали міру—Батакъ.

Батакъ! Это имя небольшой деревушки, затерявшейся въ нѣдрахъ Родопъ, въ первыхъ дняхъ мая 1876 г. прогремѣло на весь міръ, воочію показавъ, что значитъ турецкое господство. Выманивъ сперва у жителей оружіе, турки начали рѣзать беззащитныхъ людей. Какъ „трепетные агнцы", подходили болгары подъ сѣкиру своихъ мучителей. Топоръ безпрестанно подымался и опускался, и головы отлетали, заливая землю горячимъ ручьемъ крови, а другія помѣщались на деревянную перекладину. Ни плача не срывалось, ни мольбы, ни сожалѣнія о жизни! Нечеловѣческій ужасъ—говорятъ очевидцы—сковалъ уста, притупилъ чувствительность, уничтожилъ сознаніе чего бы то ни было... Всякій, точно загипнотизированный, ждалъ съ безсмысленнымъ спокойствіемъ и съ мертвеннымъ лицомъ своей очереди, а когда наставалъ его чередъ, быстро раздѣвался, бросалъ свою одежду и деньги башибузукамъ и блѣдный, какъ стѣна, самъ оттаскивалъ обезглавленный трупъ къ кучѣ другихъ такихъ же и ложился на его мѣсто подъ ударъ топора. Рѣка потекла кровью и когда два мѣсяца спустя англійскіе корреспонденты явились въ Батакъ, кони ихъ по колѣни утопали въ мясѣ труповъ. Ужасъ охватилъ всѣхъ, въ комъ еще жива была хоть капелька человѣческаго чувства, ибо въ Батакѣ во весь свой ростъ предсталъ и обрисовался передъ міромъ человѣкъ-звѣрь. Какъ бы строго кто ни судилъ болгаръ, всякое слово осужденія онѣмѣло бы послѣ Батакской рѣзни. Господь услышалъ стоны зарѣзанныхъ дѣтей и старцевъ, ни въ чемъ неповинныхъ жертвъ злодѣйства, и оправдалъ слова Вазова, написанныя имъ 23 іюля 1876 г., когда всякое сопротивленіе было уже подавлено турками:

Не! не загина всяка надежда:
Въ мене живѣе вѣра гореща!
.
Скоро яремътъ ще се разбие,
Светата правда пакъ ще надвие!
Тазъ кръвь невинна, тамо проляна,
Ще се издигне връху тирана.
Въ ярость и въ буря, въ пламенъ и въ мълний—
Потопъ ще стани да го погълни!
Тѣзъ майки клѣти звѣрски распрани,
Тѣзъ дѣца дребни грозно исклани,

Тѣзъ момци храбри, тѣзъ мѫченици:
Тамъ на бѣсило, или въ тъмници;
Тѣзъ моми жални, ангели красни,
Въ пламъкъ умрѣли, въ мѫки ужасни...
Тѣзъ клетви, сълзи, вопли въ народа
Ще родѫтъ, вѣрвамъ, наш'та свобода.

Еще по балканскимъ долинамъ стлался дымъ отъ сожженныхъ турками деревень, еще не сгнили трупы посѣченныхъ ими людей, а уже началась сербско-турецкая война, гдѣ болгаринъ, сербъ и русскій доброволецъ стали рука объ руку, сражаясь „за крестъ честной и за свободу золотую“. Пораженіе при Джюнисѣ закончило эту войну неудачею. Неудачею окончилась и мирная Цареградская конференція державъ: Турція не приняла предложенныхъ ей реформъ. Но уже близокъ былъ часъ суда. Гладстонъ послѣ Батака взывалъ къ негодованію Европы въ своихъ „Болгарскихъ ужасахъ“, Викторъ Гюго — въ своихъ стихахъ. Россія, вѣрная вѣрѣ православной, вступилась не словомъ, а дѣломъ за братьевъ, и раздалось въ Москвѣ слово Царя-Освободителя, призывавшее русскій народъ во имя долга и чести пожертвовать своимъ имуществомъ и кровью за освобожденіе болгаръ отъ мусульманскаго ига, а народъ, уже давно высылавшій своихъ сыновъ на кровавое поле битвы, только и ждалъ, что царскаго слова. Надъ Болгаріей восходило солнце свободы, и при первыхъ ея лучахъ съ радостнымъ трепетомъ обратились къ ней изстрадавшіяся, измученныя въ пятивѣковомъ рабствѣ сердца обездоленнаго болгарскаго народа. Тогда-то раздался торжественный и величавый гимнъ Вазова „Русия“.

О, здравствуй ти, Русио мощна.
. Ела, ела къмъ насъ!
България сега те вика!
Часътъ настана: твой завѣтъ
И твойта мисия велика
Да ги испълнишъ въ тоя свѣтъ!
За туй си ти прочута, славна,
И друга нѣмашъ съ тебе равна;
За туй обемашъ полусвѣтъ —
Царства, народи, океани
И нѣмашъ изгледъ, край и четъ;
За туй те Богъ до днесъ забрани
Отъ толкова бѣди, душмани;
За туй можа да съкрушишъ
Мамая ханъ и Бонапарта;
За туй врага се ти страшишъ,

...личная библиотека * Всес...

Кога те гледа и на карта;
За туй зовешъ ти си света
За туй те любимъ, кат' баща
И чакаме, като Месия:
За туй си ти Русия!

Печальное зрѣлище представляетъ собой исторія междунанародныхъ отношеній: нѣтъ почти въ ней страницы, которая не была бы забрызгана кровью, пролитою изъ-за мелкихъ побужденій, корысти, ложной чести или гордости. Но есть среди этого длиннаго ряда темныхъ страницъ такія, которыя все искупаютъ своей высокой нравственной красотой, которыя поднимаютъ въ груди вѣру въ человѣка, вѣру въ его благородство, въ силу добра и правды. Такую страницу дала исторіи великая освободительная война 1877—1878 г., когда, повинуясь лучшимъ влеченіямъ человѣка, сталъ одинъ народъ въ защиту другого, жертвуя за него тѣмъ, больше чего нѣтъ у человѣка ничего — жизнью.

VI.

Что же дѣлалъ Вазовъ, когда раздался первый залпъ изъ болгарской деревянной пушки, вызвавшій потомъ громовое эхо русскихъ орудій? Его родной городъ не присоединился къ общему движенію, но на Вазова было уже обращено вниманіе турокъ. Оставаться въ Сопотѣ долѣе было немыслимымъ, и 23 апрѣля, закопавъ въ погребѣ свое единственное достояніе — объемистыя тетради одъ и поэмъ, заключенныя въ оловянный ящикъ, Вазовъ, окруженный со всѣхъ сторонъ зловѣщимъ заревомъ пылающихъ деревень, бѣжалъ сперва въ Пловдивъ, а потомъ въ Царьградъ. Но и здѣсь было небезопаспо, а потому, сѣвъ скорѣе на отходившій въ Галацъ пароходъ, онъ отправился на добровольное изгнаніе—въ уже знакомую ему Румынію.

Почему не сталъ онъ въ ряды бойцовъ за родину, онъ, который не далѣе, какъ 8 апрѣля, писалъ—и, конечно, искренне—что его „кровь принадлежитъ Болгаріи"? Не онъ ли въ стих. „На бой!" звалъ въ битву друзей, предлагая имъ вмѣстѣ умереть за отечество? Не онъ ли запятналъ въ стих. „На Гергьовъ—день" оставшійся среди общаго возбужденія спокойнымъ городъ К.? Что же заставило его въ рѣшительную минуту бѣжать? Отвѣтъ на этотъ вопросъ одинъ: Вазовъ никогда не былъ активной натурой. Недаромъ въ стихотвореніи „Пѫтникъ и Витошъ-пла-

нина“ онъ, призывая родную Витошъ вспомнить о былой своей гордости и пробудить спящія въ ея темныхъ облакахъ бури, проситъ и въ него влить гнѣвъ и бодрость, самъ не находя ихъ въ себѣ. Въ „Тѫгитѣ на България“, вспоминая о гибели своего товарища Каблешкова, онъ, оглядываясь при этомъ на себя, откровенно сознается:

А ази? Азъ ослабнахъ,
Свѣтътъ ми домилѣ,
Азъ сабята не грабнахъ
И катъ герой не паднахъ
На бойното поле.
Останахъ да живѣѭ
Безъ полза на свѣта
И съ гусла си да пѣѭ
Народната бѣда.

Укорять ли Вазова за это? Нѣтъ! По дару и дѣло. Каждый долженъ служить родинѣ, какъ умѣетъ и можетъ. Воля и мечъ Болгаріи воплотились въ Ботевѣ, мысль и знаніе въ Любенѣ Каравеловѣ, чувство въ Вазовѣ. Съ натурой мягкой, воспріимчивой и нѣжной, онъ былъ рожденъ не для кровавой борьбы, а для поэтическаго вдохновенія и даръ своихъ пѣсенъ не закопалъ въ землю. Провозгласивъ въ извѣстномъ уже намъ стихотвореніи, что отнынѣ будетъ онъ послушенъ долгу и будетъ пѣть только пѣсни о свободѣ, онъ остался вѣренъ этимъ словамъ. Съ тѣхъ поръ ни одной ноты о любви, ни одного звука о личномъ счастьѣ не сорвалось съ его гусель: онъ пѣлъ только Болгарію, ея страданія и подвиги. Первый печатный сборникъ его стиховъ „Прѣпорецъ и гусла“, изданный въ Бухарестѣ, и слѣдующій за нимъ, написанный въ изгнаніи, „Тѫгитѣ на Блъгария“,—это живая лѣтопись событій, это откликъ изстрадавшагося болгарскаго сердца на каждый подвигъ, оросившій Балканы напрасно пролитой за родину болгарскою кровью, на каждую вѣсть, что погребальнымъ звономъ доносилась съ его родины, это — вопль негодованія на тиранію турокъ и на ихъ цивилизованныхъ защитниковъ въ Европѣ, это выраженіе надежды людей, которые contra spem sperant, ибо вѣрятъ въ правосудіе Божіе. Устами Вазова говорила Болгарія, и въ этомъ его не только оправданіе, но и заслуга передъ родиной.

Когда Вазовъ прибылъ въ Румынію, онъ еще засталъ тамъ Ботева, который собиралъ себѣ чету охотниковъ съ мыслію завладѣть австрійскимъ пароходомъ „Радецкій“ и перебраться на

немъ въ Болгарію, но не прошло и мѣсяца, какъ уже въ стихотвореніи „Радецки“ Вазову пришлось оплакать смерть своего товарища по изгнанію. Каждый день приносилъ все новыхъ и новыхъ изгнанниковъ. Черезъ Дунай, черезъ Царьградъ и Браиловъ, черезъ Вѣну, одни по желѣзной дорогѣ, другіе на лошадяхъ, а третьи пѣшкомъ, приходили они, пѣшіе, оборванные, блѣдные, больные, несчастные. Тяжело было смотрѣть на этихъ людей безъ крова, безъ средствъ, безъ знакомыхъ, безъ одежды, носившихъ въ сердцѣ своемъ воспоминанія объ ужасахъ, которыхъ они были свидѣтелями. Въ Бухарестѣ ихъ сборнымъ пунктомъ была кондитерская „Трансильванія“. Здѣсь не мало времени провелъ и Вазовъ, съ нетерпѣніемъ развертывая каждый день газету въ надеждѣ найти въ ней хоть что-нибудь отрадное. Но отраднаго было мало. Между тѣмъ Вазовъ жилъ общею жизнью съ тогдашними эмигрантами и, когда подъ грохотъ пушекъ при Моравѣ образовался въ Бухарестѣ такъ называемый Центральный Благотворительный Комитетъ,—онъ вошелъ въ его составъ. Задачею комитета, пользовавшагося поддержкой русскихъ славянскихъ благотворительныхъ обществъ, было пересылать болгарскихъ добровольцевъ въ Сербію и снабжать ихъ всѣмъ необходимымъ для пути. Позднѣе, во время Цареградской конференціи, комитетъ созвалъ свой общеболгарскій сеймъ, и когда въ Царьградѣ рѣшали судьбу Болгаріи, въ Бухарестѣ она подавала свой голосъ, выражая черезъ сеймъ свои идеалы и надежды. Внѣшняя дѣятельность комитета была шумна и въ началѣ даже торжественна:—изъ его среды летѣли въ Европу записки и мемуары; гордый своей миссіей, онъ разсылалъ благодарственныя депеши за сочувствіе къ Болгаріи Гладстону, лорду Росселю, Гарибальди, Гюго, раздавалъ димпломы на званіе почетныхъ членовъ Аксакову, генералу Фадѣеву, Черняеву, велъ обширную корреспонденцію, издавалъ газету; — но подъ этой внѣшней торжественностью таилось самое печальное существованіе. Голодные и разочарованные, ворочались изъ Сербіи цѣлыя толпы ропщущихъ добровольцевъ, а накормить ихъ и пріютить было не на что: всѣ денежные источники изсякли. Изъ прежняго своего помѣщенія комитетъ переселился въ одну изъ глухихъ и отдаленныхъ улицъ. Здѣсь его члены тѣснились въ нѣсколькихъ меблированныхъ комнаткахъ, сырыхъ и темныхъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ рѣдко-рѣдко когда зажигали огонь; тутъ они мерзли, голодали, болѣли, но бодро ожидали весны, чреватой безчисленными надеждами. Въ такой-то комнаткѣ—пишетъ Вазовъ—сырой, съ подгнившими

стѣнами, съ запахомъ плѣсени провелъ зиму и я съ корреспондентомъ „Новаго Времени“ Висковскимъ, нетерпѣливо ожидая гонорара отъ „Новаго Времени“, чтобы купить для нашей печки дровъ, которыхъ она еще не видала, но вожделѣнный гонораръ не приходилъ и не пришелъ въ теченіе цѣлой зимы,—и должны были мы выискивать у себя разорванной обуви, какой-нибудь забытой въ чемоданахъ вещи или платья, чтобы продать ее евреямъ и обмануть свой голодъ на день-другой,—о дровахъ нечего было и думать: они были для насъ роскошью. Мы сокращали свои потребности до minimum'a, и изъ спартанской наша жизнь превратилась въ аскетическую. Но молодость брала свое; мы переносили нужду геройски, даже находили и вдохновеніе. Обогрѣвшись въ какой-нибудь изъ кондитерскихъ, я писалъ тогда свои „Тѫгитѣ на България“. Какъ въ 1876 году, такъ и теперь, Вазовъ не переставалъ вѣрить въ близкій конецъ турецкаго ига, въ торжество правды. И онъ дождался этого торжества...

Когда русскія войска перешли черезъ Прутъ, комитетъ объявилъ себя закрытымъ. Его существованіе было теперь лишнимъ. Дѣло Болгаріи, которое онъ защищалъ, принимала на себя Россія. Читатели знаютъ, какъ Вазовъ привѣтствовалъ рѣшеніе Россіи вступиться за братьевъ. Но у Вазова есть и еще одно стихотвореніе „Расходка до Баняса“, гдѣ онъ описываетъ уже свои личныя чувства въ ту минуту, когда онъ впервые увидѣлъ русскія войска, шедшія спасать его родину. Это описаніе по силѣ и теплотѣ чувства можетъ быть поставлено на ряду съ подобнымъ же поэтическимъ описаніемъ въ XI-й книгѣ „Пана Тадеуша“ Мицкевича. „Да идемъ, да видимъ войскитѣ на Царя!“— такъ начинается это замѣчательное стихотвореніе. „Да идемъ, съсъ радость каза ми другаря“. И они пошли на встрѣчу подходившему къ Бухаресту русскому отряду, пошли и задумались о своей Болгаріи, которой „все дала природа, кромѣ свободы“. И вотъ послышался вдали топотъ конскихъ копытъ.

„Идатъ!“ Стреснахъ се. Отъ ближния хълмъ
Вѣтъра принесе топотъ и гръмъ.
Прахъ гѫстакъ вдигна се. Къмъ нази прѣпуска
Съ прѣпорци развити конницата русска...
Азъ гледахъ, азъ гледахъ. Тѣ идяхѫ тамъ!
Отъ радость, вълненье поимахъ едвамъ...
Тѣ идяхѫ съ пѣсни на врани конье,
Като че на свадба, а не на кланье.
Русситѣ! Това сѫ азъ си хорутувахъ,
За кои мечтаяхъ, за кои сънувахъ,

За кои народа плачеше до днесь
И съ вѣра търпеше страшната си честь;
Кой въ своитѣ скърби сладко се тѣшеше,
Името имъ само като споменеше...
На кои въ ума си, малки ощ' дѣца,
Виждахме съсъ трепетъ мѫжкитѣ лица;
За които вечерь, (о какъ сладко бѣше!),
Баба ни въвъ кѫта като ни сбереше,
Съ раскази чудесни души ни плѣнеше.

Тѣ идяхѫ стройно и пѣяхѫ тамъ.
И тѣхната пѣсень, като въ нѣкой храмъ,
Се пръскаше грьмко вредъ подъ небосвода
И лѣйше въ гърдитѣ мисьль и свобода.

. .

И катъ гледахъ тие силни легиони
Улани, хусари, войнственни драгони,
На степитѣ дяца, родени за бой,
Волни катъ небето, буйни катъ порой,
И като помислихъ, че сичкитѣ тия
Идатъ да умиратъ зарадъ България,
И катъ си помислихъ и като гледахъ
Сичко туй—плакахъ!

Такими же слезами плакалъ Вазовъ и 14 іюня 1877 г., когда затерянный въ толпѣ, увидѣлъ онъ впервые императора Александра въ коляскѣ съ румынской княгиней, осыпаемаго дождемъ цвѣтовъ и громовыми криками „ура". Это были чистыя и свѣтлыя слезы радости, слезы благодарнаго болгарскаго сердца. Но для Вазова не сразу и теперь начались лучшіе дни.

Введенныя въ заблужденіе нѣмецкими газетами, русскія власти сначала отнеслись къ членамъ бывшаго комитета подозрительно и учтиво отклоняли всѣ ихъ предложенія участвовать активно въ дѣлѣ освобожденія. Имъ не позволили даже вступить въ ополченіе. „Горькое и мучительное чувство вызывало въ нашихъ душахъ это пренебреженіе, оказанное намъ въ награду за нашу честную патріотическую дѣятельность. Нѣкоторые изъ насъ положительно голодали, но еще тяжелѣе были муки нравственныя, что всѣ впрочемъ тщательно скрывали. Въ числѣ ихъ былъ и я", пишетъ Вазовъ. Только 25 іюня Вазова съ товарищами позвалъ наконецъ къ себѣ князь Черкасскій, которому поручено было устроить управленіе въ Болгаріи, и объявилъ ему, что онъ назначенъ переводчикомъ при новоназначенномъ систовскомъ губернаторѣ, Геровѣ. На слѣдующій день Вазовъ вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ товарищей уже выѣхалъ изъ Бухареста, и черезъ

день они стояли у Дуная, въ виду той Болгаріи, которая доселѣ для нихъ, изгнанниковъ, была такъ близко и такъ недосягаемо далеко. „Помню, пишетъ Вазовъ, съ какимъ восторгомъ мы пили горстями мутную воду Дуная, свободную воду Дуная, какъ мы говорили“.

Переводчикомъ Вазовъ не сдѣлался. Геровъ ухватился за волосы, когда услышалъ его русскій языкъ,—онъ былъ опредѣленъ писцомъ и сталъ такимъ образомъ однимъ изъ первыхъ болгаръ, образовавшихъ сѣмя будущаго болгарскаго чиновничества. Съ этихъ поръ мы видимъ его на службѣ сперва въ Систовѣ, потомъ, если не ошибаемся, въ Рущукѣ — кажется, его личныя воспоминанія объ этомъ времени слышны въ романѣ „Нова Земя“—и наконецъ въ Берковицѣ, гдѣ онъ занималъ во время русской оккупаціи должность судьи. Въ Систовѣ прошли передъ Вазовымъ всѣ событія освободительной войны. Здѣсь же узналъ онъ и о смерти своего отца, который послѣ отступленія Гурки изъ Сѣверной Ѳракіи не пожелалъ бѣжать изъ Сопота, не вѣря, чтобы турки могли взять верхъ надъ русскими войсками, и, зарѣзанный башибузуками, палъ жертвою своей вѣры въ непобѣдимость русскаго оружія. Но личное горе, какъ ни было оно велико, не омрачило общаго тона поэзіи Вазова за это время: оно должно было замолкнуть передъ радостью освобождаемой Болгаріи, и недавній поэтъ ея „скорбей“, Вазовъ превратился теперь въ пѣвца ея „освобожденія“. Такъ назывался третій печатный сборникъ его стиховъ—„Избавление“,—являющійся, какъ историческая лѣтопись, прямымъ продолженіемъ двухъ первыхъ. „Избавление“—это восторженный гимнъ русскому оружію, начиная отъ перваго грохота нашихъ пушекъ и кончая взятіемъ Плевны. Герой этой исторической поэмы — Царь-Освободитель, „славянскій царь“, какъ называетъ его Вазовъ, и, конечно, у императора Александра II не было пѣвца болѣе искренняго и воодушевленнаго. Не лесть, а искренняя благодарность и восторгъ водили здѣсь перомъ Вазова, и потому эти стихотворенія дороги намъ, какъ голосъ вѣрнаго и преданнаго друга. Нѣкоторымъ диссонансомъ въ „Избавленіи“ служатъ только напечатанныя въ концѣ его нѣсколько неудачныхъ эпиграммъ и рѣзкихъ выходокъ противъ султана и англійскаго консула въ Одринѣ. Прославляемыя событія были слишкомъ велики, чтобы рядомъ съ ними сводить старые, хотя бы и народные, счеты. Сборникъ Вазова представлялъ бы художественное цѣлое, если бы окончился стихотвореніями „Падна Плѣвенъ!“—и „Чувства по новата го-

дина". Въ этомъ послѣднемъ стихотвореніи, встрѣчая первый годъ въ своей жизни не какъ турецкая райя, а какъ свободный человѣкъ, поэтъ пишетъ: „Годъ радости! Я встрѣчаю тебя не съ пѣснями и восклицаніями, не съ чашею пѣнистаго вина, не съ шумомъ и убивающей духъ суетою, но съ трепетомъ сердца, съ вѣрой и молитвой, встрѣчаю, какъ ангельское благовѣстіе, какъ зорю радостнаго дня. Да начнется у насъ съ тобою жизнь новая и славная, въ твоихъ громахъ да выростетъ новое и великое поколѣніе, да исторгнемъ мы, какъ ненужные плевелы, всякую вражду, мракъ и страсти, эти послѣдніе слѣды ига, и да царствуетъ у насъ священный законъ равенства и правды. Пусть узнаетъ свѣтъ, что недаромъ пролилась за нашъ народъ русская кровь"!

Для Болгаріи начиналась новая жизнь. А вмѣстѣ съ тѣмъ и ея пѣвецъ вступилъ въ новый, третій періодъ своей литературной дѣятельности. Достиженіе свободы ставило передъ болгарскимъ народомъ новую задачу: какъ ею воспользоваться, куда итти. Сумѣетъ ли онъ послѣ пятивѣковаго ига войти въ колею самостоятельной государственной жизни и выбрать себѣ правый путь — вотъ вопросъ, который представляло теперь разрѣшить Болгаріи. Новое время принесло съ собой и новыя пѣсни.

VII.

„Въ іюлѣ 188... г."—такъ начинается одна изъ повѣстей Вазова съ ясно выраженнымъ мѣстами автобіографическимъ характеромъ — Дончо Искровъ, верхомъ на тощей извозчичьей лошади, приблизился къ одному изъ разоренныхъ въ русско-турецкую войну городовъ Ѳракіи. Съ бьющимся отъ волненія сердцемъ въѣхалъ онъ въ первую улицу и миновалъ два ряда низкихъ, старыхъ, бѣдныхъ избушекъ. Онъ всматривался въ каждую стѣну, ворота, окошечко и видѣлъ, что они все тѣ же, какими онъ ихъ помнилъ съ дѣтства. Никакихъ слѣдовъ опустошенія. Нѣсколько прохожихъ привѣтствовали его, называя по имени. Онъ имъ отвѣтилъ, но ихъ не узналъ. Улица заканчивалась колодцемъ, отъ котораго другая улица вела къ площади, гдѣ стоялъ ихъ домъ... Онъ помнилъ все это отлично и, какъ говорится, съ закрытыми глазами могъ бы дойти до дома. Подъѣхавъ къ колодцу, онъ хотѣлъ повернуть въ другую улицу, но... ея не было тамъ! Онъ остановился въ изумленіи. Передъ нимъ

раскрылось пустое пространство, безконечная безобразная площадь, усѣянная развалившимися стѣнами, кучами камня, поросшими крапивой, ямами и выбоинами, покрытыми бурьяномъ, кое-гдѣ торчащими обломками стѣнъ и одинокими печными трубами, похожими на скелеты. Это было все, что сохранилось отъ нѣсколькихъ кварталовъ, образовавшихъ серединную и наилучшую часть города.

Дончо напрасно напрягалъ зрѣніе, стараясь узнать хоть что-нибудь на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то кипѣла жизнь и протекло его дѣтство. Никакихъ слѣдовъ отъ ихъ дома не осталось: ни русла отъ ручья, что журчалъ по двору и веселилъ его, ни пней отъ старыхъ буксовъ, что росли у стѣны, ни даже сухого ствола груши, на которой висѣлъ фонарь, когда они ужинали. Едва-едва удалось ему открыть въ заросшей травой ямѣ запыленный обломокъ печной трубы; тамъ черепаха, высунувъ свою головку, глядѣла на него съ любопытствомъ, точно спрашивая, что ему здѣсь нужно. Этотъ дворъ покрытый пылью и бурьяномъ, не узнавалъ его уже болѣе, кахъ не узнаетъ покрытый саваномъ мертвецъ окружающихъ его домашнихъ.

— О, свобода, дорого стоишь ты народамъ! Оттого ты такъ и мила имъ... Ты точно фениксъ, что возрождается къ новой жизни изъ праха... Будь же благословенна, о свобода! проговорилъ Искровъ и слезы потекли по его щекамъ"...

Дончо Искровъ это Иванъ Вазовъ, который въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ послѣ долгаго отсутствія изъ родительскаго дома, пріѣхавъ снова въ Сопотъ, увидѣлъ тамъ однѣ развалины— „жалкое пепелище дѣтскихъ радостей". 22-го іюля 1882 г. посѣтилъ онъ долину Лѣевица, гдѣ ровно пять лѣтъ тому назадъ погибъ отъ турецкаго ножа его отецъ. Только здѣсь, въ этой старопланинской долинѣ, гдѣ вѣтеръ разнесъ непогребенныя кости его отца, только на развалинахъ Сопота, развалинахъ всей прошлой жизни, впервые почувствовалъ Вазовъ, какая непроходимая грань отдѣлила прошлое болгарскаго народа отъ выбивающейся изъ-подъ обломковъ стараго, пока хотя и въ видѣ бурьяна, молодой жизни будущаго.

Сопотъ въ началѣ 80-хъ годовъ отражалъ въ себѣ въ миніатюрѣ всю Болгарію. Пустыремъ стояли города и мѣстечки, особенно по ту сторону Балканъ въ новообразованной Восточной Румеліи. Но еще большій пустырь представляла собой умственная и политическая жизнь молодого княжества. До освобожденія все было ясно: одинъ идеалъ былъ у всѣхъ, простой и очевид-

ный: свобода. Но вотъ мечта поколѣній осуществилась, желанная свобода была достигнута. Что же предстояло дѣлать теперь? Гдѣ теперь былъ идеалъ будущаго? Передъ этимъ вопросомъ въ сомнѣніи останавливался болгарскій умъ. Россія, освободивъ Болгарію, обучила ей войска, дала государственный уставъ, устроила судъ и администрацію, весь механизмъ государственной машины, но душу въ эту машину долженъ былъ вложить самъ болгарскій народъ, въ его рукахъ было теперь все его будущее, а куда идти и что дѣлать, онъ не зналъ. Пятивѣковое рабство не проходитъ даромъ. Въ безправной и безмолвной райѣ, которая знала только одно—повиновеніе, столѣтіями атрофировалась политическая мысль и способности, и теперь внезапно не могло изъ праха появиться государственное сознаніе. Радостная заря наступающаго утра, которую привѣтствовалъ Вазовъ въ 1878 г., разрѣшилась сѣрымъ и дождливымъ днемъ.

И полѣзли изъ щелей
Мошки да букашки.

То, что во времена турецкаго владычества таилось въ кругу частныхъ и семейныхъ отношеній, мелкія страсти, честолюбія, корыстныя побужденія, все это нашло теперь для себя новый выходъ и болѣе широкое поприще, все выплыло наружу и заполнило собой отношенія государственныя. Конечно, среди этого пышнаго разроста плевелъ выбивалась наверхъ и трава жизни, но было трудно различить, гдѣ кроются настоящія сѣмена будущаго: оно вырабатывалось въ бурномъ и мутномъ кипѣніи.

Первые годы послѣ освобожденія совершавшаяся перемѣна не бросалась такъ рѣзко въ глаза Вазову: упоенный достигнутой народной свободой, осуществленіемъ своихъ завѣтныхъ цѣлей — счастье, такъ рѣдко выпадающее на долю человѣка — онъ невольно отдался вновь впечатлѣніямъ личной жизни. Но когда, возвратившись въ свою родную Ѳракію, а теперь автономную Восточную Румелію, сталъ онъ депутатомъ мѣстнаго областного собранія и членомъ постояннаго комитета при правителѣ области, кн. Алеко Богориди, будущее болгарскаго народа встало передъ нимъ во всей своей загадочности. Передъ этою загадкой онъ, какъ политическій дѣятель, оказался такимъ же безпомощнымъ дитятею, какимъ было тогда громадное большинство болгаръ. Безпомощность Вазова-политика отразилась и въ отсутствіи опредѣленныхъ общественныхъ идеаловъ у поэта. Бываютъ поэты съ даромъ пророческаго предвидѣнія, того прозрѣнія въ

даль грядущаго, за которое поляки называютъ поэта красивымъ и выразительнымъ словомъ — вѣщій, wieszcz. Вазовъ не изъ ихъ числа. Онъ не велъ за собою жизни, а только отражалъ ее. Онъ не путеводная звѣзда, а только арфа, на струнахъ которой дрожатъ всѣ боли и тревоги настоящей минуты, а такъ какъ въ то время въ обществѣ царили безпомощность и неурядица, то онѣ и отразились въ новомъ сборникѣ стихотвореній Вазова „Гусла“ въ томъ, конечно, видѣ, какой они получили, пройдя черезъ призму доброй и честной души поэта.

Всего два года отдѣляютъ „Гусла“ отъ „Избавленія“, но какая громадная разница лежитъ между ними! Здѣсь нѣтъ и слѣда прежняго юношески-восторженнаго настроенія, передъ взоромъ поэта не открывается безбрежныхъ далей свѣтлаго будущаго. Гимны смѣнились элегіями, оды—сатирами. Въ сатирахъ этихъ не звучатъ ноты мужественнаго, смѣлаго, энергичнаго негодованія; это не громовые удары, что освѣжаютъ воздухъ; это не патетическія рѣчи, что подымаютъ духъ; въ нихъ нѣтъ силы и иногда попадающіяся рѣзкія, даже бранныя выраженія только ярче указываютъ на это безсиліе. Это именно мелкій, безконечно льющійся дождь печали и разочарованія тѣмъ поколѣніемъ, въ которомъ Вазову хотѣлось видѣть новое, великое поколѣніе, тою свободною Болгаріей, къ созданію которой стремился народъ и въ которой теперь не находится мѣста для самихъ создателей болгарской свободы. Поэтъ съ горечью восклицаетъ:

Ехъ! свободно!... та що отъ това?
За такива ли дни живъ остахъ?
На таквазъ ли свобода расчитахъ?

Оглядываясь вокругъ себя, онъ видитъ только всеобщую апатію и — пустоту:

Пустота пълни всичко у насъ.
Чувства свѣтли мъртвешки заспали,
На доброто не чуй се гласътъ,
Новъ кумиръ замѣни идеали,
И расчетътъ владѣй, не духътъ.
Има шумъ, ала нѣма животъ.
.
Всяко дѣло ний почваме съ трясъкъ.
Крещимъ: Слава! Народъ! Идеалъ!
Но тозъ шумъ, но тозъ викъ, но тозъ блясъкъ,
Прѣплави ги—остая ти калъ!
Пущинакъ на народната почва...
Трнье, плевели... бѣдна страна!

Вотъ старый книгопродавецъ. Онъ 30 лѣтъ разносилъ по деревнямъ книги, зароняя въ душу крестьянскихъ дѣтей сѣмена науки; ходячій учитель болгарской исторіи, онъ перепродалъ безъ числа и букварей, и Эзоповыхъ басенъ, и историческихъ повѣствованій, и псалтырей, и Евангелій, просидѣлъ пять лѣтъ въ турецкой тюрьмѣ, потерялъ за это время жену и дѣтей, остался одинокъ, какъ колышекъ, на свѣтѣ, и что же онъ теперь дѣлаетъ? Разноситъ по улицамъ воду, чтобы не умереть съ голоду! Вотъ Македонскій, герой Гредетина. Гдѣ онъ теперь? Въ канцеляріи заброшеннаго городка заметаетъ метлой полъ! Вотъ сторожъ: удалой гайдукъ, онъ нѣкогда сражался за свободу родины, его грудь, украшенная Георгіемъ, покрыта ранами, а теперь съ утра до ночи стоитъ онъ за ничтожную плату на улицѣ, не находя себѣ лучшаго дѣла. А кто же находится на верху? Кто пользуется тою свободою, что они добыли кровью? Люди, что и пальцемъ не тронули въ дни былые. Съ однимъ идеаломъ впереди — власти, со словами „народъ“ на устахъ и съ мыслью о доходѣ въ душѣ, они, пристроившись къ теплымъ мѣстечкамъ, копятъ имѣнья, дружась съ недавними врагами, и спокойно бьется ихъ сердце. Для нихъ вѣра есть только средство ко лжи, правда—пустое слово, законъ—мертвая буква, свобода—западня для другихъ. „Мы народники!“ кричатъ они, а сами куютъ оковы для народа. „Мы свободны!“ кричатъ другіе, а сами попираютъ ногами слабыхъ. И поэтъ глубоко чувствуетъ свое одиночество въ этой шумной толпѣ героевъ бюджета, за которою, какъ боязливое стадо, стоитъ темный и несчастный народъ, чувствуетъ, что онъ лишній въ этой средѣ отъ честолюбци,

Отъ самохвальни мудреци,

Отъ безполезни родолюбци

И —

поэтъ не можетъ удержаться отъ рѣзкаго слова: —

Отъ непотрѣбни подлеци.

Но, если бы, однако, у самого поэта спросить, гдѣ же выходъ изъ этихъ терній и плевелъ, выросшихъ на образовавшемся послѣ освобожденія пустырѣ, гдѣ свѣтъ, у него не нашлось бы отвѣта.

А свѣтлото? Азъ го не видѭ.

Во имя чего же, самъ бродя во тьмѣ, онъ вооружился противъ современнаго ему общества? Во имя старыхъ еще изъ родительскаго дома вынесенныхъ основныхъ началъ нравственности. Можно было бы сказать: во имя патріархальной морали, если бы истины этой морали не были вѣчны и неизмѣнно жизненны. Доброе чувство, сознаніе долга къ ближнему, готовность самопожертвованія — вотъ что̀ даетъ ему мѣру для оцѣнки. Когда нѣкоторые изъ его политическихъ товарищей осмѣлились бросить ему укоръ въ недостаточномъ образованіи, утверждая, что человѣкъ, не имѣющій, какъ онъ, даже и гимназическаго диплома, не имѣетъ права занимать общественныя должности, онъ отвѣтилъ имъ прямо и открыто:

„Правда, я мало учился и не принесъ на родину плодовъ, которые выросли на чужбинѣ. Подъ нашимъ небосклономъ родился я и выросъ и однимъ только воздухомъ отечества дышалъ. Но — дикій самородокъ — на этой почвѣ дикой научился я еще смолоду вѣрить въ честность, въ любовь къ ближнему, въ стремленіе къ правдѣ, въ силу самопожертвованія. Я имѣю простодушіе думать, что одного ума недовольно, что нужно намъ и сердце, что нашъ кумиръ не въ золотѣ, что и безъ диплома можно быть честнымъ и добрымъ, если захочешь. Источникъ всего высокаго не во внѣшнихъ отличіяхъ, а въ нашей волѣ. Высокія мечты расцвѣтаютъ только въ человѣческомъ сердцѣ и только оттуда могутъ подыматься въ высь“ („Дѣдо Нисторъ“). Итакъ, сознаніе необходимости нравственныхъ началъ и въ области общественныхъ отношеній — вотъ въ чемъ заключается сила Вазова. Но здѣсь же открывается и его слабая сторона. Люди, противъ которыхъ онъ вооружается, выросли при старомъ порядкѣ. Корыстолюбіе, эгоизмъ, апатія, всѣ пороки, видъ которыхъ наводитъ на него уныніе, существовали въ такой же мѣрѣ и раньше. И если теперь они стали виднѣе, то это вызвано измѣненіемъ общественныхъ отношеній, а значитъ, протестуя противъ новой жизни, не довольно указать на несоотвѣтствіе ея съ нравственнымъ началомъ, надо еще умѣть приложить эти начала къ новымъ отношеніямъ, указать на опредѣленный и общественный идеалъ. Но именно этого идеала и нѣтъ у самого Вазова. Какъ политикъ и какъ писатель, онъ одинаково не знаетъ, какъ поправить дѣло. Подобно одному изъ своихъ героевъ, дѣдо Нистору, онъ въ новомъ мірѣ старый человѣкъ, пришлецъ съ того берега: „новые люди, возникшіе Богъ вѣсть откуда, ему чужды, а новые порядки противны“.

Говорятъ: на людяхъ и смерть красна. Но и жизнь только тогда хороша, когда мы въ мірѣ

Необходимое звено,
Со всѣмъ живущимъ заодно;

„Гусла" не имѣли успѣха. Между Вазовымъ и обществомъ легла цѣлая пропасть. Можетъ быть, новое поколѣніе было задѣто сатирой поэта, а можетъ быть, виною неудачи былъ сѣрый колоритъ сборника. Какъ бы то ни было, Вазовъ оказался „лишнимъ на пирѣ". Гдѣ же ему было найти утѣшеніе въ своемъ одиночествѣ? Въ работѣ? Онъ трудился безостановочно. Въ 1881 г. началъ онъ съ К. Величковымъ издавать свою газету „Народний гласъ". Въ Болгаріи во время войны прекратились всѣ прежніе серьезные органы. Не было матеріала для научнаго и полезнаго чтенія. Вазовъ въ томъ же 1881 г. вмѣстѣ съ Величковымъ, Бобчевымъ и престарѣлымъ Груевымъ предпринялъ въ Пловдивѣ изданіе „Науки", которую въ 1885-мъ году замѣнилъ новый журналъ—„Зора". Не было порядочной болгарской хрестоматіи. Вазовъ издалъ ее въ 1884 г. вмѣстѣ съ тѣмъ же Величковымъ. Еще раньше выпустилъ онъ въ свѣтъ свои „Стихотворенія за малки дѣца"—небольшую книжечку стиховъ для самыхъ маленькихъ дѣтей. Словомъ, онъ не сидѣлъ сложа руки. Но работа эта связывала его тысячью нитей съ той самой современностью, которой уколы онъ такъ болѣзненно чувствовалъ. И вотъ мы видимъ удивительное явленіе. Поэтъ, который пережилъ весь ужасъ „агарянскаго ига", который всю жизнь лелѣялъ въ груди идеалъ свободной и независимой Болгаріи, теперь, когда она стала свободной, обращаетъ взоръ назадъ и тамъ ищетъ для себя радостей и успокоенія отъ тяжелыхъ впечатлѣній настоящаго. А когда онъ устаетъ смотрѣть въ прошедшее, онъ уходитъ въ сторону и обращается къ вѣчной утѣшительницѣ всего живущаго, природѣ и удаляется въ свои родимыя „поля и гори". Таково названіе новаго сборника его стиховъ.

Какъ и прежніе сборники, онъ проникнутъ любовью къ родинѣ. Новыхъ мыслей сравнительно съ „Гуслами" въ немъ нѣтъ, но настроеніе иное. Подъ умиротворяющимъ дѣйствіемъ природы духъ поэта крѣпнетъ,—и даже самыя пѣсни о современности выходятъ у него крѣпче, бодрѣе, въ нихъ болѣе силы. Посадите сѣмя въ темный погребъ: оно выростетъ, но блѣдное, слабое, хилое; вынесите его на солнце: оно зазеленѣетъ, окрѣпнетъ и подымется вверхъ. Такова разница между сатирой Вазова въ

„Гуслахъ“ и въ сборникѣ „Поля и гори“. Смотря на настоящее, поэтъ уже утѣшаетъ себя мыслью, что

Великото и новото
Не идѫтъ много леко,

онъ вѣритъ, что надъ Болгаріей еще засіяетъ ясный день, отростутъ у нея крылья, и онъ находитъ въ себѣ силы для дѣйственной мольбы къ Богу о лучшемъ будущемъ, хотя внутреннія задачи Болгаріи остаются для него попрежнему въ туманѣ и онъ характерно проситъ Бога послать только нѣчто новое — нѣщо ново,

Нѣкой гений, нѣкой спасъ,
Нѣкой ударъ, като слово
Животворно зарадъ насъ.

„Поля и гори“ зрѣлѣе, глубже и разностороннѣе всѣхъ прежнихъ сборниковъ Вазова, но, несмотря на это, и они были встрѣчены критикой недоброжелательно. Неудивительно, что поэтъ подъ вліяніемъ этихъ неудачъ захотѣлъ наконецъ покинуть родину, эту тяжелую атмосферу партійныхъ счетовъ и страстей, гдѣ

Нѣма мѣста зарадъ пѣсни,
Нѣма часъ за любовьта.

и уѣхалъ въ Италію, думая найти тамъ успокоеніе отъ душевныхъ тревогъ.

Напрасная мечта! „Дикій болгарскій самородокъ“, поэтъ могъ полной грудью дышать только болгарскимъ воздухомъ и, едва оставивъ свою родину, онъ уже тоскуетъ по ея синему небосклону, по ея снѣжноглавому Гему и съ жадностью ловитъ на пароходѣ звукъ славянской рѣчи. „Въ счастливой Италіи — читаемъ въ одномъ изъ его стихотвореній,—когда поѣздъ гремя шелъ по роскошнымъ долинамъ среди померанцевыхъ садовъ и какой-то англичанинъ съ восхищеніемъ воскликнулъ: „это настоящій рай!“—я взглянулъ на него спокойно и сказалъ: „сэръ, я знаю лучшій рай“. И вспомнилъ я свои Балканы, свою прекрасную родину и вздохнулъ о нашей чудной Розовой долинѣ“. Путешествіе Вазова дало намъ новый сборникъ его стиховъ „Италия“, но не излѣчило поэта. Вскорѣ онъ былъ уже вновь въ своемъ родномъ Пловдивѣ, какъ разъ наканунѣ событій, которыя наложили свою печать на всю болгарскую исторію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на всю жизнь и дальнѣйшую дѣятельность Вазова.

6-го сентября 1885 г. было объявлено присоединеніе Восточной Румеліи къ Болгаріи. Совершился переворотъ, при вѣсти о которомъ Гладстонъ сказалъ: „Удивительно, что для вспышки этой революціи пришлось ждать 7 лѣтъ. Порохъ для нея былъ подмѣшанъ еще въ чернила, которыми подписали Берлинскій трактатъ“. Непосредственнымъ слѣдствіемъ соединенія явилась сербо-болгарская война. „Эти два событія освѣжительной бурей, пишетъ Вазовъ, пронеслись надъ душой болгарскаго народа, усталаго отъ безпрестанныхъ партійныхъ распрей честолюбивыхъ и жадныхъ на власть эгоистовъ. Болгарія вновь ощутила въ своей груди кипѣніе благородной крови; ея застоявшіяся нравственныя и физическія силы вдругъ нашли для себя широкое поле, гдѣ можно было развернуться. Энтузіазмъ, чувство величественное и возрождающее душу, семь лѣтъ молчавшее въ болгарскомъ сердцѣ, теперь вновь его воспламенило, помолодило и заставило биться со стихійной мощью“. Увлеченный общимъ порывомъ, Вазовъ при первомъ же грохотѣ сливницкихъ пушекъ, двинулся изъ Пловдива и добровольцемъ вступилъ въ армію. Здѣсь опять, какъ 7 лѣтъ тому назадъ, онъ почувствовалъ, что его сердце бьется въ одинъ тактъ съ сердцемъ народнымъ и прежніе звуки восторга, только углубленные и одухотворенные, опять полились съ его гусель въ „Сливницѣ“.

Сливница — это поэтическая лѣтопись сербско-болгарской войны. Она напоминаетъ по тону своему „Избавленіе“, но герой ея — не князь, а оборванный и запыленный болгарскій пахарь, грудью защищающій правое дѣло родины:

Ето честнията работникъ,
Ето здравитѣ ръцѣ,
Ето сѫщий благородникъ
Съ изгорѣлото лице.

Воспѣвая его доблести, поэтъ чуждъ однако того кровожаднаго патріотизма, который заставляетъ радоваться каждой новой жертвѣ боя. Только для виновниковъ войны — Милана и руководителей сербской молодежи — не щадитъ онъ словъ негодованія и — къ сожалѣнію — даже брани, но сербъ для него братъ. Видя перваго убитаго врага, онъ оплакиваетъ его гибель искренне и трогательно. Онъ вспоминаетъ гредетинскій бой, когда сербы и болгары бились вмѣстѣ за общую свободу: что за мечты тогда носились въ умахъ!

Мечти за вѣчно братство, за свобода,
За честенъ трудъ къмъ честенъ идеалъ,—

и вотъ теперь недавніе союзники и братья пришли отнимать свободу у тѣхъ, кто когда-то за нихъ проливалъ свою кровь. „На окопахъ" встрѣчаются два павшіе отъ ранъ солдата—болгаринъ и сербъ — и, узнавъ другъ друга, припоминаютъ, какъ когда-то вмѣстѣ шли они противъ турокъ въ долинѣ Алексинца и одинъ спасъ другого отъ смерти. А теперь они убили другъ друга и умираютъ [1]). Въ „Сливницѣ" Вазовъ не только Болгаринъ; по вѣрному замѣчанію одного изъ своихъ критиковъ, А. Теодорова, онъ здѣсь братъ и славянинъ. Больше: онъ человѣкъ. „Сливница"—это восторженный, можетъ быть даже слишкомъ восторженный, гимнъ болгарскому народу, но поэтъ „былъ бы радъ, если бы болгарской поэзіи не пришлось воспѣвать такого несчастья, а славянской исторіи записать такого позора, какимъ была сербо-болгарская война" [2]). Этими словами заканчивается предисловіе ко второму изданію „Сливницы" — первое было расхватано въ нѣсколько дней; — они написаны подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ войны. Позднѣе, черезъ два года, вспоминая сливницкую годовщину, Вазовъ прямо укоряетъ себя за то, что онъ рѣшился воспѣвать „звѣрскія радости" и проситъ Бога простить ему, какъ человѣку, эту слабость, „непростительную для поэта". Авторъ, конечно, впалъ здѣсь въ преувеличеніе. Въ „Сливницѣ" рядомъ съ восторгомъ отъ побѣдъ—и можетъ еще живѣе слышится скорбь о войнѣ. Поэтъ знаетъ, что каждая его ликующая пѣснь стоитъ слезъ, что „каждое проявленіе восторга— это океанъ злобы, что бѣснуется и кипитъ въ другой груди, каждый лавръ—это тріумфъ смерти", и, замыкая свой сборникъ, онъ зоветъ свой народъ къ вѣчному дѣлу, — къ мирной работѣ на полѣ народной жизни.

Но прежде, чѣмъ начать эту мирную работу, Болгаріи суждено было перенести еще много потрясеній. Для Вазова недолго, слишкомъ недолго продолжалось время, когда второй разъ въ жизни пришлось ему сыграть роль общенароднаго поэта, выразителя чувствъ всего болгарскаго народа безъ исключенія. Не минуло и года со времени Сливницы, какъ 9 августа 1886 года князь Александръ принужденъ былъ отречься отъ престола. Для

[1]) Стихотвореніе это переведено г. Умановымъ-Каплуновскимъ въ его сборникѣ „Славянская муза". СПБ. 1904 г.

[2]) „Сливница", стр. 4.

Болгаріи начались тяжелыя времена внутреннихъ смутъ, избраніе княземъ принца Кобургскаго, диктаторство Стамбулова. Вазовъ, какъ политикъ, всегда принадлежалъ къ руссофильской партіи. Появленіе у власти Стамбулова сдѣлало положеніе этой партіи въ Болгаріи невозможнымъ. Однихъ изъ ея членовъ пытали въ полицейскихъ участкахъ, другихъ побросали въ тюрьмы, третьи сами покинули родину. Вазовъ былъ въ числѣ послѣднихъ: во второй разъ въ своей жизни бѣжалъ онъ въ добровольное изгнаніе—на этотъ разъ въ Россію.

VII.

Силою творческаго слова и ударомъ жезла ветхозавѣтный пророкъ пробилъ въ каменной стѣнѣ живой источникъ воды. Но бываютъ удары, подъ тяжестью которыхъ высыхаетъ ключъ вдохновенія, молкнетъ слово. Два года ни однимъ стихотвореніемъ не обмолвился Вазовъ, живя въ изгнаніи. „Знамена, писалъ впослѣдствіи поэтъ, на которыхъ были написаны святыя слова, превратились въ оплеванныя лохмотья, а ложь облеклась въ царскій пурпуръ. Я видѣлъ честность въ оковахъ, правду въ темницѣ, я видѣлъ стихійную мощь и наглое торжество зла и потерялъ вѣру въ добро,

И наста въ душа ми безконечна нощь.

Даже природа съ ея красотой и нетлѣннымъ спокойствіемъ стала ему „чуждой и противною, какъ гробъ. Какъ скупецъ въ своемъ золотѣ, онъ ревниво зарылъ свою скорбь въ неприступной безднѣ сердца: дурныя чувства не рождаютъ пѣсенъ". Но Тотъ, Кто стоитъ надъ всѣми нами и незримо ведетъ насъ по жизненному пути къ его конечной цѣли и о комъ Вазовъ вспоминалъ только „въ минуту великихъ опасностей", спасъ его отъ отчаянія. Въ „Звукахъ", сборникѣ стиховъ Вазова за время его одесскаго изгнанія, есть небольшое, но трогательное стихотвореніе, открывающее намъ самые глубокіе и наилучшіе тайники души поэта:

Неволно отбихъ се въвъ Божия храмъ—
Катъ пѫтникъ отпадналъ подъ сѣнчица хладна;
Свещенна молитва възлизаше тамъ
И лѣйше миръ сладъкъ въ душата ми страдна.
Наведохъ смиренно, покорно глава,
Смущение тайно обзе ме неволно,

И нѣкакви чудни и нови слова
Изъ моето сърдце извирахѫ болно.
Азъ моляхъ се жежко къмъ Бога великъ
За помощь, утѣха въ живота ми тежки,—
За мене, за братя, за всѣки клетникъ,
За всичкия страждущи родъ человѣшки.
И моляхъ на кръста распетий Христа
Да вдъхне въ менъ свойта любовь и търпенье...
И долго йощь шъпняхѫ мойтѣ уста.
И леко и свѣтло ставаше на мене.

Невольно зашелъ я въ Божій храмъ, какъ заходитъ усталый путникъ подъ прохладную тѣнь; тамъ возносилась священная молитва и лился въ мою страдающую душу сладкій миръ. Смиренно и покорно преклонилъ я голову; невольно охватило меня тайное смущеніе, и какія-то чудныя и новыя слова потекли съ болью изъ моего сердца. Горячо я молилъ великаго Бога о помощи, объ утѣшеніи въ моей тяжкой жизни, молилъ его за себя, за братьевъ, за всякаго несчастнаго человѣка, за весь страждущій человѣческій родъ. Я молилъ распятаго на крестѣ Христа вдохнуть въ меня свою любовь и терпѣнье... И долго еще шептали мои уста молитву, и легко и свѣтло стало у меня на душѣ". Можетъ быть, это стихотвореніе и не отразило въ себѣ рѣшительной минуты духовнаго перелома, но сила, которая управляла самимъ процессомъ этого возрожденія, выразилась въ немъ ясно. Эта сила не была тѣмъ богомъ, которому подъ вліяніемъ Ботева и другихъ румынскихъ знакомыхъ Вазовъ посвятилъ нѣсколько своихъ стихотвореній и который, хотя и пишется имъ съ большой буквы—Напредъкъ (прогрессъ), но все же остается только богомъ съ маленькой буквы; это былъ тотъ Богъ, вѣра въ котораго была заложена въ душу маленькаго Вазова еще въ старомъ сопотскомъ домѣ его отца и несмотря на всѣ новыя вѣянія, можетъ быть даже иной разъ помимо собственнаго сознанія поэта, сохранилась въ душѣ навсегда, давъ его сочиненіямъ то, что въ нихъ есть истинно добраго, что есть въ нихъ—вѣчнаго.

Только что упомянутый сборникъ Вазова „Звуки" даетъ намъ полное понятіе о совершившемся у Вазова подъ вліяніемъ этой силы поворотѣ. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ указать на чрезвычайно благопріятную почву, которую представляла для нравственнаго подъема мягкая и добрая душа поэта. Вазовъ такъ простодушно-откровенно и безъ всякаго стѣснѣнія открывшій когда-то бездны своего эгоизма, съ такимъ же безсознательнымъ простодушіемъ раскрылъ намъ въ стихотвореніи „Ресигнация" и

всю благоуханную прелесть своей души. „Я не изъ тѣхъ—пишетъ онъ — что проклинаютъ жизнь и, видя только ея темныя стороны, наполняютъ воздухъ раздирательными стонами и плачемъ. Пусть я несчастенъ, но въ мірѣ не безъ счастливцевъ. Пусть я увялъ, цвѣтъ жизни расцвѣтаетъ у другихъ. Тѣ же самые плоды, что для меня несутъ горечь, другимъ даютъ сладость. Есть еще люди, для которыхъ свѣтитъ мѣсяцъ ясный, шумитъ лѣсъ, поетъ соловей, ночь хранитъ свои прекрасныя видѣнія, а любовь льетъ чарующія радости. Къ чему проклятья? И я былъ счастливъ и весело плылъ по свѣтлымъ волнамъ жизни, вкушая ея сладостный нектаръ. Теперь настала для меня осень, но нѣту въ моемъ сердцѣ зависти къ тѣмъ, что пожинаютъ радости свѣта“. Кто умѣетъ такъ чувствовать, кто умѣетъ безъ зависти смотрѣть на чужую радость, тотъ не погибъ: въ немъ бьетъ еще ключъ жизни и пусть этотъ ключъ завалило камнями и занесло пескомъ, онъ пробьетъ себѣ среди нихъ дорогу и выльется наружу струей чистой и широкой.

Негодованіе, если оно безсильно, только ожесточаетъ и портитъ душу, но надо обратить его отъ міра внѣшняго туда, гдѣ каждому открывается свободное поле дѣйствія,—на самого себя, и то же чувство становится творческимъ началомъ жизни. Такой именно поворотъ спасъ Вазова. Оставшись въ Одессѣ одинъ со своими думами, вдали отъ всего, что любилъ, тоскуя и мучась, онъ заглянулъ себѣ въ душу, исповѣдалъ себя передъ самимъ собою и—ужаснулся: столько упрековъ нашелъ онъ тамъ для своей совѣсти. Цѣлымъ потокомъ полились они въ стихотвореніи „Унынiе“: Внесъ ли я хоть что-нибудь доброе въ общую скудость, лѣнь и мракъ? Бросилъ ли я для будущаго сѣмя плодотворной мысли? Почтилъ ли я данный мнѣ Господомъ даръ трудомъ его достойнымъ? Съ печалью я гляжу на пройденный путь и сердце сжимается отъ нравственнаго холода. Безумно, на вѣтеръ растратилъ я свои силы. Сколько чувствъ было безплодно брошено въ мятежныя страсти и слѣпую борьбу! На что пошелъ жаръ души? Я не цѣнилъ горѣвшаго въ сердцѣ моемъ священнаго и тайнаго пламени, я пѣлъ, но рѣдко согрѣвало меня гордое сознаніе высокаго долга и мои пѣсни разлетѣлись почти безъ отклика. Такъ много расточить—такъ мало посѣять! Я—блудный сынъ, въ безумной оргіи недостойно погубившій безцѣнное сокровище“. Эти укоры кажутся намъ слишкомъ строгими, но чѣмъ глубже и безпощаднѣй самоосужденіе, тѣмъ выше и сильнѣе взбивается вверхъ новая струя творчества. Переработавшись

и перекипѣвъ въ душѣ, скорбное чувство какъ бы въ возмѣщеніе недодѣланнаго раньше даетъ новыя пѣсни, ибо и скорбь бываетъ иногда

Майка благородна на вѣчнитѣ пѣсни.

Одесское изгнаніе, преградивъ на время ходъ вазовскаго творчества, стало для него потомъ горниломъ, изъ котораго вытекли чистыя, лишенныя всякой примѣси личнаго раздраженія пѣсни. Пережитая наединѣ скорбь и тяжелые расчеты съ собственной совѣстью высвѣтлили душу поэта, внесли въ нее миръ и всепрощеніе. Въ 1899 г., смотря изъ Черепишскаго монастыря на неприступные утесы, нависшіе надъ Искромъ, онъ замѣтилъ на высоко вздымающейся въ небѣ скалѣ орловъ. Подъ ними въ глубокой пропасти шумѣлъ и крутился Искаръ, шла суетливая жизнь съ ея мелкими тревогами, а они, непричастные этому шуму, стояли со взглядомъ, вперенннымъ въ волшебную ширину неба. И любуясь ими, Вазовъ воскликнулъ, обращаясь къ поэтамъ:

Кат' тѣхъ, Поети, фъркайте въ лучисти
Прѣдѣли—горѣ, горѣ!
На духъ крилатъ сѫ нужни сфери чисти,
Височини, простори.

Въ другой разъ, задумавшись въ Альпахъ о томъ, что говоритъ Монбланъ, Вазовъ вложилъ ему въ уста гордыя слова къ вселенной: „Преклони колѣна, благоговѣй передо мною, о, свѣтъ человѣческій. Я—Монбланъ, верховный царь всего безкрайнаго, я—послѣдній предѣлъ высоты“. Но святой ангелъ отвѣтилъ ему: „Смирись! Я могу тебѣ показать вершину выше и могучѣе: эта вершина—Милость! Если ты близокъ къ синему небу—она близка къ Богу“. Для крылатаго духа поэзіи нужны высокія и чистыя сферы. Высочайшая изъ нихъ, до которой можетъ вознестись духъ человѣческій по пути къ Богу, есть милость. Вазовъ поднялся на эту высоту, съ которой нѣтъ уже политическихъ партій, нѣтъ никакихъ дѣленій между людьми, гдѣ царитъ не гнѣвъ и негодованіе сатирика, а любовь и сostраданіе человѣка къ человѣку, ибо съ этой высоты и самый дурной человѣкъ есть прежде всего человѣкъ несчастный. Поистинѣ нѣтъ худа безъ добра. Вазовъ пріѣхалъ въ Одессу замѣчательнымъ и даровитымъ, но только болгарскимъ писателемъ. Когда въ 90-хъ годахъ онъ возвращался на родину, онъ былъ уже поэтомъ обще-человѣческимъ,

исполненнымъ широкихъ и всеобъемлющихъ сочувствій, у котораго можетъ найти откликъ своей душевной скорби и сомнѣніямъ каждый изъ насъ. Онъ пріѣхалъ въ Одессу патріотомъ, выѣхалъ изъ нея мыслителемъ, попрежнему горячо любящимъ свою родину, но уже съ просвѣтленнымъ и умиреннымъ взглядомъ на жизнь. Таковъ былъ конечный результатъ совершившагося въ душѣ поэта процесса возрожденія

IX.

„Звуки", рисуя этотъ процессъ во всѣхъ его изломахъ, являются самымъ лучшимъ и глубокимъ изъ сборниковъ Вазовской поэзіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ они вводятъ насъ въ новый кругъ его творческой дѣятельности. Намъ остается теперь разсмотрѣть вкратцѣ главнѣйшія произведенія этого періода, когда Вазовъ съ особеннымъ рвеніемъ принялся выплачивать „свой долгъ родинѣ".

Первымъ въ хронологическомъ порядкѣ стоитъ здѣсь большой романъ „Подъ игомъ", написанный, когда разсмотрѣнное нами духовное перерожденіе еще не было вполнѣ завершено. Романъ этотъ создала тоска по утраченной родинѣ.

Вазовъ зналъ это сладкое и болѣзненное чувство, когда еще молодымъ человѣкомъ, бродя по окрестностямъ Бухареста, пѣлъ свой гимнъ Болгаріи:

Мила Българио! Хубава си ти!
Въ тебѣ всичко зрѣе и сичко цъфти...
Твоитѣ долини, чисти, благоплодни
Иматъ въ себе сички прелести природни!
Божата десница щедро награди
Съ дарове най-скжпи твоитѣ гжрди;
Плугътъ, кой те пори, потътъ, кой те кваси,
Даряватъ ги щедро, катъ майка дѣца си.
Хубава си землйо и благословена,
Катъ градина цвѣтна, катъ жена засмѣна,
Всичко въ тебъ е пълно съ плодъ и съ благодать
Хълмитѣ ти съ гроздье, горитѣ ти съ хладъ,
Полята ти съ ниви, гжрдитѣ ти съ щедрость
Рѣкитѣ ти съ злато, небето ти—съ свѣтлость,
Селата ти съ радость, съ хора и съ моми,
Градинитѣ съ рози, а тѣ съ миризми.
Тебъ сичко е дала светата природа:
Едно само нѣмашъ... Охъ, нѣмашъ свобода!

Этотъ гимнъ оказался какъ бы программой, которая потомъ разрослась въ двѣ большихъ описательныхъ книги путевыхъ впечатлѣній, „Великата Рилска пустиня“ и „Въ нѣдрата на Родопитѣ“, нѣсколько мелкихъ описаній, стихотвореній и наконецъ романъ „Подъ игомъ“, гдѣ яркими красками изображена тоскующая по свободѣ Болгарія съ патріархальной простотой ея чистыхъ нравовъ. Болгаринъ, пережившій Батакъ, Вазовъ могъ легко впасть въ искушеніе нарисовать рѣзкую картину турецкихъ звѣрствъ, но счастливо избѣжалъ этого соблазна. Турки являются въ романѣ, какъ люди. Краски не сгущены и развѣ только нѣкоторыя изъ рѣчей Огнянова возбуждаютъ кое-какія сомнѣнія. Вообще же отъ всего романа вѣетъ здоровьемъ и—правдой. Онъ создалъ Вазову всесвѣтное имя и ввелъ болгарскую словесность въ семью литературъ европейскихъ.

Но если бы Вазовъ остановился на немъ, онъ не былъ бы тѣмъ мыслителемъ-поэтомъ, которымъ является въ „Звукахъ“. Оглядываться назадъ человѣку, въ которомъ есть еще жизненныя силы, можно только для того, чтобы въ свѣтлыхъ воспоминаніяхъ прошлаго почерпнуть силу для будущихъ подвиговъ. Однажды на Курубагларѣ, смотря на толпу безпечно веселящихся дѣтей, Вазову мучительно захотѣлось отдать всѣ свои широкія мечты и смѣлые полеты мысли и съ такимъ трудомъ доставшійся капиталъ знаній за беззаботное дѣтское веселье, за тѣ счастливые годы, когда въ широкой вселенной ему все было мило—но онъ тотчасъ же отказался отъ этой мысли, потому что уже понялъ, что не безсознательное счастье птички—удѣлъ, достойный человѣка, а жизнь, богатая борьбою и трудомъ, то блаженство,

Което състои въ ламтежъ къмъ совершенство,
Въ свободни устреми, въ возвышени мечти
За слава, за добро... и въ подвизи свети,
И въ гордото онуй мѫжественно съзнанье
За нашата въ свѣта задача и призванье!
Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море,
Но не хочу, о други, умирать!
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать.

И отъ образовъ недавняго прошлаго Вазовъ обратился къ настоящему въ слѣдующемъ же своемъ большомъ романѣ „Нова Земя“. Это — картина Болгаріи послѣ освобожденія. Она — неудачна. Описываемыя въ ней событія не отошли на ту истори-

ческую даль, съ которой можно было бы охватить ихъ однимъ взглядомъ, свести къ одному фокусу. Въ романѣ нѣтъ ни главной мысли ни даже главнаго событія. Дѣйствіе идетъ вяло, характеры очерчены блѣдно. Словомъ, это — самое слабое изъ сочиненій Вазова, но въ немъ слышится свѣжая нота: романъ кончается привѣтомъ Новой Землѣ. Поэтъ уже примирился съ новыми въ ней порядками, потому что увидѣлъ среди сорныхъ травъ всходы будущей жизни.

Вытекающее отсюда новое отношеніе къ современности ярко сказалось въ цѣломъ рядѣ слѣдующихъ работъ поэта. Слабѣе другихъ двухтомный сборникъ сатирическихъ разсказовъ „Драски и шарки“, но сборники „Видено и чуто“, „Пъстъръ свѣтъ“, три тома „Повѣстей и разсказовъ“ и наконецъ послѣдній большой романъ Вазова „Казаларская царица“ это chef d'oeuvre'ы болгарскаго поэта. Поэтическимъ комментаріемъ къ этимъ романамъ и повѣстямъ служатъ два новыхъ стихотворныхъ сборника „Скитнишки пѣсни“ (1899) и „Подъ нашето небо“ (1900). Они дадутъ намъ понятіе объ общемъ тонѣ и настроеніи поэта за послѣднее время.

Оба сборника написаны уже въ Болгаріи, гдѣ Вазовъ по возвращеніи въ 1890 г. изъ Россіи сталъ издавать журналъ „Денница“, а позднѣе въ кабинетѣ Стоилова былъ даже министромъ народнаго просвѣщенія. Учрежденія могутъ измѣниться за 4 года, но общество не перевоспитывается по мановенію волшебной палочки. Та же партійность, то же политиканство и тѣ же мелкіе эгоистическіе расчеты царили теперь въ Болгаріи, что и въ то время, когда писались „Гусла“, но отчего же при полной почти одинаковости внѣшнихъ условій новые сборники Вазова вышли иными, свѣжими, бодрыми, сильными? Измѣнился и окрѣпъ духовно самъ поэтъ. Когда писались „Гусла“, Вазовъ, хотя и видѣлъ зло, но самъ, какъ его Хрисанѳовъ (Кандидатъ на хамама), стоялъ не надъ нимъ, а среди него, и его стихи того времени запечатлѣны раздраженіемъ. Теперь, не удаляясь отъ жизни, онъ открылъ въ своей душѣ источникъ противодѣйствія злу, ту высшую силу, которая „на бунтующее море жизни льетъ примирительный елей“.

„Какъ ни почтененъ честный гнѣвъ, но одними бичами гнѣвнаго негодованія не двинешь жизни впередъ, — говоритъ поэтъ. Сила жизни въ „святомъ и многотрудномъ подвигѣ любви. Любить же это значитъ простить и смѣло признать, что и ты самъ не лучше другихъ; это значитъ увѣровать въ Божій лучъ,

горящій въ душѣ каждаго человѣка; это значитъ вмѣсто бича найти на язвы лекарство". Пресѣкать, укорять, наказывать — всѣ эти отрицательныя средства сами-по-себѣ безсильны. Люди только тогда пойдутъ за вами, когда увидятъ, что вы цѣните въ нихъ человѣка. Надо показать каждому, какъ онъ виновенъ передъ самимъ собою, надо призвать въ немъ къ жизни дремлющую силу добра. И пѣснь Вазова, ударивъ въ лучшія струны человѣческаго сердца, зазвучала теперь, какъ призывный звонъ колокола:

Впередъ! безъ страха и сомнѣнья,
На подвигъ доблестный, друзья!

„Высокъ ли верхъ и крутъ? Преодолѣй его! Тернистъ ли путь? Иди по немъ! Потокъ шумитъ, бѣснуясь, — перескочи черезъ него!"

Напрѣдъ! Упорство, воля, вѣра яка —
Тѣзъ сили правѫтъ чудеса, напрѣдъ!

За работу! Да работимъ!

да работимъ смѣло:
Съ мишци, съ нерви, съсъ рѫцѣ и съ умъ,
Нек' се чуй у нази живо дѣло,
Веселий на работата шумъ.
Да работимъ! Тая славна дума
Нека екне, кат' камбаненъ звънъ,
Нека стрѣска кѫщата и друма,
Нека сѣпне спящий тежъкъ сънь.

За работу смѣлую, за работу дружную, за работу честную! Этотъ кличъ у Вазова для всѣхъ, но, стоя у конца дороги, первая мысль о тѣхъ, кто продолжитъ нашъ подвигъ—о молодежи. За ней — будущее страны. Ей — привѣтъ! „Младежи! любѫ ваший устремъ смѣли! Молодежь! Люблю я смѣлый твой полетъ и жажда пламенна къмъ висши цѣли. Крыльямъ противны плѣсень и тюрьма, свободная душа тоскуетъ по зарѣ. Кричите же: честь, правда и свобода! Наступитъ день и многіе изъ васъ падутъ на полѣ жизненнаго боя, сегодняшній герой при первой неудачѣ станетъ бѣглецомъ, забудетъ про святыя клятвы, свернетъ на торную дорогу и заживетъ, какъ всѣ... Но теперь кричите: честь, правда и свобода! Пусть многіе падутъ — останется довольно людей съ желѣзной волей и станутъ они безкорыстными и вѣрными борцами за народъ и ихъ младой восторгъ зажжетъ въ сердцахъ любовь къ славѣ и идеаламъ... Кричите же: честь,

правда и свобода! О, пусть пронесутся эти свѣтлыя слова по нашей пустынѣ и глухимъ дорогамъ. Чудодѣйственна творческая сила молодости. Кричите же, о братья: правда, честь, свобода!“

Но правда не въ свирѣпомъ отрицаніи всего родного, не въ рабскомъ подражаніи, не въ служеніи чуждымъ знаменамъ:

Не въ туй идеалътъ твой е,
О стремителна младежь!
Той е славенъ, ала *той е*
Не въ ломене, а въ градежъ.

Идеалъ не въ разрушеніи, а въ созидательной работѣ на народной почвѣ:

Зданьето народно ново
Иска трудъ, не пусто слово,
Здрави мишци и души.
Иска воля търпелива,
Иска твърдость, трѣзенъ умъ,
Вѣра във доброто жива,
Жертви, *подвиги безъ шумъ.*
Че въ минутата сегашна
Сичко на тебъ гледа, виждъ.
Твойта е задача страшна:
Бѫдѫщето ти градишъ.
То ще бѫде свѣтло, мрачно.
Както го приготвишъ ти...
Работи, младежъ, юначно,
Мѫжки, честно работи!

Легко въ минуту экстаза пожертвовать собой, но безконечно труднѣе пройти съ честью и съ полнымъ сознаніемъ долга мирный кругъ обыденной жизни. Жертва жизнью святѣе и выше жертвы кровью. Незамѣтная для глазъ, она медленна, тиха, ежеминутна и на такихъ именно жертвахъ созидается счастье народное. Болгаріи нужны безшумные подвиги. Вазовъ къ нимъ и зоветъ. Опредѣленной политической программы въ его стихахъ нѣтъ, да и зачѣмъ она теперь? Съ „Новой Землей“ онъ примирился и знаетъ, что и на ней зрѣютъ лучшіе всходы. Стоя выше какихъ бы то ни было частныхъ программъ, не политикъ, а поэтъ, онъ воспѣваетъ тѣ „скромные идеалы“, что лежатъ въ основѣ всякаго честнаго дѣланія:

Долгъ, честь, милость, трудъ упорни
Ето ни лозинки нови,

Ето здравитѣ основи
На напрѣдъкъ благотворни!
Нек' въ душевни си скрижали
Да ги впишемъ, съхранимъ,
И на наш' тѣ идеали
Въ първий редъ да ги държимъ!

Примѣромъ осуществленія этихъ идеаловъ, хотя, можетъ быть, и несознательнаго, является для Вазова согнувшійся подъ тяжестью непосильнаго креста, но все же работающій и всѣхъ на своихъ плечахъ выносящій болгарскій пахарь, эта опора Болгаріи. И онъ обращается къ Богу съ горячей мольбой подкрѣпить силы труженика:

О, Боже, сили на тезъ мишци дай,
На тезъ ръцѣ работнитѣ,
Благослови труда, що сѣй, копай
По урвитѣ безплоднитѣ;
Благослови светата, Боже, пръсть,
Що потъ роси упорниятъ;
И нѣмитѣ тегла и тежкій кръстъ
На селянина морниятъ;
Чрезъ чийто трудъ — безъ трудъ въ свѣта вървимъ,
И му се наслаждаваме,
Ни чийто мъки сичко ний дължимъ,
И сички то забравяме!

Такова лирика Вазова за послѣдніе годы. Очевидно, поэтъ не даромъ прожилъ свою жизнь: чѣмъ онъ дѣлается старѣ, тѣмъ становятся шире его сочувствія, а онъ самъ свѣжѣе и бодрѣе. Силою молодости дышутъ его призывы къ работѣ на широкой нивѣ народнаго труда для счастья Болгаріи, а вѣдь въ этомъ счастьѣ заключается частица и счастья общечеловѣческаго.

Но на пути къ полному осуществленію этой цѣли болгарскому народу предстояла еще одна ступень. Это — объединеніе народное и политическое. 6-е сентября 1885 года разрушило созданную Берлинскимъ конгрессомъ преграду между Болгаріей Восточной Румеліей. Но тамъ, въ Македоніи, гдѣ о Солунскій берегъ бьется бѣлое Эгейское море, еще бряцали кандалы. Иринъ-Пиринъ! Это имя болью отзывалось въ сердцѣ всякаго болгарина, съ вершинъ Рыльской горы устремляющаго взоръ свой на югъ, откуда слышны стоны родной ему райи. Туда неслись его стремленія и мечты, его взоры и объятія. И, какъ народный поэтъ, Вазовъ давно уже и неустанно звонилъ въ колоколъ объединенія. Въ „Поля и гори" онъ помѣщаетъ свои „македонскіе

сонеты", въ Италіи наперекоръ всѣмъ доводамъ своего собесѣдника-грека онъ повторяетъ только одно: „все это такъ, но Македонія—наша", мыслью о Македоніи кончается „Сливница" и черное македонское знамя появляется и въ послѣднемъ его сборникѣ. Но такъ счастливъ былъ онъ въ своей жизни, что дожилъ въ наши дни и до окончательнаго соединенія того, что „давно уже связали въ одно народное цѣлое вѣка общаго рабства и океанъ вмѣстѣ пролитыхъ слезъ". Отнынѣ македонское знамя, будемъ надѣяться, перестанетъ уже смущать своимъ траурнымъ цвѣтомъ свѣтлый праздникъ освобожденія.

Когда это совершится, передъ Болгаріей станетъ новая, болѣе широкая задача всеславянскаго единства. Этого уже не дождаться ни Вазову ни намъ. Но какъ болгаринъ, онъ знаетъ силу славянской идеи: безъ нея не было бы свободной Болгаріи. Онъ высказалъ эту идею еще въ 1867 году, когда писалъ свою оду императору Александру. Позднѣе онъ былъ однимъ изъ основателей Славянскаго благотворительнаго общества въ Софіи. Во время его предсѣдательства возникъ при обществѣ первый славянскій органъ въ Болгаріи „Славянскій Гласъ"; онъ имѣлъ наконецъ счастье недавно привѣтствовать первый всеславянскій съѣздъ въ Софіи славянскимъ „Добрѣ дошли". И если когда-нибудь мечта осуществится и, по слову Хомякова, „братья станутъ за одно" — соединенное славянство съ признательностью вспомнитъ о болгарскомъ поэтѣ. Если же мечта такъ и останется мечтой, то все-таки будетъ жива память о добрыхъ стремленіяхъ, ибо думать о внесеніи мира въ братскую семью не есть ли это только первая ступень къ осуществленію мира всего міра, о которомъ ежедневно возносятся молитвы въ церквахъ и котораго жаждетъ и все человѣчество?

X.

Послѣднія сочиненія Вазова, кромѣ сборника разсказовъ „Утро въ Банкя", стремятся возсоздать передъ болгарами ихъ прошлое. Это романы „Светославъ Тертеръ" и „Иванъ Александръ" и книга балладъ и поэмъ „Легенди при Царевецъ". Романы слабы — трудно придать реальныя и жизненныя формы тому, отъ чего отдѣляетъ насъ 8 вѣковъ, но перепѣвы народной фантазіи, „Легенды" — поэтичны и сослужатъ большую службу болгарскому юношеству. Онѣ свидѣтельствуютъ, что время не

властно надъ дарованіемъ поэта и что отъ Вазова можно ждать новыхъ и новыхъ трудовъ, хотя давно уже сѣдиною покрылась его голова.

Вазовъ, это въ полномъ смыслѣ слова народный болгарскій поэтъ. Онъ — Пушкинъ Болгаріи. Были и до него даровитые поэты, Славейковъ, Жинзифовъ, Любенъ Каравеловъ, Ботевъ, но никто такъ всесторонне не охватилъ болгарской жизни, никто не явилъ и такого богатства литературныхъ формъ, какъ Вазовъ. Онъ усвоилъ болгарской литературѣ всѣ роды поэзіи. Онъ драматургъ (драма „Хѫшове" и „Руска"), онъ — комикъ и водевилистъ (комедіи „Службогонци", „Михалаки Чорбаджи", „Вѣстникарь-ли?"), онъ лирикъ во всѣхъ оттѣнкахъ этого рода поэзіи, начиная съ лирики религіозной и патріотической и кончая интимной, онъ — сатирикъ въ „Гуслахъ" и „Драскахъ и Шаркахъ", юмористъ въ повѣсти „Митрофанъ и Дормидолски", описатель природы въ своихъ путешествіяхъ („Великата Рилска пустиня", „Въ нѣдрата на Родопитѣ" и др.) историческій повѣствователь въ своихъ двухъ романахъ и воспоминаніяхъ, жанристъ въ повѣстяхъ и разсказахъ, эпическій поэтъ въ „Эпопеѣ забытыхъ" и другихъ поэмахъ. Не всѣ эти произведенія одинаково цѣнны—особенно слабы драмы,—но въ Болгаріи нѣтъ лучшихъ литературныхъ формъ. Словомъ, какъ Пушкинъ былъ когда-то для Россіи, такъ онъ теперь для Болгаріи—все; онъ— ея „патентъ на благородство".

Онъ создатель классическаго болгарскаго языка и стихотворнаго и прозаическаго, который только у него развился до своей теперешней гибкости и совершенства. Ни Славейковъ ни Ботевъ, лучшіе изъ поэтовъ прежняго времени, ему въ этомъ отношеніи не равны. Ссылаемся здѣсь на авторитетное свидѣтельство А. Теодорова, изучившаго Вазова подробно и обстоятельно [1]). А вотъ что писалъ Кириллъ Христовъ по выходѣ сборника „Пъстъръ свѣтъ": „Горжусь, что эта превосходная книга написана на моемъ миломъ болгарскомъ языкѣ. Если можетъ чѣмъ-нибудь гордиться болгаринъ, такъ это широкою, смѣлою, мощною, чудною болгарскою рѣчью. Вазовъ одинъ изъ всѣхъ нашихъ писателей уловилъ геній этой рѣчи. Онъ властвуетъ надъ ней вполнѣ" [2]).

Вазовъ народный поэтъ, потому что ему близко все, что

[1]) Периодическо Списание, 1901 г., св. 1, стр. 62.

[2]) Българска Сбирка, 1902 г., стр. 471—473.

дорого болгарскому сердцу. Вѣрно замѣчено, что ему по себѣ только въ народной атмосферѣ“. Я путешествовалъ по Швейцаріи,—пишетъ онъ самъ,—я видѣлъ Альпы съ ихъ синими озерами, съ вѣчными ледниками на ихъ вершинахъ, вознесшихъ свое чело непостижимо высоко въ небеса. Но всѣ эти чудеса природы меня поражали, оставляя меня холоднымъ. Они ничего не говорили моему сердцу своими иностранными названіями, иностранными кругозорами, иностраннымъ языкомъ, что̀ звучитъ тамъ. А Болгарія?—Здѣсь все мнѣ родное, все близко сердцу и душѣ. Всякій лѣсокъ, долинка, утесъ, вершина говорятъ мнѣ понятнымъ языкомъ, я чувствую, что они — мои, наши, болгарскіе, и я—ихъ, можно сказать, плоть отъ ихъ плоти; одинъ воздухъ и одно солнце насъ питали и выростили... Всякая ея красота мнѣ дорога, всякое ея величіе еще болѣе величественно для меня и рождаетъ во мнѣ чувство гордости. И кажется мнѣ, что нѣтъ на свѣтѣ земли краше Болгаріи... Но кто говоритъ, что Болгарія не красива, божественно красива и величественна? Идите, идите и посмотрите сами!“ И онъ ведетъ насъ въ самое сердце Болгаріи, развертывая передъ нами картины болгарской природы и—что̀ еще важнѣе—раскрывая душу болгарскаго народа во всей ея красѣ. Особенно душу простого болгарскаго народа. Типы изъ интеллигенціи ему удаются менѣе, хотя „Казаларская царица“ и здѣсь обличаетъ большой шагъ впередъ: всѣ лица этого романа жизненны и правдивы, а они — типы новой Болгаріи.

Наконецъ Вазовъ — народный поэтъ по строю своихъ сочувствій, по характеру своихъ идеаловъ. Оглядываясь на прошлое Болгаріи, онъ не тужитъ, что мало намъ осталось отъ него памятниковъ, не тужитъ, потому что передъ родиной его раскрывается даль будущаго, гдѣ воздвигнутся новые памятники — не крѣпости и стѣны, построенныя несчастными невольниками, а памятники честныхъ и святыхъ трудовъ, до которыхъ не посмѣетъ коснуться плѣсень.

Недѣй тѫжи, Българио,
Не гледай на назадъ;
Прѣдъ тебъ стои, Българио,
Новъ крѫгозоръ и святъ.
Недѣй жали умрялото:
Прахътъ е прахъ, нѣмѣй;
Прѣдъ тебъ стои началото
И бѫдѫщето грѣй,
Гради въвъ него лѣпости,
Създавай, работи,

Но не стѣни и крѣпости
Съ громадни висоти;
Не грубото, надмѣнното,
Облѣно съ кървавъ потъ;
Не гнилото, не тлѣнното,
Безъ мисъль, безъ животъ,
Издигнато отъ ратаи,
Отъ клети робове,—
А паметници, статуи
Отъ честни трудове,
Отъ жертви и усилия
За работи свети,
Що плѣсеньтъ изгнилия
Не смѣй да посѣти.

Не сила физическая, а подвиги нравственные и, кажется, всечеловѣческіе мерцаютъ передъ нимъ, какъ идеалъ для его родной страны. Хомяковъ, говоря о призваніи Россіи, замѣтилъ, что „для нея напрасно было бы стараться стать самымъ умственно-развитымъ, самымъ богатымъ или матеріально-сильнымъ обществомъ. Все это уже испробовано другими и на пути умственной и внѣшней культуры намъ не догнать ихъ. Для насъ остается только одна задача—стать самымъ христіанскимъ и братолюбивымъ изъ человѣческихъ обществъ и къ этой задачѣ призвана Россія, какъ по характеру своего племени, такъ и потому, что христіанство принято нами во всей его чистотѣ и братолюбивой сущности". И въ самомъ дѣлѣ, если славяне призваны внесть что-нибудь новое въ общую жизнь человѣчества, то, конечно, они могутъ сдѣлать это только на этомъ пути христіанскаго дѣланія. Вся дѣятельность Вазова проникнута братолюбіемъ. Въ этомъ смыслѣ онъ не только народный болгарскій, но и истинно-славянскій поэтъ.

XI.

Выразивъ всю духовную суть болгарскаго народа, Вазовъ тѣмъ самымъ сталъ достояніемъ и всего человѣчества. Неблагосклонная къ нему молодая болгарская критика не разъ обзывала его отсталымъ поэтомъ. Напрасно. Болгарія, какъ духовная сила, представлена въ Европѣ единственно Вазовымъ. Не будь его, не знали бы, что существуетъ изящная болгарская словесность. Если Вазовъ постоянно переводится на всѣ европейскіе языки, это значитъ, что онъ, какъ болгарскій поэтъ, говоритъ что-то уже

не болгарскому только, а и общечеловѣческому чувству. Чѣмъ же и какъ онъ на него дѣйствуетъ?

Указывая на то, чего у него нѣтъ, опредѣлимъ свойства и объемъ его таланта. Вазовъ совершенно почти обдѣленъ творческой фантазіей: перечтите во второмъ томѣ „Повѣстей и разсказовъ“ маленькую исторію о смерти болгарскаго доктора, сосланнаго въ глубь Азіи — „Gronde Maritza teint de sang“ — и вы убѣдитесь, что у него нѣтъ никакого воображенія. Его сочиненія—это его автобіографія настолько, что выше мы могли разсказать его жизнь почти его собственными словами. Онъ удачно описываетъ только то, что̀ видѣлъ и слышалъ самъ. Но и здѣсь ему удаются вполнѣ только картины болгарской жизни. Доказательство: русскіе типы въ романѣ „Нова Земя“. Далѣе у него нѣтъ того, что̀ принято называть психологическимъ анализомъ, нѣтъ, можетъ быть, потому, что самый душевный міръ выводимыхъ имъ лицъ простъ и немногосложенъ, а, можетъ быть, и потому, что онъ не любитъ слишкомъ долго описывать душевныя состоянія, предпочитая дать намъ понятіе о характерѣ своихъ героевъ по ихъ дѣйствіямъ. Большой почитатель Гюго, Вазовъ въ большихъ романахъ любитъ эффекты, но при всей занимательности интриги, ему не удается до конца выдержать единство постройки и даже въ романѣ „Подъ игомъ“ послѣдняя часть, описаніе апрѣльскаго возстанія, точно приставлена къ роману изъ какого-нибудь другого сочиненія, а не вытекаетъ естественно изъ общей нити дѣйствія. Но зато въ предѣлахъ небольшой повѣсти, описывая то, что онъ самъ видѣлъ, перечувствовалъ и пережилъ—а пережилъ онъ многое—Вазовъ является превосходнымъ разсказчикомъ. Здѣсь его слогъ пріобрѣтаетъ рѣдкую изобразительность, образы — выпуклость, рисунокъ изящество, а письмо ту особенную мягкость и нѣжность тоновъ, въ которой, очевидно, отражаются душевныя свойства самого писателя. По манерѣ разсказа Вазовъ напоминаетъ Тургенева, по непосредственной искренности, свѣжести и теплотѣ чувства онъ почти неподражаемъ, ибо какъ можно подражать доброму чувству и благородному движенію сердца? Развѣ только разбудивъ ихъ въ своемъ собственномъ сердцѣ! И Вазовъ умѣетъ своими разсказами затронуть въ насъ самыя благородныя и человѣческія побужденія. Какъ истинный поэтъ, онъ иначе и не понимаетъ задачи искусства и, смотря на болгарской художественной выставкѣ картину чешскаго художника Голарека „Ослѣпленіе Самуилова войска при Беласицѣ“, восклицаетъ, невольно выдавая суть своего собствен-

наго творчества: „Зачѣмъ эта картина виситъ здѣсь? Я не понимаю, какое гуманное и доброе чувство, какое облагораживающее впечатлѣніе можетъ пробудить въ душѣ болгарина подобныя зрѣлища человѣческаго звѣрства, кромѣ инстинктовъ мести, ненависти и слѣпого національнаго озлобленія!“

Его поэзія оттого такъ и благоуханна, что онъ съ полнымъ правомъ можетъ сказать о себѣ словами нашего Пушкина: „Азъ пѣхъ

Доброто, милостьта въвъ наший твърди вѣкъ“—
Я чувства добрыя пѣлъ въ нашъ жестокій вѣкъ.

Чувства Вазова просты и ясны. Вазовъ — дитя природы и, хотя и славитъ иногда блага цивилизаціи („Раздумана“ въ „Скитнишки пѣсни“), но въ глубинѣ души готовъ обозвать ее „больною“, тысячи ея потребностей „ненужными и безразсудными“, ея условія — „фальшивыми“. Правда, Истина и Честность—для него „городскія изгнанницы“. Встрѣтивъ ихъ гдѣ-то въ пустынѣ закованными, поэтъ разбиваетъ ихъ цѣпи и пускаетъ на волю. Но къ удивленію своему, придя черезъ нѣсколько дней обратно въ пустыню, онъ застаетъ ихъ тамъ на прежнемъ мѣстѣ. „Отчего не идете вы въ городъ жить тамъ въ мирѣ и почетѣ?“ И слышитъ въ отвѣтъ; „Насъ тамъ снова заточатъ въ темницу“. И изъ душныхъ городовъ съ ихъ утонченной, но и искусственной жизнью его, сына Балканъ, тянетъ въ родныя горы, гдѣ просто, искренне и чисто течетъ жизнь. Пріятно, когда посреди раскаленныхъ камней полной шума, гама и пыли столицы на васъ пахнетъ свѣжимъ дыханіемъ вѣтерка и тамъ гдѣ-нибудь на зеленой муравѣ лужайки мелькнетъ крыло бабочки, унося сердце въ родную сельскую даль. Вотъ чѣмъ привлекаетъ къ себѣ европейскаго читателя Вазовъ.

Въ романѣ Вазова „Казаларская царица“ есть мѣсто, которое можетъ служить ключомъ ко всему его творчесту. Это глава десятая „Въ лазурной вышинѣ“, когда герои романа Бранковъ и Милка наканунѣ свадьбы отправляются на верхъ Витоши. Кругозоры отсюда раскрывались безграничные. Глазъ охватывалъ сразу безконечную панораму софійскаго поля съ цѣпью преграждающихъ его старопланинскихъ вершинъ, Родопы съ увѣнчаннымъ бѣлыми облаками гигантомъ-Муссалой, Рыльскія горы и далеко-далеко на югѣ окрашенную въ фіолетовый цвѣтъ Оссоговскую планину. Величественная картина безпредѣльно волнующихся горъ плѣняла и приковывала къ себѣ взоръ. Бранковъ

и Милка стояли недвижно, точно зачарованные. Они думали, что присутствуютъ на волшебной и сказочной феерiи, на дивномъ видѣнiи, которое каждый мигъ можетъ разлетѣться и исчезнуть.

— Есть ли что-нибудь выше и величественнѣе этого? — прошептала Милка съ изумленнымъ взглядомъ, до глубины души потрясенная громадностью и неизмѣримостью картины мiрозданiя.

— Есть: любовь и Богъ, — проговорилъ тихо Бранковъ. Въ этихъ словахъ весь Вазовъ.

Природа, любовь и Богъ—вотъ глубины, изъ которыхъ бьетъ родникъ его творчества.

Природу онъ чувствуетъ глубоко и тонко. Какъ сказалъ Фетъ о Тютчевѣ, „подъ оболочкой зримой онъ самое ее узрѣлъ" и полюбилъ преданной, благоговѣйною любовью сына. Горныя вершины для него—каѳедральные храмы, а раскрывающаяся съ ихъ высоты даль—это поэма, начертанная Творцомъ мiра. „Природа! я никогда еще не останавливался передъ ней безъ самаго глубокаго умиленiя, безъ того, чтобы все существо мое не переполнялось самыми благими и тихими ощущенiями. Только въ ея присутствiи глохнутъ во мнѣ базарныя тревоги и суета жизни. Тамъ, среди нея, уединенный и свободный, какъ птица, человѣкъ часто становится ребенкомъ, ощущаетъ таинственную радость бытiя, восторгается, что можетъ безпрепятственно и вволю упиться обаянiемъ всего того прекраснаго, свѣтлаго, величаваго, что Богъ вложилъ въ природу, насладиться ею, полюбить ее, обоготворить!.. Если человѣкъ кажется вышедшимъ изъ рукъ Создателя недодѣланнымъ, если столько пороковъ, страстей, безобразiй духовныхъ и тѣлесныхъ ставятъ его далеко отъ высшей точки совершенства, то природа есть въ полномъ смыслѣ слова совершенное созданiе, она гордо носитъ на себѣ печать своего всевѣчнаго Творца, она истинный его образъ и подобiе, великая, какъ онъ, вѣчная, какъ онъ, божественная, какъ онъ". Отъ ея безкрайной свободы, отъ ея дѣвственной чистоты проносится въ разсказахъ Вазова дыханiе чистой, умиротворяющей струи, дыханiе Бога.

Такое же свѣтлое чувство оставляетъ въ душѣ и изображенiе Вазовымъ человѣка. Любовь, которую онъ изображаетъ, это любовь не къ женщинѣ, а къ человѣку. Онъ—гуманистъ въ самомъ лучшемъ значенiи этого слова и открываетъ красоты человѣческой души тамъ, гдѣ ихъ никто не видитъ,—подъ отрепьями

нищаго мальчика, который на добытыя цѣною униженія и клоунства гроши, содержитъ студента-брата, отказывая себѣ во всемъ (Павелъ Фертигъ), подъ мундиромъ полицейскаго, который, какъ истинный герой, жертвуетъ послѣднимъ кускомъ насущнаго хлѣба, чтобы не поступить противъ совѣсти (Тъменъ герой), въ бѣдной кормчѣ добраго македонца Наума, на чужбинѣ неустанно лелѣющаго мысль о далекой родинѣ и оживающаго при одномъ звукѣ родного языка. Онъ раскрываетъ эти красоты съ стыдливой застѣнчивостью настоящей скромности, но, прочтя его, начинаешь цѣнить въ себѣ человѣка и видѣть, что во всѣхъ насъ горитъ лучъ Божьяго свѣта.

Такимъ образомъ и съ заоблачныхъ высотъ святой Рыльской обители и въ глубинахъ человѣческой души Вазовъ открываетъ одинъ и тотъ же слѣдъ—Божьей руки. Галацкія и Браиловскія знакомства пошатнули вынесенную изъ-подъ отцовской кровли крѣпкую вѣру, но слѣдъ этихъ вѣяній остался на поверхности его сознанія и отразился на пяти-шести лирическихъ стихотвореніяхъ. На днѣ его души живетъ прежняя вѣра не въ Чистый Разумъ, не въ „Великую Правду“, не въ Прогрессъ, а въ того Бога, которому онъ такъ искренне и жарко молился въ дни одесскаго изгнанія и отсюда-то подымается то благоуханіе добра и правды, которое, проникая его разсказы, дѣлаетъ ихъ такими же чистыми и свѣжими, какъ выросшая подъ синимъ балканскимъ небомъ, лелѣемая горнымъ вѣтромъ роза Казанлыка.

Какъ передать въ короткихъ словахъ обаяніе Вазовской поэзіи въ ея лучшихъ созданіяхъ—„Пъстръ свѣтъ“, „Видено и чуто“ и „Повѣстяхъ и разсказахъ?“ Представьте себѣ, что послѣ долгихъ лѣтъ томительной жизни въ большомъ и чужомъ городѣ, послѣ разнообразныхъ и сложныхъ впечатлѣній, мучительно волнующихъ и раздражающихъ умъ, не согрѣвающихъ души, послѣ холода одиночества среди многочисленныхъ знакомыхъ вы вдругъ какимъ-то чудомъ очутились въ томъ старомъ домѣ, гдѣ прошло ваше дѣтство. Какъ прежде, ярко горятъ въ печкѣ березовыя дрова, бросая въ комнату свѣтъ, вокругъ все милыя, добрыя, дорогія сердцу лица и, собравшись вмѣстѣ, всѣ слушаютъ разсказъ своего хорошаго, стараго знакомаго о пережитомъ и перечувствованномъ. Такъ тепло и уютно. Тихо льются добрыя рѣчи, ласковой волной приливая къ сердцу и подымая въ немъ славныя, добрыя чувства. Невольно вамъ захочется отъ души сказать: спасибо разсказчику!

XII.

А намъ русскимъ слѣдуетъ сказать это спасибо вдвое: намъ рѣчи его ближе и дороже, чѣмъ кому-нибудь другому. Разсказчикъ этотъ — не чужой намъ: онъ свой, близкій человѣкъ. Вазовъ—нашъ. Онъ нашъ, потому что онъ славянинъ, а вѣдь и мы славяне! Онъ нашъ, потому что, по собственному признанію, воспитался на Пушкинѣ, Лермонтовѣ, Хомяковѣ, Некрасовѣ и другихъ нашихъ поэтахъ. Онъ нашъ, потому что связали насъ съ нимъ кровавыя узы освободительной войны, лучшаго событія въ нашей исторіи прошлаго вѣка. Онъ нашъ, потому что воспѣлъ нашего Царя-Освободителя и нашихъ солдатъ, положившихъ животъ свой за вѣру христіанскую, Россію и Болгарію. Онъ нашъ наконецъ, потому, что всегда неизмѣнно любилъ и цѣнилъ русскій народъ и Россію. Пусть же эти строки будутъ ему свидѣтельствомъ, что и въ Россіи любятъ и цѣнятъ перваго болгарскаго поэта — Ивана Вазова.

Изъ разсказовъ Вазова.

1. Бѣлимелецъ.

(Изъ жизни старыхъ гайдуковъ).

Село Бѣли-Мелъ раскинулось на голой возвышенности въ разстояніи часа пути къ сѣверу отъ Чипоровцевъ въ бывшемъ Берковскомъ округѣ. Южная его часть орошается рѣкою Огостой, которая вытекаетъ невдалекѣ изъ Старой Планины со склоновъ Браткова-Верха. Какъ мы уже сказали, возвышенность, на которой стоитъ Бѣли-Мелъ, голая; голо и все пространство на сѣверъ отъ нея; красивѣе видъ на югъ. Волнистые отроги и развѣтвленія Старой Планины покрыты въ бо̀льшей ея части, густыми зелеными рощами или болталуками, какъ ихъ еще называютъ по-турецки въ Берковскомъ округѣ; зеленыя долинки, дышащія прохладою темныя ущелья, густолиственные лѣса, веселыя рѣчки и потоки оживляютъ этотъ горный край, богатый виноградомъ, малиною и мраморомъ... Для туриста, для поэта, для любителя природы, а особенно природы болгарской, нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ верхомъ на лошади углубиться въ уединенное затишье этого лабиринта красоты и благодати Божіей! То въѣзжаешь въ какой-нибудь глухой лѣсъ, гдѣ дебри оставили для проѣзда только узенькую-узенькую дорожку, всего въ шагъ шириною, и оттуда вѣетъ на тебя гайдуцкими преданіями—эти дикіе края въ турецкое время славились своими гайдуками,— то очутишься въ очаровательной живописной долинѣ, напоминающей аркадскую идиллію, то разбрызгиваешь конскими копытами воду быстраго ручейка и опять погружаешься въ густую чащу, гдѣ надо опустить поводья и обѣими руками отстранять

отъ лица нависшія вѣтви, чтобы не захлестнули онѣ глазъ, а то остановишься и слушаешь какъ соловьи оглашаютъ своимъ пѣніемъ лѣсъ и веселятъ глухую пустыню; и вдругъ блеснетъ передъ тобою шумливая Огоста и въ восхищеніи ѣдешь вдоль по извилистымъ ея берегамъ, пока надъ зелеными макушками деревьевъ не выглянетъ внезапно, какъ какая-нибудь альпійская вилла, уединенный монастырь, который привѣтливо смотритъ на тебя и манитъ въ свой гостепріимный пріютъ, чтобы хоть полчаса насладиться безмятежной тишиной его ограды. Это Чипровскій монастырь—св. Ивана Рыльскаго. Входишь. Встрѣчаетъ тебя почтенный старецъ игуменъ и послѣ первыхъ же привѣтствій спѣшитъ ввести тебя въ церковь, гдѣ ты перекрестившись опускаешь свою лепту въ церковный ящикъ; послѣ этого старикъ съ благоговѣйнымъ усердіемъ показываетъ тебѣ живописныя изображенія святыхъ съ выколотыми глазами и разскажетъ, какъ страшный Пашаджикъ [1]) совершилъ это богохульство въ сербско-турецкую войну; затѣмъ онъ выведетъ тебя изъ церкви и покажетъ комнатку, что-то въ родѣ часовни. Тамъ у стѣны навалены человѣческіе черепа: они страшно глядятъ на васъ черезъ пустыя впадины, на мѣстѣ которыхъ когда-то свѣтились глаза. Это—мученики, перебитые не знаю въ какой войнѣ турокъ съ австрійцами въ прошломъ или позапрошломъ вѣкѣ; все это—головы богобоязненныхъ христіанъ, но есть среди нихъ нѣсколько и такихъ, которыя принадлежатъ разбойникамъ—болгарамъ, когда-то наводившимъ ужасъ на всю окрестность: они пали отъ турецкой пули, а благочестивая монастырская братія причислила ихъ къ лику умершихъ за вѣру... Вы думаете, что этимъ исчерпываются историческія воспоминанія святой обители?

Нѣтъ, старецъ выведетъ васъ еще за монастырскую ограду на маленькую низкую полянку, у подножья которой бурливо катится Огоста, и скажетъ вамъ, что на этой полянкѣ Кекеровъ [2]) поставилъ свою пушку для защиты ущелья, которое открывало турецкому войску доступъ къ монастырю. Но или пушка была никуда не годна или наводчикъ неопытенъ и при первомъ и един-

[1]) Знатный турокъ изъ Берковицы, который въ сербскую войну 1876 г. съ отрядомъ башибузуковъ опустошилъ Чипровскій монастырь.

[2]) Болгаринъ, маіоръ румынской службы, перешедшій въ Сербію во время сербско-турецкой войны. Во главѣ болгарской добровольческой четы онъ переправился черезъ турецкую границу и дошелъ до самаго Чипровскаго монастыря, но былъ вынужденъ уйти оттуда, какъ только появились въ той округѣ значительныя турецкія силы.

ственномъ выстрѣлѣ граната не отлетѣла дальше рѣки: она упала въ нѣсколькихъ шагахъ отъ пушечнаго дула...

И тогда старецъ съ навернувшейся на глазахъ слезой разскажетъ вамъ о томъ, что случилось послѣ ухода Кекерова и его четы, про тѣ ужасы, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ!.. А вы слушаете старца ушами, а ваши взоры и душа бродятъ въ восхищеніи по очаровательнымъ картинамъ, раскинувшимся вокругъ...

Само собою понятно, что этотъ дикій уголокъ западной Болгаріи сталъ доступенъ туристамъ только послѣ освобожденія; раньше эти мѣста ґрозили серьезной опасностью всякому, кто хотѣлъ бы отклониться въ сторону отъ проѣзжей дороги и насладиться въ уединеніи свѣжей поэзіей дѣвственной природы. Отряды гайдуковъ во всѣхъ направленіяхъ безпрестанно бродили по этимъ мѣстамъ, вселяя страхъ и въ купцовъ и въ горожанъ, хотя бы они были даже болгарами, словомъ, въ каждаго, кто бы отважился заглянуть въ эту глушь. Спѣшу добавить, что эти разбойники не были турками—турецкіе разбойники жили по городамъ подъ защитою своихъ домовъ и турецкихъ властей. А разбойники, которые искали для себя покровительства густыхъ балканскихъ дебрей, были болгары. Можно сказать, что только-что описанный уголокъ Болгаріи былъ послѣднимъ убѣжищемъ этихъ горныхъ соколовъ.

Но вернемся въ Бѣли-Мелъ.

Въ августѣ 1862 г. попалъ въ руки турецкихъ жандармовъ одинъ такой горный соколъ, разбойникъ изъ четы Минча-воеводы—Славчо бѣлимелецъ, или какъ его звали сокращенно—„Бѣлимелецъ". Самое имя показываетъ уже, что онъ былъ изъ Бѣли-Мела. Прежде чѣмъ покинуть родное село и домъ и бѣжать въ горы, Славчо мирно и усердно работалъ на своемъ виноградникѣ и никому въ голову не могло придти, чтобъ этотъ тихій человѣкъ сталъ гайдукомъ. Но чего ни продѣлываетъ съ людьми судьба! Однажды поссорившись съ однимъ изъ своихъ родственниковъ изъ-за какой-то рощицы, онъ подрался съ нимъ и въ дракѣ, самъ не зная какъ, пырнулъ его въ бокъ ножомъ... Пришлось бѣжать, и онъ присталъ тогда къ четѣ Минча-воеводы, которая уже нѣсколько лѣтъ какъ разгуливала по этимъ мѣстамъ. Много дурныхъ дѣлъ, много грабежей и убійствъ лежало уже на душѣ юнаковъ, а поймать ихъ не удавалось. Всего только мѣсяцъ тому назадъ они обобрали почту, которая везла изъ Видина въ Софію казенныя деньги, что-то около 100 тысячъ піаст-

ровъ; трое жандармовъ, сопровождавшихъ почту, было убито. Но вслѣдъ за этой выдающейся удачей для четы настали тяжелые дни. Во всѣ стороны была разослана за ней погоня. Вчера чету захватили при Влашко-Селѣ, трое гайдуковъ пало, другіе разбѣжались, а двое было взято въ плѣнъ — одинъ изъ нихъ былъ Славчо. Другой изъ захваченныхъ, тяжело раненый, умеръ отъ побоевъ, во время которыхъ у него успѣли вырвать признаніе, что гдѣ-то недалеко отъ Бѣли-Мела закопана казна... Но разбойникъ испустилъ духъ прежде, чѣмъ успѣлъ точнѣе опредѣлить мѣсто.

Село оцѣпенѣло отъ ужаса, когда въ немъ появилось съ десятокъ жандармовъ: своими ружьями они нацѣлились въ спину Славчо, а онъ шелъ впереди со связанными назадъ руками.

Стояли послѣдніе дни августа. Знойный потъ, перемѣшавшись съ струйками крови, стекалъ по могучей шеѣ и широкому загорѣлому лицу захваченнаго разбойника. Это былъ одинъ изъ великановъ, которые нерѣдко выростаютъ въ тѣхъ краяхъ: его жилистыя руки, вывороченныя назадъ и десять разъ перевязанныя веревкой, свидѣтельствовали о сокрушительной силѣ Самсона. Казалось, развяжи ихъ, — и онѣ однимъ размахомъ повалятъ на землю всѣхъ жандармовъ... И дѣйствительно, уже тогда стало извѣстнымъ, что Славчо два раза разрывалъ веревки по пути, но безуспѣшно. Кровавыя раны на шеѣ, слѣды тупыхъ ударовъ ятаганомъ, были каждый разъ результатомъ его попытокъ освободиться отъ веревокъ и отъ висѣлицы. Наконецъ, убѣдившись, что напрасны всѣ его усилія, разбойникъ покорился своей участи и послушно шелъ передъ жандармами, но ни одно слово не вырвалось у него, ни одна мольба о пощадѣ отъ свирѣпыхъ ударовъ, которые безъ нужды и безъ причины еще продолжали ему наносить турки.

Самымъ звѣрскимъ изъ нихъ былъ ихъ начальникъ, Ахмедъ-ага. Когда вошли въ село, онъ крикнулъ:

— Вотъ волчье гнѣздо. Раскидаемъ его до основанія, чтобы не было волчьей повадки и у другихъ такихъ гадовъ.

Конечно, эта угроза Ахмедъ-аги не осуществилась бы буквально, но она означала побои, грабежъ, насилованія, вопли и стонъ въ селѣ—обычное дѣло въ такихъ случаяхъ.

Улицы вмигъ опустѣли.

Когда жандармы проходили около одного забора, изъ воротъ выскочила простоволосая баба и закричала раздирающимъ душу голосомъ:

— Славчо, Славчо!

Славчо обернулся къ бабѣ (это была его жена), взглянулъ на нее апатично и опять опустилъ глаза въ землю.

Жена продолжала кричать и вопить за нимъ во весь голосъ:

— Славчо, Славчо!

Тогда онъ обернулся и сказалъ ей строго:

— Молчи, Волкана!

Волкана все шла за нимъ точно сумасшедшая.

Одинъ изъ жандармовъ нагнулся, поднялъ камень и бросилъ въ нее, какъ въ собаку, съ ругательствомъ.

Тогда она скрылась въ своемъ дворѣ, отчаянно голося...

Подъ вечеръ жандармъ съ Ахмедъ-агою во главѣ подъ предлогомъ, что имъ надо отыскать скрывшихся въ хатѣ разбойниковъ и опросить жителей, воплемъ и стонами огласили все село... Мы не будемъ разсказывать о жестокихъ и возмутительныхъ подвигахъ жандармовъ. Славчо былъ бѣлимелецъ; это совпаденіе придало отваги поймавшимъ его туркамъ и дало имъ право вволю насытить свою звѣрскую мстительность, алчность и чувственность за счетъ несчастнаго болгарскаго села!..

Былъ уже поздній вечеръ, когда, уставъ отъ „работы", Ахмедъ-ага рѣшилъ, что лучше будетъ переночевать въ Бѣли-Мелѣ, чѣмъ идти въ другое, менѣе надежное село. На слѣдующій день утромъ рѣшено было двинуться въ Берковицу. Домъ чорбаджи Неди долженъ былъ дать гостепріимный пріютъ туркамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сыграть роль тюрьмы для Славчо. Это была единственная въ селѣ высокая хата съ огороженными каменнымъ заборомъ стѣнами. Во всѣхъ комнатахъ были крѣпкія двери, а затворы на нихъ еще крѣпче. Прибавьте ко всему этому, что чорбаджи Недя былъ изъ тѣхъ вполнѣ преданныхъ туркамъ христіанскихъ кровопійцевъ, которые водились только въ то время.

Ахмедъ-ага съ жандармами помѣстились въ одной изъ комнатъ, самой просторной, съ окнами, которыя при случаѣ могли бы служить бойницами. Славчо заперли внизу въ погребѣ, удвоивъ число связывавшихъ его веревокъ и заперевъ покрѣпче двери снаружи. Одинъ изъ жандармовъ остался караулить на лѣстницѣ.

Ночь была ясная, но безлунная. Когда въ домѣ всѣ почти заснули, Ахмедъ-ага всталъ, засунулъ себѣ за поясъ два пистолета и ятаганъ, взялъ фонарь и вышелъ. Онъ прошелъ черезъ

сѣни, гдѣ была приготовлена жаровня съ раскалившимися отъ жара углями, сошелъ съ лѣстницы и, толкнувъ ногою караульнаго жандарма, который уже полудремалъ, отворилъ дверь въ погребъ и вошелъ къ плѣннику. Жандармы знали, что онъ пошелъ, какъ всегда въ это время, снимать допросъ съ разбойника. Ахмедъ-ага былъ спеціалистомъ по слѣдственной части: его жестокость равнялась развѣ изобрѣтательности, съ которой онъ выдумывалъ мученія и пытки, чтобы вырвать нужныя ему признанія изъ устъ болгарскихъ разбойниковъ. На этотъ разъ онъ не взялъ съ собою помощника. Очевидно, у него были на это свои причины.

Славчо стоялъ у стѣны; голова его повисла, точно ее кто обрѣзалъ. Подпереть ее руками онъ не могъ: онѣ были перевязаны сзади. Не могъ и сѣсть на землю: грудь его перетягивала веревка, которою онъ былъ привязанъ къ столбу.

Онъ встрепенулся, открылъ глаза и посмотрѣлъ на агу сперва удивленно, а потомъ апатично. Вѣроятно, онъ понялъ, зачѣмъ пришелъ къ нему свирѣпый турокъ, но остался спокоенъ и опять устремилъ въ землю неподвижный взглядъ.

Только на лбу его внезапно выступилъ потъ. Ахмедъ-ага съ ятаганомъ въ рукѣ приблизился къ Славчо и крикнулъ ему:

— Слушай, гяуръ!

Славчо поднялъ голову и выпрямился на замлѣвшихъ отъ долгаго стоянія ногахъ. Его гигантскій ростъ на три пяди подымался надъ головой тщедушнаго Ахмедъ-аги. Голова разбойника касалась потолка. Онъ напоминалъ громаднаго связаннаго звѣря, который уже самыми размѣрами своими внушалъ страхъ. При блескѣ свѣчи его глаза зловѣще сверкали и впивались въ Славчо, который безучастно смотрѣлъ внизъ.

— Теперь ты мнѣ скажешь правду!—сказалъ Ахмедъ-ага.

Славчо, не говоря ни слова, взглянулъ на него и опять опустилъ глаза внизъ.

— Что жъ ты молчишь, поганая собака? сердито закричалъ турокъ:—жаровня уже готова.

Эти зловѣщія слова: „жаровня готова“ могли заставить самое каменное сердце похолодѣть отъ ужаса. Славчо, какъ разбойникъ, лучше, чѣмъ всякій другой, зналъ, для кого разводятъ огонь на жаровнѣ. Потъ лился у него по щекамъ, но онъ молчалъ.

— Слушай!—приказалъ ему Ахмедъ-ага.

Славчо устремилъ на него глаза.

— Говори, гдѣ видинская казна?

— Не знаю.

— Сейчасъ ты у меня узнаешь... сказалъ Ахмедъ-ага и ударилъ его тупой стороной ятагана по связанной правой рукѣ. Ударъ былъ такъ силенъ, что ясно послышался сухой трескъ локтевой кости. Славчо отъ боли зажмурилъ глаза.

Ахмедъ-ага нѣсколько разъ повторялъ свои вопросы и угрозы, но безуспѣшно. Разбойникъ упорно хранилъ молчаніе, не желая назвать мѣста, гдѣ были спрятаны деньги. Это приводило турка въ бѣшенство. Онъ желалъ узнать безъ свидѣтелей это завѣтное мѣсто. Навѣрное оно было недалеко.

Но Славчо молчалъ и приходилось прибѣгнуть по обыкновенію къ пыткѣ. Это значило, что надо позвать помощниковъ, и слѣдовательно и неминуемыхъ свидѣтелей Славчевой исповѣди. Ахмедъ-агу душила ярость.

— Говори!

— Не знаю.

Нѣсколько минутъ Ахмедъ-ага молчалъ, точно придумывая, съ какого бы истязанія начать пытку.

Вдругъ взглядъ Славчо ожилъ и засвѣтился. Лицо его до сихъ поръ мертвенно-спокойное, казалось, безучастное ко всему, что касалось его судьбы, вдругъ приняло энергическое выраженіе; какая-то неожиданная и роковая рѣшительность внезапно овладѣла душою связаннаго разбойника и онъ смѣло и прямо устремилъ свой взглядъ сверху на турка. Турокъ замѣтилъ съ удовольствіемъ, что его плѣнникъ выходитъ изъ своей безмолвной апатіи; онъ подумалъ, что изъ страха передъ пыткой Славчо рѣшился нарушить молчаніе.

И онъ не обманулся.

Славчо сказалъ.

— Я знаю, гдѣ закопаны деньги.

— Гдѣ-же?

И Ахмедъ-ага вперилъ въ Славчо горящіе любопытствомъ и ненасытной алчностью глаза.

— Деньги закопаны здѣсь, близко...

— Здѣсь, около Бѣли-Мела?

— Около Бѣли-Мела.

— То же говорила и та собака, что издохла вчера ночью. Разскажи точнѣе, гдѣ онѣ?

— Славчо не отвѣчалъ.

— Говори же!

— Что?

— Да все остальное. Помни, что, если ты осмѣлишься солгать, мяса на тебѣ не останется—сказалъ Ахмедъ-ага.

Славчо не отвѣчалъ.

— Что-жъ ты стоишь?—Говори.

— Какъ же я тебѣ буду говорить, когда ты не знаешь мѣстности. Словами не укажешь.

— Какъ называется мѣсто?

— „Синій берегъ".

— Гдѣ это? Я не знаю этого синяго берега...

— У рѣки, надъ однимъ камнемъ...

Ахмедъ-ага задумался. Лицо его выражало сильное волненіе. Очевидно, надежда попользоваться хоть половиною казенныхъ денегъ тревожила и мутила его умъ. Но какъ это сдѣлать? Ему самому на основаніи однихъ темныхъ указаній разбойника не найти „Синяго берега"... А онъ не допускалъ и мысли, чтобъ можно было взять съ собой разбойника теперь, ночью... Утромъ-другое дѣло; это было бы безопаснѣе, но что за польза для него, для Ахмедъ-аги. Чѣмъ дольше онъ думалъ, тѣмъ больше росло въ немъ нетерпѣніе скорѣе сдѣлаться обладателемъ тайны. Представлялся единственный, можетъ быть случай обогатиться, узнать покой хоть на старости лѣтъ, и вотъ проклятая помѣха!.. Онъ боялся, что ночь, драгоцѣнное ночное время пройдетъ, а онъ не успѣетъ ничего сдѣлать!

Повидимому, Славчо разгадалъ сокрушенія турка.

Онъ сказалъ:

— Дай, я тебѣ покажу!

Турокъ поглядѣлъ на него и презрительно засмѣялся.

— Ахъ ты, паршивый гяуръ! Больно ты хитеръ!

Славчо замолчалъ.

— Ты думаешь, что я настолько глупъ, чтобы пустить волка въ лѣсъ? Ахмедъ-ага обстрѣленная птица.

И въ самомъ дѣлѣ Ахмедъ-ага былъ обстрѣленной птицей, но Ахмедъ-ага не могъ придумать средства добраться въ эту ночь до денегъ безъ личнаго содѣйствія разбойника. Онъ стоялъ, не зная, что дѣлать, и въ глазахъ его, полныхъ злобы и страшнаго гнѣва, снова заблистала ярость.

— Развѣ жена моя покажетъ тебѣ, проговорилъ вдругъ Славчо, точно ему эта мысль пришла въ голову неожиданно.

— Жена твоя? А она знаетъ?

— Нѣтъ.

— А какъ же ты говоришь, что она можетъ показать?

— Я ей разскажу, а она пойдетъ съ тобой и покажетъ.

— Но сегодня ночью!

— Сегодня ночью. Позовите ее...

Ахмедъ-ага подумалъ минуту, потомъ посмотрѣлъ на него подозрительно.

— Зачѣмъ тебѣ твоя жена? Развѣ ты не можешь сказать какому-нибудь другому крестьянину. Я тебѣ приведу его.

— Не хочу.

— Почему?

— Вы завтра утромъ отведете меня въ Софію и меня тамъ повѣсятъ. Я хочу повидаться въ послѣдній разъ съ женой.

— А если я ее не позову.

— Другому я никому не скажу.

— Не забудь: жаровня ужъ готова.

— Дѣлай, какъ знаешь.

На дворѣ пропѣли вторые пѣтухи.

— Ну и хитеръ же ты, гяуръ,—сказалъ съ притворной благосклонностью Ахмедъ-ага;—хорошо, пусть будетъ по твоему.

Онъ вышелъ, разбудилъ спавшаго на лѣстницѣ жандарма и сказалъ ему:

— Ступай, приведи мнѣ сюда Славчеву бабу: скажи ей, что Славчо хочетъ ее видѣть.

— А если она не захочетъ итти въ такое время?—спросилъ жандармъ.

— Схвати ее за косу и тащи силой, болванъ!—обругалъ его начальникъ.

Жандармъ одѣлся и вышелъ изъ воротъ. На этотъ шумъ залаяли было деревенскія собаки, но скоро смолкли, и все потонуло въ глубокомъ молчаньи.

Спустя четверть часа, двѣ тѣни вошли въ Railway Недин дворъ и большія новыя ворота захлопнулись за ними. Это были жандармъ и жена Славча. Жандармъ тихонько провелъ бабу по лѣстницѣ къ погребу и постучался въ двери. Дверь тотчасъ же отворилась, и жандармъ впустилъ Славчовицу внутрь, а самъ остался караулить на своемъ посту.

Славчо жаднымъ радостнымъ взглядомъ впился въ жену.

— Здравствуй, Волкана,—сказалъ онъ тихо.

— Славчо, Славчо, до чего я дожила! Боже мой, и надо

же было обрушиться на мою голову такому горю! заговорила она, расплакавшись и ломая руки отъ скорби и отчаянія.

— Не плачь, Волкана, ничего.

— Зачѣмъ же ты меня звалъ?—спросила она сквозь слезы.

— Хотѣлось повидаться съ тобой. Кто знаетъ, придется ли еще свидѣться...

— Голубчикъ мой, милый!—завопила Волкана.

— Что съ Владкомъ?

— Что ему дѣлается! Здоровъ...

— А у тебя все ли благополучно?

— Что обо мнѣ говорить, Славчо! Какъ ты-то дался въ руки проклятымъ... Что они теперь съ тобой сдѣлаютъ, разбойники,—бормотала Волкана, не обращая вниманія на турка.

Турокъ зналъ по болгарски и понималъ каждое слово этого интимнаго супружескаго разговора.

Онъ разсердился и приблизился къ нимъ.

— Ну, чего вы тутъ галдите? Славчо, говори скорѣй своей бабѣ что надо. У меня нѣтъ времени на ваши охи да ахи...

— Волкана, подойди ко мнѣ,—проговорилъ Славчо, и глаза его загорѣлись.

Волкана подошла къ нему, жалостно смотря ему прямо въ глаза.

Онъ устремилъ на нее свой взглядъ и началъ что-то шептать ей.

Турокъ опять разсердился.

— Гяуръ, не смѣешь говорить шопотомъ!.. Говорите такъ, чтобы и я слышалъ.

И Ахмедъ-ага приблизился и сталъ около нихъ обоихъ.

— Волкана,—началъ Славчо тихо, а голосъ его дрожалъ отъ волненія,—ты знаешь Синій Берегъ...

— Знаю, Славчо.

— Отлично,—самодовольно замѣтилъ Ахмедъ-ага.

— У синяго берега на высокой сторонѣ есть камни... знаешь, гдѣ мы играли, когда были маленькіе.

— Знаю, Славчо, камни...—сказала Волкана, удивляясь вопросамъ, которые не имѣли ничего общаго со страшнымъ положеніемъ ея мужа.

— Хорошо ли ты знаешь эти камни?

— Какъ же, Славчо.

— Отлично, отлично, проговорилъ опять Ахмедъ-ага.

Вдругъ турокъ отлетѣлъ на два шага назадъ, перекинулся

всѣмъ тѣломъ и упалъ навзничь. Голова его затылкомъ ударилась о землю. Минута,—и шумъ отъ внезапнаго паденія тѣла смолкъ. Наступала тишина. Турокъ не шевельнулся. Кровь залила его мозгъ и легкія. Тоненькой струйкой засочилась она изъ его рта.

Волкана стояла, какъ окаменѣлая.

Славчо дрожалъ всѣмъ тѣломъ, и очи его съ безумнымъ взглядомъ впились въ жертву. Это онъ, выждавъ, пока Ахмедъ-ага подойдетъ къ нему поближе, гигантской своей ногой ударилъ турка прямо въ животъ. Онъ вложилъ въ этотъ ударъ всю мощь и упругость своихъ желѣзныхъ мускуловъ, все бѣшенство разъяреннаго звѣря, все кипѣнье злобы, мстительности и отчаянія. Надо было разсчитать ударъ съ такою силою, чтобы послѣ него турокъ не крякнулъ. Отъ результата этого удара зависѣла жизнь Славча, его спасеніе. И турокъ не пошевельнулся.

— Волкана, возьми у него ножъ и разрѣжь веревки, приказалъ Славчо женѣ.

Тогда только Волкана опомнилась и вошла въ свою роль. Она разрѣзала веревку, которою мужъ ея былъ привязанъ къ столбу.

— Подожди, сейчасъ разрѣжу другую,—сказала она и принялась было за веревку, стягивавшую назадъ Славчевы руки.

— Не надо,—сказалъ онъ, и въ тотъ же мигъ подъ силою нечеловѣческаго напора веревка лопнула и распалась.

Свободный наконецъ отъ всякихъ оковъ, Славчо бросился къ трупу, вытащилъ два пистолета и засунулъ ихъ за свой поясъ, схватилъ ножъ изъ дрожащихъ рукъ Волканы и забилъ его въ грудь турка. Потомъ открылъ дверь.

— Подожди, я пойду первый.

И онъ выскочилъ на лѣстницу, чтобы расчистить себѣ путь. Къ его счастью, жандармъ дремалъ, завернувшись въ свой плащъ. Услышавъ около себя быстрые шаги, онъ приподнялся и спросилъ:

— Это ты, Ахмедъ-ага?

Тогда Славчо вернулся съ верхней ступеньки, на которой уже стоялъ, и ударилъ ятаганомъ жандарма по головѣ — такъ тотъ и остался на мѣстѣ.

Ворота были заперты. На дворѣ стояла густая тьма. Славчо остановился въ нерѣшительности. Но черезъ минуту, оглядѣвшись, онъ повелъ свою жену къ сараю, вскочилъ на покатую его крышу, подалъ руку женѣ, вслѣдъ за нимъ взобралась на крышу и она, и они соскочили на улицу.

Въ этотъ самый мигъ жандармъ ли, котораго Славчо хватилъ по головѣ, застоналъ, или прыжокъ бѣглецовъ съ крыши на улицу произвелъ шумъ, но проснулись дворовыя собаки. Почуявъ кровь, умныя животныя залаяли и подняли страшный вой, и спустя минуту вся деревня огласилась зловѣщимъ собачьимъ лаемъ, а дворъ чорбаджи Неди—криками и ругательствомъ жандармовъ.

Ночь уже была на исходѣ, когда оба бѣглеца достигли Влашко-Села, у самыхъ отроговъ Старой Планины. Славчо не оставилъ жены своей въ Бѣли-Мелѣ: онъ прекрасно зналъ, что вмѣсто него жертвой мстительности турокъ станетъ она. Ей никакимъ образомъ нельзя было бы увѣрить ихъ, что она невиновна въ убійствѣ Ахмедъ-аги—и ребенокъ сообразилъ бы, что это, не кто иной, а она убила его, чтобы спасти мужа отъ висѣлицы. И мужъ и жена даже и не разсуждали объ этомъ. Они оба бросились бѣжать, движимые однимъ чувствомъ, и не подумавъ даже о послѣдствіяхъ, которыя неминуемо влекло за собой бѣгство Волканы. Только на разсвѣтѣ, когда они присѣли отдохнуть у склона горы на высокой полянѣ, окаймленной съ востока буковымъ лѣсомъ, имъ пришло въ голову то, о чемъ раньше они забыли подумать: Волкана вспомнила о своемъ ребенкѣ и хатѣ. Все это она бросила теперь на произволъ судьбы! Въ Бѣли-Мелѣ у нея не было родныхъ и некому было ни пріютить Владка ни присмотрѣть за хатой. Теперь, когда первая опасность миновала, новыя сокрушительныя заботы сильно смутили Волкану.

— А Владко, а хата? что же будетъ съ ними?—проговорила она невольно.

— А чортъ бы ее подралъ, хату,—пробормоталъ Славчо, подвязывая портянки.

— Да, хорошо тебѣ говорить! Ты не ходилъ за домомъ, такъ онъ тебѣ и не милъ,—замѣтила Волкана.—У гайдука развѣ есть домъ?

— Меня Владко безпокоитъ... А домъ... чортъ съ нимъ!

И Славчо нахмурился и сталъ внимательно вглядываться въ лѣсную чащу, точно стараясь что-то увидать.

Волкана отвѣтила:

— Да я о Владкѣ тебѣ и говорю... Кто теперь присмотритъ за бѣдняжечкой?.. Они его уколотятъ... Что-жъ намъ теперь дѣлать, Славчо?

— Что дѣлать?.. Идти дальше!

— Идти дальше, идти дальше! Боже мой!.. А Владко?— стала-было вздыхать Волкана, но вдругъ оборвала, увидѣвъ строгій взглядъ Славча.

Славчо, повидимому, имѣлъ причину быть строгимъ, а можетъ быть снова какое-нибудь недоброе предчувствіе пробудило въ немъ безпокойство.

Приближалось утро. На востокѣ алѣло. Предразсвѣтный вѣтеръ поднялся и тихо заколыхалъ буковыя вѣтви. Дальніе шумы пробуждающейся природы донеслись и досюда, въ воздухѣ чувствовались первыя трепетанія жизни... Въ селѣ запѣли пѣтухи— ихъ рѣзкое кукареку первое смутило сонный покой охваченнаго дремотой воздуха. Въ вѣтвяхъ надъ головами бѣглецовъ раздался шорохъ: это какая-то птичка перелетѣла съ вѣтки на вѣтку и опять скрылась въ листвѣ, готовясь встрѣтить первые лучи солнца. Славчо и Волкана на минуту смолкли. Тяжелыя мысли проносились въ ихъ головѣ... Полная неизвѣстность окружала ихъ. День захватилъ ихъ на этой горной полянкѣ безъ одежды, голодными, беззащитными, преслѣдуемыми... Волкана страшно вздыхала. Владко не выходилъ у нея изъ головы, глаза были полны слезъ. Мучительна, невозможна казалось ей разлука съ милымъ сыномъ, но при Славчѣ она не рѣшалась жаловаться. И его лицо было пасмурно. Навѣрное и его одолѣвали тѣ же самыя мысли, а, можетъ быть, и еще болѣе тяжелыя. Не боится ли онъ еще турокъ, что онъ такъ насторожился? И она спросила:

— Славчо, чего ты такъ прислушиваешься и все смотришь въ лѣсъ?

Дѣйствительно, Славчо все прислушивался, и безпокойство не сходило съ его лица. Напротивъ, оно возрастало по мѣрѣ того, какъ приближался день. Его гайдуцкое ухо отъ долговременной привычки изострилось до такой тонкости, что и малѣйшій шумъ въ окрестности долеталъ до него; самый маленькій шорохъ или другой неясный и неопредѣленный звукъ его чувствительный слухъ уже улавливалъ и разбиралъ, откуда онъ идетъ. Славчо, безъ сомнѣнія, уловилъ такой звукъ и имъ овладѣло безпокойство.

Онъ махнулъ рукой женѣ, чтобы она замолчала, всталъ на ноги и опять сталъ прислушиваться.

— Это вѣтеръ шелеститъ въ деревьяхъ,— замѣтила жена, чтобы успокоить и его и себя: она въ самомъ дѣлѣ слышала только этотъ шумъ, или, по крайней мѣрѣ, ей такъ казалось.

— Нѣтъ, это шаги,—прошепталъ Славчо.

— Шаги? Чьи шаги?

И Волкана тоже поднялась и стала слушать... Новая, долетѣвшая до нихъ струя воздуха донесла съ собою еще яснѣе разные шумы изъ долины.

— Да, какъ-будто идутъ.

— И нѣсколько человѣкъ...—дополнилъ Славчо.

— Кто бы это могъ быть, Славчо? — спросила тревожно Волкана.

— За нами идутъ... жандармы,—отвѣтилъ тихо Славчо.

Лѣтомъ утро, какъ извѣстно, наступаетъ скоро, почти внезапно. Прошло нѣсколько минутъ, и бѣглецы увидѣли, что совсѣмъ развиднѣло; яркіе лучи дневного свѣта пробились сквозь черныя вѣтви буковъ, и темная еще недавно сѣть окрестныхъ деревьевъ стала прозрачной... Легко было различить всѣ предметы. Этотъ внезапный свѣтъ сдѣлалъ положеніе бѣглецовъ чрезвычайно опаснымъ, почти безысходнымъ.

Шумъ шаговъ приближался все явственнѣе и страшнѣе.

Но голосовъ не было слышно. Очевидно, тѣ, кто шелъ, шли чего-то остерегаясь и не говорили, чтобы лучше слышать.

Въ тѣ времена доступъ въ этотъ заглохшій горный уголокъ Болгаріи не всегда былъ безопасенъ для турецкихъ жандармовъ. Духъ свободы и независимости вмѣстѣ съ дикостью нравовъ еще не угасъ у тамошнихъ крестьянъ. Появленіе турецкихъ властей, наполняя тревогою села, вселяло и въ самихъ турокъ безпокойство и грозило имъ серьезной опасностью. Были такія горныя гнѣзда, въ неприступныя твердыни которыхъ никогда еще не вступала нога жандарма. Самое подчиненіе такихъ селъ его величеству султану было чисто фиктивнымъ: они не платили податей, потому что никто не смѣлъ за ними явиться. Эти дикіе и темные углы напоминали собою страну албанскихъ миридовъ. Жандармы—Славчо угадалъ: это шли за нимъ жандармы—подвергали себя рѣдкому риску, рѣшившись пуститься въ этотъ гайдуцкій край за разбойникомъ. У нихъ не было здѣсь почвы подъ ногами: они не знали мѣстности и не могли разсчитывать ни на вѣрныя свѣдѣнія ни на какое-либо содѣйствіе со стороны поселянъ. Но двойное убійство, совершенное въ эту ночь надъ ихъ товарищами, убійство столь дерзкое и неожиданное, „разъярило ихъ до бѣшенства, и они, отложивъ въ сторону всякій страхъ

и другія соображенія, пустились вслѣдъ за убійцей или убійцами. Можетъ быть, ихъ отвага имѣла и еще одинъ мотивъ: страхъ отвѣтственности передъ начальствомъ за бездѣйствіе послѣ такого умерщвленія двухъ мусульманъ.

Во всякомъ случаѣ Славчо и его жена находились въ эту минуту въ большой опасности; имъ грозила почти неминуемая гибель; буковый лѣсъ, какъ мы уже сказали, оканчивался какъ разъ здѣсь; далѣе вверхъ до самаго балканскаго хребта начиналось пространное, открытое мѣсто, и развѣ на крыльяхъ удалось бы перелетѣть его прежде, чѣмъ появятся изъ лѣса турки. Славчо не могъ и думать объ этомъ. Попробовать спрятаться въ букахъ, между стволами деревьевъ было также безразсудно: это значило самому войти въ западню, изъ которой не было никакой надежды выйти цѣлымъ.

Чтобы принять какое-нибудь рѣшеніе въ распоряженіи Славчо было всего только нѣсколько минутъ. Призракъ новаго ареста, побоевъ, оковъ, мукъ и страшной смерти на висѣлицѣ поднялся вновь передъ его взоромъ кровавый и отвратительный, какъ голова Медузы. При ужасной мысли объ этомъ необыкновенная ярость—это уже не была рѣшительность—охватила его. Волосы поднялись у него на головѣ дыбомъ, и глаза приняли выраженіе взбѣшеннаго быка, который хочетъ лбомъ проломить стѣну. Казалось, исполинскій ростъ разбойника еще увеличился и мускулистыя руки его конвульсивнымъ движеніемъ сжали рукоять ятагана, висѣвшаго у его пояса... Очевидно, онъ рѣшился встрѣтить жандармовъ съ ножомъ въ рукѣ и дорого отдать свою жизнь. Но это отчаянное рѣшеніе мгновенно смѣнилось другимъ: ножа онъ не вытащилъ, а бросился къ буку, съ неимовѣрной быстротой вскарабкался на его толстый гладкій стволъ и черезъ мгновеніе уже скрылся въ зеленой гущѣ дерева.

Увидѣвъ, что Славчо побѣжалъ къ буку, и Волкана бросилась за нимъ. Она остановилась у самаго ствола.

Въ это время жандармы, крадучись и молчаливо, продолжали идти по лѣсной опушкѣ, гдѣ начиналось пастбище. Когда Славчо взобрался на одно изъ нижнихъ развѣтвленій бука, они уже были подъ деревомъ. Ихъ было шесть душъ и одинъ крестьянинъ. Славчо узналъ сборщика податей.

Славчо, притаившись за вѣткой, которая его закрывала, выпустилъ два заряда въ жандармовъ.

Оглушительный громъ, сопровождаемый протяжно-гулкимъ эхомъ, огласилъ тишину этой горной глуши.

Когда дымъ разсѣялся, Славчо взглянулъ изъ своего прикрытія внизъ. Одинъ жандармъ упалъ на землю и корчился въ предсмертной агоніи. Мѣсто около павшаго опустѣло. Сквозь буковую листву Славчо увидѣлъ, какъ товарищи убитаго бѣжали назадъ, пробираясь между деревьями и ища себѣ защиты отъ выстрѣловъ невидимаго непріятеля.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ описаннаго здѣсь событія. Сначала тройное убійство, совершенное Бѣлимелцомъ, надѣлало много шуму и дало поводъ туркамъ арестовать и засадить въ софійскую тюрьму чуть не половину мужского бѣлимелскаго населенія, на которое указалъ чорбаджи Недя, какъ на соучастниковъ и чуть ли не прямыхъ виновниковъ происшедшаго. Но потомъ дѣло стало забываться и впечатлѣніе мало-по-малу изгладилось.

Предполагали, что онъ съ женой перебрался въ Сербію. Но послѣ стали носиться мутные слухи, что онъ опять бродитъ по окрестнымъ лѣсамъ съ какой-то новой четой, въ которой участвуетъ и Волкана. Слухи эти до нѣкоторой степени были вѣроятны: по крайней мѣрѣ, когда турки захотѣли отправить въ Софію еще двухъ крестьянъ, тѣ вдругъ неожиданно скрылись, да такъ и пропали безъ вѣсти... Владка забрали къ себѣ далекіе родственники Волканы, но за хатой Славчевой слѣдить было некому: оставшись безъ хозяевъ, она мало-по-малу пошла на расхищеніе, ее заколотили и она опустѣла. На весну слухъ о Славчо сталъ носиться съ еще бо̀льшей настойчивостью. Нѣкоторые видѣли даже, какъ онъ сходилъ по скаламъ въ село Помеждинъ, гдѣ, говорятъ, было его тайное гнѣздо; недѣлю тому назадъ было дано три ружейныхъ выстрѣла въ полицейскаго, когда тотъ проходилъ по опушкѣ Лѣсковской рощи. Никто не сомнѣвался, что это было дѣломъ Славчо и его дружины. Имя Славчо вновь проникло въ село и въ дома, стало предметомъ разговоровъ, и образъ его жилъ въ душѣ бѣлимелцевъ. При тайной радости, что ихъ родной юнакъ живъ и здоровъ и будетъ мстить народнымъ врагамъ, бѣлимелцы ощущали однако и невольный страхъ, что какая-нибудь новая выходка Славчо легко могла ввергнуть въ новыя страданія Бѣли-Мелъ.

— Онъ деретъ теперь лыко въ горахъ,—замѣтилъ чорбаджи Недю,—какъ бы скоро и съ него не содрали кожи. И какъ это

не найдется никого сказать этому негодяю, чтобы онъ убирался отсюда по-добру по-здорову и оставилъ насъ въ покоѣ!

Спустя нѣсколько дней, однажды вечеромъ, овчаръ Найденъ, сойдя съ горъ, принесъ чорбаджи Недѣ пулю съ вырѣзаннымъ на ней крестомъ и сказалъ ему.

— Дядя Недя, поклонъ тебѣ отъ Славчо, а чтобы ты повѣрилъ, что я иду отъ него, онъ приказалъ отдать тебѣ вотъ эту пулю въ залогъ.

Недя посмотрѣлъ на него въ смущеніи, но пули не взялъ.

— Чего жъ онъ хочетъ? Зачѣмъ посылаетъ мнѣ пулю?— спросилъ чорбаджи.

— А вотъ зачѣмъ: онъ велѣлъ мнѣ сказать тебѣ, чтобы ты завтра же утромъ прислалъ для его дружины двѣнадцать паръ обуви, полтора фунта пороху, да три фунта табаку. А на Ильинъ день приготовь ему угощеніе: онъ самъ придетъ къ тебѣ въ гости...

Чорбаджи Недя взглянулъ испуганно на Найдена.

— Такъ вотъ за какимъ дѣломъ ты приходишь отъ этого разбойника?

— Чорбаджи, я не виноватъ. Ты знаешь, мы — сельскіе люди, живемъ въ полѣ и, если не послушаемся, все наше въ ихъ рукахъ. Что̀ онъ мнѣ приказалъ, то я и говорю. А тамъ какъ знаешь.

— А ту пулю зачѣмъ онъ мнѣ прислалъ?

Найденъ молчалъ.

— Что̀ она значитъ?

— Чорбаджи, не знаю...

— Убить меня онъ хочетъ, что ли?

— Не знаю, чорбаджи...

— И крестъ еще вырѣзалъ на ней! — сказалъ Недя, разсматривая пулю, которую уже взялъ въ руки.

— Да, крестъ,—подтвердилъ Найденъ.

— Зачѣмъ онъ?

— Онъ поцѣловалъ этотъ крестъ Божій и поклялся на немъ, что, если ты не исполнишь того, что̀ онъ приказываетъ...

Въ эту минуту въ глазахъ Неди блеснулъ огонекъ.

— Хорошо,—сказалъ онъ,—передай ему мой отвѣтъ.

Недя бросилъ пулю въ Огосту, засунулъ небрежно руки въ карманы и сказалъ Найдену:

— Найденъ, передай отъ меня поклонъ гайдуку Славчо.

— Спасибо, чорбаджи.

— Пожелай ему добраго здоровья,— продолжалъ Недя,—и скажи, что пороху и обуви у меня въ домѣ нѣту, но что я пойду въ Берковицу купить ихъ для него, и табаку—цѣлый фартукъ табаку.

И Недино лицо поблѣднѣло.

— А мнѣ подождать?

— Ты себѣ иди, а Славчо скажи, что порохъ и обувь я ему не пришлю, а передамъ на Ильинъ день, когда онъ самъ придетъ ко мнѣ въ гости... Я ему приготовлю угощеніе на славу, какого онъ еще во всю свою жизнь не пробовалъ.

Лицо чорбаджи изъ блѣднаго стало зеленымъ.

Но пастухъ принималъ все за чистую монету, и даже выраженіе лица Неди, ставшее грознымъ, не помогло ему уловить истинный смыслъ его словъ.

— Съ Богомъ, чорбаджи, прощай,—сказалъ Найденъ и, надѣвъ свою торбу на палку, закинулъ ее за плечо и уже хотѣлъ уходить. Бѣдный пастухъ, повидимому, рѣшительно не понялъ угрозъ, которыя крылись въ словахъ Неди.

Это разсердило чорбаджи Недю.

Онъ хотѣлъ, чтобы Найденъ передалъ Славчо настоящій смыслъ его отвѣта.

И онъ его окликнулъ.

Найденъ повернулся и взглянулъ на него.

— Скотина, ты меня не понимаешь!—сказалъ раздраженно Недя.

Найденъ и теперь ничего не понялъ.

— Скажи этому негодяю и мерзавцу, пусть онъ только попробуетъ пожаловать ко мнѣ на Ильинъ день, я угощу и его съ товарищами, да и всѣхъ вороновъ и орловъ, что летаютъ здѣсь, накормлю—его мясомъ. А голову его всажу вонъ тамъ на заборъ, пусть пугаетъ птицъ.

Найденъ взглянулъ на него испуганно.

— Что ты говоришь, чорбаджи... Славчо можетъ надѣлать тебѣ много бѣдъ.

— Да ужъ и ты не за одно ли съ нимъ, оселъ!—крикнулъ Недя.

— Сохрани Боже!

— Ну такъ и проваливай прочь!

Гнѣвъ Неди все разгорался.

— Прощай, чорбаджи!—Найденъ повернулся и скоро пропалъ въ уличной темнотѣ.

Онъ прошелъ черезъ двѣ улицы, поднялся въ третью и постучалъ у однихъ воротъ.

Густая тьма была разлита повсюду. Улица была пуста.

Двѣ овчарки залаяли во дворѣ, бросились къ воротамъ и стали ихъ царапать лапами.

Но въ ту же минуту замолкли. Инстинктъ указалъ имъ, что у воротъ стоитъ не чужой человѣкъ.

И дѣйствительно, Найденъ былъ у своего дома; собаки принадлежали ему.

Маленькій мальчикъ отворилъ ему ворота.

Найденъ вошелъ во дворъ, а мальчикъ заперъ за нимъ ворота.

— Приходилъ кто-нибудь?—спросилъ Найденъ тихо.

— Никого не было, тятя.

Найденъ направился къ хатѣ, въ окошкѣ которой мерцалъ свѣтъ, и вошелъ туда.

Внутри не было пусто.

Тамъ сидѣло четверо крестьянъ. Всѣ они опирались на ружья.

Съ перваго же взгляда бросался въ глаза исполинскій ростъ и атлетическое тѣлосложеніе одного изъ нихъ. Широкія, ровныя его плечи давали понятіе о мощномъ развитіи груди. Почернѣвшее и загорѣлое лицо свидѣтельствовало, что много работы пришлось ему имѣть и со зноемъ, и съ вѣтромъ, и съ зимними холодами, и съ природными стихіями. Глаза его свѣтились ярко, но спокойно, подъ тонко выведенными бровями, которыя совсѣмъ не гармонировали съ грубыми чертами лица и крѣпкимъ, плотнымъ тѣлосложеніемъ.

Остальные трое не могли похвалиться богатырской осанкой перваго, но и ихъ лица были закалены на вольномъ воздухѣ, глаза блестѣли, только повеселѣе. Одинъ изъ нихъ рѣзко выдѣлялся среди всѣхъ другихъ полнымъ отсутствіемъ усовъ. Онъ смотрѣлъ совершенно безусымъ мальчикомъ.

И удивительно, этотъ мальчикъ отложилъ на сторону свое ружье и вмѣсто него обнималъ сидѣвшаго у него на колѣняхъ ребенка. Онъ скорѣе походилъ на мать, чѣмъ на разбойника.

Читатель, конечно, уже догадался, что предъ нимъ Славчева дружина, въ которую входила и Волкана. Исполинъ былъ самъ Славчо, а двое другихъ—бѣжавшіе изъ Бѣли-Мела крестьяне.

Съ Найденомъ, который былъ тайнымъ пособникомъ юнаковъ, всего дружины было пять человѣкъ.

Всѣ устремили свои взоры на вошедшаго.

— Ну, что, Найденъ?—спросилъ Славчо.

— Не хочетъ.

— Не хочетъ?

— Дьяволъ проклятый! —сказалъ Найденъ, бросая торбу въ уголъ.

— Разскажи, какъ было дѣло,—сказалъ воевода.

Найденъ повторилъ весь разговоръ свой съ Недей.

— Такъ онъ грозится всадить мнѣ голову на заборъ?— спросилъ Славчо, и въ глазахъ его задрожалъ гнѣвъ.

Найденъ подтвердилъ.

— Гдѣ онъ теперь?

— Остался дома.

— Волкана, оставь Владка, вставайте всѣ!—приказалъ Славчо.

Повидимому, всѣ были согласны съ рѣшеніемъ, которое внезапно принялъ Славчо. Они его угадывали и еще ранѣе были готовы послѣдовать за воеводой, куда бы онъ ихъ ни повелъ.

Волкана отсадила отъ себя ребенка.

Владко залепеталъ безпокойно и уже приготовился плакать.

— Мама, мама!

— Посиди здѣсь, дѣточка; мама сейчасъ вернется; мы пойдемъ въ гости къ одному чорбаджи,—утѣшала его Волкана, надѣвая на плечо ружье.

Но такъ какъ Владко продолжалъ хныкать и умолять мать, она нагнулась къ нему, поцѣловала его нѣсколько разъ въ голову и вышла изъ хаты во дворъ, гдѣ ее ожидали товарищи.

Тутъ они немножко посовѣщались.

— Мы пройдемъ къ нему отъ Стаменовыхъ, Найденъ?— обернулся Славчо къ пастуху, который также взялъ свое ружье.

— Отъ Стаменовыхъ черезъ заборъ по грушѣ прямо спустимся къ нему во дворъ.

— Ты пойдешь впередъ.

— Хорошо, собаки меня знаютъ, я ихъ прикормлю...

— Жены и дѣтей его мы не тронемъ.

— Только Недю.

— А что̀ мы съ нимъ будемъ дѣлать?

— Убить его?

— Нѣтъ, не надо.

— А что̀ же съ нимъ дѣлать?

— Вы ужъ предоставьте чорбаджи Недю мнѣ,—сказалъ авторитетно Славчо.

Они еще немножко пошептались въ темнотѣ и вышли. Впереди шелъ Славчо, возлѣ него Волкана. Остальные шли сзади.

Звѣзда тихо блестѣла на спящемъ небѣ. Природа уже отдыхала. Темныя вѣтви орѣшника и другихъ деревьевъ, точно молчаливыя, таинственныя чудовища, своими темными очертаніями подымались къ небу.

На улицѣ было совершенно пусто.

Только и слышно было, что шаги пяти человѣкъ.

Черезъ десять минутъ дружина остановилась у дома Неди.

Найденъ взобрался на плечи къ одному изъ товарищей и ловко перескочилъ во дворъ.

На утро въ селѣ царило чрезвычайное волненіе.

Разнеслась молва, что разбойники увели чорбаджи Недю въ лѣсъ, увели его изъ собственнаго его дома въ томъ видѣ, какъ онъ спалъ.

Никто не сомнѣвался, что это было дѣломъ рукъ Славчо.

Въ глубинѣ души крестьяне искренне радовались, что Славчо избавилъ ихъ отъ сельскаго міроѣда.

Но что̀ будетъ теперь? Налетятъ опять, какъ хищныя птицы, жандармы, станутъ разспрашивать, вязать и разорять деревню?

И съ каждымъ часомъ смущеніе и страхъ бѣлимелцевъ увеличивались.

Они еще болѣе возросли, когда крестьяне окончательно убѣдились, что никто другой, какъ самъ Славчо, все тотъ же Славчо, былъ въ эту ночь въ селѣ со своею дружиною.

На концѣ села, у берега Огосты одинъ изъ лежавшихъ тамъ большихъ камней былъ отваленъ, а подъ нимъ вырыта глубокая яма. На выкинутой землѣ еще валялись бѣлые меджидіе и нѣсколько лиръ.

Значитъ, тутъ была закопана видинская казна и только въ эту ночь вырылъ ее Славчо.

Въ Нединомъ домѣ стояли плачъ и рыданія.

Но плакали только тамъ.

Во всемъ остальномъ селѣ крестьяне отъ души радовались, что Недя исчезъ.

— Ужъ если онъ попалъ въ руки Славчо, не выйти ему живымъ, говорили крестьяне.

— Такъ ему и слѣдовало. Подѣломъ разбойнику!

— Господь да пошлетъ удачи и силы такимъ юнакамъ,

какъ Славчо. Ужъ что́ онъ сдѣлаетъ, тому такъ и быть. Мастеръ своего дѣла, молодецъ!

Другіе говорили:

— Конечно, Недя хуже послѣдняго турка, и лучше было Славчо припрятать его, чѣмъ десять турокъ...

Такія и тому подобныя жестокія изліянія злорадства вызвало въ селѣ великое несчастье, обрушившееся на голову чорбаджи Неди.

Прошло довольно много времени, а о Недѣ не было ни слуху, ни духу.

Сборщикъ сельскихъ податей донесъ властямъ въ Берковицѣ объ исчезновеніи Неди; приходили опять жандармы, разспрашивали, искали и въ селѣ и по окрестностямъ, но никакого слѣда пропавшаго чорбаджи такъ и не нашли.

Въ концѣ концовъ власти махнули рукой и прекратили поиски.

— Не стоитъ трудиться изъ-за какого-то паршиваго гяура,— сказали турки.

На Петковъ день въ Бѣли-Мелѣ водили хороводъ.

Хороводъ—пестрая цѣпь дѣвокъ и молодицъ, парней и жениховъ, одинаково разряженныхъ и разубранныхъ,—весело двигался по большой ровной площади передъ Нединымъ домомъ.

Двѣ волынки играли, и веселью молодого бѣлимельскаго поколѣнія не было границъ.

Кромѣ плясуновъ, большія группы поселянъ стояли и внутри цѣпи и за ней: всѣ рады были поглядѣть на раскраснѣвшихся отъ пляски и счастья красавицъ-дѣвушекъ.

А солнце весело свѣтило съ синяго неба и, точно весною, сыпало на землю свои благодатные и животворные лучи, возбуждая во всемъ, что̀ только могло ихъ чувствовать, видѣть и воспринимать, радостный трепетъ жизни. Высокія вершины Старой Планины величаво и отчетливо вырѣзывались своимъ профилемъ на горизонтѣ, то утопая въ синей лазури, то скрываясь въ серебряномъ вѣнцѣ пушистыхъ облаковъ. Пожелтѣвшія уже полянки на склонахъ и гребнѣ горъ, обнаженныя и свободныя, страстно нѣжились подъ сладостнымъ сіяніемъ чуднаго осенняго солнца. Ближе къ селу поднимались пониже силуэты лѣсистыхъ холмовъ и возвышенностей, что̀ нагромоздились у подножья Балканъ, одѣтыя темнозеленымъ покровомъ, ярко позолоченнымъ сол-

нечными лучами. Ихъ окутывала таинственная, эѳирно-прозрачная мгла, придавая имъ волшебный характеръ туманной картины. На сѣверъ отъ села голые утесы и густыя возвышенія молчаливо, можно бы сказать, скорбно глядѣли въ эту сторону, неосѣненные ни единымъ лѣскомъ, точно какія-то лишенныя наслѣдства существа, что смотрятъ съ завистью на роскошный уборъ своихъ сосѣдей. Ни признака жизни не замѣчалось тамъ. Только жалкое стадо овецъ незамѣтно расползлось по ихъ склонамъ, точно куча прилипшихъ къ нимъ каменьевъ.

А громадный хороводъ передъ чорбаджи-Нединымъ домомъ колебался все живѣе, все быстрѣе, опьяненный весельемъ. Волынка уже смолкла и хороводъ двигался подъ ритмъ пѣсни. А пѣсню пѣли всѣ дѣвушки въ одинъ голосъ и съ увлеченіемъ, такъ какъ она была новая и всякій понималъ ея значеніе, всякаго она интересовала. Да, пѣсня была новая. Вотъ она:

Ранымъ-рано вставала Волкана,
Въ Юрьевъ день она встала, день праздничный,
Подметала свой дворъ она чистенько,
На планину глядѣла высокую
И промолвила слово крылатое:
„Ужъ и гдѣ это видано-слыхано,
Чтобы баба была воеводою
Надъ семьюдесятью надъ юнаками,
Надъ семьюдесятью и семью.
Повела Волкана удалыихъ,
Повела ихъ ко лѣсу зеленому,
Ко тому ли ко буку зеленому,
Ужъ ко той ли водѣ ко студеноей.
Слово молвила Славчо тутъ вѣрному.
— Ахъ, ты, Славко мой, Славко мой вѣрный,
Дай тебя попытаю, повыспрошу,
Ты скажи мнѣ по правдѣ по истинной:
Ужъ за что на меня прогнѣвилися
И мнѣ слова не молвятъ товарищи?
И Волканѣ такъ Славчо отвѣтствовалъ:
— Поленица, Волкана удалая,
Коли хочешь ты знать правду-истину,
Я скажу тебѣ слово правдивое,
Я скажу тебѣ слово неложное:
Этой ночью, Волкана, не спалось мнѣ,
Я слыхалъ,—говорили товарищи:
„Не хотимъ мы бабья воеводою!
Не управится баба съ ножомъ,
Головы не отрѣжетъ разбойнику,
Не хотимъ мы бабья воеводою“.

Всеобщ. Публичная Библиотека

Слово молвитъ Волкана крылатое:
— Ай же, Славко мой, добрый ты мо́лодецъ,
Есть въ лѣсу тамъ пещера глубокая,
Въ ней сидитъ черный Недя, злодѣй,
Душегубъ, кровопіецъ безжалостный,
Лютый звѣрь онъ для міра крестьянскаго.
Прошло ужъ семь лѣтъ безъ единаго,
Какъ сидитъ онъ въ лѣсу во дремучіемъ,
Весь окованъ цѣпями тяжелыми.
Приведи ко мнѣ, Славко, разбойника,
Міроѣда, крестьянъ разорителя,
Кровопійцу, злодѣя, губителя,
Пусть увидять товарищи храбрые,
Что умѣетъ Волкана могучая
Голову́ снять злодѣю-разбойнику,
Воеводою быть надъ удалыми...

Еще въ воздухѣ стояли послѣдніе звуки недопѣтой пѣсни, какъ вдругъ хороводъ дрогнулъ и всѣ смутились. Произошла тревога. Глаза всѣхъ устремились въ одно мѣсто, въ середину цѣпи, куда вошло семь или восемь новыхъ плясуновъ. Эти новые танцоры были тоже крестьяне. Среди нихъ выдѣлялся одинъ великанъ и стоявшій около него безбородый юноша.

— Славчо!—пронеслось по толпѣ.

— Волкана!—зашептали повсюду.

— И Славчева дружина тутъ!

Въ первую минуту хороводъ сталъ, но не распался.

Ни одинъ парень ни одна дѣвушка не посмѣла первая разорвать кругъ. Но это оцѣпенѣніе продолжалось всего только одну минуту.

Тотчасъ же хороводъ опять задвигался и пѣсня продолжалась, пока не дошла до своей кровавой развязки.

Къ голосамъ деревенскихъ молодцовъ присоединился и сильный голосъ Волканы; онъ выдѣлялся среди всѣхъ прочихъ, покрывая ихъ сполна.

А хороводъ съ опьяняющей, неудержимой веселостью все двигался и двигался.

Теперь взгляды всѣхъ крестьянъ, точно заколдованные, были устремлены на легендарную дружину. Не могли они достаточно насмотрѣться и надивиться мужественному строгому и дикому виду Волканы, которая совершенно перемѣнилась въ своемъ мужскомъ нарядѣ съ длиннымъ ятаганомъ, съ рукояткою изъ слоновой кости, и парою пистолетовъ за поясомъ.

— Что за красавица она стала въ этомъ нарядѣ, говорили

крестьяне. А дѣвки? А молодцы? Не было въ ту минуту ни одной изъ нихъ, которая бы втайнѣ не завидовала бы Волканѣ и не желала бы въ глубинѣ сердца быть на ея мѣстѣ.

Наконецъ хороводъ остановился: танцоры утомились. Всѣ столпились около Славчо и Волканы. Вокругъ дружины образовалась неприступная стѣна крестьянъ, которые другъ передъ другомъ спѣшили пожать руки своимъ юнакамъ и поздороваться съ ними. Принесли вина, и гайдуки стали угощаться съ крестьянами, братались, веселье было великое. Въ эту минуту всѣ забыли про опасность и всецѣло отдались естественной братской радости, которую выражали безъ всякаго стѣсненія и боязни.

Крестьяне точно перенеслись въ другой міръ. Ихъ охватилъ родъ опьяненія не столько отъ овина—женщины его и не пили— сколько отъ какой-то непонятнй, дѣтской, беззавѣтной радости. О возможности предательства никому и въ голову не пришло... Точно съ отсутствіемъ чорбаджи Неди изъ села улетучилась всякая дурная мысль, исчезло всякое нечистое намѣреніе. Разъ Недя былъ уничтоженъ, уничтожено было и зло...

Одинъ разъ уже крестьяне безъ всякой вины съ своей стороны, не видѣвъ даже въ глаза Славчо, были схвачены, посажены въ тюрьму и мучимы турками... Но и тогда, не будь Неди, кто бы рѣшился донести на нихъ властямъ и оклеветать ихъ передъ правительствомъ? Крестьяне имѣли теперь полное основаніе не бояться призрака правительства и предались своей радости безъ стѣсненія.

Въ одномъ только Нединомъ домѣ царило отчаяніе.

Наконецъ Славчо сказалъ:

— Братцы, сестрицы, славную пѣснь вы пропѣли, юнацкую пѣсню,—но я вамъ скажу кое-что: пѣсня не во всемъ вѣрна!

— Если не вѣрна, поправь ее, научи насъ, Славчо,—воскликнули бабы.

— Да, да, ужъ если вы пришли къ намъ въ гости, такъ скажите намъ всю правду, подхватили мужчины.

— Я вамъ скажу,—вмѣшалась Волкана,—не я воевода, а Славчо!

Бабы взглянули другъ на дружку въ недоумѣніи, если Волкана не была воеводою, то и вся пѣсня не годится! Это ихъ сильно смутило.

— Нѣтъ, пѣсню мы пѣть будемъ!—воскликнули наконецъ рѣшительно бабы, и веселый, громогласный смѣхъ подтвердилъ ихъ рѣшеніе.

— Пѣсня и такъ хороша, какъ она есть, замѣтили другіе.

— Да я и не говорю вамъ, чтобъ вы ее не пѣли,—сказалъ Славчо,—вы только исправьте конецъ.

— Какъ? Какой конецъ?

— Гдѣ поется о Недѣ, что ему голову отсѣкли...

— Что-жъ вы его повѣсили?—прервало нѣсколько человѣкъ.

— И не повѣсили...

— Такъ въ пещеру засадили?

— И въ пещеру не засадили.

— Довольно, что онъ околѣлъ. Больше намъ и знать ничего не нужно, отозвались—крестьяне.

— Недя живъ!—сказалъ Славчо.

Эти слова произвели на всѣхъ непріятное впечатлѣніе.

— Живъ!

— И вправду живъ?

— Ужъ не убѣжалъ ли онъ отъ васъ?

— Гдѣ жъ онъ теперь?

И вопросы полились, какъ дождь.

Славчо пошептался о чемъ-то съ товарищами. А потомъ обернулся.

— Не бойтесь; Недя у насъ въ рукахъ.

— Такъ вы его держите? Ну, слава Богу!

— Недя у насъ, живъ и здоровъ. А теперь мы васъ хотимъ спросить, что̀ съ нимъ сдѣлать. Вы страдали отъ Неди, а не мы... Говорите, братцы, какъ его наказать!

Крестьяне стали шушукаться.

Въ эту минуту въ толпѣ, собравшейся около гайдуковъ, произошло движеніе. Кто-то расталкивалъ народъ. Многіе обернулись посмотрѣть, что случилось.

— Не пущайте ее, кричалъ одинъ.

— Назадъ, назадъ!

— Чего она лѣзетъ!

И по толпѣ пробѣжалъ гнѣвъ противъ той, которая хотѣла пробраться къ гайдукамъ.

Славчо, превышая своей головой всю толпу, увидѣлъ, въ чемъ было дѣло.

— Недина баба идетъ?—спросилъ онъ.

— Она самая!

— Вонъ ее, назадъ,—раздались крики крестьянъ.

— Не за добромъ пришла она, смотрите, какъ выпялила свои буркулы, кричали они.

— Чего тебѣ нужно, баба?

— Назадъ!

— Славчо! Славчо, пусти меня! вопила отчаянно Недювица, напирая на крестьянъ, которые ее отталкивали.

Славчо махнулъ имъ рукой. То же самое сдѣлала Волкана.

— Пусть подойдетъ, сказали они.

При этихъ словахъ толпа разступилась и дала мѣсто бабѣ.

Это была дѣйствительно Недина жена.

— Ну, говори, чего ты хочешь? сказалъ строго Славчо.

— Знаемъ мы, чего она хочетъ, да не съ ея хотѣніемъ лѣзть впередъ, говорили сердито въ толпѣ.

Пусть поплачетъ. Изъ-за ея мужа сколько слезъ нами пролито. Господь ей ворочаетъ теперь сторицей.

Но скоро воцарилось молчаніе.

Недина жена, молодая еще крестьянка, страшно блѣдная, со сбившимся съ головы платкомъ и лицомъ, мокрымъ отъ слезъ, приблизилась плача.

Она пала на землю и охватила руками Славчевы колѣна.

— Пусти его, пусти его, Славчо! Выслушай меня, пусти его, прошу тебя, Славчо...

И она зарыдала.

Теперь всѣ сразу замолкли. Взгляды всѣхъ были устремлены на Недювицу, а она лежала на землѣ, въ ногахъ у воеводы. Кто бы повѣрилъ три мѣсяца назадъ, что гордая чорбаджи-Недина жена будетъ валяться въ ногахъ гайдука Славчо? И дивное дѣло, жестокость толпы смягчилась. Зрѣлище этого униженія, этого глубокаго отчаянія разбудило въ душѣ на мѣстѣ давняго озлобленія какое-то новое, лучшее чувство... Скорбь этой женщины, которая въ концѣ концовъ ни въ чемъ не была грѣшна и виновата передъ ними, тронула крестьянъ.

— Бѣдная баба!—послышалось гдѣ-то.

И вдругъ, точно по молчаливому уговору, раздались голоса:

— Воевода, воевода, просимъ тебя, не губи Недю.

— Пусти его, пусти его!—говорили другіе.

— Пусть вернется къ намъ и знаетъ, что остался живъ по нашей милости.

— Мы ему прощаемъ!

Голоса за милость и прощеніе слышались со всѣхъ сто-

ронъ. Къ чести человѣческаго сердца ни одного голоса не раздалось за смерть.

— Хорошо! сказалъ Славчо.

И, обернувшись къ Нединой женѣ, прибавилъ:

— Подъ вечеръ ожидай къ себѣ мужа... Я, Славчо, даю тебѣ въ этомъ слово... А теперь принеси къ намъ трехлѣтняго вина, да угости насъ на дорогу.

Счастливая Недювица не знала, что̀ и сказать отъ радости... Она только цѣловала руки тѣхъ, кто вымолилъ для нея жизнь Неди.

— Да пусть возьмется за умъ твой мужъ, да будетъ человѣкомъ, вспомнитъ, что онъ болгаринъ,—наставительно говорили старики.

— Будетъ, будетъ, какъ цыпленокъ; будетъ добръ, какъ ангелъ, незлобивъ... Ужъ я вамъ ручаюсь, будетъ; сами посмотрите,—говорила она безсознательно.

— Ну, а теперь сдѣлай, что приказалъ воевода: угости насъ получше трехлѣтнимъ... Сегодня Петковъ день—вашъ день.

Недювица побѣжала бѣгомъ и вскорѣ послѣ того на площадь выкатили бочку бѣлаго трехлѣтняго вина, и пошло на площади угощеніе съ веселыми пожеланіями и разговорами.

Всѣ были счастливы, что помогли доброму дѣлу.

Послѣ этого происшествія дружина Славча точно въ воду канула.

Ходили о ней разные слухи. Одни говорили, что она выбрала новое мѣсто для своихъ подвиговъ, другіе утверждали, что Славчо и его гайдуковъ вырѣзали всѣхъ до одного во врачанскомъ балканѣ, третьи болтали другое.

А на самомъ дѣлѣ Славчо распустилъ свою дружину и вмѣстѣ съ женою переселился въ Сербію, въ Неготинъ, гдѣ и остался жить.

На средства видинской казны, которая въ значительной своей части досталась ему, онъ началъ торговое дѣло, и благодаря своему трудолюбію и умѣнію въ скорое время разбогатѣлъ и занялъ почетное мѣсто среди первыхъ торговцевъ Неготина.

Когда Болгарія освободилась, неготинскій торговецъ переселился опять на родину и теперь онъ въ Р... мировымъ судьею.

И мы должны прибавить: однимъ изъ самыхъ хорошихъ мировыхъ судей. Онъ съ такимъ же умѣніемъ и безошибочностью

воздаетъ каждому по дѣламъ его, какъ когда-то давалъ пиньки въ животъ. Чему не научится человѣкъ!

Нѣсколько словъ еще: послѣдній подвигъ Славчо въ Бѣли-Мелѣ, его появленіе съ дружиною на Петковъ день въ селѣ и участіе въ хороводѣ осталось тайной, и никогда турки не узнаютъ о сердечномъ братаніи бѣлимелцевъ съ разбойниками.

Единственный дурной человѣкъ, который могъ бы донести объ этомъ властямъ, былъ Недя.

А Недя дѣйствительно вернулся въ Петковъ день вечеромъ къ женѣ. Но съ того дня Недя сталъ другимъ человѣкомъ... Читатели поймутъ это, когда мы имъ скажемъ, что среди множества крестьянъ, которыхъ въ 1876 году связанными отправили въ Софію за помощь Ботеву и его четѣ, во главѣ всѣхъ шелъ Недя Бѣлимелчанинъ!

2. Первые дни болгарской свободы.

15 іюня 1877 года русскія войска побѣдоносно перешли Дунай при Систовѣ. Десять дней спустя князь Черкасскій позвалъ членовъ распущеннаго бухарестскаго комитета къ себѣ на квартиру. Жилъ онъ въ простомъ домикѣ, затерявшемся въ одномъ изъ отдаленныхъ концовъ румынской столицы. Стояла ужасная жара. Князь вышелъ къ намъ въ переднюю, въ жилеткѣ, съ разстегнутой на груди рубашкой. Это былъ полный человѣкъ съ румянымъ, здоровымъ, красивымъ лицомъ, съ энергическимъ взглядомъ и нервною рѣчью. Пріемъ былъ холоденъ, даже суровъ. Черкасскій объявилъ, что онъ призвалъ насъ съ цѣлью отправить въ качествѣ „переводчиковъ" къ разнымъ русскимъ корпусамъ въ Болгаріи и при этомъ съ натискомъ замѣтилъ, что за нашимъ поведеніемъ тамъ будутъ слѣдить...

Стефанъ Стамбуловъ обидѣлся:

— Я не хочу служить!

— Хорошо, вы будете состоять подъ надзоромъ!

— Я записался въ ополченіе, — сказалъ Олимпій Пановъ.

Князь кивнулъ головой и ушелъ въ свою комнату.

На другой день я отправился въ Систово переводчикомъ, но не при корпусѣ, а при губернаторѣ „Систовскаго санджака". Повидимому, князь нашелъ меня очень миролюбивымъ и тихимъ человѣкомъ и назначилъ меня подальше отъ свиста ядеръ. Въ Зимницу мы прибыли въ нестерпимую жару и на слѣдующее

утро переправились черезъ Дунай на лодкѣ. Между моими спутниками былъ и Олимпій Пановъ, который ѣхалъ догонять ополченцевъ. Помню, съ какимъ восторгомъ приближались мы къ освобожденному Систову; мы пили горстями мутную воду Дуная, „свободную воду" Дуная, какъ мы говорили.

Найденъ Геровъ, новоназначенный губернаторъ Систовскаго санджака, прибылъ нѣсколько дней спустя, и я съ другими сослуживцами представился ему. Знакомый съ русской литературой еще съ шестнадцатилѣтняго возраста, я считалъ себя предопредѣленнымъ самою судьбою служить переводчикомъ. Но Геровъ схватился за волосы, когда услышалъ мой русскій языкъ, который не былъ въ ладахъ ни съ одной изъ русскихъ грамматикъ,— и сдѣлалъ меня писцомъ. Такимъ образомъ я имѣлъ честь образовать послѣднюю ступень канцелярской лѣстницы (Драганъ Цанковъ былъ тогда вице-губернаторомъ).

Я имѣлъ честь быть и однимъ изъ первыхъ болгаръ, которые образовали канцелярскій персоналъ и первое зерно болгарскаго чиновничества. Богъ благословилъ это зерно, и цѣлая Болгарія покрыта теперь роскошно расцвѣтшею нивой питомцевъ 20-го числа.

Счастливо было положенное нами начало!

Но возвращусь къ предмету своихъ воспоминаній: первымъ днямъ нашей свободы.

Что это были за дни—тревожные, необыкновенные, чудные!

Я, какъ сейчасъ, вижу тогдашнее Систово, Систово въ первые два мѣсяца послѣ своего освобожденія. Шумное, говорливое, пыльное, полное кипящей жизни, бурныхъ отголосковъ великихъ событій той войны, въ громахъ которой рождалась наша юная и кровавая свобода, Систово было тогда единственной дѣйствовавшей пристанью на Дунаѣ, находившеюся въ русскихъ рукахъ. Черезъ Систово проходили русскіе полки, которые шли, чтобы подъ громогласные крики „ура" вступить въ эпическіе приступы къ Плевнѣ. Систово, обращенное въ военный центръ, главный интендантскій складъ Плевненской и Гурковской арміи, средоточіе всѣхъ путей между Дунаемъ и театромъ военныхъ дѣйствій, стало тѣснымъ для своихъ многотысячныхъ гостей. Всѣ болгарскіе дома были отданы подъ квартиры для русскихъ офицеровъ и солдатъ; училища и церкви обращены въ больницы. Выросли, точно изъ земли увеселительные сады, кафе-шантаны, гдѣ полу-

голыя нимфы со всего свѣта продавали свои пѣсни и прелести... Цѣна на все поднялась до баснословныхъ размѣровъ; стократно увеличившіяся потребности вызвали необыкновенный разгаръ спекуляціи. Полуимперіалы и рубли текли рѣкою... Практическіе систовцы еще и теперь вздыхаютъ при воспоминаніи объ этомъ времени...

Пустой и безмолвной оставалась одна только турецкая часть города. Жилища бѣжавшихъ 15 іюня турокъ стояли пустыя, разграбленныя, безъ оконъ, безъ дверей, въ пуху отъ распоротыхъ перинъ и подушекъ внутри. Болгары и систовскіе румыны обошлись съ турецкими жилищами такъ, какъ турки обошлись бы и дѣйствительно обходились съ болгарскими въ обратномъ случаѣ. Намъ надо было сохранить свою славу восточнаго народа...

Въ первые же дни своего пребыванія въ Систовѣ я посѣтилъ тотъ уголокъ дунайскаго берега, гдѣ переправлялись на лодкахъ подъ градомъ ядеръ и гранатъ русскія войска съ Драгомировымъ и Скобелевымъ во главѣ. Все Систово, еще бывшее подъ обаяніемъ великаго событія, которое принесло ему свободу, разсказывало чудеса о геройской неустрашимости и самопожертвованіи русскихъ воиновъ на волнахъ Дуная и на берегахъ его, гдѣ оно было трепетнымъ зрителемъ происходившаго. 15-го іюня ни одного турецкаго солдата, ни одного турка не осталось уже въ Систовѣ и укрѣпленіяхъ. Въ тотъ день сами систовцы еще не вѣрили, что они будутъ свободны. Въ одно мгновеніе на всѣхъ болгарскихъ воротахъ появились кресты. Фески исчезли. Всякій надѣвалъ на голову, что попало: шляпу, мѣховую шапку, колпакъ. Многіе болгары, у которыхъ не было ни одного изъ этихъ уборовъ, обвязали себѣ голову женскими платками. Я еще засталъ такихъ. Когда появился главный герой дня, Скобелевъ, систовскій аптекарь, Велизаръ Якововъ, встрѣтилъ его горячею рѣчью по-нѣмецки. Скобелевъ отвѣтилъ ему по-русски:—Спасибо вамъ!—и спросилъ о гостиницѣ, гдѣ можно было бы поѣсть. Гостиницы въ Систовѣ не было, и его угостили въ одномъ частномъ домѣ.

На другой день Систово имѣло счастье дождаться и императора Александра. Царь прибылъ на лодкѣ въ сопровожденіи главнокомандующаго великаго князя Николая Николаевича, наслѣдника, Горчакова, Игнатьева. Восторгъ былъ неописуемый. Клики, цвѣты, слезы отъ радости. Попъ Христо привѣтствовалъ

царя рѣчью. Царь проѣзжалъ по улицамъ, усыпаннымъ цвѣтами, и направился къ церкви. Онъ ѣхалъ на черномъ конѣ возблагодарить Бога за великую побѣду. Мнѣ разсказывали о степени народнаго восторга въ тотъ день. Одни цѣловали ему стремена, матери протягивали къ нему дѣтей, чтобъ онъ ихъ поласкалъ, дѣвушки, рискуя быть растоптанными лошадьми, подносили ему букеты цвѣтовъ. Восьмидесятилѣтній уважаемый старецъ, Иваница Алексовъ, явился передъ лицо императора и воскликнулъ: „Нынѣ отпущаеши раба твоего, владыко!“... и въ тотъ же день умеръ отъ радости. Послѣ благодарственнаго молебна въ церкви царь обнялъ и поцѣловалъ своего брата Николая Николаевича, а народъ въ изступленіи закричалъ „ура“, всѣ лица были мокры отъ слезъ. Царь вынулъ платокъ и отеръ свои глаза: и онъ заплакалъ! Божественныя царскія слезы!.. Послѣ онъ поцѣловалъ руку священнослужителя и представилъ ему наслѣдника.

Подъ впечатлѣніемъ этихъ разсказовъ я написалъ и тогда же напечаталъ на летучихъ листкахъ стихотвореніе: Царь въ Систовѣ, которое начиналось такъ:

Лѣй се, Дунаве славянски,
Въ тие прелестни хълми,
Лѣй се, Дунаве гигантски,
Лѣй се, радостно шуми.

Ти отъ вѣкове тукъ стѣнешъ,
Съ кръвь и сълзи сѐ залянъ,
Шумишъ, плѣскашъ и се пѣнишъ,
Като свързанъ великанъ...

Но падна тирана бѣсенъ:
Шуми, Дунаве, шуми,
И подобна мойто пѣсень
Тонъ по̀-ясенъ приеми!

Лей се, влачи подъ небето
Триумфални си вълни!
Бързай, кажѝ на морето
Що си видѣлъ въ тия дни!

Прошу великодушно снисхожденія у читателя, что привожу эти стихи, столь наивные по чувству и слабые по формѣ: они дороги моей душѣ по воспоминаніямъ, съ которыми они связаны.

Мнѣ не выпало на долю счастья видѣть тогда императора; но я уже видѣлъ его въ Бухарестѣ 14-го мая, когда онъ въѣзжалъ туда, встрѣчаемый стотысячной толпой, среди которой и я,

затерявшись, плакалъ отъ безумнаго восхищенія и, чтобы дать выходъ накипѣвшему въ груди бурному чувству, въ тотъ же день написалъ Оду Императору Александру, гдѣ, въ изступленіи патріотическаго восторга и обоготворенія, говорилъ:

Въ епохитѣ нѣма моментъ по̀-умиленъ,
Въ историйята нѣма по̀-доблестенъ ликъ:
Отъ Цезаря ти си по̀-славенъ и силенъ
И отъ Александра ти си по̀-великъ.

Какво тѣ сториха? Прѣвзеха царствата.
Царю! Ти сто пѫти по̀-горѣ стоишъ:
Ти ведно съ царствата владѣйшъ и сърдцата,
Тѣ туряха ига, и ти ги трошишъ!
. .

Никогда не изгладится изъ моей памяти обликъ императора Александра. Одѣтый въ бѣлый китель, съ лицомъ красивымъ, блѣднымъ, усталымъ, съ просѣдью въ волосахъ и запыленными бакенбардами, съ взглядомъ орлинымъ, повелительнымъ, но полнымъ благости и невыразимаго величія, статнѣе всей своей блестящей свиты, великихъ князей и генераловъ, онъ сидѣлъ въ коляскѣ съ румынскою княгиней, осыпаемый дождемъ цвѣтовъ и оглушаемый громовыми кликами „ура"...

Поистинѣ счастлива была богатымъ содержаніемъ жизнь тогдашняго поколѣнія. Оно пережило тяжелую борьбу и ужасы, какіе рѣдко выпадали на долю народа; но оно испытало и восторги, какихъ никогда не испытаетъ никакое наше поколѣніе. Всѣ великія событія послѣ освобожденія, какъ ни глубоко ихъ значеніе, блѣднѣютъ передъ тѣмъ чуднымъ мгновеніемъ, когда русскій императоръ, точно воплощеніе лучезарной мечты цѣлой вереницы народныхъ поколѣній, вступилъ на болгарскій берегъ, окруженный обаяніемъ и славою нѣкоего божества, и произнесъ слова:

Да будетъ свободна эта земля!

Новое поколѣніе упрекаютъ въ хладнокровіи, даже равнодушіи при воспоминаніяхъ о великихъ событіяхъ недавняго прошлаго. Виновато ли оно? Оно ихъ не знаетъ, оно ихъ не видѣло, они для него только холодная исторія. Для него болгарская исторія начинается съ освобожденія, въ теченіе котораго оно родилось или выросло, пригрѣваемое теплыми лучами свободы, не испытавъ, не выстрадавъ, не переживъ всего предшествовавшаго, что̀ принесло эту свободу и сопровождало ея рожденіе.

Страшныя и величайшія минуты этого прошедшаго оно не можетъ понять и прочувствовать во всей ихъ полнотѣ и силѣ по мертвымъ книгамъ, какъ прочуствовало прежнее поколѣніе, которое восприняло ихъ отъ своей жизни и носитъ въ своей душѣ неумирающими и свѣжими видѣніями. Да и это ли одно? Развѣ мало помогъ возникновенію и воспитанію въ душѣ молодежи этого небрежнаго отношенія къ минувшему, этого скептическаго духа—и ограниченный шовинизмъ часто въ союзѣ съ политическимъ невѣжествомъ и глупостью?

Не въ далекомъ будущемъ величавый бронзовый образъ Царя-Освободителя передъ Народнымъ Собраніемъ устремитъ свой благородный обликъ въ небо и будетъ говорить будущимъ поколѣніямъ и міру больше и сильнѣе, чѣмъ какая бы то ни было исторія.

Счастлива мысль дать намъ видимый образъ того памятника, который уже давно навѣки воздвигнутъ въ сердцѣ Болгаріи!

А между тѣмъ Систово жило своей обыкновенной кипучею жизнью, наводняемое волнами постоянно приходящихъ и отходящихъ войскъ. Сначала мы жили какъ бы въ безпрерывномъ опьяненіи отъ быстрыхъ побѣдъ русскихъ, которыя приводили насъ въ неописуемый восторгъ. Были уже взяты Тырново, Дрѣново, Елена, Трявна, Габрово; Гурко занялъ Шипку и прошелъ съ нашими соколами-ополченцами черезъ старую Планину, освободилъ долины Стремы и Тунджи и навелъ паническій страхъ на турокъ до самаго Пловдива и Одрина (Адріанополя); генералъ Криденеръ взялъ Никополь—и мы видѣли, какъ провозили его шеститысячный гарнизонъ, взятый въ плѣнъ вмѣстѣ со своимъ начальникомъ, Келъ-Хасанъ-пашею, который съ головою ушелъ въ высоко приподнятый воротникъ своей шинели, чтобы его не видѣла райя. Русскія войска подвигались впередъ съ стремительностью и силою урагана. Цѣлый свѣтъ, притаивъ дыханіе, смотрѣлъ на эти непрерывные тріумфы.

Болгарія уже свободна, свободна!

Мы ликовали.

Вдругъ мы узнали о первомъ плевненскомъ пораженіи 8-го іюля, которое измѣнило весь ходъ войны. Послѣ начались и другія неудачи въ іюлѣ и августѣ.

Слухъ о второй страшной неудачѣ 18-го іюля произвелъ панику. Я помню ее хорошо.

По городу разнеслась страшная вѣсть: „турки идутъ!“ Говорили, что русскія войска разбиты подъ Плевной, и что Османъ-паша (это имя тогда еще было мало извѣстно) идетъ по ихъ слѣдамъ и приближается къ Систову. Этотъ слухъ повергъ въ безумный ужасъ населеніе. Всѣ потеряли голову; мужчины, женщины, дѣти бросились къ Дунаю, спѣша перейти черезъ понтонный мостъ. Повозки опрокидывались на бѣгу, люди топтали другъ друга. Невообразимое смятеніе настало на улицахъ, переполненныхъ бѣгущимъ народомъ съ испуганными взглядами, съ пожелтѣлыми лицами. Напрасно энергическій градоначальникъ Систова, майоръ Подгурскій, полякъ, одинъ изъ первыхъ, перешедшихъ черезъ Дунай, съ подвязанной отъ боевыхъ ранъ рукой, вскачь носился по улицамъ, стараясь прекратить неурядицу. Русскіе солдаты бѣжали въ противоположную сторону, къ южнымъ высотамъ за городомъ, чтобы попробовать задержать непріятеля. А на берегу толпа давила другъ друга и тѣснилась, стремясь къ спасительному мосту, гдѣ солдаты съ саблями наголо употребляли всѣ усилія преградить ей путь, чтобы она не навалилась на мостъ и не потопила его подъ своей тяжестью. Никто не имѣлъ времени подумать, сообразить, дѣйствительно ли такъ близка и возможна бѣда, которой всѣ боялись, а никто не видѣлъ. Это страшное смятеніе длилось всего только часъ. Скоро успокоительныя извѣстія, что слухъ лживъ, ослабили испугъ. Но этотъ случай еще долгое время волновалъ всѣ умы, а систовцы и теперь вспоминаютъ о немъ съ трепетомъ.

Кровавыя плевненскія неудачи остановили побѣдоносное движеніе освободительныхъ войскъ. Глубокая печаль легла на лица всѣхъ. Рѣдко получались телеграммы съ поля военныхъ дѣйствій, но содержаніе ихъ скрывалось отъ насъ: мы его читали по лицамъ русскихъ. Цѣнинъ, правитель канцеляріи, молодой русскій съ благородной душой и сердцемъ, говорилъ намъ только со вздохомъ:

— Плохо, плохо, братцы!

Мы съ высокаго берега нетерпѣливо смотрѣли, какъ шли по мосту все новые полки, все новыя войска, съ знаменами, пѣснями, запыленныя, усталыя...

Они шли, шли, шли, и не было имъ краю.

Между тѣмъ начали подходить цѣлыми толпами бѣглецы изъ Ѳракіи, гонимые ордами Сулеймана-паши и башибузуками

послѣ отступленія генерала Гурко. Они шли голые, оборванные, несчастные, неся въ душѣ своей скорбь объ утраченныхъ домашнихъ очагахъ, объ утраченныхъ ближнихъ. Эти бѣдные люди не чувствовали, не могли даже чувствовать радости отъ освободительной войны; она выражалась для нихъ въ самомъ ужасномъ разореніи и несчастіяхъ. Они составляли поразительную противоположность съ веселыми, живущими въ полномъ довольствѣ систовцами, освобожденными безъ всякой жертвы съ своей стороны, съ прибавкою еще матеріальныхъ выгодъ, которыя ихъ практическій умъ умѣлъ извлечь изъ новаго положенія дѣлъ...

Я узналъ о судьбѣ Сопота. Башибузуки сожгли его, какъ и Калоферъ, какъ и Старую Загору и другіе города и села на южныхъ склонахъ Старой Планины, въ долинахъ Стремы и Тунджи. Всякій день извѣстія становились мрачнѣе. Скоро до меня дошла вѣсть, что мой отецъ былъ изрубленъ въ Балканахъ башибузуками въ долинѣ Лѣсвица, а моя мать съ нѣсколькими изъ моихъ братьевъ, застигнутая въ тѣхъ же Балканахъ, отведена вмѣстѣ съ другими первыми сопотскими семействами въ плѣнъ, въ Пловдивъ, а послѣ въ молдавскій монастырь у Родопскихъ горъ. Всякій день новые бѣглецы приходили подтвердить мнѣ ужасную истину съ новыми подробностями о мученической кончинѣ моего отца. Когда Цѣнинъ увидѣлъ мой убитый видъ и узналъ о моемъ горѣ, онъ сказалъ мнѣ печально:

— Батюшка, подумайте, что теперь тысячи русскихъ гибнуть тамъ, при Плевнѣ. Цѣлая Россія въ траурѣ...

Но никто даже на мигъ не сомнѣвался, что русскія войска восторжествуютъ вопреки злорадству и зловѣщимъ предсказаніямъ враговъ славянства. Помню, что среди русскихъ шелъ глухой ропотъ противъ генерала Игнатьева: его упрекали, что онъ представилъ Турцію гораздо слабѣе, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ, что война началась съ недостаточными силами. Другіе бранили генераловъ Криденера и Шильдеръ-Шульднера, за которыми былъ тотъ грѣхъ, что они носили нѣмецкія фамиліи. Слышался ропотъ и противъ Скобелева съ его легендарной уже славой; говорили, что онъ тратилъ много войска для своего военнаго славолюбія; при этомъ забывали, что онъ первый всегда выставлялъ свою грудь навстрѣчу непріятельскимъ ядрамъ. Но въ неудачѣ всегда надо найти кого-нибудь виноватаго...

А новыя силы подходили. Ожидалась императорская гвардія. Лился цѣлый потокъ солдатъ, обозовъ, непрестанно катились по мосту, гремѣли по мостовой желѣзныя колеса артиллеріи, повозки Краснаго Креста, проѣзжала конница, казацкіе эскадроны съ длинными пиками и надѣтыми на бекрень шапками; скрипѣли интендантскія телѣги, раздавались крики, удары кнута по спинѣ усталыхъ и изможденныхъ лошадей среди невообразимой толкотни на улицахъ.

А административный механизмъ новыхъ учрежденій, пущенный нами въ ходъ, поскрипывалъ, работая кое-какъ. Въ Систовѣ имѣлся и городской совѣтъ, и судебный совѣтъ, и торговый совѣтъ, согласно предписаніямъ временныхъ распоряженій Черкасскаго. Новое положеніе породило новые интересы и стремленія. Болгары, народъ сообразительный, радостно встрѣтивъ свое освобожденіе, умѣли и использовать его, пустившись во всевозможныя выгодныя спекуляціи. Особенно много пооткрылось „мѣняльныхъ лавокъ".

Духъ свободы придалъ новый обликъ общественной жизни. Русскіе нравы и русскіе обычаи воспринимались во всевозможныхъ своихъ проявленіяхъ. Стали пить чай и начали ходить въ церковь — больше изъ стыда передъ русскими, — при чемъ преклоняли колѣна по русскому обычаю. Вошли въ обращеніе русскія пѣсни Стрѣлокъ, Внизъ по матушкѣ по Волгѣ, Мадамъ Анго стираетъ, — послѣдняя, занесенная кафе-шантанными пѣвицами..., а дѣвушки пѣли новую пѣсню Петки Славейкова: „Русскій царь е на земята", въ которой былъ слѣдующій прекрасный куплетъ:

Кат' Русия нѣма втора,
Тъй [1]) велика на свѣта;
Тя е нашата подпора,
Тя е наш'та висота.

Въ то же время распространилась и ода г. А. Франгя, изъ которой мнѣ припоминаются первые два стиха:

Въ хилядо осемстотинъ седемдесятъ и седемъ
Царь Александръ избави наший народъ бѣденъ.

Бѣдный великій царь! Мы съ горестью воображали себѣ

[1]) Тъи = такъ; като = какъ; хилядо = тысяча.

долгія страданія его любящаго сердца сначала въ Боготѣ, послѣ въ Бѣлой, послѣ въ Горномъ Студнѣ. Онъ переживалъ ужасные дни, проливая слезы надъ страшными жертвами, которыя приносила Россія, готовая принести еще новыя жертвы, чтобы спасти русское имя. Разсказывали намъ, какъ просто и добродушно разговаривалъ онъ съ бѣленскими крестьянами, когда они, покуривая свои трубки, называли его „ваше благородіе"; какъ, чтобы доставить ему развлеченіе, молодыя, нарядныя дѣвушки заводили хороводы передъ его квартирой, а онъ, сидя на треногомъ стулѣ, какіе встрѣчаются въ корчмахъ, съ грустной улыбкой любовался пастушеской сценой.

Всякій день подходили новые знакомые, приходившіе изъ Румыніи, изъ Россіи, бѣжавшіе черезъ Царьградъ и Тріестъ; мы встрѣчались съ ними на постояломъ дворѣ Насты Захаралията, гдѣ мы столовались. Тамъ я увидѣлся съ Любеномъ Каравеловымъ, неизмѣнно краснорѣчивымъ, пріятнымъ и веселымъ собесѣдникомъ, который переносилъ свою печатню въ Тырново; съ профессоромъ Дриновымъ, котораго русскіе прочили въ болгарскіе министры народнаго просвѣщенія, съ Константиномъ Величковымъ, больнымъ и съ Ламартиномъ въ рукахъ. Отозвался тогда и дѣдо Богоровъ: онъ среди громовъ войны былъ чрезвычайно обезпокоенъ — не дурнымъ ея оборотомъ, а обрусеніемъ болгарскаго языка, и выпускалъ свои брошюры, въ которыхъ ратовалъ за его чистоту. А тогда дѣйствительно языкъ нашъ сильно обрусѣлъ. Всѣ болгары говорили по-русски, т.-е. смѣсью русско-болгарско-церковно-славянскаго языка. Разговорная рѣчь и канцелярская кишѣли руссизмами. Даже турецкія слова принимали русскую форму. „Добъръ день" замѣнилось „здравствуй", что осталось и доселѣ; даже ругаться мы стали по-русски (такъ мило намъ было все русское!), „сайбия" стало „хозяинъ", „чорбаджия" — „баринъ", а нерѣдко и „баранъ". Происходили непріятныя недоразумѣнія изъ-за языка между освободителями и освобожденными, которые взаимно называли себя братушками — слово, которое въ русскихъ устахъ еще не звучало тогда для насъ обидою... Много смѣялись надъ одной горожанкою Систова, которая на просьбу квартировавшаго у ней офицера принести ему молока вытащила изъ кладовой старый, покрытый паутиною кринолинъ (по-болгарски: малакофъ), удивляясь, зачѣмъ понадобился русскому такой антикъ. Въ особенное смущеніе приводилъ почтенныхъ систов-

скихъ дамъ стоявшій на пристани катеръ „Шутка“ (по-болгарски очень неприличное слово); своей безстыдной надписью онъ заставлялъ ихъ краснѣть, когда онѣ выходили погулять по берегу рѣки... А булка (по-болгарски: молодая дѣвушка-невѣста)! Сколько недоразумѣній постоянно вызывало это слово! Мнѣ самому пришлось быть свидѣтелемъ одного изъ нихъ въ корчмѣ Насты. Когда одинъ майоръ за обѣдомъ спросилъ себѣ „свѣжую булку“, добрый Насто, сдѣлавшій уже значительные успѣхи въ языкѣ Пушкина, зналъ, что такое „свѣжая“, но второе слово смутило его, и онъ рѣшительно отказался удовлетворить просьбѣ русскаго офицера.—„Но почему?“—спросилъ тотъ сердито.

— Полиція не позволяетъ, — отвѣтилъ застѣнчиво Насто.

Офицеръ разсмѣялся отъ всего сердца, когда мы ему растолковали, какъ его понялъ нашъ хозяинъ.

А по мосту русскія войска все шли, шли, шли!

3. Маршъ въ опалѣ.

Едва только мы вошли въ театральный коридоръ, какъ насъ встрѣтилъ г. Кривцовъ и быстро сказалъ:

— Господа, непріятность!

— Что такое?—спросило нѣсколько человѣкъ въ одинъ голосъ.

— Но это, очевидно, какое-нибудь недоразумѣніе — сказалъ онъ.

На лицѣ его, озаренномъ свѣтомъ стѣнныхъ лампъ, можно было прочесть безпокойство и недоразумѣніе.

— Какъ? можетъ быть, концертъ отложенъ?

— Нѣтъ, идите, посмотрите!—сказалъ Кривцовъ и подвелъ насъ къ висѣвшей на стѣнѣ красной афишѣ.

Мы приблизились и стали читать афишу. Тамъ была напечатана программа музыкально-вокальнаго вечера. Она состояла изъ маршей и гимновъ всѣхъ славянскихъ народовъ, которые должна была пѣть капелла Славянскаго. Впереди всѣхъ другихъ стоялъ русскій гимнъ: „Боже, царя храни“, а потомъ шли остальные. Наша „Шуми Марица“ стояла посерединѣ.

Но толстая синяя черта протянулась по этимъ словамъ: они были зачеркнуты карандашомъ.

Мы остолбенѣли.

Эта сценка происходила вечеромъ 18 іюля 1888 года въ коридорѣ кіевскаго театра. Въ этотъ день заканчивались семидневныя кіевскія празднества въ память девятисотлѣтія со дня крещенія русскаго народа въ этомъ городѣ. Юбилей этотъ собралъ великое множество народа; съѣхались представители со всей Руси, отъ офиціальнаго міра, отъ высшаго духовенства и интеллигенціи; явились депутаціи и со всего славянскаго міра, представленнаго въ лицѣ своихъ избранныхъ гражданъ, публицистовъ, политическихъ дѣятелей, писателей, поэтовъ; народы или правительства славянскихъ земель хотѣли принять живое участіе въ славянскомъ праздникѣ и по этому случаю еще торжественнѣе засвидѣтельствовать свою кровную и духовную связь съ великой Россіей, оказать ей свое уваженіе и придать новый блескъ юбилею одного изъ величайшихъ событій въ жизни русскаго народа. Были депутаціи и отъ православныхъ неславянскихъ странъ: Румыніи, Греціи, Абиссиніи.

Были изъ Англіи—отъ англиканской церкви.

Были изъ Японіи—отъ православныхъ японцевъ.

Только отъ Болгаріи, отъ православной и освобожденной русской кровью Болгаріи не ожидался никто!

Увлеченное своей антирусской политикой, тогдашнее болгарское правительство не сдѣлало ничего. Оно и само не взяло на себя почина представить здѣсь Болгарію и другихъ не допустило до этого. Отсутствіе одной только Болгаріи на этомъ братскомъ всероссійскомъ, почти всеславянскомъ торжествѣ было явленіемъ безобразнымъ, соблазномъ для другихъ, срамомъ для насъ.

Натянутыя отношенія съ Россіей не должны были помѣшать Болгаріи исполнить долгъ вѣжливости и долгъ человѣческій; политическія соображенія минуты не могли уничтожить исторіи, не могли послужить извиненіемъ невниманію, которое въ данномъ случаѣ получало видъ новаго, дерзкаго и ненужнаго оскорбленія, добавленнаго къ старымъ...

Когда въ самый канунъ юбилея эмиграція въ Царьградѣ и Одессѣ узнала, что отъ Болгаріи не будетъ никого, что она пройдетъ юбилей молчаніемъ, что и экзархъ не отправитъ своего

представителя, она рѣшила сама исполнить этотъ долгъ. Немедленно депутація, составленная изъ виднѣйшихъ эмигрантовъ вышеупомянутыхъ двухъ городовъ, отправилась въ Кіевъ со старикомъ Цанковымъ во главѣ. Эта депутація, въ которой имѣлъ честь быть и я, не получивъ полномочія ни отъ правительства болгарскаго ни отъ народа, явилась въ качествѣ болгарской депутаціи на русскій юбилей. Скандалъ былъ устраненъ.

Съ неописуемымъ блескомъ и великолѣпіемъ, съ небывалой торжественностью праздновался юбилей. Кіевъ, разукрашенный флагами, а вечеромъ иллюминованный, принялъ необыкновенный, праздничный видъ; по улицамъ кишмя кишѣло густое множество народа, среди котораго группы славянскихъ депутатовъ съ золотыми жетонами на груди проходили, встрѣчаемые добрымъ русскимъ народомъ съ почтеніемъ и умиленіемъ. Богослуженія, водосвятія, процессіи къ Днѣпру на то мѣсто, гдѣ крестился со своимъ народомъ святой князь Владиміръ, военные парады, обѣды, рѣчи, торжества, прогулки съ музыкой на пароходахъ по рѣкѣ, громъ пушечныхъ выстрѣловъ и звонъ колоколовъ, посѣщеніе монастырей и скитовъ, укрытыхъ въ лѣсистыхъ окрестностяхъ Кіева, офиціальные пріемы наполнили эту знаменитую юбилейную недѣлю. Насъ всюду встрѣчали съ любовью. Вошедшее въ пословицу русское гостепріимство превосходило себя въ усиліяхъ угодить милымъ славянскимъ братьямъ, окружить ихъ вниманіемъ и теплымъ сочувствіемъ, выказать имъ уваженіе, оставить въ душѣ ихъ неизгладимое впечатлѣніе о кратковременномъ ихъ пребываніи въ стѣнахъ „матери русскихъ городовъ“ и о торжествѣ, которое ихъ туда привлекло.

Я никогда не забуду этихъ дней.

Но для насъ, болгарской депутаціи, были и минуты небольшихъ огорченій. Какая-то струя холода замѣчалась по отношенію къ Болгаріи, особенно въ средѣ вліятельныхъ русскихъ круговъ. Несмотря на всю исключительность и необыкновенность минуты, очевидно было, что въ душѣ русскихъ не могло совершенно укрыться горькое чувство обиды и непріятности, которыя они испытывали отъ поведенія Болгаріи, отъ „неблагодарности“ освобожденнаго народа къ своимъ освободителямъ; въ умѣ русскихъ непобѣдимо сливались понятія народа и правительства; отождествляемыя одно съ другимъ, они послѣ цѣлой вереницы прискорбныхъ событій и разочарованій возбуждали сомнѣнія въ преданности болгарскаго народа. Намъ особенно это было чувствительно при сравненіи отношеній къ намъ и къ сербской де-

путаціи, состоявшей изъ двадцати душъ сербовъ, по большей части пришедшихъ изъ Бѣлграда и считавшей въ своихъ рядахъ митрополита Михаила, генерала Груича и Пашича: отношенія къ сербамъ были запечатлѣны особенной теплотой и благорасположеніемъ. Это было отраженіемъ новаго теченія въ русскомъ обществѣ. Въ это время симпатіи къ Сербіи росли по мѣрѣ того, какъ ихъ теряла Болгарія; это замѣчалось и въ печати, и въ русской политикѣ, и въ интеллигентной средѣ, и въ народѣ. Охлажденіе проникло всюду и поколебало самыхъ убѣжденныхъ нашихъ пріятелей. Болгарія перестала бытъ любимымъ дѣтищемъ Россіи—имъ, повидимому, становилась теперь Сербія.

Вечеромъ 18-го іюля давалась въ Кіевѣ музыкальная вечеринка, эпилогъ всѣхъ празднествъ. Эта вечеринка давалась въ честь славянскихъ гостей, и они всѣ были на нее приглашены. Знаменитый Славянскій долженъ былъ пѣть національные гимны всѣхъ славянскихъ народовъ. Славянская душа должна была излиться здѣсь въ музыкальной мелодіи, и всѣ ея нити должны были гармонично затрепетать въ одномъ общемъ упоительномъ чувствѣ любви, братства, взаимности, историческихъ идеаловъ подъ чарующей силою славянскаго звука.

Теперь легко объясняется наше состояніе, когда мы увидѣли, что болгарскій историческій маршъ „Шуми Марица" одинъ оказался въ опалѣ, одинъ былъ признанъ недостойнымъ занимать мѣсто при всѣхъ другихъ славянскихъ пѣсняхъ въ этомъ всеславянскомъ концертѣ.

Обида была тяжкая; она походила на презрѣніе, брошенное въ лицо Болгаріи передъ очами цѣлаго славянскаго свѣта; мы смотрѣли другъ на друга въ смущеніи и спрашивали себя, подобаетъ ли намъ послѣ этого присутствовать на концертѣ.

Бѣдный нашъ Кривцовъ весь пылалъ отъ стыда; съ чела его капалъ потъ. Этотъ настоящій русскій человѣкъ, членъ Славянскаго благотворительнаго общества въ Одессѣ, былъ пламеннымъ болгаролюбцемъ и провидѣніемъ тамошнихъ эмигрантовъ. Членъ русской одесской депутаціи, онъ добровольно наложилъ на себя бремя оказывать намъ здѣсь всевозможное содѣйствіе.

Приближалось время начала концерта; входили послѣдніе посѣтители, и, привѣтствуя насъ, проходили въ театральный залъ. Нѣкоторые останавливались прочесть афишу, и послѣ мы

видѣли,—или намъ такъ казалось,—что на ихъ лицахъ изображалось недоумѣніе...

Мы стояли въ нерѣшительности и тихо разговаривали.

Дѣдо Цанковъ ворчалъ сердито:

— Хоть бы совсѣмъ не ставили въ программу „Шуми Марица", тогда бы было другое дѣло... А то поставили—и вычеркнули. Это просто безобразіе.

— Они насъ, болгаръ, дѣлаютъ посмѣшищемъ цѣлаго свѣта,—сказалъ обиженно другой депутатъ, македонецъ.

— Распорядителей, распорядителей необходимо найти!— воскликнулъ Кривцовъ:—необходимо выяснить это... недоразумѣніе. Это невозможно,

Не знаю, кто былъ болѣе пораженъ этимъ неожиданнымъ случаемъ, онъ или мы; его полное, красивое и открытое лицо все перемѣнилось отъ скорби и негодованія.

— Господа, не уходите отсюда, прошу васъ, подождите, пока я вернусь... Я долженъ узнать, кому мы обязаны этимъ неприличіемъ. Имъ оскорблены не вы, а русское гостепріимство.

И онъ насъ оставилъ.

Мы съ нетерпѣніемъ ожидали въ коридорѣ.

Немного спустя Кривцовъ вернулся.

— Господа,—сказалъ онъ, отирая потъ съ лица,—войдите, для васъ отведены двѣ изъ первыхъ ложъ.

— А „Шуми Марица"?

Онъ махнулъ рукой.

И потомъ, понизивъ голосъ, онъ объяснилъ намъ, что исключеніе болгарскаго марша изъ программы произошло вовсе не съ цѣлью оскорбить насъ, а по соображеніямъ другого, деликатнаго свойства, и онъ передалъ намъ извиненія распорядительнаго комитета. Но, какъ онъ насъ ни успокаивалъ, онъ не сказалъ намъ ясно, что это были за соображенія. Очевидно, ему было трудно раскрыть истину. Мы настаивали. Въ концѣ концовъ онъ вынужденъ былъ объяснить намъ, что исключеніе „Шуми Марица" изъ программы состоялось, чтобы не оскорбить въ этотъ вечеръ нѣкоторыхъ чувствъ, нѣкоторыхъ самолюбій. Чьи были эти самолюбія и эти чувства, мы ни на минуту не сомнѣвались: всѣ мы понимали, что это дѣлается въ угоду сербамъ. Сами ли они изъявили притязаніе, видя, можетъ быть, въ нашемъ маршѣ, подъ звуки котораго два съ половиной года тому назадъ болгарскія знамена побѣдоносно развѣвались на сербской землѣ, оскорбительное для своей чести воспоминаніе, или распо-

рядители по своему собственному почину исключили „Шуми Марица“ изъ чувства преувеличенной деликатности къ сербскимъ гостямъ,—мы не могли узнать. Кривцовъ далъ намъ понять, что здѣсь примѣшалось и другое вліяніе, изъ болѣе высокихъ сферъ. Намъ не трудно было этому повѣрить: мы имѣли передъ собою признаки холода и гнѣва на Болгарію, о которыхъ было упомянуто выше.

Кривцовъ всяческими способами старался насъ успокоить и убѣдить войти въ театральный залъ. Онъ выставлялъ намъ на видъ дурное впечатлѣніе, скандалъ, который бы произвело отсутствіе болгарской депутаціи, говорилъ, что это поставило бы въ трудное положеніе самихъ русскихъ, а особенно его. Онъ заклиналъ насъ не обижаться, войти въ положеніе, молилъ, ободрялъ.

Послѣ всего этого мы рѣшили, что всего благоразумнѣе будетъ послушаться его, и вошли въ залу.

Едва только мы размѣстились, всѣ съ камнемъ на сердцѣ, въ своихъ ложахъ, занавѣсъ поднялся, и прежде всего вышелъ какой-то русскій, повидимому, профессоръ, и прочелъ рѣчь о великомъ историческомъ значеніи для Россіи празднуемаго событія. Рѣчь закончилась среди дружныхъ рукоплесканій цѣлаго театра, три яруса ложъ котораго и весь партеръ были переполнены славянами и русскими. Среди послѣднихъ можно было замѣтить предсѣдателя Славянскаго благотворительнаго общества въ Петербургѣ, графа Игнатьева, оберъ-прокурора святѣйшаго синода, г. Побѣдоносцева, помощника его, г. Саблера, г. Витте, профессоровъ Ламанскаго и Антоновича и др. Между присутствовавшими находился также абиссинскій герой Ашиновъ. Были и другія лица съ громкими или извѣстными именами.

Сильныя и задушевныя рукоплесканія привѣтствовали появленіе Славянскаго, одѣтаго вмѣстѣ со своей женой и дочерью въ богатыя, старорусскія боярскія одежды.

Прежде всего былъ исполненъ русскій гимнъ, выслушанный публикою стоя. Воодушевленныя рукоплесканія привѣтствовали хоръ по его окончаніи. Послѣ четвертьчасового антракта Славянскій вышелъ вновь и спѣлъ чешскій маршъ. И его проводили бурными рукоплесканіями. Послѣ того новый антрактъ—и новый славянскій гимнъ или маршъ. Такимъ образомъ были пропѣты

всѣ славянскіе гимны, означенные въ программѣ, кромѣ опальнаго болгарскаго марша.

Это обстоятельство мѣшало намъ присоединиться къ общему энтузіазму, мѣшало нашимъ чувствамъ подняться до діапазона восторга остальныхъ гостей, сильно потрясенныхъ и взволнованныхъ при слушаніи родныхъ славянскихъ звуковъ въ этомъ интимномъ, почти семейномъ, славянскомъ собраніи. Вмѣстѣ съ другими рукоплескали и мы; но на душѣ у насъ было тяжело, скорбь и мука были тамъ. Мы сидѣли, точно убитые.

Только что Славянскій раскланялся въ послѣдній разъ, награждаемый теперь еще болѣе продолжительными и горячими рукоплесканіями публики, которая уже начала вставать съ мѣстъ, какъ въ первыхъ рядахъ партера поднялся неожиданно Ашиновъ съ своей странной, женственной физіономіей, съ большой шелковистой русой бородой, одѣтый въ богатую черкесскую одежду, которую онъ имѣлъ право носить въ качествѣ кубанскаго казака, съ абиссинскимъ орденомъ на груди, и крикнулъ по направленію къ Славянскому своимъ тонкимъ, пискливымъ голосомъ:

— Шуми Марица!

Глаза всѣхъ обратились къ нему.

Шумъ утихъ.

Славянскій остановился на сценѣ въ недоумѣніи.

Какой-то старый генералъ изъ среднихъ рядовъ партера крикнулъ:

— Шуми Марица!

Крикъ „Шуми Марица“ подхватили и другіе присутствующіе; онъ былъ достаточно сильно поддержанъ и съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ сидѣли депутаціи; особенно громко кричали чехи и русскіе офицеры. А потомъ загремѣла и цѣлая зала:

— Шуми Марица!

При такомъ общемъ желаніи, выраженномъ столь неожиданно и столь дружно, Славянскій обернулся къ своему хору, быстро далъ ему знакъ рукою, и звуки болгарскаго марша раздались среди водворившейся полной тишины.

Всякій можетъ себѣ представить чувство, которое нами овладѣло. Вставъ и всѣ дрожа отъ неописуемаго волненія и счастья, выросши до небесъ отъ гордости, мы слушали съ очами, обращенными къ хору, нашъ милый и славный маршъ, чувствуя, что къ нашимъ ложамъ—особенно къ ложѣ, гдѣ сидѣлъ дѣдо Цанковъ—было устремлено множество сочувственныхъ взглядовъ. Хоръ пѣлъ стройно, съ увлеченіемъ; потрясающая сила этой

пѣсни, несмотря на приторно-игривый нѣмецкій мотивъ, безъ воинственныхъ ударовъ, но полная воспоминаній о дняхъ славной борьбы и событій, раздававшаяся въ дыму битвъ, среди побѣдоносныхъ и тріумфальныхъ криковъ „ура“, до глубины потрясла наши истерзанныя въ изгнаніи и униженіи души. Казалось, эта чудная пѣснь была сильнымъ протестомъ противъ посягательства на болгарскую честь; казалось, она собрала въ себя, кристализировала въ звуки все высокое и доброе, что̀ было у насъ, всю славу болгарскаго народа. При теперешнихъ обстоятельствахъ особенно въ этотъ часъ, на этомъ мѣстѣ она имѣла дли насъ страшное обаяніе.

Когда хоръ окончилъ первый куплетъ съ припѣвомъ:

Маршъ, маршъ, генералю нашъ!

публика двинулась: раздался ураганъ рукоплесканій. Зала потряслась. Загремѣли „браво“ и „ура“. А Кривцовъ? Онъ хлопалъ и кричалъ, какъ сумасшедшій... Славянскій многократно и низко кланялся, взволнованный и усталый. Новая громовая буря, театръ весь застоналъ отъ стократнаго „бисъ“! Очевидно, магическое дѣйствіе этой пѣсни овладѣло душою и публики, путемъ другого психологическаго процесса, вѣроятно, но съ тою же силою.

Хоръ повторилъ вновь первый куплетъ:

Шуми Марица
Окървавена,
Плаче вдовица,
Люто ранена.
Маршъ, маршъ, генералю нашъ!

Новыя рукоплесканія заглушили послѣднія слова припѣва, вновь раздались громовые и безсчетные бисъ. И хоръ началъ въ третій разъ, а всѣ прежнія пѣсни пѣлись только разъ! Что̀ это значило? Мы не понимали. Казалось, публика своимъ горячимъ сочувствіемъ давала намъ блестящее удовлетвореніе за горькія минуты, только что нами испытанныя, какъ будто бы она о нихъ знала... Это походило на какой-то тріумфъ. Около меня стоялъ неподвижно Кривцовъ. Я взглянулъ на него вновь. Бѣдный, онъ вытиралъ свои глаза отъ слезъ! Взоры всѣхъ были обращены на насъ. Славянскій кончилъ среди рукоплесканій, зала и ложи привѣтствовали насъ съ ласковой улыбкой во взглядѣ. Графъ Игнатьевъ, весь сіяющій, привѣтствовалъ насъ рукой; многіе

русскіе подходили къ нашей ложѣ и протягивали руки, какъ бы желая пожать наши. Генералъ, который крикнулъ послѣ Ашинова: Шумитъ Марица! вошелъ къ намъ и съ горячими рукопожатіями и со слезами, не обсохшими еще на морщинистыхъ щекахъ, сказалъ намъ:

— Господа, господа! Это дорого для насъ, русскихъ... Я слышалъ эти звуки, когда велъ болгарскія дружины подъ огонь при Старой Загорѣ, и теперь ожили въ старческомъ сердцѣ могущественныя воспоминанія...

Но всѣхъ радостнѣе, всѣхъ счастливѣе, всѣхъ взволнованнѣе отъ умиленія былъ Кривцовъ. Съ торжествомъ во взглядѣ, съ дрожащимъ отъ душевнаго волненія голосомъ онъ сказалъ намъ:

— Понимаете ли, что̀ все это значитъ, господа? Это значитъ: любовь. Вспыхнула, не утаилась. Сердца, которыя были затворены для Болгаріи, раскрылись, загорѣлись при первой психологической искрѣ. Мы хотимъ на васъ сердиться, васъ ненавидѣть, но не можемъ... И когда мы дѣлаемъ видъ, что мы васъ не терпимъ, знайте, что мы все-таки васъ любимъ, противъ своей воли... Въ вашу пользу говоритъ сердце наше, говоритъ кровь русскаго человѣка, пролитая за васъ... Связь между нами и вами неразрывна, симпатія безсмертна... Помните это всегда, разскажите объ этомъ у васъ, дома, когда вернетесь туда!

И этотъ русскій, который такъ много страдалъ за насъ передъ началомъ вечеринки, теперь радовался больше насъ неслыханному тріумфу исключенной изъ программы „Шуми Марица“, побѣдѣ опальной изгнанницы.

Дѣйствительно, въ этой побѣдѣ была и его часть: онъ шепнулъ нѣсколько словъ неустрашимому казаку, который первый далъ тонъ. Кривцовъ зналъ добрую русскую душу—добрую, любящую, лирическую, какова была и его собственная душа.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ умеръ. Богъ да помилуетъ этого добраго русскаго человѣка!

Черезъ Македонію и Болгарію.

Изъ путевыхъ замѣтокъ [1]).

I.

Македонія! При одномъ этомъ словѣ въ умѣ возникаетъ кровавый призракъ раздора и войнъ — не за расширеніе территоріи, не за открытіе новыхъ торговыхъ рынковъ, а за основное и первичное достояніе человѣка — за право на жизнь. Нѣтъ страны, которая была бы въ такой мѣрѣ пропитана слезами народа, кровью его дѣтей. Бомбы, динамитъ, взрывы поѣздовъ, убійства изъ-за угла, грабежъ и пожаръ деревень, безчеловѣчная рѣзня куцо-валаховъ греками, грековъ болгарами, болгаръ и сербовъ арнаутами, и надъ всѣмъ этимъ насильническая орда турокъ, безсильныхъ водворить спокойствіе, но достаточно еще могущественныхъ, чтобы во имя порядка разстрѣливать и мучить порабощенную христіанскую райю, — вотъ содержаніе понятія, которое мы обозначаемъ словомъ: Македонія. Это — неугасающій огонь волненій, гдѣ, то замирая, то разгораясь, тлѣютъ искры пожара, который каждую минуту готовъ вспыхнуть и освѣтить своимъ заревомъ не Турцію только, а все славянство и Европу. Это — лакомый кусокъ, надъ которымъ стоятъ великія державы, не позволяя, чтобы онъ достался кому-нибудь одному. Это, наконецъ, — одна изъ тѣхъ частныхъ территорій, на которой предстоитъ практически разрѣшиться властно теперь ставшему пе-

[1]) Замѣтки эти писаны были въ 1906 г. Съ тѣхъ поръ многое измѣнялось. Но многое и сохранило свою силу особенно въ томъ, что касается Болгаріи. Помѣщаемъ эти замѣтки здѣсь почти безъ перемѣнъ.

редъ европейской цивилизаціей общему вопросу о справедливой установкѣ международныхъ отношеній, понимая здѣсь слово „народъ“ не только въ политическомъ, но и въ этнографическомъ смыслѣ. Родственное чувство давно уже инстинктивно подсказало Россіи важность для насъ македонскаго вопроса. Указанная выше общая задача, въ разрѣшеніи которой Россіи придется сыграть свою роль, усугубляетъ эту важность, и потому русскому человѣку, который желаетъ сознательно относиться къ своей родинѣ и славянству, слѣдуетъ ознакомиться съ современнымъ положеніемъ Македоніи.

II.

Мы подъѣхали къ Македоніи съ Эгейскаго моря рано утромъ. Грозою привѣтствовалъ насъ материкъ. Разбуженные короткими, точно пушечные выстрѣлы, ударами грома, мы съ товарищемъ выглянули въ окно: дождь, невиданный нами уже два мѣсяца, лилъ во-всю, точно предвѣщая ожидающія насъ въ Македоніи впечатлѣнія. Но когда мы одѣлись и вышли на палубу, грозовая туча на краю горизонта улетала въ даль, а впереди передъ нами спускался съ горныхъ уступовъ главный македонскій городъ Солунь. Море все пестрѣло отъ лодокъ и красныхъ фесокъ. Лодочники—евреи и турки—красивый, точно на подборъ народъ, съ темными, спадающими на лобъ изъ-подъ сдвинутой на затылокъ фески кудрями и мощною, открытою грудью зазывали насъ къ себѣ. Едва опустился трапъ, какъ пароходъ зароился отъ нихъ, и нашимъ чемоданамъ пришлось бы плохо, если бы portier отеля не освободилъ ихъ отъ услужливыхъ рукъ перевозчиковъ.

Осмотръ вещей въ общемъ былъ довольно легокъ и скоръ. Впрочемъ, зная строгость турецкой цензуры, каждый изъ насъ заранѣе запряталъ въ карманъ всѣ путеводители и книги. Только у одного изъ пассажировъ, почтеннаго и пожилого педагога, остались въ чемоданѣ почтовыя карточки съ видами, среди которыхъ находились снимки съ классическихъ статуй голыхъ Геркулесовъ и Венеръ. Всѣ Венеры, какъ опасныя для государства падишаха, были конфискованы, и нашъ почтенный спутникъ очутился въ нескромной роли соблазнителя невинныхъ подданныхъ султана.

Двое здоровенныхъ молодыхъ турокъ или евреевъ—ихъ не всегда отличишь въ Салоникахъ—усѣвшись на козлы, водворили

насъ въ отель „Имперіаль“. Передъ нашими окнами, пестрѣя лодками, разстилалась водная равнина Бѣлаго Эгейскаго моря, нѣжнаго, ласкающаго, мягкаго и какъ-то особенно свѣтлаго въ это раннее утро, а вокругъ, несмотря на раннюю пору, уже кипѣла жизнь, зазывая насъ въ городъ.

Городъ Солунь, или Салоники, а еще вѣрнѣе—Θессалоники, названъ такъ по имени сестры Александра Македонскаго. Болѣе 2.000 лѣтъ, какъ смотрятся онѣ въ зеркальное море. Здѣсь когда-то въ изгнаніи ходилъ по берегу и тосковалъ по своему Риму Цицеронъ. Здѣсь апостолъ Павелъ устроилъ первую христіанскую общину. Здѣсь, на родинѣ св. Кирилла и Меθодія, зачалось наше славянское просвѣщеніе. Но теперь и слѣдовъ отъ этого почти не осталось. О римскихъ временахъ еще напоминаетъ тріумфальная арка Галерія, отъ христіанскихъ сохранилось нѣсколько церквей, обращенныхъ въ мечети, а отъ позднѣйшаго времени слѣдъ прожорливыхъ хищниковъ средневѣковья, венеціанцевъ, — Бѣлая башня, теперь тюрьма. Все остальное смыло время и турецкое владычество.

Теперь Солунь — второй послѣ Царьграда торговый городъ Турціи. Представьте себѣ узенькую набережную, гдѣ прямо о мостовую тихо плещется море, и на подъемѣ не особенно высокой горы двѣ параллельныя морю улицы, перерѣзанныя безчисленными рядами мелкихъ, извилистыхъ, грязныхъ и узенькихъ-узенькихъ уличекъ, къ которымъ скорѣе пристало бы названіе закоулковъ,—вотъ вамъ и вся Солунь. Изъ улицъ самая дальняя отъ моря — тиха и безлюдна. Будь Солунь русскій городъ, она непремѣнно получила бы названіе дворянской: нѣтъ тамъ ни магазиновъ ни присутственныхъ мѣстъ. На улицу смотрятъ только окна частныхъ домовъ, да и тѣ заставлены густо переплетенными деревянными рѣшетками, чтобы любопытный взглядъ прохожаго не проникъ въ гаремныя тайны какого-нибудь турецкаго бея.

Зато серединная улица, Вардарская, полна жизни и движенія. Это — главная торговая артерія Солуни. Тутъ, какъ въ любомъ восточномъ городѣ, вся жизнь вынесена на улицу. Тутъ и кушанья готовятъ у васъ на глазахъ, и пьютъ, и ѣдятъ, стригутся, бреются, шьютъ сапоги, расправляютъ фески. Грудами валяются на улицѣ зеленые арбузы и желтыя дыни. Виноградное деревцо прилѣпилось къ стѣнкѣ и перекинуло свои вѣтки на другую сторону. Сочныя кисти винограда висятъ прямо надъ вами, а внизу гроздья въ корзинахъ лежатъ, готовые для про-

дажи. Грязь, шумъ, движеніе, звонкій крикъ мальчишекъ, зазывающихъ въ лавки покупателей, ржаньеословъ, навьюченныхъ кладью такъ, что изъ-за нея торчатъ только ослиныя уши, конка, передъ которою бѣжитъ и трубитъ въ рогъ молодой турокъ, разгоняя съ дороги народъ; на зеленомъ фонѣ овощей — красныя фески, длинные полосатые халаты евреевъ, черныя няньки-эѳіопки. Разноцвѣтная, полная жизни и яркихъ красокъ толпа! Пересѣкающій Вардарскую улицу крытый базаръ выводитъ на набережную.

Здѣсь картина мѣняется. Это — болѣе европейская часть города. Шляпы вытѣсняютъ фески. Тутъ всѣ лучшія гостиницы, рестораны, кофейни. Вечеромъ, когда спадетъ жаръ, на улицу выносятся столики, во всѣ стороны шныряютъ лакеи, разнося кофе, мороженое или ужинъ, и тогда уже пѣшеходъ только съ трудомъ можетъ пробраться посреди столовъ, тамъ, гдѣ оставлена узенькая полоска для прохода конножелѣзной дороги.

Прислушиваясь къ говору пестрой солунской толпы, вы услышите самые разнообразные языки, но преобладаютъ турецкій и испанскій. На послѣднемъ говорятъ евреи, переселившіеся сюда изъ Испаніи во время еврейскихъ гоненій при Филиппѣ III. Они составляютъ половину 125-тысячнаго населенія Солуни и среди прочихъ евреевъ гордятся чистотою своей крови. Среди нихъ нѣтъ ни одного блондина, и съ нашими евреями они не хотятъ вступать въ браки. Халаты они носятъ такіе же длиннополые, какъ и наши евреи, но пейсовъ нѣтъ и слѣда. Еврейки не бреютъ головъ и въ своихъ зеленыхъ головныхъ повязкахъ и шелковыхъ платьяхъ, съ грудями, даже у 80-лѣтнихъ старухъ почти обнаженными до самаго пояса, смотрятъ выходцами изъ среднихъ вѣковъ. Въ рукахъ евреевъ почти вся торговля Солуни и — удивительно! — хотя евреи — самые вѣрные и надежные подданные султана, турки, кажется, ихъ такъ же мало любятъ, какъ у насъ поляки и малороссы.

Изъ христіанскаго населенія — всего больше грековъ. Они — владѣльцы всѣхъ ресторановъ и отелей. Греческій языкъ раздается повсюду. Славянской рѣчи почти не слышно. Двѣ-три болгарскихъ надписи на базарѣ, да и то такія мизерныя, что ихъ съ трудомъ можно отыскать среди множества греческихъ, турецкихъ и еврейскихъ вывѣсокъ, двѣ болгарскихъ книжныхъ лавки въ узенькихъ извилистыхъ закоулкахъ да болгарская гимназія — вотъ почти все, что можно найти славянскаго въ главномъ городѣ славянской Македоніи. Славяне — вообще не мастера налагать

свой отпечатокъ даже на тѣ города, гдѣ они составляютъ большинство, и готовы фигурировать подъ какой угодно вывѣской: мадьярской въ Новомъ Садѣ, нѣмецкой въ Сараевѣ, итальянской въ Рѣкѣ, а въ Солуни они—въ меньшинствѣ. Это—одинъ изъ тѣхъ городовъ, которые, какъ нѣмецкая Лодзь или польскій Львовъ, чужеземнымъ наростомъ тяготѣютъ надъ мѣстнымъ населеніемъ.

Солунь по виду спокойна, но подъ этой спокойной внѣшностью кипятъ народныя страсти и то и дѣло прорываются наружу, давая тогда полную волю турецкому звѣрству. Когда мы были въ Солуни, вся болгарская гимназія отъ послѣдняго сторожа до директора была арестована; греки, которымъ турки покровительствуютъ, стрѣляли на набережной въ болгарскаго доктора Николова и смертельно его ранили. Бѣда человѣку, который выдвинется, какъ народный дѣятель: если его не убьютъ греки, то засадятъ въ Бѣлую башню турки. У турокъ вѣчная революція, и порядокъ, какъ въ старой Польшѣ, держится безпорядкомъ. Впрочемъ, я не знаю, можно ли даже назвать порядкомъ турецкіе порядки. Мстительность и жестокость турокъ равняется ихъ безсилію и ограниченности. Я хотѣлъ отправить письмо по турецкой почтѣ и попросилъ въ магазинѣ написать мнѣ адресъ по-турецки. „Какъ, вы хотите послать письмо черезъ турецкую почту? Оно не дойдетъ“.—„Но въ письмѣ нѣтъ ничего особеннаго. Наконецъ, я пошлю хоть открытку“.—„Не совѣтую вамъ: и ее конфискуютъ. Вѣдь здѣсь есть русская почта. Вы не знаете, что такое турки, и какъ мы здѣсь живемъ“. Такъ и пришлось пойти на русскую почту, которая замѣчательна тѣмъ, что въ ней ни одинъ чиновникъ не понимаетъ по-русски.

Пока турки конфискуютъ невинныя открытки и преслѣдуютъ путеводители и капитолійскихъ Венеръ, македонскія волненія, которыя, какъ всякое революціонное движеніе, будучи сильны не столько своей собственной силой, сколько слабостью и неспособностью противника, только усиливаются.

Турецкіе порядки и мѣры турецкаго благоустройства предстали намъ въ неприкрашенномъ цвѣтѣ, когда мы выѣхали изъ Солуни. Мы ѣхали въ Константинополь черезъ Болгарію и потому пересѣкли всю Македонію съ юга на сѣверъ до сербской границы, проѣхавъ по мѣстамъ, которыя служатъ всего чаще ареной македонской рѣзни. Поѣздъ былъ цѣликомъ заполненъ турецкими солдатами и офицерами. Солдаты—изъ Сиріи и Малой Азіи, грязные, оборванные, растерянные и... жалкіе. Офицеры

такіе же грязные, но съ дикимъ, зловѣщимъ огонькомъ въ глазахъ. Ѣдятъ арбузы—сѣмечки и объѣдки бросаются прямо на полъ вагона, вода течетъ по рукамъ туда же, и образуется грязная лужа, такъ что пройти нельзя. На насъ и наши книги они бросаютъ косые и недовѣрчивые взгляды. По всему полотну дороги и въ деревняхъ разставлены караулы: они встрѣчаютъ поѣздъ и отдаютъ ему честь. На каждой станціи—войска. Насиліе, наѣздничество и хищничество чуется въ воздухѣ. Это—не обыкновенный поѣздъ: это—дикій военный набѣгъ, родъ спартанскихъ криптій, охоты на славянскихъ илотовъ.

Мы видѣли этихъ илотовъ. Высокіе, плотные, стройные, они состарились преждевременно. Внизъ опустились длинные усы. На лицѣ прорыли свой слѣдъ рѣзкія складки морщинъ. Въ глазахъ, глубоко впавшихъ въ орбиты, написаны страхъ, запуганность и ненависть. Сегодня эти люди—покорные рабы, а завтра—гайдуки, что̀, сражаясь „за крестъ честной и за свободу золотую“, не задумываясь перерѣжутъ горло врагу. Дикость и насиліе никогда еще не приносили успокоенія: въ отчаявшемся и безправномъ человѣкѣ они пробуждаютъ звѣря. Македонія—страна, гдѣ каждый видитъ въ сосѣдѣ врага и жмется въ свой уголъ, какъ прижались къ горѣ маленькіе, сѣрые, такіе же жалкіе и оборванные, какъ люди, домики одного изъ главнѣйшихъ македонскихъ городовъ Велеса. Куча жалкихъ человѣческихъ гнѣздъ, выставленныхъ на добычу турецкому хищнику.

Ужасная жизнь! Смотрѣть на нее издали тяжело. Густыми слоями тумана ложатся на душу давящія впечатлѣнія, и, когда нашъ поѣздъ, миновавъ Скоплье, переѣхалъ наконецъ границу, у насъ обоихъ, какъ у людей, послѣ долгаго пребыванія въ запертой и душной комнатѣ почувствовавшихъ вдругъ свѣжій приливъ воздуха, невольно вырвался вздохъ облегченія, и мы оба, точно по уговору, сказали: „Слава Богу, вырвались наконецъ изъ Турціи!“

И странное дѣло! Граница между Турціей и Сербіей условная. То же яркое синее южное небо раскинулось надъ нами. Такія же горы насъ окружали и тамъ, съ полей смотрѣли на насъ тѣ же темные, съ задумчивой поволокой, красивые сербскіе глаза, но отчего же все такъ измѣнилось? Горы разукрасились деревьями; зазеленѣли поля и огороды; нѣтъ мѣста пустого и необработаннаго; всюду видна спокойная и мирная работа. Мѣстность и люди были тѣ же, да не такіе же. Великое дѣло—свобода! Чтобы быть плодотворнымъ, человѣческій трудъ долженъ

стать вольнымъ.. Тамъ, гдѣ дышать нечѣмъ, не спорится работа, и нѣтъ Божьяго благословенія землѣ, гдѣ царитъ насиліе и произволъ.

Сербія мала; въ борьбѣ за свою самостоятельность она надорвала свои силы, но она свободна, и мирно и тихо течетъ ея патріархальная жизнь. Когда изъ Македоніи мы въѣхали въ сербскій Нишъ съ его бѣлой церковью на просторной площади, съ его бѣленькими, одноэтажными домиками, выглядывающими изъ-за зеленой листвы тополей, съ его тихимъ бульваромъ надъ желтой Нишавой, гдѣ по вечерамъ подъ звуки военной музыки мирно прогуливаются городскіе обыватели, на насъ повѣяло теплой лаской родныхъ воспоминаній, патріархальной семейственностью Орла или Чернигова, и захотѣлось сказать вслѣдъ за Бальмонтомъ:

Славяне! вамъ свѣтлая слава
За то, что вы сердцемъ открыты,
Веселымъ младенчествомъ нрава
Съ природой весеннею слиты.
Къ любому легко подойдете,
Съ любымъ вы сойдетесь, какъ съ братомъ,
И все, что чужого возьмете,
Вы топите въ морѣ богатомъ.
Враждуя съ врагомъ поневолѣ,
Вы тотчасъ мириться готовы,
Но если на бранномъ вы полѣ,
Вы тверды и молча суровы.
И снова, мечтой расцвѣчаясь,
Вы—гдѣ-то, забывши объ узкомъ,
И свѣтятъ созвѣздья, качаясь,
Въ сознаніи польскомъ и русскомъ.
Звеня, разбиваются цѣпи,
Шумитъ зеленѣя дубрава,
Славянскія души—какъ степи.
Славяне, вамъ свѣтлая слава!

Зашумитъ ли наконецъ когда-нибудь свободно и широколиственно славянская дубрава? Разобьются ли цѣпи, сковавшія Македонію? Разобьются, конечно! Турки, можетъ быть, потому такъ и дики, что сами чувствуютъ свою слабость! Когда-то турецкій бунчукъ развѣвался съ высокихъ башенъ Буды, въ Бѣлградѣ еще недавно сидѣлъ турецкій паша, а Софія передъ освободительной войной была другимъ Велесомъ. А теперь на всемъ огромномъ пространствѣ мадьярско-сербской равнины, гдѣ когда-то безнаказанно хозяйничалъ турецкій наѣздникъ, нѣтъ и слѣда

турокъ. Разнесло и развѣяло ихъ вѣтромъ исторіи. Въ Бѣлградѣ только одна единственная мечеть напоминаетъ о турецкомъ кварталѣ, а Софія стала европейской столицей. Македонія — вѣчно дѣйствующій вулканъ, грозящій всей Европѣ изверженіемъ, и при первомъ же историческомъ катаклизмѣ его лава снесетъ изъ Македоніи турокъ. Богъ терпитъ только до времени. Можетъ быть, еще не пришелъ часъ, но онъ придетъ, и къ нему должны быть готовы и балканскія государства и Россія, а для этого мы должны себѣ выработать твердый, ясный и опредѣленный взглядъ на македонскій вопросъ.

III.

Македонія—пестрый винегретъ народностей, перемѣшавшихся одна съ другой, какъ змѣи въ клубкѣ. Отъ этнографической карты Македоніи рябитъ въ глазахъ: народы вкраплены здѣсь другъ въ друга такъ, что и отдѣлить ихъ невозможно. Рядомъ съ куцовалашской деревней стоитъ греческая, въ одномъ и томъ же селѣ одна половина хатъ—албанскія, другая—славянскія. При этомъ запутанность и сложность македонскаго вопроса удваивается отъ различій религіозныхъ, вѣроисповѣдныхъ и церковныхъ. Среди христіанъ, а особенно у албанцевъ, идетъ борьба между католичествомъ и православіемъ, а у православныхъ не прекращается рѣзкій и крайне напряженный споръ между греческой вселенской патріархіей и болгарскими экзархистами. Много славянъ омусульманилось и подъ именемъ помаковъ, сохранивъ вполнѣ свой славянскій языкъ, держится отъ прочихъ славянъ совершенно особо. Все это, какъ мы уже сказали, дѣлаетъ изъ несчастной страны складъ горючаго матеріала, готоваго при южной страстности и живости темперамента вспыхнуть отъ одной искры. А любители пожаровъ всегда найдутся... Главный элементъ раздора даютъ этнографическія отличія, и именно они и въ цѣляхъ справедливости и въ интересахъ выгоды, всегда согласной со справедливостью, должны опредѣлять русскую политику въ македонскомъ вопросѣ.

Какъ ни много народностей въ Македоніи, споръ, однако, ведется главнымъ образомъ между двумя изъ нихъ—греческой и славянской. Греки, которымъ съ ранняго дѣтства кружатъ голову пары давнихъ воспоминаній, живя только въ южной части Македоніи, заявляютъ притязанія на всю Македонію, хотя жалкіе

лохмотья давно сгнившей византійской порфиры императора ромеевъ подъ громкимъ названіемъ историческихъ правъ — единственное основаніе для ихъ претензій. По статистическимъ даннымъ, опубликованнымъ въ трудахъ Карла Oestreich'а и Peuckr'а, не говоря уже о славянскихъ работахъ Жупанича, Кънчева, Гопчевича и др., изъ трехмилліоннаго населенія современной Македоніи славянъ живетъ тамъ болѣе половины всего населенія, а грековъ всего только 240.000. Реальная политика не можетъ считаться съ сентиментальнымъ романтизмомъ историческихъ реставрацій, и на жалкія претензіи грековъ не стоило бы обращать вниманія, если бы они, пользуясь покровительствомъ вселенской патріархіи и султанскаго правительства, не высылали безнаказанно въ Македонію своихъ бандъ, которыя съ ножомъ въ рукахъ угрожаютъ не только правамъ, но иногда и жизни славянъ. Въ этой борьбѣ для Россіи, какъ славянской державы, возможно только одно: стать твердо за безспорныя права македонскихъ славянъ.

Но именно здѣсь и начинается гордіевъ узелъ македонскаго вопроса. Славянскій характеръ Македоніи безспоренъ. Еще византійцы называли Македонію Словеніей, но къ какому изъ славянскихъ народовъ принадлежатъ эти македонскіе „словенцы",— вопросъ чрезвычайно темный и запутанный. Болгары считаютъ ихъ болгарами, сербы—сербами. Сербъ Гопчевичъ не признаетъ даже существованія болгаръ въ Македоніи; болгарскій этнографъ и самъ македонскій уроженецъ Кънчевъ не нашелъ въ ней ни одного серба. Можно бы за рѣшеніемъ вопроса обратиться къ незаинтересованнымъ ученымъ, но и здѣсь мы столкнемся съ вопіющими противорѣчіями. Ястребовъ, въ должности консула имѣвшій возможность хорошо изучить Македонію, рѣшительно становится на сторону сербовъ. П. Н. Милюковъ и А. А. Башмаковъ, лично объѣздившіе Македонію, увѣряютъ, что она заселена болгарами. Такимъ образомъ мало того, что македонскихъ славянъ душатъ турки и рѣжутъ греки и албанцы, они еще служатъ объектомъ братоненавистнической болгаро-сербской распри, и славянская Македонія не можетъ ни найти стойкой и согласной помощи со стороны сосѣднихъ независимыхъ славянскихъ державъ, ни сама дать сконцентрированный отпоръ чужимъ притязаніямъ, потому что разъѣдается глубокой внутренней язвой. На чью же сторону въ этомъ спорѣ должна стать Россія? Иначе говоря, на чьей сторонѣ правда—на болгарской или на сербской?

Можетъ быть, ни на той ни на другой. Послѣдняя научная

попытка рѣшить македонскій вопросъ принадлежитъ бѣлградскому профессору I. Цвиjичу. Въ своей книгѣ „Проматранья о етнографиjи македонскихъ словена" (Београд, 1906) онъ защищаетъ мнѣніе, высказанное еще раньше А. В. Амфитеатровымъ, что македонцы представляютъ собою зыбкую массу, еще не окристаллизовавшуюся въ опредѣленное этнографическое образованіе. Языкъ и бытъ ихъ даютъ возможность разныхъ заключеній объ ихъ народности, а того, что въ наше время главнымъ образомъ опредѣляетъ народность,—народнаго самосознанія, у нихъ нѣтъ. Правда, они зовутъ себя сами „болгарами", но, по мнѣнію Цвиjича, это слово значитъ не „болгаринъ", а „славянинъ вообще" въ противоположность турку или греку, или же „простой необразованный человѣкъ". Русскую, сербскую и болгарскую рѣчь македонецъ одинаково называетъ „бугарской", т.-е. славянской. Съ другой стороны, подобно тому, какъ дурная пшеница слыветъ въ народѣ подъ именемъ „бугарки", о тѣхъ, кто живетъ просто и бѣдно, говорятъ, что они—„асли бугари", настоящіе бугаре. Въ старину подъ владычествомъ болгарскихъ царей имя бугаринъ имѣло въ Македоніи, по мнѣнію Цвиjича, не этнографическое, а политическое значеніе: стоило только сербскому царю Стефану Душану покорить Македонію, какъ недавніе бугары превратились въ сербовъ, потому что—не досказываетъ Цвиjичъ своей тайной мысли—они были скорѣе сербы, чѣмъ болгары. Исчезновеніе сербскаго имени послѣ покоренія Сербіи турками авторъ объясняетъ психологически: имя серба стало опаснымъ и компрометирующимъ въ глазахъ турокъ, и македонцы опять стали называться бугарами. Эти психологическія соображенія въ связи съ современной болгарской пропагандой въ Македоніи наводятъ Цвиjича на мысль, что мы — наканунѣ обратнаго процесса, и что теперешніе македонскіе „бугаре" въ виду того, что имя „болгаринъ" стало теперь въ свою очередь компрометирующимъ въ глазахъ турокъ, станутъ себя снова называть сербами.

Будущее провѣритъ эти догадки. Мы же лично думаемъ, что, если даже современные македонскіе „бугаре" и не болгары, а только tabula rasa, на которой съ одинаковымъ правомъ можетъ написать свое имя и болгаринъ, и сербъ, то это имя напишетъ не кто иной, какъ болгаринъ. Прочное владѣніе берется трудомъ и скрѣпляется кровью. Въ доказательство несомнительности свохъ правъ на Македонію болгары справедливо ссылаются на библейское преданіе о Соломоновомъ судѣ. Можно и должно осудить послѣднее македонское возстаніе, но, какъ бы то ни

было, это была отчаянная попытка сбросить со своей шеи турецкое ярмо. И кто же тогда оказался истинной матерью македонскихъ славянъ, кто болѣе пролилъ за нихъ крови, болгары или сербы? Двухъ отвѣтовъ быть не можетъ. И въ мирной культурной работѣ болгары берутъ перевѣсъ надъ сербами. Каждую свою народную школу сербы должны съ бою брать у фанатической греческой патріархіи, для которой каждый православный—патріархистъ-грекъ. Болгары съ возникновеніемъ у нихъ своей народной церкви покрыли Македонію цѣлою сѣтью болгарскихъ школъ, изъ которыхъ выходятъ сознательные борцы за македонскую болгарскую народность. Сербы — поэты и мечтатели, болгары—энергичные и дѣятельные практики. Побѣда, безъ сомнѣнія, будетъ за ними.

Мы, русскіе, можемъ смотрѣть на эту распрю безъ особыхъ сочувствій въ ту или другую сторону. Задача нашей дипломатіи должна заключаться только въ томъ, чтобы содѣйствовать пока урегулированію спора, замѣняя борьбу при помощи бомбъ, ножей и краснаго пѣтуха свободнымъ соревнованіемъ силъ, а затѣмъ кто въ условіяхъ этой мирной культурной работы останется побѣдителемъ, болгаринъ или сербъ, для насъ безразлично. Намъ важны не болгарскіе или сербскіе, а славянскіе успѣхи, потому что не надо вовсе увлекаться мечтами о всеславянской федераціи, чтобы понимать, что каждый успѣхъ славянства — нашъ успѣхъ.

Слѣдуетъ отдать справедливость нашему правительству. Оно давно это не столько поняло, сколько почувствовало, и учредило въ Македоніи цѣлый рядъ русскихъ консульствъ, хотя мы не ведемъ никакой торговли съ Македоніей, и за исключеніемъ Солуни собственно русскихъ интересовъ въ узкомъ смыслѣ этого слова у насъ почти нѣтъ. Достигаютъ ли эти консульства своей цѣли? Думаемъ, что не вполнѣ. Первое, что̀ встрѣчаетъ въ консульствѣ не только славянина, но даже русскаго путешественника, подозрѣніе и недовѣрчивость:

— Зачѣмъ вы сюда пріѣхали, господа?

— Да такъ себѣ; мы—туристы, хотѣли посмотрѣть Македонію.

— А, можетъ быть, у васъ есть какія-нибудь политическія цѣли?

Такое начало отбиваетъ охоту продолжать разговоръ и искать какихъ-нибудь указаній.

Дѣло можетъ измѣниться только съ ростомъ у насъ сла-

вянскаго самосознанія. Мы не только на востокѣ, но и у себя дома все еще склонны итти по нѣмецкой дорожкѣ. На востокѣ спеціально мѣшаетъ намъ нашъ начальническій тонъ и привычка смотрѣть не съ высоты, а свысока. Разсказываютъ, что когда одинъ турокъ въ присутствіи одного изъ нашихъ бывшихъ консуловъ не всталъ, тотъ схватилъ его за бороду и, медленно приподымая, сказалъ: „знай, какъ надо уважать представителя Россіи". Намъ кажется, что обаяніе Россіи было бы дѣйствительнѣе, если бы наши представители послѣдовательно являлись стойкими служителями правды, непреклонными заступниками за слабое и угнетенное славянское населеніе.

Не будемъ скрывать истины: тѣ, для кого существуютъ наши консулы въ Македоніи, мѣстные славяне, часто не находятъ у насъ опоры, на которую въ правѣ были бы разсчитывать. Недовольство слышится слишкомъ явно, и мы дѣлимъ его съ международной комиссіей, опекающей Македонію. ›Въ глазахъ многихъ изъ охранителей македонскіе славяне—только безпокойные бунтовщики, а такой взглядъ на руку только туркамъ и покровительствуемымъ ими грекамъ. Въ результатѣ являются безчинства грековъ, которыя грозятъ вызвать пожаръ на всемъ Балканскомъ полуостровѣ. Да отчасти уже и вызвали. Отраженное ихъ дѣйствіе мы имѣли случай сами видѣть, когда проѣзжали черезъ Болгарію, гдѣ какъ разъ въ это время происходили греческіе погромы.

IV.

Благодаря выданному намъ австрійской компаніей кружному билету, намъ пришлось проѣхать черезъ Болгарію дважды: по дорогѣ изъ Сербіи въ Константинополь и обратно. Переѣздъ изъ Сербіи въ Болгарію совершенно незамѣтенъ. „Вы чувствуете разницу?"—смѣясь, спросилъ ѣхавшій съ нами французъ, указывая на окно, откуда на насъ смотрѣли тѣ же небольшія красивыя горы, поросшія букомъ, и тѣ же поля кукурузы въ долинахъ. Но бывшій тутъ болгаринъ всталъ, снялъ шляпу и, привѣтствуя свою родину, воскликнулъ:

— Хубава си, Българио, сичко въ тебе зрѣе и сичко цъфти! [1]).

Воздухъ родины имѣетъ въ себѣ что-то особенно свѣжее и

[1]) Прекрасна ты, Болгарія, все въ тебѣ зрѣетъ и все цвѣтетъ!

живительное, неуловимое для посторонняго и, однако, мягкой, ласкающей волной приливающее къ сердцу. Но если эта волна въ Цариբродѣ была ощутительна только для болгарина, въѣздъ въ Болгарію черезъ турецкую границу соединенъ съ рѣзкой перемѣной для всякаго сколько-нибудь наблюдательнаго человѣка.

По дорогѣ отъ Мустафа-Паши—первой турецкой станціи на болгарской границѣ—до Константинополя вы не рискуете, какъ въ Македоніи, быть прогнаннымъ сквозь турецкій военный строй. Въ самомъ Константинополѣ можно устроиться довольно удобно. И, однако, какъ ни живописенъ пестрый и яркій Царьградъ, какъ ни очаровательна его панорама, вы и тамъ, какъ во всей Турціи, чувствуете себя дурно. Одни темные женскіе манекены съ закрытыми густою вуалью лицами чего стоятъ. Старый бегъ сѣлъ въ проходѣ вагона у купэ, гдѣ сидятъ его жены, и сторожитъ, чтобъ кто-нибудь случайно не отворилъ дверь и не увидѣлъ въ нихъ лицо человѣческое. Точно для насъ такъ уже завлекательна ихъ, впрочемъ, очень проблематическая красота, и точно у нихъ, кромѣ этой красоты, ничего уже нѣтъ. Въ этой мысли есть нѣчто глубоко оскорбительное для человѣческаго достоинства, и оттого такъ отвратительны эти константинопольскіе гаремы, съ которыми вы сталкиваетесь всюду, и на конкѣ и на пароходѣ. Я хотѣлъ купить себѣ феску, но послѣ Константинополя она стала мнѣ противной, какъ символъ того духа неволи, который проникъ въ Турціи во всѣ отношенія, и я понялъ, почему съ такой охотой турецкіе подданные, минуя границу, тотчасъ же сбрасываютъ ее съ головы и надѣваютъ европейскія шляпы.

А затѣмъ эта жалкая комедія съ паспортами! Мы были достаточно забронированы отъ всякихъ случайностей паспортами и особымъ тескере, безъ котораго въ Турціи нельзя переѣхать изъ одного города въ другой, но самая процедура осмотра паспортовъ у турокъ въ своемъ родѣ единственная на свѣтѣ. Осмотрѣли паспорта, какъ обыкновенно, на границѣ, но едва только мы вышли въ Константинополѣ на перонъ, какъ уже намъ заступили вновь дорогу турецкіе чиновники: „пожалуйте ваши паспорта“. Образовалась цѣлая толпа пассажировъ, носильщиковъ съ вещами, и мы стоимъ всѣ, какъ подсудимые. Одинъ изъ чиновниковъ читаетъ тескере, другой переписываетъ его чуть не полностью въ особую книжку. Затѣмъ идутъ вопросы: „зачѣмъ вы пріѣхали? на сколько дней? въ какой гостиницѣ остановитесь?“ Наконецъ васъ отпускаютъ. Казалось бы, довольно

осмотровъ? Нѣтъ! При входѣ въ вокзалъ новые три чиновника за столикомъ и новая задержка для повторенія той же процедуры. И если тутъ стоитъ portier избранной вами гостиницы, выразительный жестъ въ его сторону: смотри, молъ, за ними хорошенько, а не то отвѣтишь.

И смотрятъ. Одинъ изъ пунктовъ обязательныхъ для постояльцевъ правилъ гласитъ: въ отелѣ нельзя вести разговоровъ о политикѣ. Сидимъ въ номерѣ—внезапно безъ всякаго предварительнаго стука отворяется дверь, и просовывается голова хозяина, посмотритъ и скроется.

Если уже такъ опасны иноземцы, можно было бы думать, что чѣмъ скорѣе ихъ спровадить домой, тѣмъ лучше. Но нѣтъ. Чтобы выѣхать, надо пройти черезъ рядъ новыхъ мытарствъ и выхлопотать себѣ въ русскомъ консульствѣ позволеніе на выѣздъ, за которое платите помимо принудительнаго налога на русскую больницу еще 10 піастровъ неизвѣстно за что. Тутъ родная канцелярщина сидитъ чуть не за однимъ столикомъ съ турецкой азіатчиной, и, отдавъ свой паспортъ русскому чиновнику, вы получаете его обратно отъ турецкаго. „Это все? теперь можно свободно ѣхать?“—спрашиваете вы. „Да“. Но не вѣрьте, это „да“ по-турецки значитъ „нѣтъ“. И на обратномъ пути нельзя войти въ вокзалъ, чтобы не натолкнуться на столикъ съ чиновниками и услышать знакомые уже, хотя и видоизмѣненные, вопросы: „гдѣ вы останавливались? сколько дней пробыли? куда ѣдете?“ Само собою у самаго мирнаго человѣка подымается въ груди негодованіе. А когда вспомнишь, что еще недавно въ Италіи съ насъ не требовали вовсе паспортовъ, а въ Греціи не пожелали даже и узнать, кто мы такіе, оцѣнишь по достоинству турецкіе „порядки“. Что-нибудь одно: они или проявленіе тупости, развитой духомъ рабства, или издѣвательство. Одно другого стоитъ.

Вотъ почему, когда поѣздъ подкатитъ къ первой болгарской станціи, съ души, какъ въ сербскомъ Ристовцѣ, сбрасывается тягостное бремя, и болгарскій желѣзнодорожный жандармъ въ нашей русской бѣлой рубашкѣ и съ русскою фуражкой, рослый и статный, какъ всѣ болгары, кажется, чуть ли не символомъ свободы. Даже курица со своими цыплятами, что̀ бродитъ около станціи, какъ будто веселѣе клюетъ свой кормъ. А ужъ турецкому маленькому болгарину съ той стороны границы никогда не дѣлать тѣхъ свободныхъ, легкихъ и безпечныхъ па, которыя продѣлываетъ своими ногами въ широчайшихъ шароварахъ бол-

гарченокъ, что̀, обвязавъ голову отъ жара женскимъ платкомъ, весело гоняется по полю за собакой.

Но Болгарія на этотъ разъ готовила намъ такія впечатлѣнія, что не только мы, но и самый пылкій славянофилъ могъ бы утратить вѣру въ славянство. Мы въѣхали въ Пловдивъ (Филиппополь), когда грозная буря народнаго гнѣва, вызваннаго греческими неистовствами въ Македоніи, разразилась надъ головой беззащитныхъ въ Болгаріи грековъ, жителей княжества, съ особенной силой. Первое же, что̀ бросилось намъ въ глаза по пріѣздѣ, была положенная въ ресторанѣ передъ каждымъ приборомъ карточка съ отпечатанной на ней „волей народа“:

„Най-строго се забранява говоренѝето на фанариотския гръцки езикъ по улицитѣ и публичнитѣ мѣста. Заповѣдь отъ народа“.

Какимъ сарказмомъ прозвучала эта новая, XX вѣка „заповѣдь“ надъ нашимъ идиллическимъ настроеніемъ при переѣздѣ черезъ границу! Такъ вотъ оно, это славянское простодушіе и воспѣтое Бальмонтомъ „веселое младенчество нрава“, такъ вотъ оно, это миролюбіе славянъ, которые, „враждуя поневолѣ, готовы тотчасъ же мириться съ врагомъ“. Если такую „свободу“ мечтаютъ они водворить въ мірѣ, избави насъ, Боже, отъ этой славянской свободы!

Пообѣдавъ, мы пошли осмотрѣть городъ. Но что это? Пожаръ здѣсь былъ? Или нарочно сломали цѣлую улицу домовъ подъ рядъ, чтобы выстроить какое-нибудь большое зданіе? Камни, обломки, обгорѣлыя балки и надъ всей этой кучею мусора, покрывшаго всю улицу, стоятъ только полуобломанные скелеты печей. Спрашиваемъ у встрѣчнаго болгарина, что значитъ это разрушеніе. „А това за гръцкитѣ звѣрства въ Македония“, и не остывшая еще злоба задрожала въ его голосѣ. Ужасна была картина только-что видѣннаго нами въ Италіи недавняго изверженія Везувія, когда огненно-красный потокъ лавы, дыша смертью, лился, затопляя виноградники, дома и людей, но въ тысячу разъ ужаснѣе изверженіе страстей человѣческихъ. Онѣ сносятъ на своемъ пути не только зданія, но и самое дорогое, что̀ есть у насъ: онѣ топчутъ въ грязь имя — человѣкъ.

16 іюля на главной площади Пловдива „Князь Борисъ“ собралась десятитысячная толпа на митингъ для протеста противъ греческихъ насилій въ Македоніи. Нѣкто Юрданъ Крапчевъ, позоря званіе учителя, произнесъ зажигательную рѣчь, въ которой при помощи передержекъ и подчеркиваній такъ возбу-

дилъ толпу, что, опьяненная ненавистью, она бросилась въ греческую соборную церковь св. Марины. Ворота были заперты. Сломать ихъ! И подъ натискомъ многотысячной толпы рухнули запоры. Толпа ворвалась въ церковь и прежде всего схватилась за богослужебныя книги, рвала греческое евангеліе и требники, топтала ихъ ногами. Затѣмъ десятки ножей стали гулять по иконамъ, выскабливая съ нихъ греческія надписи. Зазвонили въ колокола, составился подъ руководствомъ нѣкоего Шопова любительскій хоръ, отыскали болгарскаго священника Чукурумева, и надъ кучами разорванныхъ и растоптанныхъ православныхъ священныхъ книгъ, передъ ликомъ изрѣзанныхъ ножами иконъ онъ возгласилъ: „Паки и паки миромъ Господу помолимся!" Начался торжественный молебенъ. Церковь перекрестили изъ св. Марины въ св. Бориса и имѣли еще настолько спокойствія, чтобы избрать новое настоятельство. А затѣмъ послѣ кощунственной молитвы бросились на кощунственное дѣло. Началась вакханалія погрома. Грековъ около половины всего населенія Пловдива. Кофейни, рестораны, аптека, гимназія, училища, частные дома — все было разграблено, разорено, частью обращено въ прахъ. Одинъ грекъ вздумалъ защищаться — его убили. Мы видѣли свѣжіе слѣды этихъ неистовствъ, мы видѣли запуганныя, робкія, печальныя лица грековъ, смолкавшихъ при появленіи каждаго прохожаго. Страшный посѣвъ засѣялъ Пловдивъ для будущаго, и, мы увѣрены, не добромъ взойдетъ онъ на поляхъ Болгаріи и Македоніи.

Спустя два дня правительство приказало временно отдать грекамъ двѣ изъ отобранныхъ у нихъ церквей, но съ условіемъ, чтобы греки молились въ нихъ не прежнимъ святымъ, а новымъ, которымъ посвятили эти церкви болгары. Трудно итти дальше въ издѣвательствѣ надъ чужой, да впрочемъ и своей собственной религіей, потому что и болгары и греки — православные. Тутъ уже не минутный порывъ народнаго гнѣва, а отборная изысканность ненависти показала наружу свою отвратительную змѣиную голову. И, что̀ печальнѣе всего, умъ страны, вся интеллигенція, журналы и газеты оказались на сторонѣ толпы. Нѣсколько органовъ пытались-было противостоять общему ослѣпленію, но послѣ новаго софійскаго митинга и они повернули фронтъ. А другіе, и, между прочимъ, самая распространенная газета „Вечерна Поща", офиціальный органъ правительства, сразу стали во главѣ агитаторовъ. „Вечерна Поща" напечатала воззваніе, требуя въ отместку за Македонію немедленнаго удаленія со

службы всѣхъ чиновниковъ греческаго происхожденія. И на страницахъ газетъ начался розыскъ, кто изъ чиновниковъ грекъ. Не пощадили ни ничтожныхъ канцелярскихъ чиновниковъ ни народныхъ учительницъ. Всѣхъ выгнать, хоть будь они — болгарскіе уроженцы и подданные!

А въ провинціи подхваченная столичная пѣсня разрослась еще больше въ дикій крикъ истребленія. Митингъ слѣдовалъ за митингомъ, и на каждомъ принимались резолюціи одна другой нетерпимѣе и возмутительнѣе. „Не позволить въ частныхъ училищахъ учить дѣтей на родномъ языкѣ учащихся; прогнать всѣхъ греческихъ учителей—они сѣютъ въ дѣтяхъ ненависть ко всему болгарскому; воспретить грекамъ, не болгарскимъ подданнымъ, заниматься торговлею, отнять всѣ греческія общественныя имущества; изгнать всѣхъ грековъ изъ Болгаріи; объявить предателемъ всякаго, кто подъ предлогомъ народной терпимости осуждаетъ послѣднія движенія!“

Изъ городовъ питаемое газетной агитаціей движеніе перешло въ села. „Въ нѣсколькихъ селахъ, — характерно сообщала объ этомъ „Вечерна Поща“, — на этихъ дняхъ разобраны и растоптаны на нивахъ снопы, принадлежащіе фанатикамъ-грекамъ, которые злословили болгаръ“. Болгары бьютъ и грабятъ и требуютъ еще, чтобы ограбленные ихъ благодарили за грабежъ!

Еще такъ недавно лучшій поэтъ Болгаріи, Иванъ Вазовъ, писалъ: „Не тужи, Болгарія, что у тебя нѣтъ памятниковъ прошлаго, не озирайся назадъ. Передъ тобой, Болгарія, новый и широкій кругозоръ—грядущаго. Трудись, работай и созидай— не грубое, гнилое и тлѣнное, не высокія стѣны и громадныя крѣпости, воздвигнутыя толпою несчастныхъ невольниковъ, а памятники честныхъ и святыхъ трудовъ, до которыхъ не посмѣетъ коснуться плѣсень“. Куча камней отъ разграбленныхъ и разоренныхъ домовъ, раскиданные по полю снопы греческихъ крестьянъ и кусокъ болгарскаго хлѣба, съ ненавистью вырываемый изо рта несчастной учительницы за то только, что она, живя въ Болгаріи, родилась гречанкою, — вотъ что въ послѣдніе дни было отвѣтомъ на благородный призывъ поэта. Кто любитъ Болгарію, тотъ не можетъ говорить объ этомъ равнодушно!

Болгары единогласно сваливаютъ вину за всѣ послѣднія событія на грековъ и великія державы, которыя недостаточно стойко выступаютъ противъ греческихъ насилій въ Македоніи. Послѣднее вѣрно. Благодарный султанъ недаромъ поставилъ императору Вильгельму заживо памятникъ въ Константинополѣ передъ

св. Софіей: за однимъ или двумя исключеніями, международный концертъ въ Македоніи сознательно или безсознательно играетъ, повинуясь велѣнію дирижерской палочки изъ Берлина. Но всѣ эти соображенія не оправдываютъ болгаръ. Мы понимаемъ ихъ настроеніе. Траурное знамя „жалной Македоніи" неизмѣнно развѣвается во всѣхъ болгарскихъ процессіяхъ, какъ напоминаніе о страдающемъ и даже гибнущемъ братѣ. Болгарія и Македонія— одинъ живой организмъ. Каждый ударъ, нанесенный македонскимъ славянамъ, нигдѣ не отдается такой живою, жгучею болью, какъ въ Болгаріи. При страстной несдержанности молодого народа это легко можетъ вызвать погромы въ родѣ пловдивскаго. Но во имя человѣчности возможно ли ратовать безчеловѣчными средствами! Логическія противорѣчія мстятъ за себя и въ жизни. Уже австрійскія газеты воспользовались пловдивскимъ погромомъ, чтобы указать, чего можно ожидать отъ введенія македонской автономіи. Греческіе погромы—лишній козырь въ рукахъ враговъ Болгаріи и славянства.

Болгарія, хотя и маленькое, но европейское государство. Оно должно знать азбуку политической науки. При современномъ скрещиваніи и общности интересовъ обособленная народная жизнь — нелѣпость. Болгарамъ придется жить на людяхъ и съ людьми, а если когда-нибудь настанетъ удобный часъ, и долины Вардара и Струмы составятъ единое политическое цѣлое съ долиной Марицы, народный вопросъ станетъ въ новой, цѣлостной Болгаріи однимъ изъ важнѣйшихъ: надо будетъ устроить порядокъ, удовлетворяющій всѣ народности. Теперешніе греческіе погромы — дурная для этого школа. Внутреннія отношенія въ Болгаріи отравлены ими надолго, и можно только желать, чтобы они не вызвали опасныхъ внѣшнихъ осложненій.

V.

Съ тяжелымъ чувствомъ покидали мы Пловдивъ. Софія развѣяла до нѣкоторой степени печальныя мысли. Здѣсь раскрылись передъ нами новыя стороны современной болгарской жизни, и взглянуло намъ въ глаза прошлое Болгаріи, освѣщая собою настоящее.

Софія — древній Срѣдецъ — получила свое теперешнее названіе отъ церкви святой Софіи. Среди молодой, новой, правильно распланированной болгарской столицы еще до сихъ поръ

какъ живой призракъ минувшаго, высятся развалины этой церкви, обращенной турками въ мечеть. Отъ прежняго великолѣпія остались только жалкіе обрывки фресокъ. Давно слетѣла со стѣнъ штукатурка, на кругломъ куполѣ выросла трава, на кучѣ камней и никѣмъ не убраннаго мусора, образовавшагося отъ обвала передней стѣны, подымаются высокія, стройныя деревья, и во внутренность храма заглядываетъ синее болгарское небо. Но рядомъ въ маленькомъ придѣлѣ уже затеплилась опять на старомъ мѣстѣ новая жизнь. Стоишь въ церкви и думаешь, сколько было пережито, сколько перечувствовано и выстрадано народомъ въ связи съ исторіей этой церкви, сконцентрировавшей въ себѣ въ миніатюрѣ всю исторію Болгаріи: пышный и скороспѣлый расцвѣтъ болгарской государственности въ X—XIII вѣкахъ, потомъ провалъ въ бездонную пропасть, мракъ пятисотлѣтней исторической ночи безъ надежды на избавленіе, и наконецъ, теперь вновь забрезжившійся разсвѣтъ.

Въ небольшомъ, но замѣчательномъ народномъ болгарскомъ музеѣ, пріютившемся въ девятикупольномъ зданіи бывшей турецкой мечети, можно видѣть два края этого страшнаго, почти безпримѣрнаго историческаго обвала. Это—двѣ картины, замѣчательныхъ не художественнымъ достоинствомъ, а захватывающимъ сердце драматизмомъ содержанія.

На одной, чешскаго художника Голарека, передъ нами снѣжная балканская ночь. Ни огонька ни хаты. Тьма и снѣгъ, снѣгъ, снѣгъ. А по бѣлой снѣжной полянѣ тянется безъ конца, теряясь во мглѣ, вереница людей. Впереди безъ шапки идетъ старикъ. Метель снѣгомъ засыпаетъ ему лицо. Вѣтеръ развѣваетъ его волосы и рветъ рубашку. Старикъ держитъ въ рукахъ веревку, а за нимъ идутъ, держась за нее и цѣпляясь другъ за друга, молодые, здоровые, рослые люди. У всѣхъ у нихъ на мѣстѣ глазъ пустыя впадины. Это 15.000 болгарскихъ плѣнныхъ, ослѣпленныхъ въ 1014 г. византійскимъ царемъ Василіемъ II. Калѣками возвращаются они на родину, и дряхлому старику довелось вести ихъ, молодыхъ и здоровыхъ. Но у нихъ есть еще родина. Еще три вѣка, и ея не станетъ. Все рухнуло, и воцарился безраздѣльно мракъ.

И послѣ пятисотлѣтняго промежутка передъ нами новая картина. Та же балканская ночь, но уже не зимняя, а весенняя, майская. Но ужасомъ дышитъ она. Красное зарево пожара набросило на все свой кровавый отблескъ. Горитъ деревня, а на переднемъ планѣ у рѣки, окрашенной людскою кровью, сидитъ

группа людей за ужиномъ. И дивится человѣкъ, какъ могутъ эти люди ужинать. Вокругъ, куда ни оглянись, все трупы и трупы. Лежатъ одна подлѣ другой отрубленныя головы и торсы мужчинъ, женщинъ, дѣтей. Никто не пощаженъ. Съ утра до вечера работалъ турецкій топоръ, мстя сдавшейся болгарской райѣ. Это Батакъ, болгарская деревня, гдѣ въ апрѣльское возстаніе 1876 г. турки, выманивъ у болгаръ обѣщаніемъ пощады оружіе, вырѣзали въ теченіе двухъ дней все населеніе, такъ что лошади потомъ по колѣно угрязали въ людскихъ тѣлахъ!

Все это вынесъ народъ. И все-таки сталъ свободнымъ! Кровавое зарево батакскаго пожара стало зарею разсвѣта. Но густымъ осадкомъ за пятисотлѣтнее рабство налегла на душу и нравы болгарина турецкая жестокость. Простые болгары еще до сихъ поръ сидятъ, поджавши по-турецки ноги, и по-турецки, какъ въ Пловдивѣ, расправляются со своими врагами. Дивиться надо не пловдивскимъ неистовствамъ, а тому, что въ безпросвѣтной тьмѣ турецкаго владычества болгаринъ не потерялъ сознанія, что и онъ—человѣкъ, сохранилъ въ себѣ силы къ жизни, сберегъ въ своей душѣ славянскую любовь къ свободѣ. Его развращали еще въ дни перваго Болгарскаго царства сосѣдствомъ своей формалистической и лицемѣрной культуры византійцы, его истребляли въ долгіе годы своего владычества турки, забирая славянскихъ мальчиковъ въ янычарскій корпусъ, давя и угнетая все, что не хотѣло отуречиться, его разоряли и обирали его же собственные духовные пастыри, фанаріоты-греки, которые, какъ „черные вороны“, терзали народъ, уничтожая славянскую литургію, предавая сожженію книги, злобно преслѣдуя училища и все, что носило противный греку слѣдъ болгарской народности. Всѣми, казалось, былъ покинутъ несчастный народъ. Но ничто не сломило болгарина. Это—признакъ великой, необыкновенной энергіи. Среди славянскихъ народовъ нѣтъ другого, который бы въ такой мѣрѣ, какъ болгары, обладалъ изощренной долгими годами угнетенія практичностью разума и напряженной страстностью воли.

Рѣзко и отчетливо обозначился этотъ народный характеръ въ поэзіи Христо Ботева, чей бюстъ находится также въ народномъ музеѣ. Сынъ бѣднаго калоферскаго учителя, красавецъ собою, плечистый и статный, съ орлиными глазами, богатырь и гайдукъ. Ботевъ въ апрѣльское возстаніе, живя нищимъ изгнанникомъ въ Румыніи, собралъ около себя чету въ 185 человѣкъ, силою овладѣлъ австрійскимъ пароходомъ „Радецкій“ и, переплывъ Дунай.

углубился со своими юнаками въ самое сердце Балканскихъ горъ. Болгаріи онъ, конечно, не освободилъ, а самъ палъ. Его необдѣланный, мощный, выкованный изъ желѣза стихъ проникнутъ грубой, первобытной силой жизненной энергіи:

Не́ плачи, майко, не тужи,
Че станахъ ази хайдутинъ.
Този, който падне въ бой за свобода,
Той не умира: него жалѣятъ
Земля и небо, звѣръ и природа,
И пѣвци пѣсни за него пѣятъ.

Вы слышите здѣсь голосъ той самой силы, что̀ не дала умереть Болгаріи. У старыхъ гайдуковъ, которые въ дни рабства одни поддерживали въ народѣ огонь самосознанія, она отливалась въ разбойничество и идеализмъ, въ грабительство и самопожертвованіе, являясь для турокъ грозно-мстительной и жестокой, для угнетенныхъ и страдающихъ болгаръ великодушной и милосердой. У интеллигентнаго гайдука Ботева чувства нѣсколько видоизмѣнились, и рядомъ съ вдохновеннымъ гимномъ свободѣ слышится страшное кощунство противъ того Бога, за котораго сражались гайдуки, но своеобразные переливы энергіи то въ свѣтъ, то въ тѣнь, то въ добро, то въ зло остались. Въ современной Болгаріи эта энергія сегодня даетъ пловдивскіе погромы, но завтра можетъ вылиться въ благородномъ подвигѣ или въ культурной работѣ.

Эти слова—не праздное предположеніе. Мы не стѣснялись на этихъ страницахъ указать на темныя стороны болгарскаго народа. Теперь, не боясь быть заподозрѣннымъ въ пристрастіи, мы съ тою же прямотой скажемъ: несмотря на пловдивскій погромъ, болгары въ значительной степени оправдали призывъ Вазова и за короткое время самостоятельной исторической жизни успѣли уже создать „памятники честныхъ трудовъ“. Доказательство—ихъ молодая столица, Софія.

Давно ли тамъ на краю города торчала турецкая висѣлица и качалось на ея перекладинѣ тѣло „великаго апостола свободной Болгаріи“, Левскаго? Съ насупленнымъ и жесткимъ взглядомъ стояли о бокъ турецкіе аскеры, а вдали робко жалась „презрѣнная болгарская райя“, безмолвно смотря на гибель человѣка, который всю жизнь свою посвятилъ для спасенія родного народа. Теперь на этомъ мѣстѣ высится памятникъ Левскому, и болгарскій „апостолъ“ глядитъ на дѣло рукъ своихъ. Турецкая дичь разлетѣ-

лась при первыхъ же ощутительныхъ побѣдахъ культуры. Обозами потянулись турецкіе выселенцы въ Малую Азію, и на 70.000 софійскаго населенія турокъ теперь всего только 2.000. Начатое болгарами дѣло культуры подвигается впередъ не по днямъ, а по часамъ. Въ Софіи, куда ни оглянись, всюду слышенъ веселый шумъ работы, чуется живое дѣло. Работаетъ болгаринъ нервами, мышцами, руками, умомъ. Передъ памятникомъ Левскаго по одну сторону стоитъ красивое зданіе гимназіи съ отдѣломъ высшей школы, по другую—громадный корпусъ военнаго училища. Съ любовью, вкусомъ и знаніями собираетъ болгаринъ въ свой молодой національный музей памятники древности. На главныхъ улицахъ бойко идетъ торговля. Тамъ рабочіе, взобравшись на лѣса, доканчиваютъ изящное зданіе городского театра, здѣсь заложено широкое основаніе новой каѳедральной церкви во имя св. Александра Невскаго, рядомъ возобновляется старый храмъ св. Софіи [1]). Войдите на почту—новенькое зданіе, чистое, изящное, свѣтлое. Всюду видна заботливая рука и во все вникающій глазъ энергичнаго хозяина.

Юноша-народъ, болгары только-что вышли на путь исторической жизни, только-что приступили къ работѣ. Только первыя дорожки софійскаго сада „Князь Борисъ" распланированы и разбиты. Дальше аллеи недавно посаженныхъ молодыхъ деревьевъ уходятъ въ широкое поле и теряются въ Софійской равнинѣ. Но смотришь, какъ взялся болгаринъ за историческій плугъ, и тягость пловдивскихъ впечатлѣній разлетается, какъ облака, что таютъ, расползаясь по склонамъ уходящей въ небо Витоши.

Созданіе такого города, какъ Софія, заслуга, и, если внѣшняя культура можетъ служить показателемъ способностей народа, его права на жизнь, болгары блестяще выдержали экзаменъ зрѣлости, заданный имъ исторіей послѣ освобожденія. Въ трудолюбіи и практичности и мы могли бы поучиться у нашего ученика. Черезъ ничтожный ручеекъ, протекающій черезъ Софію, перекинуты два изящныхъ большихъ моста: одинъ стерегутъ бронзовые львы, эмблема Болгаріи, на другомъ, распустивъ свои крылья, приготовляются къ лету орлы. А мы въ нашемъ старомъ тысячелѣтнемъ Псковѣ до сихъ поръ весною перебираемся въ Завеличье по ломкому льду, но и повторяющееся каждый

[1]) Теперь уже и театръ давно открытъ и великолѣпный соборъ во имя св. Александра Невскаго освященъ.

годъ холодное купанье въ рѣкѣ не заставило насъ удосужиться построить хоть какой-нибудь мостъ черезъ р. Великую [1]).

Да, мы вѣримъ въ Болгарію. Бурный ураганъ безумно расходившагося національнаго чувства пронесется, а сила войдетъ въ берега и останется.

Но внѣшняя, матеріальная культура — это только крѣпкій, съ плотными стѣнками сосудъ, который еще предстоитъ наполнить духовнымъ содержаніемъ. Дѣятельное участіе въ исторической жизни человѣчества требуетъ не силы только, но и идеаловъ, и не узко эгоистическихъ, а широкихъ, всечеловѣческихъ. Самый жизненный вопросъ для Болгаріи заключается теперь въ томъ, сумѣютъ ли болгары найти въ себѣ идею, которая бы оплодотворила для нихъ грядущее.

Одни народы для своей дѣятельности находятъ себѣ опору въ прошломъ. Болгары съ любовью и преданностью сохраняютъ въ своемъ народномъ музеѣ остатки былой болгарской государственности, память о своихъ Симеонахъ и Асѣняхъ, когда „вся благая" сходились въ Прѣславу и болгарскій царь, ῥήξ, какъ его называли не въ примѣръ прочимъ европейскимъ государямъ, занималъ въ Византіи первое мѣсто подлѣ самого императора ромеевъ. Но именно оба болгарскія царства показываютъ, какъ хрупка внѣшняя культура, если вмѣсто живыхъ началъ жизни господствуетъ въ религіи мертвый формализмъ догмы, а въ политикѣ полное пренебреженіе народными интересами. Скороспѣлыя созданія случая, они пали, не оставивъ по себѣ ни одного плодотворнаго зачатка для будущаго. У болгаръ нѣтъ въ этомъ смыслѣ прошлаго, какъ говорилъ Ботевъ.

Но тотъ же Ботевъ сказалъ, что у нихъ нѣтъ и настоящаго. Это было въ 1875 г. Съ тѣхъ поръ очень многое измѣнилось, но не все къ лучшему. Въ настоящемъ самая любимая пѣсня болгарской интеллигенціи — это знаменитая „молитва" Ботева „разуму и правдѣ", первыя строфы которой — одно сплошное кощунство противъ Бога, которому, какъ выражается Ботевъ, „палятъ свѣчи православные скоты". Эту возмутительную по откровенности цинизма „молитву" поютъ на каждой пирушкѣ, ее даютъ въ руки дѣтямъ въ школахъ — явленіе, которому подобнаго вы не найдете нигдѣ на свѣтѣ. Воспитываемое въ такой атмосферѣ болгарское общество чуть не все поголовно заражено

[1]) Теперь мостъ уже построенъ, но сколько есть еще у насъ большихъ городовъ, которые ждутъ и не дождутся самыхъ примитивныхъ удобствъ.

мертвящей и безжизненной доктриной позитивизма. Ея холодное дыханіе морозомъ захватило на нашихъ глазахъ нѣжный и изящный цвѣтокъ поэзіи лучшаго изъ болгарскихъ лириковъ Кирилла Христова и грозитъ серьезной опасностью болгарскому умственному движенію. На послѣднемъ съѣздѣ болгарскихъ учителей жаловались на крайне низкій нравственный уровень воспитанниковъ. Неудивительно: нельзя безнаказанно вынимать изъ дѣтскаго сердца Бога.

„Соединение-то прави сила-та“, гласитъ надпись на фронтонѣ болгарскаго собранія. Но сила не въ одномъ только единеніи, а и еще въ чемъ-то. Въ апрѣльское возстаніе знамя свободы развѣвалось вольно и широко, а что̀ было результатомъ? пожары деревень, всѣ ужасы рѣзни и новыя неистовства турокъ. Въ самомъ „чревѣ ада“ заключенные болгары никогда не вышли бы оттуда, если бы не вывела ихъ рука Божія, которая, всколыхнувъ великую русскую равнину, выслала на помощь Болгаріи русское воинство. Спасъ Болгарію не ботевскій, въ сущности очень положительный, осторожный и практическій „богъ разума“, а живой настоящій Богъ, Тотъ, кто учитъ, что, только губя душу свою, мы спасаемъ ее. Безуміемъ съ точки зрѣнія „разумной“ политики была освободительная война 1877—1878 гг. И, однако, развѣ есть что-нибудь болѣе благородное и высокое, чѣмъ этотъ „безумный“ походъ? Конечно, болгары—первые виновники своего освобожденія: въ комъ навѣкъ заснуло чувство народнаго достоинства, того не пробудитъ чужая сила. Но фактъ остается фактомъ. Если бы не вѣра, Русь не выслала бы своихъ сыновъ на Балканы. Не живи въ сердцѣ русскаго мужика, нищаго и голоднаго, высокаго понятія о братѣ, а въ сознанія русскаго народа славянской идеи, не было бы теперь свободной Болгаріи.

Къ счастью для болгарскаго народа, въ душѣ его еще цѣлы эти источники силы живой. Объ этомъ говорятъ намъ три замѣчательныхъ памятника въ Софіи. Два изъ нихъ находятся въ народномъ музеѣ. Тамъ въ одной изъ боковыхъ комнатъ нижняго этажа за стекломъ хранится простой деревянный крестъ, передъ которымъ 20 апрѣля 1876 г. жители Копривщины клялись душу свою положить за спасеніе родного народа. А рядомъ въ маленькой комнаткѣ, гдѣ собраны модели памятника Царю-Освободителю, стоитъ посрединѣ „черешово топче“, изъ ствола черешни сдѣланная деревянная пушка, которою болгарскій народъ въ томъ же 1876 г. встрѣтилъ турокъ. Дорогіе это для

Болгаріи памятники! Въ нихъ воплотились двѣ великихъ идеи, которыхъ осуществленіе наполнитъ собою грядущую жизнь человѣчества—идея истиннаго, живого Бога и нераздѣльной съ нимъ справедливости и идея свободнаго развитія личности человѣческой и народной.

Третій памятникъ дополняетъ и расширяетъ эти идеи, указывая на третью, безъ которой невозможно осуществленіе первыхъ двухъ,—идею служенія и самопожертвованія. Это памятникъ Царю-Освободителю, что̀ стоитъ передъ народнымъ собраніемъ. Арнольдъ Цокки сдѣлалъ его. Царь представленъ сидящимъ на лошади. Поза его проста, спокойна, увѣрена, точно онъ чувствуетъ высокую правоту своего дѣла, знаетъ, что съ нимъ и его народомъ Богъ. А на цоколѣ съ передней стороны въ стремительномъ порывѣ, съ обнаженнымъ мечомъ въ рукѣ, рвется впередъ Побѣда. Ее окружаютъ русскіе солдаты: главные герои войны, и среди нихъ на лошадяхъ Скобелевъ, Гурко и другіе полководцы, а сзади ликующій отъ перваго дыханія свободы толпится въ своихъ красивыхъ народныхъ костюмахъ волнующійся болгарскій народъ. Нѣтъ другого подобнаго памятника въ Европѣ, потому что не было и дѣла, равнаго великому освободительному подвигу русскаго народа, и, смотря на софійскій памятникъ, нельзя не почувствовать въ груди глубокой благодарности за то, что дано было русскому народу возвратить Болгаріи жизнь и свободу. Взгляните въ Софіи на мать болгарскихъ юнаковъ. Это—„типъ величавой славянки". Какой смѣлый, увѣренный въ себѣ, свободный взглядъ! Его дали ей собственная сила, воля Божья и помощь брата.

Служеніе правдѣ и справедливости, освѣщенное вѣрой въ Бога и покоящееся на прочной основѣ народнаго самосознанія,—вотъ путь къ будущему, задачей котораго является прежде всего справедливая установка общественныхъ и народныхъ отношеній.

Ставъ на эту дорогу, Болгарія пойдетъ рука объ руку съ Россіей и другими славянскими народами, потому что указанными выше идеалами опредѣляется путь грядущаго въ міръ славянства.

* * *

Теперь, въ ту минуту, когда перепечатываются эти строки, жизнь принесла имъ новое подтвержденіе. Македонскій вопросъ разрѣшенъ на нашихъ глазахъ силою. Исполнились вѣщія слова Хомякова: вскормленные русскою кровью молодые славянскіе орлы

сами расклевали цѣпь тяготѣвшаго надъ ними насилія. Широко разостлалась по Македоніи и Ѳракіи жатва смерти. Вся Болгарія превратилась въ одинъ „станъ погибающихъ за великое дѣло любви“, и на обильно пропитанной братскою кровью землѣ уже всходятъ новые, грядущіе посѣвы. И въ тысячный разъ оправдалась вѣковая истина человѣческой жизни: жертва любви, если она приносится за правое дѣло, не можетъ быть безплодной. Вѣрою въ силу и дѣйственность любви мы и закончимъ нашу книгу:

Смерть и время царятъ на землѣ.
Ты владыками ихъ не зови.
Все кружась исчезаетъ во мглѣ.
Неподвижно лишь солнце любви.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. О славянской азбукѣ.

Единой славянской азбуки не существуетъ. Славяне православные, т.-е. русскіе, сербы и болгары, пользуются кириллицей. Хорваты, словенцы и всѣ западные славяне употребляютъ латиницу. Кромѣ того въ нѣкоторыхъ церквахъ Адріатическаго приморья еще жива старинная глаголица.

Болгарская азбука отличается отъ русской только тѣмъ, что въ ней есть особыя буквы для обозначенія глухихъ звуковъ: ѫ, соотвѣтствующій по выговору англійскому *u* въ словахъ *but*, *cut*, и тотъ же звукъ, но іотированный: ѭ. Другой глухой, близкій по произношенію къ краткому русскому *ы*, обозначается черезъ ъ: *българинъ*, или *блъгаринъ*. Онъ очень часто сочетается съ плавными, причемъ соединенія *лъ*, *ръ* и *ъл*, *ър* употребляются одно вмѣсто другого безъ различія.—Болгарское *щ* произносится, какъ *шт*.

Въ *сербской* азбукѣ есть шесть невстрѣчающихся въ русской азбукѣ начертаній. Это: ђ, обозначающее мягкое *д* съ призвукомъ *ж*: *дъжъ*; ћ, обозначающее мягкое *т* съ призвукомъ *ч*: *тъчъ*; љ, мягкое *эль*; њ, мягкое *н*; џ, соотвѣтствующее русскому *жд* и наконецъ йотъ: *j*.

Въ *хорватской* и *словенской* азбукѣ особенно примѣчательны изображенія шипящихъ звуковъ: русскому *ж* соотвѣтствуетъ здѣсь ž, *ч*—č, *ш*—š, *щ*—šč. Хорватское и словенское *c* читается, какъ наше *ц*, *h* какъ наше *х*. Сербское ђ обозначается по хорватски черезъ *dj*, или рѣже черезъ *gj*; сербское ћ соотвѣтствуетъ хорватскому ć; љ = *lj*; њ=*nj* или ń; џ передается черезъ *dž*. Русское *у* передается черезъ латинское *u*.

Чешская и *словацкая* азбуки имѣютъ для шипящихъ тѣ же начертанія, что и въ хорватской азбукѣ: ž = *ж*; š = *ш*; č = *ч*. Мягкія согласныя обозначаются такъ: ň = *нь* (ткань); *ď* = *дь*

(мѣдь); *ť* = *т* (пять). Чешское ř обозначаетъ мягкое *р* и читается, какъ наше *ж*, передъ которымъ слышно *р*, какъ напримѣръ въ словѣ *ржа*. Сочетаніе šč замѣняетъ наше *щ*. Буква *c* соотвѣтствуетъ русскому *ц*, *z*—русскому *з*, *ch* нашему *х*, *h* нашему придыхательному *г*, какъ въ словѣ, *Богъ*, *Господь*. Буква *l* равна нашему мягкому *l* (листъ).

Что касается гласныхъ, то кромѣ краткихъ *a*, *e*, *i*, *o*, *u* (читается, какъ наше *у*) и *y* (отвѣчая этимологически нашему *ы*, читается, почти какъ *i*) чешскій и словацкій языки знаютъ еще соотвѣтствующія долгія: *á*, *é*, *í*, *ó*, *ú*, ý, которыя произносятся протяжно, приблизительно такъ, что на произнесеніе каждой изъ нихъ требуется вдвое болѣе времени, чѣмъ на произнесеніе соотвѣтствующей краткой гласной. Къ долгимъ гласнымъ принадлежитъ и гласная ů, обозначающая звукъ, образовавшійся изъ *uo*; она произносится, какъ наше *у*. Чешское ě соотвѣтствуетъ нашему *ѣ*.

Польская азбука отличается отъ прочихъ западнославянскихъ азбукъ тѣмъ, что для изображенія не имѣющихся въ латинскомъ языкѣ звуковъ пользуется не діакритическими значками, а сочетаніемъ буквъ. Такъ наше *ч* поляки передаютъ черезъ *cz*; *ш* равняется у нихъ *sz*; *щ*—*szcz*; мягкое *р* (чешское ř) изображается, какъ *rz*. Наше *ж* соотвѣтствуетъ польскому ż; наше *в* польскому *w*, наше *х* равняется польскому *ch*, *з*—*z*, *ц*—*c*. Мягкое *ć* произносится, какъ *т* съ призвукомъ *ц*: *тьць*; ś, какъ *сь* съ еле слышнымъ призвукомъ *ш*; ń = *нь*; *ź* = *зь*. Кромѣ мягкаго *l* поляки знаютъ еще твердое ł.—Изъ начертаній гласныхъ звуковъ слѣдуетъ замѣтить: ą (произносится, какъ французское *on*), ę (= французскому *in*), *ó*, которое произносится, какъ русское *у*.

Кто знаетъ польскую и чешскую азбуку, будетъ безъ труда читать и по лужицки: *лужицкая* азбука колеблется между польской и чешской. Изъ особыхъ начертаній можно отмѣтить развѣ верхне-лужицкое *kh*, близкое къ нашему *х* и нижне-лужицкое ś, произносящееся, какъ мягкое *ш*: *tśi* = *тши* (наше *три*).

Кашубы еще не имѣютъ окончательно установившагося правописанія. До самаго послѣдняго времени они пользовались польской графикой. Рамултъ въ своемъ словарѣ ввелъ много особенныхъ начертаній, но это нововведеніе не привелось. Въ 1911 г. Gryf Майковскаго напечаталъ вмѣстѣ съ кашубской грамматикой Лоренца и проэктъ новаго кашубскаго правописанія, но такъ какъ въ книгѣ нашей текстовъ съ такимъ правописаніемъ нѣтъ, то оно здѣсь и не приводится.

Изъ предыдушаго видно, что даже въ предѣлахъ господства латиницы у славянъ нѣтъ единообразія въ азбукѣ. Эдуардъ Богуславскій попробовалъ было свести польскую азбуку къ чешской и одинъ изъ своихъ трудовъ напечаталъ по чешски, но его попытка не нашла послѣдователей. Были попытки ввести для общеславянскаго употребленія и кириллицу. А. Ѳ. Гильфердингъ посвятилъ этому вопросу цѣлый трудъ свой: „Общеславянская азбука. Спб. 1871 г.“ Убійственная критика, которой подвергъ эту работу въ „Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія“ Бодуэнъ де-Куртенэ, надолго однако отбила охоту къ теоретическимъ трудамъ подобнаго рода, а, когда наши власти вздумали было осуществить проэктъ Гильфердинга на практикѣ въ Польшѣ и Литвѣ, эти принудительныя мѣры дали самые плачевные результаты. Литовская письменность на долгіе годы совершенно прекратилась въ Россіи; въ Польшѣ же русскимъ шрифтомъ были изданы всего только двѣ-три элементарныхъ книжки для народа. Польскіе звуки, переданные кириллицей, такъ же непріятны для глаза, какъ русскіе въ оправѣ буквъ латинскихъ.

Отсутствіе единой славянской азбуки не можетъ служить препятствіемъ для единства славянъ. Нужно не болѣе получаса, чтобы постигнуть всѣ тайны славянской латиницы. При такихъ условіяхъ вопросъ объ единой славянской азбукѣ не имѣетъ большого значенія: въ настоящее время это праздная, потому что заранѣе обреченная на неуспѣхъ, затѣя.

2. О славянской грамматикѣ.

Гораздо важнѣе, чѣмъ общая для славянъ азбука, вопросъ объ общеславянской грамматикѣ. Чѣмъ крѣпче и тѣснѣе будутъ становиться междуславянскія связи, тѣмъ настойчивѣе будетъ стучаться въ двери и вопросъ объ облегченіи взаимныхъ между славянами сношеній и пониманія. Славянскіе языки рано или поздно должны отвоевать себѣ мѣсто въ средней школѣ. Славяновѣдѣніе должно наконецъ выйти изъ тѣсныхъ аудиторій филологическаго факультета и разлиться широко по всѣмъ слоямъ нашего образованнаго общества. Этого требуетъ углубленное изученіе родного языка. Это необходимо и для укрѣпленія нашего народнаго сознанія.

Но само собою разумѣется, что постановка славянскихъ языковъ въ средней школѣ ни по цѣлямъ ни по способу преподаванія не можетъ имѣть ничего общаго ни съ изученіемъ латыни ни съ преподаваніемъ новыхъ языковъ. Латынь—прекрасное средство для формальнаго развитія ума. Изученіе новыхъ языковъ имѣетъ чисто практическій характеръ. Но и древніе и новые языки сходятся въ одномъ: чтобы приступить къ чтенію на нихъ, необходимо предварительно пройти трудную, сложную и скучную грамматическую школу. Этой школы не нужно для славянина, изучающаго славянскій языкъ: взявъ въ руки славянскую книгу, онъ безъ всякихъ подготовленій пойметъ въ ней половину словъ.— Простая вдумчивость позволитъ ему раскрыть подъ чуждой на видъ одеждой родной корень, а, если еще присоединить къ этому нѣсколько свѣдѣній изъ фонетики и краткій обзоръ типическихъ формъ, то вотъ вамъ и пройдены всѣ пропилеи славянской филологіи. Конечно, для умѣнія говорить, т.-е. для активнаго знанія языка, этого мало. Но для взаимныхъ сношеній совершенно достаточно знанія пассивнаго, простого пониманія языка, а для него

не нужно знать ни 23-хъ чешскихъ склоненій ни всѣхъ спряженій. Вся эта труха отпадаетъ, какъ совершенно лишняя, и два тяжеловѣсныхъ тома лекцій Флоринскаго могутъ быть сведены къ тоненькой книжечкѣ подъ названіемъ, можетъ быть, и не научнымъ, но за то практическимъ и несомнѣнно полезнымъ: „Общеславянская грамматика". Попытки создать такую грамматику уже существуютъ. Такова напр. чешская книга Венцеслава Грубаго: „Praktická rukojeť srovnavací jazykův slovanských (V Praze, 1904). Безъ сомнѣнія, это только начало болѣе удачныхъ попытокъ въ томъ же родѣ.

Нижеслѣдующія строки не задаются цѣлью показать образецъ будущей общеславянской грамматики. Ихъ задача болѣе простая: дать нѣсколько указаній для пониманія имѣющихся въ книгѣ славянскихъ текстовъ, особенно болгарскихъ.

Начнемъ со спряженія.

1. *Настоящее* время въ 1 лицѣ ед. числа имѣетъ два основныхъ окончанія: или *мъ*, или *ѫ* (ѭ), которому въ русск. яз. соотвѣтствуютъ *у* и *ю*, въ польскомъ ę, въ чешскомъ *u* и *i*. Русское *пеку* = болг. *пекѫ*, чеш. *реku*, луж. *pjeku*, пол. *piekę*, словац. *rečiem*, серб. *печем*, словен. *réčem*. — 2-е лице ед. ч. вездѣ оканчивается на *ш*; отсюда русск. *печешь*, болг. и серб. *печеш*, словен. *réčeš*, чеш. *pečeš*, словац. *rečieš*, польск. *pieczesz*, луж. *pječeš*. 3-ье лицо ед. числа только по русски сохранило свое древнее окончаніе на *тъ* (тъ): *печетъ;* въ остальныхъ слав. языкахъ это окончаніе отпало: болг. и серб. *пече* = слов. *réče*, чеш. *peče*, словац. *rečie*, пол. *piecze*, луж. *pječe*.

Первое лицо множ. числа оканчивается на *мъ*, *м*, *мо*, *ме*, *мы*: рус. *печемъ*, болг. *печем*, серб. *печемо*, словен. *réčemo*, чеш. *pečeme*, словац. *rečieme*, пол. *pieczemy*, луж. *pječemy*. Окончаніе второго лица вездѣ *те* (*cie*): рус. болг. и серб. *печете*, слов., чеш. *pečete*, словац. *rečiete*, пол. *pieczecie*, луж. *pječeće*. Въ третьемъ лицѣ основнымъ окончаніемъ было *ѫтъ*, *ѭтъ*, но оно сохранилось только въ русскомъ и болгарскомъ языкахъ: *пекутъ*, *пекѫт*. Въ остальныхъ славянскихъ языкахъ *тъ* отпало, а вмѣсто юсовъ явились обычныя *у*, *о*, ą, *ou*: серб. *пеку*, сл. *rekô*, чеш. *рекои*, словац. *rečú*, пол. *pieką*, луж. *pjeku*. Какъ видимъ, въ большинствѣ окончаній разница сводится только къ правописанію.

2. *Прошедшее* время соверш. вида въ русскомъ языкѣ является лишь обломкомъ давняго прошедшаго, которое состояло изъ причастія прошедшаго времени и вспомогательнаго глагола *есмъ*,

впослѣдствіи исчезнувшаго. Въ большинствѣ славянскихъ языковъ оно сохранилось въ полномъ видѣ. Значитъ болгарское пр. сов. будетъ: дѣлалъ—а—о съмъ, дѣлалъ си, дѣлалъ е, дѣлали сме, дѣлали сте, дѣлали су; сербское: писао, писала, писало сам, писао си, писао je, писали смо, сте, су; словинское: sem, si, je pisal, smo, ste, su pisali; чешское: chvalil jsem, jsi, (jest), chvalili jsme, jste, (jsou); словацкое: prosil som, si, je, prosili sme, ste, su. По польски причастіе сливается со вспомогательнымъ глаголомъ въ одно слово: pisałem, pisałeś, pisał, pisaliśmy, pisaliście, pisali. Славянскіе языки знаютъ и другія прошедшія сложныя. Такъ болгары образуютъ прошедшее сов. II изъ того же причастія на лъ въ соединеніи съ прошедшимъ совершеннаго вспомогательнаго глагола *съмъ билъ*: дѣлалъ съмъ билъ, дѣлалъ си билъ, дѣлалъ е билъ и т. д. и 2) давнопрошедшее: дѣлалъ бѣхъ, бѣ, бѣ, дѣлали бѣхме, бѣхте, бѣхѫ.

Кромѣ того болгарскій, сербохорватскій и серболужицкій языки сохранили въ себѣ еще прошедшія простыя: аористъ и преходящее. Примѣръ болгарскаго аориста: несохъ, несе, несе, несохме, несохте, несохѫ; дѣлахъ, дѣла, дѣла, дѣлахме, дѣлахте, дѣлахѫ. Примѣръ болгарскаго преходящаго: дѣлахъ, дѣлаше, дѣлаше, дѣлахме, дѣлахте, дѣлахѫ.

3. *Будущее* время по болгарски бываетъ троякое. Будущее опредѣленное образуется изъ соединенія настоящаго времени съ неизмѣняемой глагольной формой *ще*: ще ловѭ, ще ловиш, ще лови и т. д. Будущее неопредѣленное образуется при помощи глагола щѫ (хощѫ): дѣлаштѫ, дѣлаштеш и т. д. Наконецъ есть еще будущее совершенное, которое образуется посредствомъ соединенія прич. *прош.* ср. на *лъ* съ будущимъ глагола вспомогательнаго: ще съмъ дѣлалъ, ще си дѣлалъ, ще е дѣлалъ и т. д. Остальные славянскіе языки образуютъ будущее приблизительно также. Такъ сербохорватское будущее получается отъ соединенія настоящаго вр. отъ глагола хтjети съ неопр. наклоненіемъ: ću dati, ćeš dati, će dati, и т. д. Польское изъ соединенія будущаго вспомогат. глагола съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ или причастіемъ на *лъ*: będę czytał или czytać będę. Чешское какъ по русски: budu nésti.

4. Что касается склоненій, то простая догадка легко укажетъ, съ какимъ падежомъ имѣемъ мы дѣло въ каждомъ данномъ случаѣ. Особеннымъ является только болгарское склоненіе, гдѣ существуетъ членъ, присоединяющійся къ концу слова: тъ, та, то, тѣ, тѣ, та: юнакътъ, женато, полето, юнацитѣ, женитѣ, по-

лета. Косвенные падежи образуются при помощи предлоговъ. Для образованія род. и дат. падежей служитъ предлогъ *на*, для образованія твор. пад. предлогъ *съ*, *съсъ*, для образованія падежа мѣстнаго предлоги *въ*, *у*. Слѣдовательно болгарское склоненіе будетъ таково: им. и вин. пад.: вълкъ-тъ, род. и дат.: на вълкъ-тъ, твор. съ вълкъ-тъ, мѣстный: въ вълкъ-тъ.

Этихъ замѣчаній достаточно, чтобы понять встрѣчающіеся въ книгѣ славянскіе тексты. Что не досказано, то уяснятъ переводы и примѣчанія въ текстѣ и нижепомѣщаемый перечень главнѣйшихъ инославянскихъ словъ.

3. Главнѣйшія изъ инославянскихъ словъ, встрѣчающихся въ книгѣ.

А. Болгарскія слова.

Азъ, ази—я.
ала—но, однако.
Бабо—отецъ.
балканъ—гора.
баща—отецъ.
безкраенъ—безпредѣльный.
бѣсенъ—бѣшеный.
бѣсило—висѣлица.
бѣсъ—бѣснованіе, гнѣвъ.
бичувамъ—бичую.
благородникъ—благородный человѣкъ.
близо—близко.
блъснѫ—блесну.
блясъкъ—блескъ.
бойно поле—поле битвы.
буенъ—сильный, бурный.
България—Болгарія.
бързамъ—тороплюсь.
бръже—скоро.
бѫдѫще—будущее.

Вдигамъ—подымаю.
вдигнѫ—подыму.
вдъхвамъ—вдыхаю.
ведно—вмѣстѣ, заразъ.
вѣрвамъ—вѣрю, вѣрую.
вѣстникаръ—журналистъ.
вѣтъръ—вѣтеръ.
вѣтрище—вѣтеръ.
вече—уже.
виждамъ—вижу.
викъ—крикъ.
викамъ—зову, называю, кричу.
височина—высота.
висяѭ—вишу.
владамъ—господствую, владѣю.
войникъ—воинъ.
войска—война, войско.
воленъ—свободный.
вранъ, врань—вороной.
вредъ—все, вездѣ, постоянно.
врѭ—киплю.
всичкий (я)—весь.
всѣки—всякій.
въвъ—въ.
вълнение—волненіе.
възбуждамъ—возбуждаю.
възвишенъ—возвышенный.
възлизамъ—возношусь.
възрасть—возрастъ.
вълна—волна.
върба—верба.
вървѭ—иду, живу,
върху—на.

Ги—вин. п. мн. ч. отъ и : ихъ.
глава—голова.
гласъ—голосъ.
гледамъ—смотрю.
гнявъ—гнѣвъ.
го—вин. п. ед. ч. отъ и : его.
година—годъ.
годишнина—годовщина.
голъ—голый.
гонѭ—гоню, преслѣдую.
гора—[1]) гора, [2]) лѣсъ.
горещъ—горячій, жаркій.
горѣ—наверхъ, выше.
горчивъ—горькій, печальный.
грабнѫ—схвачу.
градежъ—созиданіе.
градина—садъ.
градѭ—созидаю, строю.
грѣѭ—свѣчусь, блещу.
гроздъ—гроздіе.
грозенъ—безобразный.
гръмко—громко.
гръмъ—громъ.

гусла—гусли.
гжрдь, гърдь—грудь.
гжстакъ—густой.

Да—чтобы, дабы, да.
далечъ—далече.
дарявамъ—одаряю.
даскалъ—учитель.
денъ—день.
дѣте, мн. дѣца—дитя.
дивъ—дикій.
диктувамъ—диктую.
днесь—теперь, сегодня.
добрѣ—хорошо.
доленъ—дольній.
долу—внизу.
домилѣе ми—мнѣ жаль.
драгъ—милый, пріятный.
драска—черта, черточка.
дребенъ—мелкій, маленькій.
другаръ—другъ, товарищъ.
другъ, други—другой.
друмъ—дорога, путь.
дума—слово.
думамъ—говорю.
душманъ—врагъ.
дядо—дѣдъ, старикъ.
дълбокъ—глубокій.
дългъ—долгъ.
дължж—я обязанъ.
държж—держу.

Едвамъ—едва.
екнж, ечж—гремлю, звучу.
ела—прійди.
епитропъ—училищный попечитель.
ето—вотъ.

Жаленъ—печальный, грустный.
жалѣж—жалѣю.
жежко—жарко, горячо.
живѣж—живу.
животъ—жизнь.

За—о, про, для.
забравямъ—забываю.
забранявамъ—защищаю.
загинж—погибну.
заливамъ—обливаю.
замѣнявамъ—замѣняю.
започвамъ—начинаюсь.
зарадъ—ради.
заря—лучъ, свѣтъ, заря.
засмѣнъ—улыбающійся.
заспивамъ—засыпаю.
заспж—засну.
здравъ—здоровый.
земя—земля.
злато—золото.

Идж—иду.
избавление—освобожденіе.
изборъ—выборъ.
извирамъ—вытекаю.
изгледъ—видъ.
изгнивамъ—сгниваю.
изгорѣлъ—загорѣвшій.
издигамъ—подымаю.
изъ—по, изъ.
има—есть.
имамъ—имѣю.
име—имя.
йоще—еще.
искаламъ—перебиваю, изрубаю.
искамъ—желаю, требую.
испълнювамъ—исполняю.

Казвамъ—говорю, сказываю.
какво—что.
каль—грязь
калпакъ—шапка.
камбана—колоколъ.
като, катъ—1) какъ, 2) когда.
като че—какъ будто.
квасж—мочу.
китка—букетъ.
китж—украшаю.
кланье—рѣзня.
клетва—клятва.
клетникъ—несчастный.
клетъ—несчастный.
кога—когда.
кой, коя, кое—кто, который.
който—кто, который.
колиба—хижина.
колчимъ—всякій разъ какъ.
копаж—копаю.
красенъ—прекрасный.
крѣщж—кричу.
крѣпж—крѣплю, подкрѣпляю.
кривина—кривизна.
крилатъ—крылатый.
кръвь—кровь.
кръстъ—крестъ.
кржгозоръ—кругозоръ.
къмъ, къмто—къ.
кървавъ—кровавый.
кжтъ—уголъ.
кжща—домъ.
кжщовникъ—домоводъ.

Ламба—лампада.
ламтежъ—стремленіе.
лѣж—лью.
лекъ—легкій.
лѣкъ—лекарство.
лѣпость—красота, добро.
летж—летаю, ношусь.
лозинка—лозунгъ.
ломене—разрушеніе.
лошъ—дурной.

луча—лучъ.
люто—жестоко, сильно.

Майка—мать.
малькъ—маленькій.
ми—дат. п. отъ азъ: мнѣ, мой.
минѫ—пройду, прохожу.
мирпзма—благоуханіе.
мисия—мессія.
мисьль—мысль.
мишца—мышца, мускулъ.
младежъ—молодой человѣкъ.
много—очень.
можѫ—могу.
мой—мн. ч. отъ мѣст. мой.
мойта—жен. р. мѣст. моятъ: мой.
мома—дѣвица, невѣста.
момъкъ—юноша.
московецъ—русскій.
моя—мой.
моренъ—утомленный, усталый.
мразѭ—ненавижу.
мразъ—морозъ.
мъждѣѭ—мерцаю, меркну.
мълния—молнія.
мъртвешки—мертвенный.
мѫжки—[1]) мужескій, [2]) мужественно.
мѫжественъ—мужественный.
мѫка—мука.
мѫченикъ—мученикъ.
мѫчѫ—мучу.

На—предлогъ, замѣняющ. дат. и род. п.
наведѫ—наклоню, склоняю.
надвивамъ—одолѣю.
на назадъ—назадъ.
напрѣдъ—впередъ.
напрѣдъкъ—прогрессъ.
наслаждавамъ се—наслаждаюсь.
настанѫ—настану.
небе—небо.
негодувамъ—негодую.
недѣй—не
недѫгъ—недугъ.
нека—пусть.
нѣкакъвъ—какой-то.
нѣкой—нѣкоторый.
нѣколко—нѣсколько.
нѣмамъ—не имѣю.
нѣмъ—нѣмой.
неукъ—неучъ.
нѣщо—нѣчто.
ний—мы.
нисъкъ—низкій.
нито—ни, и не.
нощь—ночь.

Обемамъ—объемлю.
обземамъ—овладѣваю.
обикнѫ—полюблю.
обичамъ, обиквамъ—люблю.
обичь—любовь.
облакъ—облако.
облѣнъ—облитый.
обятья—объятья.
оживѣвамъ—оживаю.
окървавямъ—окровавливаю.
онзи, онази, онуй—тотъ, та, то.
ослабнѫ—ослабѣю.
останѫ—останусь.
отбивамъ се—захожу.
отъ-близо—вблизи.
отбранвамъ—защищаю.
отнасямъ—отношу, уношу.
отпаднѫ—упаду.
отъ рано—съ раннихъ поръ.
отъ тогазъ—съ тѣхъ поръ.

Паднѫ—упаду.
пазѭ—храню, берегу.
пакъ—все-таки, же.
пѣѭ—пою.
пѣнѭ—вспѣниваю.
пламенъ—пламень.
пламтящъ—пылающій.
пламъкъ, пламъ—пламень.
планина—гора.
плачѭ—плачу.
плѣнѭ—плѣняю.
плѣсенъ—плѣсень.
плѣскамъ—плещу.
плячка—добыча.
по—нарѣчіе, образующее срав. ст.
по—въ, по, на.
погледъ—взглядъ.
погълнѭ—поглощу.
познатъ—извѣстный, знакомый.
поимамъ—понимаю.
полека—тихо, потихоньку.
полза—польза.
помисямъ—помышляю.
пораствѫ—выросту.
порой—горный потокъ послѣ дождя.
порѭ—разрѣзываю.
посѣщавамъ—посѣщаю.
почвамъ—начинаю.
почтенъ—почтенный.
правѭ—дѣлаю.
прахъ—пыль.
прѣвзимамъ—завоевываю.
прѣдамъ—передамъ, передаю.
прѣдѣлъ—предѣлъ.
прѣдъ—передъ.
прѣплавѭ—сполосну.
прѣпорецъ—знамя.
прѣпускамъ—несусь вскачь.
при—у.
привѣтствувамъ—привѣтствую.
приготвямъ—приготовляю.
принесѫ—принесу.
пристигнѫ—прибуду, прохожу.
проливамъ—проливаю.
прочутъ—знаменитый.

прощавамъ—прощаю.
пръвъ—первый.
пръскамъ се—разношусь.
пръсть—земля.
пустиня—пустыня.
пустъ—пустой.
пущинакъ—пустырь.
пълнѭ—наполняю.
първий—первый.
пъстъръ—пестрый.
пѫтникъ—путникъ.
пѫть—путь.

Работенъ—работящій, рабочій.
работѭ—работаю.
равенъ—равный.
радѭ—радѣю, стараюсь.
разберѫ—пойму.
разбивамъ—разбиваю.
развитъ—развитый, распущенный.
раздумамъ—утѣшу.
ранявамъ—раню.
расказъ—разсказъ.
распарамъ—распарываю.
распинамъ—распинаю.
ратай—работникъ, батракъ.
ратувамъ—борюсь.
редомъ—рядомъ, сплошь, всюду.
редъ—рядъ.
робъ—рабъ.
родѭ—рожу.
роси—моросить.
рѫцѣ—дв. ч. отъ слова рука.

Сабя—сабля.
салтамарка—короткое до пояса верхнее платье на мѣху съ рукавами.
само—только.
сбирка—сборникъ.
свѣтликавъ—свѣтловатый.
свѣтлина—свѣтъ дневной.
свѣтълъ—свѣтлый.
светъ—святой.
свързувамъ—связываю.
святъ—свѣтъ.
своя—свой.
сега—теперь.
сегашенъ—сегодняшній, настоящій.
селянинъ—крестьянинъ.
сѣнчица—тѣнь.
сепнѫ—пробужу.
сѣщамъ—чувствую.
сѣѭ—сѣю.
си—дат. п. отъ себе-свой.
сичкиятъ, сичка, сичко—весь, вся, все.
скитникъ—скиталецъ.
скърбь—скорбь.
скѫпъ—дорогой.
спасѫ—спасу.
спасъ—спаситель.
спиръ—остановка.
списание—сочиненіе, журналъ.
споменъ—воспоминаніе.
споменѫ—упомяну.
спѭ—сплю.
срастѫ се—срастусь.
ставамъ—становлюсь.
станѫ—сдѣлаюсь, произойду.
стая—комната.
стенѭ—стенаю.
степъ—степь.
сторѭ—сдѣлаю.
страденъ—несчастливый.
стреснѫ се—вздрогну.
събирамъ—собираю.
съвършенство—совершенство.
създавамъ—создаю.
съзнавамъ—сознаю.
съзнание—сознаніе.
съкрушѫ—сокрушу, убью.
сълза—слеза.
сънувамъ—грежу, вижу во снѣ.
сънъ—сонъ.
сърдце—сердце.
сърна—серна.
съсъ—съ.
съсъ гласъ—громко.
сѫдба—судьба.
сѫдия—судья.
сѫщъ—настоящій.

Такъвъ, мн. ч. такива—такой.
такъвзи, таквазъ, таквозъ—такой.
тамо—тамъ.
твоя, твойта, твойто—твой, твоя, твое.
твърдость—крѣпость, сила.
тегло—страданіе.
тежъкъ, тежка, тежко—тяжелый.
тѣзи, тѣзъ—мн. ч. отъ тойзи.
тейко—отецъ, тятя.
тѣхенъ, хна, хно—ихъ, ихній.
тѣшѫ—утѣшаю.
ти—дат. п. отъ ти—твой.
тогава—тогда.
тогази—тогда.
тозъ-тойзи.
тойзи, тази, тъзи, това, туй—этотъ, эта, это.
той, съ чл. тоя, тя и тая, мн. ч. тие, тия—этотъ.
толкова—столько.
трѣзенъ—трезвый.
трошѫ—сокрушаю.
трудѭ се—тружусь.
търпѭ—терплю.
трънъ, мн. ч. тръне—тернъ, шипъ.
трясъкъ—трескъ.
трѫба—труба.
ту—здѣсь.
туй—ср. р. мѣст. тойзи.
турци—турки.
турямъ—налагаю.

тъй—такъ.
тъменъ—темный.
тъмница—темница.
тържество—торжество.
търпеливъ—терпѣливый.
търсѭ—ищу, стремлюсь.
тѫга—горе, печаль.
тѫженъ—грустный, печальный.
тѫжѫ—тоскую.

Узнавамъ—узнаю.
умекчѫ—смягчу.
умирамъ—умираю.
умрѣлъ, умрялъ—умершій.
упивамъ се—упиваюсь.
урва—утесъ, скала.
устремъ—полетъ, устремленіе.

Фанѫ—возьму, беру, начну.
фъркнѫ—полечу.

Хамамъ—баня, румелійскій парламентъ.
хвъркатъ—крылатый.
хвъркнѫ—полечу.
хвърлямъ—бросаю.
хилядо—тысяча.
хора—люди.
хорутувамъ—говорю.
хубавъ—красивый.
хубость—красота.
хусаръ—гусаръ.
хълмъ—холмъ.
хѫшъ—заговорщикъ.

Цалунѫ—поцѣлую.
царствувамъ—царствую.
църъ—царь.
цъфнѫ, цъфтѭ—расцвѣчу,—аю.

Чакамъ—жду.
че—что.
чедо—дитя.
человѣшки—человѣческій.
честитъ—счастливый.
честь—доля, счастье.
четъ—счетъ.
чий—чей, чьи.
читакъ—бранное прозвище турка.
читалище—читальня.
чорбаджия—богачъ, хозяинъ.
чувамъ—храню, берегу,
чуѭ, чувамъ—слышу.
чудесенъ—чудесный.
чуждъ—чужой.
чуждѣѭ се—чуждаюсь.

Шарка—узоръ.
ширъ—ширина.
шъпнѫ—шепчу.

Що—что.
щѫ—хочу, желаю.

Юнакъ—юнакъ, герой.
юначенъ—геройскій.

Ядъ—гнѣвъ.
якъ—сильный.
яремъ—ярмо, иго.

B. Кашубскія слова.

Ksążeczka—книжечка.

Lgôrz—лгунъ, поэтъ.

Mórze--море.
mòva—языкъ.

Pjnc—пять.
przyńc, przyńdą—дойти, придти.

Skłôd—складъ, символъ вѣры.
skôrb—скарбъ, сокровищница.
stareszk—старичокъ.

Tońô—глубина.

Wu—у.
wieldzi—великій, большой.

Zarés—очеркъ.
zguba—гибель.
zełgac—выдумать.
żec—жить.

C. Лужицкія слова.

Doniž, donž—пока.
drjewo—дерево, лѣсъ.
dyrbjeć—быть должнымъ.
dzieło—дѣло, работа.

Hišče—еще.

hora—гора.
hubjenstwo—печаль, горе.

Kamjeń—камень.
knjezowy—Господній.

Módry—голубой.

myto—награда.

Nihdy—никогда.
njebjeski—небесный.
njebjo—небо.
njesć—нести.
nuza—нужда.

Płacić—платить.
przekhwatać—застигать врасплохъ.
proca—работа, трудъ.

Ryč—рѣчь.

Slêborny—серебряный.
smjerć—смерть.
stoječ—стоять.
stysk—тоска.

Trać—продолжаться, стоять крѣпко.

Škit—щитъ.

We—въ.
winica—виноградникъ.
wjele—много.
wopor—жертва.
woporniwy—самоотверженный.
wustać—уставать.
wysk—радость, ликованіе.

Zawostać—остаться.
zbêhati so—подыматься.
zhubić—погубить.
zmahować so—волноваться, жить.
Žołma—волна.
žórło—источникъ.

D. Польскія слова.

Bliźni—ближній.

Chętny—благожелательный.
cieżki—тяжелый.
cichy—тихій.
czcić—чтить.
czy—развѣ, ли.

Dzień—день.

Głowa—голова.
grzeszny—грѣшный.

Kłócić się—ссориться, спорить.
krew, krwi—кровь.
król—король.
krzywda—кривда, обида.
który—который.

Lecz—но.
liczny—многочисленный.
los—судьба.
lud—народъ.
łza—слеза.

Mąż—мужъ.
męztwo—мужество.
miasto—городъ.
miłość—любовь.
mu—ему.

Nigdy—никогда.

Ojczyzna—отчизна.

Pamięć—память.
pamiętać—помнить.
patrzeć—смотрѣть.
pokój—покой, спокойствіе, миръ.
prostota—простота, простосердечіе.
pycha—гордость, высокомѣріе.

Równie—одинаково, равно.
rozszerzać—расширять.
rządzić—управлять.
rzekł отъ rzec—сказать, говорить.
rzewnie—горько, жалостно.

Sierota—сирота.
śliczny—красивый.
słońce—солнце.
sprawa—дѣло.
swięty—святой.

Ten—тотъ.
trucizna—ядъ.

Winien—долженъ.
wnieść—внести; wniosłes'—ты внесъ.
wielki—великій.
wspaniały—великолѣпный.
współudział—участіе.
wszystek—весь.
wylewać—выливать.

Zadać—задать, нанести.
zagładzać—изглаживать.
zapłakać—заплакать.
zgon—кончина.
ziemia—земля.
zmiana—перемѣна.
źródło—источникъ.
zwyciężać—побѣждать.
Że—что.

Е. Сербо-хорватскія слова.

Али, ал'—но.

Бијелица—бѣлая.
бојни—боевой.

Викати, вичем—кричать, звать.
викнути, викнем — крикнуть, окликнуть.
више—выше, болѣе.
вратити се—возвратиться.

Гори—наверху.

Дигнути, дигнем—поднять.
доба—время, пора.
домах—разстояніе, съ котораго можно достать, мысль, догадка.

Живети—жить.
живот—жизнь.

Задобити—добыть, пріобрѣсти.
зачети, зачнем—зачать, начать.

Ико—кто-либо.
име—имя.
искресати—высѣчь.

Јак—крѣпкій; јаче (яче)—крѣпче.
јер—ибо.

Кад—когда.
касан—поздній.
кашне—позже.
крепати—гибнуть.
кривац—преступникъ.
кривина—кривизна, преступленіе.
кроз—черезъ.

Љубав—любовь.

Моћи—мочь.
муче—молчаливо.

Нек, нека—пусть, пускай.
никад—никогда.
ноћ—ночь.

Одбранити — оборонить, защитить, спасти.
одговор—отвѣтъ.
одонуд—съ тѣхъ поръ, оттуда.
озивати—отзываться.
око—около.

Певати, певам—пѣть.
повик—крикъ, зовъ.
поглед—взглядъ.
помоћ—помощь.
поћи, пођем—пойти.

Са, с—съ.
сав, сва, све—весь, вся, все.
сигуран—безопасный.
синути—заблистать.
сипати—сыпать, осыпать.
сјати—сіять.
сретан—счастливый.
стићи, стигнем—достигнуть, придти.
стижати, стижем—нагонять, достигать.
сунце—солнце.

Тучем—бью.

У—у, въ, при.
узрасти—вырости.
уман, мна, мно,—разумный, умственный.

Хтјети,—хотѣть.

Црн—черный.

Чак—даже.

Шеница—пшеница.
што, чега—что.

F. Словацкія слова.

Áno—да.
bariak—знамя.
bežať—бѣжать.
Boj—бой.
broj—число, войско.

Čas—время.
čo—что, какъ.

Deň—день.
dopriať—пожелать, незавидовать, дать.
dosiaľ—до сихъ поръ.

Hadať—гадать, отгадывать.
hlava—голова.
hľadať—искать, стараться.
hostia—гости.
hynúť—гибнуть.

Chvíľa—минута.

Kázať—проповѣдывать.
kde—гдѣ, куда.
keď—когда.
krajina—страна.

kral'—король.
krev—кровь.
ktorý—который.
kvitnúť—цвѣсть.

Leda—едва, кое-какъ.
lúč—лучъ, свѣтъ.

Máti—мать.
menia sa—мѣняются.
meno—имя.
mesto—городъ.
mocný—сильный.
museť—быть должнымъ.

Niekdy—нѣкогда.

Ohlasovať sa—оглашаться, раздаваться.
ozvena—эхо.

Panovať—господствовать.
pomsta—месть.
postrach—ужасъ, страшилище.
pozreť—посмотрѣть.
prapor—знамя.
príklad—примѣръ.
púšť—пустыня.

Reťaz—цѣпь.
reč—рѣчь.
rozdvojiť—раздвоить.
rozlúčiť—разлучить.
rúče—скоро, хорошо.

Sídlo—мѣсто жительства.
skladať—складывать, сочинять.
skvelý—блистательный, блестящій.
sladký—сладостный.
slávik—соловей.
snaha—стремленіе.
som—есмь.
spojiť—соединить, связать.
srdce—сердце.
stolebý—сточёный.
svätý—святой.
svít—разсвѣтъ.
su—суть.

Tento—этотъ.
teraz—теперь.
tôňa—тѣнь.

Uveriť—повѣрить.

Veštec—прорицатель, вѣщунъ.
viťaz—побѣдитель.
vládať—владѣть, быть въ силахъ.
volať—звать.
vplynúť—втечь, войти.
všade—вездѣ.
všetek—весь.
vzácný—рѣдкій, доблестный.
vztýčiť—поднять.

Zahanbiť—пристыдить, опозорить.
zbroj—оружіе.
znieť—звучать.
žalár—тюрьма.
že—что.
žeby—чтобы.
život—жизнь.

G. Словенскія слова.

Bode—будетъ; bodi—будетъ.
brezbrežnost—безпредѣльность.

Daljava—даль.
dna—день.
delavni—рабочій.
deroči—бурливый.
dlan—ладонь, длань.
duh—духъ.

Edini—единственный.

Hrepeneti—жаждать.

Ime—имя.
in—и.
izlet—поѣздка.

Jadro—парусъ.
junak—юнакъ, герой.

Ki—который.

Le—только.

Moč—мощь, сила.
modrost—мудрость.
mož—мужъ.

Naj—пусть.
napredek—преуспѣваніе, прогрессъ.
naprej—впередъ.
navdihniti—воодушевить, вдохновить.
neumrjoči—неумирающій.
nikjer—нигдѣ.
njo—ею.

Obala—берегъ морской.
oborožiti—вооружить.
okrog—вокругъ.
orel—орелъ.

Pa—и, да.
perut—крыло.
pest—кулакъ.
plavati—плавать.
plemenitost—благородство.

pogum—мужество.
poklekati—опускаться на колѣна.
ponosno—гордо.
popotni—путевой.
poslej—наконецъ.
pot—путь.
povsod—вездѣ, повсюду.
pravi—вѣрный, настоящій.
pravljični—сказочный.
prosveta—просвѣщеніе.

Razpeti—распять, раскрыть.
resnični—истинный.
rozum—разумъ.

Sezvati—созвать.
skupni—общій.
srce—сердце.
sveti—святой.

Ta, ta, to—этотъ, эта, это.

tja—туда.
tlo—полъ, земля.
tresti—трясти.

Val—волна.
van—въ него.
vedno—постоянно, всегда.
vest—вѣдѣніе, совѣсть.
vihar—вихрь.
višava—высота.
voditi—водить.
vredni—достойный.
vstajati—вставать.
všemogoči—всемогущій.

Z—съ.
Živeti—жить.
Življenje—жизнь.

H. Чешскія слова.

Ani, aniž, aniže—ни, даже, не.
at'—пусть, да.

Bludný—заблуждающійся, блудный.
bolně—больно, печально.
bratr—братъ.
bystře—быстро.

Cizi—чужой,
co—что.
čas—время.
člověk—человѣкъ.

Darmo—даромъ, напрасно.
díti—говорить.
ditko—дитя.
doba—время, эпоха.
dopustiti—допустить, дозволить.
doušek—глотокъ.

Hlédati—глядѣть, смотрѣть.
hleděti—глядѣть.
ho—его.
hodlati—стараться сдѣлать.
hodný—годный.
hořce—горько.
hudba—музыка.

Jako—какъ.
ásati—ликовать.
ediné—только.
enž, jež, jež—который, ая, ое.
eště—еще.
ímati—брать, ловить, полонить.
méno—имя.
sou—суть.

Kamkoli—куда угодно, куда ни.
kaziti—портить.
každý—каждый.
kdo—кто.
klam—обманъ, иллюзія.
kolébka—колыбель.
kráčeti—шагать, идти.
ký—какой.

Ležeti—лежать.
lidský—человѣческій, людской.
lidství—человѣчество.
lže (отъ lhati—лгать 3 л. ед. ч.)
loupež—грабежъ.

Mé, mého—мое, моего.
měniti—мѣнять.
meč—мечъ.
místo—мѣсто.
mluviti—говорить.
mocný—могучій, сильный.
mým—моимъ.

Nádoba—сосудъ.
nechati—оставить.
necht'—пусть.
někdy—нѣкогда.
než—но, нежели.
noha—нога.
nyní—нынѣ.

Odulý — вздутый, неудобопроизносимый.
otáčeti—поворачиватъ.
otrok—рабъ, нерольникъ.
ozvati se—отозваться.

Počet—число.
posvátný—священный, святой.
pouta—путы, кандалы.
považiti—взвѣсить, считать за ч. н.
před—передъ.
přišlý—пришлый.

Rakev—гробъ.
řeč—рѣчь.
řeknouti—сказать.
ret, rtu—губа.
roniti—ронять, проливать.
roztoužení—тоска.

Se—съ.
slza—слеза.
sousedka—сосѣдка.
svornost'—согласіе.
šiře—шире.

Také—также.
tento—этотъ.
ti—тебѣ.
tisknouti—жать.
tresknouti—треснуть, загремѣть.
tvař—лицо, тварь.
tvorec—творецъ.

Vážiti—вѣсить, уважать, цѣнить.
vděčně—благодарно.
věřiti—вѣрить.
větví—вѣтвь.
vítezství—побѣда.
vlastní—собственный, родной.
volati—звать, кричать.
však—но, вѣдь.
vše—все.
vzejíti (vzejdu)—взойти, возникнуть.
vzhůru—вверхъ, кверху.
vždy—всегда.

Zamlkly—тихій, молчаливый.
zaraziti—поразить, изумлять.
zarditi se—зардѣться, покраснѣть.
závistný—завистливый.
zazníti—зазвенѣть.
zde—здѣсь.
zem, země—земля.
znáti—знать, умѣть.
zpáchati—учинить, совершить.
zpěv—пѣсня.
zrak—зрѣніе, глазъ.
zvrtnouti—опрокинуть.
Že—что.
žežhule—кукушка.
život—жизнь.

Славянскіе словари на русскомъ языкѣ изданы С-Петербургскимъ Благотворительнымъ обществомъ. (Звенигородская, 24). Имѣются Болгарско-русскій словарь Мичатека (ц. 2 р. 50 к.) Словенско-русскій Хостника (1 р. 50 к.) Словацко-русскій Мичатека (1 р. 50 к.), Чешско-русскій Ранка (4 р. 80 к.) и Сербско-русскій словарь 2 р. 50 к.). При словаряхъ есть и грамматики. Изъ польско-русскихъ словарей наиболѣе распространенные Потоцкаго и—меньшій—Дубровскаго. Кашубскій, словарь имѣется только на польскомъ языкѣ: „Рамултъ. Slownik języka pomorskiego". Кромѣ того наша Академія наукъ издала на нѣмецкомъ яз. составленный Лоренцомъ словарь языка словинцевъ, живущихъ въ прусской Помераніи. Лужицко-нѣмецкій словарь изданъ Пфулемъ въ Будишинѣ въ 1866 г. Въ послѣднее время Бернекеръ издаетъ въ Гейдельбергѣ славянскій этимологическій словарь: Slavisches etymologisches Wörterbuch.—Въ Слав. Благ. обществѣ можно найти, кромѣ словарей, и этнографическую карту славянства, составленную Флоринскимъ (цѣна 2 р.).

Всероссійская Публичная Библіотека

4. Библіографія.

1. П. Д. Драгановъ. Многоязычный Пушкинъ. Ист. Вѣд. 1899. № 5.

2. П. А. Заболотскій. Очерки русскаго вліянія въ славянскихъ литературахъ новаго времени. Варшава 1908.

3. П. А. Кулаковскій. Славянскіе мотивы въ творчествѣ Пушкина. Варшава 1899.

4. K. Estreicher. Bibliografja polska XIX st. Kraków 1876.

5. В. А. Францевъ. А. С. Пушкинъ въ чешской литературѣ. СПБ. 1898.

6. А. С. Пушкинъ въ юго-славянскихъ литературахъ. Сборникъ библіографическихъ и литературно-критическихъ статей подъ редакціей И. В. Ягича. СПБ. 1901.

7. М. В. Дѣдовъ. Пушкинъ въ польской литературѣ. Варшава. Здѣсь перепечатано изъ книги „Wieniec poetów słowiańskich" (Lwów 1888) посвященное памяти Пушкина польское стихотвореніе Юліана Солтыка-Романскаго. Приводимъ его въ переводѣ:

Угасъ пѣвецъ! Умолкъ на вѣки онъ!
Смежились вѣщія такъ рано очи,
И разлетѣлся счастья свѣтлый сонъ
Надъ грустными полями полуночи.
Но и понынѣ съ вѣтромъ разговоръ
Ведетъ о немъ могучій, темный боръ,
И вторитъ имъ подъ ивою густою
Русалки плачъ надъ дремлющей водою.
Ты дорогъ намъ, славянъ полночныхъ сынъ!
Душою чистый, свѣтлый, благородный,
Какъ море, непокорный и свободный,
Ты нашъ поэтъ, ты вольный славянинъ,
И вся земля славянская родная,
Гдѣ только наша пѣснь звучитъ живая,
Любви неувядающій вѣнецъ
Несетъ тебѣ, высокій пѣвецъ!

8. M. Zdziechowski. Byron i jego wiek, t. II Kraków 1897.

9. Московскія Вѣдомости 1880, № 158. Статья А. С. Будиловича о словакахъ.

10. Slovenské Pohľady 1898 (Ризнеръ о словацкихъ переводахъ Пушкина).

11. S'wiat slowiański, 1908, t. I, str. 551 (Словацкій о Пушкинѣ).

12. Slovanský Přehled 1913, № 6—7. J. Borecký: Jaroslav Vrchlický a jeho poměr k slovanství. Здѣсь между прочимъ приведено помѣщенное въ „Tichých krocích" Врхлицкаго стихотвореніе „Hold":

Jak do zamlklé stepi třesk by mocný hrom,
tvůj zazněl zpěv, ký život jásal v zvuku tom!
Co krásy, něhy, síly! Však v tom tvůj genius,
že řekne-li se Puškin!—slyšíme: Celá Rus!

13. Пл. Кулаковскій. Пушкинъ въ славянскихъ переводахъ. Варшава 1899.

14. Ruska antologija v slovenskih prevodih. V Gorici 1901.

15. Вазовъ. Подъ нашето небе. Стара Загора. 1900.

16. D-r Branko Vodnik. Franjo Marković. Studija. Zagreb 1906.

17. В. Д. Спасовичъ. Сочиненія, т. II и VIII.

18. Tretiak Józef. Miedziany jeździec Puszkina. Studyum polemiczne. Kraków 1900.

19. Tretiak J. Mickewicz i Puszkin. Kraków 1906.

20. А. И. Яцимирскій. Пушкинъ въ новомъ освѣщеніи (Вѣст. Европы 1907 г., т. 10). Это отчетъ о предыдущей книгѣ; такой же отчетъ С. Н. Браиловскаго въ „Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія". См. также „Пушкинъ и его современники, т. VII, 1908.

21. Сочиненія А. С. Хомякова. Москва, 8 томовъ.

22. Стихотворенія А. С. Хомякова съ примѣчаніями П. И. Бартенева. Москва 1910.

23. В. З. Завитневичъ. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ. 2 т. Кіевъ 1902, (здѣсь и полная библіографія всего написаннаго о Хомяковѣ).

24. В. Н. Лясковскій. Алексѣй Степ. Хомяковъ. Русскій Архивъ 1896, кн. II.

25. Кошелевъ. Мои воспоминанія объ А. С. Хомяковѣ. Р. Арх. 1879 г. кн. III.

26. Николай Бердяевъ. А. С. Хомяковъ. Москва. 1912 г.

27. Польскій вопросъ. Москва 1881. (воспоминанія о Хомяковѣ С. А. Юрьева).

28. Н. П. Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина, т. I—XIV.

29. Adam Mickiewicz. Pisma, t. I—VI. Paryż-Leipzig 1864.

30. Literatura Slowiańska, wykładana w Kolegjum francuzkiem przez A. Mickiewicza tłumaczenie F. Wrotnowskiego t. I—IV Poznań 1865.

31. Mickiewicz. Mélanges Posthumes. Paris.

32. La Tribune des peuples par Adam Mickiewicz. Paris 1907 (объ этой книгѣ статья Сиротинина „Мицкевичъ, какъ политикъ" въ „Московск. еженедѣльникѣ").

33. Korespondencja A. Mickiewicza. t. I—IV 1871.

34. Władysław Mickiewicz. Żywot Adama Mickiewicza. 4 t. W Poznaniu 1895.

35. Chmielowski Adam Mickiewicz, zarys biograficzno-literacki. Warszawa—Kraków 1886.

36. J. Kallenbach. Adam Mickiewicz. 2 t. 1898.

37. А. Л. Погодинъ. Адамъ Мицкевичъ. Его жизнь и творчество. 2 т. М. 1912 (библіографія всего написаннаго о Мицкевичѣ).

38. Współudział A. Mickiewicza w sprawie Andrzeja Towiańskiego 2 t. (объ этой книгѣ статьи Макушева въ „Русскомъ Вѣстникѣ").
39. Записки А. О. Смирновой. Изданіе „Сѣвернаго Вѣстника".
40. Сочиненія А. И. Герцена. СПБ. 1905.
41. Сочиненія К. Ѳ. Рылѣева. СПБ. 1874.
42. Сиротининъ. К. Ѳ. Рылѣевъ. Р. Арх. 1890 г.
43. Н. А. Котляревскій. К. Ѳ. Рылѣевъ. СПБ. 1908.
44. В. И. Масловъ. Литературная дѣятельность Рылѣева. Кіевъ 1912 (библіографія о Рылѣевѣ).
45. Бороздинъ. Изъ писемъ и показаній декабристовъ. СПБ. 1906.
46. Пестель. Русская Правда. СПБ. 1906.
47. Завалишинъ. Записки декабриста. München 1904.
48. Н. А. Котляревскій. Декабристы. СПБ. 1907.
49. Общественное движеніе въ Россіи при императорѣ Александрѣ I, т. I.
50. Довнаръ-Запольскій. Тайное общество декабристовъ. М. 1906.
51. В. И. Семевскій. Политическія и общественныя идеи декабристовъ. СПБ. 1909.
52. Декабристы. Тайныя общества въ Россіи. Москва 1906.
53. Довнаръ-Запольскій. 1) Мемуары декабристовъ. Кіевъ 1906; 2) Идеалы декабристовъ. М. 1907.
54. И. Д. Якушкинъ. Записки. Москва 1905.
55. Кн. А. И. Одоевскій. Сочиненія. СПБ. 1883.
56. Niemcewicz. Spiewy historyczne.

57. П. И. Прейсъ. Отчетъ объ ученой командировкѣ въ славянскія земли. Жур. Мин. Нар. Просвѣщенія 1840 г.
58. Гильфердингъ. О нарѣчіи померанскихъ словинцевъ и кашубовъ СПБ. 1859.
59. Гильфердингъ. Остатки славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря, СПБ. 1860.
60. Гильфердингъ. Исторія балтійскихъ славянъ. Сочиненія, т. IV. СПБ. 1874.
61. Wilhelm Bogusławski. Dzieje słowiańszczyzny północnozachodniej do połowy XIII wieku. t. I—IV. Poznań 1887—1900.
62. Wachowski. Kazimierz Słowiańszczyzna zachodnia. Studya historyczne. Warszawa 1903.
63. А. Павинскій. Полабскіе славяне. СПБ. 1871.
64. Martin Wehrmann. Geschichte von Pommern 1—2. Gotha.
65. Czesław Jankowski. Sześćset lat stosunków polsko-pruskich. Wilno 1903.
66. Kujot ks. 14. listopada roku 1308 w Gdańsku (Roczniki Towarzystwa naukowego w Toruniu, t. XI).
67. Mitteilungen des Vereins für Kaschubische Volkskunde. Leipzig 1908 и слѣд. годы.
68. Kościnski Konstanty 1) Kaszubi giną. Poznań 1905, 2) Idea słowiańska na Kaszubach. Poznań 1910.
69. В. А. Францевъ. 1) Славянскія замѣтки. (Рус. Фил. Вѣстникъ) 2) Къ исторіи такъ называемаго кашубскаго возрожденія. (Изв. отд. рус. яз. и сл. Имп. Ак. Наукъ 1913).

70. Gryf, pismo dla spraw kaszubskich 1909 и слѣд. годы.

71. Parczewski. Szczątki kaszubskie w prowincyj Pomorskiej. Poznań 1896.

72. Chrzanowski B. Na kaszubskiem brzegu. Poznań 1910.

73. Łęgowski. Połabianie i słowińcy. Wisła XVI.

74. Nadmorski. Kaszuby i kociewie. Poznań 1892.

75. Nadmorski Słowińcy i szczątki ich języka (Lud, V).

76. Т. Д. Флоринскій: 1) Славянское племя. Статистико-этнографическій обзоръ современнаго славянства. Кіевъ 1907; 2) Этнографическая карта зап. славянства СПБ. 1911; 3) Лекціи, т. I.

77. Л. Нидерле. Обозрѣніе современнаго славянства (съ картой). СПБ. 1909. (Изъ Энциклопедіи славянской филологіи).

78. Stefan Ramułt 1) Słownik języka pomorskiego. W Krakowie 1893; 2) Statystyka ludności kaszubskiej Kraków 1899.

79. Бодуэнъ де Куртенэ. 1) Кашубскій „языкъ", кашубскій народъ и „кашубскій вопросъ" 1897 (Жур. Мин. Нар. Просв); 2) Kurzes Resumè der Kaschubischen Frage (Archiv für Slav. Philologie XXVI, 1903).

80. Lorenz 1) Slovinzische Grammatik; 2) Slovinziches Wörterbuch. СПБ. 1908 и 3) другія работы въ Gryf'ѣ.

81. Gustaw Pobłocki 1) Słownik kaszubski. Chełmno 1887, 2. Floryan Ceynowa (Gryf).

82. Floryan Cenôva. Сочиненія. См. въ текстѣ, стр. 144.

83. Jarosz Derdowski. Pisma, t. I. Въ предисловіи біографія Дердовскаго, написанная Александромъ Майковскимъ. Другія сочиненія Дердовскаго указаны въ текстѣ.

84. Ks. Mańkowski. Hieronima Derdowskiego walka z „Kujawiakiem" (Gryf 1912, № 11—12). Здѣсь подробно изложена исторія изданія Дердовскимъ „Куявяка", который, оказывается, былъ не газетой, какъ объ этомъ доселѣ писали всѣ біографы Дердовскаго, а однодневной сатирой—„бомбой" на задуманную нѣмцемъ Папштейномъ польскую газету „Kujawiak". Сатира Дердовскаго „Kuh-jaw-jack" была такъ безпощадна и убійственна, что настоящій „Kujawiak" уже не могъ появиться въ свѣтъ.

85. Aleksander Majkowski. Сочиненія указаны въ текстѣ. Кромѣ того множество статей въ „Gryfie" и въ изданіи „Pomorze kaszubskie", zeszyt monograficzny „Ziemi". Warszawa. 1911, № 22.

86. Wôs Budzysz. Nôwotnê Spiéwê. Poznań 1910.

87. Wilhelm Bogusławski a Michał Hórnik. Historija serbskeho naroda. Budyšin 1884.

88. E. Muka. 1) Statistika łužiskich Serbow. Wobličenje a wopisanje. Budyšin 1884—1886; 2) Ethnografiska kharta serbskich Lužic. Budyšin 1886 3) Die Grenzen des serbischen Sprachgebiets in alter Zeit (Archiv für Slav. Phil. XXVI). 4) Dodawki k statisticy a ethnografiji łužiskich serbow (Časop. Mac. Serb. 1900).

89. A. Parczewski. Serbja w Pruskej po ličenju luda w l. 1890 (Časopis M. Serbskeje 1899).

90. Флоринскій. Лекціи по славянскому языкознанію, ч. II, а также работы, упомянутыя подъ № 76.

91. И. И. Срезневскій. Историческій очеркъ сербо-лужицкой литературы 1884 (Жур. Мин. Нар. Просв., іюль).

92. Гильфердингъ. Народное возрожденіе сербовъ-лужичанъ въ Саксоніи (Собр. сочиненій, т. II).

93. Michal Hórnik, 1) Řeč a pisemnictví lužických srbův въ „Časopis'ѣ“ чешскомъ 1856; 2) Минувшее дѣсятилѣтіе у сербовъ-лужичанъ въ „Слав. Сборникѣ“ 1877 г. т. II.

94. A Černý: 1) Srbové lužičtí (см. Slovník naučný изд. Otto, d. XXIII); 2) Různé listy o Lužici. Praha 1894; 3) Lužické obrazky. Praha 1890; 4) Z mojeho zapisnika (Časopis Maćicy Serbskeje, 1888; 5) Wobydlenje łužiskich Serbow (Ibidem 1889); 6) Sto let lužického časopisectví (Květy 1899). 7) Stawizny basnistwa lužickich serbow. Budyšin 1910; 8) Lužice a lužičtí Srbové. Praha 1912).

95. Jenč Pismowstwo delnołužiskish serbow (Čas. M. Serb.).

96. T. Šwjela. O serbské národnosti v Dolni Lužici (Slovanský Přehled, IV).

97. D-r. Tetzner. Die Slawen in Deutschland. Braunschweig 1902.

98. Časopis Mačicy Serbskeje. Budyšin (съ 1848 г.), Здѣсь, кромѣ многихъ важныхъ работъ Муки, Іенча, Парчевскаго, Чернаго, Дучмана, для біографій Смолера, Тешнара, Горника, Мосака-Клосопольскаго и др. см. ихъ некрологи. Здѣсь же, какъ образецъ сербской литературной критики, статья Миклавша-Андрицкаго о Тишинскомъ.

99. Lužica. Budyšin (съ 1882 г.).

100. Slovanský Přehled (ежегодные отчеты о лужицкой жизни, статьи Чернаго, Швели; между прочимъ воспоминанія Чернаго о Горникѣ въ гоč. VI и автобіографія. Смолера въ гоč XII.

101. I. E. Smoler. Pěsnički hornich a delnich łužiskich serbow. 1843.

102. Handrija Zejlerja Zhromadźene spisy. 4 zw. Budyšin 1891.

103. J. Bart-Ćišinski. 1) Na Hrodžišću (Budyšin 1888); 2) Formy (Bud. 1888); 3) Přiroda a wutroba (B. 1889); 4) Serbske zynki (1897); 5) Ze žiwjenja (1899); 6) Krew a kraj. Ballady (1900); 7) Z juskom wotčinskim. Basnje (1904); 8) Z křidlom worjołskim (1904); 9) Wysk a Stysk. Wótčinske sonetty 1905; 10) Za ćichim (1906); 11) Serbske wobrazki (1908); 12) Swětło z wyšiny (1911).

104. Ćišinski a nová doba hornolužické poesie (Slovenský Přehled, roc. IX).

105. Slávy dcera. lyricko-epická báseň v pěti zpěvich od Jana Kollára. Páté vydaní.

106. Spisy Jana Kollára, dil druhý. Vyklad ku Slávy Dceře. V Praze 1875.

107. Jan Kollár. 1) Cestopis; 2) Cestopis druhý a paměti. V Praze 1862—1863.

108. Kollár. Ueber die literarische Wechselseitigkeit zwischen den verschiedenen Stämmen und Mundarten der Slawischen Nation (Pesth 1837 г.; 2-е изд. Leipzig 1844). Русскій переводъ въ „Отеч. Запискахъ“ 1840 г. № 1—2).

109. Jan Kollár, sbornik stati o životě, působení a literární činnosti. Вѣна 1893.

110. А. Эккъ. Янъ Колларъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности и его поэма „Дочь Славы“. Варшава 1900.

111. А. И. Степовичъ. Къ столѣтію рожденія Яна Коллара. Кіевъ 1894 г. Кромѣ того о Колларѣ см. въ „Ист. слав. литературъ“ Пыпина и Спасовича, т. 2.

112. Masaryk. Česká otázka. V Praze.

113. М. Д. Словаки и Словенское околье въ Угорщинѣ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1868, августъ).

114. Ладиславъ Пичъ. Очеркъ политической и литературной исторіи словаковъ за послѣднія 100 лѣтъ въ „Слав. Сборникѣ", т. I и II.

115. Fr. Sasinek. 1) Die Slovaken. Eine ethnographische Skizze. Prag. 1875; 2) Dejiny Král'ovstva Uhorského 2 t. Turč. Sv. Martin 1871—1877; 3) Dejepis Slovákov Ružomberok 1904. 4) Država vel'komoravská (Ruž. 1896); 5) Historický katechismus pre Slovákov (Ruž. 1901) и др.

116. Julius Botto. Slováci. Vývin ich národného povedomia 2 t. (Turč. sv. Martin 1906).

117. Jaroslav Vlček. Dejiny literatúry Slovenskej. Turč. Sv. Martin 1890. Русскій переводъ Опфермана подъ заглавіемъ: „Исторія словацкой литературы". Кіевъ 1889

118. Zawiliński Roman. Słowacy, ich życie i literatura. Warszawa 1899.

119. Karel Kálal. 1) Slovensko a slováci. V Praze. 1905; 2) Obrázky zpod Tater. Praha 1907.

120. R. Targo (псевдонимъ Калаля). Vyhubit. Obraz slovenského utrpeni. V. Telči.

121. Básne Jana Hollého. Turč. Sv. Martin 1908.

122. Sv. Hurban-Vajanský. Nálady a vyhl'ady. Turč. Sv. Martin 1897.

123. Людевитъ Штуръ. Славянство и міръ будущаго. СПБ. 1909.

124. Pamätnik Karla Kuzmányho. Turč. Sv. Martin 1906.

125. Jozef Škultéty Pamiatka Jozefa M. Hurbana. Turč. sv. Martin 1888.

126. Storočná pamiatka narodenia Štefana Moysesa. Turč. sv. Martin 1897.

127. L. M. Memorandum v kritickom svetle. Prúdy, roč. II, № 8—9.

128. Сиротининъ: 1) Народная школа у словаковъ СПБ. 1903. 2) Выборы въ Венгріи (Слав. Извѣстія 1908 г.).

129. Otto Škrovina: 1) Zápisnica konventu ev. a. v. turčianského senioratu, odbývaného 12 jula 1910; 2) Zpráva o cirkvi turč.-sv.-martinskej. Turč. Sv. Martin 1911.

130. Svetozár Hurban-Vajanský: 1) Politický process 28 Slovákov a sloveniek pre búrenie. Turč. Sv. Martin 1900; 2) Ružomberský kriminálny process proti Andrejovi Hlinkovi (Turč. sv. Martin 1906).

131. Ambro Pietor. Nápor—odpor. Ako postupovala mad'arisacia v Uhorsku Turč. sv. Martin 1905.

132. Sbornik slovenskej mládeže 1909. Особенно важна статья Вавро Шробара: Počiatky slovenského obrodenia.

133. Slovenské pohl'ady (съ 1881 г.) Turč. Sv. Martin. (Здѣсь много матеріаловъ для исторіи литературы).

134. Hlas, органъ гласистовъ (1898—1905). Въ статьяхъ Шробара и Павла Благо здѣсь находится полная характеристика гласистскаго движенія. Мы пользовались кромѣ того рукописными замѣтками д-ра Шробара, за любезное сообщеніе которыхъ приносимъ ему здѣсь сердечную благодарность.

135. Prúdy (съ 1909 г.), органъ словацкой молодежи. Наиболѣе важныя статьи: Slovanská otázka a Ján Palárik, Pokrokovost' a konservatizmus na Slovensku. Послѣдняя вышла и отдѣльно.

136. Sobrané diela Svetozára Hurbana Vajanského 11 томовъ. Turč. Sv. Martin 1907—1912.

137. Svetozar Hurban Vajanský. Kotlín. Turč. Sv. Martin 1901,

138. Sobrané spisy basnické Hviezdoslava. 3 sv. Turč. sv. Martin.

139. Hviezdoslav (Pavel Orszagh). Napisal Jozef Škultety (Slovenské pohľady 1909 г.); тамъ же и другіе матеріалы для характеристики Гвѣздослава.

140. Н. Новичъ. Словацкіе поэты. СПВ. 1901.

141. Anton Aškerc: 1) Balade in romance. Ljubljana 1890; 2-е изд. 1903; 2) Lirske in epske poezije, 1896; 3) Nove poezije 1900; 4) Tri dramatičke studije 1900; 5) Ruska antologija (вмѣстѣ съ Ивановъ Веселомъ) 1901; 6) Zlatorog 1904; 7) Četrti zbornik poezij 1904; 8) Primož Trubar 1905; 9) Mučeniki 1906; 10) Junaki 1907; 11) Jadranski biseri 1908; 12) Akropolis in piramide 1909; 13) Pesnitve 1910; 14) Poslednji Celjan 1912; 15) Ali je Primož Trubar upesnitve vreden junak ali ne? 1905.

142. Gojmir Krek. Anton Aškerc. Studie mit Uebersetzungsproben. Laibach 1900.

143. Tad. Stan. Grabowski. Anton Aškerc, poeta słowieński. Sylweta jubileuszowa. Kraków 1906. (Оттискъ изъ журнала Świat Słowiański).

144. Н. Новичъ. Словинскіе поэты. СПБ. 1904.

145. Сергѣй Штейнъ. Славянскіе поэты. Переводы и характеристики. СПБ. 1908.

146. О словенцахъ см. очерки Ивана Пріятеля: „Словенцы и ихъ литература“. (Славянскія Извѣстія 1904—1906 гг.).

147. Ljubljanski Zvon, mesečnik za književnost in prosveto, особенно времени редакціи Ашкерца (1901—1903).

148. Леопольдъ Ранке. Исторія Сербіи по сербскимъ источникамъ. Переводъ П. И. Бартенева. Москва 1857; 2-е изд. 1876 г.

149. А. Ѳ. Гильфердингъ: 1) Письма объ исторіи сербовъ и болгаръ (Собр. Соч., т. I); 2) Боснія, Герцеговина и Старая Сербія (Соч., т. III).

150. Н. Овсяный. Сербія и сербы. СПБ. 1897.

151. А. Липовскій. Хорваты. СПБ. 1900. (Здѣсь подробная библіографія).

152. Драго Войновичъ. Исторія сербскаго народа. Одесса 1903.

153, А. Л. Погодинъ. Исторія Сербіи. СПБ. 1909.

154. Ровинскій: 1) Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. Изд. Императорской Академіи Наукъ. 2) Реформы въ Черногоріи (Славянскія Извѣстія 1903 г. и сл.).

156. Евг. Л. Марковъ. Путешествіе по Сербіи и Черногоріи. СПБ. 1903.

157. А. А. Башмаковъ. Черезъ Черную гору въ страну дикихъ Геговъ (Слав. Извѣстія 1909 г. и отдѣльно).

158. П. А. Кулаковскій. Начало русской школы у сербовъ въ XVIII вѣкѣ. СПБ. 1903.

159. Вукъ Караджичъ. Српске народне пjесме. У Бечу 1875.

160. Павелъ Поповичъ. Обзоръ исторіи сербской литературы. СПБ. 1912. (Подробная библіографія предмета).

161. П. А. Кулаковскій: 1) Вукъ Караджичъ. Его дѣятельность и значеніе въ сербской литературѣ. М. 1882; 2) Иллиризмъ. Варшава 1894.

162. Djuro Šurmin. Hrvatski preporod 2 t. Zagreb.

163. Ksaver Šandor-Gjalski (L. Babić). Osvit. Slike iz tridesetih godina (Беллетристическое воспроизведеніе эпохи хорватскаго возрожденія).

164. M. Zdziechowski. Odrodzenie Chorwacyi w wieku XIX. Kraków 1902.

165. Stanko Vraz. Djela 4 t. Zagreb 1863.

166. Pjesničke dejela Petra Preradovića. Zagreb 1873.

167. Андрэ Барръ. Боснія и Герцоговина подъ австрійскимъ владычествомъ. М. 1909.

168. Радованъ Кошутичъ. Сербскій народъ и аннексія Босніи и Герцеговины. СПБ. 1908.

169. П. А. Лавровъ. Аннексія Босніи и Герцеговины и отношеніе къ ней славянства. СПБ. 1909.

170. Цвиичъ. Аннексія Босніи и Герцеговины и сербскій вопросъ. СПБ. 1909.

171. А. Амфитеатровъ. Славянское горе. М. 1912.

172. Образцы сербской поэзіи см. въ книгѣ Н. В. Гербеля „Поэзія славянъ". СПБ. 1871.

173. М. П. Петровскій. Отголоски славянской поэзіи. Казань 1913. Здѣсь цѣликомъ перепечатана поэма Мажуранича: „Smrt Smail-agi Čengića".

174. Певанија Змаj-Іована Іовановића. У Новом Саду 1882. О Змаѣ Іованѣ Іовановичѣ на русскомъ яз. см. статьи Сиротинина въ „Слав. Вѣкѣ" № 82, Шарапова („Русск. Трудъ"), а также у Штейна „Славянскіе поэты".

175. Rikard Katalinić-Ieretov. Inje. Zadar. 1903.

176. Иванъ Вазовъ: 1) Майска китка. Пловдивъ 1880; 2) Прѣпорецъ и гусла. Софія 1895; 3) Тжгитѣ на България. София 1895; 4) Избавление. София 1895; 5) Гусла. Пловдивъ 1893; 6) Поля и гори. Пловдивъ 1893; 7) Стихотворения за малки дѣца. Пловдивъ 1894; 8) Италия. София 1894; 9) Сливница. Пловдивъ 1886; 10) Звукове. София 1897; 11) Скитнишки пѣсни. София 1889; 12) Подъ нашето небе. Стара Загора 1900; 13) Поеми. София 1904; 14) Изъ голѣмитѣ поети. София; 15) Легенда при Царевецъ. Балади и поеми. София 1910; 16) Подъ игото. София 1896; 17) Нова земя. Соф. 1896; 18) Казаларската царица. София 1903; 19) Повѣсти и расказы 3 т. София; 20) Драски и шарки 2 т. София 1895; 21) Видено и чуто. София 1901; 22) Пъстъръ свѣтъ. София 1902; 23) Великата Рилска пустиня. София 1904; 24) Въ нѣдрата на Родопитѣ. София 1904; 25) Утро въ Банкя. София 1905; 26) Иванъ Александръ. Пловдивъ 1907; 27) Светославъ Тертеръ; 28) Хжшове. София 1899; 29) Руска. Пловдивъ 1889; 30) Службогонци. София 1903; 31) Михалаки Чорбаджи. Пловдивъ 1891; 32) Вѣстникаръ ли? София 1900; 33) Къмъ Пропасть; 34) Бориславъ.

Въ послѣднее время въ Софіи стало выходить полное собраніе сочиненій Вазова, но мы его, какъ и драмъ, упомянутыхъ подъ № 33 и 34, не имѣли подъ руками.

177. О Вазовѣ см. подробное изслѣдованіе А. Теодорова (Периодическо списание 1901 г.). На русскомъ языкѣ статьи Яцимирскаго въ „Вѣстн. иностр. литературы" 1906 г. и Уманова-Каплуновскаго въ „Ист. Вѣстникѣ" 1908 г.; по словенски Безеншека въ журналѣ Ljubljanski Zvon 1902: „Vazov Ivan, bolgarski pesnik".

178. Ботевитѣ стихотворения. Кюстендилъ 1901.

179. З. Стояновъ. Христо Ботйовъ. Руссе 1891.

180. Д. Т. Страшимировъ. Христо Ботевъ, като поетъ и журналистъ. Пловдивъ 1897.

181. Кирилъ Христовъ. Избрани стихотворения. София 1903.
182. Българска Сбирка (съ 1894 г.), ред. С. С. Бобчева.
183. Славянски гласъ (съ 1902 г.).
184. К. Иречекъ. Исторія Болгаріи. Одесса 1878 г.
185. А. Л. Погодинъ. Исторія Болгаріи. СПБ. 1910.
186. П. Н. Милюковъ: 1) Изъ поѣздки въ Македонію (Вѣст. Европы 1899 г.); 2) Письма изъ Македоніи (Рус. Вѣдомости за 1898 и 1899 г.).
187. Вѣщій Олегъ. (А. А. Башмаковъ). Болгарія и Македонія СПБ. 1903.
188. Іован Цвијић. Проматранья о етнографији македонских словена. Београд 1906
189. А. Амфитеатровъ. Страна раздора. СПБ.
190. А. Ишірковъ. Болгарія. Одесса 1911.

191. Урсинъ. Очерки изъ психологіи славянскаго племени. СПБ. 1887.
192. M. Zdziechowski. U opoki mesyanizmu. Nowe szkice z psychologii narodów słowiańskich. Lwów 1912.
193. I. Baudouin de Courtenay. O zjeździe slawistów i o panslawizmie „platonicznym". W Krakowie 1903.
194. Славянскія Извѣстія (ред. В. Н. Кораблева) 1902—1910.
195. Славянскій Вѣкъ (ред. Д. Н. Вергуна).
196. А. Н. Пыпинъ и В. Д. Спасовичъ. Исторія славянскихъ литературъ. Изд. 2-е. СПБ. 1879 и 1881.
197. Lubor Niederle. Slovanský svět. Zeměpisný a statistický obraz současného Slovanstva. V Praze 1910. (Русскій переводъ въ „Энциклопедіи Славянской филологіи").
198. И. В. Ягичъ. Исторія славянской филологіи. СПБ. 1910.
199. Slovanský Přehled (ред. Ад. Чернаго). Praha česká.
200. В. А. Францевъ: 1) Польское славяновѣдѣніе конца XVIII и первой четверти XIX столѣтія. Прага чешская 1906; 2) Очерки по исторіи чешскаго возрожденія. Русско-Чешскія ученыя связи. Варшава 1902.
201. В. И. Ламанскій. Объ историческомъ изученіи греко-славянскаго міра. СПБ. 1871.
202. I. I. Первольфъ. Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи. Варшава 1880.
203. Iosef Karásek. Slavische Literaturgeschichte. 2 t. Leipzig. 1906.
204. Archiv für Slavische Philologie. Berlin.
205. Славянскій сборникъ. СПБ т. I—III.
206. А. Ѳ. Гильфердингъ. Собраніе сочиненій т. I—IV. СПБ. 1873.
207. Stjepan Radić: 1) Slovanská politika v Habsburgské monarchii. V Praze 1902; то же по хорватски. Zagreb 1906; 2) Moderna kolonizacija i slaveni. Zagreb 1904; 3) Uvahy ze současné mezinárodní politiky. V Praze 1901; 4) Uzničke uspomene 2 t. U Novom Sadu 1903.
208. Hrvatska Misao 1905 и сл. годы. (Много статей Степана Радича).
209. П. А. Кулаковскій. Очеркъ рѣшенія вопроса объ единомъ литературномъ языкѣ у славянъ. Варшава 1885.
210. К. Кульчицкій. Автономія и федерація въ современныхъ конституціонныхъ государствахъ. Москва 1907.
211. R. Schpringer. Der Kampf der Oesterreichichen Nationen um den

Staat. Русскій переводъ подъ редакціей Ратнера: Національная проблемма. СПБ. 1909.

212. Формы національнаго движенія въ современныхъ государствахъ подъ редакціей Кастелянскаго. СПБ. 1910.

213. А. Л. Погодинъ. Главныя теченія польской политической мысли. СПБ.

214. Вл. Студницкій. 1) Польша въ политическомъ отношеніи отъ раздѣловъ до нашихъ дней. СПБ. 1908; 2) Sprawa polska. Poznań 1910.

215. E. Starczewski. Sprawa Polska. Kraków 1912.

216. Roman Dmowski: 1) Myśli nowoczesnego polaka. Lwów 1907; 2) Niemcy, Rosya i kwestya polska. Lwów 1908.

217. Józef Buzek. Historya polityki narodowościowej rządu pruskiego wobec polaków. Kraków.

218. Kazimerz Rakowski. Dzieje Wielkiego Księstwa Poznańskiego w zarysie. Kraków 1904.

219. Świat słowiański. Kraków съ 1905 г. (ред. Ф. Конечный). Много важныхъ статей по славяновѣдѣнію.

220. Сто лѣтъ борьбы польскаго народа за свободу. Сборникъ подъ редакціей Подвинскаго. Москва 1907.

221. А. Д. Градовскій. Національный вопросъ. СПБ. 1901.

222. Славянскій вопросъ въ его современномъ значеніи. СПБ. 1913.

223. Н. П. Аксаковъ. Всеславянство. Москва 1910.

224. А. Л. Погодинъ. Причины и цѣли новѣйшаго славянскаго движенія. Вѣст. Евр. 1909.

225. Slovanstvo. Obraz jeho minulosti a přitomnosti s mapou slovanstva. V Praze 1912.

5. Указатель личныхъ именъ.

Августъ, король польскій 188.
Адамъ Бременскій 116, 117.
Айвазовскій 13.
Аксаковы 49, 51, 72, 458.
Александровъ 361.
Александръ I 47, 236, 240.
Александръ II 47, 48, 460, 461, 482, 521—523, 527.
Александръ III 153.
Александръ, кн. Баттенбергскій 471.
Александръ Македонскій 30, 523, 540.
Александръ Невскій 560.
Алексовъ 522.
Альбрехтъ Анспахъ 128.
Альбрехтъ, герцогъ Прусскій 129.
Альбрехтъ Медвѣдь 123, 124.
Альбрехтъ Саксонскій 192.
Альбрехтъ Фридрихъ 129.
Амфитеатровъ 547.
Андраши 427.
Андрей IV 256.
Андрейчинъ 17.
Андрицкій 216, 217.
Антоновичъ 534.
Антонъ 189.
Анчевъ 17.
Аппоньи 275.
Аристотель 91, 346.
Арпадовичи 255.
Аспарухъ 122.
Асѣнь 560.
Ашиновъ 534, 535.
Ашкерцъ 2, 18, 19, 24, 41, 342—395.

Байза, Іосифъ Игнатій 260.
Байронъ 6, 8, 22, 23.
Бальмонтъ, К. Д. 552, 554.
Бальтикъ 273.
Баратынскій 69, 70.
Бартеневъ, П. И. 88.
Бартъ (см. Тишинскій).
Баторій, Елизавета 256,
Баторій, Стефанъ 94.
Батюшковъ 93.
Бахтинъ, Н. Н. (см. Новичъ).
Бахъ 268.
Башмаковъ 196, 409, 546.
Беети 277.
Бель Матвѣй 259.
Бельмонтъ, Лео 22.
Бендль, Вацлавъ 12, 13, 22.
Бенедиктовъ 227.
Беницкій, Петръ 259.
Бенковскій 352, 378, 379.
Бергъ 2, 11, 227, 234, 241.
Бернардъ 117, 119, 124.
Бернолакъ, Антонъ 260.
Бестужевъ, Александръ 49, 50, 67, 68.
Бестужевъ, Николай 103.
Бестужевъ-Рюминъ 59.
Бибиковъ 66.
Бисмаркъ 108, 166, 167, 220, 427.
Благо, Павелъ 288.
Богданъ, Югъ 403, 404.
Богориди, кн. Алеко 464.
Богоровъ 528.
Богуславскій, Вильгельмъ 123, 180, 197, 200.
Богуславъ Поморскій 123, 132.
Богуша 127.
Бодицкій, Само 10.
Бодуэнъ де Куртенэ 112, 569.
Боккаччіо 348.
Бокъ 200.
Болеславъ Кривоустый 120, 122, 123, 183.
Болеславъ Смѣлый 351.
Болеславъ Храбрый 57, 122, 182, 183, 254.
Бонапарте 297, 455.
Бонифацій 119.
Борисовы 53, 59.
Борковскій 138.
Бороздинъ 65.
Ботевъ, Христо 17, 446, 449, 451, 457. 483, 519, 557, 558, 560.
Ботто, Юлій 273.
Ботя, даскалъ 446.
Брадке-фонъ 85.
Браиловскій, С. Н. 30.

Браксаторисъ (см. Сладковичъ).
Бранковичъ Вукъ 226, 404.
Бранцели 186, 190.
Бранцель, Авраамъ 187—189.
Бранцель, Михаилъ 187—189, 196, 227.
Бранцель, Саломонъ-Богуславъ 187.
Брейеръ, Петръ 360.
Брлековичъ, Богомиръ 16.
Бронишъ, 202.
Брюкманъ (см. Мостникъ).
Брунонъ, еп. 186.
Буало 91.
Будзышъ Вось 108, 171.
Будиловичъ 11.
Бунина 241.
Бѣлинскій 30.
Бѣлчевъ, Пареенъ 441—445.
Бэконъ 80.
Бэлза 170.
Бюргеръ 90.

Вазовъ, Иванъ 2, 17, 438—537, 554.
Вазовъ, Мипчо 443.
Валашекъ 280.
Валуа, Генрихъ 102.
Вальвазоръ 343.
Вальдемаръ Датскій 123.
Василій II 556.
Ваянскій (см. Гурбанъ).
Великановичъ, Иса 16.
Величковъ, К. 17, 468, 528.
Вельянъ 196.
Венсвитиновъ, 8, 69, 72.
Венелинъ 71.
Венизелосъ 428.
Вергилій 261.
Веронезе, Паоло 257.
Верстовскій 71.
Веселовскій 280.
Весель 18, 19, 361.
Весель-Косескій 18.
Вильгельмъ II 554.
Вирховъ 151.
Висковскій 459.
Витте, графъ 534.
Витъ св. 225.
Владиміръ св. 531.
Владиславъ, король польскій 94, 258, 405, 424.
Влчекъ, Ярославъ 265, 289, 313.
Водникъ, Бранко 29.
Водникъ 241, 343, 345.
Войнаровскій 64.
Войцѣхъ, св. 93.
Волконская, кн. Зинаида 8, 26, 27, 69.
Волконскій, кн. 63.
Волынскій 96, 98, 99, 104.
Вольская, Марія 113.
Вольтеръ 4, 151.
Вороничъ 241
Ворѣхъ, Вячеславъ 186.
Вразъ, Станко 7, 16, 216, 227, 344, 367.
Вратиславъ 121, 126.
Врзалъ 22.
Врхлицкій 2, 13.
Вукашинъ 404.
Вуличъ 5.
Выспянскій 118, 237.
Вышинскій 13.
Вяземская, кн. Вѣра, 72.
Вяземскій, кн. П. А. 47. 69, 79.
Вяземскій, кн. П. П. 30, 34.

Габсбурги 425.
Гай, Людевитъ 8, 223, 227, 420—423.
Галерій, имп. 540.
Гамулякъ 265.
Ганка, Вячеславъ 148, 149, 193.
Ганнибалъ 297, 302.
Гарамбашичъ 16.
Гарибальди 458.
Гартингъ, Софія 170.
Гартманъ, Готфридъ 136.
Гауптъ 193.
Гвѣздославъ (Павелъ Орсагъ) 11, 222, 286, 294, 306—316, 327—331.
Гегель 52, 80.
Гезе 140.
Гельмольдъ 116, 119, 124.
Геннель 202.
Генрихъ, Левъ 118, 123, 124.
Генрихъ, Птицеловъ 181.
Гербель, Н. В. 227.
Геро, маркграфъ 181.
Геровъ 460, 461, 520, 526.
Герсдорфъ 187.
Герценъ 67, 69, 88, 271, 333.
Гете 8, 23, 80.
Гешовъ 428.
Гильфердингъ, А. Ѳ. 111, 112, 114, 119, 125, 132, 147, 163, 192, 198, 569.
Гладстонъ 455, 458, 470.
Глинка, Андрей 278.
Глинка, С. Н. 49.
Глинскій, кн. 98.
Гогенцоллерны 129, 206.
Годжа, Миланъ 287.
Годжа, Михаилъ Милославъ 265, 267.
Годуновъ, Борисъ 8, 97.
Голарекъ 333, 486, 556.
Голый (Голли), Янъ 241, 261—265, 282, 286.
Гомеръ 30, 157, 348.
Гомулицкій, Викторъ 111.
Гопчевичъ 546.
Горановъ, Богданъ 446.
Горацій 91, 166, 346, 348.
Горбуновъ, Ив. Ив. 336.
Горникъ, Михаилъ 15, 178, 180, 196, 200, 217.
Горчаковъ, кн. А. М. 3, 521.

Горчанскій 189.
Горчичка, Даніилъ 258, 259.
Горькій, Максимъ 336, 361.
Гостникъ 18.
Грановскій 88.
Грегорчичъ 18, 19.
Грибоѣдовъ, А. С. 49.
Григорьевъ, Ап. 6, 24, 30.
Гротъ 265.
Грубый 22, 571.
Груевъ 17, 22, 446, 468.
Груичъ 532.
Грушковичъ 241.
Гульговскій 170.
Гундуличъ 241, 405, 424.
Гунцелинъ 125.
Гурбанъ, Іосифъ 264—267, 271, 283, 295, 309.
Гурбанъ-Ваянскій, Свѣтозаръ 2, 10, 11, 222, 245, 252, 255, 262, 263, 276, 282—288, 294—326, 337.
Гурбаны 258, 265.
Гурко 297, 461, 524, 562.
Гусъ, Янъ 225, 351, 366.
Гюго, Викторъ 455, 458, 486.

Дакснеръ, Стефанъ М. 269, 292, 298.
Данилевскій 289, 291.
Даниловъ, Иванъ 239, 306.
Данте 439.
Дантесъ 226.
Деакъ 269.
Дейка, Янъ 190.
Деларю 18.
Дельвигъ, баронъ А. 191.
Дерванъ 181.
Дердовскій, Іеронимъ 108, 152—164, 169, 170, 172.
Державинъ 7, 76, 93, 96, 98, 104, 240, 241, 445.
Дерулэдъ, Поль 117.
Деспотовичъ 16.
Дибичъ, графъ И. И. 418.
Димитрій, даскалъ 444.
Димитровичъ, Спиро 16.
Дитрихъ, маркграфъ 182.
Длугошъ 169.
Дмитріевъ 69.
Доклеръ 18.
Долгорукова, Наталья 98.
Долежалъ 259.
Домбровскій 55.
Домгардтъ 131.
Достоевскій, Ѳ. М. 24, 31, 303, 304, 333.
Доша Іостъ 133.
Драгановъ, П. Д. 5.
Драгомировъ 521.
Драшковичъ, гр. Янко 420.
Дриновъ М. 528.
Дружбацкая, Эльжбета 241.
Дуля, Матвѣй 283.
Дурдикъ 22.
Дучичъ, Іованъ 16.
Дучманъ 196.
Дырда, Ярошъ (см. Дердовскій).

Екатерина II 29, 97, 130, 225.
Елагина 69.
Елачичъ 268, 422.
Елизавета, королева 258.
Енко, Л. М. 345.

Жаба, А. 6.
Жакель, Антонъ 18.
Жеромскій 106.
Живковичъ 5.
Жижка, Янъ 237.
Жинзифовъ 16, 463.
Жолкевскій 92, 99, 103.
Жуковскій, В. А. 8, 36, 51, 71, 90, 93, 105, 241.

Забой 241.
Завалишинъ 77.
Завиша 241.
Зай, графъ 272.
Зайцъ 16.
Закревскій, графъ 45.
Замойскій, графъ 94, 99.
Занъ, Томашъ 90.
Запольскій, Стефанъ 258.
Захаралиятъ Наста 528, 529.
Здарадъ 241.
Здѣховскій, Маріанъ 22, 23.
Зейеръ, Юлій 366.
Зейлеръ, Андрей 190, 191, 193—198, 206—208, 210.
Златовратскій 313, 314.
Змай, Іованъ Іовановичъ 3, 16, 366, 398, 399, 401, 436.
Зринскій 351.
Зупанчичъ, Оттонъ 344, 361, 396.
Зыгмунтовичъ 44, 90.

Ивашева 50.
Игнатьевъ, гр. Н. П. 521, 526, 534, 536.
Игорь 354, 380.
Иличъ Драгутинъ 16.
Имишъ 196.
Инзовъ 5.
Искра, Янъ изъ Брандиза 258.

Іенчъ 196, 199, 200.
Іоаннъ Георгъ I, курфирстъ 185.
Іоахимъ Фридрихъ 129.
Іорданъ 190, 193, 200.
Іосифъ II 266, 420.
Каблешковъ 457.
Казимиръ Великій 94, 101, 234.
Казимиръ, кн. Поморскій 123.

Калаль, Карлъ 280, 282.
Калина 111.
Калленбахъ 53.
Калькштейнъ 140.
Каменскій, графъ 416.
Каравеловъ, Любенъ 17, 450, 457, 483, 528.
Кара-Георгій 4, 5, 6, 416, 417.
Караджичъ, Вукъ 4, 5, 418.
Карасевъ 240.
Карловичъ 111.
Карлъ Великій 181.
Карновскій, Янъ 171—172.
Каталиничъ-Еретовъ 398, 430—432.
Катковъ 291.
Катуллъ 242.
Каховскій 51.
Качичъ 241.
Квапиль 22.
Кведрова, Зофка 344.
Кекеровъ 492, 493.
Келъ-Хасанъ паша 524.
Кеппенъ 138.
Кетте Драготинъ 18.
Киліанъ, Янъ 205.
Кириллъ, св. 186, 277, 540.
Кирѣевскій 49, 69, 71.
Клещинскій 140.
Клинъ 190, 194.
Клячко, Юліанъ 22.
Кметь, Андрей 277, 284.
Кнаутекъ 189.
Козловъ 19, 71.
Колларъ, Янъ 10, 108, 115, 118, 207, 222—244, 251, 258, 263, 264, 296, 302, 307, 314, 344—346, 421, 429.
Колодзейчикъ 169.
Коломанъ, король венгерскій 402, 419.
Колумбъ 162.
Кольцовъ 119, 306.
Коменскій, Амосъ 345.
Комлоши 277.
Конарскій 62.
Конопницкая 106.
Конрадъ Мазовецкій 126, 130.
Константиновъ, Алеко 17.
Коперникъ 101.
Копфъ 200.
Кордэ, Шарлотта 233.
Корниловичъ, 51.
Корсакъ 55.
Коссобудзкій 170.
Костюшко, Тадеушъ 55, 92, 225.
Косыкъ, Мато 108, 200.
Косцинскій 130.
Кохановскій 241.
Коцоръ 191, 198.
Кошелевъ 46.
Кошутъ 226, 268.
Крапчевъ, Юрданъ 553.
Краль, Янко 11.
Красинскій, гр. 22.
Красицкій 241.
Красногорская, Элиза 12.
Крашевскій 161, 197.
Крезъ 450.
Крешимировичи 402.
Кривцовъ 529, 532—537.
Криденеръ 524, 526.
Крижаничъ 227.
Крманъ, Даніилъ 259.
Кроа-фонъ, Анна 136.
Кроковскіе 132.
Крофей, Симонъ 135.
Кръстевъ 17.
Крыжановскій 58.
Крыловъ 19, 445.
Крынскій, А. 111.
Ксенофонтъ 137.
Кузмани, Карлъ 228, 258, 265, 267.
Кукучинъ (Бенцуръ) 303.
Кулаковскій, П. А. 5.
Кутликъ 280.
Кънчевъ 546.
Кюхельбекеръ 49, 50.

Лагарпъ 91.
Лазарь, царь сербскій 403, 404, 413, 428.
Ламанскій 265, 534.
Ламартинъ 528.
Левскій, Василій 448, 450, 451, 558.
Левстикъ 18.
Левъ XIII 277.
Ледницкій, Родолюбъ 18.
Лелевель 66.
Ленскій 11.
Леопольдъ, имп. 410.
Лермонтовъ 19, 490.
Лессингъ (лѣсникъ) 189, 206.
Лефевръ 111.
Лехъ 421.
Лешекъ Бѣлый 94, 126.
Липранди 5.
Лисинскій 422.
Лободзкій 140.
Локетекъ 127.
Ломницкій 241.
Ломоносовъ 241, 262, 411, 445.
Лоренцъ 114, 135, 163, 167, 170.
Лукашевичъ 3, 407.
Лунинъ 45, 63.
Лэнговскій, 163.
Любенскій, Андрей 190.
Люблинскій 53.
Любовецкая 153.
Людовикъ Благочестивый 181.
Людовикъ Нѣмецкій 181.
Люмиръ 241.
Лютеръ 110, 135, 186, 366.

Магарашевичъ, Юрій 6.
Магометъ 359.
Мажураничъ 407.
Мазепа 102.
Майковскій, Александръ 108, 164—173, 568.
Маккіавели 71.
Маковицкій, Д. П. 10, 289, 332—339.
Максимиліанъ, имп. 258.
Максимовичъ 65.
Макушевъ 87.
Малевскій 70.
Мальцевъ 69.
Малый, Яковъ 239.
Маретичъ, Томиславъ 16.
Марія Терезія 130.
Марковичъ, Фр. 29.
Марковичъ, Юлій 288.
Маро 10.
Масарикъ 252, 288, 289.
Матвѣевъ 99.
Матвѣй, король 258, 373.
Матвѣй Корвинъ 184.
Матвѣй Тренчанскій 256, 292.
Матейко 128.
Матецкій 141.
Матильда, принц. Саксонская 206.
Матушъ Чакъ 256.
Махаръ 336, 340, 366.
Медведъ 18.
Медвѣдевъ 19.
Менекратъ 71.
Менцингеръ 18.
Мень 190.
Мережковскій 31.
Мериме 5, 8.
Мечиславъ II 182.
Мешко Старый 123.
Мехъ 421.
Меѳодій, св. 253, 254, 277, 540.
Миклошичъ 111.
Миланъ, кн. сербскій 419, 470.
Милетичъ Свѣтозаръ 273.
Милибухъ 181.
Миличевичъ 22.
Милорадовичъ 3, 188.
Милошъ, кн. сербскій 5, 404, 413, 417, 418.
Милюковъ, П. Н. 546.
Минчо воевода 493.
Миробудъ 181.
Михаилъ, арх. сербскій 532.
Михаилъ Ѳедоровичъ 100.
Мицкевичъ, Адамъ 2, 5, 8, 9, 21—45, 51, 53—90, 104, 105, 157, 207, 223, 227, 229, 233, 236, 237, 264, 459.
Мицкевичъ, Владиславъ 53.
Мойзесъ, Стефанъ 270, 277, 295.
Моллеръ, Альбинъ 186.
Мосакъ-Клосопольскій 192.
Московъ 17.
Мостникъ, Михаилъ (Понтанъ) 133, 135, 135.
Мостникъ Ѳома 135.
Мохнацкій 63.
Мронговіусъ (Мронга) 137, 138, 139, 147.
Мстивой II 127, 159.
Мудронь 268, 286.
Мука 176, 196, 198.
Муравьевъ-Апостолъ, Матвѣй 64.
Муравьевъ-Апостолъ, Сергѣй 50, 58, 59, 64.
Муравьевъ, Никита 59, 64.
Муратъ, султанъ 403, 404.
Мухановъ 45.
Мушицкій 241.
Мщуги 142, 159.
Мѣхура, Леоп. 13.
Мѣрославскій 139, 155, 159.

Наджи, Антонъ 419.
Надеждинъ 45, 227.
Надморскій 163.
Наливайко 51, 64.
Наполеонъ I 55, 75, 76, 78, 91, 104, 111, 190, 408, 417, 445.
Наполеонъ III 73.
Некрасовъ 75, 281, 296, 306, 490.
Нелединскій-Мелецкій 191.
Ненадовичъ 5.
Неновъ 25.
Неруда 140.
Нидерле 114.
Никлотъ, кн. бодричей 124, 125.
Николаевъ, полковникъ 88.
Николай Николаевичъ, вел. кн. 521, 522.
Николай Павловичъ, имп. 6, 7, 37, 88, 236, 240, 267, 442.
Николай Черногорскій 16, 408, 409, 428.
Николовъ 542.
Нитшъ 170.
Новаковичъ, Стоянъ 16.
Новичъ, Н. (Бахтинъ Н. Н.) 309, 311.
Новка 203.
Новосильцевъ 32.
Нѣмцевичъ, Юліанъ 26, 44, 90—106.

Оболенскій, кн. 69.
Обретенова, Тонка 381—383.
Овидій 348.
Огаревъ 69.
Одавичъ 16.
Одоевскій, кн. А. И. 45, 50, 51.
Олешкевичъ 35, 37.
Олизаръ, графъ 5.
Оппманъ, Артуръ (Ор-отъ) 26, 27, 36.
Орловъ, М. Ѳ. 57.
Орсагъ, Павелъ (см. Гвѣздославъ)
Османъ-паша 297, 525.
Острожская, кн. Анна 94.

Оттонъ Великій 181.
Оттонъ, еп. Бамбергскій 117, 122.

Павелъ, апостолъ 540.
Павелъ I 46, 92.
Пазманъ 258, 260.
Паисій 451.
Палацкій 10, 223, 263.
Палковичъ Юрій, проф. 263, 265.
Палковичъ Юрій, канон. 260.
Палѣй 64.
Панкрацій 256.
Панкъ 203.
Пановъ, Олимпій 519.
Парви 277.
Парни 4.
Парчевскій, Альфонсъ 132, 133, 176, 197, 200, 201.
Паскевичъ, кн. 267, 423.
Паулини-Тотъ, В. 256, 269, 298.
Пашичъ 532.
Песталоцци 345.
Пестель 50, 52, 57—59, 63, 64.
Петефи (Петровичъ) 307.
Петрановичъ 6, 22.
Петрарка 348.
Петровичъ 22.
Петръ I, Великій 3, 16, 21, 30, 31, 34, 37, 38, 40, 41, 51, 102, 187, 350, 351, 407, 408, 445.
Петръ II Нѣгошъ 15, 406.
Пехъ 195, 198, 204.
Пинтарь 18.
Пирамовичъ, Григорій 345.
Писаревичъ 16.
Плавильщиковъ 49.
Платонъ 346, 371, 372.
Плиній 346.
Поблоцкій, Густавъ 111, 148, 149, 162, 163, 170, 171.
Побѣдоносцевъ 534.
Подъяворинская, Людм. 12.
Погодинъ 54, 69, 71, 72, 77, 88, 89, 227, 242, 243.
Подгурскій 525.
Пожалостинъ 302.
Полевой 69, 70.
Полонскій 19.
Поль, Викентій 147.
Понтанъ см. Мостникъ.
Понятовскій, кн. 55. 93.
Попель 226.
Поповъ 65, 88.
Поспишиль 298.
Потоцкая, Марія 13.
Потоцкій, Стефанъ 92, 98, 103.
Пребыславъ, кн. бодричей 124.
Прейсъ 138, 144, 147.
Прерадовичъ 422.
Пржемыславъ II 127.
Прибина 253.
Прилавъ, кн. бодричей 124.
Пріятель, Иванъ 18.
Прокоповичъ, Ѳеофанъ 411.
Прусъ, Болеславъ 105, 336.
Пуркине 141, 192.
Пушкинъ, А. С. 1—42, 51, 69, 71, 76, 77, 86, 93, 103, 105, 148, 223, 226, 228, 264, 306, 394, 395, 483, 487, 490.
Пушкинъ, В. Л. 4.
Пфлегръ-Моравскій 13.
Пфуль 196.
Пястъ 93, 94.

Радзивиллы 91.
Радисербъ-Вегля 196.
Радичъ, Анте 16.
Радовичъ, Душанъ 16.
Раичъ 69.
Рамултъ, Стефанъ 112, 114, 133, 137, 162, 163.
Растопчина, гр. Е. П. 47.
Растопчинъ, гр. 241.
Ратиборъ, кн. поморскій 126.
Рафаэль 80, 310.
Раячичъ 422.
Реймонтъ 106, 313, 314.
Реслеръ 206.
Реттель, Леонардъ 44.
Ретъ, Георгій 136.
Решетка, Михаилъ 260.
Ризнеръ 11.
Ризничъ 5.
Римавскій Янко. См. Францисци.
Риттихъ 144.
Рихтеръ 69.
Рогальскій А. 6, 21.
Роде, Іаковъ 135.
Рожалинъ 69.
Розенъ баронъ 18.
Роля 196.
Росбергъ 70.
Россель, лордъ 458.
Ростокъ 196.
Ротшильдъ 450.
Роха 202.
Руднай 260.
Румянцевъ, гр. Н. П. 138, 147.
Руссо 151, 345.
Рылѣевъ 26, 43, 44—51, 64, 65, 67, 68, 90—106.
Рыхтарь 196.
Рѣпинъ 13, 335.

Саблеръ 534.
Савва св. 402.
Савельевъ Иванъ. См. Цанкаръ.
Саксонъ, грамматикъ 116.
Сальва, Карлъ 280.
Самаринъ 196.
Самборъ 142
Само 122, 181.

Сасинекъ 253, 255.
Свѣтликъ, Юрій 188.
Святополкъ, кн. велико-моравскій 253, 254, 268, 292.
Святополкъ, кн. гданскій 127, 142, 159, 168.
Святославъ 354, 380.
Севергинъ 62, 64.
Селимъ, III, 414, 417.
Селль, Коломанъ 280.
Сенкевичъ, Генрихъ 303, 336.
Сечени, графъ Стефанъ 272, 275.
Сигизмундъ III Ваза 129.
Сигизмундъ Старый 101, 128, 129.
Синапіусъ. См. Горчичка.
Скобелевъ 521, 526, 562.
Славейковъ 17, 445, 483, 527.
Славянскій, Д. 529, 532, 534—536.
Сладковичъ, Андрей (Бриксаторисъ) 2, 11, 262, 307.
Словацкій, Ю. 21.
Сломшекъ, Антонъ Мартинъ 345.
Слотта 269.
Солтыкъ 22.
Смирнова, А. О. 59, 86, 87.
Смолеръ, Янъ Эрнестъ 180, 190—196, 198, 204.
Смолеръ, Маркъ 194, 198, 202, 204.
Смотрицкій, Мелетій 411.
Собанскій, гр. 5.
Соболевскій 69, 70.
Собѣскій, Янъ 87, 94, 102, 159, 172, 351.
Сова 289.
Соловьевъ, Вл. С. 106.
Спасовичъ 22, 31, 40.
Спиридовъ 414.
Срезневскій 187, 188, 228.
Стамбуловъ 472, 519.
Станиславъ-Августъ 92.
Станиславъ Костка 160.
Станиславъ, св. 225.
Старчевичъ, Анте 401.
Стефанъ, св. 254, 266.
Стефанъ Душанъ 402, 403, 428, 547.
Стефанъ, герцогъ 404.
Стодола, Эмиль 281.
Стоиловъ 478.
Страховъ 23.
Стурми, св. 116.
Субиславъ, кн. Поморскій 142, 159.
Суворовъ 225, 445.
Суворовъ, Максимъ 411.
Сулейманъ-паша 525.
Сусанинъ, Иванъ 51, 98, 100, 104.
Сэндзицкій 170.

Танъ 35.
Тарго 277.
Тарновскій, гр. Ст. 22.
Тассо 439.
Тацитъ 348.
Теодоровъ 22, 471, 483.
Терновецъ-Ламурскій 18.
Тешнаръ, 200, 201.
Тисса, Коломанъ 270, 273, 283.
Титмаръ 121, 123.
Титовъ 69.
Тицинъ Яковъ 188.
Тишинскій (Яковъ Бартъ) 182, 192, 197, 198, 204, 206—220.
Толстой, гр. А. 19.
Толстой, гр. Л. Н. 117, 289, 303, 314, 332—339, 345, 362, 369, 393.
Товянскій 54.
Томашевскій 69.
Томаши, Николай 260.
Томашикъ 252.
Томекъ 289.
Томичекъ, Янъ Славомиръ 7.
Трановскій, Юрій 258.
Третякъ 22, 38, 39.
Трифоновъ 17.
Трнскій, Иванъ 16.
Трубаръ, Приможъ 366, 367.
Трубецкой, кн. С. П. 52, 59.
Туманскій 67.
Тургеневъ, И. С. 302, 303, 305, 333, 486.
Тургеневъ, Николай 68.
Турсо, графъ 257.
Тюменъ 88.
Тютчевъ 54, 65, 148, 149, 253, 488.

Уварова, гр. 63.
Уваровъ, гр. С. С. 45.
Углеша 404.
Умановъ-Каплуновскій 471.
Урбанъ 208.
Урсынъ-Нѣмцевичъ. См. Нѣмцевичъ.
Успенскій, Глѣбъ 313.
Успенскій Порфирій 85.

Фабриціусъ, Богумилъ 189.
Фальконетъ 37.
Фандли, Юрій 260, 261.
Федръ 200.
Фердинандъ Габсбургъ 366.
Фердинандъ, кн. Кобургскій 472.
Фетъ 310, 488.
Фидлеръ 194, 196, 198.
Филимоновъ 19.
Филипповичъ 417.
Филиппъ III 541.
Флоринскій 114, 571.
Фонъ-Визинъ 51, 52, 53.
Фохтъ 151.
Франгя, А. 527.
Франкопанъ 351.
Францевъ, В. А. 138.
Францъ, имп. 236.
Францъ-Іосифъ, имп. 247, 267, 423.
Френцель. См. Бранцель.
Фридрихъ Барбаросса 123.

Фридрихъ-Вильгельмъ, вел. курф. 129.
Фридрихъ-Вильгельмъ I 185.
Фридрихъ II 130, 131.

Халупка 258.
Хмѣлевскій 53, 90.
Хмѣльницкій 51, 64, 362.
Ходкевичъ Карлъ 94.
Хомяковъ, А. С. 19, 26, 43, 45—53, 59—89, 105, 196, 222—224, 228, 229—240, 242, 264, 445, 482, 485. 490, 562.
Хржановскій 170.
Христовъ, Кириллъ 483, 561.
Худобскій 278.

Цанкаръ, Иванъ 344, 361.
Цанковъ, Драганъ 520, 531, 533, 535.
Цваръ 200.
Цвиjичъ 547.
Цезарь 525.
Цейнова 15, 108, 112, 139—152, 160, 162, 163, 170, 171.
Цицеронъ 348, 540.
Цокки, Арнольдъ 562.
Цѣнинъ 525, 526.
Цувай 427.
Цукато, графъ 416.
Цыгановъ 191.

Чадаевъ 37.
Чакъ, Матушъ 256.
Чарторыскій, кн. Адамъ 138.
Чарыковъ 428.
Чекальскій, Евстахій 337.
Челяковскій 7, 141, 227.
Чемиславъ 181.
Черкасскій, кн. 460, 519, 527.
Черноевичъ, Арсеній 410.
Черный Адольфъ 176, 197, 212, 217, 218.
Чернявскій 90.
Черняевъ 458.
Чертковъ 336.
Чехъ, Святополкъ 366, 421.
Чинтуловъ 17.
Чюмина 276.

Шафарикъ 223, 251, 252, 258.
Шаховскій, кн. А. А. 49.
Шварценбергъ, кн. 268.
Швеля (старшій) 203.
Швеля 198, 199, 202.
Шевченко, Е. С. 229.
Шевыревъ 69, 70.
Шекспиръ 443.
Шерахъ 190.
Шильднеръ-Шульднеръ 526.
Шимонъ, Юрій 189.
Шиндлеръ 200.
Шишковъ 138, 418.
Шкарванъ 289.
Шкультети, Іосифъ 262, 267, 284, 294, 332.
Шмидтъ, Вильгельмина 224.
Шробаръ, Вавро 288, 289, 292.
Штемпель 200.
Штефановичъ 269.
Штроссмайеръ 423.
Штуръ, Людевитъ 192, 252, 258, 262—268, 283, 296, 304, 309, 312.

Щепкинъ, М. С. 71.

Эбба 116.
Эмерикъ 254.
Эстрейхеръ, Карлъ 6.
Эсфирь 234.

Ювеналъ 348.
Юговичи 403.
Юнгъ 12.
Юрданъ, даскалъ 444, 445.
Юрдановъ 17.
Юрій Подѣбрадскій 184.
Юрчичъ 18.
Юрьевъ, С. А. 62.

Яблоновскій. кн. 63.
Ягелло 99, 159.
Ядвига 225.
Якововъ, Велизарій 521.
Якубица, Николай 186, 190.
Якубъ 196.
Янко 190.
Яновичъ 169, 170.
Янъ Казимиръ 130.
Янъ III, 166.
Яцекъ, князь 123.

Ѳадѣевъ, Р. А. 458.
Ѳеофилактъ 115.
Ѳеофрастъ 137.
Ѳома Кемпійскій 346.

6. Списокъ помѣщенныхъ въ книгѣ стихотвореній.

СТРАН.

Ашкерцъ Антонъ:

1. Геліополь 371
2. Страничка изъ лѣтописи Юрьевскаго монастыря 347
3. Полетъ 357
4. Старая правда 373
5. Изъ „Рапсодій болгарскаго гусляра“:
 Бой при Петричѣ 376
 Батакъ 353
 Теохана Чистеменская 377
 Бай Станчо 352
 Бай Вулё 378
 Гайдуково видѣніе 379
 Тонка Обретенова 381
6. Занимательный случай. 383
7. Самаркандскій кади 384
8. Великій моголъ 386
9. Амбапали 389
10. Гайдукъ 391
11. Бой при Мукденѣ 392
12. Русская деревня. 393
13. Памятникъ юношѣ Пушкину 394
14. Русскій языкъ 362

Бартъ-Тишинскій Яковъ:

15. Сербская кручина 182
16. На смерть Смолера 192
17. Опора сербовъ 206
18. Призывъ къ чехамъ 207
19. Сербскій лѣсъ. 209
20. О самомъ себѣ 209
21. Спаси, о Боже, Сербію мою 210
22. Иди, о пѣсня, по родному краю 211

СТРАН.

23. Когда липы цвѣтутъ, когда солнце высоко 211
24. Мнѣ нѣту дерева милѣе ели 212
25. Пусть воробьи сберутся у дороги 213
26. И сербамъ солнце свѣтитъ 214
27. Конецъ терпѣнію! . 214
28. Нѣмецкое!—такъ лучше быть не можетъ 217

Будзышъ Вось:

29. Цейнова . 171
30. Помощь изъ Варшавы 172

Вазовъ Иванъ:

31. Поэма . 439
32. Столѣтіе Пушкина . 17

Врхлицкій Ярославъ:

33. Пушкинъ у моря . 13

Гвѣздославъ (Павелъ Орсагъ):

34. Смерть чайки. Изъ поэмы „Жена лѣсника 327
35. Я—голосъ вопіющаго въ пустынѣ, пер. Пр. Б. 308
36. Весна, въ пер. Н. Новича 310

Гурбанъ-Ваянскій Свѣтозаръ:

37. Татры . 251
38. Молитва . 295
39. Драконъ . 299
40. Словацкія дѣти въ пер. О. Н. Чюминой 276
41. Предисловіе къ книгѣ „Z pod jarma“ 300
42. Довольно . 317
43. Словаки . 245
44. Передъ памятникомъ Пушкина 12

Дердовскій Іеронимъ:

45. Кашубская колыбельная пѣсня. 158
46. Кашубскій гимнъ . 159
47. Предисловіе къ поэмѣ „Кашубъ подъ Вѣной“ 162

Змай Іованъ Іовановичъ:

48. Дѣдъ и внукъ . 399
49. Можетъ ли солнце сіять 436

СТРАН.

Зупанчичъ Оттонъ:

50. Разставаніе . 396

Колларъ Янъ:

51. Сонеты изъ поэмы „Дочь славы“:
Предъ аварскимъ ханомъ разъ предстали 116
Ни громкихъ титуловъ, ни яствъ обилья. 224
Откройте настежь двери золотыя, пер. Е. С. Шевченко. 228
Славяне, братья милые славяне, пер. Н. В. Берга 234
Отчизна. 237
На вольныхъ просторахъ славянскаго рая (о Державинѣ). 240
Славянскіе поэты . 241
Москва, въ пер. Н. В. Берга 241
Чрезъ сотню лѣтъ, о братья, что-то будетъ, въ пер. Бенедиктова . 243

Косыкъ Мато:

52. Тоска . 200

Майковскій Александръ:

53. Прологъ къ поэмѣ: „Какъ въ Косцежнѣ выбрали костельнаго служку“ . 164
54. Предисловіе къ „Пѣснямъ и Франтувкамъ“ 165
55. Кашубско-поморскій языкъ 166
56. Надпись къ колоннѣ Бисмарка 166

Махаръ І. С.:

57. Въ Галиціи . 340

Мицкевичъ Адамъ:

58. Отрывокъ изъ „Дзядовъ“ о Пушкинѣ 21

Ор—отъ (Оппманъ Артуръ):

59. Вы помните-ль меня? . 27

Сладковичъ Андрей (Браксаторисъ):

60. Духу Пушкина, въ пер. Н. В. Берга 11

Солтыкъ-Романскій Юліанъ:

61. Памяти Пушкина . 584

Штуръ Людевитъ:

62. Элегія на смерть Пушкина 9

Прозаическія произведенія:

СТРАН.

Вазовъ Иванъ:

1. Бѣлимелецъ . 491
2. Первые дни болгарской свободы 519
3. Маршъ въ опалѣ . 529

Гурбанъ-Ваянскій Свѣтозаръ:

4. Три сигары . 317

Каталиничъ-Еретовъ Рикардо:

5. На далматинскомъ приморьѣ. Разсказы изъ книги „Снѣжинокъ“ . 430

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Предисловіе .

I. **Пушкинъ и славяне** 1—24

II. **Русь и Польша** 25—106

1. „Вы помните-ль меня?“ Стих. Ор-Ота на картину Мясоѣдова: „Мицкевичъ въ салонѣ кн. З. Волконской въ Москвѣ въ 1826 г. 27
2. „Мѣдный Всадникъ“ и „Дзяды“ 29
3. Мицкевичъ, Хомяковъ и декабристы 43
4. Рылѣевъ и Нѣмцевичъ 90

III. **Кашубы и лужичане** 107—220

1. Кашубы и ихъ литература 109
2. Самый маленькій славянскій народъ и его поэзія . . . 174

IV. **Чехи и словаки** 220—340

1. Колларъ и Хомяковъ 223
2. „Словаки“, стих. Свѣтозара Гурбана-Ваянскаго 245
3. У словаковъ 247
4. Ваянскій и Гвѣздославъ. Литературная характеристика 295
5. Изъ словацкой литературы: 1. Стих. „Довольно“ и разсказъ „Три сигары“ Св. Гурбана-Ваянскаго; 2. Смерть Чайки. Изъ поэмы „Жена лѣсника“ Гвѣздослава . . . 317
6. Другъ Толстого 332
7. „Въ Галиціи“. Стих. Махара 340

V. **Словенцы** . 341—396

1. Антонъ Ашкерцъ. Литературная характеристика . . . 343
2. Стихотворенія Антона Ашкерца 371
3. Изъ Зупанчича: „Разставаніе“, стихотвореніе 396

VI. **Сербо-хорваты** 397—436

1. Дѣдъ и внукъ, стих. Змая Іована Іовановича 399
2. Сербо-хорваты. Очеркъ 400
3. На далматинскомъ приморьѣ. Изъ книги „Снѣжинокъ“ Р. Каталинича-Еретова 430
4. Изъ Змая Іована Іовановича 436

СТРАН.

VII. **Болгары** . 437—563
1. „Поэма“. Стих. Ив. Вазова 439
2. Иванъ Вазовъ. Историко-литературный очеркъ 441
3. Изъ разсказовъ Вазова: 1. Бѣлимелецъ; 2. Первые дни болгарской свободы; 3. Маршъ въ опалѣ 491
4. Черезъ Македонію и Болгарію. Изъ путевыхъ замѣтокъ 538

VIII. **Приложенія** . 565—605
1. О славянской азбукѣ 567
2. О славянской грамматикѣ 570
3. Главнѣйшія изъ инославянскихъ словъ, встрѣчающихся въ книгѣ . 574
4. Библіографія. 584
5. Указатель личныхъ именъ 594
6. Списокъ помѣщенныхъ въ книгѣ славянскихъ стихотвореній . 602

Работы А. Сиротинина:

1) *Кн. А. И. Одоевскій.* (Истор. Вѣст. 1883 г. № 5).

2) *К. Ѳ. Рылѣевъ*, біограф. очеркъ (Русск. Архивъ, 1890, № 6).

3) *Очерки по исторіи русскаго театра:* 1) очеркъ развитія русск. сценическаго искусства (Артистъ, 1891, № 10, 12 и 1893 г. № 26); 2) Т. М. Троепольская, біогр. оч. (Русск. Арх. 1887 г., кн. II); 3) Патріархъ русскихъ актеровъ, И. А. Дмитревскій (Артистъ 1890 г., № 9 и 11); 4) П. А. Плавильщиковъ, актеръ и писатель прошлаго вѣка (Истор. Вѣст. 1891 г.); 5) Я. Е. Шушеринъ, біогр. оч. (Рус. Арх. 1890 г. № 5); 6) А. С. Яковлевъ, біогр. оч. (Русск. Арх. 1889 г. № 7); Е. С. Семенова, біогр. оч. (Истор. Вѣстникъ 1886 г. № 9); 8) Сандуновы (Ист. Вѣст. 1889 г. № 9); 9) Новыя свѣдѣнія о Сандуновыхъ (Ист. Вѣст. 1890 г. № 3); 10) Артистическая семья Рыкаловыхъ (Русск. Арх. 1887 г. № 7).

4) *Стихотворенія Ѳеокрита.* Переводъ съ греческаго. СПБ. 1890 г.

5) *Форміонъ*, ком. П. Теренція Афра, переводъ въ стихахъ съ латинскаго. (Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія 1900 г. кн. 4, 5, 6).

6) *Народная школа у словаковъ.* СПБ. 1903. Цѣна 20 к.

7) *Разсказы Вазова.* Переводъ съ болгарскаго. СПБ. 1904.

8) *Бесѣды о русской словесности.* 3-ье изд. СПБ. 1913. Цѣна 1 р.

9) *Какъ научиться по чешски?* Варшава. 1913. Цѣна 95 к.

ОПЕЧАТКИ.

На стр. 94 и 102, вмѣсто: *Собѣсскіе*, надо: *Собѣскіе*.

На стр. 177, вмѣсто: *prehhwata*, надо: *prekhwata*.

На стр. 249, строчка 8-я, вмѣсто: *надъ*, надо *подъ*.

На стр. 249, строчка 9-я, вмѣсто: *она*, надо *дорожка*.

34205

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

Бесѣды о русской словесности. 3-е изд. СПБ. 1913. Цѣна 1 р.

Какъ научиться по-чешски? Варшава 1910 г. Цѣна 95 к.

Стихотворенія Өеокрита. СПБ. 1890 г. (Распродано).

Народная школа у словаковъ. СПБ. 1903. Цѣна 20 к.

Разсказы Вазова. Спб. 1904 г. (Распродано).

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Съ родныхъ полей. Сборникъ стихотвореній.

Цѣна 2 р. 95 к.

Изданіе помѣщается въ Книжномъ Складѣ М. М. Стасюлевича.

Спб., Вас. остр., 5 лин., собств. д. № 28.

Полный каталогъ Склада высылается по полученіи 4-коп. марки, а спеціальный дѣтскій, со сводомъ отзывовъ, одобреній и рекомендацій на каждую книгу, и дополнительные каталоги высылаются каждый по полученіи 2-коп. марки.

2011143316